

ДЖИДДУ
КРИШНАМУРТИ

ПРОБЛЕМЫ
ЖИЗНИ

От издателя

Своими книгами Джидду Кришнамурти помогает каждому человеку понимать самого себя, понимать жизнь и правильно, разумно подходить к разрешению основных её проблем, проблем человека, его конфликтов и отношений с другими людьми, с природой и обществом, помогает человеку обрести подлинную внутреннюю свободу.

Данное издание включает первую и вторую части произведения, опубликованного в 3 частях в Англии в 1956-1961 гг. Книга третья и «Дневник Кришнамурти» (1973, 1975) составляют содержание следующего тома.

Джидду Кришнамурти. Проблемы жизни

Джидду Кришнамурти
Проблемы жизни

ТРИ ДОБРОДЕТЕЛЬНЫХ ЭГОИСТА

Недавно пришли ко мне три добродетельных эгоиста. Первый из них был саньяси — человек, который отказался от мира; второй был востоковед, глубоко верующий в братство; третий — убежденный последователь одной удивительной утопии. Каждый из них энергично действовал по своей линии и смотрел свысока на установки и деятельность других; каждый находил источник силы в своей собственной убежденности. Все они были горячо преданы своей особенной форме верования, и все как-то странно были безжалостны.

Они говорили мне, особенно последователь утопии, о своей готовности отказаться от всего или пожертвовать собой и своими друзьями во имя того, во что они верили. Они казались кроткими и добрыми, особенно человек, преданный братству, но в них было какое-то жестокосердие и та особая нетерпимость, которая свойственна тем, кто чувствует свое превосходство над другими. Они были избранными, толкователями; они знали и были уверены.

Во время беседы саньяси сказал, что готовит себя к следующей жизни. Настоящая жизнь, по его словам, может дать ему очень мало, так как он познал все иллюзии мирской жизни и отказался от мирских путей. Он добавил, что у него есть неизжитые личные слабости и некоторые трудности в сосредоточении, но в своей будущей жизни он осуществит идеал, который поставил перед собой.

Все его интересы и устремления основывались на убеждении, что он должен стать чем-то в своей следующей жизни. Мы говорили довольно подробно, и все время его упор был на завтрашнем дне, на будущем. «Прошлое существует, — говорил он, — но всегда в отношении к будущему; настоящее — это только переход к будущему, а сегодняшний день представляет ценность лишь в связи с тем, что будет завтра. Если бы не было завтрашнего дня, для чего же тогда делать усилия? Можно было бы просто вести растительную жизнь или уподобиться жвачному животному».

Жизнь, по его словам, это непрерывное движение от прошлого через миг настоящего к будущему. «Мы должны использовать настоящее, — сказал он, — чтобы стать в будущем мудрыми, сильными, исполненными сострадания. И настоящее, и будущее преходящи, но плоды пожинает завтрашний день». Он настаивал на том, что сегодняшний день — это только переходная ступень, и что мы не должны слишком беспокоиться о нем и как-то особенно принимать его. Мы должны твердо держать перед собой идеал завтрашнего дня и делать путь к нему успешным. В общем, настоящее вызывало у него раздражение.

Человек братства был более образован, а его манера говорить была более поэтичной; он искусно выбирал слова, обладая даром убеждения, и был весьма учтив. Он также уготовил для себя божественную нишу в будущем. Он тоже должен был стать чем-то. Идея эта наполняла его сердце, и во имя будущего он собрал учеников. «Смерть, — сказал он, — прекрасная вещь, так как она приближает человека к той божественной нише, которая делает для него возможным жить в этом скорбном и уродливом мире».

Он целиком стоял за то, чтобы изменить и облагородить мир, и ревностно работал во имя братства людей. Он считал, что честолюбие, с сопутствующими ему жестокостью и моральным разложением, неизбежно в мире, где должны делаться дела; поэтому, если бы вы захотели осуществить некоторые организационные мероприятия, вам пришлось бы в какой-то степени испытать оборотную сторону вещей. Работа для блага людей имеет важное значение, так как она помогает человечеству; тот, кто противится ей, должен быть отстранен — не грубо, конечно. Организация, созданная во имя этой работы, имеет величайшее значение, и ей нельзя ставить препоны. «У других свой путь, — сказал он, — но наш путь является основным; всякий, кто

мешает делу, тот не наш».

Сторонник утопии представлял странную смесь идеалиста и человека практичного. Библия его была не старая, а новая. Он принимал новое без всяких оговорок. Он знал, к чему придет будущее, так как новая библия предсказывала, каково должно быть это будущее. Его план состоял в том, чтобы сначала произвести хаос, потом заново все организовать и осуществить свою цель до конца, «Настоящее, — сказал он, — извращено, его надо уничтожить, а после его разрушения должно быть построено новое. Настоящее необходимо принести в жертву во имя будущего. Наиболее важное значение имеет будущий человек, а не человек сегодняшнего дня».

«Мы знаем, как создать этого будущего человека, — сказал он, — мы можем сформировать его ум и сердце, но мы должны получить Власть, чтобы сделать что-либо полезное. Мы готовы пожертвовать собой и другими, чтобы создать новое государство. Всякого, кто стоит на пути, мы уничтожим, так как средства не имеют существенного значения; цель оправдывает средства».

Ради окончательного мира можно применить любую форму насилия; ради окончательной свободы индивидуума тирания в настоящем неизбежна. «Когда мы будем иметь власть в своих руках, — провозгласил он, — мы применим любые формы принуждения, чтобы создать новый мир без классовых различий, без духовенства. Мы никогда не отойдем от нашего основного тезиса; мы твердо стоим на этом, но наши стратегия и тактика будут меняться в зависимости от меняющихся условий. Мы планируем, организуем и действуем для того, чтобы уничтожить теперешнего человека ради человека будущего».

Саньяси, человек братства и последователь утопии — все они живут ради завтрашнего дня, ради будущего. Они не честолюбивы в обычном смысле, они не домогаются высоких почестей, богатства или признания; но они честолюбивы в более тонком смысле. Утопист отождествил себя с группой людей, которые, по его мнению, получают власть, чтобы пересоздать мир. Человек братства жаждет быть возвеличенным, а саньяси стремится к своей цели. Все они снедаемы собственным становлением, собственными достижениями и расширением своей личности. Они не видят, что это желание отвергает мир, братство и высшее счастье.

Любая форма проявления честолюбия, будет ли она ради группы, ради индивидуального спасения или ради духовного достижения, — это действие, отложенное на будущее; желание есть всегда желание будущего. Желание становления — это бездействие в настоящем. Теперь имеет большее значение, чем завтра. В данном миге заключено все время; понять миг — значит быть свободным от времени. Становление есть продление времени, продление скорби. Становление не содержит бытия. Бытие всегда в настоящем, и бытие есть высочайшая форма преобразования. Становление — это всего лишь модифицированная непрерывность, продолжение, а радикальная трансформация существует лишь в настоящем, в бытии.

ОТОЖДЕСТВЛЕНИЕ

Почему вы отождествляете себя с другими, с группой, с государством? Почему вы называете себя христианином, индусом, буддистом или почему вы принадлежите к одной из бесчисленных сект? Мы отождествляем себя с той или иной группой, религиозной или политической, в силу традиции или по привычке, или вследствие внезапного побуждения, предрассудков, вследствие подражания или лени. Подобное отождествление ставит предел творческому пониманию; тогда человек становится просто игрушкой в руках руководителя партии, священнослужителя или излюбленного лидера.

Не так давно некто заявил, что он — последователь Кришнамурти, а вот такой-то принадлежит к другой группе. Говоря это, он совершенно не сознавал смысла такого отождествления. Он отнюдь не был глупым человеком; он был хорошо начитан, образован и все прочее. Он не был сентиментален и не руководствовался эмоциями при решении данного вопроса — напротив, он обладал ясностью и здравым смыслом. Почему он стал последователем Кришнамурти? Раньше он следовал за другими, принадлежал к другим группам и организациям, и, наконец, он отождествил себя с данным лицом. Из того, что он говорил, было очевидно, что его искания окончены. Он твердо стоял на месте, и это было завершением всего. Он сделал выбор, ничто не могло его поколебать. Теперь он может удобно обосноваться и ревностно следовать всему, что уже было сказано во время бесед и о чем будет сказано в будущем.

Когда мы отождествляем себя с другим, является ли это показателем любви? Помогает ли отождествление исследованию? Разве это не конец и любви и исследованию? Отождествление — это, без сомнения, обладание, притязание на право собственности, но ведь собственность отрицает любовь, не правда ли? Владеть — значит быть уверенным; обладание — это защита, делающая тебя неуязвимым. В отождествлении заключено сопротивление, явное или едва заметное, но разве любовь — особая форма сопротивления с целью самозащиты? Существует ли любовь, если имеется защита?

Любовь уязвима, уступчива, текуча, восприимчива; это высочайшая форма чувствительности, сенситивности, а отождествление ведет к нечувствительности. Отождествление и любовь не могут идти вместе, так как одно из них уничтожает другое. Отождествление, по существу, есть процесс мысли, с помощью которого ум создает для себя защиту и возможность расширения; а, становясь чем-то, он должен сопротивляться и защищаться, он должен владеть и отбрасывать. В этом процессе становления ум, или «я», укрепляется и делается более способным; но это не любовь. Отождествление губит свободу; но только в состоянии свободы, возможно, это высшее проявление чувствительности, сенситивности.

Необходимо ли отождествление для исследования? Не ставит ли сам акт отождествления предел исследованию, раскрытию? Счастье, которое приносит истина, невозможно, если отсутствует опыт исследования, связанного с раскрытием себя. Отождествление препятствует исследованию, раскрытию; это лишь другая форма лени. Отождествление — суррогат переживания, и, следовательно, оно полностью ложно.

Для того чтобы исследовать, всякое отождествление должно прекратиться. При исследовании не должно быть никакого страха. Страх препятствует исследованию. Это страх заставляет прибегать к отождествлению — отождествлению с другим лицом, с группой, с идеологией и т.д. Страх должен оказывать сопротивление или подавлять; но находясь в состоянии самообороны, как можно плыть наудачу в море, не обозначенном на карте? Истина или счастье не могут прийти, если не предпринять путешествия по путям своего «я». Вы не

можете уплыть далеко, если вы на якоре. Отождествление — это убежище. Убежище нуждается в защите, а все то, что прибегает к защите, вскоре оказывается разрушенным. Отождествление влечет за собой собственное разрушение. Отсюда постоянная борьба между различными формами отождествления. Чем больше мы боремся за или против отождествления, тем больше мы оказываем сопротивление пониманию. Если осознать весь процесс отождествления, внешнего и внутреннего, если понять, что его внешнее выражение обусловлено внутренними требованиями, то создастся возможность для раскрытия и счастья. Тот, кто себя отождествил, никогда не может познать свободу, но только в ней одной приходит всякая истина.

ПУСТОСЛОВИЕ И БЕСПОКОЙСТВО

Как удивительно похожи друг на друга пустословие и беспокойство. И то, и другое — результат неугомонности ума. Неугомонный ум должен иметь постоянно меняющееся многообразие своих выражений и проявлений, он должен быть занятым; ему необходимо иметь все более сильные ощущения и разнообразные интересы. Как раз пустые разговоры и содержат все эти элементы.

Пустословие — подлинная противоположность глубине и серьезности. Говорить о ком-либо другом, в хорошем или дурном тоне, означает бежать от самого себя; бегство же от себя есть причина беспокойства. Бегство от себя по своей природе не имеет покоя. Заниматься делами других — вот что, по-видимому, заботит большинство людей. Это выражается в чтении бесчисленных журналов и газет с их столбцами сплетен, описаний убийств, разводов и прочее.

Насколько нас затрагивает то, что думают о нас другие, на столько же мы озабочены тем, чтобы узнать все о них; а отсюда возникают грубые и тонкие формы снобизма и преклонения перед авторитетом. Так мы становимся все более и более поверхностными, а внутренне — пустыми. Чем больше нас захватывают внешние обстоятельства, тем больше нам требуется ощущений и сильных возбуждающих, а это приводит к тому, что ум никогда не бывает спокойным и способным к глубокому исследованию и открытию.

Пустые разговоры — проявление беспокойного ума. Но одно лишь пребывание в молчании не является показателем спокойного ума. Спокойствие не возникает в результате воздержания или отречения; оно приходит одновременно с пониманием того, что *есть*. Для понимания того, что *есть*, необходимо быстрое осознание, так как то, что *есть*, не статично.

Если бы у нас не было тревог, многие из нас не чувствовали бы, что они живут; борьба с проблемами — это для большинства из нас показатель, что мы живем. Мы не можем представить себе жизни без проблем; чем больше мы заняты проблемами, тем более живыми мы себя считаем. Постоянное напряжение, связанное с проблемами, которые создала наша мысль, лишь притупляет ум и делает его нечувствительным и усталым.

Почему существует эта постоянная озабоченность по поводу проблем? Помогает ли тревожное состояние разрешению проблемы? Не приходит ли ответ на проблему тогда, когда ум спокоен? Однако для большинства людей спокойный ум — это скорее страшная вещь; они боятся быть спокойными, бог знает, что они могут открыть в себе, а беспокойство — это род профилактики. Ум, который боится открытий, должен всегда обороняться, и его неугомонность — это защита.

Вследствие постоянного напряжения, в силу привычки и влияния различных обстоятельств сознающие слои ума приобрели возбужденный и беспокойный характер. Современные условия жизни способствуют этой поверхностной деятельности и возбуждению ума, что является другой формой самозащиты. Защита — это сопротивление, сопротивление же мешает пониманию.

Беспокойное состояние, подобно пустословию, имеет видимость интенсивности и серьезности. Но если присмотреться более внимательно, можно увидеть, что оно вызывается привлекательностью вещей, а не серьезным к ним отношением. Привлекательность всегда изменчива, а потому и объекты беспокойства и пустых разговоров всегда меняются. Изменение — это просто модифицированная непрерывность, вариант непрерывности. Пустословие и беспокойство могут прийти к концу лишь тогда, когда будет понят неугомонный характер ума. Одно воздержание, контроль или дисциплина принесут не спокойствие, но лишь тупость, делая ум невосприимчивым и ограниченным.

Любопытство — не путь к пониманию. Понимание приходит с познанием себя. Тот, кто

страдает, не любопытен; и простое любопытство, с его спекулятивными обертонами, является помехой в самопознании. Спекулятивные, умозрительные рассуждения, как и любопытство, — показатель беспокойного ума; а беспокойный ум, как бы ни был он одарен, губит понимание и счастье.

МЫСЛЬ И ЛЮБОВЬ

Мысль, имеющая эмоциональное и чувственное содержание, — не любовь. Мысль неизменно отрицает любовь. Мысль основана на памяти, а любовь — не память. Когда вы думаете о ком-нибудь, кого вы любите, эта мысль — не любовь. Вы можете вспоминать привычки вашего друга, его манеры, личные особенности, вы можете думать о приятных и неприятных случаях в ваших взаимоотношениях с ним, но образы, которые вызваны мыслью, — это не любовь. По своей природе мысль разделяет. Чувство времени и пространства, обособленности и скорби рождается в процессе мысли; и только когда мыслительный процесс прекратился, может появиться любовь.

Мысль неизбежно питает чувство собственности, то состояние обладания, которое сознательно или подсознательно порождает ревность. Там, где ревность, без сомнения, нет любви; и тем не менее, для большинства людей ревность считается признаком любви. Ревность — результат мысли; это ответ на эмоциональное содержание мысли. Когда чувство обладания или чувство, что тобой обладают, встречает преграду, возникает пустота, и ревность занимает место любви. Именно потому, что мысль играет роль любви, возникают все сложности и печали.

Если бы вы не думали о другом человеке, вы должны были бы сказать, что не любите этого человека. Ну а когда вы *думаете* о человеке, то это любовь? Если бы вы не думали о друге, которого вы, по вашему мнению, любите, вы пришли бы в ужас, не правда ли? Если бы вы не вспоминали о друге, который умер, вы бы сочли себя неверным, не любящим и т.д. Вы рассматривали бы такое состояние как равнодушие, бессердечие, поэтому вы начали бы о нем думать, достали бы его фотокарточки, портреты или создали с помощью воображения его образ. Но если таким способом наполнять сердце продуктами ума, то для любви не останется места. Когда вы находитесь вместе с другом, вы не думаете о нем; только в его отсутствие мысль начинает воссоздавать сцены и переживания, которые уже мертвы. Это оживление прошлого называется любовью. Так что для большинства из нас любовь — это смерть, отрицание жизни; мы живем прошлым, тем, что мертво, потому и сами мы мертвы, хотя и называем это любовью.

Процесс мысли постоянно отрицает любовь. Именно мысль имеет эмоциональные сложности, не любовь. Мысль — величайшая помеха для любви. Мысль создает разделение между тем, что *есть*, и тем, что *должно* быть, и на этом разделении основана и мораль; но ни мораль, ни ее противоположность не знают любви. Структура морали, созданная умом, чтобы совместно осуществлять контроль над общественными отношениями, — не любовь; это процесс отвердевания, подобный схватыванию цемента. Мысль не ведет к любви, мысль не культивирует любовь; ибо любовь не может быть культивируема, как растение в саду. Само желание культивировать любовь есть действие мысли.

Если вы вполне это осознаете, то увидите, какую важную роль в вашей жизни играет мысль. Мысль, очевидно, имеет свое место, но она никакого отношения не имеет к любви. То, что относится к мысли, может быть понято мыслью, но то, что не относится к мысли, не может быть схвачено умом. Вы спросите тогда, что же такое любовь? Любовь — это состояние бытия, в котором нет мысли; но само определение любви есть процесс мысли, и потому оно любовью не является.

Мы должны понять именно мысль, а не стараться поймать любовь с помощью мысли. Отрицание мысли не влечет за собой любви. Свобода от мысли существует только тогда, когда полностью понято все ее глубокое значение; для этого же необходимы не пустые, полные самомнения и поверхностные утверждения, но истинно глубокое понимание себя. Медитация, а не повторение, осознание, а не определение раскрывает пути мысли. Без постоянного осознания

и познания на опыте путей мысли любовь не возможна.

УЕДИНЕННОСТЬ И ОБОСОБЛЕННОСТЬ

Солнце зашло; деревья стали темными и приобрели причудливые очертания. Широкая мощная река была тиха и безмолвна. Луна только что показалась над горизонтом; она поднималась между двумя большими деревьями, но еще не давала тени.

Мы подошли к крутому берегу реки и направились по тропе вдоль зеленого поля, засеянного пшеницей. Это был очень древний путь; много тысяч людей прошли по этой тропе, и она была полна преданий и тишины. Она вилась среди полей и манговых рощ, тамариндовых деревьев и покинутых храмов. Встречались сады, из которых доносилось благоухание сладкого горошка. Птицы садились на ночь; в большом пруду появились отражения звезд. Природа не была общительна в этот вечер. Деревья стояли отчужденными, погруженными в свое безмолвие и темноту. Несколько поселян, громко разговаривая друг с другом, проехали мимо на велосипедах, и снова воцарилось глубокое молчание и тот мир, который приходит, когда все пребывает в уединении.

Это уединение — не мятущееся и полное страха одиночество, но уединенность бытия; оно нетленно, богато, полно. Вот это тамариндовое дерево: оно не имеет другого бытия, как быть наедине с собой. Таково и это уединение. Вы пребываете в уединении, подобно пламени, подобно цветку, но совершенно не сознаете его чистоту, его необъятность. Истинное общение возможно лишь тогда, когда существует уединенность. Бытие наедине с самим собой — это не следствие отречения, самоизоляции. Уединение — это очищение от всех побуждений, от всевозможных стремлений, желаний, от любых результатов. Уединение — не результат деятельности ума. Уединение — вне сферы вашего желания стать уединенным. Такое желание — просто бегство от страдания из-за неспособности к общению.

Одиночество, со своим страхом и болью, — это изоляция, неизбежное проявление «я». Этот процесс изоляции, обособления, обширный или ограниченный, постоянно несет смятение, конфликт и печаль. Обособленность никогда не может создать состояния уединения; одно должно уйти, чтобы дать место другому. Уединенность неделима, а обособленность — это разделение. То, что пребывает в уединении, обладает гибкостью, а потому устойчиво. Только пребывающий в уединении может иметь общение с тем, что не имеет причины, что вне измерения. Для того, кто пребывает в уединении, жизнь вечна; для него смерти не существует. Пребывающий в уединении никогда не перестает быть.

Луна только что показалась над верхушками деревьев; тени стали густыми и темными. Залаяла собака, когда мы проходили через небольшое селение, возвращаясь вдоль реки. Река была спокойна; в ней отражались звезды и огоньки от моста. На высоком берегу стояли дети и смеялись; где-то плакал младенец. Рыбаки чистили и складывали сети. Ночная птица бесшумно пролетела мимо. Кто-то запел песню на другом берегу широкой реки; слова песни звучали ясно и проникновенно. И снова — всеохватывающая уединенность жизни.

«Вы знаете, мне было сказано, что я — ученик такого-то учителя», — начал он. «Действительно ли это так? Мне хотелось бы знать ваше мнение по этому вопросу. Я принадлежу к известному вам обществу. Его внешние руководители, которые являются представителями внутренних руководителей, или учителей, сказали мне, что благодаря моей работе для общества я был принят в ученики. Мне было также сказано, что у меня есть шанс в этой жизни получить посвящение первой степени». Он принимал все это очень серьезно, и мы долго беседовали.

Награда в любой форме доставляет величайшее удовлетворение; и особенно это относится к духовному поощрению, когда человек в какой-то мере стал равнодушен к почестям мира. Но и в том случае, когда кто-либо недостаточно преуспевает в этом мире, для него, конечно, весьма заманчиво принадлежать к группе людей, специально отобранных кем-то, кого считают весьма продвинутой духовной сущностью, так как в этом случае человек становится членом группы, работающей во имя великой идеи; и вполне естественно ожидать награды за послушание и жертвы, принесенные ради общего дела. Если это и не будет наградой в обычном смысле слова, то будет признанием духовного продвижения; или, как бывает в хорошо поставленной организации, эффективная работа особо отмечается с целью стимулировать ее исполнителя на еще большие дела.

В мире, где успеху поклоняются, такого рода самопродвижение встречает понимание и поощрение. Но если кто-то другой говорит вам, что вы — ученик учителя, или вы сами так думаете, то это, несомненно, ведет ко многим отталкивающим формам эксплуатации. К несчастью, и эксплуатирующий, и эксплуатируемый в своих взаимоотношениях чувствуют себя на высоком уровне. Расширенное самоудовлетворение, которое при этом появляется, обычно рассматривается как духовное достижение. Оно становится особенно уродливым и отталкивающим, когда появляются посредники между учеником и учителем или когда учитель пребывает в другой стране или в каком-то отношении недостижим, и вы не находитесь в непосредственном физическом соприкосновении с ним. Недостижимость и отсутствие прямого контакта раскрывает двери для самообмана и для величественных, но ребяческих иллюзий. Эти иллюзии эксплуатируются ловкими дельцами, теми, кто стремится к славе и власти.

Награда и наказание существуют только тогда, когда нет смирения. Смирение не является конечным результатом духовных упражнений и отречений. Смирение — не достижение, не добродетель, которую будто бы надо культивировать. Добродетель, которую культивируют, — это уже не добродетель, а просто другая форма достижения, рекорд, который нужно установить. Культивируемая добродетель является не отрицанием личности, но негативным ее утверждением.

Смирение не знает деления на высшее и низшее, на учителя и ученика; пока существует деление на учителя и ученика, пока существует различие между реальностью и вами, до тех пор понимание невозможно. В понимании истины нет ни учителя, ни ученика, ни продвинутого, ни стоящего внизу. Истина — это понимание того, что *есть* в данный момент, от мгновения к мгновению, без груза или остатка от того мгновения, которое прошло.

Награда и наказание лишь усиливают «я», которое не признает смирения. Смирение — в настоящем, а не в будущем. Вы не можете *стать* смиренным. Само становление является продолжением чувства собственной значимости, которое таится в практике добродетели. Как сильна наша воля к успеху, к достижению! Но разве успех и смирение могут идти вместе? И все же именно к этому стремятся «духовные» эксплуатирующий и эксплуатируемый, и именно тут

заклучены конфликт и страдание.

«Не хотите ли вы сказать, что учителя не существует, и что мое ученичество — лишь иллюзия, воображаемая игра?» — спросил он.

— Существует учитель или нет — не так важно. Это важно для того, кто использует учителя в своих интересах, для тайных школ и обществ. Но для человека, ищущего истину, которая несет высшее счастье, без сомнения, этот вопрос совсем не относится к делу. Богач или кули имеют такое же значение, как учитель и ученик. Существуют ли учителя или нет, имеются ли различия у посвященных, учеников и т.п. — все это не существенно; а что важно, так это понять самого себя. Без понимания себя та мысль, которую, вы продумываете, не имеет основы. Без элементарного понимания себя как можете вы узнать, что является истинным? Без понимания себя неизбежна иллюзия. Получается совсем по детски, когда вам говорят, а вы соглашаетесь, что вы есть то или это. Остерегайтесь человека, который обещает вам награду в этой жизни или в следующей.

БОГАТЫЕ И БЕДНЫЕ

Было жарко и влажно; шум большого города наполнял воздух. С моря дул теплый ветер, а с ним доносился запах смолы и нефти. Когда солнце, уже совсем красное, садилось в дальние воды, было по-прежнему жарко. Большая группа людей, которая наполняла комнату, вскоре ушла, и мы вышли на улицу.

Попугаи, напоминающие ярко-зеленые вспышки света, возвращались домой на ночь. Рано утром они улетали на север, где были фруктовые сады, зеленые поля и широкие просторы, а вечером прилетали обратно, чтобы свести ночь на деревьях города. Их полет никогда не был спокойным; напротив, он всегда был стихийным, шумным, сверкающим. Они никогда не летели прямо, как другие птицы, но меняли направление то вправо, то влево, или неожиданно залетали на какое-нибудь дерево. Это были самые беспокойные птицы во время полета; но как они были красивы со своими красными клювами и золотисто-зеленым оперением; настоящая феерия света. Грифы, тяжелые и уродливые, совершали круги и усаживались на ночь на вершинах пальмовых деревьев.

Прошел человек, который играл на флейте; это был слуга. Он поднимался в гору, продолжая играть, и мы пошли за ним. Через некоторое время он свернул на одну из боковых улиц, не переставая играть. Было странно слышать игру на флейте в шумном городе, но ее звуки проникали глубоко в сердце. Это было прекрасно; некоторое время мы продолжали следовать за флейтистом, пересекли несколько переулков и подошли к более широкой и лучше освещенной улице. Поодаль, на краю тротуара, сидела группа людей, скрестив ноги; флейтист присоединился к ним. Мы тоже подошли; все сели вокруг, а он продолжал играть. Это были преимущественно шоферы, слуги, ночные сторожа, несколько детей и одна или две собаки. Мимо проходили автомобили; одним из них управлял шофер, в освещенной кабине сидела леди, прекрасно одетая и одинокая. Подъехала другая машина, из нее вышел водитель и сел рядом с нами. Все весело говорили и радовались, смеялись и жестикулировали, но песня флейты не прерывалась ни на минуту, и это было очаровательно.

Вскоре мы встали и направились по дороге к морю, проходя мимо ярко освещенных домов богачей. У богатых людей особая атмосфера, свойственная только им. Как бы ни были они культурны, сдержанны, старинного рода и хорошо воспитаны, у богатых людей есть непроницаемое и глубоко укоренившееся чувство отчужденности, та особая уверенность и жесткость, которую трудно поколебать. Не они владеют богатством, но богатство владеет ими, а это хуже, чем смерть. Их тщеславие проявляется в филантропии; они думают, что они опекуны своих богатств; они занимаются благотворительностью, делают пожертвования. Они — дельцы, строители, жертвователи. Они строят церкви, храмы, но их бог — это бог их золота. При огромной нищете и деградации надо быть весьма толстокожим, чтобы оставаться богатым. Некоторые из них приходят, чтобы задать вопрос, поспорить, найти реальность. И для богатого, и для бедного чрезвычайно трудно найти реальное. Бедные жаждут богатства и власти, а богатые уже попали в сеть своей собственной деятельности. И, тем не менее, они верят и чуть ли не дерзают. Они размышляют не только о рынках, но также о запредельном. Они ведут игру и с тем, и с другим, но преуспевают лишь там, где лежит их сердце. Их верования и обряды, их надежды и страхи не имеют никакого отношения к реальному, так как их сердца пусты. Чем богаче показная сторона, тем больше внутренняя бедность.

Отказаться от богатства, комфорта и положения сравнительно легко. Но для того, чтобы прекратилась жажда быть, становиться, требуется большая разумность и понимание. Власть, которую дает богатство, является помехой для понимания реальности, как и власть таланта и

способностей. Эта особая форма самоуверенности является, очевидно, проявлением личности; и хотя это трудно сделать, от такого рода самоуверенности и власти можно отказаться. Но что является гораздо более тонким и скрытым, так это власть и стремление, которые лежат в жажде становления. Экспансия «я» в любой форме, исходит ли она от богатства или от добродетели, — это процесс конфликта, ведущий к антагонизму и смятению. Ум, обремененный становлением, никогда не может быть спокойным, так как спокойствие — не результат практики или времени. Спокойствие ума — это состояние понимания. Процесс же становления отрицает это понимание. Становление создает чувство времени, которое, на самом деле, откладывает понимание на будущее. «Я буду» — это иллюзия, рожденная сознанием собственной значимости.

Море было беспокойно, как и город, но в его волнении были глубина и значительность. Вечерняя звезда показалась над горизонтом! Мы возвращались по улице, переполненной автобусами, автомобилями и людьми. На тротуаре лежал обнаженный человек, совершенно обессиленный от недоедания; очень трудно было привести его в сознание. Вблизи были видны зеленые лужайки и яркие цветы городского сада.

ОБРЯДЫ И ОБРАЩЕНИЕ

Окруженная широкой оградой, среди густых деревьев, стояла церковь. В нее входили люди, темнокожие и белые. Внутри церкви было больше света, чем в европейских храмах, но устройство было такое же. Шло богослужение, и в этом была красота. Когда служба окончилась, очень немногие из темнокожих заговорили с белыми, или наоборот, и мы все разошлись, каждый своим путем.

На другом континенте был храм, там звучали песнопения на санскрите, совершалась *пуджа*, индуистский обряд. Молящиеся принадлежали к иной культурной традиции. Тональность санскритских слов очень проникновенна и мощна; она имеет удивительную силу и глубину.

Вас можно обратить из одной веры в другую, из одной догмы в другую, но вас нельзя обратить к пониманию реального. Вера — не реальное. Вы можете изменить свой ум, свои убеждения, но истина или Бог — не убеждение, это переживание, не основанное на каком-либо веровании или догме или на каком-то прежнем опыте. Если у вас есть опыт, рожденный верой, то ваш опыт — обусловленный отклик этой веры. Если вы имеете какое-то переживание, возникшее неожиданно, спонтанно, и создаете на его основе следующее переживание, то это просто продление памяти, которое соответствует контакту с настоящим. Память всегда мертва, она оживает лишь при соприкосновении с живым настоящим.

Обращение — это переход от одной веры или догмы к другой, от одних обрядов к другим, доставляющим большее удовлетворение; но это не открывает двери к реальному. Напротив, чувство удовлетворения является препятствием для реального. И, тем не менее, именно к этому стремятся организованные религии и религиозные группы: обратить вас к более или менее разумной догме, суеверию или надежде. Они предлагают вам лучшую клетку. Она может оказаться удобной или нет, это зависит от ваших личных свойств, но во всех случаях это тюрьма.

В религии и в политике, на разных культурных уровнях, подобное обращение происходит непрерывно. Организации и их лидеры стремятся удержать людей в рамках идеологической модели, которую они предлагают, все равно, будет ли она религиозного или экономического характера. Это процесс взаимной эксплуатации. Истина — вне всяких образцов, страхов и надежд. Если вы хотите открыть высшее счастье истины, вы должны отойти от всяких обрядов и идеологических образцов.

Ум находит убежище и силу в религиозных и политических образцах, а как раз это и поддерживает жизненную силу организаций. Всегда существуют закоренелые приверженцы и вновь вступающие. Своими вложениями и имуществом они поддерживают жизнь организаций, а могущество и престиж организаций привлекают тех, кто преклоняется перед успехом и житейской мудростью.

Когда ум обнаруживает, что старые формы более не удовлетворяют и не жизнеспособны, он обращается к другим верованиям и догмам, которые в большей степени способны дать утешение и силу. Ум воссоздает и поддерживает себя с помощью чувств и отождествлений, он — продукт своего окружения. Вот почему ум держится за кодексы поведения, образчики мысли и т.п. До тех пор, пока ум является продуктом прошлого, он никогда не может раскрыть истину или предоставить истине проявить себя. Придерживаясь организаций, ум отказывается от искания истины.

Несомненно, ритуалы создают для участвующих в них такую атмосферу, в которой они чувствуют себя прекрасно. И коллективные, и индивидуальные обряды создают известный покой для ума, они являют живой контраст с повседневным однообразием жизни. Есть известная доля красоты и стройности в ритуалах, но в основе своей они играют роль

стимуляторов; и, подобно всяким стимуляторам, вскоре притупляют ум и сердце. Ритуалы входят в привычку; они становятся необходимостью, и без них уже не обойтись. Эта необходимость рассматривается как духовное обновление, как накопление сил для повседневной жизни, как еженедельная или ежедневная медитация и т.д. Но если более тщательно всмотреться в этот процесс, можно увидеть, что ритуалы — это пустое повторение, которое создает прекрасный и весьма уважаемый способ уйти от познания себя. Однако без познания себя действие имеет весьма малое значение.

Повторение песнопений, слов и фраз делает ум сонным, хотя на некоторое время оно и может явиться стимулирующим средством. В этом полусонном состоянии могут встретиться разные переживания, но это лишь проекция личности. Какое бы удовлетворение они ни доставляли, они иллюзорны. Переживание реальности не приходит через повторение слов или практику. Истина — не завершение, не результат, не цель. Ее нельзя призывать, так как она — не предмет ума.

Мы ожидали поезда, и было поздно. На платформе было грязно и шумно, воздух — едкий. Много людей ждали поезда, как и мы. Плакали дети; мать кормила грудью ребенка. Продавцы выкрикивали названия своих товаров, разносчики предлагали чай и кофе. Это было весьма суетливое и шумное место. Мы ходили взад и вперед по платформе, наблюдая собственные шаги и движение жизни вокруг. Подошел человек и стал говорить на ломаном английском языке. Он сказал, что уже некоторое время наблюдает за нами, что ему хотелось бы сказать нам что-то. С большим чувством он дал обещание вести в дальнейшем чистую жизнь и с этого момента никогда больше не курить. Он сказал, что не получил образования, так как был всего лишь мальчиком-рикшей. У него был выразительный взгляд и приятная улыбка.

Вскоре подошел поезд. В вагоне нам представился какой-то человек. Это был известный ученый, который знал много языков и мог свободно приводить цитаты на разных языках. Он был в годах, полон знаний, хорошо обеспечен и честлюбив. Он говорил о медитации, однако создавалось впечатление, что его слова не опираются на собственный опыт. Его богом были книги. Его отношение к жизни носило отпечаток традиции и приспособленчества; он верил в ранний, заблаговременно устроенный брак и в строгий уклад жизни. Он был полон сознания собственной касты или класса и настаивал на различии в интеллектуальных способностях разных каст. Он был как-то пуст, несмотря на свои знания и положение.

Солнце садилось; поезд проходил по чарующей местности. Стада возвращались домой, и пыль искрилась золотом. Над горизонтом нависли огромные темные тучи; были слышны отдаленные раскаты грома. Какую радость несут зеленые поля, и как красиво стоит это селение в складках извилистых гор! Спускалась тьма. Большой голубой олень пасся на полях; он даже не поднял головы, когда поезд прогрохотал мимо него.

Знание — это вспышка света между двумя состояниями тьмы; но знание не может подняться или выйти за пределы этой тьмы. Знание обязательно для техники, как уголь для паровой машины; но оно не может войти в область неведомого. Неведомое не может быть поймано в сеть известного. Знание должно отойти, чтобы проявилось неведомое; но как это трудно!

Наше бытие — в прошлом, наша мысль основана на прошлом. Прошлое — это то, что стало известным; ответ со стороны прошлого всегда окутывает настоящее, неизвестное, неведомое. Неизвестное — это не будущее, это — настоящее. Будущее — это лишь прошлое, которое пробивает себе путь через неизвестное, неведомое настоящее. Эту брешь, этот промежуток заполняет перемежающийся свет знания, который покрывает пустоту настоящего; но как раз в этой пустоте таится чудо жизни.

Склонность к знанию подобна всякой другой склонности; она дает возможность избавиться от страха пустоты, одиночества, крушения, страха быть ничем. Свет знания — это тонкий покров, под которым лежит тьма, куда ум не может проникнуть. Ум страшится неведомого, поэтому ищет убежища в знании, в теориях, надеждах, воображении. Но само знание — это препятствие для понимания неведомого. Отбросить знание означает призывать страх; а отрицать ум, который представляет для человека единственное орудие познания, означает стать открытым и для радости, и для скорби. Совсем не так просто отбросить знание. Быть в неведении не означает быть свободным от знания. Неведение — это отсутствие осознания себя; а знание — это такое неведение, когда нет понимания путей «я». Понимание «я» — это свобода от знания.

Свобода от знания может быть только тогда, когда мы поймем процесс собирания и мотивы

накопления. Желание накопления — не что иное, как желание быть в безопасности, желание определенности, желание иметь твердую уверенность. Такое желание обрести уверенность через отождествление, через осуждение и оправдание является причиной страха, а страх разрушает всякое общение. Когда существует общение, нет необходимости в накоплении. Накопление равнозначно сопротивлению; знание усиливает это сопротивление. Преклонение перед знанием — одна из форм идолопоклонства, оно не разрешит противоречий и скорби нашей жизни. Покров знания скрывает, но никогда не может освободить нас от постоянно возрастающих внутренних смятений и скорби. Пути ума не ведут к истине и ее счастью. Знать — значит отрицать непознаваемое.

РЕСПЕКТАБЕЛЬНОСТЬ

Он говорил, что не отличается жадностью и может удовлетворяться немногим, что жизнь была к нему благосклонна, хотя ему и пришлось пережить обычные скорби, свойственные всем людям. Это был спокойный, ненавязчивый человек, вполне уверенный, что ничто не может его совлечь с проторенного пути. Он, по его словам, не был честолюбив; возносил хвалу Богу за все, что ему было дано; за семью и спокойное течение жизни. Он испытывал чувство благодарности за то, что не был захвачен проблемами и конфликтами, как его друзья и родственники. Быстрыми темпами он становился респектабельным, счастье наполняло его при мысли о том, что он — один из избранных. Его не привлекали другие женщины, он вел мирную семейную жизнь, хотя временами и происходили пререкания, обычные между мужем и женой. У него не было особых пороков, он часто молился и чтил Бога. «Почему это так, — спросил он, — что у меня нет никаких личных проблем?» Не дожидаясь ответа, он с улыбкой самоудовольствования, но с некоторой печалью в голосе продолжал рассказывать о своем прошлом, о том, что делает в настоящее время и какого рода образование дает своим детям. Он сказал также, что не отличается щедростью, но раздает понемногу там, где надо. Он был твердо уверен, что каждый должен бороться за то, чтобы создать свое положение в мире.

Респектабельность — это проклятие; это «зло», которое разъедает ум и сердце. Оно тайком вползает в вас и уничтожает любовь. Быть респектабельным означает чувствовать себя преуспевающим, пробить себе дорогу в мире, возвести вокруг себя стену безопасности, определенности и той уверенности, которая приходит с деньгами, властью, успехом, талантом или добродетелью. Но исключительность, рожденная уверенностью в себе, вызывает ненависть и антагонизм во взаимоотношениях людей, т.е. в обществе. Респектабельные люди всегда составляют сливки общества; они всегда оказываются причиной борьбы и страданий. Респектабельные люди, как и презираемые, всегда находятся во власти обстоятельств. Влияние внешних условий и сила традиции представляют для них огромную важность, так как скрывают их внутреннее убожество. Люди, исполненные собственного достоинства, всегда находятся в состоянии обороны, полны страха и подозрений. Страх лежит в их сердцах; отсюда гнев — их праведность, а добродетель и набожность — их орудия защиты. Они подобны барабану, пустому внутри, но издающему шум при ударе. Респектабельные люди никогда не могут раскрыть себя реальному, так как, подобно презираемым, они замкнулись в себе и в заботах о своем собственном совершенствовании. Счастье не существует для них, так как они избегают истины.

Быть не жадным и не быть щедрым — тесно связано одно с другим. Оба означают замкнутость, негативную форму сосредоточения на себе. Для того чтобы проявить жадность, вы должны быть деятельным, жаждать, превзойти других; вы должны стремиться, соревноваться, нападать. Если у вас нет этого стремления, то это не означает, что вы свободны от жадности, вы лишь замкнулись в себе. Стремление выделиться среди других влечет за собой беспокойство и мучительную борьбу; вот почему эгоизм прячется под словом «не жадный». Иметь щедрую руку — это одно, но обладать щедростью сердца — другое. Иметь щедрую руку довольно просто: это зависит от общепринятых традиций и т.п. Но щедрость сердца имеет несравненно более глубокое значение, для нее необходимо широкое осознание и понимание.

Не быть щедрым — это такое приятное и слепое погружение в себя, при котором человек не выходит за пределы своей личности. Подобное погружение в себя имеет свой особый характер проявления, вроде того, который свойствен мечтателям; но эти формы проявления никогда не стимулируют пробуждения. Процесс пробуждения — мучительный процесс; вот почему, в каком бы мы ни были возрасте, мы предпочитаем, чтобы нас оставили в покое, предпочитаем

оставаться респектабельными, предпочитаем умереть.

Подобно щедрости сердца, щедрость руки — это движение от себя; но нередко она бывает мучительной, обманчивой, раскрывающей тайники личности. Щедрости руки можно легко достигнуть; но щедрость сердца невозможно культивировать, это свобода от всякого накопления. Чтобы прощать, должна присутствовать обида; а чтобы быть обиженным, должна быть накоплена гордость. Щедрость сердца не приходит, пока существует память, регистрирующая прошлое, пока существует «мне» и «мое».

Высоко в горах весь день лил дождь. Это не был тихий и приятный дождь, но один из тех сильных ливней, которые размывают дороги, с корнем вырывают деревья на склонах, вызывают оползни и бурные потоки. В небольшом пруду играл мальчик, насквозь мокрый; он не обращал никакого внимания на громкий и сердитый крик матери. Корова спускалась по грязной дороге, когда мы поднимались вверх. Казалось, что тучи раскрылись и заливают водой землю. Мы промокли до нитки и сняли с себя большую часть одежды; было приятное чувство, когда потоки воды падали прямо на тело. Дом стоял высоко на склоне горы; город лежал внизу. С запада дул сильный ветер; он нес еще более темные и зловещие тучи.

В комнате горел камин, там ожидало несколько человек, чтобы обсудить свои проблемы. Дождь бил в окно и образовал на полу лужу; вода проходила даже через трубу и вызывала треск пламени.

Он был известный политический деятель, трезвого ума, глубоко искренний и пламенный патриот. Он не был узким или ищущим только для себя, его честолюбие было не ради себя, а ради идеи, ради людей. Он не принадлежал к числу обычных ораторов или собирателей голосов; он пострадал за свое дело, но, как ни странно, не был ожесточен. Он больше походил на ученого, чем на политика. Тем не менее, политика была душой его жизни; партия подчинялась ему, хотя с какой-то нервозностью. Он был мечтатель, однако ради политики эта сторона его жизни была отброшена в сторону. Здесь же находился его друг, выдающийся экономист, автор сложной теории распределения чрезмерных доходов. Он, несомненно, был знаком с экономическими работами правого и левого направлений, но у него были свои собственные теории об экономическом спасении человечества. Он говорил свободно, не выбирая слов. Оба привыкли выступать перед широкими массами людей.

Заметили ли вы, какое место в газетах и журналах отводится политике, высказываниям политических руководителей, их выступлениям? Хотя там даются и другие сообщения, но материалы политического характера преобладают. Политическая и экономическая жизнь стали наиболее важными. Внешние факторы — комфорт, деньги, положение и власть, — по-видимому, доминируют и формируют нашу жизнь. Внешние отличия, титулы, форма, салюты, флаги приобрели первенствующее значение, а процесс жизни, взятый в ее целостности, забыт или сознательно отставлен в сторону. Гораздо легче ринуться в общественную и политическую деятельность, чем понять жизнь как целое. Если вы связаны с каким-либо организованным направлением мысли, с политической или религиозной формой деятельности, то вы находите в этом весьма почтенный способ уйти от мелочности и тяжести повседневной жизни. Имея скудное сердце, вы можете толковать о больших делах, о популярных лидерах; вы можете скрывать вашу ограниченность с помощью несложных фраз о мировых проблемах; ваш беспокойный ум может легко и при общем одобрении взяться за пропаганду идеологии, какой-либо новой или старой религии.

Политика — это примирение, увязывание следствий; а так как большинство из нас заинтересовано в следствиях, результатах, то внешнее приобрело доминирующее значение. Манипулируя следствиями, мы надеемся создать порядок и мир, но, к сожалению, это не так просто, как манипулировать следствиями. Жизнь — это тотальный процесс, охватывающий и внутреннее и внешнее; внешнее вполне определено влияет на внутреннее, а внутреннее неизменно побеждает внешнее. То, что вы есть, вы выражаете внешним образом. Внешнее и внутреннее не могут быть отделены друг от друга непроницаемой преградой, они постоянно воздействуют одно на другое. При этом внутренние желания, скрытые стремления и мотивы

всегда оказываются более сильными. Жизнь не зависит только от политической или экономической деятельности; жизнь — это не внешняя видимость, так же как дерево не есть лишь совокупность листьев и ветвей. Жизнь — это тотальный, всеохватывающий процесс, и красота ее может быть открыта лишь в ее единстве. А это единство не осуществляется на поверхностном уровне политических или экономических увязок, его можно найти лишь за пределами причин и следствий.

Поскольку мы все время играем причинами и следствиями и никогда не выходим за их пределы, разве только на словах, то жизнь наша пуста и не имеет большого значения. Потому мы и становимся рабами политических страстей или религиозной сентиментальности. Надежда только на интеграцию в единое целое отдельных процессов, из которых мы состоим. Эта интеграция не возникает с помощью какой-либо идеологии или путем следования авторитету, религиозному или политическому. Она приходит только через широкое и глубокое осознание. Это осознание должно охватить глубинные уровни сознания, а не ограничиваться поверхностными реакциями.

ПЕРЕЖИВАНИЕ

Долина покрылась тенью, а заходящее солнце коснулось далеких горных вершин; казалось, что они запылали изнутри. К северу от дороги горы стояли обнаженными и безжизненными после пожара; к югу тянулись зеленые холмы, густо поросшие кустарниками и деревьями. Дорога уходила вдаль и разделяла на две части длинную, ласкающую взор долину. В этот особенный вечер горы казались такими близкими, такими нереальными, легкими и нежными. Огромные птицы, не двигая крыльями, кружили высоко в небе; суслики неторопливо переходили через дорогу; был слышен гул самолета. По обеим сторонам дороги виднелись апельсиновые сады, хорошо распланированные и прекрасного вида. После жаркого дня в воздухе стоял сильный, запах шалфея, а также аромат выжженной солнцем земли и сена. Апельсиновые деревья с их яркими плодами стали темными. Перекликались перепела, какая-то птица исчезла в кустах. Длинная змееподобная ящерица при виде собаки уползла под сухие ветки. Вечерняя тишина надвигалась на землю.

Опыт — это одно, а переживание — другое. Опыт — это препятствие для состояния переживания. Опыт, приятный или отталкивающий, стоит на пути переживания. Опыт уже находится в сети времени, он — уже в прошлом, он стал памятью, которая оживает только как ответ на настоящее. Жизнь — это настоящее, это не опыт. Вес и сила опыта налагают тень на настоящее, и благодаря этому переживание становится опытом. Ум — это опыт, известное, и он никогда не может находиться в состоянии переживания; то, что ему приходится испытывать, есть продолжение опыта. Ум знает только непрерывность, и он никогда не может ухватить новое, пока существует эта непрерывность. То, что имеет характер непрерывности, никогда не может находиться в состоянии переживания. Опыт — не путь к состоянию переживания; переживание — это состояние, в котором отсутствует опыт. Опыт должен отойти, чтобы дать место переживанию.

Ум может иметь дело только со своими собственными проекциями, только с известным. Переживание неведомого невозможно, пока ум не перестал собирать опыт. Мысль — это выражение опыта; мысль — ответ памяти; пока вмещивается мышление, переживание совершенно невозможно. Нет таких путей, нет такого метода, чтобы положить конец опыту, так как сами эти средства и методы являются препятствием для переживания. Знать конечную цель — это знать непрерывность, а обладать средством достижения цели означает утверждать известное. Желание достижения должно исчезнуть; именно это желание создает пути и цели. Для переживания необходимо смирение. Но с какой готовностью ум, поглотив переживание, превращает его в опыт! Как спешит он продумать новое и благодаря этому сделать из него старое! Таким путем он создает и того, кто переживает, и то, что переживается, и это кладет начало конфликту двойственности.

В состоянии переживания нет ни переживающего, ни переживаемого. Дерево, собака, вечерняя звезда — это не предметы, которые переживающий должен переживать; они — само движение переживания. Не существует разрыва между наблюдающим и наблюдаемым. Нет ни времени, ни пространства, чтобы мысль могла себя отождествить. Мысль полностью отсутствует, но зато есть бытие. Это состояние бытия не может быть предметом мысли или медитации; это не есть что-то, чего необходимо достичь. Переживающий должен перестать переживать, и только тогда существует бытие. В безмолвии его движения есть то, что вне времени.

ДОБРОДЕТЕЛЬ

Море было очень спокойно, и на белом песке едва замечалась волнистость. К северу от бухты раскинулся город; к югу тянулись кокосовые пальмы; они почти касались воды. За отмелью маячили рыбацьи лодки — несколько бревен, связанных прочным канатом. Лодки принадлежали небольшой деревушке, расположенной к югу от пальмовой рощи. Закат был изумительный, но не там, где его можно было ожидать, а на востоке. Это был противозакат: облака, огромные и резко очерченные, сверкали всеми цветами радуги. Вид был необыкновенный; смотреть на него было почти мучительно. Вода подхватила сверкающие краски и образовала чудесную световую дорожку, протянувшуюся к горизонту.

Несколько рыбаков возвращались из города в свои деревни; на берегу было безлюдно и тихо. Одинокая звезда показалась над облаками. На обратном пути к нам присоединилась женщина, которая стала говорить о серьезных вещах. Она сказала, что принадлежит к известному обществу, члены которого занимаются медитацией и ставят задачей развитие основных добродетелей. Не каждый месяц выбирается та или иная добродетель, ее культивируют и проводят в жизнь в течение последующих дней. Из ее слов было ясно, что она прочно утвердилась в вопросах самодисциплины и в какой-то степени была нетерпима по отношению к тем, кто не придерживался ее установок и образа действий.

Добродетель — от сердца, а не от ума. Когда ум культивирует добродетель — это только хитрый расчет; это самозащита, искусное приспособление к окружающей обстановке. Самосовершенствование есть подлинное отрицание добродетели. Как может существовать добродетель, когда имеется страх? Страх — от ума, а не от сердца. Страх скрывается под различными формами добродетели, респектабельности, приспособления, служения и т.д. Страх всегда будет существовать в тех взаимоотношениях и в той деятельности, которая исходит от ума. Ум неотделим от своей собственной деятельности, но он изолирует себя от других и этим создает для себя непрерывность и постоянство. Как ребенок играет свои упражнения на фортепиано, так и ум ловко практикует добродетель, чтобы придать себе большую долговечность и влияние в жизни или с целью достичь того, что он считает высочайшим. Чтобы встречать жизнь, надо быть незащищенным и не отгораживаться респектабельной стеной замкнутой в себе добродетели. Высочайшего нельзя достичь; к нему нет пути, нет математически выверенного роста в его сторону. Истина должна прийти сама; вы не можете идти к истине, и добродетель, которую вы культивируете, не приведет вас к ней. То, чего вы достигаете в этом случае, — не истина, а ваше желание, являющееся собственной вашей проекцией; но только в истине — счастье.

Изворотливая приспособляемость ума с целью продолжить свое собственное существование поддерживает страх. Именно этот страх надо глубоко понять, а совсем не то, как стать добродетельным. Мелкий ум может упражняться в добродетели, но, несмотря на это, он остается мелким. Культивирование добродетели — только уход от собственного отсутствия глубины; поэтому та добродетель, которую накапливает ум, будет неглубока. Если вы не поймете это отсутствие глубины, разве возможно переживание реальности? Как может мелкий добродетельный ум раскрыться навстречу неизмеримому?

В постижении процесса ума, который есть «я», возникает добродетель. Добродетель — это не накопленное сопротивление; это спонтанное осознание и понимание того, что *есть*. Ум не может понимать; он может перевести в действие то, что уже понято, но он не способен понимать. Для того чтобы понимать, должна быть теплота признания и принятия, которую может дать только сердце, когда ум тих, безмолвен. Но безмолвие ума — не результат

хитроумного расчета. *Желание* безмолвия — это бич достижения с его нескончаемыми конфликтами и страданиями. Страстное желание *быть*, негативно или позитивно, — это отрицание добродетели сердца. Добродетель — не конфликт и не достижение, не продолжающаяся практика и не результат, но состояние бытия, которое не является следствием желания, проекцией «я». Не существует бытия, если идет борьба за то, чтобы быть. В борьбе за то, чтобы быть, присутствует сопротивление и отрицание, подавление и отречение; но победа над всем этим — не добродетель. Добродетель — это спокойствие свободы от этого страстного желания быть, и это спокойствие сердца, не ума. Путем практики, подавления, сопротивления ум может сделать себя тихим, но такая дисциплина разрушит добродетель, которая идет от сердца, без которой не существует мира, нет благословения, ибо добродетель от сердца — это понимание.

ПРОСТОТА СЕРДЦА

Небо было открытое и глубокое. Не видно было больших птиц с широкими крыльями, которые так легко перелетают из долины в долину, не было даже проходящего облака. Деревья стояли тихо, а в извилистых складках холмов лежала густая тень. Нетерпеливый олень, сгорающий от любопытства, пристально посмотрел вперед, но при нашем приближении внезапно бросился в сторону. Под кустом неподвижно сидела жаба, такого же цвета, как и земля, с прямыми рожками и светлыми глазами. На западе отчетливо выделялись горы в лучах заходящего солнца. Далеко внизу стоял большой дом; при нем был бассейн, и несколько человек купались. Прекрасный сад окружал дом; место выглядело процветающим и уединенным, и чувствовалась особая атмосфера богатства. Еще дальше вниз по пыльной дороге, на иссохшем поле стояла небольшая лачуга. Даже на этом расстоянии видны были бедность, запущенность, непосильный труд. Сверху оба дома казались расположенными близко один от другого; красота и убожество касались друг друга.

Простота сердца имеет гораздо большее значение, чем простота внешней жизни. Довольствоваться небольшим количеством вещей сравнительно легко. Отказ от комфорта, от курения и других привычек не означает простоты сердца. Надеть набедренную повязку в мире, который насыщен одеждами, комфортом и развлечениями, еще не означает свободной жизни. Жил некогда человек, который отказался от мира и его путей, но желания и страсти одолевали его; он надел на себя одеяние монаха, но не знал покоя. Его глаза постоянно искали, а ум раздирался сомнениями и надеждами. Внешне вы создаете дисциплину и отрекаетесь. Вы планируете свой путь шаг за шагом с тем, чтобы достичь цели. Вы оцениваете успехи ваших достижений, руководствуясь стандартными добродетелями. Вы смотрите, насколько вы отреклись от того или другого, насколько вы владеете собой в вашем поведении, насколько вы терпеливы и мягки и т.д. Вы изучаете искусство сосредоточения и удаляетесь в лес, в монастырь или в темную комнату для медитации; вы проводите ваши дни в молитве и бдении. Внешне вы сделали вашу жизнь простой, и с помощью этого обдуманного и рассчитанного шага надеетесь достичь блаженства, которое не от мира.

Но достижима ли реальность через внешний контроль и запреты? Хотя простота жизни, отказ от комфорта, очевидно, необходимы, но может ли этот жест раскрыть двери к реальности? Постоянная забота о комфорте и успехе отягощает ум и сердце, в то время как всегда должна быть готовность пуститься в путь. Но почему мы так озабочены внешними жестами? Почему мы с таким рвением стараемся выразить наше стремление? Есть ли это страх самообмана или мы боимся того, что может сказать другой? Почему мы хотим убедить самих себя в цельности своей природы? Не лежит ли вся эта проблема в желании быть защищенным, убежденным в значимости собственного становления?

Желание быть — это начало сложности. Движимые постоянно возрастающим желанием быть, внутренне и внешне, мы накапливаем или отрекаемся, культивируем или отвергаем. Видя, что время уносит все, мы цепляемся за вневременное. Эта борьба за то, чтобы быть, позитивно или негативно, через привязанность или отречение, никогда не может быть решена с помощью внешнего жеста, дисциплины или практики; но понимание этой борьбы естественно, спонтанно вызовет свободу от внутреннего и внешнего накопления с их конфликтами. Реальность не может быть достигнута через отречение; она не может быть достигнута никакими средствами. Все средства и результаты являются формой привязанности, и они должны прекратиться ради бытия реального.

ГРАНИ ИНДИВИДУАЛЬНОСТИ

Он пришел повидать нас, окруженный своими учениками. Среди них были состоятельные и бедные, высокопоставленный чиновник и вдова, фанатик и улыбающийся молодой человек. Это была радостная и счастливая группа, и тени плясали на белом доме. В густой листве пронзительно кричали попугаи, и шумный грузовик прошел мимо нас. Молодой человек с горячностью настаивал на важности гуру, учителя; другие были в этом с ним единомышленны и восхищенно улыбались, пока он точно и объективно высказывал свои соображения. Небо было совсем синее, и орел с белой шеей кружил как раз над нами, почти не двигая крыльями. Был чудесный день. Как мы губим одного, ученик — гуру, а гуру — ученика! Как мы приспособляемся, ломаем одну форму, чтобы принять новую! Птица выхватила длинного червяка из влажной земли.

Каждый из нас — множество, множественность, а не одно, не единое. Чтобы проявилось единое, множественность должна прекратиться. Крикливое множество воюет друг с другом день и ночь, и в этой войне — скорбь жизни. Мы уничтожаем одно, но другое встает на его место, и этот, по-видимому, бесконечный процесс и есть наша жизнь. Мы стараемся поставить над множеством что-то одно, но это одно вскоре само становится множеством. Голос множества становится голосом одного, и один голос присваивает себе авторитет; но это лишь дребезжание голоса. Мы — голоса множества, однако мы стараемся уловить тихий голос одного. Одно оказывается множеством, если множество сохраняет безмолвие, чтобы услышать голос одного. Множество, множественность никогда не может найти одно, единое.

Наша проблема не в том, как услышать голос одного, а в том, чтобы понять состав, структуру того множества, которым является каждый из нас. Одна грань множества не в состоянии понять множество в целом; одна сущность не может понять множества сущностей, которым мы являемся. Хотя одна грань пытается контролировать, дисциплинировать, придавать форму другим граням, ее усилия всегда замкнуты в себе, всегда ограничены. Целое не может быть понято через часть, и потому мы никогда не понимаем. Мы так заняты частью, что никогда не получаем видения целого, никогда не сознаем целого. Часть отделяет себя и становится множеством. Чтобы сознавать целое, конфликт множества, должно быть понято желание. Существует только проявление желания; хотя имеются различные и противоречивые потребности и устремления, все они — следствие желания. Желание не может быть возвышено или подавлено; оно должно быть понято, но без того, кто понимает. Если эта сущность, которая понимает, присутствует, то это все еще сущность, исполненная желания. Понимать без участия того, кто понимает, означает быть свободным и от одного, и от множества.

Любые формы приспособления и отрицания, анализа и принятия лишь усиливают того, кто получает опыт. Приобретающий опыт никогда не может понять целого. Сам он есть продукт накопления, а в тени прошлого не может быть понимания. Зависимость от прошлого диктует путь действия, но культивирование средств не является пониманием. Понимание — не продукт ума, мысли; и если мысль натренирована, если она умеет становиться спокойной с целью уловить то, что вне ума, тогда то, что получено как опыт, — всего лишь проекция прошлого. В осознании этого целостного процесса присутствует безмолвие, которое не исходит от приобретающего опыт. Только в этом безмолвии возникает понимание.

Была холодная зима, и деревья стояли оголенными, их ветки были обнажены и раскрыты небу. Немногие вечнозеленые деревья ощущали холод ветра и морозных ночей. Высокие горы были покрыты тяжелым снегом; белые волнистые облака повисли на них. Трава побурела, так как несколько месяцев не было дождей; до весенних потоков еще было далеко. Земля дремала, у нее был светло-коричневый оттенок. Не было оживленной суеты птиц, устраивающих себе гнезда в зеленеющих изгородях. Дороги стали твердыми и пыльными. На озере отдыхало несколько уток, летевших на юг. Горы хранили обещание новой весны, а земля была полна грез о ней.

Что было бы, если бы мы лишились сна? Будем ли мы располагать большим временем для борьбы, интриг, для того, чтобы сеять раздоры? Станем ли мы более, жесткими и безжалостными? Будет ли у нас больше времени для смирения, сострадания, воздержания? Станем ли мы более творческими? Сон — удивительное явление, при этом чрезвычайно важное. Для большинства людей повседневная деятельность продолжается в течение ночного сна; их сон — продолжение жизни, неинтересной или полной возбуждения, продолжение на другом уровне той же посредственности или мало значащей борьбы. Тело освежается благодаря сну; внутренний организм, который имеет свою собственную жизнь, обновляется. Во время сна желания утихают и поэтому не вмешиваются в работу организма; но после того как тело отдохнуло, желания приобретают новые возможности для возбуждения и более широкой деятельности. Совершенно очевидно, что чем меньше мы вмешиваемся в работу внутреннего организма, тем лучше: чем меньше ум принимает на себя заботу об организме, тем здоровее и естественнее осуществляются его функции. Но болезнь организма — дело совсем другое, она происходит от вмешательства ума или от слабости самого организма.

Сон имеет большое значение. Чем сильнее желания, тем меньшее значение имеет сон. Желания, как позитивные, так и негативные, в основе своей всегда активны, а сон есть временная остановка этого активного фактора. Сон — не нечто противоположное желанию, не его отрицание, а состояние, куда не может проникнуть желание. Во время сна происходит успокоение поверхностных слоев сознания, в связи с чем они становятся способными воспринимать указания и намеки более глубоких слоев; но это только частичное понимание проблемы. Несомненно, для всех уровней сознания возможно быть взаимосвязанными во время бодрствования, а также в часы сна; это, конечно, весьма существенно. Наличие такой связи освобождает ум от сознания своей собственной значимости; поэтому он перестает быть главным фактором и теряет, свободно и естественно, замкнутый в себе характер своих усилий и проявлений. В этом процессе полностью исчезает импульс к становлению, и накопления больше не происходит.

Но существует еще нечто большее, что происходит в процессе сна. Мы получаем в это время ответ на наши вопросы. Когда сознающий ум находится в спокойном состоянии, он может получить ответ, и это довольно просто. Но что является гораздо более значимым и важным, так это обновление, которое не является культивированием. Можно по заранее продуманному плану развивать талант, способность, можно совершенствовать технику, определенный способ действия и поведения, но это — не обновление. Искусственное взращивание — не творчество. Творческое обновление не наступает, если имеется хотя бы малейшее усилие со стороны действующего лица. Ум должен добровольно потерять все тенденции к приобретению, к накапливанию опыта, т.е. все те средства, которые обеспечивают ему дальнейший опыт и достижения. Именно исполненное самозащиты стремление к накапливанию питает кривую

линию времени и лишает творческого обновления.

Сознание — насколько мы его знаем — от времени; оно является процессом регистрирования и накопления опыта на различных своих уровнях. Все, что возникает внутри этого сознания, есть его собственная проекция; оно обладает своими особыми качествами и может быть измерено. Во время сна или происходит усиление этого сознания, или происходит нечто совсем другое. Для большинства из нас сон усиливает опыт; сон превращается в процесс регистрации и накопления, при котором происходит расширение, но не обновление. Состояние расширения приносит чувство приподнятости, достижения, чувство того, что мы обрели понимание, и т.д.; но все это — не творческое обновление. Процесс становления должен совершенно прекратиться, и не только как средство для получения дальнейшего опыта, но и сам по себе.

Во время сна, а нередко и в течение часов бодрствования, когда процесс становления полностью прекратился, когда следствие от причины исчерпано, приходит то, что вне времени, вне причин и следствий.

ЛЮБОВЬ ВО ВЗАИМООТНОШЕНИИ

Тропа проходила мимо фермы и поднималась в гору; сверху были видны приусадебные постройки, домашний скот, цыплята, лошади и сельскохозяйственные машины. Дорога была очень приятная, она вела через лес, по ней часто ходили олени и другие дикие животные, оставляя следы ног на мягкой почве. Когда становилось совсем тихо, голоса с фермы, смех и звуки радио были слышны на большом расстоянии. Ферма была зажиточная. Везде была чистота и порядок. Среди доносившихся голосов нередко звучал гнев, и тогда дети умолкали. В лесу кто-то пел песню, и гневные голоса врывались в звуки этой песни. Неожиданно из дома вышла женщина, хлопнув дверью; она прошла в хлев и стала палкой бить Корову. Резкий шум от ударов был слышен на горе.

Как легко разрушить то, что мы любим! Как быстро между нами возникает барьер, слово, жест, улыбка! Здоровье, настроение и желание набрасывают тень на настоящее, и то, что было ярким, становится неинтересным и тягостным. В процессе деятельности мы постоянно изнашиваемся; то, что было захватывающим и ясным, делается скучным и запутанным. Из-за постоянных разногласий, надежд и разочарования то, что раньше было прекрасным и простым, теперь нас страшит и настраивает на ожидание. Взаимоотношение является сложным и трудным, и мало кому удается выйти из него невредимым. Хотя нам хотелось бы, чтобы оно было статичным, прочным, постоянным, взаимоотношение — это движение, процесс, который надо глубоко и полностью понять, а не пытаться приспособить к какой-то внутренней или внешней модели. Приспособление, согласование как социальная структура, теряет свой вес и авторитет только тогда, когда есть любовь. Любовь во взаимоотношении — это очищающий процесс, так как она раскрывает пути «я». Без такого раскрытия взаимоотношение не имело бы большого значения.

Но как мы противимся этому раскрытию! Борьба принимает различные формы: господства или подчинения, страха или надежды, ревности или одобрения и т.д. и т.д. Основная трудность в том, что у нас нет любви, а если мы и любим, то хотим, чтобы любовь проявлялась вполне определенным образом, мы не даем ей свободы. Мы любим умом, а не сердцем. Ум может принимать различные формы, но любовь не может. Ум может сделать себя неуязвимым, а любовь не может; ум может всегда уйти внутрь себя, сделаться недоступным, стать личным или безличным. Любовь невозможно сравнивать или ограждать. Наша трудность состоит в том, что любовью мы называем то, что в действительности идет от ума. Мы наполняем свое сердце продуктами ума, а поэтому наши сердца всегда пусты и постоянно чего-то ожидают. Именно ум цепляется, завидует, удерживает и разрушает. В нашей жизни доминируют физические центры и ум. Мы не умеем любить и предоставить любовь самой себе; мы жаждем, чтобы нас любили; мы даем с тем, чтобы получать, а это уже — щедрость ума, но не сердца. Ум постоянно ищет уверенности, безопасности, защищенности; но может ли любовь получить качество уверенности с помощью ума? Может ли ум, самая сущность которого от времени, уловить любовь, которая сама в себе есть вечность?

Однако даже любовь от сердца имеет свои неожиданности, так как мы настолько извратили свое сердце, что оно стало непостоянным и запутанным. Вот это и делает нашу жизнь такой мучительной и утомительной. В данный момент мы думаем, что любим, а в следующий момент любви уже нет. Или неожиданно приходит, неизвестно откуда, порыв: источник его определить невозможно. Этот порыв также уничтожается умом, потому что в подобной борьбе ум, по видимому, неизменно остается победителем. Конфликт внутри нас не может быть разрешен хитрым умом или не постоянным сердцем. Нет путей, нет средств, чтобы довести этот конфликт

до конца. Само искание путей — это новая попытка ума остаться хозяином положения, устранить конфликт с целью пребывать в покое, обрести любовь и самому стать чем-то.

Наша величайшая трудность состоит в том, чтобы широко и глубоко осознать, что не существует путей к любви, как к некой цели, которой желает ум. Когда мы это глубоко и по-настоящему понимаем, существует возможность получить нечто такое, что пребывает вне этой жизни. Без соприкосновения с этим нечто, хотите вы того или нет, не может быть длительного счастья во взаимоотношении. Если вы получили это благословение, а я нет, вполне естественно, что вы и я будем в конфликте. Вы, может быть, и не будете, но я буду; и в своей боли и печали я замыкаюсь. Печаль так же склонна замыкаться, отгораживаться, как и удовольствие, но до тех пор, пока не существует той любви, которая не создана мною, взаимоотношение представляет собой страдание. Если вам дано благословение этой любви, вы будете любить меня, каков бы я ни был, вы не будете создавать той или иной формы любви в соответствии с моим внешним видом и поведением. К каким бы уловкам ни прибегал ум, вы и я существуем отдельно; хотя в каких-то точках мы можем соприкоснуться, тем не менее, интеграции, единства у нас с вами нет. Остается лишь моя замкнутость в себе. Такое единство никогда не может быть создано умом; оно приходит лишь тогда, когда ум, исчерпав все свои возможности, стал совершенно безмолвным. И лишь тогда во взаимоотношении нет страдания.

ИЗВЕСТНОЕ И НЕИЗВЕСТНОЕ

Длинные вечерние тени легли над тихими водами; река постепенно успокаивалась к концу дня. Рыбы выскакивали из воды, а крупные птицы возвращались на ночь к высоким деревьям. Не было ни единого облака, небо стало серебристо-голубым. Лодка, наполненная людьми, прошла вниз по реке; люди пели и били в ладоши, а вдали мычала корова. Чувствовался аромат вечера. Гирлянда оранжевых цветов календулы плыла по воде, которая искрилась в лучах заходящего солнца. Как все это было прекрасно и полно жизни — река, птицы, деревья и люди!

Мы сидели под деревом и смотрели вниз на реку. Совсем близко от дерева стоял небольшой храм, и несколько тощих коров бродили вокруг него. Храм был хорошо убран, а цветущий кустарник, за которым заботливо присматривали, был полит водой. Какой-то человек совершал вечерний обряд, и в его голосе звучали долготерпение и скорбь. С последними лучами солнца вода приобрела оттенок только что распустившихся цветов. Вскоре к нам присоединился еще один человек и стал говорить о своих переживаниях. Он сказал, что многие годы своей жизни он посвятил исканию Бога, прошел через разные аскетические подвиги, отказался от многого, что ему было дорого. В прошлом он немало сделал полезного для общества, построил школу и т.д. Много его интересовало, но более всего захватывало его искание Бога. И вот теперь, после стольких лет, он услышал Его голос, который руководит им в малых и больших делах. У него нет больше своей воли, он следует внутреннему голосу Бога. Этот голос всегда с ним, хотя сам он нередко вносит искажения. Он всегда возносит молитвы за очищение сосуда с тем, чтобы быть достойным слышать.

Можем ли вы или я найти то, что неизмеримо? Можно ли то, что не от времени, искать при помощи того, что создано временем? Может ли усердно практикуемая дисциплина привести нас к непознаваемому? Существуют ли пути к тому, что не имеет ни начала, ни конца? Может ли эта реальность быть поймана в сеть наших желаний? То, что мы можем поймать, — это проекция известного; но непознаваемое не может быть поймано известным. То, что имеет название, — вне сферы того, что не может быть названо, а называя, мы лишь пробуждаем обусловленные ответы. Эти ответы, как бы они ни были возвышенны и приятны, не есть реальное. Мы отвечаем на стимулы, но реальность не предлагает стимулов: она *есть*.

Ум движется от известного к известному, но он не может достичь непознаваемого. То, о чем вы думаете, исходит от известного, от прошлого, независимо от того, будет ли это прошлое отдаленным во времени или недавним, относящимся к тому, что произошло секунду тому назад. Это прошлое есть мысль, сформировавшаяся и обусловленная многими влияниями; она претерпела изменения в соответствии с обстоятельствами и воздействиями на нее, но она всегда остается процессом, который совершается во времени. Мысль может только отрицать или утверждать, она не может делать открытия или искать новое. Мысль не может натолкнуться на новое; но когда мысль безмолвствует, может появиться новое, которое тотчас преобразуется мыслью в старое, уже испытанное. Мысль постоянно придает форму, видоизменяет, окрашивает опыт в зависимости от его характера. Функция мысли имеет передаточный характер, она не заключается в том, чтобы находиться в состоянии переживания. Когда прекращается состояние переживания, мысль подхватывает это переживание и дает ему определение с помощью категорий известного. Мысль не может проникнуть в непознаваемое, поэтому она никогда не может раскрыть или пережить реальное.

Дисциплина, отречение, отрешенность, ритуалы, практика добродетели — все это, каким бы ни было благородным, есть процесс мысли; а мысль может действовать только в направлении к результату, в направлении достижения, которое всегда есть известное.

Достижение как бы гарантирует безопасность, защищенность, убежище, самозащиту, уверенность в известном. Искать убежище в том, что не имеет имени, — значит отрицать его. Убежище, которое может быть найдено, — только проекция прошлого, известного. Вот почему ум должен быть полностью и глубоко безмолвным; но это безмолвие не может быть достигнуто путем жертвы, сублимации или подавления. Эта тишина приходит, когда ум более не ищет, не захвачен более процессом становления. Эта тишина — не результат накопления, ее нельзя достичь путем практики. Это безмолвие должно быть так же непознаваемо для ума, как и то, что вне времени; ибо если ум переживает это безмолвие, то существует переживающий, который является результатом прошлого опыта, познавшим безмолвие в прошлом; и то, что он переживает, — это всего лишь повторение его собственной проекции. Ум никогда не может переживать новое, и потому ум должен стать совершенно безмолвным.

Ум может быть безмолвным только тогда, когда он не находится в процессе деятельности, т.е. когда он не определяет, не дает наименования, не регистрирует, не создает накопления в памяти. Подобный процесс наименования и регистрации постоянно совершается на разных уровнях сознания, а не только в его верхних слоях. Когда поверхностные слои ума находятся в покое, более глубокий ум может давать свои указания. Когда же все сознание в целом безмолвствует и свободно от всякого становления, а это должно произойти само собой, только тогда приходит неизмеримое. Желание удержать эту свободу создает непрерывность в памяти того, кто становится; это является препятствием для реального. Реальность не обладает непрерывностью; она есть в каждый данный момент, от мгновения к мгновению, всегда новая, всегда свежая. То, что обладает непрерывностью, никогда не может иметь творческого характера.

Внешний ум — это всего лишь инструмент общения, передачи информации, он не может измерить то, что неизмеримо. Он не может высказать реальное; реальное невозможно высказать, когда же реальное высказано, оно более не является реальным.

В этом значение медитации.

ИСКАНИЕ ИСТИНЫ

Он проделал очень большой путь, много тысяч километров по воде и по воздуху. Он говорил только на своем собственном языке и с великой трудностью приспосабливался к необычному для него окружению, которое так нарушало его душевное равновесие. Он совсем не был приспособлен к другой пище и непривычному для него климату; родился он и получил воспитание в высокогорной местности, поэтому высокая температура и влажность, так сильно на него подействовали. Он был начитан, эрудирован и даже кое-что писал; по-видимому, был хорошо знаком с восточной и западной философией. Он принадлежал к римско-католическому вероисповеданию. По его словам, уже давно он не был удовлетворен всем этим, хотя и продолжал действовать по-старому из-за семейных условий. Его брак можно было считать счастливым, он любил двух своих сыновей. Теперь они учатся в колледже в своей далекой стране, и перед ними раскрыто светлое будущее. Но его неудовлетворенность тем, как он живет и действует, постоянно возрастала с годами, а несколько месяцев тому назад достигла апогея. Он покинул семью, оставив все необходимое для жены и детей, и вот он здесь. У него как раз достаточно средств, чтобы выполнить свою задачу, он приехал, чтобы найти Бога. Он сказал, что ни в какой мере его нельзя считать неуравновешенным, и что он отдает себе ясный отчет в своей цели.

— Об уравновешенности не могут судить ни тот, кто терпит неудачу, ни тот, кого балует успех. Преуспевающие могут потерять равновесие, а неудачники становятся ожесточенными и циничными или ищут спасения в какой-нибудь ими же созданной иллюзии. Уравновешенность — не в руках психоаналитика; войти в норму не значит быть уравновешенным, сбалансированным. Сама норма может быть продуктом разбалансированной культуры. Общество, основанное на стяжании, с его моделями и нормами, не находится в равновесии, независимо от того, левое оно по типу или правое, является ли в нем основным приобретателем государство или отдельные граждане. Уравновешенность — это нестяжание. Идея уравновешенности и неуравновешенности относится к полю мысли и потому не может быть судьей. Сама мысль, являясь обусловленным ответом, со своими стандартами и оценками, неистинна. Истина — не идея, не умозаключение.

Можно ли найти Бога путем настойчивых поисков? Можете ли вы искать непознаваемое? Чтобы найти, вы должны знать, что вы ищете. Если вы стремитесь что-либо найти, тогда то, что вы ищете, окажется вашей собственной проекцией; это будет то, что вы желаете, но сотворение желания не является истиной. Искать истину означает отрицать ее. Истина не имеет постоянного местопребывания; к ней нет пути, нет проводников, слово — не истина. Можно ли найти истину в определенном месте, в известных климатических условиях, среди такого-то народа? Находится ли она здесь, а не там? Может ли именно этот, а не тот человек повести к истине? Существует ли вообще проводник к истине? Когда ищут истину, тогда то, что находят, может исходить только от неведения, ибо само искание родилось от неведения. Вы не можете искать реальное; вы должны отсутствовать, как бы исчезнуть, чтобы проявилось реальное.

«Но разве я не могу найти неизреченное? Я приехал в эту страну, так как здесь имеется большое тяготение к подобному рода исканию. В физическом отношении здесь можно быть более свободным, здесь нет необходимости иметь так много вещей; имущество не лежит над вами таким бременем, как в других местах. Вот, отчасти, почему люди уходят в монастырь. Но уход в монастырь — это психологическое спасение. Но я не хочу искать спасения в организованном одиночестве, поэтому и нахожусь здесь, отдавая свою жизнь тому, чтобы найти невыразимое. Способен ли я найти его?»

— В способности ли дело? Не налагает ли способность на того, кто следует известному курсу действий, predetermined путь со всеми неизбежными условиями приспособления? Когда вы задаете этот вопрос, не спрашиваете ли вы о следующем: «Есть ли у вас, обыкновенного человека, необходимые данные для того, чтобы достичь желаемого?» Несомненно, из вашего вопроса следует, что только исключительно одаренный человек находит истину, а никак не рядовой обыватель. Даруется ли истина только немногим, лишь особенно сообразительным? Почему мы спрашиваем, способны ли мы найти ее? У нас есть образец, пример человека, который, как мы предполагаем, открыл истину, и вот этот образец, поднявшись высоко над нами, создает неуверенность в нас самих. Образец приобретает огромное значение, и начинается соревнование между образцом и нами; мы тоже хотим быть рекордсменами. Ваш вопрос: «Имею ли я способности?», — очевидно, исходит из сознательного или бессознательного сравнения между тем, что вы сами представляете собой, и тем, что представляет собой, по вашему мнению, образец.

Почему мы сравниваем себя с идеалом? Может ли сравнение привести к пониманию? Отличается ли идеал от нас самих? Не является ли идеал проекцией нас самих, обыкновенной самоделкой, и не лишает ли он нас понимания самих себя такими, как мы есть? Не является ли сравнение с другими бегством от понимания самого себя? Существует так много путей бегства от самого себя, и сравнение с другими — это один из них. Несомненно, если отсутствует понимание себя, искание так называемой реальности — это бегство от самого себя. Без познания себя тот бог, которого вы ищете, — это бог иллюзии, а иллюзия с неизбежностью влечет за собой конфликт и страдание. Без познания себя не может быть правильного мышления; в этом случае всякое знание есть неведение, которое может привести лишь к хаосу и разрушению. Познание себя — это не конечная цель; это лишь первый шаг на пути к неисчерпаемому.

«Разве не является чрезвычайно трудным делом — познать себя, и не потребует ли это очень долгого времени?»

— Сама мысль о том, что самопознания трудно достичь, является препятствием к такому познанию. Позвольте дать вам совет: никогда не предполагайте, что это будет трудно, или что это потребует много времени; не предрешайте того, чем оно является или не является. Начните. Познание себя есть то, что раскрывается в процессе отношений; а всякое действие есть отношение. Познание себя не приходит через самоизоляцию, уход от мира; отрицание отношений — это смерть. Смерть есть предел сопротивления. Сопротивление как подавление, подмена или сублимация в любой форме есть помеха самопознанию; но раскрыто сопротивление должно быть в отношении, в действии. Сопротивление, негативно или позитивно, с его сравнениями и оправданиями, с обвинениями и отождествлениями — это отрицание того, что *есть*. То, что *есть*, — безусловно; и осознание безусловного без всякого выбора есть его раскрытие. Это раскрытие есть начало мудрости. Мудрость — суть проявления неведомого, неисчерпаемого.

СЕНСИТИВНОСТЬ

Сад был прекрасный, с низкими газонами и старыми тенистыми деревьями. Большой дом с просторными комнатами имел безукоризненные пропорции и казался воздушным. Деревья давали приют многим птицам и белкам, а к фонтану слетались разнообразные пернатые, иногда орлы, но чаще вороны, воробьи и крикливые попугаи. Дом и сад были отгорожены высокими белыми стенами и стояли обособленно. Находиться в саду доставляло радость. Снаружи доносился шум дороги и деревни. Дорога проходила около ворот; недалеко от дома вдоль дороги растянулась деревня и начинался пригород большого города. Деревня была грязная, с открытыми канавами вдоль главной узкой улицы. Дома были покрыты тростником, наружные ступеньки разукрашены; на улице играли дети. Несколько ткачей растянули длинные пестрые нити для выделывания тканей, а небольшая группа детей наблюдала за их работой. Это была веселая сцена, яркая, шумная и насыщенная запахами. Жители деревни только что совершили омовение, и на них было очень мало одежд, так как стояла теплая погода. К вечеру некоторые из них напились, стали шуметь и говорить грубости.

Одна лишь тонкая стена отделяла чудесный сад от пульсирующей жизни деревни. Отвергать уродливое и цепляться за красоту означает быть нечувствительным. Возращение одной из противоположностей всегда суживает ум и ограничивает сердце. Добродетель не является одним из полюсов противоположности; а если у нее есть другой полюс, то она перестает быть добродетелью. Осознавать красоту этой деревни означает быть восприимчивым к зеленому, цветущему саду. Но мы хотим воспринимать только красоту, поэтому мы отгораживаемся от того, что некрасиво. Такое подавление лишь питает нечувствительность, оно не ведет к пониманию красоты. Добро — не в саду, взятом отдельно от деревни, но в той чувствительности, восприимчивости, которая существует за пределами того и другого. Отрицание или отождествление ведет к ограниченности, что означает быть невосприимчивым. Восприимчивость, чувствительность не может питать ум, способный лишь разделять и властвовать. Существует добро и зло; но устремление к одному и избегание другого не ведет к чувствительности, которая есть основа бытия реальности.

Реальность — не противоположность иллюзии, ложному, и если вы пытаетесь приблизиться к ней как к противоположному, она никогда не проявится. Реальность может *быть* только тогда, когда отсутствуют противоположности. Осуждение или отождествление питает конфликт противоположностей, а конфликт порождает дальнейшие конфликты. Если подойти к факту без эмоций, без отрицания или одобрения, то это не внесет конфликта. Факт в самом себе не содержит противоположного; противоречивым он становится только тогда, когда в нем видят нечто, доставляющее удовольствие, или нечто такое, чего надо опасаться. Такое отношение создает стены нечувствительности и губит действие. Если мы предпочитаем оставаться в саду, то появляется сопротивление в отношении деревни, а там, где имеется сопротивление, не может быть никакого действия ни в саду, ни в отношении деревни. Может быть только деятельность, но не действие. Деятельность основана на идее, а действие — нет. Идеи обладают противоположностью, и движение в сфере противоположностей — это просто деятельность, как бы долго она ни длилась и какие бы ни претерпевала изменения. Деятельность никогда не может нести освобождение.

Деятельность имеет прошлое и будущее, а действие не имеет. Оно всегда в настоящем, и, следовательно, непосредственно. Реформа — это деятельность, а не действие, и то, что реформировано, нуждается в дальнейшей реформе. Преобразование не является действием; это деятельность, рожденная из противоречия. Действие совершается в каждый данный момент и,

как ни странно, в нем нет внутренней противоречивости; но деятельность, хотя она и может казаться безошибочной, все же полна противоречий. Деятельность, связанная с революцией, изобилует противоречиями и потому никогда не ведет к свободе. Конфликт, выбор никогда не могут быть факторами свободы. Если имеется выбор, то это деятельность, а не действие, так как выбор основан на идее. Ум может получать удовольствие от деятельности, но не может действовать. Действие исходит из совсем другого источника.

Луна вошла над деревней, и через сад протянулись тени.

ИНДИВИДУУМ И ОБЩЕСТВО

Мы шли по улице, переполненной народом. На тротуарах было тесно, а запах отработанного газа от автомобилей и автобусов бил в нос. На витринах были выставлены дорогие и дешевые вещи. Небо было бледно-серебристым, и было приятно войти в парк после шумной улицы. Мы прошли вглубь и сели.

Он говорил, что государство с его милитаризацией и законами поглощает индивидуальность почти везде и что преклонение перед государством в настоящее время становится на место преклонения перед Богом. В большинстве стран государство вмешивается в самые интимные стороны жизни людей; им говорят, что надо читать и о чем думать. Государство занимается слежкой за своими гражданами и хранит недремлющее око над ними, принимая на себя функции церкви. Это — новая религия. Люди привыкли быть рабами церкви, а теперь стали рабами государства. Раньше церковь руководила воспитанием граждан, а теперь этим занимается государство; но ни церкви, ни государству нет дела до освобождения человека.

Каково взаимоотношение индивидуума и общества? Совершенно очевидно, что общество существует для индивидуума, а не наоборот. Общество существует для того, чтобы люди пользовались благами; оно существует для того, чтобы дать свободу индивидууму, дать ему возможность пробудить высочайшую разумность. Эта разумность — не просто культивирование техники или знания; это значит быть в соприкосновении с той творческой реальностью, которая за пределами поверхностного ума. Разумность — не совокупный результат, но свобода от достижения и успеха. Разумность никогда не статична; ее невозможно копировать или стандартизировать, и, следовательно, ей невозможно научиться. Разумность должна быть открыта в свободе.

Коллективная воля и ее проявление, т.е. общество, не представляют этой свободы индивидууму, так как общество, не являясь органическим целым, всегда остается статичным. Общество было создано, собрано воедино для удобства человека, оно не имеет своего собственного, независимо действующего механизма. Люди могут завладеть обществом, управлять им, придавать ему ту или иную форму, тиранить его в зависимости от их психологических установок, но общество — не хозяин над человеком. Общество может оказывать на него влияние, но человек постоянно разрушает это влияние. Существует конфликт между человеком и обществом, так как сам человек находится в конфликте с собой; конфликт внутри человека состоит в борьбе между тем, что статично, и тем, что есть жизнь. Общество — это внешнее выражение человека. Конфликт между ним и обществом — это конфликт внутри него самого. Этот конфликт, внутренний и внешний, всегда будет существовать, пока не пробудится высочайшая разумность.

Мы — общественные существа, как и индивидуумы; мы — граждане, как и люди, изолированные друг от друга в своей печали и удовольствии. Если мы хотим, чтобы был мир, то мы должны понять правильное взаимоотношение между человеком и гражданином. Без сомнения, государство предпочтет, чтобы мы были полностью гражданами; но это лишь глупость правительств. Мы сами склонны превратить человека в гражданина, так как быть гражданином легче, чем быть человеком. Быть хорошим гражданином означает четко действовать по путям, которые указаны обществом. От гражданина требуется эффективная работа и подчинение; благодаря этим качествам он приобретает закалку и становится безжалостным, и вот теперь он готов пожертвовать человеком во имя гражданина. Хороший гражданин не является непременно хорошим человеком; но хороший человек неизбежно будет хорошим гражданином везде, а не только в какой-либо отдельной стране или обществе.

Поскольку он прежде всего хороший человек, то действия его не будут носить антиобщественного характера, он не пойдет против другого человека. Он будет жить в согласии со всеми хорошими людьми; он не станет искать авторитета, так как он не нуждается в авторитетах; он будет способен эффективно работать, но не сделается безжалостным. Гражданин пытается жертвовать человеком; но человек, который обрел высочайшую разумность, будет, естественно, остерегаться глупостей гражданина. Поэтому государство будет против хорошего человека, человека разумного; но такой человек свободен от всяких правительств и стран.

Разумный человек создаст хорошее общество, но хороший гражданин бессилён осуществить общество, в котором человек может обладать высочайшей разумностью. Конфликт между гражданином и человеком неизбежен, если преобладающее влияние имеет гражданин. Но любое общество, которое сознательно пренебрегает человеком, обречено. Примирение между гражданином и человеком наступит лишь тогда, когда внутри человека раскроется понимание своего психологического процесса. Государству, обществу сегодняшнего дня нет дела до внутренней жизни человека, оно имеет отношение только к внешнему проявлению человека, к гражданину. Оно может не признавать внутренней жизни человека, но внутренняя сторона жизни человека всегда побеждает внешние проявления, разрушая планы, хитро придуманные для гражданина. Государство жертвует настоящим ради будущего; оно считает наиболее важным будущее, а не настоящее. Но для разумного человека величайшее значение имеет настоящее, теперь, а не завтра. То, что *есть*, может быть понято лишь тогда, когда исчезнет завтра. Понимание того, что *есть*, влечет за собой трансформацию непосредственно сейчас. Именно эта трансформация имеет наибольшую важность, а не то, как примирить гражданина с человеком. Когда трансформация осуществится — не будет конфликта между человеком и гражданином.

Напротив сидел человек, имеющий положение и власть. Он хорошо это сознавал; его взгляд, жесты, манеры свидетельствовали о собственной важности. Он занимал высокий пост правительства; люди, окружавшие его, держались весьма подобострастно. Громким голосом он говорил кому-то, что это просто возмутительно беспокоить его по такому ничтожному вопросу. Он разразился громом по поводу действий своих подчиненных, на лицах которых лежали страх и нервозность. Мы летели над облаками на высоте 18 тыс. футов, и сквозь просветы в облаках было видно синее море. Когда облака несколько разошлись, показались горы, покрытые снегом, острова, широкие открытые бухты. Как далеки и красивы были одинокие дома и небольшие селения!

Река спускалась к морю с гор. Она проходила мимо большого города, дымного и серого; здесь ее воды замутнели, но немного дальше они снова стали чистыми и сверкающими. Недалеко от нас сидел офицер в форме, самоуверенный и держащийся особняком; грудь его была покрыта орденами ленточками. Он принадлежал к особому классу, который существует во всех странах.

Почему мы жаждем, чтобы нас признали, возвысили, поощрили? Почему в нас так жив снобизм? Почему мы цепляемся за свое особое имя, положение, приобретения? Умалает ли анонимность ценность результата, и должна ли безвестность вызывать пренебрежительное отношение? Почему мы домогаемся славы, популярности? Почему мы не довольствуемся быть самими собой? Не потому ли имя, положение, приобретения имеют для нас первенствующее значение, что мы боимся и стыдимся того, что мы есть? Удивительно, насколько сильно в нас желание получить признание, одобрение. В пылу битвы мы совершаем невероятные вещи, за которые нам воздают честь; мы становимся героями, убивая своих собратьев. Благодаря привилегированному положению, одаренности, способностям и умению хорошо работать мы достигаем каких-то высот, хотя вершина никогда не является завершением, так как в упоении успехом мы жаждем все большего и большего. Страна или предприятие — это вы сами, от вас зависят результаты, вы сами — власть. Организованные религии наделяют вас положением, престижем, почестями, там вы тоже представляете собой нечто, вы выделены из массы, вы — важная персона. Или еще: вы становитесь учеником духовного руководителя, гуру, учителя, или вы разделяете с ними их труд. И здесь вы — важное лицо; вы являетесь их представителем, вы несете вместе с ними ответственность; вы даете, а другие получают. Пусть вы действуете во имя их, пусть вы — только орудие. Все же исполнитель — вы. Вы можете надеть набедренную повязку или одеяние монаха, но это — вы, который делает жест, это вы, который совершает отречение.

В том или ином виде, в тонкой или грубой форме, мы питаем и поддерживаем свое «я». Если оставить в стороне антиобщественные и наносящие вред другим проявления личности, возникает вопрос, почему личность должна отстаивать себя? Даже находясь в смятении и скорби, среди преходящих радостей, почему личность цепляется за внешнее и внутреннее удовлетворение, почему она стремится к тому, что неизбежно принесет горе и страдание? Жажда позитивной деятельности как противоположности негативной побуждает нас стремиться *быть*; это стремление создает внутри нас чувство, что мы живем, что существует цель в нашей жизни, что мы сможем постепенно устранить причины конфликтов и скорби. Мы чувствуем, что если бы наша деятельность остановилась, мы превратились бы в ничто, мы оказались бы потерянными, жизнь утратила бы свой смысл; поэтому мы продолжаем пребывать в конфликте, в хаосе, в антагонизме. Но мы также сознаем, что есть нечто большее; что существует другое

состояние, которое выше и находится за пределами всех этих страданий. Вот почему мы находимся в постоянной схватке с самими собой.

Чем больше показная сторона, тем больше внутреннее убожество; но свобода от нищеты — это не набедренная повязка. Причина внутренней пустоты — желание становления. Однако, хотите вы того или нет, эта пустота никогда не может быть наполнена. Вы можете попытаться уйти от нее каким-либо способом, грубым или утонченным; но она останется с вами, как ваша тень. Вы, может быть, не захотите заглянуть в эту пустоту, но, тем не менее, она там. Украшения и отречения, в которые облачается личность, никогда не могут прикрыть этой внутренней нищеты. С помощью деятельности, внешней и внутренней, личность пытается найти способ обогащения, называя это опытом или давая другие названия в зависимости от того, что ей удобно и доставляет удовлетворение. Личность никогда не может остаться анонимной; она всегда готова облачиться в новые одежды, получить другое имя, так как отождествление с чем-либо — ее подлинная сущность. Этот процесс отождествления препятствует осознанию ее собственной природы. Процесс накопления и отождествления создает «я», позитивно или негативно; и его деятельность всегда замкнута в себе, каким бы широким ни было огороженное пространство. Любое усилие «я» быть или не быть — это движение в сторону от того, что *есть*. Если отбросить его имя, свойства, особенности, накопления, — что, собственно, такое есть «я»? Существует ли «я», личность, если отнять ее качества? Именно страх быть ничем толкает «я» к деятельности; но оно — ничто, оно — пустота.

Если мы в состоянии бесстрашно взглянуть в эту пустоту и соприкоснуться с этим наводящим боль одиночеством, то страх совсем исчезнет и произойдет глубокая трансформация. Для того чтобы так случилось, должно быть переживание этого «ничто», которое невозможно, если существует переживающий. Если имеется желание пережить эту пустоту для того, чтобы ее преодолеть, возвыситься над ней и оказаться вне ее, тогда нет никакого переживания; потому что «я» как личность обладает непрерывностью. Если переживающий имеет переживание, тогда уже нет состояния переживания. Это переживание того, что *есть*, без того чтобы его назвать, дать ему имя, приносит свободу от того, что *есть*.

Мы поднялись высоко в горы. Стояла засуха. Несколько месяцев не было Дождей, и ручьи, затихли. Сосны становились бурыми; некоторые уже засохли, и ветер ходил среди них. Горы, складка за складкой, простирались до самого горизонта. Почти все живые существа перебрались на лучшие и более прохладные места; остались белки и часть соек. И некоторые другие небольшие птицы, но днем их не было слышно. Одна из сухих сосен вся покрылась белым налетом. Она была прекрасна даже в смерти, изящная и мощная, без единого намека на сентиментальность. Земля затвердела, дороги стали каменистыми и пыльными.

Она рассказала, что принимала участие в нескольких религиозных обществах, но, в конце концов, остановилась на одном; работала лектором и пропагандистом этого общества почти во всех странах; отказалась от семьи, комфорта и многого другого во имя этой организации, приняла ее верования, доктрины и указания; следовала за лидерами, пробовала, медитировать. Она пользовалась уважением как рядовых членов, так и руководителей. Теперь, продолжала она, после того как услышала о том, что я говорил о верованиях, организациях, об опасности самообмана и т.д., она отошла от этой организации и ее деятельности. Ее не интересует более спасение мира; она занята своей небольшой семьей и ее делами и принимает лишь небольшое участие в мирских тревогах. У нее появились признаки некоторого ожесточения, хотя внешне она оставалась приветливой и великодушной; жизнь, по ее словам, кажется такой опустошенной. После всего ее бывшего энтузиазма и деятельности, где она оказалась? Что с ней случилось? Почему она так потускнела, так полна разочарований; почему в ее годы она погрузилась в обыденные дела?

Как легко мы разрушаем тонкую восприимчивость нашего существа. Непрестанная борьба и усилия, тревоги и страхи, бегство от трудностей вскоре притупляют ум и сердце, а хитрый ум быстро находит подходящие суррогаты, чтобы заменить тонкое восприятие жизни. Развлечения, семья, политика, верования и боги — все это занимает место ясности и любви. Мы теряем ясность благодаря знанию и верованиям, а любовь — благодаря чувствам. Разве вера приносит ясность? Разве непроницаемая стена веры дает понимание? Почему необходимы верования, разве они не затемняют и без того перегруженный ум? Понимание того, что *есть*, требует не верований, а прямого постижения, т.е. непосредственного осознания без какого-либо вмешательства со стороны желания. Именно желание вызывает хаос, а вера — это расширенное желание. Пути желания достаточно тонкие, без их понимания вера только усиливает конфликт, смятение и антагонизм. Синонимом понятия веры является понятие религии, а религия — это тоже убежище желания.

Мы обращаемся к вере, как к пути действия. Вера дает нам ту особую силу, которая порождается исключением всего остального из круга «я». А так как большинство из нас имеет дело с практической деятельностью, то вера становится необходимостью. Мы чувствуем, что не можем действовать без веры, ибо вера дает нам то, во имя чего мы живем и работаем. Для многих из нас жизнь не имеет смысла, кроме того, который дает вера; вера имеет большее значение, чем сама жизнь. Мы убеждены, что жизнь должна руководствоваться образцом, который дает вера, так как без образца, все равно какого, разве возможно действие? Таким образом, оказывается, что наши действия основаны на идее или являются ее следствием, а тогда действие менее важно, чем идея.

Могут ли проявления ума, как бы они ни были ярки и утонченны, принести когда-либо полноту действия, глубокое преображение внутри человека, а также изменение всего социального устройства? Является ли идея средством действия? Идея может вызвать известную

последовательность действий, но это всего лишь деятельность, полностью отличная от действия. Именно у этой деятельности человек оказывается в плену; когда по той или иной причине деятельность прекращается, человек чувствует себя потерянным, жизнь лишается для него смысла, делается пустой. Мы сознаем эту пустоту, на уровне сознания или подсознания, и таким образом идея и деятельность приобретают наиболее важное значение. Мы заполняем пустоту верой, а деятельность становится опьяняющей необходимостью. Во имя этой деятельности мы готовы совершить отречение, готовы приспособиться к любым трудностям, принять любые иллюзии.

Деятельность, связанная с верой, имеет запутанный и разрушительный характер; она может вначале казаться стройной и созидательной, но после пробуждения мы снова обнаруживаем конфликт и страдание. Любая вера, религиозного или политического характера, уводит от понимания наших взаимоотношений с другими людьми, но без этого понимания не может быть никакого действия.

Мотор был мощный и хорошо отрегулирован; машина легко, уверенно брала подъемы, старт был безукоризненный. Дорога круто поднималась над долиной и проходила между садами, засаженными апельсиновыми деревьями и высокими ореховыми деревьями с широкой кроной. Сады тянулись по обеим сторонам дороги почти на сорок миль, до самого подножия гор. На прямом участке мы пересекли один или два небольших городка, а дальше ехали по открытой местности, засеянной ярко-зеленой люцерной. Сделав ряд поворотов и миновав несколько возвышенностей, дорога подошла, наконец, к пустыне.

Дальше шел совершенно ровный путь; был слышен равномерный гул мотора; движение по дороге резко сократилось. Было интенсивное осознание местности, редких встречных машин, дорожных сигналов, ясного голубого неба, тела сидящего в машине; но ум был очень спокоен. Это не был покой, который наступает после полного изнеможения или во время отдыха, когда расслаблены все мышцы; это была тишина, насыщенная острой бдительностью. Не было ни одной точки, по отношению к которой ум оставался бы неподвижным; не было наблюдавшего за этой тишиной; переживающий полностью отсутствовал. Хотя шла отрывочная беседа, ни малейшей складки не легло на безмолвие. Когда машина мчалась вперед, был слышен свист ветра; но безмолвие было тесно слито и с шумом ветра, и со звуками машины, и с произносимыми словами. В уме не вставали воспоминания о прежних состояниях тишины, о тех состояниях, которые ум знал раньше; он не говорил: «Это — безмолвие». Не было слов; если бы они возникли, это было бы лишь признанием и утверждением подобного переживания в прошлом. Так как не было словесной формулировки, то не было и мысли. Отсутствовала регистрация факта, а поэтому ум был лишен возможности подхватить безмолвие или думать о нем; слово «безмолвие» — это не безмолвие. Когда нет слов, ум не может действовать, а поэтому переживающий не может производить накопление как средство для получения нового удовольствия. Не было никакого процесса накопления, не было отождествления, уподобления, сравнения. Движение ума полностью отсутствовало.

Машина остановилась у дома. Лай собаки, разгрузка машины, общая сумятица несколько не нарушили это необыкновенное состояние безмолвия. Ничто не могло его поколебать, безмолвие продолжало оставаться. Ветер шумел среди сосен; ложились длинные тени, дикий кот проскользнул в кустах. Движение пребывало в безмолвии, и осознание движения не было рассеянием внимания, так как отсутствовало сосредоточение внимания на чем-либо одном. Рассеянность ума возникает тогда, когда меняется преобладающий интерес, но в этом безмолвии интересы не существовали, а поэтому не было отвлечения внимания. Движение не выходило за пределы безмолвия, оно было *от* него. Это был покой; не покой смерти или разложения, но покой жизни, в котором совершенно отсутствовал конфликт. Для большинства из нас борьба между скорбью и радостью, влечение к деятельности создает чувство жизни; если бы не было подобного устремления, мы потеряли бы направление и вскоре рассыпались в прах. Но это безмолвие и его движение были творчеством, всегда себя обновляющим. Это движение не имело начала, а, следовательно, не имело и конца; оно не было непрерывностью. Движение подразумевает время, здесь же не было времени. Время означает больше или меньше, ближе или дальше, вчера и сегодня; но в этом безмолвии не было никаких сравнений. Это не было безмолвие, которое оканчивается, чтобы вновь начаться, здесь не было повторения. Различные уловки хитрого ума полностью прекратились.

Если бы это безмолвие было иллюзией, ум имел бы к нему какое-либо отношение, он или отверг, или принял бы его; он или развенчал бы его, или с тонким чувством удовлетворения

отождествил себя с ним. Но так как ум не имеет никакого отношения к этому безмолвию, то он не может ни принять его, ни отвергнуть. Ум имеет дело только со своими собственными проекциями, лишь с тем, что исходит от него самого, он не имеет никакого отношения к тому, что вне его. Это безмолвие — не от ума, поэтому ум не может оперировать с ним или отождествить себя с ним. Содержание этого безмолвия невозможно измерить с помощью слов.

ОТКАЗ ОТ БОГАТСТВА

Мы сидели в тени большого дерева и смотрели на зеленую долину. Дятлы стучали по стволу, а муравьи непрерывной вереницей сновали взад и вперед между двумя деревьями. Дул ветер с моря, с ним доносился запах далекого тумана. Горы были синие и призрачные; раньше нередко казалось, что они совсем близко, но теперь они были где-то очень далеко. Маленькая птичка пила воду из небольшой лужицы, которая натекла из неисправной трубы. Две серые белочки с широкими пушистыми хвостами гонялись друг за дружкой вверх и вниз по дереву; они взбирались наверх и с невообразимой быстротой штопором спускались вниз, почти до земли, а потом снова поднимались наверх.

Он был когда-то очень богатым человеком, но отказался от своих богатств. До этого у него было множество владений. Готовый делать добрые дела и не обладая жестокосердием, он с радостью нес бремя ответственности, связанное с богатством. Он давал щедро и смело и скоро забывал об этом. Он был добр к своим помощникам, заботился об их доходах и легко умножал деньги там, где преклоняются перед добыванием денег. Он не был похож на тех, у которых банковские счета и вложения были толще, чем они сами; которые живут в одиночестве и боятся людей с их просьбами, которые отгораживаются и замыкаются в особой атмосфере своего богатства. Он не был грозой в своей семье, но и не легко уступал, и у него было много друзей, но не потому, что он был богат. Он сказал, что отказался от своих богатств, так как однажды во время чтения ему вдруг стало ясно, насколько бессмысленны его денежные обороты и все его богатство. Теперь у него осталось немного вещей, он старается вести простую жизнь с целью понять смысл того, что его окружает, и узнать, нет ли чего-нибудь, находящегося за пределами физических центров и их желаний.

Довольствоваться немногим — сравнительно легко; быть свободным от бремени множества вещей не составляет труда, если вы пустились в поиски чего-то другого. Тяга к внутреннему исканию помогает устранить сложности, возникающие от владения многим, но освобождение от внешних вещей не равносильно простоте жизни. Внешняя простота и порядок не означают непременно внутренней тишины и простоты. Конечно, хорошо быть внешне простым, потому что это дает определенную свободу, это знак, жест прямоты; но почему мы неизменно начинаем не с внутренней, а с внешней простоты? Не потому ли, что хотим убедить самих себя и других в нашем намерении? Почему мы должны себя убеждать? Свобода от вещей требует мудрости, а не жестов и не убеждения, мудрость же не является личной. Если вы осознаете все значение обилия вещей, то само это осознание освобождает, и тогда нет необходимости в драматических заявлениях и жестах. Когда же этого мудрого осознания у нас нет, мы прибегаем к дисциплине и отречению. Смысл не в том, много или мало, но в разумности; и разумный человек, будучи доволен малым, свободен от множества вещей.

Но довольство — это одно, а простота — совсем другое. Желание быть довольным или быть простым связывает. Желание ведет к сложности. Довольство приходит с осознанием того, что *есть*, а простота — со свободой от того, что *есть*. Хорошо быть внешне простым, но еще более важно быть внутренне простым и чистым. Чистота, ясность, не приходит в обусловленный и целеустремленный ум; ум не может ее создать. Ум может приспособиться, собрать и привести в порядок свои мысли; но это не есть ясность или простота.

Проявления воли ведут к хаосу, так как воля, даже в преобразованном виде, остается орудием желания. Воля к бытию, к становлению, какой бы полезный и благородный характер она ни носила, может дать направление, может расчистить пути среди хаоса, но этот процесс приводит к изолированности, а ясность не может прийти, если вы изолируете себя от других.

Проявления воли могут временно осветить ближайшее поле, необходимое для действия, но они никогда не могут бросить свет на задний план сознания, так как сама воля является результатом этого заднего плана. Задний план вынашивает и питает волю, а воля может дать ему очертания, усилить его потенциальные возможности, но она никогда не может его устранить.

Простота — не от ума. Простота, заранее спланированная, — это лишь хитроумное приспособление, мера защиты против страданий и радостей. Деятельность, ограниченная интересами личности, питает различные формы конфликта и хаоса. Конфликт порождает мрак, внутренний и внешний. Конфликт и ясность не могут сосуществовать, только свобода от конфликта несет простоту, а не его преодоление. То, что было побеждено, необходимо побеждать снова и снова, поэтому конфликт становится бесконечным. Понимание конфликта — это понимание желания. Желание может абстрагировать себя в роли наблюдающего, в роли того, кто понимает. Но такая сублимация желания — лишь откладывание вопроса на будущее, а не понимание. Наличие наблюдающего и наблюдаемого — это не два различных явления, а одно; и только в переживании факта этого единого процесса существует свобода от желания, от конфликта. Вопрос о том, как переживать этот факт, не должен возникать. Это должно произойти само по себе; и это происходит только тогда, когда существует бдительность и пассивное осознание. Вы не можете узнать, каково в действительности переживание при встрече с ядовитой змеей, если будете пользоваться воображением или рассуждать об этом, сидя в удобном кресле в своей комнате. Чтобы встретить змею, вы должны отважиться выйти за пределы мощных улиц и искусственного освещения.

Мысль может регистрировать факты, но она не может пережить на опыте свободу от конфликта, так как простота или ясность — вне ума.

ПОВТОРЕНИЕ И ЧУВСТВО

Шум и запах города проникал через открытое окно. В большом парке под тенью деревьев сидели люди и читали газеты, наполненные сплетнями со всего мира. Голуби с важным видом ходили под ногами, ожидая подачек; на зеленых лужайках играли дети. Солнце создавало красивые тени.

Он был репортер, живой и умный. Он хотел не только получить интервью, но также обсудить некоторые из своих собственных проблем. Когда закончилось интервью для газеты, он рассказал о своей карьере и о ценности своей профессии — ценности не с финансовой точки зрения, но с точки зрения значения для мира. Это был человек высокого роста, с острым умом, способный и уверенный в себе. Он быстро шел в гору в газетном мире, там, где лежало его будущее.

Наши умы настолько перегружены всякими сведениями, что почти невозможно иметь непосредственное переживание. Переживание радости и страдания имеет непосредственный, индивидуальный характер, но осознание этого переживания происходит по образцу других людей, применительно к тому, что требуют религиозные и социальные авторитеты. Мы — результат мыслей и влияний других людей; мы обусловлены религиозной и политической пропагандой. Храм, церковь, мечеть имеют странное, почти безотчетное влияние на нашу жизнь; политическая идеология дает подходящий материал для нашей мысли. Пропаганда формирует и разрушает нас. Организованные религии являются первоклассными пропагандистами, которые используют любые средства, чтобы убедить, а затем удержать в руках.

Мы — конгломерат запутанных ответов; наш центр — такой же неустойчивый, как и обещанное нам будущее. Слова имеют для нас необыкновенное значение, они оказывают воздействие на нервную систему, вызывая чувства, которые для нас более важны, чем то, что лежит за пределами символа. Символ, образ, знамя, звук имеют первенствующее значение. Суррогат, а не реальность — вот в чем мы находим силу. Мы читаем о переживаниях других, смотрим, как другие разыгрывают роль; мы следуем их примеру, цитируем их. Мы пусты внутри и поэтому стараемся заполнить эту пустоту словами, чувствами, надеждами и воображением. Но пустота не прекращается.

Повторение, со всеми ощущениями, которые оно вызывает, как бы ни были они приятны и благородны, не есть состояние переживания; постоянное повторение обряда, слов, молитвы создаст чувство удовлетворения, которому мы даем благозвучное название. Но состояние переживания не есть чувство, реакция же чувства вскоре уступает место для деятельности. Действительность, то, что *есть*, невозможно понять только через чувство. Чувства имеют ограниченное значение, но понимание или переживание лежат вне чувств и над ними. Чувство становится важным только тогда, когда прекращается переживание; тогда слова приобретают значение, и символы становятся господствующими; тогда проигрыватель приводит вас в восторг. Состояние переживания не есть непрерывность, ибо то, что имеет характер непрерывности, является чувством, на каком бы оно ни было уровне. Повторение ощущения дает видимость нового переживания, но ощущения никогда не имеют новизны. Поиски нового не заключаются в повторных ощущениях. Новое проявляется лишь тогда, когда существует переживание, а это состояние возможно лишь когда прекратилась жажда и погоня за ощущениями.

Желание повторить переживание связывает нас с полученными ощущениями, и, обогащая память, придает им широту и силу. Желание повторить переживание, независимо от того, является ли оно вашим собственным или другого лица, ведет к утрате восприимчивости, к

смерти. Повторение истины есть ложь. Истина не может быть повторена, ее нельзя пропагандировать или использовать. То, что можно использовать или воспроизвести, лишено жизни; оно механично, статично. Можно использовать мертвую вещь, но не истину. Вы можете сначала убить истину и отречься от нее, а потом использовать ее; но это уже больше не истина. Пропагандистам нет дела до состояния переживания; они заняты организацией чувств, религиозных или политических, общественных или личных. Пропагандист, религиозный или светский, не может быть глашатаем истины.

Переживание может прийти только с отсутствием желания ощущений; названия, термины должны прекратиться. Не существует процесса мысли без словесного выражения; а быть захваченным словесным выражением значит быть пленником иллюзий желания.

Совершенно очевидно, что музыка, передаваемая по радио, — это чудесный способ бегства от того, что *есть*. У соседей радио было включено целый день, до поздней ночи. Отец уходил на службу довольно рано, мать с дочерью работали дома и в саду; когда они были в саду, радио ревело еще громче. Сын их, по-видимому, также любил музыку и разные сообщения, так как когда он был дома, радио продолжало работать в том же духе. Благодаря радио мы можем нескончаемо слушать любой вид музыки, начиная с классической и до самой новейшей; мы можем прослушать пьесы, полные таинственности, узнать последние известия и все прочее, что непрерывно передается по радиовещанию. Нет необходимости беседовать, обмениваться мыслями, так как радио почти все делает за нас. Радио, говорят, помогает учащимся учиться, а коровы дают больше молока, если во время дойки звучит музыка.

Странным во всем этом является то, что радио, по-видимому, так мало изменяет ход жизни. Оно, может быть, создало некоторые удобства: например, мы можем быстрее получать новости со всего света и узнавать об убийствах, передаваемых чрезвычайно красочно и живо; но информация не стремится сделать нас разумными. Тонкий слой передач по поводу ужасов атомной бомбардировки, по вопросам международных соглашений или исследований в области хлорофилла и т.д. не вносит, как будто, существенных изменений в нашу жизнь. Мы настроены так же воинственно, как и раньше; мы ненавидим те или иные группы людей; мы презираем этого политического лидера и поддерживаем другого; мы позволяем одурачивать себя организованными религиями; мы остаемся националистами — а наши страдания продолжаются. Вот почему мы настойчиво стремимся убежать от всего этого; и чем более респектабельный и организованный характер носит форма бегства, тем лучше. Искать бегства коллективно — это наивысшая форма безопасности. Если смотреть прямо на то, что *есть*, то мы можем что-то предпринять; но бегство от того, что *есть*, неизбежно лишает нас гибкости и остроты ума, делает рабами чувств и хаоса.

Не создает ли для нас музыка, в очень тонкой сфере, удобный способ отделаться от того, что *есть*? Хорошая музыка уводит нас от самих себя, от наших повседневных неприятностей, мелочности и забот, она заставляет нас забытья; или же музыка дает нам силу смотреть в лицо жизни, она вдохновляет. Музыка становится необходимостью в обоих случаях — или как средство забытья или средство для дальнейших ощущений. Важнейшее значение приобретают ощущения, а не состояние переживания. Желание повторить опыт — это требование во имя чувства; но в то время как ощущения могут быть воспроизведены, состояние переживания повторить нельзя.

Именно желание ощущений заставляет нас тянуться к музыке, иметь красивые вещи. Зависимость от внешних линий и форм обозначает лишь пустоту нашей собственной жизни, которую мы заполняем музыкой, искусством, намеренным молчанием. В связи с тем, что эта неизменная пустота заполняется или прикрывается ощущением, существует страх перед тем, что есть, перед тем, чем являемся мы сами. Чувства имеют начало и конец, их можно повторить и расширить; но состояние переживания не находится в пределах времени. Состояние переживания — вот что существенно; а оно сводится на нет в погоне за ощущениями.

Чувства ограничены, носят личный характер, они вызывают конфликт и страдания. Но состояние переживания, которое в корне отличается от повторения опыта, не имеет длительности. Только в переживании существует обновление, трансформация.

По зеленому газону двигались тени; хотя солнце припекало, небо было голубым и нежным. Через забор на зеленый газон и на людей глядела корова. Ей было странно такое скопление людей, но зеленая трава была ей знакома, хотя дожди прошли уже давно, и повсюду земля была выжжена. Ящерица со ствола дуба охотилась за мухами и другими насекомыми. Подернутые дымкой далекие горы манили к себе.

После того как окончилась беседа, она сказала, что приехала послушать, когда будет говорить учитель учителей. Она и раньше была очень серьезна, но теперь ее серьезность перешла в упрямство. Это упрямство прикрывалось улыбками и той культивированной, тщательно продуманной терпимостью, которая идет от ума и легко может разгореться в бурную, яростную нетерпимость. У нее была крупная фигура; говорила она мягким голосом, но где-то таилось осуждение, питаемое ее убеждениями и верованиями. Она была сдержанна и сурова; она отдала себя братству и его благой цели. После некоторой паузы она добавила, что хотела бы знать, когда учитель будет говорить, так как она и ее группа каким-то таинственным путем узнали о том, что не было известно другим. Удовлетворение от обладания знанием, недоступным для других, было совершенно очевидно и в том, как она сказала об этом, и в ее жестах, и в наклоне головы.

Исключительное, доступное лишь немногим знание доставляет глубокое удовлетворение и радость. Знать то, чего другие не знают, это постоянный источник удовлетворения, он рождает в человеке чувство причастности к глубоким вещам, создавая ему престиж и авторитет. Вы находитесь в непосредственном контакте, вы имеете нечто, чего другие не имеют, поэтому вы становитесь важным лицом не только для самого себя, но и для других. Другие смотрят на вас снизу вверх, с некоторым страхом; они тоже хотят быть участниками того, что вы имеете, но вы даете, всегда обладая еще большими знаниями. Вы — лидер, авторитет, и это положение приходит естественно, так как люди хотят, чтобы им говорили, чтобы их вели. Чем больше мы сознаем, что потеряли направление и находимся в смятении, тем более ревностно мы готовы к тому, чтобы нас вели, чтобы нам говорили. Вот таким путем создается авторитет во имя государства, во имя религии, во имя учителя или лидера партии.

Преклонение перед авторитетом, в большом или малом, есть зло. Это зло становится еще большим, когда дело касается вопросов религии. Нет посредников между вами и реальностью, а если такой посредник находится, то он извращает истину; все равно, кто бы он ни был, высочайший спаситель или ваш собственный гуру или учитель, — он наносит вред. Тот, кто знает, не имеет значения; он может знать только свои собственные предрассудки, свои собственные верования и требования своих чувств. Он не может знать истину, неизмеримое. Можно создать и искусно культивировать положение и авторитет, но не смирение. Добродетель приносит свободу; воспитанное же в себе смирение не есть добродетель, это просто чувство, которое приносит только вред и разрушение; это — оковы, которые придется разбивать вновь и вновь.

Важно понять совсем не то, кто именно является учителем, святым, руководителем, а почему вы за ним следуете. Вы следуете лишь для того, чтобы стать чем-то, что-то приобрести, что-то уяснить. Но ясность не может быть получена от другого. Смятение — в нас; мы вызвали его, теперь сами должны его устранить. Мы можем достичь прекрасного положения, внутренней защищенности, внутренней безопасности, определенного места в иерархии организованной веры, но все это — деятельность, замкнутая в себе, которая ведет к конфликту и страданиям. Вы можете временно почувствовать счастье от своих достижений; вы можете убедить себя, что ваше

положение является неизбежным, что таков ваш удел, но до тех пор, пока вы сохраняете желание стать чем-то, все равно на каком уровне, неизбежно будут страдания и смятение. Быть ни чем — это не отрицание. Позитивное или негативное проявление воли, которое есть не что иное, как утонченное и возвышенное желание, постоянно ведут к борьбе и конфликту. Это не путь к пониманию. Установление авторитета и следование за ним — это отрицание понимания. Там, где есть понимание, там свобода, которую нельзя купить или передать другому. То, что приобретено, может быть потеряно, а то, что дано, может быть отнято; отсюда авторитет и связанный с ним страх. От страха нельзя избавиться с помощью умиротворения и свечей; страх перестает существовать с прекращением желания становления.

В течение многих лет он упражнялся в том, что называл медитацией. Прочитав различные книги по этому предмету, он остановился на определенной школе и вступил в своего рода монастырь, где занимались медитацией по несколько часов в день. Он не был сентиментален в этом вопросе и не проливал слез самопожертвования. Он сказал, что хотя теперь, после многих лет, ум его и находится под контролем, но иногда все же вырывается из подчинения; он не чувствует радости от своих упражнений, а добровольно возложенная на себя дисциплина делает его скорее жестким и сухим. Раньше он принадлежал к нескольким так называемым религиозным обществам, но сейчас отошел от них и ищет самостоятельно Бога, который был обещан всеми ими. Он уже приближается к старости и начинает в какой-то степени чувствовать утомление.

Правильная медитация необходима для очищения ума, так как без его опустошения не может быть обновления. Обычная непрерывность — это застой. Ум вянет от постоянного повторения одного и того же, от изнашивания на ложных путях, от чувств, которые делают его тупым и усталым. Контроль над умом совсем не является необходимым; а что важно, так это выявить интересы ума. Ум — это пучок противоречивых интересов, а то, что мы называем сосредоточением, дисциплиной ума, есть лишь усиление одного интереса за счет других. Дисциплина — это культивирование сопротивления, а там, где имеется сопротивление, нет понимания. Хорошо дисциплинированный ум — это не свободный ум, но только в свободе может быть сделано открытие. Необходимо естественно, свободно выявить движения личности, на каком бы это ни было уровне. И хотя такого рода открытия могут быть достаточно неприятны, проявления «я» должны быть раскрыты и поняты; дисциплина же губит спонтанность, которая необходима для этого раскрытия. Дисциплина, хотя она и утончает ум, фиксирует его на определенном образце. Ум будет приравниваться к тому, в чем он был тренирован; но то, к чему он приравнивается, — не реальное. Дисциплина — это просто обременяющий фактор, и поэтому она никогда не может быть средством открытия себя. Благодаря самодисциплине ум может укрепиться в своей цели; но эта цель является проекцией «я», и потому она не реальна. Ум создает реальность в своем собственном образе, а дисциплина лишь придаст жизненность этому образу.

Только в раскрытии может быть радость — в раскрытии путей «я» от момента к моменту. «Я», на какой бы уровень его ни поместить, остается всегда созданием ума. Все, о чем оно думает, все это от ума. Ум не может думать о том, что вне его, он не может думать о неизвестном. На любом уровне «я» — это известное, и, хотя могут быть различные уровни «я», которых ум не сознает, находясь на поверхности, все они, однако, лежат в поле известного. Движения «я» раскрываются в процессе отношений, и когда эти отношения не заключены в определенный шаблон, создается возможность для раскрытия себя. Создание отношений есть проявление «я», а для того, чтобы понять это проявление, должно быть осознание, не обусловленное выбором, так как выбор состоит в усилении одного интереса в ущерб другому. Такое осознание есть переживание проявлений «я», и в этом переживании нет ни переживающего, ни переживаемого. Идя таким путем, ум освобождается от своих накоплений; нет больше «меня», накапливающего. Приобретения, накопленные воспоминания образуют «меня»; мое «я» не есть существо, стоящее отдельно от накоплений. «Я» отделяет себя от своих свойств в качестве наблюдающего, который следит, контролирует с целью сохранить себя, создать для себя непрерывность, длительность среди непостоянства. Переживание процесса в его целостности и единстве освобождает ум от двойственности. В этом случае мы переживаем и

понимаем весь процесс ума, как открытый, так и скрытый, и не кусочками, не отдельными проявлениями, но в его целостности. Тогда и сны, и повседневная деятельность всегда будут процессами, опустошающими ум. Ум должен быть совершенно пуст для того, чтобы воспринимать; но желание стать пустым с целью приобрести — это глубокая внутренняя помеха; и это также необходимо понять в целом, а не на одном каком-либо уровне. Жажда опыта должна совершенно прекратиться: это возможно лишь тогда, когда испытывающий, переживающий, не получает пищу от своих переживаний или от воспоминаний о них.

Очищение ума должно происходить не только на его верхних уровнях, но также в его скрытых глубинах; и это возможно только в том случае, если прекратился процесс определения или создания понятий. Создание новых определений и понятий лишь усиливает переживающего и создает длительность его бытия, усиливает его желание постоянства, специфические особенности его памяти. Должно быть безмолвное осознание процесса созидания понятий, а отсюда и понимание его. Мы даем названия не только для взаимного общения, но и для того, чтобы придать длительность и бытие какому-либо опыту, для того, чтобы оживлять его и воспроизводить связанные с ним ощущения. Подобный процесс наименования должен прекратиться не только на поверхностных уровнях ума, но и во всей его структуре. Это трудная задача, ее не легко понять и не легко осуществить, ибо все наше сознание — это процесс сначала наименования или определения опыта, а потом его накопления или воспроизведения. Именно этот процесс питает и дает силу иллюзорной сущности, переживающему, как имеющему отдельное бытие и независимому от опыта. Без мыслей нет мыслящего. И мысли, которые всегда непостоянны, создают иллюзорную сущность того, кто мыслит. Мыслящий себя изолирует, создавая тем самым видимость постоянства.

Свобода существует тогда, когда все бытие в целом — внешнее, видимое и скрытое — очищено от прошлого. Воля — это желание, и если имеется какое-либо действие воли, какое бы то ни было усилие, чтобы себя очистить, то свобода прийти не может: очищение должно быть полным, охватить все уровни бытия. Когда все уровни сознания, все их множество стихает, становится безмолвным — только тогда существует неизмеримое, то блаженство, которое вне времени и в котором — возрождение творчества.

Даже на этой высоте жара проникала внутрь. Оконные стекла были совсем теплые на ощупь. Гул моторов действовал успокаивающе, и многие пассажиры дремали. Земля была далеко внизу, разгоряченно мерцая, — бесконечная коричневая полоса с редкими островками зелени. Когда мы приземлились, жара стала совсем непереносимой. Она была буквально мучительной; даже в тени здания чувствовалось, что вот-вот загорится макушка. Лето было в полном разгаре, и местность напоминала пустыню. Мы снова полетели, самолет поднялся в зону прохладных ветров. Два новых пассажира сели напротив и громко разговаривали. Невозможно было их не слушать. Сначала они говорили довольно спокойно, но вскоре в их голосе послышались гнев и негодование, гнев, характерный для близких людей. В своем возбуждении они как бы забыли об остальных пассажирах; они были настолько возбуждены, что им казалось, будто здесь только они одни, и нет никого другого.

Гнев, подобно скорби, обладает особым свойством изоляции; он человека выключает, и, по крайней мере, до тех пор, пока он не утихнет, все отношения прерываются. Гнев лишь временно сохраняет силу, он живуч в изоляции. Странная безнадежность сопутствует гневу; состояние изолированности — это само отчаяние и безнадежность. Гнев, порождаемый разочарованием, завистью, связанный с жаждой нанести рану другому, имеет бурную разрядку, удовлетворение от которой лежит в оправдании себя. Мы обвиняем других, и это обвинение есть оправдание нас самих. Без своего рода позиции, независимо от того, носит ли она характер самоутверждения или самоуничижения, что мы собой представляем? Мы пользуемся любыми средствами, чтобы возвысить себя; гнев, подобно ненависти, — один из наиболее легких путей для этого. Простой гнев, внезапная вспышка, которая быстро забывается, — это одно; но гнев, который возник сознательно, который был накоплен постепенно и стремится нанести вред и уничтожить другого, — это совсем другое. Простой гнев может возникнуть в связи с какой-либо физиологической причиной, которую можно установить и устранить; но гнев, который появляется в результате психологической причины, гораздо более тонкий, и его трудно побороть. Большинство из нас не придает большого значения гневу; мы всегда находим для него оправдание. Почему нельзя рассердиться, если мы видим дурное обращение с другими или лично с нами? Таким образом, наш гнев становится справедливым гневом. Мы никогда не скажем прямо, что мы сердиты, и на этом не поставим точку; мы входим в подробные объяснения причин гнева. Мы никогда не признаемся в том, что ревнивы или резки, но стараемся оправдать себя или объяснить мотивы своего поведения. Мы задаем вопрос, возможна ли любовь без ревности, или говорим, что действия такого-то лица вызвали с нашей стороны резкость и т.д.

Именно объяснение, словесное выражение, про себя или вслух, поддерживает гнев и придает ему силу и глубину. Объяснение, молчаливое или высказанное вслух, действует наподобие щита, преграждающего раскрытие самого себя таким, каков я есть на самом деле. Мы хотим, чтобы нас хвалили или нам льстили, мы ожидаем для себя чего-то. А когда ничего этого не происходит, мы разочарованы, мы становимся ожесточенными или ревнивыми. Тогда, бурно или тихо, мы обвиняем другого; мы говорим, что другой виновен в нашей резкости. «Вы имеете для меня большое значение, так как от вас зависит мое счастье, мое положение или престиж. Благодаря вам я осуществляю свое назначение, поэтому ваша жизнь так необходима для меня. Я должен вас охранять; я должен обладать вами. Из-за вас я выхожу из себя». Но когда я оказываюсь отброшенным к самому себе, в страхе от своего собственного состояния я прихожу в гнев. Гнев принимает различные формы: разочарования, негодования, горечи, ревности и т.д.

Накапливание гнева, который является чувством обиды, требует противоядия в виде прощения. Однако само накапливание гнева имеет гораздо более важное значение, чем прощение. Если нет накопленного гнева, то нет надобности и в прощении, оно необходимо тогда, когда нанесена обида. Для того чтобы быть свободным и от лести, и от чувства несправедливости, при этом без холодного равнодушия, надо иметь сострадание, милосердие. От гнева нельзя избавиться действием воли, так как сама воля входит как составная часть в насилие. Воля — результат желания, жажды быть; желание по своей природе агрессивно и стремится к обладанию. Подавить гнев усилием воли означает перенести его на другой уровень и дать ему иное направление, но это опять-таки насилие. Чтобы быть свободным от насилия, что не означает культивирования ненасилия, необходимо понять желание. Желание не имеет духовного заменителя; его нельзя подавить или сублимировать. Должно быть безмолвное, без выбора осознание желания; такое пассивное осознание является непосредственным переживанием желания без переживающего, без субъекта переживания, который дал бы ему какое-либо наименование.

Он сказал, что основательно изучил вопрос, прочел все, что было написано по данному предмету и было ему доступно, и пришел к выводу, что учителя существуют на различных планах бытия. Они показываются в физическом мире только некоторым из своих учеников, но могут общаться с другими учениками иными путями. Они оказывают благотворное влияние и осуществляют руководство над крупнейшими мыслителями и деятелями мирового масштаба, которые, однако, не сознают этого. Учителя вызывают революции и устанавливают мир. Он был убежден в том, что каждый континент имеет группу учителей, которые формируют его судьбы и дают свое благословение. Он сам знал нескольких учеников учителей, во всяком случае, они сказали ему, что это так, добавил он осторожно. Он был чрезвычайно серьезен и жаждал еще больших знаний об учителях. Возможно ли иметь непосредственный опыт, прямое соприкосновение с ними?

Как безмолвна была река! Два небольших зимородка с ярким оперением носились вверх и вниз почти до берега и пролетали над самой поверхностью воды; пчелы собирали воду для своих ульев; посредине реки стояла рыбацья лодка. Деревья вдоль реки были густо покрыты листвой и отбрасывали тяжелые и темные тени. Зеленели поля с молодыми всходами риса; оттуда доносились голоса белых птиц. Это была картина подлинной тишины, и как-то даже жаль было обсуждать наши крохотные незначительные проблемы. Вечернее небо стало нежно-голубым. Шумные города находились далеко отсюда; по ту сторону реки протянулась деревня, а вдоль берега лентой вилась дорога. Какой-то мальчик пел чистым, высоким голосом, но это не нарушало тишины.

Мы — странные люди; мы пускаемся в далекие страны в поисках того, что лежит рядом с нами. Красота всегда там, а не здесь; истина никогда не пребывает в нашем доме, но где-то далеко от нас. Мы едем на другой край света, чтобы найти учителя, но не обращаем внимания на слугу; мы не понимаем обыкновенных явлений жизни с ее каждодневной борьбой и радостями. Зато стремимся уловить таинственное и скрытое. Мы не знаем самих себя, но хотим служить или следовать тому, кто обещает награду, надежду, утопию. Мы не можем видеть ясно, если сами полуслепые, а то, что видим, — неполно и, следовательно, нереально. Мы все всё это знаем, однако наши желания и стремления так сильны, что ввергают нас в иллюзии и нескончаемые беды.

Вера в учителя создает учителя, а опыт принимает форму, обусловленную верой. Вера в тот или иной образец действия, в ту или иную идеологию создает то, чего мы жаждем. Но какой ценой и какими страданиями! Если индивидуум обладает способностями, эта вера становится мощным средством в его руках, оружием более опасным, чем пушки. Для большинства из нас вера имеет большее значение, чем действительность. Понимание того, что *есть*, не требует веры; напротив, вера, идея, предрассудки представляют собой определенное препятствие для понимания. Но мы предпочитаем наши верования, наши догмы; они нас согревают, они обещают, одобряют. Если мы понимаем пути наших верований и почему мы их придерживаемся, одна из основных причин антагонизма исчезает.

Желание приобретения, индивидуальное или групповое, ведет к неведению и иллюзии, к гибели и бедам. Это не только желание все больших и больших физических удобств, но и желание власти: власти денег, знания, отождествления. Жажда большего — вот начало конфликтов и страданий. Мы стараемся уйти от страданий с помощью самообмана любого рода, через подавление, замену или возвышение; но желание остается, возможно, на другом уровне. Один из самых легких путей ухода — это гуру, учитель. Некоторые ищут спасения в

политической идеологии и ее деятельности, другие — в чувствах, создаваемых ритуалом, в дисциплине, третьи — в учителе. Способы спасения приобретают наибольшую важность; страх и упорство охраняют эти способы. Тогда не имеет значения, чем являетесь *вы* сами: учитель — вот кто важен. Вы имеете значение лишь как его слуга, что бы это ни означало, или как ученик. Чтобы стать тем или другим, вы должны проделать известные действия, приспособиться к определенным образцам, пройти известные испытания. Вы готовы сделать все это и даже больше, так как отождествление дает удовольствие и власть. Под прикрытием имени учителя удовольствие и власть стали респектабельными. Вы больше не одиноки, у вас нет смятения, потерянности; вы принадлежите ему, партии, идее. Вы защищены, вы в безопасности.

В конце концов это как раз то, чего жаждет большинство из нас — обрести спасение, находиться в безопасности, быть защищенным. Затеряться среди множества есть одна из форм психологической безопасности. Отождествить себя с группой или идеей, светской или духовной, означает чувствовать себя в безопасности. Вот почему большинство из нас тяготеет к национализму, хотя он и приносит возрастающие страдания и разрушения. Вот почему организованная религия имеет такое сильное влияние на людей, даже если она вносит разделение и усиливает антагонизм. Жажда индивидуального или коллективного спасения несет разрушение, а пребывание в психологической безопасности порождает иллюзию. Наша жизнь — иллюзия и страдание, с редкими моментами прояснения и радости, поэтому мы горячо принимаем все, что обещает нам тихое пристанище. Некоторые видят тщетность политических утопий и становятся религиозными; это означает, что они находят убежище и надежду в учителях, в догмах, в идеях. Так как вера создает форму опыта, то учителя становятся необходимой реальностью. Если ум испытал удовлетворение, которое приносит с собой отождествление, тогда он прочно утверждает в этом, и ничто не может его поколебать, так как его критерий — опыт.

Но опыт не есть реальность. Реальность не может быть предметом опыта. Она просто есть. Если переживающий думает, что он переживает реальность, то он знает лишь иллюзию. Всякое знание о реальности есть иллюзия. Знание и опыт должны прекратиться, чтобы могла проявиться реальность. Опыт не может встретиться с реальностью. Опыт обуславливает форму знания, а знание направляет опыт; оба они должны прекратиться, чтобы проявилась реальность.

ОБОСОБЛЕННОСТЬ

Это был невысокий и энергичный мужчина, профессор одного из университетов. Он так много читал, что ему трудно было сказать, где начинались его собственные мысли и где кончались мысли других. В прошлом он, по его словам, был рьяным националистом и в известной мере пострадал за это. Он был также практическим последователем одной из религий, но в настоящее время, слава Богу, отбросил весь этот хлам и освободился от суеверий. С большой страстью он утверждал, что данная психологическая беседа и дискуссия лишь вводят людей в заблуждение, так как наиболее важное значение имеет экономическое переустройство жизни людей; ведь для жизни человеку прежде всего хлеб, а уже потом — все остальное. Должна произойти насильственная революция и появиться новое, бесклассовое общество. Средства не важны, лишь бы была достигнута цель. Может быть, придется создать хаос и тогда взять власть и установить справедливый порядок. Коллективизм необходим, всякая же эксплуатация личности должна быть пресечена. Для него будущее было совершенно очевидным: поскольку человек является продуктом окружающей среды, они создадут человека завтрашнего дня. Они готовы пожертвовать всем во имя будущего, ради того мира, который настанет. Уничтожение человека сегодняшнего дня не имеет большого значения, ведь им известно будущее.

Мы можем изучать историю и толковать исторические факты в соответствии с нашими предрассудками, но обладать уверенностью в том, что произойдет в будущем, означает пребывать в иллюзии. Человек не есть результат одного определенного фактора, одного влияния, он весьма сложен. Делать упор на одном факторе, умаляя другие, означает породить неустойчивое состояние, которое приведет к общему большому хаосу и страданиям. Человек — тотальное явление. Именно эту тотальность необходимо понять, а не только какую-то часть, как бы важна она ни была в данное время. Жертвовать настоящим во имя будущего — безумие со стороны тех, кто является маньяками власти; а власть — это зло. Эти безумцы присваивают себе право вести людей, они — новые жрецы. Нельзя отделять друг от друга средства и цель, составляющие единое целое. Путем насилия никогда нельзя установить мир; полицейское государство не может создать миролюбивого гражданина; путем принуждения нельзя достичь свободы. Все это совершенно очевидно.

Отдельное существование индивидуума нельзя уничтожить путем его отождествления с коллективом или с какой-либо идеологией. С помощью такой подмены невозможно разделаться с проблемой обособленного бытия, нельзя его подавить. Подмену или подавление можно проделать на некоторое время, но чувство обособленности от других снова вырвется на поверхность сознания в еще более бурной форме. Из-за страха оно может быть временно оттеснено на задний план, но проблема тем не менее остается. Проблема не в том, как освободиться от обособленности личного сознания, а в том, почему каждый из нас придает ей такое большое значение. Те, кто стремится создать бесклассовое общество, своими проявлениями власти и авторитета подготавливают разделение. Вы существуете отдельно от меня, а я — от другого человека, и это факт; но почему мы придаем такое значение этому чувству отдельности со всеми его разрушительными последствиями? Хотя существует огромное сходство между всеми нами, все мы различны; это различие вызывает в каждом из нас чувство важности своей отдельной жизни: моя семья, мое имя, мое имущество и чувство того, что я — отдельная сущность. Эта обособленность от других, это чувство индивидуальности причинили огромное зло, отсюда возникла потребность коллективной работы и действий, готовность пожертвовать индивидуумом во имя целого и т.д. Организованные религии пытались подменить

волю личности волей целого; а теперь партия, которая берет на себя роль государства, делает все, чтобы подавить индивидуальность.

Почему мы цепляемся за чувство отдельности? Наши чувства обособлены, но мы живем чувствами; мы *есть* чувства. Лишите нас чувств, радостных или мучительных, и мы перестанем существовать. Чувства необходимы для нас, они отождествляются с отдельностью нашего существования. Частная жизнь и жизнь в качестве гражданина на разных уровнях имеют разные чувства, и когда они сталкиваются, возникает конфликт. Но ведь чувства находятся всегда в состоянии войны друг с другом, как в частной, так и в общественной жизни. Конфликт присущ чувствам. До тех пор, пока я жажду получить власть или стать смиренным, остается конфликт чувств, который породит частные и общественные страдания. Постоянное желание стать большим или меньшим усиливает чувство своей индивидуальности и ее обособленности от других. Однако, если стать лицом к этому факту, без его осуждения или оправдания, мы обнаружим, что чувства не создают всей нашей жизни. Тогда ум как память, которая есть чувство, затихает; его не разрывают более собственные конфликты; и только тогда, когда ум спокоен и безмолвен, существует возможность любить без «я» и «моего». Если нет такой любви, то коллективное действие — это только принуждение; оно будет питать антагонизм и страх, из которых возникнут личные и общественные конфликты.

Он был очень беден, но обладал способностями и умом; он довольствовался, по крайней мере так казалось, тем немногим, что имел, и не был обременен семьей. Он часто приходил, чтобы обсудить тот или иной вопрос, и был полон великих грез о будущем; это был энтузиаст, устремленный вперед, который не искал удовольствий и находил радость в том, что оказывал скромную помощь другим. Он не чувствовал, по его словам, большой привязанности к деньгам и физическому комфорту; наоборот, он любил помечтать о том, что он сделал, если бы имел деньги, как он мог бы помочь в том или ином случае, как основал бы идеальную школу и т.д. Он был скорее мечтатель и легко мог уноситься на крыльях собственного энтузиазма или энтузиазма других.

Прошло несколько лет, и однажды он пришел снова. Какое-то странное изменение произошло в нем. Мечтательный вид исчез, он стал деловым человеком, точным, почти жестким в своих мнениях и довольно безжалостным в суждениях о других. Он побывал в разных странах. Его манера держать себя была тщательно продуманной и искусственной; он то включал, то выключал свое обаяние. Получив в наследство значительную сумму денег, он сумел увеличить ее в несколько раз, и вот он стал совсем другим человеком. Теперь он почти не заходит, а когда, в редких случаях, мы встречаемся, он держится замкнуто и на расстоянии.

И бедность, и богатство являются узам. Тот, кто сознает, что он беден, и тот, кто сознает, что он богат, являются игрушками обстоятельств. Оба развращены, так как и тот, и другой стремятся к тому, что развращает, — к власти. Власть — это нечто большее, чем имущество; власть больше, чем благосостояние и идеи. Эти последние дают власть, но если от них и можно отказаться, то все же чувство власти остается. Можно домогаться власти через простоту жизни, через добродетель, через партию, через отречение; но все эти пути — лишь суррогаты, и они никого не должны вводить в заблуждение. Желание иметь положение, престиж и власть, — ту власть, которая приобретается с помощью насилия и смирения, через аскетизм и знание, через эксплуатацию и самоотречение, — такое желание имеет неуловимо убедительный характер и является почти инстинктивным. Успех в любой форме — это власть, неудача же — только отсутствие успеха. Иметь власть, быть преуспевающим означает находиться в рабстве, что отрицает добродетель. Добродетель несет с собой свободу, но это не то, что может быть достигнуто. Всякое достижение, индивидуальное или коллективное, становится путем к власти. Успех в этом мире и власть, которую дает самоконтроль и самоотречение, должны быть устранены, так как и то, и другое искажают понимание. Желание успеха уничтожает смирение, а без смирения разве возможно понимание? Преуспевающий человек стал невосприимчивым, замкнутым в себе; он обременен собственной важностью, своими ответственными делами, достижениями и воспоминаниями о прошлом. Должна быть свобода от высокомерия ответственности и от бремени достижений; то, что обременено, не может быть быстрым, но чтобы понять, требуется быстрый и гибкий ум. У преуспевающих нет милосердия, так как они неспособны воспринимать истинную красоту жизни, которая есть любовь.

Желание успеха — это желание господствовать. Господствовать — значит обладать, а обладание — это путь изоляции. Этой самоизоляции ищет большинство из нас, создавая себе имя, пользуясь связями, работая, генерируя идеи. Изоляция включает в себе власть, но власть питает антагонизм, несет страдания. Изоляция является следствием страха, страх же кладет конец всякому общению. Общение — это взаимоотношение; и как бы ни было приятно или мучительно такое взаимоотношение, в нем существует возможность самозабвения. Изоляция — это путь «я», а всякая деятельность «я» несет конфликт и печаль.

ИСКРЕННОСТЬ

Небольшой участок зеленого газона, окаймленный яркими цветами, имел прекрасный вид. Было положено много труда, чтобы уберечь траву и цветы от палящих лучей солнца. За этим прелестным садом через крыши домов было видно синее море, которое искрилось на солнце, и белый парус. Комната выходила в сад, а сзади виднелись дома и верхушки деревьев. Радостно было смотреть из окна на море рано утром и перед закатом. Днем его воды были чересчур яркими и резали глаз. Но белый парус весь день оставался на месте, даже в самый полдень. Когда солнце садилось в море, за ним побежала ярко-красная дорожка; сумерек не было. Вечерняя звезда показалась над горизонтом и исчезла. Молодой месяц готов был покорить вечер, но он также погрузился в беспокойное море, и тьма спустилась на воды.

Он подробно говорил о Боге, об утренней и вечерней молитве, о постах, обетах, о твоих жгучих желаниях. Выражал он свои мысли ясно и точно, не колеблясь в выборе правильного слова. Ум его был хорошо натренирован, так как этого требовала его профессия. Это был живой человек с блестящими глазами, но в нем чувствовался некоторый недостаток гибкости. Упорство в поставленной цели и непреклонность заметны были в его манере держать себя. Он, несомненно, обладал необыкновенно сильной волей, и хотя улыбался непринужденно, воля его всегда была настороже, бдительная и господствующая. Он вел размеренную жизнь и ломал устоявшиеся привычки только усилием воли. «Без воли, — говорил он, — невозможна добродетель; воля необходима, чтобы ниспровергать зло. Борьба между добром и злом вечна, и лишь одна воля может усмирить зло». Он не был лишен некоторой мягкости, так как неоднократно улыбался при взгляде на лужайку и радостные цветы, но он никогда не позволял своему уму блуждать вне рамок, установленных волей и ее проявлениями. Хотя он тщательно избегал резких слов, вспышек гнева и малейшего выражения нетерпения, его воля каким-то непонятным путем подводила его на грань бурного взрыва. Если красота соответствовала образцу, предусмотренному его целями, он готов был ее принять; но всегда ему мерещился страх чувственности, болезненные воздействия которой он старался сдерживать. Он был хорошо начитан, с изысканными манерами, а его воля неотступно следовала за ним, как тень.

Искренность никогда не бывает простой; искренность — питательная почва для воли, но воля не может раскрыть путей личности. Познание себя не есть продукт воли; познание себя приходит через осознание, мгновение за мгновением, ответов на движение жизни. Воля исключает эти спонтанные ответы, но только они раскрывают структуру «я». Воля — это подлинная сущность желания; для понимания желания воля становится препятствием. Воля в любом виде, проявленная через верхние слои ума или в форме желаний, таящихся в глубине, никогда не может быть пассивной; но только в состоянии пассивности, в состоянии бдительного безмолвия может проявиться истина. Между желаниями всегда существует конфликт, на каком бы уровне они ни находились. Усиление одного желания за счет других лишь питает дальнейшее сопротивление, и это сопротивление есть воля. Понимание никогда не может прийти через сопротивление. Понять желание — вот что важно, а не подавлять одно желание с помощью другого.

Желание достичь, приобрести составляет основу искренности; а это побуждение, будет ли оно поверхностным или глубоким, ведет к приспособлению, которое является началом страха. Страх ограничивает самопознание переживаемым и таким образом не оставляет возможности выйти за пределы переживаемого. Самопознание, ограниченное подобным образом, лишь расширяет и углубляет сознание «я»; при этом «я» становится все большим и большим на различных уровнях и в разные периоды; конфликт же и страдания продолжают. Вы можете

сознательно забыть о себе или потерять себя в какой-либо деятельности, например, возделывая сад или разрабатывая какую-либо идеологию, или раздувая в людях неистовую страсть к войне; но вы теперь уже — страна, идея, деятельность, бог. Чем значительнее отождествление, тем в большей степени ваш конфликт и ваша боль оказываются скрытыми и, таким образом, идет постоянная борьба за то, чтобы быть отождествленным с чем-либо. Желание быть одним с избранным объектом несет конфликт искренности, который полностью отрицает простоту. Вы можете посыпать пеплом голову или носить простую одежду, или странствовать как нищий, но это — не простота.

Простота и искренность никогда не могут идти вместе. Тот, кто отождествил себя с чем-либо, на любом уровне, может обладать прямым характером, но не простотой. Воля быть — полная противоположность простоте. Простота приходит, когда существует свобода от жадного стремления к приобретению, от желания достигать. Достижение — это отождествление, а отождествление есть воля. Простота — это живое, пассивное осознание, при котором переживающий не фиксирует переживания. Самоанализ препятствует этому негативному осознанию; в анализе всегда присутствует мотив — быть свободным, понять, приобрести, а это желание лишь усиливает сознание «я». Подобным же образом умозаключения, связанные с самонаблюдением, являются преградой на пути самопознания.

САМООСУЩЕСТВЛЕНИЕ

Она была замужем, но не имела детей. Во внешней жизни, по ее словам, она была счастлива; деньги не составляли проблемы: автомобили, дорогие отели, далекие путешествия — все это у нее было. Муж ее был из числа преуспевающих деловых людей; главный интерес его жизни состоял в том, чтобы радовать свою жену, следить за тем, чтобы ей было хорошо и у нее было все, что она захочет. Они были совсем молоды и очень дружны. Она интересовалась наукой и искусством, была немного знакома с религией, но теперь, сказала она, вопросы духа оттеснили все остальное в сторону. Она ближе соприкоснулась с учениями разных религий; эффективность их организации, обряды и догмы не удовлетворяли ее, и она почувствовала серьезное желание отправиться в поиск реального. Глубокая неудовлетворенность охватила ее, она ездила к учителям в различные страны мира, но ничто не давало ей длительного удовлетворения. Ее состояние неудовлетворенности, сказала она, не связано с бездетностью, во всем этом она весьма основательно разобралась. Причина неудовлетворенности не зависела также от каких-либо разочарований социального характера. Некоторое время она провела у одного из выдающихся специалистов по психоанализу, тем не менее внутренняя боль и пустота оставались.

Искать самоосуществления означает призывать разочарование. Не существует осуществления личности; происходит лишь усиление личности в связи с обладанием тем, чего она домогается. Обладание на любом уровне заставляет личность чувствовать себя могущественной, богатой, деятельной, и это ощущение называется самоосуществлением; но, подобно другим чувствам, оно быстро увядает, и его сменяет какое-либо новое чувство, которое дает удовлетворение. Мы все хорошо знакомы с этим процессом перестановок и замен; это игра, которой большинство из нас вполне удовлетворено. Существуют, однако, люди, которые жаждут более длительного удовлетворения, такого, которое продолжалось бы в течение всей жизни; а, найдя его, они надеются, что никогда более не будут в смятении. Тем не менее, остается постоянное, бессознательное опасение, что и это равновесие будет нарушено, и поэтому возникают тонкие формы сопротивления, за ширмой которых ум ищет убежище; и так страх смерти становится неизбежным. Самоосуществление и страх смерти — это две стороны одного процесса: усиления личности. В действительности, самоосуществление — это отождествление с чем-либо — с детьми, с собственностью, с идеями. Дети и собственность — это, пожалуй, связано с риском, зато идеи дают значительно большую уверенность и безопасность. Слова, которые есть идеи и воспоминания, с их чувствами, становятся важными, а самоосуществление или полнота становятся тогда словом.

Нет никакого самоосуществления, есть лишь самопродление, которое сопровождается постоянно возрастающими конфликтами, антагонизмами и страданиями. Искать длительного удовлетворения на любом уровне нашего бытия означает вызывать смятение и скорбь, так как удовлетворение никогда не бывает вечным. Вы можете помнить опыт, который доставил вам удовлетворение, но опыт уже мертв, остается только память о нем. Эта память не имеет жизни сама по себе; жизненность придается ей благодаря нашему неадекватному ответу на настоящее. Вы живете, будучи мертвыми, как это делает большинство из нас. Непонимание путей личности ведет к иллюзии; стоит вам попасть в сети иллюзии, как необычайно трудно будет пробиться сквозь нее. Нелегко осознать иллюзорность, ибо ум, создав ее, уже не может ее осознать. К ней надо подойти косвенно, путем отрицания. До тех пор пока нет понимания путей желания, неизбежна иллюзия. Понимание приходит не через тренировку воли, но лишь тогда, когда ум безмолвен. Ум не может быть *сделан* спокойным, ибо тот, кто его успокаивает, сам является

продуктом ума, желания. Необходимо осознать без выбора весь процесс в целом; лишь тогда имеется возможность не питать иллюзий. Иллюзия приносит удовлетворение, а потому мы к ней привязываемся. Иллюзия может приносить и страдание, но само это страдание обнаруживает нашу неполноту и толкает нас к полному отождествлению с иллюзией. Иллюзия имеет огромное значение в нашей жизни; она помогает скрыть то, что *есть*, не внешне, а внутренне. Игнорирование того, что *есть* внутренне, ведет к неправильному пониманию того, что *есть* внешне, а это влечет за собой разложение и страдания. Скрывать то, что *есть*, заставляет нас страх. Страх никогда не может быть преодолен действием воли, так как воля есть результат сопротивления. Только через пассивное, но в то же время бдительное, живое осознание приходит свобода от страха.

Он весьма усердно занимался чтением, и хотя был беден, он смотрел на себя как на богатого знаниями, и это создавало для него некоторый источник счастья. Много часов он проводил с книгами и немало времени с самим собой. Жена его умерла, двое детей находились у родных; он был, пожалуй, рад пребывать вне суеты обычных отношений с людьми, добавил он. Он как-то странно был удовлетворен собой, независим и обладал спокойной уверенностью в своих высказываниях. Он рассказал, что ему пришлось пройти длинный путь для того, чтобы изучить проблему медитации, а в особенности, чтобы раскрыть значение некоторых древних песнопений и фраз, постоянное повторение которых весьма способствует успокоению ума. В самих словах также заключена определенная магия; их надо произносить точно и правильно петь. Эти слова пришли из глубокой древности; сама красота слов, с их ритмической модуляцией, создает атмосферу, благоприятную для сосредоточения. После этого он запел. У него был приятный голос, чувствовалась зрелость звуков, рожденная любовью к словам и к их смыслу. Он пел уже много лет, легко и с благоговением. В тот момент, когда он запел все остальное для него перестало существовать.

С другого конца поля доносились звуки флейты; они шли с перерывами, но тон был ясный и чистый. Флейтист сидел в густой тени большого дерева, а сзади него на большом расстоянии виднелись горы. Пение и звуки флейты, казалось, встречались вместе и исчезали с тем, чтобы начаться вновь. Мимо пронесли шумливые попугаи, и снова слышны были звуки флейты и глубокое, мощное песнопение. Было раннее утро, и солнце начало подниматься над деревьями. Люди шли из деревень в город, разговаривая и смеясь. Флейта и пение продолжались, и некоторые из проходивших остановились послушать; они сели на дорогу, увлеченные красотой пения и великолепием утра; свистки проходившего вдали поезда не нарушали красоты и великолепия; напротив, казалось, что все звуки соединились и наполнили землю. Даже громкие крики вороны не вносили дисгармонии.

Как мы увлекаемся звуками слов, и насколько важное значение для нас приобрели слова: «родина», «Бог», «священник», «демократия», «революция». Мы живем словами и находим наслаждение в тех чувствах, которые они вызывают; и именно эти чувства стали особенно важными. Слова дают удовлетворение, так как их звуки оживляют забытые чувства; удовлетворение ими становится еще большим, когда слова подменяют настоящее, то, что *есть*. Мы стараемся заполнить нашу внутреннюю пустоту словами, звуками, шумом, деятельностью; музыка и пение — это счастливый способ бегства от самого себя, от собственного убожества и скуки. Слова наполняют наши библиотеки; а как нескончаемо мы разговариваем! Мы едва ли можем отважиться обойтись без книг, остаться незанятыми, быть в одиночестве. Когда мы остаемся одни, наш ум продолжает оставаться беспокойным, блуждая повсюду, заботясь, вспоминая, борясь; поэтому мы никогда не пребываем в уединении, а наш ум никогда не остается в безмолвии.

Конечно, ум можно успокоить повторением слов, пением, молитвой. Уму можно дать наркотики, заставить его заснуть; его можно привести в сонное состояние добровольно или насильственно, причем в этом состоянии могут быть и сновидения. Но ум, который стал безмолвным благодаря дисциплине, ритуалам, повторению слов, никогда не может быть бдительным, восприимчивым, свободным. Такой способ воздействия на ум посредством дубинки, в тонкой или грубой форме, не есть медитация. Приятно петь, и доставляет радость слушать того, кто умеет хорошо петь; но чувство живет лишь в последующем чувстве, и чувство ведет к иллюзии. Большинству из нас нравится жить иллюзиями, и мы находим удовольствие в

поисках все более глубоких и всеохватывающих иллюзий; но страх потерять наши иллюзии заставляет нас отрицать или скрывать реальное, действительное. Дело не в том, что мы неспособны понимать настоящее; но, отбрасывая настоящее и цепляясь за иллюзий, мы преисполняемся страха. Все более и более глубокое погружение в иллюзию — это совсем не медитация; медитация — не украшение клетки, в которой мы пребываем. Осознание без какого-либо выбора путей ума, этого творца иллюзии, — вот начало медитации.

Удивительно, как легко мы находим суррогаты реального и как легко довольствуемся ими! Символ, слово, образ приобретают наиболее важное значение; вокруг этого символа мы возводим сооружение, построенное из самообмана, используя знание для того, чтобы укрепить его. Вот таким путем опыт становится препятствием на пути понимания реального. Мы даем названия не только для того, чтобы общаться друг с другом, но и с целью закрепить опыт. Это закрепление опыта есть самосознание, но если однажды мы оказались захваченными в его поток, чрезвычайно трудно выйти из него, т.е. выйти за пределы самосознания. Важно умереть по отношению к опыту вчерашнего дня и по отношению к чувствам сегодняшнего дня, в противном случае мы будем иметь дело с повторением; повторение же какого-нибудь действия, обряда, слова — бесполезно, В повторении никогда не может быть обновления. С прекращением опыта наступает творчество.

Она уже давно была замужем, но не имела детей; она не могла их иметь, и это глубоко ее расстраивало. У ее сестер были дети, за что же на нее такое проклятие? По традиции она была выдана замуж совсем юной, пережила много страданий, но знала также и тихие радости. Ее муж был крупным чиновником влиятельной корпорации или государственного департамента. Он также был озабочен тем, что у них нет детей, но, по-видимому, постепенно примирился с этим, а, кроме того, добавила она, он очень занятой человек. Можно было заметить, что она командовала им, хотя и не слишком резко. Она опиралась на него и поэтому не могла не иметь влияния на него. Лишенная возможности иметь детей, она стремилась найти осуществление своей жизни в нем; но ей пришлось разочароваться, так как муж оказался слаб, и она была вынуждена взять в свои руки решение личных проблем. «На работе, — сказала она с улыбкой, — его считают службистом и тираном, подавляющим своим авторитетом все кругом; но в домашней обстановке он мягкий и уступчивый». Она хотела, чтобы он уподобился некоему образцу и тянула его к этому, конечно, очень деликатно; но он не проявил решительности. Теперь у нее нет никого, на кого она могла бы опереться и кого могла бы любить.

Идея для нас важнее, чем факт; мысль о том, чем человек *должен* стать, имеет большее значение, чем то, что он *есть*. Будущее всегда привлекает нас больше, чем настоящее. Образ, символ имеет большее значение, чем то, что существует в действительности; мы стараемся наложить на это идею, образец. Благодаря этому мы создаем противоречие между тем, что *есть*, и тем, что *должно* быть. То, что *должно* быть, есть идея, фикция, и отсюда следует, что конфликт между действительностью и иллюзией — не в них, а в нас. Иллюзия нам нравится больше, чем действительность; идея более привлекательна, удовлетворяет в большей степени, вот почему мы ухватываемся за нее. Иллюзия приобретает характер реальности, а то, что существует в действительности, представляется ложным; мы оказываемся в плену конфликта между так называемым реальным и так называемым ложным.

Почему мы цепляемся за идею, сознательно или бессознательно, и отбрасываем в сторону то, что существует в действительности? Идея, образец спроецированы изнутри; они — одна из форм преклонения перед «я», увековечения себя, а потому дают полное удовлетворение. Идея дает силу господствовать, уверенно высказывать свои мнения, руководить, создавать форму; при этом идея, которая спроецирована личностью, никогда не отрицает само «я», не расчленяет это «я» на составные части. Благодаря этому образец или идея обогащает личность; мало того, идея рассматривается нами как любовь. «Я люблю своего сына или мужа и хочу, чтобы он стал тем или этим; я хочу, чтобы он сделался чем-то иным, чем то, что он есть».

Если мы хотим понять то, что *есть*, образец или идея должны быть отставлены в сторону. Отставить идею в сторону трудно только тогда, когда нет настоятельной потребности понять то, что *есть*. Конфликт между идеей и тем, что *есть*, существует в нас потому, что спроецированная изнутри идея доставляет большее удовлетворение, чем то, что *есть* в действительности. Лишь когда мы непосредственно столкнемся с действительностью, с тем, что *есть*, тот образец утратит смысл; следовательно, вопрос состоит не в том, как быть свободным от идеи, а в том, как встретиться с реальным. Мы можем оказаться перед реальным только когда у нас будет понимание процесса удовлетворения, деятельности «я».

Все мы ищем самоосуществления, и при этом самыми различными путями: с помощью денег или власти, детей или мужа, родины или идеи, служения или жертвы, господства или подчинения. Но *есть* ли тут самоосуществление? Объект осуществления — это всегда собственная проекция, собственный выбор, так что само желание осуществления — это форма

самопродления. Сознательно или не сознательно путь самоосуществления становится путем собственного выбора, в его основе лежит желание такого удовлетворения, которое было бы постоянным; таким образом, искание самоосуществления — это искание постоянства желания. Желание всегда преходяще, у него нет фиксированного местопребывания; оно может в течение какого-то времени удерживать объект, за который ухватилось, но желание само по себе не имеет постоянства. Мы инстинктивно это сознаем, и потому стараемся придать постоянство идее, верованию, вещи, взаимоотношению; а так как это тоже невозможно, то создается испытывающий, переживающий, как некая постоянная сущность; создается отдельное «я», отличное от желаний, мыслящий, обособленный и отличающийся от своих мыслей. Такое разделение несомненно ложное, оно ведет к иллюзии.

Поиски постоянства — это нескончаемый крик самоосуществления; но «я» никогда не может себя осуществить вследствие своего непостоянства, и то, в чем оно ищет осуществления, тоже преходяще. Стремление к постоянству личности, «я», означает распад; в этом процессе отсутствует преобразующий фактор, в нем нет дыхания нового. Личность должна прекратиться, чтобы могло проявиться новое. Личность — это идея, стереотип, пучок воспоминаний, и всякое ее осуществление — лишь продление идеи, опыта. Опыт — это всегда обусловленность; переживающий является всегда отделяющим и отличающим себя от переживаемого, от опыта. Поэтому необходима свобода от опыта, от желания получать опыт. Самоосуществление — это способ прикрыть внутреннюю бедность, пустоту, и потому в самоосуществлении всегда присутствует печаль, страдание.

НЕПРЕРЫВНОСТЬ

Человек, который сидел напротив, начал с того, что представился и сказал, что ему хотелось бы задать несколько вопросов. Он сообщил, что познакомился почти со всеми серьезными книгами о смерти и посмертной жизни, написанными в давние времена и в последние годы. Он был членом Общества психических исследований, присутствовал на многих сеансах с первоклассными и пользовавшимися хорошей репутацией медиумами и видел многие феномены, в которых не было и тени обмана. Так как сам он был очень серьезно заинтересован этим вопросом, то в нескольких случаях и ему удалось увидеть явления сверхфизического характера. Но, конечно, добавил он, они могли быть плодом его собственного воображения; впрочем, по его мнению, это не было так. Несмотря на то, что он очень много читал и беседовал со многими людьми, которые были хорошо осведомлены в этих вопросах и видели, бесспорно, физические явления умерших, он не был удовлетворен пониманием сущности вещей. Он основательно продумал проблему веры и неверия; у него были друзья как среди тех, кто верил, так и тех, кто не верил в непрерывность существования. Одни считали, что человеческое существование непрерывно и продолжается после смерти, другие же это отвергали и были уверены, что жизнь кончается со смертью физического тела. Хотя сам он приобрел обширные познания и опыт в вопросах психических явлений, все же некоторые сомнения продолжают у него оставаться; в поисках истины он уже приближается к старости. Смерти он не боится, но истина о ней должна быть раскрыта.

Поезд подошел к станции. Как раз в это время проезжала двухколесная повозка, запряженная лошадью. На повозке лежал труп человека, завернутый в темную материю и привязанный к двум длинным, только что срезанным зеленым бамбуковым палкам. Труп везли из какой-то деревни к реке, чтобы там предать сожжению. Когда повозка двигалась по ухабистой дороге, тело умершего подвергалось сильнейшим толчкам, причем больше всего ударялась голова, закрытая покрывалом. Кроме возницы, в повозке сидел человек, очевидно, один из близких родственников, судя по его глазам, покрасневшим от долгих слез. Небо было нежной синевы, какая бывает ранней весной; на дороге в грязи играли дети и громко кричали. Смерть, по-видимому, была обычным явлением, так как все проходили мимо, занятые каждый своим делом. Даже наш собеседник, который только что говорил о смерти, не заметил повозки и ее груза.

Вера обуславливает опыт, а опыт в свою очередь усиливает веру. То, во что вы верите, вы осуществляете в жизни. Ум диктует и истолковывает опыт, вызывает или отвергает его. Сам ум — результат опыта; он может признавать или испытывать только то, с чем он освоился, что он знает, на каком бы это ни было уровне. Ум не может делать предметом опыта неизвестное. Ум и его ответы имеют большее значение, чем опыт. Полагаться на опыт, как на путь к пониманию истины, значит попасть в сети неведения и иллюзии. Желание сделать истину предметом опыта равносильно отрицанию истины, так как желание создает условия, а вера есть лишь другая одежда желания. Знание, вера, убеждения, умозаключения и опыт — все это препятствия для истины; они составляют подлинную структуру нашего «я». «Я» не может существовать, если не будет происходить накопление опыта; страх смерти — это страх события, прекращения опыта. Если бы была твердая уверенность в непрерывности опыта, не было бы страха. Страх возникает только в отношении между известным и неизвестным. Известное всегда стремится овладеть неизвестным, но оно может ухватить только то, что уже известно. Неизвестное никогда не может быть предметом опыта для известного; известное, т.е. то, что уже стало предметом опыта, должно отойти, чтобы уступить место неизвестному.

Желание сделать истину предметом опыта необходимо обнаружить и понять; но если существует мотив в искании, тогда истина сама проявится. Может ли быть искание без мотива, сознательного или подсознательного? Если имеется мотив, существует ли искание? Если вы уже знаете, чего вы хотите, если вы сформулировали какую-то цель, то искание — лишь средство достичь цели, которая есть не что иное, как проекция вашего «я». В этом случае цель искания — получить удовлетворение, это не искание истины; средства же будут выбраны в соответствии с ожидаемым удовлетворением. Понимание того, что *есть*, не нуждается в мотивах. Когда имеются мотивы и средства, нет понимания. Искание, которое является осознанием без выбора, — это не искание чего-то; оно является осознанием собственной жажды результата и средств его достижения. Именно это невыбирающее осознание раскрывает понимание того, что *есть*.

Удивительно, как мы жаждем постоянства, непрерывности, продления. Это желание принимает различные формы, от самых грубых до самых тонких. Мы хорошо знакомы с обычными его видами; наименованием, формой, характером и т.д. Но наиболее тонкий аспект этого желания значительно труднее вскрыть и понять. Такое как идея, как бытие, как знание, как становление, на каком бы это ни было уровне, трудно отслеживать и выяснить. Мы знаем только непрерывность и никогда не знаем ее противоположности. Мы знаем непрерывность опыта, памяти, отдельных событий, но не знаем того состояния, при котором эта непрерывность отсутствует. Мы называем такое состояние смертью, неизвестным, таинственным и т.д.; давая ему название, мы надеемся в какой-то степени овладеть этим состоянием, что опять-таки есть желание непрерывности.

Самосознание — это опыт, наименование опыта, а также его воспроизведение; этот процесс совершается на различных уровнях ума. Мы цепляемся за процесс самосознания, несмотря на его преходящие радости, нескончаемый конфликт, хаос и страдание. Ведь это есть то, что мы знаем; это — наше существование, непрерывность самого нашего бытия, это — идея, память, слово. Идея, полностью или частично, имеет характер непрерывности, именно та идея, которая создает «я»; но несет ли эта непрерывность свободу, в которой единственно происходит раскрытие и обновление?

То, что обладает непрерывностью, никогда не может быть иным, не таким, каким оно существует с определенными видоизменениями; но эти видоизменения не прибавляют новизны. Оно может принять иной покров, иной цвет; но это все еще идея, память, слово. Этот центр непрерывности не есть духовная сущность, так как он продолжает находиться в поле мысли, памяти, а следовательно, в поле времени. Он может делать предметом опыта только свои собственные проекции, а через опыт, являющийся проекцией себя, создавать дальнейшую непрерывность своего бытия. Таким образом, пока этот центр существует, он никогда не может иметь опыт вне самого себя. Он должен умереть, он должен перестать с помощью идеи, памяти, слова создавать для себя непрерывное существование. Непрерывность — это гниение, распад, и существует жизнь только в смерти. Обновление происходит только с прекращением центра; тогда возрождение — это уже не непрерывность; тогда смерть, как и жизнь, является обновлением в каждый данный момент. Это обновление есть творчество.

Это был хорошо известный человек, который мог по своему положению причинять зло другим, что он и не колебался делать. Он был хитер и неглубок, лишен благородства и работал для своей личной выгоды. Он сказал, что не обладает настолько острым умом, чтобы рассказать все как следует, но что обстоятельства заставили его прийти, и вот он здесь. Из всего того, что он говорил и о чем умолчал, было вполне очевидно, что это весьма честолюбивый человек, который делал с окружающими его людьми все, что хотел. Он был безжалостен, когда ему должны были платить, и любезен, когда ему необходимо получить что-нибудь от других. Он был подобоострастен по отношению к стоявшим выше его, с равным обращался со снисходительной терпимостью, а тех, кто стоял ниже, он просто не замечал. Он ни разу не посмотрел на шофера, который его возил. Деньги сделали его подозрительным, поэтому у него было мало друзей. О своих детях он говорил так, как если бы это были игрушки для его забавы; но он, по его словам, не мог переносить одиночества. Кто-то ему сильно навредил; он не мог отплатить тем же, так как это лицо пребывало вне поля его достижения; поэтому он вымещал свое раздражение на тех, кто был рядом. Он не мог понять, чем вызывается его, не обусловленное особой необходимостью жестокосердие, и не мог уяснить, почему он готов был делать зло даже тем, кого, по его словам, любил. Пока он говорил, он постепенно оттаивал и стал почти совершенно доброжелательным. Это была внезапная вспышка добрых чувств; теплота их могла мгновенно прекратиться, если бы ему что-то угрожало или если бы у него что-нибудь попросили. Но так как никто у него ничего не просил, он продолжал чувствовать себя легко и добросердечно, по крайней мере, на данное время.

Желание причинить зло, нанести вред другому словом или жестом, тем или более тонким способом, достаточно сильно у большинства из нас; оно встречается довольно часто и чрезвычайно приятно. Стремление избежать вреда, который может быть нанесен нам самим, заставляет нас причинять зло другим; вредя другим, мы защищаем самих себя. Эта самозащита принимает различные формы в зависимости от обстоятельств и наклонностей. Как легко ранить другого, но какая требуется доброта, чтобы не причинить зла! Мы раним других, так как нам самим нанесена рана, мы больно ушиблены нашими собственными конфликтами и скорбями. Чем больше мы терзаемся внутри самих себя, тем больше в нас стремление к бурным внешним проявлениям. Внутренняя смута толкает нас на поиски внешней защиты, и чем больше мы стараемся себя защитить, тем сильнее атакуем других.

Что же это такое, то, что мы защищаем и так тщательно оберегаем? Это, несомненно, идея о нас самих, на каком бы то ни было уровне. Если бы мы не сохранили идею, центр накопления, не было бы никакого «я» или «моего». Вот тогда мы сделались бы в высокой степени чувствительными, открытыми в отношении к проявлениям нашей собственной жизни, как сознаваемым, так и скрытым. Но большинство из нас не испытывает желания раскрыть процесс своего «я», поэтому мы сопротивляемся любому покушению на идею нашего «я». Идея «я» имеет исключительно поверхностный характер, а так как большинство из нас живет поверхностно, мы удовлетворяемся иллюзиями.

Желание ранить другого глубоко инстинктивно. Мы накапливаем чувство возмущения, а это создает источник особой жизненности, особое чувство активности и жизни. То, что было накоплено, должно найти разрядку в виде гнева, оскорбления, унижения другого, настойчивых требований или в форме их противоположностей. Этот же процесс накопления чувства возмущения обуславливает прощение; если нет накопления зла, нет и необходимости прощать.

Почему мы копим лесть и оскорбления, обиды и привязанности? Без этого накопления

опыта и его ответов мы — ничто, мы не существуем; мы — ничто, если у нас нет имени, нет привязанностей, нет веры. Именно страх быть ничем побуждает нас производить накопления; но как раз этот же страх, несмотря на деятельность, направленную к накоплению, сознательно или бессознательно, приводит к разложению и гибели. Если мы сможем осознать истину этого страха, то сама истина освобождает нас от него, но никак не наше целеустремленное решение стать свободным.

Вы — ничто. Вы можете иметь имя и титул, собственность и текущий счет в банке; вы можете обладать властью и быть знаменитым, но, несмотря на все это, вы — ничто. Вы, может быть, совсем не сознаете этой пустоты, этого ничто; возможно, что вы просто не хотите осознать ее; но она здесь, как бы вы ни хотели ее избежать. Вы можете пытаться убежать от нее окольными путями, с помощью либо индивидуального, либо коллективного насилия или поклонения, с помощью знания или развлечений, но, независимо от того, находитесь ли вы в состоянии сна или бодрствования, эта пустота постоянно присутствует в вас. Вы можете подойти к вашему отношению с этим ничто и его страхами лишь тогда, когда у вас будет осознание своего стремления от него спастись. Вы не можете установить отношение с этим ничто на правах отдельной сущности; вы — не тот, кто наблюдает это ничто; без вас, без мыслящего, наблюдающего, это ничто не существует. Вы и ничто — одно и то же; вы и ничто — единый феномен, а не два различных процесса. Если вы, мыслящий, боитесь этого ничто и подходите к нему как к чему-то противоположному вам и направленному против вас, то любая форма действия, которую вы проявите по отношению к нему, неизбежно приведет вас к иллюзии и новым конфликтам и страданиям. Когда происходит раскрытие, переживание этого ничто как себя самого, страх, который существует лишь при условии, что мыслящий обособлен от своих мыслей и поэтому старается установить свое отношение к ним, тогда этот страх полностью исчезает. Только тогда возможно, чтобы ум был спокоен; и в этом спокойствии ума приходит истина.

«МОЙ ПУТЬ И ВАШ ПУТЬ»

Это был ученый, который говорил на многих языках и так же предавался знанию, как алкоголик спиртным напиткам. Он непрестанно цитировал других, чтобы подтвердить свои собственные взгляды. Он не слишком глубоко погружался в науки и искусство, но когда высказывал свое мнение, то сопровождал это наклоном головы и улыбкой, которая должна была неумолимым образом подтвердить, что это не только его личное мнение, но абсолютная истина. Он говорил, что у него есть свой собственный опыт, который для него достаточно убедителен и авторитетен. «Вы также имеете опыт, но вы не можете убедить меня, — сказал он. — Вы идете своим путем, а я своим. Это различные пути к истине, но когда-нибудь мы все там встретимся». Он был сдержанно дружелюбен, но тверд. Для него учителя, пусть они и не являются действующими в мире и видимыми для всех гуру, были реальностью; сделаться их учеником чрезвычайно важно. Он, как и некоторые другие, считал, что ученичество существует для тех, кто готов следовать по этому пути и принимает авторитет учителя. Он и его группа не принадлежали к тем, кто через спиритизм находил себе руководителей среди умерших. «Чтобы найти учителей, — говорил он, — мы должны служить, работать, жертвовать, подчиняться и упражняться в некоторых добродетелях; вне всякого сомнения, в этом случае совершенно необходима вера».

Полагаться на опыт как на средство раскрытия того, что *есть*, значит быть в плену иллюзии. Желание, страстное стремление обуславливает опыт, но находиться в зависимости от опыта как средства, которое приводит к пониманию истины, означает следовать по пути самовозвышения «я». Опыт никогда не может принести свободы от скорби, потому что не является адекватным ответом на вызов жизни. Вызов жизни надо встречать по-новому, свежо, так как вызов всегда является новым. Для того чтобы встретить его адекватно, надо отстранить обуславливающую память опыта и глубоко понять ответы на вызов, которые, возникают в форме удовольствия и страдания. Опыт является помехой для истины, так как опыт — от времени, он — результат прошлого. Как может ум, который есть результат опыта, времени, понять вневременное? Истина опыта не зависит от личных особенностей и свойств. Истина опыта постигается лишь тогда, когда имеется осознание, без осуждения, оправдания или какой-либо формы отождествления. Опыт не приближает к истине; не существует «вашего опыта» или «моего опыта»; это только интеллектуальное понимание проблемы.

Без познания себя опыт порождает иллюзию. Когда есть познание себя, опыт, который есть ответ на вызов, не оставляет накопленного остатка в виде памяти. Познание себя — это раскрытие в каждый данный момент путей личности, ее намерений и стремлений, ее мыслей и склонностей. Никогда не может быть «вашего опыта» и «моего опыта». Само выражение «мой опыт» указывает на неведение и пребывание в иллюзии. Однако многим из нас нравится пребывать в иллюзии, так как она дает большое удовлетворение. Именно этот личный рай стимулирует нас и создает чувство превосходства. Если у меня есть способности, талант или ловкость, я делаюсь лидером, посредником, представителем этой иллюзии. Так как большинство людей предпочитает избегать того, что *есть*, создается организация с ее собственностью и ритуалом, с обетами и тайными собраниями. Иллюзия облачается в форму, в соответствии с градацией, которая удерживает ее в сфере респектабельности. Поскольку большинство из нас ищет власти в той или иной форме, устанавливается иерархический принцип, появляются вновь принятый и посвященный, ученик и учитель, даже среди учителей устанавливаются ступени духовного роста. Большинству из нас нравится эксплуатировать и быть эксплуатируемым. А подобная система как раз и предлагает подходящие средства, тайные или

явные.

Эксплуатировать означает быть эксплуатируемым. Желание использовать других для ваших психологических потребностей создает зависимость, а когда вы зависите от другого, вы сами должны обладать, владеть; теперь то, чем вы владеете, владеет вами. Без зависимости, в тонкой или грубой форме, без обладания вещами, людьми или идеями вы пусты, вы — ничего не значащее существо. Вы желаете быть чем-либо для того, чтобы избежать гнетущего вас страха быть ничем, вы присоединяетесь к той или иной организации, к той или иной идеологии, к какой-то церкви или храму. Таким путем вы становитесь предметом эксплуатации и, в свою очередь, эксплуатируете других. Эта иерархическая структура представляет отличную возможность для экспансии «я». Вы, может быть, стремитесь к братству? Но может ли существовать братство, если вы занимаетесь духовным разрушением? Вы можете смеяться над внешними титулами; но когда вы допускаете учителя, спасителя, гуру в царство духа, не переносите ли вы туда обычный подход к вещам? Могут ли быть иерархические разделения или ступени в духовном раскрытии, в понимании истины, в осознании Бога? Любовь не допускает разделения. Или вы любите, или не любите. Но не превращайте отсутствие любви в некий длительный процесс, который завершается любовью. Когда вы *знаете*, вы не любите, но когда вы сознаете без всякого выбора этот факт, то есть возможность для изменения. Усердное культивирование различия между учителем и учеником, между теми, кто достиг, и теми, кто не достиг, между спасителем и грешником — все это лишь отрицание любви. Эксплуататор, который в свою очередь является эксплуатируемым, в этой тьме и иллюзии пребывает как в раю.

Вы отделяете себя от Бога или реальности благодаря своему уму, который цепляется за известное, держится за несомненное и надежное. Через это разделение нельзя перекинуть мост. Нет таких обрядов, нет дисциплины, нет жертв, которые могли бы вас перенести через него; нет спасителя, нет учителей, гуру, которые повели бы вас к реальному или разрушили бы это разделение. Разделение существует не между реальным и вами; оно — в вас, оно — это конфликт противоположных желаний. Желание рождает свою противоположность, и изменение состоит не в концентрации на одном желании, а в свободе от конфликта, который порождается желанием. Желание на любом уровне бытия создает новый конфликт, от которого мы стараемся уйти любым способом, а это лишь усиливает конфликт, внутренний и внешний. Конфликт не может быть разрешен кем-либо другим, как бы велик он ни был; его нельзя преодолеть с помощью магии или ритуалов, магия и ритуалы могут удерживать вас в приятном сновидении, но после пробуждения проблема останется на старом месте. Большинство из нас не имеет желания пробудиться от сна, поэтому мы пребываем в иллюзии. С прекращением конфликта наступает тишина, и только тогда может проявиться реальность. Учителя, спасители и гуру — все это неважно, но существенно важно понять нарастающий конфликт желания; такое понимание приходит только через познание себя и постоянное осознание движений своего «я».

Осознать себя трудно, а так как большинство из нас предпочитает легкий, иллюзорный путь, мы вводим авторитет, который дает форму и модель для нашей жизни. Этот авторитет может быть коллективным, например, государство; он может быть личным, т.е. учителем, спасителем, гуру. Всякого рода авторитет ослепляет, ведет к беспечности; и поскольку большинство из нас считает утомительным для себя мыслить, мы вверяем себя авторитету.

Авторитет порождает власть. Власть всегда стремится к централизации, в высшей степени разлагающей. Она развращает не только носителя власти, но и того, кто следует за ней. Авторитет знания и опыта разлагает, независимо от того, будет ли он в одежде учителя или его представителя, или священнослужителя. Только ваша собственная жизнь, этот как бы нескончаемый конфликт имеет значение, а не образец или лидер. Авторитет учителя или священнослужителя отводит нас от центрального вопроса, а именно от конфликта в нас самих.

Проблему страдания никогда нельзя понять и разрешить посредством искания какого-либо пути жизни. Такое искание — это всего лишь попытка избежать страдания, прибегая к спасительному образцу; а то, чего мы избежали, от чего спаслись, подобно гноящейся ране, множит наши беды и боль. Понимание себя, независимо от того, окажется ли оно болезненным или мгновением, полным радости, — это начало мудрости.

Нет пути к мудрости. Если существует путь, то мудрость уже сформулирована, она уже стала предметом воображения, она сделалась познаваемой. Может ли мудрость стать познаваемой, можно ли ее культивировать? Является ли она тем, что можно изучать, что можно накапливать? Если бы это было так, то мудрость стала бы просто знанием, предметом опыта и содержанием книг. Опыт и знание — это непрерывная цепь ответов, а поэтому они никогда не могут понять новое, свежее, непроявленное. Опыт и знание, обладая свойством непрерывности, движутся в направлении своих собственных проекций, поэтому они постоянно связывают. Мудрость — это понимание того, что *есть* в каждый данный момент, без накопления опыта и знания. То, что накоплено, не приносит свободы понимания, но без свободы не существует раскрытия, и только это нескончаемое раскрытие дает мудрость. Мудрость обладает новизной, свежестью. Нет путей, на которых можно было бы ее собрать. Пути и средства уничтожают свежесть, новизну, спонтанность раскрытия.

Множество путей к единой реальности — это выдумка нетерпимого ума; это плод ума, который культивирует терпимость. «Я следую своим путем, а вы — своим, но будем друзьями, и мы, может быть, встретимся». Встретимся ли мы, если вы идете на север, а я на юг? Будем ли мы друзьями, если у вас своя система верований, а у меня другая? Если я — участник коллективного убийства, а вы — поборник мира? Для того чтобы быть друзьями, необходима взаимная связь в работе, в мысли. Но может ли быть взаимодействие между человеком, который ненавидит, и человеком, который полон любви? Существует ли какое-либо взаимопонимание между человеком, пребывающим в иллюзии, и человеком, который свободен? Свободный человек может пытаться установить связь с тем, кто в оковах, но человек, пребывающий в иллюзии, не может установить никакой связи с человеком, который свободен.

Те, кто находится в разделении и цепляется за свою изолированность, пытаются установить взаимоотношения с другими людьми, которые также замкнуты в себе; но такие попытки лишь неизбежно усиливают конфликт и страдание. С целью избежать страданий умники выдумали терпимость, при этом каждый смотрит через воздвигнутый вокруг себя барьер и старается быть приветливым и великодушным. Терпимость — от ума, а не от сердца. Разве вы говорите о терпимости, когда любите? Но когда сердце пусто, ум наполняет его хитрыми выдумками и страхами. Там, где есть терпимость, не может быть никакого единения.

Не существует пути к истине. Истина должна быть открыта, но формулы, определения для ее обнаружения не может быть: то, что сформулировано, не истинно. Вам надо отплыть в море, которого нет на карте, и это неведомое море — вы сами. Вы должны отправиться в путь, чтобы открыть себя, но у вас не может быть никакого плана или модели, потому, что тогда это уже не будет открытием. Открытие приносит радость — не радость воспоминания или сравнения, но радость всегда новую.

Огромная масса облаков, подобных вздымающимся белым волнам, и небо, спокойное и синее. С высоты многих сот футов, где мы стояли, открывался вид на голубой залив, огибавший гору, а вдали была земля. Был восхитительный вечер, спокойный и щедрый, и на горизонте виднелся дымок парохода. Апельсиновые рощи растянулись до самого подножия горы, и их благоуханием полон был воздух. Вечер становился голубым, как всегда, сам воздух становился голубым, и белые домики утратили свою яркость, окутанные нежной дымкой. Синева моря, казалось, разлилась вокруг и покрыла землю, и горы также приняли оттенок прозрачной голубизны. Это было обворожительное зрелище, и над всем царило великое безмолвие. Немногие голоса вечера влились в безмолвие; они составляли его часть, так же, как и мы. Это безмолвие всему придавало новизну, смывая века убожества и страданий с сути вещей; ваш взор прояснился, и ум был спокоен от этой тишины. Закричал осел; эхо заполнило долину, а безмолвие приняло его в себя. Конец дня был завершением всех прошедших дней; в этой смерти таилось возрождение, оно было лишено мрака прошлого. Жизнь обновилась в беспредельности безмолвия.

В комнате ожидал человек, жаждавший разрешить свои вопросы. Он был в каком-то необычном напряжении, но сидел спокойно. Это был городской житель, его изысканная одежда не гармонировала с небольшой деревушкой и этой комнатой. Он рассказал о своей работе, о служебных трудностях, о семейных делах и своих упорных желаниях. Все эти вопросы он мог бы сам разрешить так же благоразумно, как и любой другой. Но что его особенно мучило, так это сексуальные влечения. Он был женат и имел детей, однако этого было недостаточно. Его сексуальность стала для него чрезвычайно серьезной проблемой и сделала его почти душевнобольным. Он беседовал с некоторыми врачами и специалистами по психоанализу, но это не принесло облегчения, и проблема продолжала существовать; ему необходимо было найти ее разрешение.

Как мы жаждем разрешить наши проблемы! Как настойчиво ищем ответа, выхода, рецепта! Мы никогда не рассматриваем именно проблему, но с волнением и беспокойством, оцупью доискиваемся ответа, который неизменно оказывается проекцией нашего «я». Хотя проблема есть создание нашего «я», мы стараемся найти ответ вне его. Искать ответ означает уклоняться от проблемы, избегать ее, — это как раз то, что предпочитает делать большинство из нас. Тогда наиболее важное значение приобретает ответ, а не проблема. Но решение неотделимо от проблемы; ответ лежит в самой проблеме, а не вне ее. Если оказывается, что ответ не связан с основным предметом темы, мы создаем другие проблемы; проблема как понять ответ, как его осуществить, как применить на практике и т.д. Так как поиски ответа означают аннулирование самой проблемы, мы оказываемся потерянными среди идеалов, убеждений, опыта, которые являются проекциями нашего «я». Мы преклоняемся перед этими самодельными идолами и поэтому все более и более запутываемся и теряем силы. Прийти к заключению сравнительно легко, но понять проблему трудно. Это требует совсем другого подхода, такого, при котором нет скрытого желания получить ответ.

Свобода от желания иметь ответ существенно необходима для понимания проблемы. Такая свобода создает условия для полного внимания; ум не отвлекается второстепенными вопросами. Пока существует конфликт или противодействие по отношению к самой проблеме, не может быть ее понимания, так как конфликт есть отвлечение внимания. Понимание возможно только когда существует связь, общение, но общение невозможно, пока имеется сопротивление или борьба, страх или уступка. Необходимо установить правильное отношение к проблеме; это и

есть начало понимания. Но как возможно правильное отношение к проблеме, если вы заняты только тем, чтобы избавиться от нее, т.е. найти для нее какое-либо решение? Правильные взаимоотношения означают общение; общения же не может быть, если имеется сопротивление, позитивное или негативное. Подход к проблеме важнее, чем сама проблема; подход определяет форму проблемы, цель. Средства и цель не отличаются от подхода к проблеме. Подход решает судьбу проблемы. Наиболее важное значение имеет то, как вы будете рассматривать проблему, ибо ваше отношение к проблеме, ваши страхи и надежды будут окрашивать ее. Осознание без выбора вашего подхода к проблеме формирует правильное к ней отношение. Проблема создана «я», и потому должно быть понимание себя. Вы и проблема — одно, это не два отдельных процесса. Вы *есть* проблема. Деятельность «я» ужасающе монотонна. «Я» — это сама скука; это слабость, тупость, несерьезность. Его противоречивые, взаимоисключающие желания, его надежды и разочарования, его реалии и иллюзии — такие захватывающие, но все же пустые; своей деятельностью оно утомляет само себя. Оно постоянно карабкается вверх и все время срывается, постоянно стремится и всегда терпит неудачу, постоянно извлекает пользу и все время теряет; и от этого утомительного круговорота бессмыслицы неизменно старается, спастись. Оно ищет спасения во внешней деятельности или в приятных иллюзиях, в вине, сексе, радио, книгах, в знании, развлечениях и прочее. Его способность плодить иллюзии непостижимо сложна и обширна. Эти иллюзии — всего лишь самоделки; их создает «я»; это — идеал, идолопоклонническая концепция учителей и спасителей, будущего как средства самовозвышения и т.д. Стараясь спастись от собственной монотонности, скуки, «я» устремляется, внешне и внутренне, к чувствам, возбуждению. Но это всего лишь суррогаты, видимость ухода от себя. Тем не менее, в этих суррогатах оно все же надеется как бы исчезнуть, забыться. Такие суррогаты часто достигают успеха, но сам этот успех лишь увеличивает его собственную усталость. Оно устремляется то к одному суррогату, то к другому, и каждый создает свою проблему, свой собственный конфликт и свою боль.

К самозабвению можно идти как внутренним, так и внешним путем; одни уходят в религию, другие — в работу и внешнюю деятельность. Но не существует средств, чтобы забыть себя. Внутренний или внешний шум может подавить «я», но скоро оно возникает снова, уже в другой форме, под другой маской; ибо то, что подавлено, должно вырваться на волю. Самозабвение через пьянство или секс, через поклонение или знание создает зависимость; а то, от чего вы зависите, порождает новую проблему. Если ради облегчения своей жизни, ради забвения себя, ради счастья вы зависите от спиртных напитков или от учителя, тогда они становятся вашей проблемой. Зависимость порождает обладание, зависть, страх, а затем страх и его преодоление становятся новой мучительной проблемой. В поисках счастья мы создаем другие проблемы и в этих проблемах запутываемся. Мы находим, например, счастье в забвении себя с помощью секса, и таким образом, мы пользуемся им как средством достичь желаемого. Счастье, достигаемое *через* что-либо, должно неизбежно породить конфликт, так как в этом случае средства достижения оказываются гораздо более важными и значительными, чем само счастье. Если я нахожу счастье в красоте этого стула, то стул становится для меня необходимым, поэтому я должен защищать его от других. В этой борьбе счастье, которое я однажды испытал, ощутив красоту стула, полностью забыто, потеряно; я остался один со своим стулом. Сам по себе стул не имеет большого значения; я придал ему особую ценность, так как он оказался путем к моему счастью. Таким образом, средство становится суррогатом счастья.

Если путем к моему счастью оказывается живой человек, конфликт и смятение, антагонизм и страдание становятся еще большими. Когда взаимоотношения основываются на использовании другого, может ли быть какая-либо связь, кроме самой поверхностной, между тем, кто использует, и тем, кого используют? Если я использую вас для своего счастья, имею ли я

подлинную связь с вами? Взаимоотношения предполагают общение с другим на разных уровнях; а существует ли общение с другим, когда он всего лишь инструмент, средство моего счастья? В таком использовании другого не ищущ ли я в действительности самоизоляции, в которой, как я надеюсь, буду счастлив? Эту самоизоляцию я называю взаимоотношением; но фактически в этом процессе нет никакого общения. Общение может существовать только там, где нет страха; но там, где имеется использование другого, а следовательно, зависимость от него, там гнетущий страх и страдание. Так как ничто не может жить в изоляции, то попытка ума изолировать себя приводит к его собственному крушению и страданию. Для того чтобы уйти от этого чувства неполноты, мы ищем полноты в идеях, в людях и вещах. В поисках суррогатов мы вновь возвращаемся туда, откуда вышли.

Проблемы всегда будут существовать там, где доминирует деятельность «я». Для того чтобы осознать, что именно является действием «я», а что нет, требуется постоянная бдительность. Эта бдительность не есть внимание, выработанное дисциплиной, это такое широкое осознание, которое не делает выбора. Внимание, достигнутое с помощью дисциплины, усиливает «я»; оно становится суррогатом и зависимостью. Осознание, с другой стороны, не может быть вызвано самоубеждением, не может быть результатом практики; это понимание всего содержания проблемы, как видимого, так и скрытого. Внешнее должно быть понято, чтобы скрытое обнаружило себя; скрытое не может быть раскрыто, если внешний ум не спокоен. Весь этот процесс не может быть выражен на уровне слов и не является предметом переживания, опыта. Словесные формулировки покажут лишь тупость ума; а опыт, будучи кумулятивным, накапливающимся, потребовал бы повторений. Осознание не подлежит определению; целеустремленная же направленность — это сопротивление, которое тяготеет к исключительности. Подобное осознание есть безмолвное, без выбора, наблюдение того, что есть; в этом осознании разворачивается вся проблема, благодаря чему приходит ее понимание целиком и полностью.

Проблема никогда не может быть разрешена на своем собственном уровне; будучи сложной, она должна быть понята во всей своей целостности. Попытка решить проблему на одном уровне, физическом или психологическом, приводит к новому конфликту и осложнениям. Для решения проблемы необходимо как раз такое осознание, такая пассивная бдительность, при которой раскрывается сущность проблемы в ее целостности.

Любовь — не чувство. Чувства порождает мысль с помощью слов и символов. Чувства и мысль замещают любовь, становятся суррогатом любви. Чувства — от ума, так же как сексуальное влечение. Ум питает эту жажду, страсть через воспоминания, из которых он извлекает доставляющие удовольствие ощущения. Ум состоит из различных и противоречащих друг другу интересов и желаний с их взаимоисключающими ощущениями: они сталкиваются, когда одно или другое начинает преобладать, и таким образом создается проблема. Ощущения существуют как приятные, так и неприятные; ум удерживает приятные и таким образом делается их рабом. Такая зависимость становится проблемой, так как ум представляет собой вместилище противоречивых ощущений. Бегство от неприятного — такое же рабство, со своими иллюзиями и проблемами. Ум создает проблемы, поэтому он не может их разрешить. Любовь существует вне ума; но когда ум перехватывает ее, появляется чувство, которое он называет любовью. Эту любовь, идущую от ума, может продумывать мысль, ее можно облечь в форму, можно отождествить. Ум может вспоминать или предвкушать приятные ощущения, и этот процесс есть влечение, независимо от того, на каком уровне оно проявляется. В поле ума не может быть любви. Ум — это сфера страха и расчета, зависти и власти, соперничества и отречения, поэтому здесь нет любви. Ревность, подобно гордости, идет от ума, но это не любовь. Между любовью и процессами ума нельзя перекинуть мост, их нельзя слить в одно. Когда чувства преобладают,

нет места для любви; таким образом, предметы ума заполняют сердце. Любовь становится непознаваемой, и тогда к ней можно стремиться и ей поклоняться; она превращается в идеал, в который надо верить и которому надо следовать, но идеалы всегда являются проекцией «я». Таким образом, ум полностью берет верх, а любовь становится словом, чувством. Теперь любовь можно сравнивать: «Я люблю больше, а вы меньше». Но любовь не может быть ни личной, ни безличной; любовь есть состояние бытия, в котором чувство, как и мысль, полностью отсутствует.

Сын ее недавно умер, и она не знает, что ей теперь делать, сказала она. У нее вдруг оказалось обилие свободного времени. Ей так скучно, одиноко и скорбно, что она готова умереть. Она воспитывала сына с любовью, заботой и умом; он ходил в одну из лучших школ и поступил в колледж. Он не был избалован, хотя имел все, что было нужно. Она в него верила и на него надеялась, отдавая ему всю свою любовь, потому что кроме него ей некого было любить, с мужем они давно разошлись. Сын ее умер после операции, которая была сделана в результате ошибочного диагноза; доктора говорили, добавила она с улыбкой, что операция прошла «удачно». Теперь она осталась одна, и жизнь кажется ей пустой и бесцельной. Она много плакала после его смерти, пока не стало слез, а была лишь тупая и тягостная пустота. У нее были такие планы в отношении их обоих, а теперь она осталась совершенно одна.

С моря дул ветер, прохладный и освежающий, но под деревом было тихо. Горы сверкали яркими красками; лиловатые сойки весело болтали между собой. Поблизости ходила корова, за ней бегал теленок; белочка с диким писком промчалась вверх по дереву, уселась на ветку и сердито заворчала; ее ворчание продолжалось довольно долго, а хвост то поднимался, то опускался. У нее были сверкающие яркие глаза и острые коготки. Вышла ящерица, чтобы погреться на солнце, и поймала муху. Верхушки деревьев нежно покачивались, а мертвое дерево на фоне неба стояло совершенно прямым и было великолепно. От солнечных лучей оно стало почти белым. Рядом стояло другое дерево, темное и искривленное; оно засохло совсем недавно. На далеких горах лежали редкие облака.

Какая странная вещь — одиночество, и как оно страшно! Мы никогда не позволяем себе подойти к нему вплотную, и если нам случайно приходится к нему приблизиться, мы быстро убегаем. Мы готовы сделать все, чтобы уйти от одиночества, спрятать его. Сознательно или подсознательно мы заняты тем, чтобы уйти от него или преодолеть его. Но избегать одиночества или пытаться его преодолеть — одинаково бесцельно; пусть вы его подавили или обошли, однако проблема и страдание остаются все там же. Вы можете затеряться в толпе и, тем не менее, остаться совершенно одиноким; вы можете быть весьма деятельным, но одиночество молчаливо подползает к вам; отложите в сторону книгу, и вот оно снова здесь. Развлечения и алкоголь не могут заглушить одиночества; вы можете временно забыть о нем, но когда смех или опьянение пройдут, страх и одиночество возвратятся. Вы можете быть честолюбивым и преуспевающим, можете обладать громадной властью над другими, можете быть преисполнены знания, поклоняться богам и самозабвенно совершать ритуалы, но что бы вы ни делали, боль одиночества не проходит. Вы можете жить только ради сына, ради учителя, ради раскрытия своего таланта, но одиночество, подобно тьме, покрывает вас. Вы можете любить одиночество, ненавидеть его, избегать его — в зависимости от вашего темперамента и психологических требований, — но одиночество остается; оно выжидает, находится на страже, отступает с тем, чтобы появиться вновь.

Одиночество — это осознание полной изоляции; не замыкает ли нас в себе наша деятельность? Хотя наши мысли и эмоции экспансивны, не являются ли они исключительными и разделяющими, не ищем ли мы господства в наших отношениях, в наших правах и обладании, вызывая тем самым сопротивление? Не разделяем ли мы работу на «вашу» и «мою»? Не отождествляем ли мы себя с коллективом, со своей страной или с небольшой группой? Не состоит ли наше стремление, все целиком, в том, чтобы изолировать себя от других, разделить, отделить? Деятельность нашей личности на любом уровне есть путь изоляции; одиночество — это сознание «я», лишено деятельности. Деятельность, физическая или психологическая,

становится средством к саморасширению; когда же никакой деятельности нет, существует ощущение пустоты личности. Мы стремимся заполнить пустоту и в заполнении ее проводим жизнь, все равно на каком уровне — на высоком или низком. Мы можем думать, что заполнение пустоты на высоком уровне не внесет социального ущерба, но иллюзия эта порождает несказанные несчастья и крушения, которые могут возникнуть не сразу. Желание наполнить эту пустоту или уйти от нее, что одно и то же, не может быть перенесено на высший уровень или подавлено; так что же это за сущность, которая должна подавить пустоту или перенести ее на другой уровень? Не является ли эта сущность иной формой самого желания? Объекты желаний различны, но разве одно желание не похоже на другое? Вы можете изменить объект вашего желания и вместо алкоголя взять идею; но без понимания процесса желания иллюзия неизбежна.

Нет сущности, отдельной от желания; существует желание, но нет того, кто желает. Желание надевает различные маски в разное время в зависимости от собственных интересов. Память об этих различных интересах встречается с тем новым, что раскрывается в данный момент; отсюда получается конфликт. Вот таким путем рождается тот, кто выбирает; он ставит себя в положение сущности, отличающейся от желаний и стоящей вне его. Но эту сущность нельзя отделить от ее качества. Сущность, которая старается заполнить пустоту или уйти от пустоты, неполноты, одиночества, не отличается от всего того, чего она старается избежать; она есть эта пустота. Она не может убежать от самой себя; единственное, что она может сделать, это понять себя. Она есть это одиночество, она есть своя собственная пустота; до тех пор, пока она будет рассматривать одиночество и пустоту как нечто отдельное от себя, она будет пребывать в иллюзии и бесконечном конфликте. Когда наступит непосредственное переживание того, что она есть свое собственное одиночество, лишь тогда *может* прийти свобода от страха. Страх существует только по отношению к какой-либо идее, идея же — это ответ памяти в форме мысли. Мысль есть результат опыта; хотя она может размышлять по поводу пустоты и иметь чувства, связанные с ней, она не может непосредственно познать пустоту. Слово «одиночество» с его воспоминаниями о страданиях и страхе устраняет возможность пережить это одиночество, как впервые данное. Слово есть память. Когда слово теряет свою значимость, отношение между переживаемым и переживающим делается совсем другим; тогда это взаимоотношение становится непосредственным, а не через слово, не через память; тогда переживающий есть само переживание. Только тогда приходит свобода от страха.

Любовь и пустота несовместимы; когда имеется чувство одиночества, любви нет. Вы можете прятать пустоту под словом «любовь»; но когда объект вашей любви больше не существует или не отвечает на ваше чувство, тогда вы осознаете пустоту, вы чувствуете себя потерпевшим крушение. Мы пользуемся словом «любовь» как средством уйти от самого себя, от своей собственной несостоятельности. Мы цепляемся за того, кого любим; мы ревнивы; мы скучаем без него, когда его нет с нами; мы чувствуем себя совершенно потерянными, когда он умирает. Тогда мы ищем утешения в какой-нибудь другой форме: в вере, в каком-либо суррогате. Является ли все это любовью? Любовь — не идея, не результат общения; любовь — не то, что может быть использовано для спасения от нашей собственной никчемности; а когда мы ее используем для этого, мы создаем проблему, которая не может быть разрешена. Любовь — не абстракция; реальность ее может быть пережита лишь тогда, когда идея, ум перестанет быть главенствующим фактором.

СОГЛАСОВАННОСТЬ

Это был, несомненно, разумный и деятельный человек, читавший лишь немногие, избранные книги. Он был женат, но не был настоящим семьянином. Себя он называл идеалистом и общественным деятелем; за свою деятельность сидел в тюрьме; имел много друзей. Его не интересовало создание имени для себя или для партии, что было для него одним и тем же. Он был по-настоящему захвачен общественной деятельностью, которая может привести к какому-то счастью людей. Он был из числа тех, кого можно назвать религиозными. Он не был сентиментален или суеверен, не был последователем какой-либо доктрины или ритуала. Он сказал, что пришел обсудить проблему противоречия, не только внутри него самого, но и в природе, во вселенной. Ему казалось, что это противоречие является неизбежным; умные и глупые, сталкивающиеся между собой желания человека; слово, противоречащее действию, и действие, которое расходится с мыслью. Подобные противоречия он находил всюду.

Согласовывать себя с чем-либо означает быть неразумным. Проще и безопаснее следовать, не отклоняясь, какому-либо образцу поведения, сообразоваться с идеологией или традицией, чем отважиться на труд самостоятельного мышления. Подчинение авторитету, внешнему или внутреннему, не создает вопросов, избавляет от необходимости мыслить и, следовательно, тревожиться и волноваться. Следование своим собственным умозаключениям, переживаниям, решениям не создает противоречия внутри нас; мы находимся в согласии с поставленной нами же целью; мы выбираем определенный путь и следуем ему без колебаний, решительно. Не ищет ли большинство из нас такого пути жизни, который не вносил бы слишком много тревог и обеспечивал бы, по крайней мере, психологическую безопасность? А как мы чтим человека, который живет согласно своему идеалу! Таких людей мы ставим в пример; по их стопам надо идти, перед ними надо преклоняться. Приближение к идеалу, хотя оно и требует немало упражнений и борьбы, в целом дает радость и удовлетворение; ведь, по сути дела, идеал — это самоделка, порожденная личностью. Вы выбираете своего героя, религиозного или светского, и следуете за ним. Желание согласовать себя с кем-либо дает особую силу и удовлетворение, так как в подобном решении заложено чувство безопасности. Но верность своему решению — не простота, без простоты же не может быть понимания. Согласовать себя с достойным подражания образцом поведения означает найти удовлетворение в своем стремлении к достижению; успех же обеспечивает покой и безопасность. Установление идеала и постоянное приближение к нему развивает противодействие; при этом формы приспособления к идеалу не выходят за пределы самого образца. Согласованность дает безопасность и уверенность; вот почему мы с мужеством отчаяния цепляемся за нее.

Находиться в противоречии с самим собой означает жить в конфликте и печали. Личность по самой своей структуре противоречива; она состоит из многих сущностей с различными масками, каждая из которых противопоставлена другим. Вся фабрика личности есть результат противоречивых интересов и ценностей, многих разнообразных желаний на разных уровнях ее бытия. Все эти желания рождают свою противоположность. Личность, «я», — это сеть, сотканная из желаний; каждое из них имеет свой собственный импульс и цель; и они часто противоречат друг другу надеждам и стремлениям. Эти маски личность надевает в соответствии со стимулирующими обстоятельствами и чувствами; следовательно, в самой структуре личности неизбежно заложено противоречие. Противоречие внутри нас питает иллюзии и страдания; с целью избежать их мы прибегаем к всевозможным самообманам, которые лишь усиливают конфликт и несчастье. Когда внутреннее противоречие становится невыносимым, мы стараемся, сознательно или бессознательно, уйти от него через смерть или безумие, или же отдаемся идее,

группе, стране, деятельности, которая должна полностью поглотить наше существо; или мы обращаемся к организованной религии с ее догмами и ритуалами. Таким образом, трещина внутри нас приводит или к дальнейшему расширению личности или, наоборот, к ее распаду, к безумию. Усилие стать иным, чем-то, что мы есть, углубляет противоречие. Страх того, что *есть*, питает иллюзию его противоположности; в погоне за противоположным мы надеемся уйти от страха. Синтез не заключается в развитии противоположностей; синтез не приходит через противоположение, так как противоположное содержит в себе элементы собственной противоречивости. Противоречие в нас самих ведет к различным по характеру физическим и психологическим ответам: мягким или грубым, респектабельным или опасным. Согласованность с чем-либо еще больше запутывает и затемняет противоречия. Сосредоточенная погоня за одним каким-либо интересом приводит к замкнутому в себе противоречию. Противоречие внутри нас влечет за собой внешний конфликт, а конфликт свидетельствует о противоречии. Только через понимание путей желания приходит свобода от внутреннего противоречия.

Интеграция никогда не может быть ограничена поверхностными уровнями ума; она не является тем, чему можно научить в школе; она не возникает с приобретением знания или в результате само пожертвования. Только интеграция приносит свободу от согласованности и противоположности; но интеграция не состоит в слиянии воедино всех желаний и множества интересов. Интеграция — это не приспособление к образцу, как бы он ни был благороден и привлекателен; к ней нельзя подойти непосредственно, прямо, позитивно, но лишь косвенно, негативно. Иметь концепцию интеграции, — значит приспособляться к образцу, а это лишь культивирует тупость и разрушение. Стремиться к интеграции, — значит превращать ее в идеал, спроецированную личностью цель. Поскольку все идеалы являются проекцией личности, они неизбежно вызывают конфликт и вражду. То, что проецирует личность, должно быть одной с ней природы, и, следовательно, противоречиво и запутано. Интеграция — не идея, не просто ответ памяти, и поэтому ее нельзя культивировать. Желание интеграции возникает вследствие конфликта, но, культивируя интеграцию, нельзя преодолеть конфликт. Вы можете скрывать, отрицать противоречие или не признавать его; но оно здесь, ожидая момента, чтобы проявиться.

Нас интересует конфликт, а не интеграция. Интеграция, как и мир, — это побочный продукт, она сама по себе не является целью; это результат, а потому имеет второстепенное значение. С пониманием конфликта придут не только интеграция и мир, но и нечто неизмеримо большее. Конфликт не может быть подавлен или сублимирован, не может он быть и чем-либо подменен. Конфликт приходит с желанием, с жадной непрерывности, с желанием большего, что не означает, будто должна быть удовлетворенность застоя. «Большее» — вот постоянный вопль «я»; это жажда ощущений, прошлых или будущих. Ощущения, чувства принадлежат уму; исходят от ума, и потому ум не может быть инструментом для понимания конфликта. Понимание не вербально, оно вне слов, это не ментальный процесс и, следовательно, не дело опыта. Опыт — это память, а без слова, символа, образа не существует памяти. Вы можете прочитать много томов о конфликте, но это не принесет вам понимания конфликта. Чтобы понять конфликт, мысль не должна вмещиваться; осознание конфликта должно происходить без присутствия мыслящего. Мыслящий, он же выбирающий, неизменно склоняется на сторону приятного, удовлетворяющего, и тем самым продолжает конфликт; он может разрешить какой-то отдельный, частный конфликт, но остается почва для дальнейших конфликтов. Мыслящий оправдывает или осуждает и тем препятствует пониманию. Когда мыслящий отсутствует, имеет место непосредственное переживание конфликта, но не опыт, который предполагает присутствие того, кто его испытывает, переживает. В состоянии переживания не существует ни переживающего, ни переживаемого. Переживание непосредственно; тогда и отношение

непосредственно, оно не опосредовано памятью. Это то непосредственное отношение, которое приносит понимание. Понимание освобождает от конфликта, а в свободе от конфликта существует интеграция.

ДЕЙСТВИЕ И ИДЕЯ

Это был мягкий и вежливый человек, с готовой и приятной улыбкой. Одет он был просто, держал себя спокойно и ненавязчиво. Он сказал, что в течение многих лет проводит в жизнь ненасилие и хорошо знает его силу и духовное значение. Об этом он написал несколько книг, одну из которых принес с собой. Он рассказал, что за многие годы никого не убил по своей воле и был строгим вегетарианцем. Говоря о деталях своего вегетарианства, он подчеркнул, что его ботинки и сандалии сделаны из кожи животных, умерших естественной смертью. Он создал для себя наиболее простые условия жизни, изучил вопросы диеты и питался только самым необходимым. Он говорил, что уже несколько лет не сердился, хотя иногда бывал нетерпелив; но это было лишь реакцией нервов. Речь его была обдуманной и любезной. Ненасилие, сказал он, — это та сила, которая должна изменить мир, и он посвятил этому свою жизнь. Он не был из числа тех, кто легко рассказывает о себе, но, говоря о ненасилии, был весьма красноречив, и слова, казалось, текли сами собой. Он добавил, что пришел сюда, чтобы более глубоко обсудить свою излюбленную тему.

По ту сторону дороги находился большой пруд. Незадолго до этого сильный ветер с моря взбудоражил его воды, но сейчас они были совершенно спокойны и отражали большие листья дерева. Одна или две лилии тихо плавали на его поверхности, а нераспустившийся бутон только что показался над водой; птицы начали слетаться. Несколько лягушек бросились в пруд; круги на воде вскоре исчезли, и снова поверхность стала гладкой. На самой верхушке высокого дерева сидела птица и чистила клювом свои перья и пела; она только что сделала круг и вернулась на свое высокое и уединенное место. Она была в полном восторге от мира и от самой себя. Около дерева сидел плотный мужчина с книгой в руках, но ум его был где-то далеко. Он сделал было попытку читать, но ум его вырывался все снова и снова. В конце концов он перестал бороться и предоставил уму действовать, как он хочет. Грузовик медленно и с трудом поднимался в гору; несколько раз надо было менять скорость.

Мы так заняты согласованием результатов, внешних проявлений и феноменов. Мы озабочены прежде всего внешним порядком; с внешней стороны мы налаживаем жизнь в соответствии с принятыми решениями, теми внутренними принципами, которые считаем для себя обязательными. Почему мы заставляем внешнее соотноситься с внутренним? Почему мы действуем согласно идее? Может быть, идея сильнее, могущественнее, чем действие?

Сначала мы вводим идею, аргументированную или интуитивно прочувствованную, а потом пытаемся действие приблизить к идее; мы стремимся жить в согласии с идеей, осуществлять ее на практике, дисциплинировать себя в свете этой идеи — так происходит вечная борьба за то, чтобы втиснуть действие в рамки идеи. Почему существует эта непрестанная и мучительная борьба за то, чтобы придать форму действию в соответствии с идеей? Что это за стремление заставить внешнее соотноситься с внутренним? Для того ли оно существует, чтобы усиливать внутреннее, или для того, чтобы внутреннее, полное неуверенности, могло получить уверенность от внешнего? Когда мы ищем поддержку от внешнего, не указывает ли это на то, что внешнее имеет для нас большее значение и важность? Внешняя реальность имеет свое значение, но когда она рассматривается как свидетельство подлинности, не указывает ли это со всей очевидностью на доминирующую роль идеи? Почему идея стала всевластной? Чтобы заставить нас действовать? Но разве идея помогает нам действовать, или она скорее препятствует действию?

Идея, несомненно, ограничивает действие; в силу страха перед действием идея выдвигается на первый план. В идее — спасение, в действии — опасность. Для того чтобы контролировать

действие, которое не имеет границ, культивируется идея; и чтобы затормозить действие, идея пускается в ход. Подумайте, что случилось бы, если бы вы были по-настоящему щедры в действии! Так щедрости сердца вы противопоставили щедрость ума; дальше вы не идете, ибо не знаете, что случится с вами завтра. Идея управляет действием. Действие полно, открыто, широко; страх же в виде идеи вмешивается в действие и берет его на себя. Так наиважнейшим становится идея, а не действие.

Мы стараемся заставить действие сообразоваться с идеей. Пусть идея или идеал есть ненасилие; тогда наши действия, жесты, мысли будут созданы по форме, соответствующей этому образцу мысли; то, что мы едим, во что одеваемся, что говорим становится особенно важным, так как с помощью всего этого мы судим о цельности характера. Теперь цельность характера делается важной, а совсем не то, чтобы не причинять насилия; вы особенно живо интересуетесь, какие у вас сандалии, что вы едите, но забываете о состоянии ненасилия. Идея всегда вторична, и таким образом вторичные факторы начинают господствовать над первичными. Вы можете писать, читать лекции, вести беседу об идее; идея обладает большими возможностями для расширения личности, состояние же ненасилия не дает никакого удовлетворения, связанного с расширением личности. Идея, будучи рождена личностью, дает стимулы для удовлетворения, в позитивном или негативном смысле; состояние же ненасилия ничем особенно не привлекает. Ненасилие есть результат, побочный продукт, но не цель сама по себе; оно становится самодовлеющей целью лишь тогда, когда преобладает идея. Идея — это всегда вывод, завершение, проецированная изнутри цель. Идея есть движение в сфере известного; но мысль не может сформулировать, что же это такое — быть в состоянии ненасилия. Мысль может размышлять о ненасилии, но сама она не может быть ненасильственной. Ненасилие — не идея; его нельзя превратить в образец действия.

Комната была хороших пропорций, тихая и спокойная. Элегантная мебель подобрана была с большим вкусом. На полу лежал толстый, мягкий ковер. В мраморном камине горел огонь. Старинные вазы были собраны со всех частей света. На стенах висели картины современных художников и несколько полотен старых мастеров. Красота и комфорт были хорошо продуманы и с большой тщательностью осуществлены; во всем чувствовалось богатство и вкус. Окна выходили в небольшой сад, за которым старательно ухаживали в течение многих лет.

Жизнь в городе как-то странно оторвана от вселенной. Вместо долин и гор появились здания, созданные рукой человека. Взамен бурных потоков слышится рев городского движения. По вечерам едва можно увидеть звезды, даже если кто-нибудь и пожелал бы этого, так как огни в городе слишком ярки. Днем виден совсем крохотный кусочек неба. Несомненно, что-то происходит с жителями города, они хрупкие и отполированные, у них есть церкви и музеи, алкоголь и театры, красивые одежды и бесконечные магазины. Повсюду люди — на улицах, в домах, комнатах. Облако плывет по небу, но лишь немногие обратят на него внимание. Везде беготня и сутолока.

Но в этой комнате были тишина и величие. В ней царил атмосфера, свойственная богачам, чувствовалась надежность, отгородившаяся от всего остального, уверенность и длительная свобода от нужды. Он говорил, что интересуется философией, восточной и западной; по его мнению, нелепо начинать с греков, как будто до них ничего не существовало. Потом он перешел к своей собственной проблеме: как давать и кому давать. Проблема обладания деньгами и связанной с этим ответственности в какой-то степени беспокоила его. Почему он создает из этого проблему? Имеет ли значение, кому давать и с каким настроением? Почему это стало проблемой?

Вошла его жена, изящная, живая и любознательная. Оба они, по-видимому, были хорошо начитаны, опытные в делах и обладали житейской мудростью; оба были способны, многим интересовались. Они были продуктом одновременно и города, и деревни, но сердца их принадлежали преимущественно городу. Одно лишь, казалось, было где-то далеко — сострадание. Ум их был хорошо развит: можно было видеть и остроту, и безжалостный подход, хотя это и не заходило слишком далеко. Она немного писала, он слегка занимался политикой. А как легко и уверенно они говорили! Сомнение существенно необходимо для раскрытия, для последующего понимания, но разве может быть сомнение, если вы уже знаете так много, если ваш панцирь самозащиты так безукоризненно отполирован, и все его трещины прочно заделаны изнутри? Линии и формы становятся чрезвычайно важными для тех, кто пребывает в оковах чувственного; тогда красота есть ощущение, доброта — чувство, а истина — предмет рассуждений. Когда чувства господствуют, комфорт становится необходимым, не только для тела, но и для души; но комфорт, особенно комфорт ума, действует разъедающим образом и ведет к иллюзии.

Мы *есть* те вещи, которыми владеем; мы *есть* то, к чему привязаны. Привязанность не содержит в себе ничего возвышенного. Привязанность к знанию не отличается от другой склонности, которая доставляет удовлетворение. Привязанность есть поглощение самим собой, независимо от того, будет ли она на самом низком или на самом высоком уровне. Привязанность — это самообман, это бегство от пустоты своего «я». Все то, к чему мы привязаны, — собственность, люди, идеи, — приобретает особо важное значение, потому что без множества вещей, которые заполняет эту пустоту, «я» нет. Страх небытия заставляет обладать; и этот страх рождает иллюзию, привязывает к умозаключениям. Умозаключения,

решения, как в материальной области, так и в мире идей, мешают пользоваться разумом, свободой, в которой только и может пролиться реальное; а без этой свободы хитрость берет верх над разумностью. Проявления хитрости всегда сложны и разрушительны. Именно хитрость, защищая себя, заставляет привязываться; когда же привязанность причиняет страдание, та же самая хитрость ищет независимости и находит удовлетворение в гордом и тщеславном самоотречении. Понимание путей хитрости, путей «я» — начало разумности.

НАВЯЗЧИВЫЕ МЫСЛИ

Он сказал, что одержим какими-то нелепыми мыслями, причем они постоянно меняются. То его мучает какой-то мнимый физический недостаток, а через некоторое время его тревожная мысль уже перенеслась на другое. Жизнь его состоит, как ему кажется, из переходов от одной навязчивой мысли к другой. С целью преодолеть эту одержимость, он, по его словам, искал объяснения в книгах, был у психиатра, но не получил никакого облегчения. Вскоре после одной из серьезных и значительных встреч эти навязчивые мысли опять возобновились. Если бы он нашел причину, может быть, он смог бы избавиться от всего этого?

— Может ли раскрытие причины принести свободу от следствия? Может ли знание причины устранить последствия? Мы знаем причины войн, экономические и психологические, однако потворствуем варварству и самоуничтожению. По сути дела, нашим мотивом при поисках причины является желание освободиться от последствий. Это желание есть лишь другая форма сопротивления или осуждения; но когда имеется осуждение, — понимания нет.

«Что же тогда делать?» — спросил он.

— Почему эти ничтожные и глупые навязчивые мысли овладевают умом? Ставить вопрос «почему» не означает искать причину, как нечто находящееся вне нас, что вы должны найти; это означает лишь, что вы раскрываете пути вашей собственной мысли. Итак, почему ум оказывается обремененным именно таким способом? Не в связи ли с тем, что он поверхностный, пустой, мелкий; не потому ли сам он тяготеет к тому, что его привлекает?

«Да, — ответил он. — Кажется, так, но не полностью, так как сам я достаточно серьезен».

— Кроме этих навязчивых мыслей, чем вообще занята ваша мысль?

«Моей постоянной работой, — сказал он. — Я занимаю ответственный пост. Целый день, а иногда до самой ночи мои мысли вертятся вокруг моей работы; иногда я читаю, но большая часть моего времени связана с основной работой».

— Вам нравится работа, которую приходится делать?

«Да, но она меня не полностью удовлетворяет. В течение всей жизни я не был удовлетворен тем, что делаю; тем не менее, не могу отказаться от моего настоящего положения, так как у меня имеются некоторые обязательства, а кроме того, мне уже немало лет. То, что меня мучает, — это мои навязчивые мысли и мой нарастающий протест по отношению к работе, а также по отношению к людям. Я не отличаюсь податливостью и чувствую нарастающую тревогу в связи с будущим; и кажется, мне никогда не обрести покоя. Я хорошо выполняю свою работу, но...»

— Почему вы боретесь против того, что *есть*! Дом, в котором я живу, возможно, и шумный, и грязный. Обстановка самая жалкая, в ней как будто ничего нет красивого. Однако по многим причинам мне приходится жить именно здесь, я не могу перейти в другой дом. Следовательно, вопрос не в том, приемлемо это или нет, а в том, чтобы усмотреть очевидный факт. Если я не буду видеть то, что *есть*, я до боли буду мучиться видом этой вазы, этим стулом или картиной; они сделаются моими навязчивыми идеями, возникнет отвращение к работе и т.д. Вот если бы я мог все это бросить и начать сызнова, это было бы совсем другое дело; но я не могу. Мое возмущение тем, что *есть*, действительностью, совершенно неправильно. Признание того, что *есть*, не ведет к самоуверенному довольству и праздности. Когда я смиряюсь перед тем, что *есть*, приходит не только понимание этого, но также определенное спокойствие поверхностного ума. Если поверхностный ум беспокоен, это провоцирует навязчивые идеи, подлинные и мнимые; он оказывается захваченным какой-либо социальной реформой или решением религиозного порядка: учителем, спасителем, ритуалом и т.д. И лишь когда поверхностный ум спокоен, может обнаружиться то, что скрыто. Скрытое должно быть раскрыто;

но это невозможно, если поверхностный ум обременен навязчивыми мыслями и тревогами. Так как поверхностный ум постоянно находится в каком-то волнении, неизбежен конфликт между поверхностным и более глубокими уровнями ума; пока этот конфликт не будет разрешен, навязчивые мысли будут нарастать. В конце концов, навязчивые идеи — это один из способов избавиться от конфликта. Все пути бегства похожи один на другой, хотя, конечно, некоторые из них являются более вредными в социальном отношении.

Лишь тогда, когда навязчивые мысли или всякая другая проблема познаны как целостный процесс, существует свобода от проблемы. Для того чтобы находиться в состоянии широкого осознания, не должно быть ни малейшего осуждения или оправдания проблемы; дознание должно происходить без какого-либо выбора. Для такого осознания необходимы большое терпение и восприимчивость, устремленность и непрерывное внимание. Лишь тогда возможно наблюдение и понимание всего процесса мысли.

ДУХОВНЫЙ РУКОВОДИТЕЛЬ

Он сказал, что его гуру слишком великий человек, чтобы его описывать; сам он уже многие годы является его учеником. Учитель, продолжал он, дает свои поучения с помощью грубых ударов, сквернословия, оскорблений и противоречивых поступков, однако многие важные персоны, добавил он, являются его последователями. Сама жесткость его обращения заставляет людей думать, встряхнуться, повернуть фокус внимания, и это необходимо, так как большинство людей находится в сонном состоянии и нуждается во встряске. Этот учитель говорил самые ужасные вещи о Боге, кроме того, ученики его, по-видимому, регулярно пили, как и сам учитель, который порядочно выпивал при всякой еде. Поучения его, тем не менее, носили глубокий характер, одно время они хранились в тайне, а теперь становятся доступными для всех.

Лучи позднего осеннего солнца лились в окно, и был слышен гул оживленной улицы. Умирующие листья ярко блестели, воздух был свежий и бодрящий. Как во всех городах, здесь царил атмосфера уныния и невыразимой печали — таким контрастом свету вечера; и искусственная веселость лишь усиливала это грустное чувство. Мы как будто забыли, что значит быть естественным, свободно улыбаться; наши лица закрыты тревогами и заботами. А листья сверкали на солнце, и облако прошло мимо.

Даже в так называемых духовных движениях поддерживаются социальные разделения. Как горячо мы приветствуем лицо, имеющее высокое звание, и предоставляем ему место в первом ряду! Как теснятся последователи вокруг знаменитости! Как мы жаждем отличий и ярлыков! Эта жажда отличий выливается в то, что мы называем духовным ростом, — те, кто близко, и те, кто далеко; отсюда иерархическое разделение на учителя и посвященного, на ученика и только еще начинающего. Это желание вполне понятно и в известной степени может быть оправдано в повседневной жизни. Но когда те же самые условия переносятся в мир, где эти глупые различия вообще не имеют никакого значения, становится ясно, как глубоко мы обусловлены нашими желаниями и влечениями. Если не обладать пониманием этих страстных желаний, совершенно бесполезно искать освобождения от гордости.

«Однако, — продолжал он, — мы нуждаемся в руководителях, гуру, учителях. Вы, может быть, стоите вне этого, но мы, обыкновенные люди, нуждаемся в них; иначе уподобимся потерянными овцам».

— Мы выбираем наших лидеров, политических и духовных, исходя из собственного хаоса, поэтому и на них лежит печать хаоса. Мы требуем, чтобы нам льстили, чтобы нас утешали и поощряли, давали удовлетворение; вот почему мы выбираем такого учителя, который дает нам то, чего мы жаждем. Мы не ищем реального, мы стремимся к чувству удовлетворения и ощущениям. Для прославления нашей личности нам необходимо, чтобы мы создавали руководителя, учителя; мы чувствуем себя потерянными, смятенными и тревожными, когда отрицаем личность. Если у вас нет реального учителя в этом мире, вы создаете учителя, находящегося где-то далеко, скрытого от всех и таинственного. Первый подвержен различным физическим и эмоциональным влияниям, второй — самодельный, созданный вами самими идеал; но и тот и другой — результат вашего выбора; выбор же неизбежно опирается на ваши личные склонности и предрассудки. Вы, быть может, предпочитаете дать более почтенное и благозвучное наименование вашему предубеждению, но поймите, что выбор ваш исходит от собственной неразберихи и личных влечений. Если вы ищете удовлетворения, вы, естественно, найдете то, что хотите; но не будем называть это истиной. Истина проявляется, когда желание удовлетворения, жажда ощущений приходят к концу.

«Вы не убедили меня в том, что я не нуждаюсь в учителе», — сказал он.

— Истина — не предмет аргументации и убеждения; она — не результат обмена мнениями. «Однако учитель помогает мне преодолеть жадность и зависть», — настаивал он.

— Может ли кто-либо другой, как бы он ни был велик, помочь осуществить в вас перемену? Если он может — это означает, что внутри вас не произошло никакого изменения, на вас лишь оказали влияние, вы попали в подчинение. Это влияние может продолжаться длительное время, тем не менее, никакой перемены не произошло, вы лишь подавили себя. Но независимо от того, вызвано ли подавление завистью или оно происходит в силу так называемого духовного влияния, вы продолжаете находиться в рабстве, вы несвободны. Нам нравится находиться в рабстве, мы любим, чтобы нами кто-то обладал, будь это учитель или кто-нибудь другой, так как такое подчинение гарантирует безопасность; учитель становится убежищем. Обладать — значит быть обладаемым, но обладание — это не свобода от жадности.

«Я должен сопротивляться жадности, — сказал он. — Я должен преодолеть ее, сделать любые усилия, чтобы уничтожить ее, и тогда все будет так, как надо».

— Из того, что вы говорите, следует, что вы уже в течение многих лет пребываете в конфликте с жадностью, и тем не менее не освободились от нее. Не говорите, что вы не пытались действовать достаточно решительно, как обычно говорят в этих случаях. Можете ли вы понимать что-либо с помощью конфликта? Преодолеть — не значит понять. То, что вы преодолеваете, неизбежно придется преодолевать снова и снова, но то, что вы полностью поняли, — от этого вы свободны. Для того чтобы понять, необходимо осознать процесс сопротивления. Сопротивляться значительно легче, чем понимать, к тому же мы с малых лет приучены к сопротивлению. Когда мы сопротивляемся, нет необходимости в том, чтобы наблюдать, обдумывать, иметь общение. Сопротивление — показатель косности ума. Ум, который сопротивляется, замкнут в себе, он не способен к восприимчивости, к пониманию. Понять пути сопротивления гораздо важнее, чем освободиться от жадности. Вот вы не прислушиваетесь к тому, что сейчас говорится; вы перебираете в уме ваши различные обязательства, которые возникли за годы борьбы и сопротивления. Вы теперь связаны обязательствами, о которых, быть может, читали лекции и писали; вы собрали друзей; вы сделали вклад на имя вашего учителя, который помог вам организовать сопротивление. Поэтому ваше прошлое не позволяет вам прислушаться к тому, что было сказано.

«Я и согласен и не согласен с вами», — заметил он.

— Как раз это и показывает, что вы не слушаете. Вы взвешиваете и сравниваете ваши обязательства с тем, что сейчас было сказано. Вот это и называется не слушать. Вы боитесь слушать, а это означает, что вы находитесь в конфликте, соглашаясь и в то же время не соглашаясь.

«Вы, может быть, и правы, — сказал он, — но я не могу выкинуть все, что я накопил, — друзей, знания, опыт. Я знаю, что должен отойти от всего, но я просто не могу, и это так».

Теперь конфликт внутри него будет еще больше, чем когда-либо, ибо если вы однажды осознали то, что *есть*, хотя бы против, воли, и отвергаете это ради своих обязательств, у вас возникает глубокое противоречие. Это противоречие выражается в двойственности. Не возможно перекинуть мост, соединяющий противоположные желания; если же создан какой-то мост, то это — сопротивление, являющееся согласованностью. Только в понимании того, что *есть*, существует свобода от того, что *есть*.

Странный факт, что последователям нравится, когда их бранят и ими руководят, мягко или грубо. Они думают, что грубое обращение является частью их обучения, тренировки на пути к духовному успеху. Желание, чтобы вам причиняли боль, грубо вас встряхивали — это часть наслаждения, которое человек может испытывать, причиняя боль другому; и эта взаимная деградация руководителя и его последователя есть результат жажды ощущений. Из-за желания

все больших ощущений вы становитесь последователем, сами создаете руководителя, гуру, и ради этого нового удовольствия готовы жертвовать, мириться с дискомфортом, оскорблениями и обескураживанием. Все это есть часть взаимной эксплуатации, не имеет ничего общего с реальностью и никогда не приведет к счастью.

«Горы сделали меня безмолвной, — сказала она. — Я приехала в Энгадину, и красота ее повергла меня в состояние великого безмолвия; я не могла произнести ни слова при виде всех этих чудес. Это было что-то потрясающее. Мне хотелось бы удержать это живое, вибрирующее, движущееся безмолвие. Когда вы говорите о безмолвии, я думаю, что вы имеете в виду это необыкновенное переживание, которое было у меня. В самом деле, мне очень хотелось бы знать, имеете ли вы в виду безмолвие того же характера, которое я пережила. Воздействие этого безмолвия на меня продолжалось значительное время. Теперь я постоянно возвращаюсь к нему, стараюсь вновь ухватить его и жить в нем».

— Вас сделала безмолвной Энгадина, другого — прекрасные человеческие формы, третьего — учитель, книга или алкоголь. Благодаря внешней стимуляции вы можете ощущать то, что называется безмолвием и доставляет большое наслаждение. Воздействие красоты и величия сводится к тому, что они оттесняют на задний план повседневные проблемы и конфликты, а это создает какое-то чувство освобождения. Вследствие внешней стимуляции ум временно делается спокойным: он ожидает нового переживания, нового восторга, и уже в следующее мгновение, когда оно прошло, возвращается к этому переживанию, как к воспоминанию. Остаться навсегда в горах, очевидно, невозможно, так как вы вынуждены вернуться к обычному делу, но зато имеется возможность получить такое же состояние тишины с помощью другой формы стимуляции, например, благодаря алкоголю, человеку, идее; это как раз то, что делает большинство из нас. Эти различные формы стимуляции являются средствами, с помощью которых ум делается спокойным; таким образом, средства приобретают значение, становятся важными, и мы оказываемся привязанными к ним. Поскольку эти средства доставляют нам наслаждение безмолвия, они становятся доминантой в нашей жизни, представляют наш законный интерес, психологическую потребность, которую мы защищаем и ради которой, если необходимо, мы убиваем друг друга. Средства занимают место переживания, которое теперь — только память.

Формы стимуляции могут варьироваться в зависимости от обусловленности данного лица. Но есть нечто общее во всех стимуляторах: желание убежать от того, что *есть*, от нашей повседневной рутины, от наших отношений, которые уже перестали быть живыми, и от знания, которое постоянно утрачивает новизну. Вы выбираете один способ бегства, я — другой, причем мой выбор всегда предполагается более правильным, чем ваш. Но всякое бегство, будет ли оно в форме идеала или кино или церкви, всегда приносит вред и ведет к иллюзии и страданию. Психологические способы бегства более пагубны, чем внешние, так как они имеют более тонкий и сложный характер, в связи с чем их труднее распознать. Безмолвие, которое приходит с помощью стимуляции или возникает благодаря дисциплине, самоконтролю, сопротивлению, позитивному или негативному, — это результат, следствие, и поэтому оно не является творческим; оно мертво.

Существует безмолвие, которое не является реакцией, результатом, следствием стимуляции, ощущения; безмолвие, которое не составлено, не получено путем умозаключений. Оно приходит, когда понят процесс мысли. Мысль — это ответ памяти, определенных умозаключений, сознательных или подсознательных; это память диктует действия в соответствии с тем, доставляют ли они удовольствие или страдание. Именно таким путем идеи контролируют действие, отсюда возникает конфликт между действием и идеей. Этот конфликт всегда сопутствует нам, и когда он резко усиливается, возникает потребность освободиться от него; но пока этот конфликт не понят и не разрешен, любая попытка освободиться от него есть

бегство. Пока действие подчинено идее, конфликт неизбежен. Конфликт прекращается лишь тогда, когда действие становится свободным от идеи.

«Но как возможно, чтобы действие было свободно от идеи? Действие, очевидно, невозможно, если ему не предшествует мысль. Действие следует за идеей; я никак не могу представить себе действие, которое не являлось бы результатом идеи».

— Идея — результат памяти; идея — это выражение памяти в войнах; идея — неадекватная реакция на вызов, на жизнь. Адекватный ответ на жизнь есть действие, а не создание идеи. Мы отвечаем на толчки жизни с помощью мысли для того, чтобы обезопасить себя от действия. Идея ограничивает действие. Безопасность существует в поле идей, но не в поле действия; вот почему действие сделалось подвластным идее. Идея — это защищающий себя образец для действия. Во время глубокого кризиса имеет место непосредственное действие. Именно для того, чтобы обезопасить себя от этого спонтанного действия, ум подвергает себя дисциплине; а так как для большинства из нас ум имеет доминирующее значение, то идея проявляет себя как тормоз в отношении действия, и так возникает трение, дисгармония между действием и идеей.

«Я наблюдаю, как мой ум упорно возвращается к переживанию счастья в Энгадине. Является ли бегством повторное переживание этого опыта в памяти?»

— Несомненно. Настоящее — это ваша жизнь в данный момент; вот эта улица, переполненная людьми, ваша работа, ваши непосредственные отношения. Если бы они доставляли радость и удовлетворение, Энгадина поблекла бы; но так как настоящее полно хаоса и причиняет страдания, вы обращаетесь к переживанию, которое принадлежит прошлому и мертво. Вы можете вспоминать это переживание, но оно окончилось; вы его оживляете только благодаря памяти. Это вроде накачивания жизни в мертвую форму. Так как настоящее скучно, мелко, то мы обращаемся к прошлому или глядим в спроецированное нами будущее. Подобное бегство от настоящего неизбежно ведет к иллюзии. Видеть настоящее таким, каким оно есть в действительности, без осуждения или одобрения его, значит, понимать то, что *есть*; лишь тогда возможно действие, которое трансформирует то, что *есть*.

ПРОБЛЕМЫ И БЕГСТВО

«У меня много серьезных проблем. Мне кажется, что пытаюсь разрешить их, я делаю их еще более запутанными и мучительными. Я исчерпала все возможности и не знаю, как теперь быть. Вдобавок ко всему я глухая и должна пользоваться вот этой несносной вещью в помощь своему слуху. У меня несколько детей; был муж, который бросил меня. Я очень беспокоюсь о детях и хотела бы, чтобы они избежали всех тех горестей, через которые прошла сама».

— Как мы тревожимся о том, чтобы найти разрешение наших проблем! Мы так жаждем найти ответ, что не можем изучать проблему, не можем спокойно ее наблюдать. Проблема — вот что важно, а совсем не ответ. Если мы ищем ответ, то найдем его, но проблема останется, так как ответ не имеет отношения к проблеме. Мы ищем решение, чтобы убежать от проблемы, и это решение представляет собой средство чисто внешнего порядка, так что у нас нет понимания проблемы. Все проблемы исходят из одного источника; без понимания этого источника любая попытка решить проблему приведет лишь к дальнейшей путанице и страданию. Прежде всего надо отдать себе ясный отчет в том, что ваше желание понять проблему вполне серьезно, что вы признаете необходимость освободиться вообще от всех проблем, так как лишь в этом случае возможно подойти вплотную к тому, кто создает проблемы. Без свободы от проблем не может быть никакого спокойствия; а спокойствие необходимо для счастья, хотя счастье само по себе не является целью. Подобно тому, как пруд полон тишины, когда прекратились ветры, так и ум спокоен, когда прекратились проблемы. Но ум нельзя сделать спокойным; если его успокоили, он мертв, как стоячая вода. Когда ум проясняется, можно наблюдать, кто создает проблемы. Наблюдение должно быть безмолвным, без какого-либо предварительного плана, без критерия удовольствия и страдания.

«Но вы требуете невозможного. С малых лет наш ум приучен различать, сравнивать, судить, выбирать. Чрезвычайно трудно не давать оценки тому, что мы наблюдаем. Возможно ли освободиться от этих условностей и наблюдать безмолвно?»

— Если вы видите, что безмолвное наблюдение, пассивное осознание совершенно необходимо для понимания, то истинность вашего видения освободит вас от заднего плана сознания. И только когда вы не видите непосредственной необходимости пассивного и ясного живого осознания, возникает вопрос «как», и начинается поиск средств для устранения этого заднего плана. Освобождение приносит истина, но не средства и не система. Необходимо постичь истину, что только безмолвное наблюдение дает понимание; лишь тогда вы можете освободиться от осуждения и оправдания. Когда вы стоите перед опасностью, вы не спрашиваете, что надо делать, чтобы уйти от нее. Только потому, что вы не видите необходимости в пассивном осознании, возникает вопрос «как». Но почему вы не видите этой необходимости?

«Я хотела бы видеть, но никогда до сих пор не думала в этом направлении. Все, что я могу сказать, это то, что хочу освободиться от своих проблем, так как они являются моей подлинной мукой. Я хочу быть счастливой, как и всякий другой человек».

— Сознательно или не сознательно мы отказываемся видеть важность пассивного осознания, потому что в действительности мы совсем не хотим уходить от наших проблем: чем мы тогда будем, без них? Мы скорее предпочитаем цепко держаться за то, что имеем, какие бы это ни доставляло нам муки, чем рисковать, устремляясь к неизвестному, которое может завести нас неведомо куда. С проблемами, во всяком случае, мы знакомы, но мысль о причине того, кто их создает, при полном неведении, куда это может привести, рождает в нас страх и тупость. Наш ум был бы полностью обескуражен, если бы не было тревог, связанных с проблемами.

Ум питается за счет проблем независимо от того, мировые они или кухонные, политические или личные, религиозные или идеологические. Так наши проблемы делают нас мелкими и ограниченными. Ум, сжигаемый мировыми проблемами, такой же неглубокий, как и ум, терзающийся по поводу своего собственного духовного прогресса. Проблемы отягощают ум страхом, так как они усиливают личность, «мое», «мне». Лишенное проблем, достижений и неудач «я» не существует.

«Но как же возможно вообще существовать без «я»? Оно ведь источник всех действий».

— Пока действие является результатом желания, памяти, страха, удовольствия и страдания, оно неизбежно должно питать конфликт, хаос и антагонизм. Наши действия — результат личной обусловленности, на каком бы это ни было уровне. Так как наши ответы на вызовы жизни неадекватны и неполны, они неизбежно порождают конфликт, который и есть проблема. Конфликт — вот подлинная структура личности. Вполне возможно жить без конфликта, например, без конфликта, вызываемого жадностью, страхом, успехом; но эта возможность будет чисто теоретической и не перейдет в действие, пока вы не раскроете это путем непосредственного переживания. Жить, не имея жадности, возможно лишь тогда, когда имеется понимание путей «я».

«Не думаете ли вы, что моя глухота есть результат страха и подавления? Врачи уверяют меня, что она не связана с органическими дефектами. В самом деле, имеется ли какая-то возможность восстановить слух? В течение всей моей жизни в той или иной форме я пребывала в состоянии, когда надо мною что-то довлеет; мне никогда не приходилось делать то, что действительно хотелось бы».

— Подавить что-либо внутри или вне себя, конечно, легче, чем понять. Понимание требует упорного труда, особенно для тех, кто с малых лет был тяжело обусловлен. Подавление, хотя оно и связано с усилиями, постепенно входит в привычку. Понимание же никогда не может стать привычкой, превратиться в рутину, оно требует постоянной бдительности, настороженности. Для того чтобы понимать, надо обладать гибкостью, чувствительностью, сердечностью, которые ничего общего не имеют с сентиментальностью. Для подавления же, в какой бы ни было форме, нет надобности стимулировать осознание. Подавление — самый легкий и наиболее глупый способ отвечать на толчки жизни. Подавление — это согласование с идеей, с образцом, оно создает внешнюю безопасность, респектабельность. Понимание несет освобождение, а подавление всегда ограничивает, замыкает в себе. Страх перед авторитетом, страх, порождаемый неудовлетворенностью, страх перед общественным мнением создает идеологическое убежище с его физическим отображением, к которому и обращается ум. Это убежище, на каком бы оно ни было уровне, всегда поддерживает страх. Страх же порождает подмену, сублимацию или дисциплину, причем все они — различные формы подавления. Подавление должно найти себе выход; это может быть физическое заболевание или какая-либо идеологическая иллюзия. Расплата зависит от темперамента и особенностей индивидуума.

«Я заметила, что всякий раз, когда приходится слушать что-либо неприятное, я ищу убежища с помощью вот этого инструмента; он облегчает мне уход в мой собственный мир. Но как возможно освободиться от подавления, которое культивировалось в течение многих лет? Не потребует ли это очень долгого времени?»

— Это не связано ни со временем, ни с погружением в прошлое, ни с тщательным анализом. Весь вопрос в том, чтобы усмотреть истину подавления. Если находиться в состоянии пассивного осознания всего процесса подавления, при этом без какого-либо выбора, то истину подавления можно тотчас же постичь. Но истина подавленная не может быть раскрыта, если мы мыслим понятиями вчерашнего или завтрашнего дня; истину нельзя постичь с помощью процесса времени. Истина — не то, чего можно достичь; она понята и не понята, ее невозможно

постигать постепенно. Воля быть свободным от подавления является помехой для понимания этой истины; ибо воля — это желание, позитивное или негативное, а при наличии желания не может быть никакого пассивного осознания. Желание или страстное стремление вызвало подавление; и то же самое желание, хотя теперь называемое волей, никогда не может освободить себя от собственного порождения. И снова истина должна быть воспринята пассивным и живым осознанием. Тот, кто анализирует, хотя он может отделять себя от предмета анализа, является частью анализируемого; и, будучи обусловлен предметом, который он анализирует, оказывается неспособным освободить себя от него. Эта истина также должна быть понята, истина — но не воля и не усилие — несет освобождение.

ЧТО ЕСТЬ И ЧТО ДОЛЖНО БЫТЬ

«Я замужем, имею детей, — сказала она, — но мне кажется, что совсем лишилась любви. Я медленно сохну; хотя я и занята повседневными делами, это своего рода времяпрепровождение; я вижу их бессодержательность. Ничто не интересует меня по-настоящему. Не так давно, получив длительный отдых от семейной рутины и общественных дел, я пыталась рисовать, но душа моя не лежит к этому. Я чувствую себя совсем мертвой, лишенной творческого духа, подавленной и испытываю глубокое недовольство. Я еще молода, но будущее представляется мне таким мрачным. Я думала о самоубийстве, но как-то почувствовала полную бессмысленность этого. Смятение мое возрастает все более и более, а мое недовольство как будто не имеет конца».

— В чем причина вашего смятения? Не связано ли это с семейными отношениями?

«Нет. Я прошла через семейные трудности еще раньше и вышла из них не слишком разбитой. Но я нахожусь в смятении, и ничто, как мне кажется, не удовлетворяет меня».

— Есть ли у вас какая-то определенная проблема или вы чувствуете просто недовольство вообще? У вас глубоко внутри должно лежать какое-то беспокойство, какой-то страх, и вполне возможно, что вы не сознаете этого. Вы хотите узнать, что это такое?

«Да. Именно для этого я и приехала к вам. Я совершенно не могу продолжать дальше так жить. Мне кажется, что все потеряло для меня значение. Иногда я делаюсь совсем больной».

— Может быть, ваша болезнь — это бегство от самой себя, от ваших трудностей?

«Я совершенно уверена, что это именно так. Но что мне делать? Я действительно нахожусь в полном отчаянии. Прежде чем уехать домой, я должна найти выход из всего этого».

— Не является ли это конфликтом между действительным и воображаемым? Не является ли ваше недовольство просто неудовлетворенностью, которую легко удовлетворить, или же это — беспричинная тоска? Неудовлетворенность вскоре находит тот или иной канал, с помощью которого она получает удовлетворение. Неудовлетворенность быстро входит в берега, но недовольство невозможно унять воздействием мысли. Не возникает ли это так называемое недовольство именно в связи с тем, что вы не нашли удовлетворения? Если бы вы нашли удовлетворение, разве ваше недовольство не исчезло бы? Не ищете ли вы в действительности какого-то постоянного, неизменного удовлетворения?

«Нет, это не то. Я действительно не ищу никакого удовлетворения. По крайней мере, мне представляется, что это так. Все, что я могу сказать, — это то, что нахожусь в смятении и конфликте и, по-видимому, не в состоянии найти выход из этого».

— Когда вы говорите, что находитесь в конфликте, это должно относиться к чему-либо, например, к мужу, к детям, к вашей деятельности. Если же, как вы говорите, ваш конфликт не связан ни с чем этим, тогда он может быть только конфликтом между тем, что вы *есть*, и тем, чем вы *желаете* быть, между действительностью и идеалом, между тем, что *есть*, и мифом относительно того, что *должно* бы быть. У вас есть идея о том, чем вы должны быть, и, вероятно, ваш конфликт и смятение вытекают из желания приспособить себя к вами же созданному образцу. Вы делаете усилия, чтобы стать тем, чем вы на самом деле не являетесь. Разве это не так?

«Я начинаю понимать, в чем моя тоска. Я думаю, то, что вы говорите, правильно».

— Существует конфликт между действительностью и мифом, между тем, что вы есть, и тем, чем вы хотели бы быть. Мифический образец культивировался с детских лет, постепенно становясь все шире и глубже, возрастая в своем противопоставлении действительности и непрерывно видоизменяясь в зависимости от обстоятельств. Вот этот миф, как и любые идеалы,

цели, утопии, находится в противоречии с тем, что *есть*, с тем, что этим подразумевается, — с действительностью. Таким образом, миф оказывается бегством от того, что *есть* вы сами. Это бегство неизбежно создает бесплодный конфликт противоположностей; но любой конфликт, внутренний или внешний, бесплоден, пуст, бессмыслен и лишь приводит к смятению и антагонизму.

Итак, позвольте вам сказать, что ваше смятение происходит от конфликта между тем, что вы есть, и мифическим образом того, чем вы должны быть. Миф, идеал не имеет реальности, это созданный вами самими способ бегства, в нем нет действительности. Действительное — это то, что вы есть. То, что вы есть, гораздо важнее того, чем вы должны стать. Вы можете понять то, что *есть*, но вы не можете понять то, что должно бы быть. Не существует понимания иллюзии, есть лишь понимание путей, по которым она проявляется. Мифы, фикция, идеал не имеют действительного бытия, они — результат, цель, и важно понять процесс, вследствие которого они появились.

Чтобы понять то, что вы есть, будет ли это приятно или неприятно, миф, идеал, предполагаемое будущее состояние, созданное личностью, — все это должно полностью уйти. Только тогда вы можете взяться за раскрытие того, что есть. Чтобы понять то, что есть, внимание не должно отвлекаться ничем. Не должно быть суждения или оправдания того, что есть. Не должно быть сравнения, не должно быть сопротивления или дисциплины, противопоставляемой действительности. Не должно быть нарочитого усилия и стремления к пониманию. Всякое отвлечение внимания создает препятствие для мгновенного постижения того, что *есть*. То, что *есть*, не статично, оно в постоянном движении, и для того чтобы исследовать, ум не должен быть связан каким-то верованием, надеждой на успех или страхом потерпеть неудачу. Только в пассивном, но бдительном осознании может открыться то, что *есть*, открытие — вне времени.

Это был известный политик с прочным именем, но несколько высокомерный и нетерпеливый. Несмотря на хорошее образование, выражал свои мысли скорее тяжеловесно и уклончиво. Он не мог позволить себе быть мягким, так как слишком часто ему приходилось иметь дело с водворением порядка. Он олицетворял общество, государство, власть. Говорил он плавно, но как раз в этой плавности речи таилась беда. Подкупить его было невозможно, на этом зиждилось его влияние на людей. Ему было как-то неуютно в этой комнате, здесь сидел уже не политик, а человек, которому трудно было скрывать волнение, исполненный сознания себя. Шумливость и самоуверенность исчезли, осталась жажда искания, готовность обсудить вопрос и открыться.

Лучи заходящего солнца проникали в окно вместе с шумом уличного движения. Попугаи, эти ярко-зеленые вспышки света, возвращались после дневных полетов и устраивались на ночлег на высоких деревьях, росших вдоль дорог и в садах. Во время полета попугаи издавали резкие крики. Они никогда не летели прямо, то опускаясь, то поднимаясь, залетая в сторону и непрестанно болтая и издавая звуки. Их полет и крики совсем не были созвучны их красоте. Одинокий белый парус маячил в море. В комнате находилась небольшая группа людей, различных по цвету кожи и образу мышления. Зашла собачка, посмотрела вокруг себя и ушла обратно. Едва ли кто из присутствующих ее заметил. Из храма доносились звуки колокола.

«Почему существует противоречие в нашей жизни? — спросил он. — Мы говорим об идеалах мира, ненасилия и, несмотря на это, закладываем фундамент будущей войны. Мы не можем быть мечтателями. Мы обязаны реально смотреть на вещи. Мы хотим мира, но, тем не менее, наши повседневные действия неумолимо ведут к войне. Мы стремимся к свету, а в то же время сами закрываем окна. В самом процессе мысли лежит противоречие — желание и нежелание. Может быть, это противоречие присуще нашей природе, а потому, пожалуй, бесполезно стараться быть целостным и нераздираемым на части? Любовь и ненависть как будто всегда идут вместе. Почему существует это противоречие? Разве оно неизбежно? Разве нельзя обойтись без него? Может ли современное государство полностью быть за мир? Может ли оно позволить себе быть полностью одним? Оно должно действовать во имя мира и одновременно готовиться к войне; его цель — мир через готовность к войне».

— Почему мы создаем фиксированную точку, идеал, если отклонение от него порождает противоречие? Если бы не было фиксирования точки, не было бы выводов, тогда не существовало бы и противоречий. Мы создаем фиксированную точку, потом отклоняемся от нее в сторону, и вот это считается противоречием. Мы приходим к выводу сложными путями и на разных уровнях и в дальнейшем стараемся жить в соответствии с выводом или идеалом, но так как это не получается, создается противоречие. Тогда мы начинаем строить мост между фиксированной точкой, идеалом, выводом с одной стороны, и мыслью или действием, которое противоречит первым, с другой стороны. Этот процесс созидания моста называется уравниванием. Посмотрите, как мы восхищаемся человеком, действия которого лишены противоречий, который остается верен своим выводам, своему идеалу! Такого человека мы считаем святым. Но ведь и душевнобольной отличается последовательностью действий. Он твердо придерживается своих выводов, и если он чувствует, что он действительно Наполеон, то он не противоречив, он — лишь воплощение своих выводов. Однако человек, который полностью отождествил себя со своим идеалом, несомненно, далек от состояния равновесия.

Вывод, который мы называем идеалом, может быть сделан на любом уровне, он может быть сознательным или подсознательным. Когда мы на нем остановились, мы стараемся, чтобы

действия наши соответствовали идеалу, но как раз это и создает противоречие. Важно не то, как быть в согласии с образцом, идеалом, важно раскрыть, почему мы создали эту фиксированную точку, этот вывод. Ведь если бы у нас не было образца, то исчезло бы противоречие. Итак, почему у нас есть идеал, вывод? Не сковывает ли идеал действие? Не появляется идеал для того, чтобы видоизменить действие, чтобы контролировать его? Нельзя ли обойтись без идеала? Идеал — это ответ заднего плана сознания, обусловленности, и поэтому он никогда не может быть средством освобождения человека от конфликта и хаоса; напротив, идеал, выводы усиливают разделение между людьми и тем самым ускоряют процесс дезинтеграции.

Если не будет существовать фиксированной точки, никакого идеала, от которого было бы возможно отклоняться в сторону, не будет и противоречий, а следовательно, и стремления к уравниванию. Тогда появится действие в каждый данный момент; это действие будет всегда полно и истинно. Истинное — не идеал, не миф; это то, что действительно существует. Действительно существующее может быть понято, с ним можно иметь дело. Понимание Действительного не может питать вражду, тогда как идеалы могут. Идеалы никогда не могут вызвать коренной революции, они создают лишь видоизмененное продолжение прошлого. Коренная и непрерывная революция существует лишь в действии от момента к моменту, в действии, которое не основано на идеале, а потому не зависит от выводов.

«Но государство не может действовать по этому принципу. Должна быть цель, заранее спланированные действия, усилие, сконцентрированное на определенной задаче. То, о чем вы говорите, может быть применено к индивидууму, и я вижу в этом большие возможности для себя лично, но это не годится для коллективной работы».

— Действия, совершающиеся по известному плану, нуждаются в постоянном изменении; перестройка их необходима в соответствии с меняющимися условиями. Действия, которые выполняются по определенной схеме, неизбежно потерпят неудачу, если не принять во внимание психологические и физические факторы. Если вы собираетесь строить мост, вы должны иметь не только чертежи. Вы должны изучить грунт, почву, на которой он должен быть построен, иначе ваш проект не будет соответствовать тому, что необходимо. Полнота действия возможна лишь тогда, когда имеется понимание всех физических факторов и психологических моментов человеческого тотального процесса. Такое понимание не зависит от какой-либо схемы; оно требует быстрого приспособления, а это и есть понимание. Но когда отсутствует понимание, мы прибегаем к умозаключению, идеалам, целям. Государство не статично: его лидеры могут стоять на месте, государство же, подобно индивидууму, является живым, динамичным, а то, что насыщено динамизмом, не может быть заключено в рамки какой-либо схемы. Как правило, мы возводим схемы вокруг государства, стены умозаключений, идеалов, надеясь с их помощью связать, опутать государство. Живое существо, однако, нельзя держать на привязи, этим самым мы его губим. Вот почему мы предпочитаем убить государство, а потом уже начать создавать его вновь в соответствии с нашим чертежом, применительно к идеальной схеме. Но только мертвую форму можно приспособить к образцу. Так как жизнь находится в постоянном движении, то в тот момент, когда мы пытаемся приспособить жизнь к неподвижному образцу или умозаключению, возникает противоречие. Приспособление к образцу ведет к дезинтеграции как индивидуума, так и государства. Идеал не выше жизни, но если мы возносим его над жизнью, возникает смятение, антагонизм и страдание.

Яркие лучи солнца падали на белую стену комнаты; от их блеска лица казались темными. Неожиданно в комнату вошла маленькая девочка и села рядом с нами; глазки ее были широко раскрыты, и она с удивлением смотрела на все, что находилось вокруг. Девочку только что умыли и одели. Несколько цветочков были приколоты к волосам. Она с живостью за всем наблюдала, как это обычно делают дети, не удерживая в памяти слишком многое. Глазки ее блестели; она не знала, что ей делать — плакать или смеяться, или прыгать. Вместо этого она взяла мою руку и с величайшим интересом стала ее рассматривать. Вскоре она забыла обо всех остальных, кто находился в комнате. Напряженное состояние ее прошло, и она заснула, положив головку ко мне на колени. Ее головка была хорошей формы, симметрична; она была безупречно сложена. Ее будущее так же должно быть полно смятения и несчастий, как и у других в этой комнате. Ее конфликты и скорбь так же неизбежны, как отражение солнца на стене; чтобы быть свободным от страданий и бед, требуется высочайшая разумность, а ее воспитание и окружающие влияния были далеки от того, чтобы способствовать такой разумности. Любовь, это чистое пламя без дыма, так редко встречается в нашем мире; преобладает дым, он душит все кругом и приносит тоску и слезы. Сквозь дым мы можем увидеть пламя только в редких случаях; если же дым приобретает наиболее важное значение, тогда пламя угасает. Но без этого пламени любви жизнь не имеет смысла, она становится тусклой и скучной. Пламя не может пребывать среди дыма, порождающего тьму. То и другое не могут существовать одновременно; дым должен прекратиться, чтобы появилось чистое пламя. Пламя — не соперник дыму, у пламени нет соперников. Дым — это не пламя, в нем не может пребывать пламя. Присутствие дыма не означает, что здесь находится пламя, так как пламя не содержит дыма.

«Разве любовь и ненависть не могут существовать вместе? Разве ревность не есть показатель любви? Сейчас мы держим друг друга за руки, а в последующую минуту начинаем ссориться; мы говорим резкости, но вскоре после этого обнимаемся. Мы ссоримся, потом целуемся, и снова мир. Разве это не любовь? Само проявление ревности указывает на любовь, они как будто идут вместе, подобно свету и тьме. Быстро проходящий гнев и следующая за ним ласка — не есть ли это полнота любви? Река одновременно в одних местах бурная, в других спокойная; она проходит тенистые участки и места, освещенные солнцем, и в этом заключается красота реки».

— Что мы называем любовью? Ревность, страсть, брань, ласку, держание друг друга за руки, ссоры и примирения. Все это факты, существующие в сфере так называемой любви. Гнев и ласка — повседневные факты в этой сфере, не правда ли? Мы стараемся установить связь между различными фактами, мы сравниваем один факт с другим. Мы используем один факт, чтобы осудить или оправдать другой в пределах той же самой сферы; или мы стремимся установить отношения между фактами внутри этой сферы. Мы не берем каждый факт в отдельности, но стремимся найти между ними связь. Почему мы так делаем? Чтобы понять какое-то явление, мы не должны сравнивать его с другим явлением того же поля, так как в этом случае возникают конфликт и путаница. Но почему мы сравниваем различные факты одной и той же сферы? Почему мы переносим значение одного факта на другой: чтобы свести его на нет или объяснить другой?

«Я начинаю улавливать, что вы имеете в виду. Почему же мы так делаем?»

— Можем ли мы понять какой-либо факт, если будем рассматривать его сквозь завесу идеи, через экран памяти? Могу ли я понять ревность только потому, что я держал вашу руку? Держание руки — это факт, и ревность — тоже факт; но понимаю ли я процесс ревности

потому, что имею воспоминание о том, что держал вашу руку? Облегчает ли память понимание? Память сравнивает, видоизменяет, осуждает, оправдывает или отождествляет, но она не может дать понимания. Мы подходим к фактам, совершающимся в поле так называемой любви, с какой-то идеей, с каким-то умозаключением. Мы не берем факта ревности, как он есть, мы не наблюдаем его безмолвие, но стремимся подогнать факт к образцу, к умозаключению. Такого рода подход объясняется тем, что в действительности мы не хотим понять факт ревности. Чувства, порождаемые ревностью, действуют так же возбуждающе, как и ласка. Мы жаждем этого возбуждения, но только без тех страданий и неприятностей, которые неизбежно сопутствуют ему. Отсюда возникает конфликт, хаос и антагонизм внутри того поля, которое мы называем любовью. Но любовь ли это? Является ли любовь идеей, ощущением, стимулом? Является ли любовь ревностью?

«Но не присутствует ли в иллюзии сама реальность? Разве свет не окружен тьмой и не содержится в ней? Разве Бог не присутствует в рабстве?»

— Это — идеи, мнения; и, следовательно, они лишены основания. Такие идеи лишь питают враждебность, они ничего общего не имеют с реальностью. Там, где есть свет, тьмы нет. Тьма не может скрывать в себе свет; а если она может, тогда нет света. Там, где существует ревность, любви нет. Идея не может скрывать в себе любовь. Для отношения необходимо нечто общее. Любовь не родственна идее, и потому идея не может иметь отношение к любви. Любовь — это пламя без дыма.

Она пришла с группой людей, которые хотели обсудить несколько серьезных вопросов. Возможно, что она пришла из любопытства, а может быть, ее привел кто-то из друзей. Она была хорошо одета, держалась с достоинством и, по-видимому, была уверена, что прекрасно выглядит. Она была исполнена сознания себя; сознавала свое тело, каждый свой взгляд, прическу и то впечатление, которое производит на других. Ее движения были отработаны; время от времени она принимала различные позы, которые были тщательно заранее продуманы. Весь ее внешний облик имел характер выработанной позы, которую она решила осуществить во что бы то ни стало. Началась беседа на серьезную тему, и в течение часа или более она сохраняла свою позу. Среди серьезных и внимательных лиц вы видели эту сознающую себя девушку, старающуюся следить за предметом беседы и пытающуюся присоединиться к дискуссии; но она не промолвила ни слова. Ей хотелось показать, что она тоже разбирается в проблеме, которая обсуждалась; но в глазах ее было смущение из-за неспособности принять участие в серьезном разговоре. Вы видели, как быстро она погружалась в себя, удерживая долго культивированную позу. Всякая естественность старательно пресекалась.

Каждый культивирует позу. Существует походка и поза преуспевающего бизнесмена, улыбка прибывшего гостя; выражение лица и поза актера; имеется поза исполненного достоинства «ученика» и поза тренированного аскета. Подобно сознающей себя девушке, так называемый религиозный человек принимает позу самодисциплины, которую он усердно культивирует отречениями и жертвами. Девушка пожертвовала всего лишь естественностью ради впечатления, а такой религиозный человек самого себя приносит в жертву ради достижения результата. Они оба заинтересованы в результате, хотя их результаты разных уровней; и хотя результат так называемого религиозного человека может расцениваться в социальном отношении как более полезный по сравнению с результатом девушки, по существу они подобны, один ничуть не выше другого. Оба неразумны, ибо оба указывают на ограниченность ума. Ограниченный ум всегда ограничен. Он не может сделаться богатым, щедрым. Хотя такой ум может себя украшать или стяжать добродетель, он остается таким же, каким был, — ограниченным, не глубоким, а с помощью так называемого роста, опыта он может возрасти лишь в собственной ограниченности. Уродливая вещь не может сделаться прекрасной. Бог ограниченного ума — это ограниченный бог. Неглубокий ум не станет бездонным, если будет украшать себя знанием и умными фразами, цитировать умные слова или прихорашивать свой внешний облик. Украшения, внутренние или внешние, не делают ум глубоким, но именно эта бездонность ума дает ему красоту, а не драгоценности и не приобретенная добродетель. Для того чтобы проявилась эта красота, ум должен осознать собственную ограниченность. При этом не должно быть выбора или сравнения с чем бы то ни было.

Культивированная поза девушки, а также выработанная дисциплиной поза так называемого религиозного аскета в равной мере меняются уродливыми проявлениями ограниченного ума, ибо обе они отрицают естественность. Обе исполнены страха перед естественностью, потому что естественность показала бы их такими, как они есть, и самим себе и другим; обе они склонны нарушить, уничтожить естественность, и мерилom их успеха является полнота их соответствия избранному образцу или умозаключению. Но лишь одна естественность — тот ключ, который откроет дверь к тому, что *есть*. Естественный ответ раскрывает ум, как он есть; но то, что раскрыто, ум немедленно окрашивает или разрушает и таким образом ставит предел естественности. Умерщвление естественности — способ проявления ограниченного ума, который вслед за этим на любом уровне украшает внешнюю сторону; и это разукрашивание есть

форма преклонения перед самим собой. Только естественность, в свободе, может открывать. Дисциплинированный ум не способен к открытию; он может эффективно функционировать; и, следовательно, быть безжалостным, но не может раскрыть неизмеримое. Страх создает сопротивление, называемое дисциплиной, но естественное обнаружение страха — это свобода от страха. Приспособление к образцу, какого бы он ни был уровня, — это страх, который рождает лишь конфликт, смятение и антагонизм; но ум, который пребывает в состоянии мятежа, — не бесстрашен, потому что противоположному неведома спонтанность, свобода.

Без естественности невозможно самопознание; без понимания себя на ум оказывают формирующее воздействие различные преходящие влияния. Такие внешние воздействия могут суживать или расширять ум, но он постоянно будет оставаться в их сфере. То, что составлено из частей, может быть разложено на части, а то, что не составлено, может быть полностью понято только через самопознание. «Я» состоит из частей, и поэтому только разделяя его на составляющие части, можно понять то, что не является результатом влияний, что не имеет причины.

СОЗНАТЕЛЬНОЕ И ПОДСОЗНАТЕЛЬНОЕ

Он был одновременно бизнесмен и политик, причем преуспевая и в одном, и в другом. Он сказал с улыбкой, что бизнес-политика — отличная комбинация. Но он не был лишен и более серьезных интересов, хотя проявлялись они довольно странным суеверным образом. Когда у него оказывалось свободное время, он принимался читать священные книги и многократно повторял некоторые слова, которые, как он считал, действовали умиротворяющим образом и восстанавливали душевный мир. Он был в годах, обладал большим состоянием, однако не отличался щедростью ни руки, ни сердца. Нетрудно было уловить, что он был человеком хитрым и расчетливым; вместе с тем у него была тяга к чему-то такому, что выходило за пределы обычных успехов. Жизнь едва коснулась его, так как он старательно оберегал себя от всякого риска; он сделал себя неуязвимым физически и психологически. Психологически он отказался видеть себя таким, каков он есть, это ему хорошо удавалось; но постепенно это стало на нем сказываться. Когда он не был настороже, он имел вид человек, которого преследуют. У него было прочное финансовое положение, по крайней мере, до тех пор, пока существовало нынешнее правительство и не грянула революция. Его влекло также к надежному вложению средств в так называемый духовный мир, вот почему он играл идеями, ошибочно принимая их за нечто духовное, реальное. Он ничего не любил, кроме своих многочисленных владений; к ним он был привязан, как ребенок к матери; ничего другого у него не было. Постепенно ему становилось ясно, что он принадлежит к весьма мрачному типу людей. От этого он также старался ускользнуть, насколько мог, но жизнь сама оказывала на него давление.

Когда проблему нельзя решить сознательно, разве подсознательное не выступает вперед, разве оно не старается помочь ее разрешению? Что такое сознательное и что такое подсознательное? Существует ли определенная линия, где кончается одно и начинается другое? Имеется ли граница, за пределы которой сознательное не может выйти? Ограничивает ли оно себя своими собственными пределами? Является ли подсознательное чем-то отличным от сознательного? Отличаются ли они друг от друга? Когда сознательное оказывается бессильным, не начинает ли тогда действовать подсознательное?

Что же это такое — то, что мы называем сознательным? Для того чтобы понять его структуру, мы должны наблюдать весь процесс сознательного подхода к проблеме. Большинство из нас стремится найти ответ на проблему; мы заняты поисками решения, а не самой проблемой. Мы жаждем вывести заключение; мы ищем пути, уводящие за пределы проблемы. Мы стараемся уйти от проблемы с помощью ответа, решения. Мы не склонны исследовать саму проблему, но хотим найти удовлетворяющий нас ответ. Мы заняты только тем, чтобы отыскать решение, которое удовлетворило бы нас. Нередко мы находим удовлетворяющий нас ответ и тогда считаем, что разрешили проблему. На самом же деле мы лишь прикрываем проблему выводом, удовлетворяющим нас ответом; но под тяжестью вывода, который временно сглаживает проблему, она по-прежнему существует. Поиски ответа — это бегство от самой проблемы. Когда удовлетворительного ответа не получается, сознающий, т.е. верхний ум, отходит в сторону, и вот тогда так называемый подсознательный, более глубокий ум выступает вперед и находит ответ.

Сознающий ум всегда ищет пути вне самой проблемы, а путь, который выводит за ее пределы, и есть удовлетворяющий нас вывод. Но не создан ли сам сознающий ум из выводов, позитивных или негативных, и в состоянии ли он искать что-либо другое? Не является ли верхний ум только складом выводов, хранилищем опыта, отпечатком прошлого? Сознающий ум, без сомнения, создан прошлым; он опирается на прошлое, так как память — это фабрика

выводов; и вот с этими выводами ум подходит к проблеме. Он не способен взглянуть на проблему иначе, как через сеть выводов; он не в состоянии изучить и безмолвно осознать саму проблему. Он знает только выводы, приятные или неприятные. Он может лишь приобрести последующие выводы, новые идеи, дальнейшие утверждения. Любой вывод — это фиксирование, поэтому сознающий ум неизбежно стремится именно к выводам.

Когда сознающий ум не может найти удовлетворительного вывода, он бросает поиски и приходит в состояние равновесия; вот тогда в верхний ум, который перестал тревожиться, подсознательный ум просовывает свой ответ. Отличается ли подсознательный ум, который лежит более глубоко, по своему генезису от сознающего ума? Не создано ли подсознательное из выводов и воспоминаний расового, группового и социального характера? Без сомнения, подсознательный ум также является результатом прошлого, результатом времени. Только он глубоко погружен под поверхностным слоем и пребывает там в ожидании момента, когда к нему обратятся — тогда он выбрасывает наружу свои собственные скрытые от наблюдающего выводы. Если они оказываются удовлетворительными, верхний ум их принимает, если же нет, то верхний ум начинает повсюду метаться в надежде каким-то чудом найти ответ. Не найдя ответа, он в глубоком разочаровании отказывается от дальнейших поисков разрешения проблемы. Это разъедающим образом действует на ум, вызывая болезни и даже потерю рассудка.

Верхний ум и ум, лежащий более глубоко, похожи друг на друга; оба созданы из выводов, воспоминаний и являются результатом прошлого. Они могут дать ответ, сделать вывод, но не способны разрешить проблему. Разрешение проблемы возможно лишь тогда, когда и один, и другой ум, как верхний, так и лежащий более глубоко, сделались безмолвными, когда они не проецируют позитивных или негативных выводов. Свобода от проблемы существует только тогда, когда весь ум целиком совершенно безмолвен, и осознает проблему без выбора; ибо лишь тогда отсутствует тот, кто создал проблему.

Река в отдельных местах широко разлилась на несколько миль. Радостно было видеть такое изобилие воды. К северу тянулись зеленые холмы, посвежевшие после гроз. Прекрасен был огромный изгиб реки с белыми парусниками. Широкие треугольные паруса красиво выделялись при раннем утреннем свете; казалось, они выходят прямо из воды. Дневной шум еще не начался, и песня лодочника с той стороны реки плыла через воды. В этот ранний час как будто одна эта песня наполняла землю, а все другие звуки умолкли; даже свистки поезда стали мягче и не терзали слух.

Постепенно началась шумная жизнь деревни: громкие ссоры у источника воды, бляение коз, мычание коров, скрип тяжелых повозок, пронзительное карканье ворон, плач и смех детей. Родился новый день. Солнце осветило пальмовые деревья. На стене сидели обезьяны; их длинные хвосты почти касались земли. Это были крупные обезьяны, но очень робкие. Когда вы их звали, они соскакивали на землю и убегали к большому дереву, стоявшему в поле. У них были черные мордочки и ручки, смысленный вид, но они не были так сообразительны и озорливы, как небольшие обезьяны.

«Почему мысль так навязчива? Она такая беспокойная, так раздражающе настойчива. Несмотря ни на что она всегда деятельна, вроде этих обезьян, а деятельность ее так утомительна. Вы не можете убежать от нее, она безжалостно преследует вас. Вы стараетесь ее подавить, а, спустя несколько секунд, она показывается снова. Она никогда не бывает спокойной, никогда не утихает; она всегда к чему-то стремится, всегда анализирует, всегда мучает себя. Происходит ли это во сне или в бодрствующем состоянии, мысль пребывает в непрерывном движении, у нее как будто нет ни мира, ни покоя».

— Может ли мысль когда-либо находиться в покое? Она может думать о мире и стараться быть безмятежной, заставляя себя оставаться спокойной. Но может ли мысль сама по себе пребывать и тишине? Не является ли мысль по своей природе лишенной покоя? Разве мысль не является непрерывным ответом на непрерывные толчки извне? Вызовы жизни не могут прекратиться, так как каждое движение жизни есть вызов. Отсутствие осознания вызова — это разложение и смерть. Вызов и ответ — это форма проявления жизни. Ответ может быть адекватным и неадекватным. Именно в силу неадекватности ответа на вызов появляется мысль с ее неутомимостью. Вызов требует действия, а не слов. Словесное выражение — это мысль. Слова, символы тормозят действие, идея же — это слово, память — также слово. Без символа, без слов памяти не существует. Память — это слово, мысль. А разве мысль может быть истинным ответом на вызов? Разве вызов — это идея? Вызов всегда новый, свежий; но может ли мысль, идея всегда быть новой? Когда мысль встречает вызов, всегда новый, не является ли ее ответ результатом старого, прошлого?

Когда новое встречается со старым — такая встреча не может быть полной, и эту неполноту отражает мысль с ее неустанным стремлением к полноте. Но может ли мысль, идея когда-либо обладать полнотой? Мысль, идея — это ответ памяти; память же никогда не обладает полнотой. Опыт появляется как ответ на вызов жизни. Этот ответ обусловлен прошлым, памятью; такой ответ лишь укрепляет обусловленность. Опыт не приносит освобождения, он усиливает веру, память; и вот эта-то память отвечает на вызов. Итак, опыт есть то, что обуславливает ответ.

«Но какое же место занимает мысль?»

— Вы имеете в виду, какое место мысль занимает в действии? Выполняет ли идея какую-либо функцию в действии? Идея становится фактором в действии с целью видоизменить его, направить, придать ему форму; но идея — не действие. Идея, верование — это защита от

действия; она выполняет функцию контролера, видоизменяя и формируя действие. Идея есть образец для действия.

«Возможно ли действие без образца?»

— Нет, невозможно, если вы стремитесь получить результат. Действие с заранее поставленной целью — вообще не есть действие, но приспособление к верованию, к идее. Если вы ищете приспособления, согласования, тогда присутствует мысль, идея. Функции мысли — создавать образец для так называемого действия, и тем самым губить истинное действие. Большинство из нас занято тем, чтобы убивать действие, и в этом помогают нам идея, верование, догма. Истинному действию присуща незащищенность, открытость перед неведомым; но мысль, верование, которые являются известным, представляют эффективный барьер против неизвестного. Мысль никогда не может проникнуть в неведомое. Она должна прекратиться, чтобы проявилось неведомое. Действие, исходящее от неведомого, находится вне поля действия мысли; и мысль, сознавая это, сознательно или подсознательно цепляется за известное. Известное всегда отвечает на известное, на вызов; но из этого неадекватного ответа возникает конфликт, путаница и печаль. Когда известное, т.е. идея, прекращается, возможно действие, которое неизмеримо.

СТРЕМЛЕНИЕ К ОБЛАДАНИЮ

Он пришел со своей женой, так как, по его словам, дело касалось их общей проблемы. Она была миниатюрная, живая, с блестящими глазами, но имела несколько смущенный вид. Это были простые, приветливые люди. Он хорошо говорил по-английски, она с трудом понимала английскую речь и могла лишь задавать несложные вопросы. В трудные минуты она поворачивалась к мужу, и он давал ей пояснения на родном языке. Он сказал, что они женаты более 25 лет, имеют нескольких детей; но проблема касается их личных конфликтов, а не детей. Он рассказал, что имеет небольшое дело, которое дает скромный доход, и продолжал говорить о том, как трудно в настоящее время жить без конфликтов, особенно если вы женаты. Он добавил, что не хочет жаловаться, но что это действительно так. Он предоставил семье все, что требовалось от мужа; по крайней мере, ему так казалось. Это не всегда было легко.

Для них трудно было сразу перейти к основному вопросу, и некоторое время они говорили о разных вещах: о воспитании детей, замужестве дочерей, больших расходах на религиозные обряды, о недавней смерти одного из членов семьи и т.д. Они чувствовали себя свободно и не торопились; ведь так легко и радостно высказываться в присутствии того, кто готов выслушать и может понять, о чем идет речь.

Кто захочет слушать о тревогах другого? У нас так много собственных проблем, что едва ли хватит времени на проблемы других. Для того чтобы побудить другого человека выслушать вас, вы должны оплатить это деньгами или молитвами, или принадлежностью к тому или иному верованию. Исповедник выслушает нас, это его обязанность, но в этом нет длительного облегчения. Мы жаждем облегчить душу свободно, естественно, без того, чтобы впоследствии об этом сожалеть. Очищающее действие исповеди зависит не от того, кто выслушивает, но от того, кто жаждет раскрыть свое сердце. Важно раскрыть свое сердце, и оно найдет кого-либо, пусть даже нищего, кому могло бы излить себя. Внутренняя беседа с самим собой никогда не может раскрыть сердца; она замкнута в себе, наводит уныние и совершенно бесполезна. Быть раскрытым означает прислушиваться не только к самому себе, но к любому влиянию, к каждому движению вокруг вас. Возможно, что удастся, а может быть, и не удастся сделать что-либо существенное в связи с тем, что вы услышали, но факт раскрытия сердца воздействует сам по себе. Подобное выслушивание очищает ваше собственное сердце, освобождая его от нагромождений ума. Если выслушивать с помощью ума, то получится простая болтовня; в этом нет никакого облегчения ни для вас, ни для вашего собеседника, а одно лишь продление страдания. Это совершенно нелепо.

Не спеша, они подходили к основному вопросу.

«Мы пришли поговорить по поводу нашей проблемы. Мы страдаем ревностью — не я, а жена. Хотя раньше она не была такой ревнивой, как теперь, но эта черта ревности была всегда. Не думаю, чтобы когда-либо я давал ей повод быть ревнивой, но она постоянно находит для этого основание».

— Думаете ли вы, что существует действительное основание для ревности, что для этого имеется причина? И исчезнет ли ревность, если вы будете знать причину? Не заметили ли вы, что и тогда, когда вам известна причина, ревность все равно не проходит? Не будем доискиваться причин, но постараемся понять именно ревность. Вы говорите, что достаточно любого повода, чтобы начать ревновать, потому-то и следует понять ревность, а не то, чем она вызывается.

«Ревность появилась у меня давно. Я не знала хорошо своего мужа, когда мы поженились, и вы понимаете, как это получилось; ревность вползала постепенно, как дым в кухне».

— Ревность — это один из путей, чтобы удержать мужчину или женщину, не правда ли? Чем более мы ревнивы, тем больше наше чувство обладания. Обладание делает нас счастливыми. Когда мы считаем что-либо, пусть даже собаку, своей исключительной собственностью, то это дает нам чувство уюта и тепла. Когда мы пользуемся исключительностью в нашем обладании, то это создает уверенность и надежность в нас самих. Владение чем-либо рождает в нас чувство собственного достоинства, а это как раз и есть то, что нас притягивает. Сознание, что мы владеем не карандашом или домом, а человеческим существом, вызывает в нас чувство силы и особой удовлетворенности. Причина ревности — не другое лицо, а чувство собственного достоинства, осознание важности своей личности.

«Но я совсем не чувствую себя важной, я — никто; мой муж — вот все, что я имею. Даже дети мои не идут в счет».

— У всех нас есть только одно, к чему мы привязываемся, но в разных случаях оно имеет различные формы. Вы привязаны к своему мужу, другие — к своим детям, третьи — к какому-нибудь верованию, но общий характер этого стремления — один и тот же. Без объекта, к которому мы привязываемся, мы ощущаем себя безнадежно потерянными, не так ли? Мы боимся почувствовать себя одинокими, а этот страх и есть ревность, ненависть, боль. Не существует большой разницы между ревностью и ненавистью.

«Но мы любим друг друга».

— Как же тогда вы можете быть ревнивой? На самом деле мы не любим, а это и есть причина зла. Вы используете своего мужа, — так же как он использует вас, — чтобы быть счастливой, иметь спутника, чтобы не чувствовать себя одинокой. Вам не обязательно владеть многим, но, во всяком случае, у вас есть тот, с кем вы живете. Эту взаимную потребность и взаимное использование мы называем любовью.

«Но ведь это ужасно!»

— Здесь нет ничего ужасного, просто мы никогда этого не замечаем. Мы только говорим, что это ужасно, даем этому определенное название, но весьма скоро перестаем его замечать. И это как раз то, что вы делаете.

«Я понимаю, но не хочу этого. Я хочу, чтобы все продолжалось так, как было. Пусть это означает, что я ревнива; все равно ничего другого в жизни я не могу иметь».

— Значит, если бы вы обладали чем-то другим, вы не ревновали бы вашего мужа, не правда ли? Но тогда вы были бы привязаны к этому другому так же, как вы сейчас привязаны к вашему мужу, поэтому вы снова были бы ревнивой. Вы готовы найти какую-то замену вашему мужу, но вы совсем не стремитесь быть свободной от ревности. Все мы действуем подобным образом: прежде чем оказаться от одного, мы хотим быть вполне уверены в другом. Когда вы будете полностью свободной от подобной уверенности, лишь тогда для ревности не останется места. Ревность существует там, где имеется уверенность, где вы чувствуете, что чем-то обладаете. Это чувство уверенности есть замкнутость в себе; владеть — означает быть ревнивым. Обладание питает чувство ненависти. Мы поистине ненавидим то, чем обладаем. Это совершенно очевидно на примере ревности. Там, где существует обладание, никогда не может быть любви.

«Я начинаю разбираться, в чем дело. Я никогда по-настоящему не любила мужа, ведь так? Теперь я начинаю это понимать».

И она заплакала.

Она пришла с тремя друзьями. Они были серьезны, держались с разумным достоинством, присущим хорошо образованным людям. Один из них обладал способностью мгновенно схватывать то, о чем шла речь. Другой отличался живостью, но был несколько нетерпелив; третий был полон рвения, хотя оно не покоилось на твердом основании. Все трое составляли дружную группу и принимали живое участие в проблеме своей подруги. Никто из них не предлагал своих советов или соображений. Все хотели помочь ей выбрать такое решение, какое она сама считала правильным, но совсем не потому, что того требовала традиция, общественное мнение или личные склонности. Вся трудность состояла в том, чтобы найти правильный путь действий. Сама она не обладала искренностью, не ощущала в себе спокойствия и твердости. Но обстоятельства требовали немедленных действий. Надо было принимать решение, и она не могла более откладывать. Вопрос шел об освобождении от сложившихся семейных взаимоотношений. Она желала быть совершенно свободной, и повторила это несколько раз.

В комнате водворилась тишина, нервное волнение улеглось; все готовы были углубиться в проблему, не стремясь к тому, чтобы непременно получить какой-то результат или найти правильный путь действий. Правильные действия должны появиться естественно в полной мере, как только будет раскрыта проблема. Важно раскрыть содержание проблемы, а не получить конечный результат, так как любой ответ явится лишь новым выводом, новым суждением, мудрым советом, но все это никоим образом не разрешит проблемы.

Необходимо понять саму проблему, а не заниматься поисками ответа или решением вопроса, как поступить с ней. Важен правильный подход к проблеме, так как в ней самой содержится правильное действие.

Воды реки играли, а солнце проложило на них дорожку света. Белый парусник прошел через нее, но не потревожил танца. Это был танец чистой радости. На деревьях сидело множество птиц; они перебранивались, чистили клювом перья, поднимались с места, чтобы тотчас же вернуться обратно. Несколько обезьян обрывали молодые листочки и жевали их; тонкие ветви сгибались в дугу под их тяжестью, но обезьяны сидели, как ни в чем не бывало и без всякого страха. С какой легкостью они перескакивали с ветки на ветку; их прыжки напоминали полет, а момент отрыва и посадки сливались в одно движение. Они подолгу сидели, опустив хвост, обрывали листья и не обращали никакого внимания на людей, проходивших внизу. С приближением сумерек попугаи сотнями стали возвращаться и усаживаться на ночь среди толстых листьев. Можно было видеть, как они подлетали и исчезали в листве. Показался молодой месяц. Где-то вдали свистел паровоз, проходя через длинный мост на изгибе реки. Эта река была священной, и люди приходили издалека, чтобы окунуться в нее и смыть свои грехи. Каждая река прекрасна и священна; красота этой реки раскрывалась в ее широких изгибах и песчаных отмелях среди глубоких стремнин; прекрасны были и безмолвные белые парусники, которые целый день ходили вверх и вниз по реке.

«Я хочу быть свободной от отношения совершенно особого рода», — сказала она.

— Что вы подразумеваете под вашим желанием быть свободной? Когда вы говорите «Я хочу быть свободной», вы подразумеваете, что вы *не* свободны. В каком смысле вы не свободны?

«Я свободна физически; я свободна приходить, уходить, потому что физически я не являюсь больше женой. Но я хочу быть полностью свободной; я не хочу иметь что-либо общее с данным конкретным лицом».

— Какого рода отношения сохраняются у вас с этим человеком, если физически вы уже свободны? Связаны ли вы с ним каким-либо другим образом?

«Не знаю, но он вызывает у меня огромное чувство возмущения. Я не хочу иметь с ним ничего общего».

— Вы хотите быть свободной и тем не менее негодовать на него? Тогда вы от него не свободны. Почему у вас негодование против него?

«Я недавно обнаружила, каков он на самом деле: его ничтожность, полное отсутствие любви, его махровый эгоизм. Я не могу выразить, какой ужас я вскрыла в нем. Подумать только, что я ревновала его, сделала из него кумира, подчинялась ему! Теперь я увидела, как он глуп и хитер, в то время как я воображала, что он идеальный муж, любящий и нежный; и это вызывает во мне глубокое возмущение. Одна мысль, что я должна поддерживать с ним какую-то связь, вызывает во мне чувство отвращения. Я хочу быть совершенно свободной от него».

— Вы можете быть свободней физически, но пока в вас живет негодование против него, вы не свободны. Если вы его ненавидите, вы связаны с ним; если вы стыдитесь его, вы продолжаете находиться в состоянии порабощения. Чувствуете ли вы негодование против него или против себя? Он — таков, каков он есть, поэтому какой имеет смысл негодовать на него? Действительно ли на него направлено ваше возмущение? Или, обнаружив то, что есть, вы почувствовали стыд за то, что связали себя с ним? Без сомнения, вы полны негодования не против него; вы негодуете на свои суждения, на свои собственные действия. Вам стыдно за себя. Но вы не хотите это осознать, поэтому вы осуждаете его за то, каков он есть. Когда вы осознаете, что ваше негодование против него есть бегство от созданного вами романтического обоготворения, тогда он выпадет из вашего поля зрения. Тогда вы будете стыдиться не его, а себя за то, что вы связали себя с ним; вы будете негодовать на себя, а не на него.

«Да, это так».

— Если вы по-настоящему поймете это, если вы переживете это как факт, то будете свободны от него. Он не будет больше объектом ваших враждебных чувств. Ненависть, так же как и любовь, связывает.

«Но как мне освободиться от своего собственного стыда, от своей собственной глупости? Я отчетливо вижу, что он есть то, что он есть, и что его нельзя за это осуждать. Но как мне освободиться от этого стыда, от этого возмущения, которое постепенно накапливалось во мне и достигло высшей точки в данный момент? Как мне стереть прошлое?»

— Ваше желание стереть прошлое имеет большее значение, чем знание того, как стереть это прошлое. Мотив, с которым вы подходите к проблеме, важнее, чем знание того, что надо делать в связи с этим. Почему вы хотите вычеркнуть из памяти прошлое?

«Мне ненавистно воспоминание обо всех прошедших годах. Оно оставило горький след. Разве это недостаточно серьезное основание?»

— Не совсем, не так ли? Почему вы хотите стереть воспоминание об этом прошлом? Конечно, не потому, что оно оставило чувство горечи. Даже если бы вы были в состоянии каким-то образом вычеркнуть это прошлое, вы снова могли бы быть пойманы в сеть действий, которые вызвали бы в вас чувство стыда. Простое вычеркивание тягостных воспоминаний не разрешит проблему, не правда ли?

«Я думаю, что да. Но в чем же тогда состоит сама проблема? Есть ли необходимость ее усложнять? Она и без того достаточно сложна, по крайней мере, для меня. Зачем же добавлять еще новые трудности?»

— Прибавляем мы новые трудности или, наоборот, стараемся понять то, что есть, и освободиться от него? Запаситесь, пожалуйста, небольшим терпением. В чем причина, которая толкает вас к тому, чтобы стереть прошлое? Может быть, это прошлое и настоящее носит неприятный характер, но почему вы хотите вытеснить его? У вас имеется определенная идея или образ самой себя, а ваше воспоминание противоречит этому образу; поэтому вы стремитесь

отделаться от него. Внутри вас таится высокое представление о своей личности, не так ли?

«Конечно, так или иначе...»

— Все мы ставим себя на тот или иной уровень и постоянно падаем с этих высот. Вот этих-то падений мы и стыдимся. То, что мы поставили себя на пьедестал, — это и есть причина нашего стыда, нашего падения. Именно это возвеличение своей личности необходимо понять, а не падение. Если отсутствует пьедестал, на который вы можете себя ставить, разве тогда возможно падение? Почему вы поставили себя на пьедестал, именуемый самолюбием, чувством собственного достоинства, идеалом и т.д.? Если вы сможете понять это, то не будет стыда перед прошлым, оно совершенно исчезнет. Вы будете такой, какая вы есть, без пьедестала. Если не будет пьедестала, если не будет тех высот, которые дают вам возможность смотреть вниз или вверх, тогда вы будете тем, от чего вы постоянно убегали. Именно желание уйти от того, что *есть*, от того, что вы есть, именно это желание несет с собой смятение и антагонизм, стыд и возмущение. Вас никто не обязывает говорить мне или кому-либо другому, какова вы в действительности, но осознайте то, какова вы есть, приятно это или неприятно; живите с этим без того, чтобы это оправдывать или этому сопротивляться. Живите с этим, не называя имени; потому что сам термин — это уже осуждение или отождествление. Живите с этим без страха, так как страх препятствует общению, а без общения вы не можете с этим жить. Быть в общении — значит любить. Без любви вы не можете стереть прошлое; с любовью прошлого не существует. Любите, и время перестанет существовать.

Она проделала длинный путь, проехав почти половину земного шара. У нее был настороженный взгляд и сдержанный подход к людям. Она раскрывала себя лишь настолько, чтобы иметь возможность немедленно замкнуться при первой же попытке взглянуть на нее более пристально. Она не отличалась робостью, но отнюдь не была расположена выставлять перед другими свое внутреннее состояние. Тем не менее она жаждала поговорить о самой себе и своих проблемах; специально для этого она преодолела огромное расстояние. Она говорила неуверенно, путалась в словах, не чувствовала себя свободно, но в то же время настойчиво хотела о себе высказаться. Она прочитала много книг по психологии и, хотя никогда не пыталась исследовать какую-либо проблему, могла анализировать себя; по ее словам, с детства она привыкла подвергать анализу собственные мысли и чувства.

— Почему вы так настойчиво стремитесь анализировать себя?

«Не знаю, но я всегда это делаю с тех пор, как себя помню».

— Является ли анализ способом защиты от самой себя, от эмоциональных взрывов, и последующих сожалений?

«Я вполне уверена, что именно с этой целью я и анализирую и постоянно ставлю себе вопросы. Не хочу оказаться пойманной в сеть неприятностей, чисто личных или связанных с другими. Это было бы слишком тяжело, и я предпочитаю быть вне этого. Мне ясно теперь, что самоанализ — это средство защиты, способ избежать неприятностей как в обществе, так и в семье».

— Удавалось ли вам избегать сетей?

«Я не совсем в этом уверена. В одних случаях были успехи, в других нет. Говоря об этом, я вижу, что происходит странная вещь, когда не видела все это прежде так ясно».

— Почему вы так упорно себя защищаете и от чего? Вы говорите: от неприятностей, готовых обрушиться на вас; но, собственно говоря, что это за неприятности, против которых вы должны защищаться? Если это действительно неприятности, и вы ясно видите, что это так, то вы не должны оберегать себя от них. Люди защищаются только тогда, когда полны страха, а не понимания. Итак, чего же вы боитесь?

«Я совсем не думаю, что чего-то боюсь; просто я не хочу ввязываться в повседневные трудности. У меня есть специальность, благодаря которой я могу существовать, но я хочу быть свободной от других трудностей, и мне кажется, что я обрела эту свободу».

— Если у вас нет страха, тогда почему вы сопротивляетесь трудностям? Мы сопротивляемся чему-либо только тогда, когда не знаем, как с этим обращаться. Когда вы знаете, как устроен и работает автомобиль, вы чувствуете себя с ним свободно; если что-либо происходит не так, вы всегда можете это исправить. Мы оказываем сопротивление тому, чего не понимаем. Мы сопротивляемся смятению, злу, несчастью только тогда, когда не знаем их структуру, когда не умеем все это связать вместе. Вы сопротивляетесь смятению, так как не осознаете его структуру, его происхождение. Почему вы этого не осознаете?

«Но я никогда об этом не думала в таком разрезе».

— Когда вы установите непосредственную связь со структурой смятения, вы сможете осознать работу его механизма. Лишь тогда, когда между двумя лицами существует общение, они понимают друг друга; если они друг другу сопротивляются, понимания не существует. Общение или взаимоотношения возможны только тогда, когда нет страха.

«Я понимаю, что вы хотите сказать».

— Тогда чего же вы боитесь?

«А что вы понимаете под страхом?»

— Страх может существовать только в отношении к чему-либо; он не может существовать сам по себе, оторванный от всего. Нет такой вещи, как абстрактный страх; есть страх перед известным или неизвестным, страх перед тем, что человек сделал, или что он может сделать; страх перед прошлым или будущим. Отношение между тем, что человек есть, и тем, чем он желает быть, порождает страх. Страх возникает тогда, когда то, что вы есть, вы истолковываете в терминах вознаграждения и наказания. Страх приходит вместе с ответственностью и желанием от нее освободиться. Существует страх, рожденный контрастом между страданием и удовольствием. Страх существует в конфликте противоположностей. Поклонение успеху влечет за собой страх неудачи. Страх — это процесс ума в борьбе становления. В становлении добра существует страх зла; в становлении полноты — страх опустошенности; в становлении великим существует страх оказаться ничтожным. Сравнение — это не понимание; оно вызвано страхом перед неизвестным по отношению к известному. Страх — это неуверенность в искании надежности.

Усилие становления есть начало страха, страха бытия или не бытия. Ум, этот экстракт опыта, всегда страшится безымянного, вызова. Ум, который есть имя, слово, память, может функционировать лишь в поле известного; а неизвестное — вызов от момента к моменту — встречает сопротивление или переводится умом в термины известного. Вот это сопротивление или перевод вызова и есть страх, так как ум не имеет никакого отношения к неизвестному. Известное не может быть в общении с неизвестным; известное должно прекратиться, чтобы проявилось неизвестное.

Ум — это тот, кто создает страх; и когда он этот страх анализирует, чтобы выяснить его причину и освободиться от страха, он только лишь еще больше себя изолирует и тем увеличивает страх. Когда вы производите анализ, сопротивляясь смятению, вы увеличиваете силу сопротивления; а сопротивление смятению лишь усиливает страх перед ним, который препятствует свободе. В общении, в единстве существует свобода, но не страх.

«КАК МНЕ ЛЮБИТЬ?»

Мы находились высоко на склоне горы и смотрели вниз на долину и серебряную ленту широкого потока, ярко сверкавшую на солнце. Солнечные лучи в отдельных местах пробивались через густую листву, и воздух был напоен ароматом цветов. Было прекрасное утро, роса тяжелыми каплями еще лежала на земле. Вдоль долины дул благоухающий ветерок, принося с собой отдаленный шум человеческой деятельности, звон колоколов и звуки рожка. Из долины прямо вверх поднимался столб дыма, и ветер был недостаточно сильным, чтобы его рассеять. Это было восхитительное зрелище: столб дыма поднимался с самого дна долины и стремился достичь небес, подобно древней сосне. Большая черная белка, которая долгое время ворчала на нас, наконец, уgomонилась, спустилась по дереву вниз, чтобы все разузнать, и затем, несколько удовлетворив свое любопытство, сделала несколько скачков и исчезла. Появилось крохотное облачко, но небо оставалось чистым, нежным, бледно-голубым. Он ничего этого не видел, был поглощен своей неотложной проблемой. Его ум был поглощен проблемами, которые двигались и постоянно пребывали вокруг него. Это был богатый человек. Он был худощав, но крепкого сложения, имел непринужденный вид, роковую улыбку. Он теперь глядел как бы сквозь долину, и оживающая красота не трогала его; лицо его не становилось мягче и черты были такими же жесткими и решительными. Он продолжал свои искания, но не денег, а того, что он называл Богом. Он постоянно говорил о любви и Боге. Он искал повсюду, был у многих учителей. По мере того, как шли годы, искание его становилось все более ревностным. Несколько раз он приезжал сюда для бесед по этому же вопросу, однако посещения его постоянно имели характер обдуманного расчета; он всегда взвешивал, сколько требуется денег, чтобы найти Бога, сколько надо потратить на ту или иную поездку. Он знал, что для него невозможно взять с собой то, что он имел; но нельзя ли захватить с собой что-нибудь другое, такую монету, которая имела бы цену там, куда он собирался поехать. По природе он был жесткий человек, который никогда не делал широкого жеста и у которого ни сердце, ни рука не были щедрыми. Он постоянно был в нерешительности, как бы не передать чуточку больше того, что следовало. Он был уверен, что каждый, исключая его самого, достоин своей участи. Но в это утро он был здесь для того, чтобы снова открыться, так как над его жизнью, благополучной в других отношениях, нависала угроза и это сильно его тревожило.

«Я начинаю себя понимать, — сказал он. — Все эти годы я скрыто противодействовал и сопротивлялся вам. Вы выступаете против богатых, вы плохо о нас говорите, и я сердился на вас; но не имел мужества вам ответить, так как я не могу идти против вас. Я делал другие попытки, но не могу поднять руки на вас. А что вы хотите, чтобы я делал? Я желал бы, ей-богу, никогда вас не слышать и не приближаться к вам. Теперь я не сплю ночами, у меня всегда был такой хороший сон. Появились мучительные сновидения, а до этого я вообще никогда не видел снов. Я боюсь вас, втайне проклиная вас, но не могу уйти. Что мне делать? У меня нет друзей, как вы указывали, а теперь я не в состоянии купить их, что я обычно делал раньше, — слишком далеко я зашел в раскрытии самого себя. Может быть, я могу быть *вашим* другом. Вы предложили мне свою помощь, и вот я здесь; что мне делать?»

— Раскрыть себя не так легко; а раскрыли ли вы себя? Распахнули ли вы уже дверцы шкафа, который так тщательно замкнули и в который запрятали все то, что неудобно выставлять напоказ? Имеется ли у вас желание раскрыть его и посмотреть, что в нем находится?

«Да, но как мне это сделать?»

— Действительно ли вы этого хотите или только играете этим желанием? Если вы хоть немного приоткроете этот шкаф, вы не сможете его закрыть. Дверца навсегда останется

открытой, а содержимое шкафа день и ночь будет сыпаться наружу. Можно попытаться убежать, как это обычно делается, но оно будет там ожидая и следя. Действительно ли вы хотите это открыть?

«Ну, конечно, именно для этого я и приехал. Я должен это встретить, так как я дошел до предела. Что мне делать?»

— Откройте и глядите. Чтобы накапливать богатство надо добиваться, быть жестоким, способным на низость; для этого нужна безжалостность, хитрый расчет, нечестность; должно быть стремление к власти и эта эгоцентрическая деятельность, которая просто прикрывается такими благозвучными словами, как ответственность, долг, эффективность, права.

«Да, все это правильно и даже больше. Личность человека совсем не принимается в расчет; религиозные дела — это лишь ширма респектабельности. Теперь, когда я смотрю на это со стороны я вижу, что все вращалось вокруг меня. Я был центром, хотя не претендовал на это. Я понимаю это. Но что же мне делать?»

— Прежде всего необходимо принять вещи такими, каковы они есть. Для того чтобы можно было стереть накопленное, надо обладать нежностью, любовью, этим пламенем без дыма. Только такое пламя в состоянии стереть содержимое шкафа; ничто другое ни самоанализ, ни жертва, ни отречения не могут это сделать. Если имеется это пламя, тогда не надо ни жертв, ни отречения, тогда вы сможете смело идти навстречу шторму, даже не ожидая его.

«Но как мне любить? У меня нет теплого чувства к людям; я безжалостен, и те, кто могли бы быть со мной, ушли от меня. Я совсем одинок, как же я могу научиться любить? Я не настолько глуп, чтобы не понимать, что не могу получить любовь благодаря какому-то сознательному акту, купить ее путем какой-то жертвы, отречения. Я знаю, что никогда не любил, и понимаю, что если у меня была любовь, я не оказался бы в настоящем положении. Что же мне делать? Должен ли я раздать свои владения, свое имущество?»

— Если вы видите, что сад, за которым вы так тщательно ухаживали, приносит одни ядовитые травы, вы должны выдернуть их с корнем; вы должны разрушить стены, которые давали им убежище. Вы можете сделать это или не сделать. Учтите, что у вас обширные сады, предусмотрительно обнесенные стенами и хорошо охраняемые. Но вы сможете осуществить это только тогда, когда не будет меновой торговли. Прodelать же это необходимо, так как умереть богатым означает прожить тщетно. Но, помимо этого, еще должен быть огонь, который очищает ум и сердце и все обновляет. Это пламя вне ума, его нельзя культивировать. Проявления доброты могут быть полны света, но это еще не пламя. Деятельность, которую называют служением, хотя она полезна и необходима, не является любовью. Длительно практикуемая и тренируемая терпимость, сострадание, культивируемое церковью и храмом, кроткие речи, мягкие манеры, преклонение перед спасителем, образом, идеалом — ничто из всего этого не является любовью.

«Я слушал и наблюдал, и сознаю, что во всем этом нет любви. Сердце мое пусто, а как его наполнить? Что мне делать?»

— Привязанность отрицает любовь, Любовь нельзя найти в страдании. Ревность, как бы она ни была сильна, не может привязать любовь. Чувства и удовлетворение, которое доставляется ими, всегда имеют конец. Любовь же неисчерпаема.

«Для меня это только слова. Я страдаю, я изнемогаю: утолите мой голод».

— Для того чтобы утолить, должен быть голод. Если вы голодны — вы найдете пищу. Голодны ли вы или жаждете вкусить другой пищи? Если это так, вы найдете то, что доставит вам удовлетворение, но оно вскоре окончится; все это — не любовь.

«Но что же мне делать?»

— Вы продолжаете повторять все тот же вопрос. Что вам делать — не важно; но существенно важно сознавать, что вы *делаете*. Вас интересует будущее действие, но это способ

избежать, устранившись от непосредственного действия. Вы не хотите действовать, поэтому продолжаете спрашивать, что вам делать. Вы снова хитрите, обманываете себя, и таким образом сердце ваше пусто.

Вы хотите наполнить его предметами ума, но любовь — вне ума. Пусть сердце ваше будет пустым. Не заполняйте его словами, деятельностью ума. Пусть сердце ваше будет совершенно пустым; только тогда оно будет полным.

ТЩЕТНОСТЬ ПОГОНИ ЗА РЕЗУЛЬТАТОМ

Они приехали из разных стран, чтобы обсудить некоторые проблемы, с которыми сталкивается большинство из нас. Конечно, неплохо поговорить обо всем этом; но одни слова, убедительные аргументы и обширные сведения не принесут освобождения от мучительных проблем. Блестящая аргументация и солидные знания могут оказаться тщетными, и это бывает так часто. Когда ум обнаруживает их бесполезность, он умолкает. И тогда, в состоянии безмолвия, приходит понимание проблемы. Однако стремление найти это безмолвие порождает новую проблему, создает новый конфликт. Никакие разъяснения, доискивание до причин, исследование и расчленение проблемы ни в какой мере не приводят к ее разрешению, так как средствами ума проблема не может быть разрешена. Ум может лишь рождать новые проблемы. Он способен ускользать от самой проблемы при помощи толкований, идеалов, стремлений; но как бы там ни было, он не может освободиться от проблемы. Ум — это поле, в котором растут и множатся проблемы и конфликты. Мысль не может себя успокоить; она может, конечно, облачиться в одежды безмолвия, но это только маскировка, поза. Мысль может убить себя действием дисциплины, направленным к заранее намеченной цели; но смерть — это совсем не безмолвие. Смерть еще более громогласна, чем жизнь. Любое движение ума становится препятствием для безмолвия. Через открытые окна проникали разнообразные звуки: громкие разговоры и ссоры из деревни, выхлоп пара от паровоза, плач и смех детей, грохот грузовиков, жужжание пчел, резкие крики ворон. И среди всего этого шума в комнату вошло безмолвие, без зова и приглашения. Среди слов и аргументов, среди непонимания и борьбы это безмолвие распростерло свои крылья. Особенность этого безмолвия не состояла в том, чтобы прекратить шум, болтовню или слова. Для того чтобы в него включиться, ум должен утратить свою склонность к экспансии. В этом безмолвии совершенно отсутствует принуждение, приспособление, усилие; оно неисчерпаемо, а потому всегда новое, всегда свежее. Но слово «безмолвие» — не безмолвие.

— Почему мы спешим к результату, к финишу? Почему ум всегда стремится к цели? Но почему он не стремится к своему концу? Приезжая сюда, разве мы не ищем нечто, определенного опыта, восторга? Мы устали и пресытились многим, чем раньше играли; мы отвернулись от старого и теперь ищем новых игрушек, которыми можно было бы забавляться. Мы переходим от одного к другому, как женщина, рассматривающая витрину магазина, пока не найдем то, что нас полностью удовлетворит, и тогда прочно устраиваемся, готовые застыть на месте. Мы всегда чего-то жаждем; перепробовав многое, что не принесло никакого удовлетворения, мы хотим теперь самых предельных вещей: Бога, истину, все, что нам угодно. Мы жаждем результатов, новых переживаний, новых ощущений, которые оказались бы длительными, несмотря ни на что. Мы никогда не видим тщетности результата вообще, но готовы признать бесполезность данного результата. Так мы странствуем от одного результата к другому в надежде когда-либо найти то, что положит конец всякому исканию.

Поиски результата, успеха связывают, ограничивают; они всегда приходят к концу. Приобретение — это процесс завершения. Достижение — это смерть. Но это как раз то, чего мы ищем, не правда ли? Мы ищем смерти, только мы называем это результатом, завершением, целью. Мы жаждем достичь желаемого. Мы устали от этой бесконечной борьбы и стремимся уйти «туда», причем это «туда» может быть на каком угодно уровне. Мы не видим опустошающего, разрушительного характера самой борьбы, но мы хотим освободиться от нее, достигнув какого-то результата. Мы не понимаем истины самой борьбы, конфликта, а поэтому используем борьбу как средство для достижения желаемого, которое доставило бы наибольшее

удовлетворение. При этом мы получаем наибольшее удовлетворение в том случае, если неудовлетворенность наша была максимально острой. Это желание всегда заканчивается приобретением, но мы жаждем непреходящего результата. Итак, в чем же состоит наша проблема? Не состоит ли она в том, чтобы мы не жаждали результата, не так ли?

«Я думаю, что так. Само желание быть свободным — это также желание результата, так ведь?»

— Мы совершенно запутаемся, если пойдем по этому пути. Разве мы не в состоянии видеть пустоту, тщетность результата, в каком бы то ни было уровне? В этом ли состоит наша проблема? Давайте посмотрим на нашу проблему прямо, тогда, быть может, мы будем в состоянии ее понять. Не в том ли дело, чтобы понять тщетность одного результата и таким образом отбросить всякое желание результата? Если мы установим бесполезность какой-либо одной формы бегства, то все другие его формы тоже окажутся тщетными. Но в этом ли состоит наша проблема? Конечно, нет, не так ли? Попробуем подойти к вопросу несколько иначе. Не есть ли опыт также известный результат? Если мы должны быть свободны от результатов, не должны ли мы также быть свободны от опыта? В самом деле, не является ли опыт результатом, завершением?

«Завершением чего?»

— Завершением процесса переживания. Опыт — это память о переживании, не правда ли? Когда переживание заканчивается, тогда существует опыт, результат. В момент переживания не существует никакого опыта; опыт — это память о переживании. Как только состояние переживания угасает, начинается опыт. Опыт всегда мешает переживанию, жизни. Результаты, опыт приходят к концу; но переживание неисчерпаемо. Когда память создает помеху неисчерпаемому, начинается поиск результата. Ум, сам являющийся результатом, всегда стремится к завершению, к цели, а это — смерть. Смерти нет, когда нет переживающего. И только тогда существует то, что неизмеримо.

ЖЕЛАНИЕ БЛАЖЕНСТВА

Одинокое дерево, стоявшее на широкой и зеленой лужайке, было центром маленького мира, в который входили роща, дом и небольшое озеро. Вся окружающая местность как будто тяготела к этому дереву, высокому, раскидистому. Оно, должно быть, уже очень старое, но вокруг него чувствовалась свежесть, словно оно только недавно появилось на свет; на нем едва ли можно было заметить мертвые ветви, а листья его были без пятен и казались прозрачными в лучах утреннего солнца. Оттого, что оно было одиноким, все существа, казалось, приходили к нему. Олень и фазаны, кролики и крупный скот — все собирались в его тени, особенно в полдень. Симметричная красота этого дерева воспринималась на фоне неба, и при свете раннего утра дерево казалось единственным живым существом. От рощи дерево виделось далеким но от дерева — роща, дом, и даже небо воспринимались близкими часто казалось, что можешь коснуться плывущего облака.

Мы уже некоторое время сидели под деревом, когда он подошел и присоединился к нам. Он серьезно интересовался вопросами медитации и сказал, что практиковал ее много лет. Он не принадлежал к какой-либо определенной религиозной школе, и хотя читал многих христианских мистиков, его привлекали системы медитации и учения индусских и буддийских святых. Он давно понял незрелость аскетизма с его особенным очарованием и культивированием силы с помощью воздержания. С самого начала он избегнул всех этих крайностей. Сам он практиковал дисциплину, постоянный самоконтроль и твердо решил осуществить то, что можно найти с помощью медитации и за ее пределами. Он вел так называемый строго моральный образ жизни, хотя не придавал этому большого значения; пути мирской жизни вообще не привлекали его. В предшествующие годы он выполнял свою роль в мирских делах; все это окончилось несколько лет тому назад. У него осталось небольшое дело, однако это не имело для него особой важности.

— Цель медитации — сама медитация. Поиски того, что можно найти с помощью медитации и за ее пределами, — не что иное, как желание получить результат. Но то, что приобретается, будет снова потеряно. Поиски результата — это продление процесса проецирования своей личности; какой бы высокий характер ни носил результат, он является проекцией желания. Медитация как средство достижения, приобретения, раскрытия лишь усиливает того, кто медитирует. Медитирующий — это медитация; медитация — это понимание, которое приходит к медитирующему.

«Я медитирую для того, чтобы найти конечную реальность или дать возможность этой реальности проявить себя. Я ищу совсем не результата, но того состояния блаженства, которое иногда можно пережить. Оно здесь, и как жаждущий стремится напиться, так и я жажду найти невыразимое счастье. Это блаженное состояние бесконечно выше всяких радостей, и я стремлюсь к нему, как к своему самому затаенному желанию».

— Это и означает, что вы медитируете с целью получить то, чего вы хотите. Для того чтобы достичь того, чего вы желаете, вы подвергаете себя строгой дисциплине. Вы подчиняетесь определенным правилам и установкам. Вы планируете и проводите в жизнь известный курс, чтобы добиться того, что является его целью. Вы надеетесь достичь определенных результатов, каких-то степеней, которые вам известны. Для этого вы поддерживаете постоянные усилия. Вы ожидаете все больших и больших радостей. Этот хорошо задуманный план дает вам уверенность в том, что вы достигнете намеченного конца. Как видите, ваша медитация — это тонко рассчитанное предприятие, не правда ли?

«Когда вы ставите вопрос подобным образом, это с первого взгляда представляется

несколько абсурдным; но если посмотреть более глубоко, то что же в этом неправильного? Что может быть неправильным по существу в поисках такого блаженства? Я не сомневаюсь в том, что действительно жажду найти результат от всех моих усилий. Но скажите, почему этого нельзя делать?»

— Подобного рода желание блаженства подразумевает, что блаженство *есть* нечто завершающее, длящееся вечно, разве не так?

Все другие результаты оказались неудовлетворительными. Человек страстно стремился к достижению земных целей, но увидел их преходящий характер и теперь жаждет непреходящего состояния, такой цели, которая не имеет конца. Ум ищет окончательного и вечного убежища, поэтому он дисциплинирует себя и тренирует, осуществляя на практике определенные добродетели с целью приобрести желаемое. Возможно, что он когда-нибудь пережил это блаженное состояние и теперь неодолимо к нему стремится. Подобно тем, кто добивается намеченного результата, вы ищете свою цель. Только вы поместили ее на другой уровень; вы, может быть, скажете, что этот уровень более высокий, но это не относится к существу вопроса. Всякий результат означает какое-то завершение; но достигнув одного, вы уже стремитесь к другому. Ум никогда не пребывает в покое, он всегда чего-то ищет, к чему-то стремится, всегда приобретает и, конечно, всегда преисполнен страха все потерять. Подобный процесс мы обычно называем медитацией. Может ли ум, который захвачен бесконечным становлением, осознать блаженство? Может ли ум, который возложил на себя дисциплину, всегда пребывать в свободе, при которой только и возможно это блаженство? Усилиями и борьбой, сопротивлением и отречением ум сделал себя нечувствительным; а может ли такой ум быть открытым и незащищенным? Не создали ли вы желанием блаженства вокруг себя стену, через которую не может проникнуть то, что неосязаемо, неведомо? Не изолировали ли вы полностью себя от нового? От старого вы прокладываете тропу к новому; а возможно ли новое вместить в старое?

Ум никогда не может создать новое. Ум сам есть результат, а, все результаты — это следствие старого. Результат никогда не может быть новым; преследование результата никогда не может быть спонтанным; то, что свободно, не может следовать цели. Цель, идеал — это всегда проекция ума, это не медитация. Медитация — это освобождение от медитирующего; только в свободе может быть раскрытие и тонкость восприятия. Без свободы невозможно блаженство; но свобода не приходит с помощью дисциплины. Дисциплина создает некий стереотип свободы, но этот стереотип — не свобода. Надо разбить стереотип, и тогда появится свобода. Разрушение формы и есть медитация. Но разрушение формы — это не цель, не идеал. Форма разрушается в каждый данный момент. То, что разрушено, уже забыто. Воспоминание, память воссоздают форму, и тогда появляется тот, кто создает форму, виновник проблем, конфликтов, несчастий.

Медитация — это освобождение ума от его собственных мыслей на всех уровнях. Мысль творит мыслящего. Мыслящий неотделим от мысли; оба они представляют единый процесс, а не два отдельных процесса. Разделение единого процесса на два ведет лишь к неведению и иллюзии. Медитирующий есть медитация. Тогда ум пребывает в уединении, не *делая* себя уединенным; он безмолвен, не *создавая* безмолвия. Только в уединении может прийти то, что не имеет причины, только в уединении существует блаженство.

Все кругом было погружено в себя. Деревья замкнулись в своем бытии; птицы складывали крылья, чтобы предаться размышлению над дневными странствиями. Река больше не сверкала, воды ее прекратили свой танец и успокоились, замкнувшись в себе. Горы стояли вдалеке, недостижимые; и человек удалился в свой дом. Подошла ночь; наступила тишина одиночества. Прекратилось взаимное общение, всякая вещь замкнулась в себе, отделилась от других. Цветок, звук, разговор уже не были раскрытыми, они также замкнулись в себе. Где-то вдали послышался смех, но он звучал одиноко; слышалась приглушенная речь, словно изнутри. Лишь звезды были манящими, открытыми и приветливыми, но они были слишком далеко.

— Мысль — это всегда поверхностный ответ; она никогда не Может ответить глубоко. Мысль — это всегда внешнее, всегда следствие; мышление — это увязывание следствий. Мысль поверхностна, хотя может действовать на различных уровнях. Она никогда не может проникнуть в глубину, в то, что не выражается явно, не может выйти за пределы себя; любая попытка проделать это обречена на неудачу.

«Что вы понимаете под мыслью?»

— Мысль — это ответ на вызов; мысль не есть действие, дело. Это следствие, результат результата, результат памяти. Память — это мысль, а мысль — выражение памяти в словах. Память — это опыт. Процесс мышления есть сознательный процесс, как скрытый, так и явный. Мыслительный процесс, взятый в целом, — это сознание; бодрствующее и спящее, верхний и более глубокий уровни — все это часть памяти, опыта. Мысль не является независимой. Не существует независимого мышления; термин «независимое мышление» содержит противоречие. Мысль является результатом, возражает или соглашается, сравнивает или приспособляется, осуждает или оправдывает; и, следовательно, мысль никогда не может быть свободной. Результат никогда не может быть свободным; он может извиваться, манипулировать, блуждать, двигаться в определенном направлении, но не может освободиться от собственного якоря. Мысль привязана к памяти; она никогда не может быть свободной и установить истину какой бы то ни было проблемы.

«Не хотите ли вы сказать, что мысль вообще не имеет ценности?»

— Мысль имеет ценность при увязывании следствий, но сама по себе, как средство действия, она не имеет никакой цены. Действие — это революция, а не увязывание следствий. Действие, свободное от мысли, от идеи, от верования, никогда не укладывается в рамки какого-либо образца. В рамках образца возможна только деятельность. Деятельность может быть полной насилия, кровавой или противоречивой, но она не является действием. То, что содержит противоречие, противоположность, не является действием, это модифицированное продолжение деятельности. Противоположное продолжает оставаться в сфере результата, и, следуя за противоположным, мысль оказывается пойманной в сети собственных ответов. Действие — это не результат мысли; оно не имеет никакого отношения к мысли. Мысль, результат, никогда не может создавать новое. Новое является от момента к моменту, мысль же — всегда старое, прошлое, обусловленное. Она имеет свою ценность, но не имеет свободы. Все, что имеет ценность, есть ограничивающий фактор: оно связывает. Мысль связывает, так как мы ее лелеем.

«Каково отношение между сознанием и мыслью?»

— Разве это не одно и то же? Существует ли различие между тем, кто мыслит, и тем, кто сознает? Мышление — это ответ, а разве бытие сознания не является также ответом? Когда вы сознаете, например, этот стул, ведь это — ответ на стимул; а разве мысль — не ответ памяти на

какой-то толчок? Этот ответ мы называем опытом. Переживание — это вызов и ответ; а это переживание вместе с названием или регистрацией — весь этот процесс, на разных уровнях, — это сознание, не так ли? Опыт — это результат, следствие переживания. Этому результату мы даем название. Но само название — умозаключение, одно из многих умозаключений, совокупность которых образует память. Этот процесс умозаключения есть сознание. Умозаключение, результат есть сознание «я». «Я» — это память, совокупность умозаключений, а мысль — ответ памяти. Мысль — это всегда умозаключение; мышление — процесс умозаключения; вот почему оно никогда не может быть свободным.

Мысль всегда есть то, что на поверхности, это — умозаключение. Сознание — это регистрирование внешнего. Внешнее, поверхностное, разделяет себя на внешнее и внутреннее, но такое разделение не делает мысль сколько-нибудь менее поверхностной.

«Но существует ли все же нечто такое, что находится вне мысли, вне времени, нечто такое, что не создано умом?»

— Об этом состоянии вам мог кто-нибудь сказать, или вы могли прочитать о нем, или могли иметь непосредственное переживание этого состояния. Такое переживание никогда не может быть опытом, результатом. Оно не может быть предметом размышления; если вы начинаете о нем думать, тогда это только воспоминание, а не переживание. Вы можете повторять то, о чем прочитали или услышали, но слово — это совсем не переживание; само это слово, само повторение, препятствует состоянию переживания. Состояние переживания невозможно, пока происходит мыслительный процесс. Мысль, результат, следствие никогда не могут постичь состояние переживания.

«Тогда как же мысль может прийти к концу?»

— Постарайтесь постичь ту истину, что мысль, являясь результатом познанного, никогда не может понять состояния переживания. Переживание всегда новое, мышление же всегда старое. Поймите истину этого, и истина принесет свободу — свободу от мысли, от результата. Тогда явится то, что находится за пределами сознания, что не бывает ни спящим, ни бодрствующим, что не имеет имени: оно *есть*.

САМОПОЖЕРТВОВАНИЕ

Это был несколько тучный и весьма довольный собой человек. Несколько раз он сидел в тюрьме, его избивали полицейские, а теперь это был хорошо известный политик и кандидат в министры. Он присутствовал на многих митингах, скромно занимая свое место среди других. Но все видели, что он здесь, и он сам сознавал, что является предметом внимания. Когда он выступал с речью, у него появился авторитетный голос трибуна; многие смотрели на него, а его голос снисходил до их уровня. Даже находясь среди людей, он как-то оставался в стороне. Он был крупный политик, хорошо известный и многообещающий. Но все это было так до известной точки, не дальше; это стало очевидно, когда началась дискуссия. Создалась та особая атмосфера, которая бывает, когда хорошо известное лицо находится среди аудитории: атмосфера удивления и ожидания, товарищеской близости и подозрения, возрастающей отчужденности и удовольствия.

Он пришел со своим другом, который начал рассказывать о нем: сколько раз он сидел в тюрьме, сколько раз подвергался избиению, какие огромные жертвы он принес во имя свободы своей страны. Он был состоятельный человек, вполне усвоивший европейскую культуру, имел большой дом и сады, несколько автомобилей и т.д. Когда друг его докладывал о подвигах великого человека, голос рассказчика становился все более и более исполненным восхищения и преклонения. Но было и подводное течение, невысказанная мысль такого содержания: «Возможно, что он совсем не тот, кем кажется; но, в конце концов, посмотрите на жертвы, которые он принес, — ведь это же что-то значит...» Великий деятель заговорил о реформах, развитии гидроэнергетики, о необходимости дать счастье народу, о широких планах и целях будущего. Человек был совершенно забыт, остались планы и идеологические вопросы. Отречение, которое совершается для того, чтобы достигнуть известной цели, — это коммерческая сделка. В ней нет отдачи себя, здесь только обмен. Принесение в жертву своей личности — это путь к расширению личности. Самопожертвование ведет к утончению личности; но какой бы высокой утонченности личность ни достигала, она останется замкнутой в себе, мелкой, ограниченной. Отречение во имя определенной цели, как бы ни была она велика, широка и значительна, — это подмена цели своей личностью. Цель или идея становятся личностью, «я», «моим». Сознательная жертва — это расширение личности, это отдача с целью получить снова; сознательная жертва есть не что иное, как негативное утверждение «я». Когда вы отдаете, отказываетесь — это лишь иная форма приобретения. Вы отказываетесь от этого с целью получить то. «Это» берется на низшем уровне, а «то» — на более высоком; чтобы получить высшее, вы «отдаете» низшее. Во всей этой процедуре нет никакой жертвы, а только получение большего удовлетворения; но в искании большего удовлетворения нет ни единого элемента жертвы. Зачем пользоваться высокими словами для того, чтобы обозначить деятельность, дающую удовлетворение и удовольствие? Вы отказываетесь от своего социального положения с целью приобрести какое-то другое положение и, по-видимому, вы его уже имеете; следовательно, ваша жертва принесла вам желаемую награду. Некоторые жаждут получить награду на небесах, другие — здесь и теперь.

«Эта награда пришла в ходе событий, но сознательно я никогда не искал награды с первых же дней, как присоединился к движению».

— Одно только присоединение к популярному или непопулярному движению само по себе есть награда, не правда ли? Когда вы присоединяетесь, вы, может быть, и не думаете о награде, но внутренние побуждения, которые заставляют вас присоединиться, сложны, и, не осознав их, едва ли можно утверждать, что мысль о награде отсутствовала. Поэтому чрезвычайно важно

понять подобное стремление к отречению, к жертве, не правда ли? Почему мы хотим отказываться? Чтобы ответить на этот вопрос, надо сначала установить, почему мы привязываемся. Только тогда, когда мы привязаны, можем мы говорить о независимости; не было бы никакой борьбы за независимость, если б не было привязанности. Не было бы отречения, если б не было обладания. Мы обладаем, а затем отрекаемся, чтобы владеть чем-то еще. Эта прогрессирующая цепь отречений рассматривается как нечто благородное и конструктивное.

«Да, это так. Если бы не было обладания, не было бы, конечно, никакой надобности в отречении».

— Итак, отречение, самопожертвование — это не величественный жест, который необходимо восхвалять и которому надо подражать. Мы обладаем, потому что без обладания мы — ничто. Существует много форм обладания. Тот, кто не обладает никакими мирскими вещами, может быть привязан к знанию, идеям; иной может быть привязан к добродетели; тот — к опыту, а этот — к имени и славе и т.д. Без обладания «меня» не существует; «я» — это обладание, обстановка, добродетель, имя. В своем страхе небытия ум привязывается к имени, обстановке, ценностям; и бросит их, чтобы оказаться на более высоком уровне, так как более высокое дает большее удовлетворение и является более длительным. Страх, возникающий от неуверенности, страх небытия ведет к привязанности, к обладанию собственностью. Когда это обладание перестает удовлетворять или причиняет страдания, мы отрекаемся от него во имя такой привязанности, которая доставляет большую радость. Предельно удовлетворяющее нас обладание — это слово «Бог» или его суррогат — государство.

«Но ведь вполне естественно бояться того, что ты — ничто. Вы настаиваете, насколько я понимаю, на том, что человек должен любить состояние «быть ничем».

— Пока вы пытаетесь стать чем-то, пока вы находитесь во власти обладания, до тех пор неизбежны конфликт, смятение и возрастающая скорбь. Может быть, вы думаете, что вы сами, с вашими достижениями и успехами, не попадете в сеть этого прогрессирующего разложения; но вы не можете его избежать, так как вы — часть этого процесса. Ваша деятельность, ваши мысли, сама структура вашего существования основаны на конфликте и смятении, а следовательно — на процессе разложения. До тех пор, пока у вас остается нерасположенность быть ничем, чем вы на самом деле являетесь, вы неизбежно будете порождать скорбь и антагонизм. Готовность быть ничем — это не вопрос отречения, усиления, внутреннего или внешнего, но понимание истины того, что *есть*, понимание истины того, что *есть*, приносит свободу от страха незащищенности, страха, который рождает привязанность и ведет к иллюзии отрешенности, отречения. Любовь к тому, что *есть*, — вот начало мудрости. Лишь любовь способна делиться, сострадать, она одна способна общаться; а отречение и самопожертвование — это пути изоляции и иллюзии.

Весь день стояла жара. Находиться вне дома было сущей пыткой. Ослепительный свет, который исходил от дороги и воды, и без того резкий и пронизывающий, был еще более ярким благодаря отражению от белых стен. Земля, когда-то покрытая зеленью, теперь приобрела ярко-золотистый и пепельный оттенок. Уже много месяцев не было дождя. Небольшой поток высох и тянулся извилистой песчаной лентой. В тени деревьев укрылось стадо; пастушок сидел в стороне, бросая камни и напевая песню. Деревня находилась в нескольких милях отсюда, и мальчик был предоставлен самому себе; он был слабый и тощий, но был весел, и его песня не была слишком печальной.

Позади холма стоял дом. Мы дошли до него, когда солнце уже садилось. С крыши дома были видны зеленые верхушки пальм, которые бесконечной волной простирались вплоть до желтых песков. Пальмы бросали желтую тень, а их зеленые шапки отливали золотом. За желтым песком было видно серо-зеленое море. Белые волны теснились к берегу, глубинные же воды оставались тихими. На облаках появились розоватые оттенки, хотя солнце садилось далеко от них; показалась вечерняя звезда. Подул прохладный ветер, но крыша была еще горячая. В доме собралась небольшая группа, которая ожидала здесь уже некоторое время.

«Я замужем, у меня несколько детей, но я никогда не чувствовала любви. Я начинаю сомневаться, существует ли она вообще. Нам известны чувства, страсти, волнение и удовлетворение желаний, но я сомневаюсь, чтобы мы знали, что такое любовь. Мы часто говорим, что любим, но при этом всегда что-то удерживаем. Физически, может быть, мы ничего не удерживаем для себя; мы можем вначале отдать себя полностью, но даже и тогда мы что-то удерживаем. Давая, мы дарим чувство, но то, что единственно может дарить, — не пробуждено, далеко. Мы встречаемся и теряем себя в дыму, но это дым, это не пламя. Почему у нас нет этого пламени? Почему это пламя не пылает без дыма? Я сомневаюсь, что мы станем такими разумными, слишком понимающими, чтобы уловить этот аромат. Мне кажется, что сама я слишком много читала, чересчур современна и до нелепого поверхностна. Несмотря на то, что я могу умно говорить, мне кажется, что я по-настоящему глупа».

— В глупости ли дело? Является ли любовь неким светлым идеалом, чем-то недостижимым, что становится достижимым лишь при соблюдении определенных условий? Располагаем ли мы временем, чтобы выполнить эти условия? Мы говорим о красоте, мы пишем о ней, изображаем ее на полотне, в танце, мы читаем о ней проповеди, но сами мы лишены красоты так же, как мы не знаем любви. Мы знаем одни слова. Быть открытым и незащищенным означает обладать чувствительностью. Но там, где есть припрятывание для себя, там чувствительность отсутствует. То, что уязвимо, не обладает прочностью, свободно от завтрашнего дня. То, что открыто, — является основным, это — неизвестное. То, что открыто и уязвимо, — прекрасно; то, что замкнуто в себе, — ограничено и лишено чувствительности. Неповоротливость ума, так же как и острый ум, — это форма самозащиты. Мы открываем вот эту дверь, но оставляем закрытой ту, так как хотим, чтобы свежий воздух проходил только по определенному пути. Мы никогда не открываем всех дверей и окон одновременно, мы никогда не выходим за пределы себя. Чувствительность — это не то, что приобретается с ходом времени. Тупой ум никогда не может сделаться чувствительным. Тупое всегда остается тупым. Тупость никогда не может стать разумной. Сама попытка обрести понимание есть тупость. В этом одна из наших трудностей, не правда ли? Мы всегда стремимся стать чем-то, поэтому тупость остается.

«Но что же тогда делать?»

— Не надо ничего делать, оставайтесь тем, что вы есть, не чувствительной. Делать что-либо

— значит избегать то, что *есть*, и устранение от того, что *есть*, — наиболее явный знак тупости. Какова бы она ни была, тупость остается тупостью. Тот, кто лишен чувствительности, не может сделаться чувствительным. Все, что он может, это осознать то, что он *есть*, дать развернуться картине того, что он *есть*. Не вмешивайтесь, так как то, что вмешивается, не чувствительно и глупо. Прислушайтесь, и ваша нечувствительность сама расскажет свою историю; не истолковывайте, не действуйте, но слушайте, не прерывая и не интерпретируя, до самого конца. Тогда только появится действие. Но не действие важно, а слушание. По-настоящему давать можно только из неисчерпаемого. Удерживать что-то, когда вы даете, значит страшиться, что это нечто закончится, иссякнет, но лишь в завершении есть неисчерпаемое. Давать — не имеет конца. Давать можно от многого или от малого; и многое и малое ограничены, это дым, это значит давать, чтобы получать. Дым — это желание, как ревность, гнев, как разочарование; дым — это страх времени, дым — это память, опыт. Давать невозможно, можно лишь распространять дым. Удерживание неизбежно, так как давать, по существу, нечего. Когда вы разделяете что-то с другим, вы не даете; само сознание того, что вы что-то делите с другим или даете другому, ставит предел общению. Дым — это не пламя, но мы ошибочно принимаем его за пламя. Осознайте дым, тот дым, который *есть*; не старайтесь разогнать дым, чтобы увидеть пламя.

«Возможно ли иметь это пламя, или оно существует только для немногих?»

— Существует ли оно для немногих или для многих, вопрос не в том, не правда ли? Если мы пойдем по этому пути, он приведет к неведению и иллюзии. Ваш вопрос касается пламени. Можете ли вы иметь это пламя, в котором нет дыма? Ищите, наблюдайте дым безмолвно и терпеливо. Вы не можете разогнать дым, так как сами вы и есть этот дым. Когда дым разойдется, появится пламя. Это пламя и есть то, что неисчерпаемо. Все, что имеет начало и конец, быстро исчерпывается, изнашивается. Когда сердце становится пустым, освобождаясь от предметов ума, а ум от мыслей, тогда появляется любовь. То, что есть пустота, и есть неисчерпаемое.

Борьба происходит не между пламенем и дымом, а между различными ответами внутри самого дыма. Пламя и дым никогда не могут находиться в конфликте друг с другом. Для того чтобы они находились в конфликте, между ними должны существовать какие-то отношения; но как возможно, чтобы между ними были отношения? Когда присутствует одно, тогда нет другого.

ЗАНЯТОСТЬ УМА

Узкая улица была переполнена людьми, машины ходили не слишком часто. Когда проезжал автобус или автомобиль, приходилось прижиматься к самому краю, почти к ограде дома. Вдоль улицы расположились несколько крохотных лавчонок и небольшой храм с открытым входом. Храм блистал необыкновенной чистотой, в нем находилось несколько местных прихожан. Сбоку одной из лавок, прямо на земле, сидел мальчик и делал гирлянды и букетики цветов; ему было лет двенадцать или четырнадцать. В маленьком кувшине с водой находились нитки, спереди на влажной тряпке лежали пучки жасмина, ноготки, несколько роз и другие цветы. Держа нитку в одной руке, мальчик подхватывал цветы другой, быстрым, ловким движением перевязывал их и составлял букет. Он почти не обращал внимания на то, что делали руки. Глаза его были устремлены на проходящих людей, они сияли улыбкой при встрече со знакомыми, потом снова возвращались к рукам и опять уходили в стороны. К нему подошел другой мальчик, они стали разговаривать и смеяться, но руки мальчика ни на минуту не оставляли работу. Вот уже образовалась целая кучка связанных букетов, но продавать их было еще немного рано. Мальчик прекратил работу, встал, отошел, но вскоре вернулся с другим мальчиком, еще меньше, чем он сам, возможно, это был его брат. Снова он принялся за свою радостную работу с той же легкостью и скоростью. Вскоре к нему стали подходить люди по одному и группами. Это, по-видимому, были его постоянные покупатели, они улыбались и обменивались с ним несколькими словами. Теперь мальчик более часа не трогался с места. Стоял запах цветов, и мы улыбнулись друг другу.

Дорога вела к тропинке, а тропинка — к дому. Как мы привязаны к прошлому! Но мы не только привязаны к прошлому, мы *есть* это прошлое. А какая сложная вещь — прошлое, эти слои неувоенных воспоминаний, радостных и скорбных. Оно преследует нас днем и ночью, и весьма редко появляется щель, через которую пробивается ясный свет. Прошлое подобно тени, которая все делает тусклым и скучным; в этой тени настоящее утрачивает свою ясность, свежесть, завтрашний же день становится продолжением этой тени. Прошлое, настоящее и будущее связаны воедино длинной нитью памяти; весь пучок в целом — это память с ее слабым ароматом. Мысль движется через настоящее к будущему и обратно; подобно беспокойному животному, привязанному к столбу, она совершает движения внутри своего собственного круга, узкого или широкого, но она никогда не может освободиться от собственной тени. Это движение есть не что иное, как занятость ума прошлым, настоящим и будущим. Ум *есть* занятость. Если ум ничем не занят, он перестает существовать; именно занятость ума есть его существование. Будет ли он занят обидами или лестью, Богом или алкоголем, добродетелью или страстью, работой или выявлением самого себя, накапливанием или раздачей, — все это одно и то же; это — та же занятость ума, тревожного, беспокойного. Но любое состояние занятости, занят ли ум домашней обстановкой или Богом, — это состояние мелкого, поверхностного ума.

Когда ум занят, у него создается чувство активности, жизни. Вот почему ум накапливает или отрекается; благодаря тому, что он занят, он поддерживает самого себя. Ум должен быть чем-либо занят. Чем именно — не так уж важно, важно, чтобы он был занят; вполне возможно, что при этом актуальные темы, которыми занят ум, могут иметь значение и социального характера. Пребывать в состоянии занятости — это природа ума, и отсюда вытекает его деятельность. Быть занятым мыслями о Боге, о государстве, о знании — все это деятельность поверхностного, мелкого ума. Занятость влечет за собой ограниченность; Бог, о котором думает ум, — это мелкий бог, как бы высоко его ни ставил ум. Вне состояния занятости ум не существует; страх небытия делает ум беспокойным и деятельным. Подобная непрестанная

деятельность имеет видимость жизни, но это — не жизнь; она ведет лишь к смерти — к смерти, которая есть та же деятельность, но в иной форме.

Сон — это другой вид занятости ума, символ его беспокойного характера. Сновидения — продолжение сознательной жизни, проявление той области сознания, которая оставалась скрытой в часы бодрствования. Активность поверхностных и глубинных слоев сознания проявляется в форме занятости ума. Занятый ум может осознавать конец только как дрящееся начало. Он никогда не может осознать предельное как таковое, но осознает результат. Результат же всегда имеет характер длительности. Поиски результата — это поиски длительности. Ум с его занятостью никогда не подходит к реальному. Но только то, что завершается, может обладать новизной. Только для того, что умирает, возможна жизнь. Конец состояния занятости, конец деятельности ума — вот начало безмолвия, тотального безмолвия. Не существует отношений между неосязаемым безмолвием и деятельностью ума. Для того, чтобы они существовали, необходим контакт, единение; но между безмолвием и умом нет контакта. Ум не может иметь общения с безмолвием; он может иметь контакт только со своим собственным, спроецированным из себя состоянием, которое ум называет безмолвием. Но это безмолвие не является безмолвием, это лишь иная форма загруженности ума. Занятость ума — это не безмолвие.

Безмолвие существует, когда ум перестает загружать себя мыслями о безмолвии.

Безмолвие — вне грез и сновидений, за пределами глубинного ума. Глубинный ум — это экстракт прошлого, явного или скрытого. Этот экстракт, осадок прошлого, не может переживать безмолвия; он может грезить о нем, как часто и делает, но грезы — не реальность. Грезы часто принимаются за реальное, но грезы и тот, кто грезит, — лишь проявление занятого ума. Ум — тотальный процесс, а не какая-то одна часть, исключаящая другие. Тотальный процесс деятельности ума, будет ли это экстракт опыта или новое приобретение, не может иметь ничего общего с безмолвием, которое неисчерпаемо.

ПРЕКРАЩЕНИЕ МЫСЛИ

Это был ученый, специалист по древней литературе; и он постоянно приводил цитаты из древних авторов для подтверждения своих собственных мыслей. Интересно, были ли у него мысли, не связанные с книгами. Разумеется, независимой мысли не существует; любая мысль зависима, обусловлена. Мысль — это выражение в словах различного рода влияний. Мыслить — значит быть зависимым; мысль никогда не может быть свободной. Но он был в плену учености, он был обременен знанием и нес его весьма достойно. Начал он с того, что заговорил на санскрите, и был весьма удивлен, даже несколько шокирован, когда увидел, что санскрит неизвестен собеседнику. Ему трудно было этому поверить. «То, о чем вы говорите во время ваших бесед, показывает, что вы или много читали на санскрите, или изучали переводы некоторых великих учителей», — сказал он. Когда же узнал, что это вовсе не так и что в данном случае не было никакого изучения книг по религии, философии или психологии, на его лице выразилось открытое недоверие.

— Странно, что мы придаем такое значение печатному слову, так называемым священным книгам. Ученые мужи, как и многие другие люди, подобны граммафонам; они воспроизводят содержание пластинок, в то время как пластинки могут часто меняться, они имеют дело со знаниями, а не с состоянием переживания. Знание — помеха переживанию. Но знание — это надежное убежище лишь для немногих; а поскольку те, кто не имеет знания, находятся под сильным его впечатлением, носители знания окружены уважением и почетом. Знание — это такая же страсть, как запой; знание не несет понимания. Знанию можно научиться, но нельзя научиться мудрости. Знание — не монета, за которую покупается мудрость; но человек, который нашел прибежище в знании, не отваживается отойти от него, так как слова питают его мысли, а процесс мышления доставляет ему удовлетворение. Размышление — препятствие для переживания; и не существует мудрости вне переживания. Знание, идея, вера стоят на пути мудрости. Занятый ум не свободен, он лишен спонтанности, но только в состоянии спонтанности возможно открытие. Занятый ум замкнут в себе, утратил открытость, незащищенность, обеспечивая таким образом свою безопасность. Мысль, по своей структуре, является замкнутой в себе; ее нельзя сделать уязвимой. Мысль никогда не бывает спонтанной, никогда не бывает свободной. Мысль — это продолжение прошлого, а то, что является продолжением, не может быть свободным. Свобода существует лишь в завершении.

Занятый ум творит только то, над чем он может работать. Он может создать телегу с воловьей упряжкой или реактивный самолет. Мы можем думать, что мы глупы, и мы глупы. Мы можем считать себя Богом и тогда соответствуем собственной идее «Я есть То».

«Но ведь, конечно, лучше занимать ум мыслями о Боге, чем светскими делами, не так ли?»

— То, что мы думаем, — это мы сами; но важно понимание процесса мышления, а не то, о чем мы думаем. Будем ли мы думать о Боге или о вине, — это несущественно; каждая мысль имеет свое особое воздействие, но и в том и в другом случае мысль занята своими собственными проекциями. На каком бы это ни было уровне, это значит обоготворять себя. Ваше «Я», с большой буквы, — это все еще проекция мысли. Какой бы оно ни было занято мыслью, оно есть эта мысль. А то, что оно есть, это не что иное как мысль. Вот почему важно понять именно процесс мысли.

Мысль есть ответ на вызов, не так ли? Если нет вызова, нет мысли. Совокупность вызова и ответа — это опыт, а опыт, облеченный в слова, — это мысль. Опыт имеет дело не только с прошлым, но и с прошлым в соединении с настоящим; он может проходить через сознание и вне его. Этот осадок, экстракт опыта есть память, фактор, оказывающий воздействие; а ответ

памяти, прошлого, — это мысль.

«Но разве все, что есть, относится к мысли? Разве не существует больших глубин в области сознания, чем одни только ответы памяти?»

— Мысль может ставить себя на различные уровни — на разумные и глубокие, благородные и низкие, что она и делает, — но не это остается мыслью, не так ли? Бог как предмет мысли — от ума, от слова. Мысль о Боге не есть Бог, это только ответ памяти. Память длится долгое время и поэтому может казаться глубокой; но по своей структуре она не обладает глубиной. Память может не пребывать на поверхности, может не находиться на виду, но это не делает ее глубокой. Мысль никогда не может быть глубокой или стать чем-то большим, чем то, что она есть. Она может придавать самой себе гораздо большее значение, но при этом она всегда остается мыслью. Когда ум занят собственными проекциями, он не выходит за пределы мысли. Он лишь принял на себя новую роль, новую позу; а под новым покровом остается все та же мысль.

«Но каким образом можно выйти за пределы мысли?»

— Разве вопрос заключается в этом? Вы не можете выйти за пределы мысли; вы — творец усилия, вы сами — результат мысли. В раскрытии мыслительного процесса, что означает самопознание, истина того, что *есть*, кладет предел процессу мысли. Истину того, что *есть*, нельзя найти в древних или современных книгах. То, что можно найти, — это слова, а не истина.

«Тогда как же найти истину?»

— Ее нельзя найти. Усилие найти истину ведет к результату, который является собственной проекцией «я», но этот результат — не истина. Результат — это не истина; результат — это продление мысли, расширенной или спроецированной. Только тогда, когда прекращается мысль, существует истина. Мысль не может прекратиться вследствие принуждения, дисциплины, благодаря какой-либо форме сопротивления. Слушание рассказа того, что *есть*, приносит освобождение. Истина освобождает, а не усилие стать свободным.

ЖЕЛАНИЕ И КОНФЛИКТ

Это была радостная группа; большинство было полно терпеливого ожидания, и только немногие пришли с целью высказать свои возражения. Слушать совсем не так просто, но в этом есть красота и великое понимание. Мы слушаем с помощью различных глубинных слоев нашего существа, но качество нашего слушания всегда определяется какой-нибудь предвзятой идеей, той или иной точкой зрения. Мы не слушаем просто; на пути всегда стоит экран наших собственных мыслей, умозаключений и предрассудков. Мы слушаем, испытывая радость или протест, принимая или отвергая; но это не значит слушать. Для того чтобы слушать, должна быть внутренняя тишина, свобода от жажды приобретения, бдительное внимание. При таком бдительном, но пассивном состоянии возможно услышать то, что лежит за пределами слов. Слова вносят путаницу, они являются только внешними средствами общения; для общения, которое происходит вне шума слов, необходима бдительная пассивность в процессе слушания. Те, кто любит, способны слушать: но чрезвычайно редко встречаются люди, которые могут слушать. Большинство из нас ищет результатов, стремится достичь цели; мы постоянно что-то преодолеваем и побеждаем, а при этих условиях слушание невозможно. Только пребывая в особом состоянии, при котором возможно слушать, мы можем услышать песню слов.

«Можно ли освободиться от желаний? Возможна ли вообще жизнь без желаний? Не есть ли желание — сама жизнь? Ведь искать освобождения от желаний означает призывать смерть, не так ли?»

— Что такое желание? Когда мы его осознаем? В каких случаях мы говорим, что желаем? Желание — не абстракция, оно существует только в отношении к чему-то. Желание возникает в контакте, в отношении. Таким образом, если нет контакта, нет и желания. Контакт возможен на любом уровне, но без него нет чувства, нет ответа, нет желания. Мы знаем процесс возникновения желания — это восприятие, соприкосновение, чувство и наконец желание. В каких же случаях мы осознаем желание? Когда именно я говорю, что желаю? Только тогда, когда в состоянии радости или страдания появляется элемент тревоги. Как только вы осознаете конфликт, тревогу, тогда вы осознаете и желание. Желание — это адекватный ответ на вызов. Восприятие красивого автомобиля вносит элемент беспокойства в ощущение радости. Эта тревога есть осознание желания. Когда мы в фокус внимания ставим тревогу, независимо от того, будет ли она вызвана страданием или радостью, то это состояние есть сознание себя. Сознание себя — это желание. Мы сознаем, когда возникло тревожное чувство, вызванное не адекватным ответом на вызов. Конфликт — это сознание себя. Возможно ли быть свободным от этой тревоги, от конфликта, порождаемого желанием?

«Имеете ли вы в виду свободу от конфликта, порождаемого желанием, или свободу от самого желания?»

— Являются ли конфликт и желание различными состояниями? Если это так, наше исследование должно вести к иллюзии. Если бы не было тревоги, называемой удовольствием или страданием, желанием, исканием, осуществлением, в позитивном и в негативном смысле — все равно, могло бы ли тогда появиться желание? И хотим ли мы вообще освободиться от тревоги? Если мы сможем это понять, то будем в состоянии уловить смысл желания. Конфликт — это сознание себя; сосредоточенное же внимание, вызванное тревогой, есть желание. Вы, может быть, хотите освободиться от конфликта, заключенного в желании, но зато сохранить удовольствие? И удовольствие, и конфликт вносят разлад, не так ли?

Или вы думаете, что удовольствие не порождает разлада и тревоги?

«Удовольствие не порождает тревоги».

— Так ли это? Вы никогда не замечали страдания, рожденного чувством удовольствия? Не возрастает ли жажда удовольствия непрерывно? Не ставит ли она все большие и большие требования? Не порождает ли жажда все большего и большего такую же тревогу, как и стремление избежать страдания? И то, и другое создает конфликт. Мы хотим удержать желание, которое дает удовольствие, но уйти от желания, создающего скорбь; но если посмотреть пристальнее, оба желания порождают тревогу. Но хотите ли вы быть свободным от тревоги?

«Если у нас не будет желаний, мы умрем; если у нас не будет конфликтов, мы погрузимся в спячку».

— Утверждая это, вы исходите из опыта или у вас просто есть идея на этот счет? Мы создаем в воображении картину того, что было бы, если бы не существовало конфликта, и тем самым лишаем себя возможности пережить такое состояние, в котором всякий конфликт прекращен. Наша проблема в том, каковы причины конфликта. Можем ли мы видеть нечто прекрасное или уродливое без того, чтобы возникал конфликт? Можем ли мы наблюдать, слушать, не сознавая себя? Можем ли мы жить без тревоги? Можем ли мы жить без желания? Конечно, мы должны понять тревогу, а не стремиться преодолеть или превозносить желание. Конфликт должен быть понят, не надо его ни облагораживать, ни подавлять.

Что является причиной конфликта? Конфликт возникает в тех случаях, когда ответ неадекватен вызову; и этот конфликт есть фокусирование сознания как «я». Сознание «я», сфокусированное конфликтом, создает опыт. Опыт — это ответ на стимул или вызов. Без наименования или определения нет опыта. Наименование происходит за счет накопленного, за счет памяти. Наименование есть процесс облачения в слова, процесс создания символов, образов, слов, благодаря чему усиливается память. Сознание, вследствие конфликта фокусируемое как «я», это тотальный процесс, включающий опыт, наименование, регистрацию.

«Но что же в этом процессе является причиной конфликта? Можем ли мы быть свободны от конфликта? И что существует за пределами конфликта?»

— Наименование — вот что вызывает конфликт, не так ли? Вы подходите к вызову на любом уровне с готовой записью, с идеей, с умозаключением, с предрассудками; это и означает, что вы даете наименование опыту. Создание термина придает опыту качественную характеристику, такую, которая вытекает из наименования. Наименование — это воспроизведение записи из недр памяти. Прошлое встречается с новым, вызов встречается с памятью, прошлым. Ответы прошлого не могут понять живое, новое, вызов; ответы прошлого неадекватны, и отсюда возникает конфликт, который и есть сознание «я». Конфликт прекращается, когда нет процесса наименования. Вы можете наблюдать в самом себе, как наименование происходит почти одновременно с ответом. Промежуток между ответом и наименованием есть переживание. Переживание, в котором нет ни того, кто переживает, ни ранее пережитого, находится вне конфликта; конфликт — это собирание «я» в фокус. Когда прекращается конфликт, прекращается всякая мысль, тогда приходит необъятное.

ДЕЙСТВИЕ БЕЗ ЦЕЛИ

Он был членом различных организаций, в которых принимал активное участие. Он писал, проводил беседы, собирал деньги, организовывал. Обладая напористостью, настойчивостью и умением достигать цели, он повсюду был чрезвычайно полезен, везде был нарасхват и постоянно разъезжал по всей стране. Когда-то он принимал участие в политическом движении, сидел в тюрьме, был последователем известных лидеров, а теперь находился на пути к тому, чтобы стать важной персоной, слава которой зиждется на собственных достижениях. Он стоял за немедленное осуществление великих замыслов. Как и другие образованные люди того же круга, изучал философию. Он сказал, что принадлежит к числу людей действия, а не созерцания, и привел текст на санскрите, в котором была сделана попытка вместить всю философию действия. Уже одно утверждение, что он человек действия, создавало впечатление, что он принадлежит к наиболее важной группе, если не он лично, то весь тип подобных людей. Он причислил себя к определенному классу и тем закрыл для себя понимание.

Ярлыки, по-видимому, обладают свойством давать удовлетворение. Та категория, к которой, как нам кажется, мы сами принадлежим, представляется нам вполне удовлетворяющим объяснением жизни. Мы преклоняемся перед словами и этикетками и как будто никогда не выходим за пределы символа и не стремимся понять его истинную ценность. Давая себе то или иное наименование, мы страхуем себя от дальнейших тревог и на том успокаиваемся. Одно из проклятий, которое несут с собой идеологии и организованные вероисповедания, — это предлагаемое ими успокоение и ведущее к гибели чувство удовлетворения. Они убаюкивают нас, наше воображение начинает работать в полусонном состоянии, а эти мечты облекаются в действие. С какой легкостью мы готовы уйти от действительности. Большинство из нас жаждет этого, так как мы чувствуем усталость от постоянных конфликтов; это становится необходимостью в гораздо большей степени, чем то, что *есть*. Мы можем играть тем, что нас уводит от действительности, но не тем, что *есть*; ведь все это иллюзия, в которой мы находим искаженное наслаждение.

— Что такое действие? Каков процесс действия? Почему мы действуем? Простая деятельность, конечно, не есть действие. Пребывать в занятом состоянии совсем не означает действовать, не так ли? Домашняя хозяйка занята делами, но можно ли это назвать действием?

«Нет, конечно, нет. Она имеет дело с повседневными, маловажными делами. Человек действия занят более широкими проблемами и ответственными делами. Когда мы заняты более широкими и более глубокими вопросами, и не только политическими, но и духовными, тогда это может быть названо действием. Действие требует способности, эффективности, организованного усилия, постоянно поддерживаемого стремления к цели. Человек подобного рода — не созерцатель, не мистик, не отшельник, он — человек действия».

— Быть занятым более широкими вопросами — это вы хотите назвать действием? Но что такое более широкие вопросы? Стоят ли они отдельно от повседневной жизни? Стоит ли действие вне целостного процесса жизни? Существует ли действие, если многочисленные слои не объединены в одно целое? Если отсутствует понимание и если весь процесс жизни не объединен в одно целое, не окажется ли действие лишь разрушительной деятельностью? Сам человек есть тотальный процесс, поэтому и действие должно быть следствием этой тотальности.

«Но ведь в этом случае не только не было бы действия, но вместе с тем оно было бы отложено на неопределенное будущее. Однако у людей существует неодолимая тяга к действию, поэтому неправильно философствовать по этому поводу».

— Мы не занимаемся философским исследованием, но пытаемся выяснить, не порождает

ли нескончаемого вреда ваше так называемое действие. Любая реформа нуждается в последующей реформе. Действие, лишённое целостности, вообще не есть действие, оно ведёт к дезинтеграции. Если вы проявите достаточное терпение, то мы сможем увидеть теперь, а не в будущем, такое действие, которое обладает целостностью.

Можно ли действие, обусловленное целью, назвать действием? Иметь цель, идеал и работать в направлении к нему — действие ли это?

«Но как же вы можете действовать иначе?»

— Вы называете действием тот акт, который имеет в виду результат, не так ли? Вы планируете конечную цель или руководствуетесь идеей, верой, и вы действуете в этом направлении. Работа, ориентированная на какой-либо объект, результат, цель, фактическую или психологическую, — это то, что обычно называют действием. Этот процесс можно оправдать, когда речь идет о физических объектах, например, о постройке моста. Но совсем другое дело, если мы имеем перед собой психологические задачи.

Правда, мы говорим о внутренних задачах, об идеологии, идеалах, вере, для осуществления которых мы работаем. Но можно ли назвать действием подобную работу, направленную на осуществление психологической цели?

«Действие, совершаемое без целевой установки, вообще не есть действие, это смерть. Отсутствие действия есть смерть».

— Не-действие не является чем-то противоположным действию. Это совсем другое состояние, оно не относится к нашей теме; мы можем поговорить о нем позднее, давайте возвратимся к нашему предмету обсуждения. Действием обычно называют работу, совершаемую с известной целью, для осуществления какого-то идеала, не так ли? Но каким образом появляется идеал? Отличается ли он по существу от того, что *есть*? Отличается ли антитезис в корне от тезиса, существует ли он совершенно отдельно от тезиса? Идеал ненасилия — совсем ли он иного рода, чем проявление насилия? Не является ли идеал просто проекцией «я», его собственной продукцией? Когда вы действуете с определенной целью, осуществляете какой-то идеал, то не добиваетесь ли вы того, что спроецировано вами самими; или это не так?

«Разве идеал — это проекция «я»?»

— Вы есть *это*, но вы хотите стать *тем*. Без сомнения, *то* есть результат вашей мысли. Оно, может быть, результат не вашей собственной мысли, но оно рождено мыслью, ведь так? Мысль проецирует идеал; идеал — это создание мысли. Идеал не пребывает вне мысли, он — сама мысль.

«Но что же неправильного в самой мысли? Почему мысль не должна создавать идеал?»

— Вы есть *это*, но вы этим не удовлетворены, вы хотите стать *тем*. Если бы у вас было понимание *этого*, возникло ли бы *то*? Но так как вы не понимаете *этого*, вы создаете *то*, надеясь с помощью *того* понять *это* или уйти от него. Мысль создает идеал и проблему; идеал — это ваша собственная проекция, а ваша работа в направлении порождаемой вами проекции и есть то, что вы называете действием, — действием, совершаемым с определенной целью. Итак, ваше действие не выходит за пределы вашей собственной проекции, будет ли она называться Богом или государством. Подобное действие, совершаемое внутри ваших собственных ограничений, похоже на движение собаки, которая гонится за своим хвостом; но действие ли это?

«Возможно ли действовать, не имея цели?»

— Без сомнения, возможно. Если вы понимаете истину действия, обусловленного целью, то появляется правильное действие. Такое действие является единственно эффективным действием, такое действие — единственная радикальная революция.

«Вы имеете в виду действие, в котором отсутствует «я»?»

— Да, действие, не обусловленное идеей. Идея — это «я», которое отождествило себя с Богом или государством. Действие, обусловленное таким отождествлением, лишь усиливает конфликт, смятение и скорбь. Но как трудно для человека так называемого действия обходиться без идей! Лишенный идеологии, он чувствует себя потерянным; это так и есть на самом деле. Отсюда следует, что он — не человек действия. Он — человек, пойманный в сеть собственных проекций, осуществление которых ведет к прославлению его самого. Деятельность такого человека способствует разделению, ведет к дезинтеграции.

«Но что же надо делать?»

— Необходимо понять, что представляет собой ваша деятельность; только тогда придет действие.

ПРИЧИНА И СЛЕДСТВИЕ

«Я знаю, что вы исцеляли, — сказал он. — Может быть, вы смогли бы исцелить моего сына? Он почти совсем ослеп. Я обращался к нескольким врачам, но они ничего не могут сделать. Они советуют повезти его в Европу или Америку, но я небогат, и это вне моих возможностей. Пожалуйста, сделайте что-нибудь. Наш сын — единственный ребенок, и жена моя в полном отчаянии».

Он был мелкий служащий, бедный, но образованный, как все представители этой группы. Он знал санскрит и литературу на, санскрите. Он сообщил, что страдания мальчика — это его карма, а также карма его родителей. Но что же они совершили, чтобы заслужить такое наказание? Какое зло они учинили в прошлой, а может быть, и в этой жизни, чтобы нести такую муку? Должна же быть причина этого несчастья, скрытая в каком-то прошлом, действии.

— Но ведь возможна и непосредственная причина этой слепоты, которую врачи еще не установили. Слепоту может вызвать какая-нибудь наследственная болезнь. Если врачи не могут установить физическую причину, почему вы стремитесь найти метафизические корни болезни в далеком прошлом?

«Если я буду знать причину, я гораздо лучше смогу понять следствие».

— Понимаете ли вы какое-либо явление, если знаете его причину? Знание причины какого-то страха делает ли вас свободным от этого страха? Можно узнать причину, но приходит ли одновременно с этим понимание? Когда вы говорите, что знание причины позволит вам понять следствие, вы на самом деле жаждете получить какое-то утешение от знания того, как это произошло, не так ли?

«Конечно, так. Именно поэтому я хочу узнать, какие действия в прошлом вызвали настоящую слепоту. Это в наибольшей степени могло бы дать утешение».

— Но ведь это и означает, что вы ищете утешение, а не понимание.

«А разве это не одно и то же? Понять — значит найти утешение. Что хорошего в понимании, если оно не несет радости?»

— Понимание какого-либо факта может принести смятение; совсем не обязательно, чтобы оно давало радость. Вы хотите утешения, именно этого вы ищете. Вы потрясены болезнью сына, и вы хотите получить успокоение. Это успокоение вы называете пониманием. Вы ставите задачу не обрести понимание, а получить утешение. Вы думаете отыскать путь, на котором ваше смятение уляжется, и вот это вы называете поисками причины. Вас больше всего занимает желание погрузиться в состояние покоя, стать вне тревог, и вы ищете путей к этому. Мы переходим в мир покоя и грез различными путями: это Бог, ритуалы, идеалы, алкоголь и т.д. Мы хотим уйти от тревог; один из путей бегства — это поиски причины.

«Но почему мы не должны искать освобождения от смятения? Почему нельзя избегать страдания?»

— Можно ли освободиться от страдания, избегая его? Вы можете захлопнуть дверь перед каким-либо безобразным явлением или перед страхом, но они остаются там за дверью, не правда ли? То, что подавлено, то, чему вы сопротивляетесь, как раз это вы и не поняли, разве не так? Вы можете давить на волю вашего ребенка или подвергать его дисциплине, но это, конечно, не будет способствовать пониманию его. Вы ищете причину с тем, чтобы уйти от мук тревоги; именно с этой целью вы производите поиски, и вполне естественно, что вы найдете то, что вы ищете. Освободиться от страдания можно только тогда, когда вы осознаете каждую его фразу, когда вы рассмотрите всю его структуру в целом. Избегать страдания означает лишь усиливать его. Объяснение причины не есть ее понимание. Вы можете найти объяснение, но вы

не освободитесь от страдания; страдание остается, только вы прикрыли его словами, умозаключениями, своими или заимствованными от других. Изучение толкований не есть изучение мудрости. Когда толкования прекращаются, только тогда возможна мудрость. Находясь в тревоге, вы ищете объяснений, которые должны привести вас в состояние покоя, и вы найдете их; но объяснение — это не истина. Истина приходит в процессе такого наблюдения, в котором отсутствуют выводы, объяснения, слова. Сам наблюдающий построен из слов; ваше «я» создано из объяснений, умозаключений, осуждений, оправданий и т.д. Единство с предметом наблюдения существует лишь тогда, когда отсутствует наблюдающий; только тогда приходит понимание и свобода от проблемы.

«Мне кажется, я это понимаю. Но разве не существует того, что называется кармой?»

— А что вы понимаете под этим словом?

«Текущие обстоятельства являются результатом предшествующих действий, недавних или совершенных в далеком прошлом. Процесс, охватывающий причины и следствия, со всеми его разветвлениями — вот более или менее то, что понимается под словом «карма»».

— Но это лишь поверхностное объяснение. Попробуем выйти за пределы слов. Существует ли вполне определенная причина, которая вызывает определенное следствие? Когда причина и следствия зафиксированы, не есть ли это смерть? Все, что неподвижно, негибко, односторонне, — все это должно отмереть. Животные, которые развиваются в каком-то одном направлении, в недалеком будущем должны погибнуть, не правда ли?

Человек развивается по различным направлениям, поэтому имеется возможность его длительного существования. То, что обладает гибкостью, существует долго; то, что не обладает гибкостью, будет сломлено. Желудь не может стать ничем иным, как дубом; причина и следствие лежат в нем самом. Но человек не настолько замкнут в себе и ограничен; поэтому, если он не уничтожает сам себя, тем или иным путем, он может уцелеть. Носят ли причина и следствие стационарный, четко определенный характер? Когда вы пользуетесь союзом «и», говоря «причина и следствие», не следует ли отсюда, что вы считаете и то и другое неподвижным, фиксированным? Но всегда ли причина носит стационарный характер? Всегда ли следствие неизменно? Без сомнения, причина-следствие есть непрерывный процесс, не правда ли? «Сегодня» есть результат вчерашнего дня, а завтрашний день — результат сегодняшнего. То, что было причиной, становится следствием, а следствие становится причиной. Это цепной процесс, не так ли? Одно вливается в другое, ни в единой точке нет остановки. Это постоянное движение, здесь нет ничего неподвижного. Существует множество факторов, которые вызывают это непрерывное движение «причина-следствие-причина».

Объяснения, выводы относятся к области неподвижного, все равно, будут ли они правого или левого направления, или будут принадлежать организованной вере, которая называется религией. Когда вы пытаетесь прикрыть живое с помощью объяснений, тогда для живого наступает смерть; это как раз то, чего желает большинство из нас; с помощью слов, идеи, мысли мы жаждем погрузиться в грезы. Поиски рационального объяснения — это лишь другой путь для того, чтобы успокоить встревоженное состояние, но само желание обрести покой, отыскать причину, найти вывод несет за собой смятение, и потому мысль оказывается пойманной в сеть своих собственных проекций. Мысль не может быть свободной, она никогда не может сделать себя свободной. Мысль есть результат опыта, опыт же всегда накладывает ограничительные условия. Опыт не может быть мерилем истины. Осознание ложного как ложного приносит свободу истины.

Когда отошел поезд, было еще светло, но тени становились все длиннее. Городские постройки тянулись вдоль железной дороги. Люди выходили, чтобы встретить поезд, а пассажиры приветствовали своих друзей. С большим шумом мы въехали на мост, перекинутый через широкую извилистую реку. В этом месте ширина реки составляла несколько миль; в быстро гаснущем свете с трудом можно было увидеть противоположный берег. Поезд шел по мосту очень медленно, как бы пробивая себе дорогу вперед. Мы насчитали 58 пролетов между обоими берегами. Как прекрасны были воды реки, безмолвные, обильные, глубокие! Вдали приветливо выделялись песчаные острова. Город с его шумом, пылью и убожеством постепенно оставался позади. Чистый вечерний воздух проникал через окна, но как только мы проехали через мост, снова началась пыль.

Человек, занимавший нижнее место, оказался весьма разговорчивым, а так как нам предстояло ехать всю ночь, то он почувствовал себя вправе задать несколько вопросов. Он был крупного сложения, с большими руками и ногами. Он начал с рассказа о себе, о своей жизни, о своих трудностях, о своих детях. Он говорил, что Индия должна сделаться такой же преуспевающей страной, как и Америка. Излишнюю рождаемость необходимо поставить под контроль и, кроме того, необходимо, чтобы люди осознали свою ответственность. Он много говорил о политическом положении, о войне и закончил повествованием о своих собственных путешествиях.

— Как мы нечувствительны, как не достаёт нам способности давать быстрый и адекватный ответ, в какой малой степени мы готовы наблюдать! Без сенситивности можно ли быть гибким и обладать восприимчивостью, пониманием, свободным от усилия?

Само усилие препятствует пониманию. Понимание приходит с высочайшей сенситивностью, но сенситивность нельзя культивировать. Можно культивировать позу, искусственно созданный внешний лоск но подобное одеяние не является сенситивностью, это лишь умение держать себя, поверхностное или глубокое, выработанное под влиянием окружения. Сенситивность — не результат влияния культуры; это состояние незащищенности, открытости. Эта открытость — нечто лишь подразумеваемое, неизвестное, неуловимое. Но мы боимся быть сенситивными; это слишком мучительно, требует слишком большого напряжения, постоянного приспособления, что в свою очередь нуждается в осмыслении. Осмысление требует бдительности; но мы предпочитаем получать утешение, погружаться в грезы, становиться тупыми. Газеты, журналы, книги, при нашем пристрастии к чтению, накладывают на нас печать тупости; потому что чтение — это чудесный способ бегства, наподобие алкоголя или религиозных обрядов. Мы хотим бежать от мук жизни, а тупость — это наиболее эффективный путь: тупость добивается объяснений, следования за лидером или идеалом, отождествления, с каким-либо достижением, ярлыком или типом. Многие из нас хотят сделаться тупыми, привычка очень быстро усыпляет ум. Привычка к дисциплине, практике, постоянному усилию становится — все это весьма почтенные пути, с помощью которых мы становимся нечувствительными.

«Но что получилось бы, если бы мы обладали подобной сенситивностью? Мы были бы ничемными и не существовало бы никакой эффективной деятельности».

— А что дают миру люди тупые и нечувствительные? Каков результат их «эффективной» деятельности? Войны, неразбериха внутри себя и вовне, безжалостность и возрастающая скорбь для них самих и для всего мира? Действия людей небдительных неизбежно ведут к разрушению, к физической незащищенности, к дезинтеграции. Но к сенситивности не так легко прийти;

сенситивность — это понимание простого, которое в высшей степени сложно. Это не замыкающий в себе, не делающий бесполезным, не изолирующий процесс. Действовать, обладая сенситивностью, значит осознавать целостный процесс действующего лица, того, кто действует.

«Для того чтобы понять целостный процесс меня самого, потребуется длительное время, а между тем дело мое рухнет, и семья умрет от голода».

— Семья ваша не умрет от голода, даже если вы не накопите достаточно денег; всегда возможно устроить так, чтобы они были сыты. Бизнес ваш, конечно, рухнет, но ведь дезинтеграция, разрушение на других уровнях вашего бытия уже существует. Вас заботит только внешнее разрушение, вы не хотите видеть или знать, что происходит внутри вас. Вы пренебрегаете внутренним и надеетесь укрепить внешнее; тем не менее внутреннее является определяющим, оно всегда побеждает внешнее. Внешнее не может долго длиться, если нет полноты внутреннего; но полнота внутреннего — это не однообразное повторение эмоций организованных религий, не накопление сведений, называемое знанием. Для того, чтобы внешнее могло продолжать свое существование, чтобы сохранились здоровые основы жизни, необходимо понять пути всех внутренних стремлений. Не говорите, что у вас нет времени; его у вас достаточно. Дело не в недостатке времени, а в том, что вам это не нравится, и вы не имеете к этому большой склонности. У вас нет внутренних богатств, поэтому вам хотелось бы ими обладать, чтобы получать от них такое же удовлетворение, какое вы получали до сих пор от обладания внешними. Вы не заинтересованы в поисках необходимых средств для поддержания семьи, вы стремитесь найти удовлетворение от обладания собственностью. Но человек, который обладает, независимо от того, обладает он имуществом или знанием, никогда не может быть сенситивным. Он никогда не сможет быть незащищенным, уязвимым, восприимчивым. Обладать — значит становиться тупым, чем бы вы ни обладали — добродетелью или деньгами. Обладать человеком значит не сознать его; искать и обладать реальностью значит отрицать ее. Когда вы стараетесь стать добродетельным, вы уже не добродетельны. Ваше искание добродетели — это лишь желание получить удовлетворение на другом уровне. Удовлетворение — не добродетель; добродетель — это свобода.

Как может тупой, респектабельный, недобродетельный человек быть свободным? Свобода уединенности — это вовсе не изоляция, не замкнутость в себе. Быть изолированным в богатстве или бедности, в знании или успехе, в идее или добродетели — значит быть тупым и нечувствительным. Тупые, респектабельные люди не могут общаться; если же они общаются, то с собственными проекциями. Чтобы общаться, нужна сенситивность, незащищенность, свобода от становления, что означает свободу от страха. Любовь — это не становление, не состояние «я буду». Становление не может быть общением, потому что оно всегда себя изолирует. Любовь не имеет защиты, любовь открыта, неосятима, неведома.

ЯСНОСТЬ В ДЕЙСТВИИ

Утро было прекрасное и чистое после дождей. Деревья покрылись нежными молодыми листочками, и ветер с моря заставлял их трепетать. Зеленая сочная трава буйно поднялась с земли, а домашние животные жадно ее поедали; через несколько месяцев для них не останется уже ни одного стебелька. Благоухание сада наполняло комнату. Дети кричали и смеялись. На пальмах были золотистые кокосовые орехи, а листья банана, огромные и покачивающиеся, еще не поблекли от времени и ветра. Как прекрасна была земля, и какая поэма цвета! За этой деревней, за большими домами и рощами было море, полное света. Далеко в море виднелась небольшая лодка — несколько связанных между собой бревен; одинокий рыбак ловил с нее рыбу.

Она была совсем молодая, ей не было и тридцати лет. Не так давно она вышла замуж, но прошедшие годы уже оставили на ней свой отпечаток. Она рассказала, что происходит из хорошей семьи, культурной и деятельной; сама она получила ученую степень магистра с отличием. У нее был ясный и живой ум; начав говорить, она продолжала легко и без остановок, но иногда вдруг осознавала себя и умолкала. Ей хотелось освободиться от мучившей ее проблемы, о которой она не говорила никому, даже родителям. Постепенно, частица за частицей, ее скорбь облекалась в слова. С помощью слов можно передать смысл только на определенном уровне; слова искажают смысл, они не раскрывают своего истинного значения, они вводят в заблуждение совсем не преднамеренно. Ей хотелось сказать гораздо больше того, что могли выразить слова, и ей это удалось. Она не могла говорить о некоторых вещах, как ни старалась; но само молчание выразило эти муки и невыносимое чувство негодования в связи с теми семейными взаимоотношениями, которые превратились в обыкновенный брачный контракт. Она была надломлена, муж бросил ее; малые дети едва ли могут ее понять. Что ей делать? Сейчас они живут врозь; может быть, ей вернуться?

Как сильно довлеет над нами респектабельность! Что скажут другие? Можно ли жить одному, особенно женщине, чтобы о тебе не говорили дурно? Респектабельность — это маска ханжи; мысленно мы совершаем всевозможные преступления, но внешне мы непогрешимы. Она очень считалась с этим преклонением перед условностями быта, и вот теперь она в смятении. Весьма удивительно, но когда внутри человека царит ясность, то что бы ни случилось, все оказывается правильным. Когда имеется эта внутренняя ясность, тогда то, что является правильным, совершается помимо вашего желания, но все, что бы ни было, является правильным. Довольство приходит одновременно с пониманием того, что *есть*. Но как трудно иметь эту ясность!

«Каким образом я могу обладать ясным пониманием того, что должна делать?»

— Действие не приходит вслед за ясностью; ясность — это и *есть* действие. Вас мучит вопрос о том, что вы должны делать, а не вопрос о том, как обрести ясность. Вы мучаетесь, не зная, что выбрать — условности общественного мнения или то, что вы должны сделать, ваши надежды или то, что *есть*. Двойственное желание соблюсти условности общественного мнения и совершить какие-то идеальные действия влечет за собой конфликт и смятение; но только в том случае, если вы будете способны смотреть на то, что *есть*, тогда лишь появится ясность. То, что *есть*, — совсем не то, что *должно* быть; последнее — это лишь желание, подогнанное под какой-то образец; то, что *есть*, — это действительность, это не желание, а факт. Вы, быть может, никогда не рассматривали вопрос подобным образом. Вы обдумывали или хитроумно рассчитывали, взвешивая одно против другого, составляли планы и контрпланы. Все это привело вас в смятение, которое вынудило обратиться с вопросом о том, что же вам делать. Каков бы ни

был ваш выбор, но если вы находитесь в состоянии смятения, он приведет вас лишь к еще большему смятению. Смотрите на это очень просто и прямо; если вы сможете так все воспринимать, то будет способны наблюдать то, что *есть*, без искажения. То, что открыто, имеет свое собственное действие. Если то, что *есть*, понято, то вы увидите, что нет никакого выбора, но только действие, а вопрос, что вам следовало бы делать, никогда не встанет; такой вопрос возникает только тогда, когда существует неопределенность выбора. Действие не исходит от выбора; продиктованное выбором действие рождает смятение.

«Я начинаю понимать то, что вы имеете в виду; мне надо установить ясность внутри себя, устранить мысли о респектабельности, о личных расчетах, оставить стремление заключать коммерческие сделки. У меня теперь есть эта ясность, но как трудно ее сохранить, не правда ли?»

— Совсем нет. Поддерживать — значит сопротивляться. Вы не поддерживаете ясность и сопротивляетесь смятению: вы переживаете смятение, как оно *есть*, и видите, что от этого не возникает действия, которое с неизбежностью усиливало бы смятение. Когда вы сами все это переживаете, — не потому, что кто-то другой вам сказал об этом, но потому, что вы сами непосредственно видите, — тогда наступает ясность в отношении того, что *есть*; вам нет надобности ее поддерживать, она здесь.

«Я вполне понимаю, что вы имеете в виду. Да, мне это ясно; все это так. Ну, а что же с любовью? Мы не знаем, что означает побить. Я думала, что люблю, но теперь вижу, что это не так».

— Из того, что вы сказали, следует, что вы вышли замуж из страха одиночества и руководствуясь физическими побуждениями и необходимостью; теперь вы видите, что все это не любовь. Вы, может быть, называли это любовью, чтобы придать этому респектабельный вид, но в действительности здесь просто сделка, прикрытая словом «любовь». Для большинства людей это и есть любовь, со всем ее дымом смятения, страхом незащищенности, одиночества, крушения надежд, беспомощной старости и т.п. Но все это — лишь процесс мысли, и, конечно, не любовь. Мысль повторяется, а повторение лишает отношения новизны. Мысль опустошает, она не способна обновляться; она может лишь продлить свое существование, но то, что обладает длительностью, не может быть новым, свежим. Мысль — это чувство; мысль имеет чувственный характер; мысль — это сексуальная проблема. Она не может закончиться сама по себе с тем, чтобы стать творческой; не может стать чем-то иным, чем то, что она есть, а она есть чувство. Мысль всегда лишена свежести, она есть прошлое, устаревшее; она никогда не может обладать новизной. Как видите, любовь не есть мысль. Любовь бывает тогда, когда нет того, кто мыслит. Тот, кто мыслит, не отличается от самой мысли; мысль и мыслящий — это одно и то же. Мыслящий — это мысль.

Любовь — не чувство; это пламя без дыма. Вы сможете познать ее лишь тогда, когда будет отсутствовать мыслящий. Не можете вы жертвовать собой мыслящим, ради любви. На любовь невозможно продуманно воздействовать, так как ум над нею не властен.

Дисциплина, воля достичь любви не могут — это всего лишь мысль о любви, а мысль — чувство. Мысль не может думать о любви, так как любовь вне достижения ума. Мысль имеет длительность, а любовь беспредельна, неисчерпаема. То, что неисчерпаемо, всегда ново, а то, что в границах длительности, всегда пребывает в страхе перед концом. Лишь то, что завершается, способно познать вечное начало любви.

«Все разговоры по поводу психологии, о внутренних путях деятельности ума — это только пустая трата времени. Людям необходима работа и пища. Не вводите ли вы вполне сознательно в заблуждение ваших слушателей, когда совершенно очевидно, что прежде всего следует разрешить экономические вопросы? То, о чем вы говорите, когда-нибудь может оказаться в высокой степени эффективным, но какая польза от всего этого сейчас, когда народ голодает? Вы не можете думать или действовать при пустом желудке!

— Конечно, при пустом желудке вы не можете действовать, но для того чтобы обеспечить всех пищей, должна произойти коренная революция в нашем образе мыслей, а отсюда вытекает важность действий на психологическом фронте. И для вас идеология имеет гораздо большую важность, чем производство пищевых продуктов.

Вы, может быть и говорите о том, что надо накормить голодных, что необходимо о них думать, но разве вы не поглощены в гораздо большей степени идеей, идеологией?

«Да, это так. Но идеология — лишь средство для объединения людей с целью, последующих коллективных действий. Без идеи невозможно организовать коллективные действия, сначала должна появиться идея, план; потом уже последует действие»

— Следовательно, вы тоже сперва имеете дело с психологическими факторами, а отсюда вытекает то, что вы называете действием. Поэтому, можно думать, что вы не будете теперь настаивать на том, будто беседы о психологических факторах означают сознательный обман людей. Вы, очевидно, полагаете, что только вы обладаете единственной рациональной идеологией, и поэтому считаете излишним мучиться в поисках других путей. Вы стремитесь к коллективным действиям во имя вашей идеологии; вот почему вы утверждаете, что дальнейшее изучение психологического процесса является не только тратой времени, но и уклонением от главной цели, которая состоит в построении бесклассового общества, обеспечивающего работу для всех, и т.д.

«Наша идеология — результат глубоких исторических исследований; это — история, которая получила объяснение с помощью фактов; это идеология, основанная на фактах; она не имеет ничего общего с суевериями и догмами религий. В основе нашей идеологии лежит непосредственный опыт, а не иллюзии и фантомы».

— Идеология и догмы организованных религий также основываются на опыте; это, может быть, опыт тех, кто преподавал учение. Эти идеологии также базируются на исторических фактах. Весьма возможно, что ваша идеология является итогом изучения, сравнения, утверждения определенных фактов и отрицания других, а ваши выводы, основаны на опытных данных; но почему же вы отвергаете другие идеологии, считая, что они основаны на иллюзорной базе, если они также опираются на опыт? Вы собираете, людей, разделяющих вашу идеологию, а последователи других идеологий делают то же самое в своей области. Вы стремитесь к коллективным действиям; к тому же стремятся и они, но по другим линиям. И в том и в другом случае то, что вы называете коллективными действиями, вытекает из какой-то идеи. И вы, и они имеете дело с идеями, позитивными или негативными, которые должны вызывать коллективные действия. Любая из идеологий опирается на свой опыт, только вы считаете, что их опыт не покоится на прочном основании, а они такого же мнения о вашем опыте. Они утверждают, что ваша система непрактична, ведет к рабству и т.д., а вы называете их поджигателями войны и говорите, что их, система неизбежно ведет к экономическому краху. Итак, и вы, и ваши противники имеете дело с идеологией, но не с проблемой насыщения людей и обеспечения их счастья. Обе идеологии находятся в состоянии войны друг с другом, а о человеке забыли.

«Человек забыт во имя спасения людей. Мы жертвуем человеком сегодняшнего дня, чтобы спасти людей будущих поколений».

— Вы уничтожаете настоящее во имя будущего. Вы берете на себя власть провидения во имя государства, так же как церковь когда-то делала это во имя, Бога. Оба вы имеете своих богов и свои священные книги; у обоих имеются толкователи истины, священнослужители — и горе тому, кто отклоняется от истины и подлинника! Между вами нет особой разницы, вы очень похожи один на другого; ваши идеологии, возможно, различны, но способы проявления одни и те же. Вы оба желаете спасти будущего человека, жертвуя человеком сегодняшнего дня; создается впечатление, что вы знаете все по поводу будущего, причем это будущее имеет вполне определенный характер, а вы являетесь обладателями монополии по отношению к этому будущему. Но вы оба так же не знаете о том, что будет завтра, как и любой другой человек.

Существует великое множество неуловимых факторов в настоящем, которые создают будущее. Вы оба обещаете награду, утопию, рай в будущем; но будущее — не вывод, сделанный на основании той или иной идеологии. Идеи всегда имеют дело с прошлым или будущим, они не касаются настоящего. Вы не можете иметь идею о настоящем, так как настоящее есть действие; оно проявляется как одно единственное действие. Всякое другое действие — отсрочка, откладывание на будущее, а поэтому совсем не есть действие; это — уход от действия. Действие, основанное на идее, взятой из прошлого или будущего, есть отрицание действия; действие может быть только в настоящем, только сейчас. Идея всегда принадлежит прошлому или будущему, и не может быть никакой идеи настоящего. Для идеолога прошлое или будущее — это фиксированные состояния, потому что сам он также принадлежит прошлому или будущему. Идеолог никогда не существует в настоящем; для него жизнь всегда в прошлом или будущем, но никогда не в настоящем, не сейчас. Идея всегда относится к прошлому и через настоящее пробивает себе путь к будущему. Для последователя идеологии настоящее есть переход к будущему, поэтому оно не так важно, средства вообще не имеют значения, важна только цель; можно использовать любые средства, чтобы достичь цели. Так как цель фиксирована, а будущее известно, то можно уничтожить любого, кто стоит на пути к цели.

«Опыт необходим для действия; идеи же и толкования опираются на опыт. Вы, конечно, не отрицаете опыта. Действие, не заключенное в рамки идеи, — это анархия, хаос, которые прямой дорогой приведут людей в сумасшедший дом. Отстаиваете ли вы действие, не опирающееся на силу идеи? Как вы можете что-либо делать без того, чтобы прежде это продумать как идею?»

— Вы говорите, что идея, толкование, вывод — это результат опыта; что без опыта невозможно знание, а без знания не может быть никакого действия. Но не следует ли идея за действием? Или сначала существует идея, а потом действие? Вы говорите, что сначала существует опыт, а потом уже действие; так как будто? Что же вы понимаете под опытом?

«Опыт — это знание учителя, писателя, революционера; знание, которое он собрал на основании изучения опыта, своего или чужого. На основе знания или опыта создаются идеи, а из этой идеологической основы вытекает действие».

— Является ли опыт единственным критерием, истинным стандартом для измерения? Что вы понимаете под опытом? Наша беседа есть какой-то опыт; вы отвечаете на стимулы, а этот ответ на вызов есть опыт, не так ли? Вызов и ответ — это почти синхронный процесс; они суть постоянный вид движения в пределах некоторого заднего плана. Задний план отвечает на вызов, а процесс ответа на вызов есть опыт, не так ли? Ответ исходит от заднего плана, от обусловленного. Опыт всегда обусловлен; именно в этих условиях появляется идея. Действие, основанное на идее, — это обусловленное, ограниченное действие. Опыт, идея, противопоставляемые другому опыту, другой идее, не могут создать синтеза, но лишь новое противоположение. Противоположности никогда не могут привести к синтезу. Единство может

иметь место только тогда, когда нет противопоставления; но идеи всегда порождают противоположное, создают конфликт противоположностей. При любых обстоятельствах из конфликта не может получиться синтез.

Опыт — это ответ заднего плана на вызов. Задний план — влияние прошлого, а прошлое — это память. Ответ памяти — это идея. Идеология выстраивает память, называемую ответом, знанием, которые никогда не могут быть революционными. Их можно назвать самыми революционными, но это — всего лишь модифицированное продление прошлого. Противоположная идеология или доктрина — это все еще идея, а идея всегда должна исходить от прошлого. «Никакой идеологии» — это *тоже* идеология; не существует идеологии, которая была бы исключительной, единственной в своем роде; но если вы скажете, что ваша идеология ограничена, полна предрассудков, обусловлена, как и всякая другая, то никто за вами не последовал бы. Вы должны говорить, что это единственная идеология, которая только и способна спасти мир; и как большинство из нас, являясь приверженцами определений, выводов, становится последователями и основательно подвергается эксплуатации, так и эксплуатирующий тоже является эксплуатируемым.

Действие, основанное на идее, никогда не освобождает, оно всегда связывает. Действие, направленное к цели, к завершению, перестает быть действием в процессе его совершения. На короткое время оно может играть роль действия, но оно быстро разрушает само себя, как это с очевидностью следует из примеров нашей повседневной жизни.

«Возможно ли когда-либо быть свободным от обуславливающих факторов? Я не верю, чтобы это было возможно».

— Вы снова в плену идеи, верования. Вы не верите, другой верит; оба вы — пленники вашей веры, оба вы получаете опыт, который соответствует вашей обусловленности. Можно ли быть свободным? Это вы сможете установить лишь тогда, когда рассмотрите весь процесс обуславливания, влияния. Понимание этого процесса есть самопознание. Только через познание себя приходит свобода от рабства, от зависимости, и эта свобода свободна от всякой веры, от всякой идеологии.

Деревня была грязная, но вокруг каждой хижинки было аккуратно убрано, а наружные ступеньки вымыты и украшены. В помещении, куда мы зашли, было чисто, но несколько дымно от стряпни. Семья была дома — отец, мать, дети и старая женщина, очевидно, бабушка. У всех был веселый и необыкновенно довольный вид. Они говорили на неизвестном нам языке, поэтому вступить в разговор не было возможности. Мы уселись; никто не чувствовал стеснения. Они продолжали свою работу, а дети — девочка и мальчик — подошли ближе и, улыбаясь, сели рядом. Скромный ужин был почти готов. Когда мы уходили, все вышли из помещения и смотрели нам вслед. Солнце уже стояло над рекой, позади большого одинокого облака. Облако пылало огнем, а его отражение в воде напоминало лесной пожар.

Широкая дорога разделяла длинные ряды хижин, а по обе стороны дороги тянулись открытые грязные сточные канавы. Чего в них только не было; в черной жиже извивались белые черви. Дети играли на дороге; они целиком были поглощены своими играми, смеялись, кричали, не обращая никакого внимания на прохожих. Вдоль берега реки на фоне пылающего неба вырисовывались пальмы. Вокруг хижинки бродили свиньи, козы и рогатый скот; малыши то и дело сгоняли с дороги козу или истощенную корову. Перед наступлением темноты деревня стала успокаиваться, дети утомнились и послушно шли на зов матерей.

Большой дом с прекрасным садом был окружен высокими белыми стенами. Сад был полон цветов и красок; много средств и сил было вложено в его создание. В нем можно было почувствовать необыкновенный мир и тишину. Многие растения цвели; красота огромного дерева, казалось, охраняла все растущее вокруг. Фонтан был предметом радости для множества птиц, но сейчас он в одиночестве напевал свою песенку, и никто не нарушал его уединение. Подошла ночь, и все кругом замкнулось в себе.

Она была танцовщицей не по профессии, а по собственной склонности. Некоторые считали ее довольно хорошей танцовщицей. Она, по-видимому, гордилась своим искусством, в ней чувствовалась некоторая самонадеянность, рожденная не только внешними успехами, но и удовлетворенностью своим духовным прогрессом. Хотя, духовные достижения — самообман, в который мы сами себя вовлекаем, они доставляют большое удовольствие. Ее украшали драгоценности; ногти были красного цвета, губы соответственно подкрашены. Она не только умела танцевать, но готова была вести беседы об искусстве, о красоте и духовных достижениях. На ее лице можно было прочесть тщеславие и честолюбие. Ей хотелось, чтобы ее признавали и в духовном отношении, и как представителя искусства. Но в данное время на первом месте был дух.

Она сказала, что у нее нет личных проблем, но что она хотела бы поговорить об искусстве, о красоте и о духе. Она стояла вдали от личных проблем жизни, которые представлялись ей просто глупыми; зато ее интересовали более широкие темы. Что такое красота? Принадлежит ли она к области внутреннего или внешнего? Является ли красота субъективной или объективной, или сочетанием того и другого? Она была вполне уверена, что вопросы ее покоятся на твердом основании, но уверенность — это отрицание прекрасного. Быть уверенным — значит быть замкнутым в себе, неуязвимым. Не будучи открытым, как можно быть чувствительным?

«Что такое красота?»

— Хотите ли вы получить определение, формулировку или желаете исследовать вопрос?

«Но разве мы не должны обладать инструментом для исследования? Если не иметь знаний, тех или иных толкований, разве возможно вести исследование вопроса? Мы должны знать, куда мы идем, прежде чем отправиться в путь».

— Не мешает ли знание исследованию? Когда вы знаете, как можете вы тогда исследовать? Не означает ли само слово «знание» такое состояние, когда прекратился процесс исследования? Знание и исследование исключают одно другое. Итак, вас интересуют выводы, определения. Существует ли мерило для красоты? Является ли красота приближением к какому-то известному или воображаемому образцу? Есть ли это некая абстракция, лишенная определенной структуры? Исключает ли красота то, что вне ее, и может ли то, что исключает другое, охватить целое? Может ли внешнее быть прекрасным, если у него нет внутренней свободы? Является ли красота внешним украшением? Может ли внешнее проявление красоты быть показателем чувствительности? Что именно вы стремитесь найти? Сочетание внешнего и внутреннего? Возможна ли внешняя красота без внутренней? На чем именно вы делаете упор?

«Я считаю важным и внешнее, и внутреннее; возможна ли совершенная жизнь без совершенной формы? Красота — это сочетание внешнего и внутреннего».

— Следовательно, у вас уже имеется готовая формула для получения прекрасного. Формула — это не красота, но только ряд слов. Быть прекрасным не равнозначно процессу становления прекрасным. Что именно вы стремитесь найти?

«Красоту и формы, и духа. Для прекрасного цветка должна быть прекрасная ваза».

— Может ли быть внутренняя гармония, а возможно, и внешняя гармония, если отсутствует чувствительность? Не является ли чувствительность необходимым условием для восприятия и безобразного, и прекрасного? Разве красота есть стремление избежать уродливого?

«Конечно, да».

— Состоит ли добродетель в том, чтобы избегать, сопротивляться? Если существует сопротивление, возможна ли тогда чувствительность? Не является ли необходимой свобода, чтобы чувствительность могла проявиться? Может ли человек, замкнутый в себе, быть чувствительным? А человек, полный честолюбия, — может быть чувствительным, сознавать красоту? Чувствительность, незащищенность от того, что *есть*, — совершенно необходимы, не так ли? Мы хотим отождествиться с тем, что называем прекрасным, и хотим в то же время избежать того, что называем безобразным. Мы хотим отождествить себя с прекрасным садом и отвести взоры от зловонной деревни. Мы хотим сопротивляться и в то же время получать. А не является ли любое отождествление в то же время и сопротивлением? Осознавать и деревню, и сад без какого-либо сопротивления — вот это и означает быть чувствительным. Вы хотите быть чувствительной только по отношению к красоте, к добродетели, но готовы противодействовать злumu, уродливому. Чувствительность, незащищенность есть тотальный процесс, который нельзя оборвать на каком-либо одном, особо приятном для нас уровне.

«Но я стремлюсь к красоте, к чувствительности».

— Так ли это на самом деле? Если это так, тогда всякие тревоги по поводу красоты должны прекратиться. Особый интерес, особое преклонение перед красотой есть уход от того, что *есть*, от самого себя, не правда ли? Как можете вы быть чувствительной, если не осознаете, что такое вы сами, если не осознаете то, что *есть*. Честолюбивые и ловкие люди, а также те, кто домогается красоты, они лишь преклоняются перед проекциями, порожденными ими самими. Они полностью замкнуты в себе, они воздвигли стену вокруг себя; а так как ничто не может пребывать в изоляции от остального, то отсюда рождается страдание. Это искание красоты и несмолкающий разговор об искусстве — всего лишь способ, уважаемый и высоко чтимый, спастись бегством от жизни, которой является сам человек.

«Но ведь музыка не является уходом от жизни?»

— Это уход в том случае, когда она становится на место понимания себя. Без понимания себя всякая деятельность ведет к смятению и страданию. Чувствительность бывает лишь тогда, когда имеется свобода, которая сопутствует пониманию, — пониманию путей «я», путей мысли.

Толстые чистенькие щенки играли в горячем песке. Их было шестеро, все — белые со светло-коричневыми пятнами. Их мать лежала в тени, недалеко от них, худая, измученная, вся в парше и почти без шерсти. Несколько ран зияло на ее теле, но она виляла хвостом и была исполнена гордости, имея таких хороших щенков. Едва ли ей осталось жить более месяца. Она была из числа тех бездомных собак, которые подбирают все, что можно найти на грязной улице или на окраинах бедной деревни, всегда голодная и всегда в поисках пищи. Люди бросали в нее камнями, гнали от домов; их следовало избегать. Но сейчас, когда она лежала в тени, воспоминания вчерашнего дня были далеко; да и сама она была совсем обессилена; кроме того, надо было приласкать щенков и поговорить с ними. Приближался вечер; от широкой реки подул свежий, прохладный ветерок. И вот сейчас она ощущала какое-то довольство. Где она раздобудет следующую еду — это совсем другое дело; но зачем мучиться этим в данный момент?

Позади деревни вдоль берега реки, за зелеными полями и далее вниз по пыльной и шумной дороге, стоял дом. В нем ожидали люди, собравшиеся для обсуждения некоторых проблем. Они были самые различные: задумчивые и нетерпеливые, медлительные и любители поспорить, быстро соображающие и те, кто живет, строго придерживаясь готовых определений и выводов. Глубокомысленные отличались терпением, а быстро схватывающие не особенно церемонились с тугодумами; однако отстающим приходилось идти в ногу с поспевающими. Понимание приходит вспышками; должны быть промежутки безмолвия для того, чтобы появились эти вспышки. Быстро схватывающие слишком нетерпеливы, чтобы оставлять свободное место для подобных мгновений. Понимание не облекается в слова; не существует такого явления, как интеллектуальное понимание. Интеллектуальное понимание бывает только на уровне слов, но это вовсе не понимание. Понимание не приходит в результате размышления, так как мысль, в конечном счете, принадлежит к области слов. Не существует мысли без участия памяти; память есть слово, символ, процесс создания образа. На этом уровне не может быть понимания. Понимание приходит в промежутке между двумя словами, в интервале, который существует прежде, чем слово создает форму для мысли. Понимания нет ни для быстро схватывающих, ни для медлительных, но оно для тех, кто сознает это безмерное пространство.

«Что такое дезинтеграция? Мы наблюдаем ускоренную дезинтеграцию человеческих отношений во всем мире, но более всего в нас самих. Как этот распад может быть остановлен? Как нам стать цельными, интегральными?»

— Интеграция существует лишь тогда, когда мы проявляем бдительность к путям дезинтеграции. Интеграция не может ограничиваться одним или двумя уровнями нашего бытия, она охватывает все в целом. Прежде, чем она станет возможной, мы должны выяснить, что мы понимаем под дезинтеграцией, так ведь? Является ли конфликт показателем дезинтеграции? Мы не ищем определение, но нас интересует смысл этого слова.

«Разве борьба не является неизбежной? Вся наша жизнь есть борьба, без нее наступил бы застой и разложение. Если бы я не боролся за поставленную цель, то был бы дегенератом. Борьба так же необходима, как и дыхание».

— Категорическое утверждение прекращает всякое исследование. Мы стараемся выяснить, каковы факторы дезинтеграции, и весьма возможно, что конфликт, борьба, — это один из них. Что мы понимаем под словами конфликт, борьба?

«Соревнование, стремление к цели, комплекс усилий, воля, направленная к достижению, недовольство и т.д.».

— Борьба происходит не только на одном уровне существования, но на всех уровнях.

Процесс становления есть борьба, конфликт, не правда ли? Служащий, который стремится стать владельцем предприятия; священник, домогающийся стать епископом; ученик, жаждущий стать учителем, — подобное психологическое становление есть усилие, конфликт.

«Можем ли мы действовать без этого процесса становления? Не является ли он необходимым? Как можем мы быть свободными от конфликта? Не скрывается ли за этим усилием страх?»

— Мы стараемся выяснить, не просто на уровне слов, но глубоко пережить, что способствует дезинтеграции, а не то, как быть свободным от конфликта или что за ним скрывается. Жизнь и становление — два различных состояния, разве не так? Жизнь может потребовать усилия; но мы рассматриваем процесс становления, психологическое побуждение быть лучше, стать чем-то, вести борьбу с целью поменять то, что *есть*, на противоположное. Такое психологическое становление может сделаться фактором, который внесет в повседневную жизнь страдание, соперничество, огромный конфликт. Что мы понимаем под становлением? Это психологическое становление священника, который жаждет стать епископом, ученика, который стремится стать учителем, и т.д. В таком процессе становления имеется усилие, позитивное или негативное, это борьба за то, чтобы изменить то, что *есть*, сделать его чем-то другим, не так ли? Я есть *это*, а я хочу стать *тем*, и это становление является серией конфликтов. Когда я стал *тем*, появляется следующее *то*, и так без конца. Процесс, в котором *это* становится *тем*, и, следовательно, конфликт, не имеет конца. И почему я хочу стать чем-то иным, чем я есть?

«Это вызывается нашей обусловленностью, социальным воздействием, идеалами. Мы не можем тут ничего поделать, такова наша природа».

— Просто говорить, что мы ничего не можем тут поделать, — значит прекратить дискуссию. Только вялый, инертный ум может сделать такое утверждение и таким образом спрятаться от страдания, что означало бы тупость. Почему мы так обусловлены? Кто обуславливает нас? Тем, что мы подчиняемся обусловленности, мы сами создаем эти условия. Не побуждает ли нас идеал делать усилия, чтобы стать *тем*, в то время как мы есть *это*! Не возникает ли конфликт из-за того, что существует цель, утопия? Разве мы дегенерировали бы, если бы не боролись за достижение цели?

«Несомненно, без этого наступит застой, и мы будем катиться вниз все дальше и дальше. Легко попасть в ад, но совсем не так просто взобраться на небеса».

— Опять у нас идеи, мнения по поводу того, что могло бы случиться, но мы не переживаем непосредственно то, о чем идет речь. Идеи препятствуют пониманию, так же как выводы и толкования. Не заставляют ли нас идеи и идеалы вести борьбу с целью достичь того или иного, стать тем или иным? Я есть *это*, и не побуждает ли меня идеал бороться за то, чтобы стать *тем*? Не является ли идеал причиной конфликта? Является ли идеал совершенно отличным от того, что *есть*. Если он в корне отличается от того, что *есть*, если он не имеет никакой связи с тем, что *есть*, тогда то, что *есть*, не может сделаться идеалом. Для того чтобы сделаться тем или иным, должна существовать взаимосвязь между тем, что *есть*, и идеалом, целью. Вы говорите, что идеал служит нам стимулом к борьбе, так что нам надо выяснить, как идеал возникает. Не является ли идеал проекцией ума?

«Я хочу быть похожим на вас. Разве это проекция?»

— Да, разумеется. Ум имеет идею, быть может, доставляющую нам удовольствие, и он хочет сделаться подобным этой идее, которая является проекцией вашего желания. Вы есть *это*, что вам не нравится, и хотите стать *тем*, — что вам нравится. Но идеал — это наша проекция; противоположное является расширенным состоянием того, что *есть*; по существу, оно вовсе не противоположно ему, но представляет собою его продолжение, может быть, в несколько

модифицированной форме. Проекция появилась в результате вашего собственного волеизъявления, а конфликт — это борьба за осуществление созданной вами проекции. То, что *есть*, проецирует себя как некий идеал и устремляется к нему; и вот эта борьба называется становлением. Конфликт между противоположностями считается необходимым, существенным. Этот конфликт сводится к следующему: то, что *есть*, стремится стать тем, что оно не есть; но то, что оно не есть, — это идеал, собственная проекция. Вы делаете усилия, чтобы стать чем-то, но это «что-то» есть часть вас самих. Идеал — ваша собственная проекция. Посмотрите, как ум обманывает сам себя. Вы, оказывается, боретесь за слова, вы гонитесь за своими собственными проекциями, за своей собственной тенью. Пусть вы вспыльчивы; вы стараетесь сделаться кротким, стать подобным идеалу; но идеал — это проекция того, что *есть*, только под другим именем. Такая борьба считается необходимой, духовной, двигающей нас вперед и т.д.; но она целиком пребывает в клетке ума и ведет лишь к иллюзии.

Когда вы осознаете этот обман, который вы разыграли над самим собой, тогда вы увидите ложное таким, как оно есть. Борьба за осуществление иллюзии есть фактор дезинтеграции. Всякий конфликт, всякое становление есть дезинтеграция. Когда вы осознаете этот трюк, который ум разыграл над самим собой, тогда останется только то, что *есть*. Когда ум избавится от всякого становления, от всяких идеалов, от всякого сравнения или осуждения, когда его собственная структура коллапсирует, тогда то, что *есть*, претерпевает полную трансформацию. Пока существует наименование того, что *есть*, до тех пор сохраняется связь между умом и тем, что *есть*, но когда процесс наименования, который есть память, т.е. сама структура ума, когда этот процесс прекратился, тогда то, что *есть*, более не существует. Произошла трансформация, а с ней — интеграция.

Интеграция — это не действие воли, не процесс становления. Когда нет дезинтеграции, когда нет конфликта, нет борьбы за становление, — лишь тогда существует бытие целого, полнота.

СТРАХ И БЕГСТВО

Самолет непрерывно набирал высоту, хотя казалось, что мы стоим на месте. Внизу расстилалось огромное море облаков, белых и ослепительно ярких, волна за волной, до самого горизонта. Они казались совсем неподвижными и имели чарующий вид. Когда самолет поднимался, делая широкий круг, иногда среди этой сверкающей пены показывались просветы, и тогда далеко внизу была видна зеленая земля. Над нами было ясно-синее зимнее небо, мягкое и беспредельное. Мощная цепь снеговых гор простиралась с севера на юг, рассыпая искры в лучах яркого солнца. Горы достигали высоты более четырнадцати тысяч футов, но мы были еще выше и продолжали подъем. Это была хорошо знакомая цепь вершин; они казались такими близкими и безмятежными. К северу лежали более высокие вершины, а мы, достигнув высоты в двадцати тысяч футов, мчались на юг.

Пассажира, который сидел рядом, оказался весьма разговорчивым. Он не видел этих гор раньше и дремал, пока мы поднимались; наконец, он проснулся, и ему захотелось поговорить. Он, по-видимому, впервые выезжал по какому-то делу; у него был разнообразный круг интересов, и говорил он обо всем с достаточной эрудицией. Теперь под нами было море, темное и далекое; можно было различить несколько кораблей. Не чувствовалось ни малейшей вибрации крыльев. Мы летели вдоль берега мимо ряда освещенных городов. Он говорил о том, как трудно быть свободным от страха, не только от страха потерпеть аварию, но и от страха, связанного с любыми событиями повседневной жизни. Он был женат, имел детей, но постоянно жил в страхе, не только за будущее, но вообще по любому поводу. Это был страх без определенного объекта; и хотя дела его шли успешно, его жизнь из-за этого страха была тягостной и мучительной. Он и раньше находился в постоянном ожидании каких-то несчастий, но за последнее время боязнь эта сделалась просто навязчивой. Страх постоянно вторгался в его мечты. Жена знала об этом, но не отдавала себе отчета, насколько все это серьезно.

— Страх может существовать только в отношении к чему-либо. Как абстракция, страх — это только слово; но слово — не сам страх. Можете ли вы точно указать, чего именно вы боитесь?

«Я никогда не мог подойти к этому вопросу вплотную, да и мечты мои носят какой-то расплывчатый характер; но в них всегда имеется оттенок страха. Я говорил об этом с друзьями и врачами; они или обращали вопрос в шутку, или, если и принимали всерьез, то не могли ничем помочь. Страх постоянно находится где-то около меня; я хотел бы освободиться от этой ужасной вещи».

— Вы действительно хотите освободиться или это только слова?

«Может быть, это звучит необычно, но я немало отдал бы за то, чтобы освободиться от страха. Я — не особенно религиозный человек, но представьте себе, даже молился о том, чтобы избавиться от него. Когда я поглощен работой или игрой, никакого страха нет. Но, словно какой-то монстр, он всегда где-то подстерегает меня, и вскоре мы опять вместе».

— Чувствуете ли вы страх в данный момент? Сознаете ли вы, что он где-то рядом? Относится ли ваш страх к области сознательного или скрытого?

«Я чувствую его, но не могу определить, сознателен он или подсознателен».

— Ощущаете ли вы его как нечто далекое или как нечто близкое — не в пространстве, но как чувство?

«Когда я осознаю страх, мне кажется, что он совсем рядом, но что это дает?»

— Страх может возникнуть только в отношении к чему-либо. Это может быть ваша семья, ваша работа, ваша озабоченность по поводу будущего или по поводу смерти. Боитесь ли вы

смерти?

«Не очень, хотя я предпочел бы быструю смерть медленному умиранию. Я не думаю, что мой страх возникает в связи с семьей или работой».

— Тогда должно существовать нечто более глубокое, чем поверхностные отношения; оно-то и вызывает этот страх. Можно, конечно, указать вам, что это такое, но если вы сможете самостоятельно выяснить вопрос, это будет иметь несравненно большее значение. Почему у вас нет страха, связанного с поверхностными отношениями?

«Моя жена и я любим друг друга; едва ли ей придет в голову взглянуть на другого мужчину, а меня не привлекают другие женщины. Мы находим полноту друг в друге. Дети в известной степени тревожат нас, но все, что можно, мы делаем; однако в связи с экономической неустойчивостью, существующей во всем мире, невозможно обеспечить их будущее в финансовом отношении, поэтому им придется приложить все усилия, чтобы наилучшим образом выбрать свой путь в жизни. Дело мое достаточно прочно; но меня никогда не покидает боязнь за жену; я постоянно в страхе, как бы с ней чего-нибудь не случилось».

— Так что вы уверены в ваших более глубоких отношениях. Почему вы так уверены?

«Не знаю почему, но это так. Ведь надо что-то принять за основу, не правда ли?»

— Не в этом суть вопроса. Хотите выяснить, в чем дело? Что именно придает вам такую уверенность в ваших интимных отношениях? Когда вы говорите, что вы и ваша жена находите полноту друг в друге, то, что вы под этим понимаете?

«Мы находим счастье друг в друге: товарищеские отношения, взаимное понимание и т.д. В более глубоком смысле, мы зависим друг от друга. Было бы страшным ударом, если бы что-нибудь случилось с любимым из нас. Именно в этом смысле мы зависим».

— Что вы понимаете под словом «зависимость»? Вы думаете, что без нее вы будете потеряны, что почва выпадет у вас из-под ног, не так ли? Возможно, ваша жена чувствует то же самое; так что вы взаимно зависите.

«Но что же в этом неверного?»

— Мы не порицаем и не судим, но лишь исследуем. Уверены ли вы в том, что вы хотите глубоко во все это вникнуть? Вы действительно уверены? Если так, то продолжим. Если бы вы остались без жены, разве вы не оказались бы в одиночестве, разве вы не были бы потеряны в более глубоком смысле? Следовательно, она необходима вам, не правда ли? Ваше счастье зависит от нее, и вот эту зависимость вы называете любовью. Вы боитесь остаться в одиночестве. Ваша жена всегда здесь, чтобы прикрыть факт вашего одиночества, так же, как вы прячете ее одиночество. Но ведь факт, как таковой, остается, не так ли? Мы пользуемся друг другом, чтобы прикрыть свое одиночество; мы убегаем от него всевозможными путями, с помощью самых различных форм отношений, причем любое из них становится новой зависимостью. Я слушаю радио, так как музыка делает меня счастливым, она уводит меня от самого себя. Книги и знание — это тоже весьма удобный способ бегства от себя. И от всего этого мы зависим.

«Но почему мне не следует убежать от себя? Во мне нет ничего такого, чем можно было бы гордиться; поэтому, отождествляя себя с женой, которая гораздо лучше меня, я могу уйти от самого себя».

— Несомненно, огромное большинство людей убегает от себя. Но, убегая от себя, вы становитесь зависимым. Эта зависимость постепенно возрастает, а путь бегства делается все более необходимым по мере того, как усиливается страх перед тем, что *есть*. Жена, книги, радио становятся чрезвычайно важными; способы бегства приобретают особое значение, величайшую ценность. Я использую жену как средство убежать от самого себя, поэтому я к ней привязан. Я должен обладать ею, я не могу ее потерять; ей также нравится, что она принадлежит

мне, так как она равным образом использует меня, чтобы убежать от себя. Это взаимное использование называется любовью. Вы себе не нравитесь и поэтому убегаете от себя, от того, что *есть*.

«Это вполне понятно. Я вижу в этом нечто ценное и разумное. Но почему происходит это бегство? От чего, собственно, мы убегаем?»

— От вашего собственного одиночества, вашей собственной пустоты, от того, чем вы являетесь. Если вы убегаете, не видя того, что *есть*, вы, очевидно, не можете это понять. Поэтому, прежде всего вам необходимо прекратить бегство, уход, и только тогда вы сможете наблюдать себя таким, каков вы есть. Однако вы не можете наблюдать то, что *есть*, если всегда это критикуете, если это вам нравится или не нравится. Вы называете это одиночеством и убегаете от него. Но как раз само бегство от того, что *есть*, и есть страх. Вы боитесь этого одиночества, этой пустоты, а ваша зависимость прикрывает это. Отсюда страх приобретает устойчивость; он сохраняет устойчивость до тех пор, пока вы продолжаете бегать от того, что *есть*. Полное отождествление с чем-либо — с личностью или идеей — совсем не является гарантией, что бегство кончено, потому что этот страх всегда остается на заднем плане. Страх приходит через сны, когда существует ошибка, что-то на рушено в отождествлении; а ошибка в отождествлении существует всегда, поскольку отсутствует душевное равновесие.

«Получается так, что мой страх возникает от моей собственной пустоты, моей неполноценности. Я это хорошо понимаю, и это все верно, но что же мне делать?»

— Вы ничего с этим не можете делать. Все, что вы попытаетесь делать, будет лишь новой формой бегства. Вот это и есть наиболее важное, что необходимо четко себе представлять. Тогда вы поймете, что не являетесь чем-то отличным или отдельным от этой зияющей пустоты. Недостаточность, неполнота — вот чем вы являетесь. Наблюдающий есть наблюдаемая пустота. Тогда, если вы дальше продолжите исследование, вас перестанет беспокоить то, что вы называли одиночеством, и само это слово утратит для вас значение. Если вы пойдете еще дальше, что достаточно трудно, то такой вещи, которая известна, как одиночество, уже более нет; полностью прекращаются одиночество, пустота, мыслящий, как и мысль. В этом уединении приходит конец страху.

«Но что же такое любовь?»

— Любовь — не отождествление; любовь — не мысль о любимом. Вы не думаете о любви, когда она есть; вы думаете о ней лишь тогда, когда ее нет, когда имеется расстояние между вами и объектом вашей любви. Когда существует непосредственное общение, не существует мысли, нет образа, нет оживления памяти когда же общение прервано на каком-то уровне, начинается процесс мысли, воображения. Любовь вне ума. Ум создает дым зависти, стремления удержать, боли потери, воспоминания о прошлом и страстного желания завтра, печали и тревоги; а это эффективно гасит пламя. Когда нет дыма, есть пламя. Оба они вместе существовать не могут; мысль, что они существуют вместе, — просто желание. Желание — проекция мысли, а мысль — не любовь.

ЭКСПЛУАТАЦИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Было раннее утро; радостные птицы создавали невероятным шум. Солнце только что коснулось верхушек деревьев; пучки света еще не проникли в глубокую тень. Змея проползла по лужайке, после нее остался длинный узкий след из капель росы. Небо еще не потеряло своей окраски; большие белые облака собирались в тучи. Внезапно гомон птиц прекратился, потом снова стал нарастать, но теперь уже предупреждающими, тревожными криками — это подошла кошка и уселась под кустом. Крупный ястреб схватил белую с черными крапинками птицу и раздирал ее острым кривым клювом. Он держал добычу с дикой яростью и принял угрожающую позу, когда к нему приблизились две или три вороны. У ястреба были желтые глаза с узким черным разрезом; он не моргая наблюдал за воронами и за нами.

«Почему я не могу предоставить себя в распоряжение других. Я ничего не имею против того, чтобы меня использовали для работы, которая имеет большое значение, и я хотел бы полностью с ней слиться. Что они будут делать со мной, это неважно. Вы понимаете, я ничего собой не представляю. Я очень немного могу делать в этом мире и потому помогаю тем, кто обладает большими возможностями. Но у меня возникла проблема личной привязанности, которая уводит меня от работы. Вот эту привязанность мне хотелось бы понять».

— А почему необходимо, чтобы вас эксплуатировали? Разве вы менее значимы, чем тот индивидуум или группа, которые вас эксплуатируют?

«Я ничего не имею против того, чтобы меня использовали для той работы, которая, как мне кажется, имеет великую красоту и ценность в мире. Те, с кем я работаю, это духовные люди с высокими идеалами, и они в состоянии лучше, чем я, делать то, что надо».

— Почему вы думаете, что они в большей степени способны делать добро, чем вы? Откуда вы знаете, что они духовные, если говорить вашими словами, и способны видеть более широко? Во всяком случае, когда вы предлагали свои услуги, вы должны были дать себе в этом отчет. Но, может быть, вы были увлечены, возбуждены эмоционально и именно потому отдали себя работе?

«Дело это прекрасное, а я предложил свои услуги, так как почувствовал, что должен помочь ему».

— Вы напоминаете тех людей, которые вступают в армию для того, чтобы убивать или быть убитыми во имя благородной цели. Знают ли они, что делают? Знаете ли вы, что делаете? Почему вы решили, что дело, которому вы служите, — «духовное»?

«Вы, конечно, правы. Я был в армии целых четыре года, во время последней войны; подобно многим другим, я вступил в нее из чувства патриотизма. Не думаю, чтобы я понимал в то время значение убийства; надо было действовать, ведь мы только что записались в армию. Но те люди, которым я сейчас помогаю, это духовные люди».

— Знаете ли вы, что значит быть духовным? Возьмем, например, следующее: быть честолюбивым, очевидно, не духовно. А разве они не честолюбивы?

«Боюсь, что да. Раньше я никогда не думал об этом, мне лишь хотелось принести помощь в том деле, которое прекрасно».

— Прекрасно ли быть честолюбивым и прикрывать это обилием выпоренных слов об учителях, человечестве, искусстве, братстве? Духовно ли нести такое бремя, как эгоизм, до такой степени расширившийся, что включает в себя и соседа, и человека за океаном? Вы помогаете тем, кто, по вашему предположению, обладает духовностью; вы не знаете, как обстоит дело в действительности, и, тем не менее, вы даете согласие на то, чтобы вас эксплуатировали.

«Да, это еще не совсем для меня ясно. Но мне не хотелось бы подвергать сомнению то, что я делаю. Передо мной возникла проблема; а то, о чем вы говорите, вносит еще большее смятение».

— Но почему вы не должны находиться в смятении? По сути дела, лишь в том случае, когда мы находимся в тревоге, когда мы пробудились, только тогда мы начинаем наблюдать и искать. Мы позволяем эксплуатировать себя по собственной глупости; те, кто поумнее, используют это неразумие во имя страны, Бога, идеологии. Но как может глупость делать добро в мире, даже если более сильные используют ее в своих целях? Когда хитрые эксплуатируют глупых, тогда и они сами неумны, так как они в одинаковой степени не знают, куда ведет их деятельность. Действия же неразумных, т.е. тех, кто не осознает путей своей собственной мысли, ведут с неизбежностью к конфликту, смятению и страданию. Проблема ваша совсем не обязательно та, о которой вы говорите. Но поскольку она возникла, то в чем же она состоит?

«Она отвлекает меня от дела, которому я себя посвятил».

— Ваша преданность делу далека от совершенства, если у вас возникла проблема, которая отвлекает вас от работы. Как раз то, что вы посвятили себя делу, может быть, лишено смысла, а ваша проблема, весьма возможно, является указанием, предупреждением о том, что вы не должны оказаться в плену своей деятельности.

«Но мне нравится то, что я делаю».

— Вот в этом-то, возможно, и лежит центр вопроса. Мы стремимся с головой уйти в ту или иную форму деятельности; чем большее удовлетворение доставляет деятельность, тем более мы привязываемся к ней. Желание получить удовлетворение лишает нас понимания, а чувство удовлетворения — одно и то же на всех уровнях. Не существует более высокого и более низкого чувства удовлетворения. Хотя мы и можем, сознательно или бессознательно облечь наше чувство удовлетворения в возвышенные слова, но само желание получить удовлетворение делает нас тупыми, нечувствительными. Мы получаем удовлетворение, комфорт, психологическую безопасность с помощью какой-либо деятельности, а когда добиваемся этого удовлетворения или воображаем, что его получили, тогда мы не хотим, чтобы нас потревожили. Тем не менее, тревога всегда будет существовать, исключая те случаи, когда мы уподобились мертвым или, наоборот, обрели понимание целостного процесса конфликта, борьбы. Большинство из нас хотят быть мертвыми, стать нечувствительными, так как процесс жизни полон мучений. Против этих мук мы воздвигаем стены сопротивления, стены обусловленности. Эти мнимо защитные стены лишь питают дальнейшие конфликты и страдания. Не является ли важным понять проблему, а не искать способов освободиться от нее? Ваша проблема, возможно, и есть реальное, а ваша работа — лишь бегство, которое имеет небольшое значение.

«Все это вызывает во мне великую тревогу, мне необходимо тщательно это продумать».

Стало жарко под деревьями, и мы ушли. Но как может поверхностный ум делать добро? Не является ли делание так называемого «добра» показателем неглубокого ума? Не остается ли ум всегда поверхностным, как бы ни был он хитер, тонок и эрудирован? Ограниченный ум никогда не может стать бездонным; само становление — это путь ограниченности. Становление заключается в поисках того, что спроецировано личностью. Проекция, которая выражена словами, может касаться высочайшего, это может быть широко охватывающее видение, схема или план; тем не менее эта проекция — дитя ограниченности. Что бы вы ни делали, но мелкое никогда не может стать глубоким; любое действие со стороны этого мелкого, любое движение ума, на каком бы то ни было уровне, носит поверхностный характер. Весьма трудно для поверхностного ума усмотреть, что его проявления бессодержательны и бесполезны. Как раз для поверхностного ума характерна активность, и эта активность поддерживает его в состоянии поверхностности. Его деятельность есть то, что его обуславливает. Эта обусловленность,

сознаваемая или скрытая, проявляется в желании освободиться от конфликта, от борьбы, и это желание воздвигает стены против движений жизни, против дуновений неведомого; и за этими стенами умозаключений, верований, толкований, идеологий ум пребывает в состоянии застоя. Лишь мелкое застаивается, умирает.

Само желание обрести убежище путем обусловленности рождает еще большие противоречия и проблемы, потому что обусловленность разделяет, а то, что отделено, изолировано, не может жить. То, что отделено, не может стать целым, присоединяясь к другим отдельным частям. То, что отделено, всегда остается изолированным, хотя оно может накапливать и собирать, расширяться, включать и отождествляться. Обусловленность разрушительна, губительна; но ограниченный, неглубокий ум не может видеть эту истину, потому что его деятельность состоит в ее искании. Сама эта деятельность мешает восприятию истины. Истина есть действие, но не деятельность ищущего, ограниченного и полного честолюбия. Истина — это добро, красота, но отнюдь не деятельность фигляра, прожектера, сплетающего узоры из слов. От пустоты и ограниченности освобождает истина, а вовсе не его проект освобождения. То, что поверхностно, как ум, не может никогда сделать себя свободным; оно может лишь двигаться от одной обусловленности к другой, думая, что новая обусловленность содержит большую свободу. Больше — это совсем не свобода, это обусловленность, расширенное меньшее. Движение становления у человека, который хочет стать Буддой или менеджером, — это деятельность, идущая от пустоты и ограниченности. Люди ограниченные всегда боятся того, что они есть; но то, что они есть, — это истина. Истина — в безмолвном наблюдении того, что *есть*, и сама истина преобразует то, что *есть*.

ЭРУДИРОВАННЫЙ ИЛИ МУДРЫЙ?

Дожди смыли многодневную пыль и жару; листья блестели ослепительной чистотой, показались молодые листочки. Всю ночь лягушки наполняли воздух своим кваканьем; они то умолкали, то снова начинали квакать. Река быстро несла свои воды; в воздухе стояла тишина. Дожди еще не закончились. Темные тучи собирались на небе, солнца не было видно. Земля, деревья, вся природа как будто ждали нового очищения. Дороги стали темно-коричневыми. Дети играли в лужах; они делали пирожки из грязи, строили замки и дома, окруженные стенами. В воздухе ощущалась радость после стольких месяцев жары. Земля покрылась зеленой травой. Все обновилось. Это обновление есть невинность.

Он считал себя широко образованным. Для него знание составляло подлинную сущность жизни, а жизнь, лишенная знаний, была бы хуже смерти. Знания его выходили далеко за пределы двух-трех областей, они охватывали самые разнообразные стороны жизни. Он мог авторитетно говорить об атоме, о коммунизме, астрономии, годичном уровне воды в реке, о диете и перенаселенности. Удивительно, как он был горд своими знаниями и, подобно искусному хозяину аттракциона, умело использовал знания, чтобы произвести впечатление на других. Люди умолкали и преисполнялись к нему уважением. Какой страх мы испытываем перед знанием, какое благоговение и уважение мы выражаем по отношению к тому, кто знает! Довольно трудно было понимать английскую речь собеседника; он никогда не выезжал за пределы своей страны, но книги получал отовсюду. Он так предавался знанию, как другие могли предаваться алкоголю или иной страсти.

«Не есть ли мудрость то же самое, что и знание? Почему вы утверждаете, что знание должно отойти на задний план, чтобы появилось понимание? Разве знание не является существенно необходимым? Если бы не было знания, где находились бы мы сейчас? Мы остались бы на уровне первобытных людей, ничего не зная о том необыкновенном мире, в котором живем. Без знания невозможно жить, все равно на каком уровне. Почему вы так настойчиво говорите, что знание — это помеха для понимания?»

— Знание — это обусловленность. Знание не приносит свободы. Вы можете обладать знанием о том, как построить самолет или как можно за несколько часов перелететь на другой конец земного шара, но это не есть свобода. Знание не есть фактор творчества, так как оно имеет характер непрерывности; но ничто из того, что имеет непрерывность, длительность, никогда не ведет к тому, что проявляет себя лишь намеком, что неощутимо, неведомо. Знание — это препятствие, оно мешает видеть то, что щедро открыто восприятию, что неведомо. Неведомое никогда не появляется в одежде известного; известное же всегда движется к прошлому, а прошлое всегда отбрасывает тень, скрывая в ней настоящее, неведомое. Если нет свободы и нет открытого ума, то понимание невозможно. Понимание не приходит со знанием. Понимание появляется в интервале между словами, между мыслями; этот интервал — не нарушаемое мыслью безмолвие, и в нем присутствуем то открытое, неощутимое, что проявляет себя лишь намеком.

«Разве знание не является полезным, необходимым? Как возможно без знания делать открытие?»

— Открытие имеет место не тогда, когда ум перегружен знанием, но когда знание не присутствует; только тогда в уме существует спокойствие и пространство, и в этом состоянии возникает понимание или открытие. Знание, безусловно, полезно на одном уровне, но на другом оно вредно. Когда знание используется как средство возвышения личности для возведения ее на пьедестал, тогда оно приносит зло, питает разделение и вражду. Возвышение личности — это

процесс разложения, будет ли это возвышение происходить во имя Бога или государства, или во имя какой-либо идеологии. На известном уровне знание необходимо, хотя оно и вносит обусловленность; например, необходимы языки, техника, прочее. Эта обусловленность есть защитная стенка, неотъемлемая часть внешней жизни; но когда обусловленность используют психологически, когда знание делается средством психологического комфорта, удовлетворения, тогда оно неизбежно питает конфликт и смятение. Но что же мы понимаем под словом «знание»? Что в действительности вы знаете?

«Я основательно знаю довольно многое».

— Вы хотите сказать, что обладаете многими сведениям и данными по различным предметам? Вы собрали определенные факты; и что же дальше? Разве сведения об ужасах войны предотвратили войны? У вас, я не сомневаюсь в этом, имеется множество данных о последствиях гнева и насилия, как в частной жизни, так и внутри общества; но разве эти сведения помогли покончить с ненавистью и антагонизмом?

«Знания о последствиях войны, возможно, не покончат сразу с войнами, но они, в конце концов, приведут к миру. Людей надо воспитывать, им надо показывать результаты войн и конфликтов».

— Люди — это вы сами и другой. Вы обладаете широкой осведомленностью, а стали ли вы менее честолюбивым, менее вспыльчивым, менее эгоистичным? Хотя вы изучили революционное движение, историю неравенства, свободны ли вы сами от чувства превосходства, важности вашей собственной личности? После того как вы приобрели обширные знания о несчастьях и страданиях людей, появилась ли у вас любовь? Но что же это такое — то, что мы знаем? О чем, собственно, мы имеем знание?

«Знание есть опыт, собранный в веках. Одна из форм его — традиция, другая — инстинкт, сознательный и подсознательный. Скрытые воспоминания и переживания, будут ли они унаследованы или вновь приобретены, действуют в роли руководителя и формируют наши действия. Эти проявления памяти, расовые и индивидуальные, весьма существенны, так как они помогают людям и защищают их. Не считаете ли вы необходимым устранить и эти знания?»

— Действие, которому придана форма и которое руководимо страхом, — совсем не действие. Действие, являющееся результатом расовых предрассудков, страхов, надежд, иллюзий, — такое действие является обусловленным. А все то, что обусловлено, как мы уже говорили, только питает дальнейший конфликт и скорбь. Являясь брамином, вы обусловлены традициями веков; как брамин вы отвечаете на стимулы, на социальные изменения и конфликты. Вы отвечаете в полном соответствии с вашей обусловленностью, в соответствии с прошлым опытом, знанием; поэтому новый опыт лишь обуславливает последующие переживания. Опыт, который вы получаете соответственно вашей вере или какой-либо идеологии, есть продление этой веры, увековечение идеи. Такой опыт лишь усиливает веру. Идея разделяет, а ваш опыт, который протекает в соответствии с идеей, с образцом, еще более отделяет вас от других. Опыт, взятый как знание, как психологическое накопление, только создает обусловленность; тогда опыт — это другой путь к самовозвеличению. Знание, взятое как опыт на психологическом уровне, есть препятствие для понимания.

«Разве мы получаем опыт в соответствии с нашей верой?»

— Это совершенно очевидно, не правда ли? Вы связаны условностями определенного круга людей; они — это вы сами, но на ином уровне. Эти условности касаются веры в Бога, веры в социальные разделения. Кто-либо другой связан иными условностями; он верит, что не существует никакого Бога, он — последователь совсем другой идеологии. И вы, и он будете иметь опыт в соответствии с вашими верованиями. Но этот опыт есть препятствие на пути к неведомому. Опыт, знание, которое есть память, полезны на известных уровнях; опыт же,

который усиливает психологическое «я», эго, — такой опыт ведет лишь к иллюзии и скорби. И что можем мы знать, если наш ум заполнен прошлыми переживаниями, воспоминаниями, знаниями? Возможно ли переживание, если мы обладаем знанием? Не препятствует ли знание переживанию? Вы можете знать название вот этого цветка, но разве благодаря этому вы делаете цветок предметом переживания? Сначала происходит переживание, а наименование уже придает силу тому, что вы пережили. Наименование устраняет дальнейший процесс переживания. Для того чтобы появилось состояние переживания, разве не следует освободиться от наименований, от ассоциаций, от процессов памяти?

Знание поверхностно; но может ли то, что находится на поверхности, повести к глубине? Может ли ум, которой есть результат известного, прошлого, когда-либо подняться и выйти за пределы своих собственных проекций? Для того чтобы наступило открытие, надо прекратить создание проекций. Лишенный своих проекций, ум не существует. Знание, прошлое могут проецировать лишь то, что известно. Инструмент известного никогда не может открывать новое. Известное должно прекратиться ради открытия; опыт должен уступить место истинному переживанию. Знание есть препятствие для понимания.

«Что мы оставили бы после себя, если бы у нас не было знаний, опыта, памяти? Тогда мы — просто ничто».

— А разве теперь вы представляете собой нечто большее? Когда вы говорите: «Без знаний мы — ничто», — вы лишь даете словесную формулировку, но вы не переживаете это состояние, ведь так? Когда вы так говорите, в ваших словах чувствуется страх, страх оказаться открытым. Без этих накоплений вы — ничто, и это истина. А почему не может быть так? Откуда все эти претензии и самомнение? Мы облачаем это ничто в одежды, сотканые из фантазий, надежд, разных утешительных идей; но, будучи лишены этих покровов, мы — ничто; не как философская абстракция, а в действительности — ничто. Переживание этого «ничто» есть начало мудрости.

Как мы стыдимся сказать, что не знаем! Мы прикрываем факт незнания словами и информацией. В действительности вы не знаете вашей жены, вашего соседа; каким образом вы могли бы их знать, если вы не знаете самого себя? У вас имеется множество разных сведений, выводов, объяснений по поводу самого себя, но вы не осознаете то, что *есть*, то, что дано непосредственно. Объяснения, выводы, называемые знанием, мешают переживанию того, что *есть*. Разве возможна мудрость, если отсутствует состояние, чистоты и невинности? Если не умереть по отношению к прошлому, разве возможно обновление чистоты? Процесс умирания происходит в каждый данный момент; умереть означает перестать накапливать; переживающий должен умереть по отношению к опыту. Без опыта, без знаний переживающий не существует. Знать — это пребывать и неведении, не знать — вот начало мудрости.

Длинный изогнутый берег был совсем пустой. Несколько рыбаков возвращались в свои деревни. Они шли среди высоких пальм и на ходу скручивали нить, обернув хлопковую пряжу вокруг бедер и наматывая нить на катушку; получалась очень тонкая и крепкая нить. Некоторые из них шли легко и грациозно, другие едва волочили ноги. Они были худые, отоцавшие и совсем темные от загара. Распевая песню, прошел юноша большими радостными шагами. Волны с шумом подкатывались к берегу. Не было сильного ветра, но море было бурным, с рокочущими валами. Луна, почти полная, только что показалась из-за сине-зеленых вод. Буруны казались белыми по сравнению с желтым песком.

Как важно вести простую жизнь, но как мы ее усложняем! Жизнь полна сложности, и мы не знаем, как подойти к ней просто. К сложному надо подходить просто, иначе мы никогда его не поймем. Мы знаем слишком много, вот почему жизнь ускользает от нас; и это «слишком много» оказывается совсем малым. С этим малым мы встречаем безграничное, но можем ли мы измерить неизмеримое? Тщеславие делает нас тупыми, опыт и знание связывают нас, а река жизни течет мимо. Чтобы петь вместе с этим юношей, устало шагать с этими рыбаками, на ходу скручивая нить, быть теми крестьянами или той парой в автомобиле — быть всем этим, и не в качестве трюка или обманчивого надуманного отождествления — для этого нужна любовь. Любовь не имеет сложности, но ум делает ее сложной. Мы слишком много общаемся с умом, поэтому не знаем путей любви. Мы знаем пути желания и волю желания, но мы не знаем любви. Любовь — это пламя без дыма. Мы слишком хорошо знакомы с дымом; он наполняет наши головы и сердца, мы видим, как в тумане. Мы не способны воспринимать просто красоту этого пламени, мы мучим себя им. Мы не живем с этим пламенем, быстро следуя за ним, куда оно ведет. Мы знаем слишком много, что на самом деле слишком мало, и к любви прокладываем путь. Любовь ускользает от нас, а нам остается пустая оболочка. Те люди, которые знают, что они не знают, обладают простотой; они идут далеко, потому что не несут бремени знания.

Это был известный саньяси с холодным взглядом; на нем было одеяние шафранового цвета. Он сказал, что много лет тому назад отказался от мира и теперь приближается к ступени, когда ни этот, ни другой мир не будут более его привлекать. Он практиковал различные формы аскетизма, подвергал тело суровой дисциплине и посту, хорошо овладел контролем над дыханием и нервной системой. Это дало ему необыкновенное чувство силы, хотя он и не искал ее.

— Не является ли эта сила такой же губительной для понимания, как и сила, порожденная честолюбием и тщеславием? Жадность, подобно страху, питает силу действия. Всякое чувство силы, господства придает мощь личности, «мне», «моему». А не является ли личность препятствием для проявления реального?

«Низшее должно быть подавлено или приведено в соответствие с более высоким. Конфликт между различными желаниями должен утихнуть; в процессе этой дрессировки всадник чувствует свое превосходство, но пользуется своей силой для того, чтобы подняться выше или погрузиться глубже. Сила приносит вред в том случае, если ее использовать для себя, а не с целью расчистить путь высшему. Воля есть сила; она дает указания. Если ее использовать в личных целях, она становится разрушительной; но она благословенна, если ее применить в правильном направлении. Без воли действие невозможно».

— Все лидеры пользуются силой, как средством достичь цели; так же поступают и обыкновенные люди. Но лидер говорит, что он пользуется силой для блага целого, в то время как рядовой человек использует ее для самого себя. Цель, которую ставит диктатор, человек

власти, лидер, та же самая, как и у тех, кого они ведут. Они подобны друг другу; один — это расширенное издание другого; и тот и другой — проекция личности. Мы осуждаем одного и восхваляем другого. Но не является ли любая цель результатом собственных предубеждений человека, его склонностей, страхов и надежд? Вы употребляете волю, усилие, силу, чтобы пробить путь высшему; это высшее создано желанием, которое есть воля. Воля создает свою собственную цель и приносит в жертву или подавляет все во имя этой цели. Цель — это она сама, но мы зовем ее высочайшим, или государством, или идеологией.

«Может ли конфликт прийти к концу, если не иметь силы воли?»

— Если вы не понимаете путей конфликта и причин его возникновения, какое значение может иметь то, что вы подавите или сообразуете конфликт или найдете для него какой-либо суррогат? Вы, возможно, будете в состоянии подавить болезнь, но для нее обеспечен выход в какой-либо иной форме. Воля сама есть конфликт; она есть результат борьбы. Воля есть целеустремленное нацеленное желание. Когда отсутствует понимание процесса желания, тогда один лишь контроль над желанием равносителен появлению новых его вспышек, а отсюда — новых страданий. Контроль — это опустошение. Вы можете контролировать действия ребенка или ход обсуждения проблемы; но это показывает, что вы не поняли ни того, ни другого. Понимание имеет гораздо более важное значение, чем достижение цели. Действие воли имеет разрушительный характер, так как действие, направленное к цели, замкнуто в себе, изолировано, отделено от других. Вы не можете заставить умолкнуть конфликт, желание, так как тот, кто создает усилие, сам есть продукт конфликта, желания. Мыслящий и его мысли — это результат желания; без понимания желания, а желание есть «я», взятое на любом уровне, высоком или низком, ум постоянно оказывается пойманным в сеть неведения. Путь к высшему не лежит через волю, через желание. Высшее может проявиться только тогда, когда тот, кто создает усилие, отсутствует. Именно воля питает конфликт, желание становления, стремление проложить себе путь к высшему. Когда ум, который собран в одно целое благодаря желанию, приходит к концу, но без усилий, тогда в этом спокойствии, которое не является целью, возникает реальное.

«Но разве простота не является совершенно необходимой для осуществления этого безмолвия?»

— Что вы понимаете под простотой? Понимаете ли вы это как отождествление с простотой или это значит быть простым?

«Вы не можете быть простым, если вы не отождествите себя с тем, что есть простое и во внешнем, и во внутреннем отношении».

— Иными словами, вы становитесь простым, так? Вы являетесь сложным, но вы становитесь простым с помощью отождествления, например, отождествляя себя с крестьянином или монахом. Я есть *это*, но я становлюсь *тем*. Но приводит ли этот процесс становления к простоте? Не ведет ли он только к идее простоты? Отождествление, с идеей, называемой простотой, не есть простота, не правда ли?

Сделаюсь ли я простым, если упорно буду утверждать, что я простой, или если я буду стараться отождествить себя с каким-либо образцом простоты? Простота заключается в понимании того, что *есть*, а не в стремлении изменить то, что *есть*, в простоту. Можете ли вы изменить то, что *есть*, в нечто такое, чем оно не является? Может ли жадность по отношению к Богу, к деньгам или алкоголю, когда-либо перестать быть жадностью? То, с чем мы отождествляем себя, всегда есть проекция личности, будет ли это высочайшее государство или семья. Отождествление на любом уровне есть проекция «я».

Простота — это понимание того, что *есть*, каким бы сложным оно ни казалось с виду. То, что *есть*, нетрудно понять, но понимание отсутствует, если вторгаются сравнение, осуждение, предубеждение, будут ли они негативными или позитивными и т.п. Именно они ведут к

сложности. То, что *есть*, никогда не бывает сложным само по себе, оно всегда простое. То, что вы есть, понять просто, но ваш подход делает его сложным; поэтому необходимо понимание всего процесса подхода, который ведет к сложности. Если вы не осуждаете ребенка, тогда он есть то, что он есть, и тогда возможно действие. Действие, связанное с осуждением, ведет к сложности; действие со стороны того, что *есть*, — это простота.

Ничто не является существенным для тишины, кроме самой тишины; она есть свое начало и свой конец. Ее ничем нельзя вызвать, так как она *есть*. Никакие средства не могут привести к тишине. Только когда тишина рассматривается как что-то достигаемое, приобретаемое, средства становятся существенно необходимыми. Если безмолвие можно купить, деньги становятся важными. Но ни деньги, ни то, что на них покупается, не является безмолвием. Средства полны суеты, насилия, стяжательства, поэтому и цель такова же, так как цель заключена в средствах. Если начало — безмолвие, то и конец — также безмолвие. Не существует средств, которые привели бы к безмолвию; безмолвие присутствует, когда не существует шума, суеты. Шум не может прекратиться с помощью дальнейшего шума усилия, шума дисциплины, аскетической практики, воли. Поймите эту истину, и тогда придет безмолвие.

Младенец плакал всю ночь; бедная мать делала все, чтобы его успокоить. Она пела песенки, бранила его, ласкала, убаюкивала, но ничто не помогало: у малышки прорезывались зубки. Это была тяжелая ночь для всей семьи. Но вот показался рассвет над темными деревьями, и младенец, наконец, успокоился. Была особая тишина в то время, когда небо становилось все светлее и светлее. Высохшие ветки отчетливо выделялись на фоне неба, тонкие и обнаженные; вдали чей-то ребенок звал к себе, залаяла собака, прогрохотал грузовик, и вот начался новый день. Вскоре мать вышла из дома, держа на руках младенца, тщательно завернутого, и направилась вдоль дороги к концу деревни, где была остановка автобуса. По всей вероятности, она поехала показать ребенка врачу. У нее был усталый и измученный вид после бессонной ночи, а младенец крепко спал.

Над верхушками деревьев показалось солнце, и роса засверкала на зеленой траве. Вдали свистел паровоз, а далекие горы выглядели голодными и мрачными. Большая птица с шумом отлетела в сторону; оказалось, что мы помешали высиживанию и приблизились совсем неожиданно, так что у нее не было времени прикрыть сухими листьями яйца, которых было больше дюжины. Но и не прикрытые они так искусно были запрятаны, что едва-едва можно было их заметить. Теперь птица наблюдала за нами со стороны, сидя на дереве. Через несколько дней мы увидели мать вместе с ее потомством, и теперь гнездо уже было пустое.

Дорога вела через тенистую рощу к вершине горы; в тени было прохладно, цвели акации. Несколько дней тому назад прошли сильные дожди, земля была мягкая, и на ней оставались следы ног. По склонам горы тянулись поля с молодым картофелем, а далеко внизу, в долине лежал город. Стояло прекрасное золотистое утро. Миновав вершину, дорога повернула обратно и подошла к дому.

Она отличалась незаурядными способностями, знала все книжные новинки, видела последние постановки в театре и была хорошо знакома с одним модным философским течением, которое недавно вызвало всеобщий интерес. Она прочла достаточно много книг по психологии и не ошибалась в использовании терминов. Она считала для себя обязательным увидеть всех выдающихся людей; случайно встретила кого-то, кто привел ее сюда. Говорила она свободно и свои мысли выражала достаточно веско и доходчиво. Она была замужем, детей не было; чувствовалось, что все это оставалось где-то позади, а теперь она идет по другому пути. Она, должно быть, была богата, так как вокруг нее была особая атмосфера, свойственная состоятельным людям. Она сразу начала с вопроса:

«Каким образом вы помогаете миру в условиях современного кризиса?» Это, очевидно, был один из ее главных вопросов. С еще большим оживлением она продолжала спрашивать, каким образом можно устранить войны, каковы цели коммунизма, каково будущее человечества.

— Не являются ли войны и постоянно возрастающие бедствия и несчастья результатом нашей повседневной жизни? Не являемся ли мы, каждый из нас, ответственными за этот кризис? Корни будущего лежат в настоящем; будущее не может особенно отличаться от настоящего, если нет понимания настоящего. Не правда ли, что каждый из нас отвечает за этот конфликт и смятение?

«Возможно, что это и так. Но куда заведет нас такое признание своей ответственности? Какое значение имеют мои незначительные действия в обширном поле действий, полных разрушения? Каким образом моя мысль может повлиять на всеобщую глупость людей? То, что происходит в мире, это полнейший абсурд; но мой собственный разум ни в коей степени не способен воздействовать на него. Кроме того, подумайте, сколько времени понадобится для

того, чтобы действие одного индивидуума могло оказать влияние на мир».

— Отличается ли мир от вас? Не построена ли структура общества такими же людьми, как вы и я? Чтобы вызвать коренное изменение в структуре, не должны ли вы и я в корне преобразовать самих себя? Каким образом возможна глубокая переоценка ценностей, если она не начинается с нас самих? Разве для того чтобы помочь нынешнему кризису, необходимы поиски новой идеологии, нового экономического плана? Не должен ли человек начать с понимания конфликта и смятения внутри него самого, так как внутренний конфликт в своей проекции и есть мир. Могут ли новые идеологии создать единство между людьми? Не восстанавливают ли верования человека против человека? Не следует ли покончить с идеологическими барьерами, — а все барьеры носят идеологический характер, — и рассмотреть наши проблемы не через призму выводов и формул, а прямо, без предубеждений. Мы никогда не устанавливаем прямого контакта с нашими проблемами, но всегда с помощью какого-либо верования или формулировки. Мы можем разрешить наши проблемы только тогда, когда установим с ними непосредственный контакт. Не проблемы ставят людей друг против друга, а наши идеи по поводу этих проблем. Проблемы соединяют нас вместе, а идеи разъединяют. Позвольте вас спросить, почему, собственно, вас так затрагивает кризис?

«О, я сама не знаю, почему. Я вижу так много страданий, так много несчастий и чувствую, что надо что-то сделать в связи с ним».

— Вас это действительно затрагивает или в вас говорит честолюбие, которое толкает вас на действия?

«Когда вы так ставите вопрос, я, пожалуй, могу согласиться, что во мне говорит честолюбие, заставляющее сделать нечто такое, что увенчается успехом».

— Очень немногие из нас отличаются честностью в своих мыслях. Мы хотим преуспевать или непосредственно ради себя, или во имя идеалов той веры, с которой мы себя отождествили. Но идеал — наша собственная проекция; это продукт нашего ума, который получает опыт в соответствии с тем, чем мы обусловлены во имя этих собственных проекций мы работаем, закабаляем себя и готовы идти на смерть. Национализм, подобно преклонению перед богом, есть только прославление самого себя. Получается так, что наибольшую важность имеет наша личность, — все равно, будем ли мы иметь дело с деятельностью или с какой-либо идеологией, а вовсе не бедствия и страдания. На самом деле мы совсем не стремимся сделать что-либо существенное в связи с кризисом; это только новая тема для умствующих, новое поле для активиста в социальной области и для последователя идеологии. Почему же мы честолюбивы?

«Если бы мы не были честолюбивы, тогда ничто в мире не было бы сделано. Если бы не было честолюбия, мы до сих пор продолжали бы ездить в экипажах. Честолюбие — это другое наименование для прогресса. Без прогресса мы пришли бы к упадку и погибли бы».

— Однако наша неутомимая деятельность приносит миру не только прогресс, но также войны и несказанные бедствия. Является ли честолюбие действительно прогрессом? В данный момент предметом нашего рассмотрения является не прогресс, но честолюбие. Почему мы честолюбивы? Почему мы хотим преуспевать, стать чем-то значительным? Почему мы боремся за то, чтобы занять первое место? Для чего все эти усилия утвердить самого себя, непосредственно, или с помощью идеологии или государства? Не является ли это утверждение себя главной причиной наших конфликтов и смятений? Разве мы погибнем, если не будет честолюбия? Разве мы не сможем физически просуществовать, если не будем честолюбивы?

«А кто захочет жить, не видя впереди успеха, признания заслуг?»

— Разве желание успеха, признания не влечет за собой конфликт, и внутренний, и внешний? А свобода от честолюбия разве означает распад? Разве отсутствие конфликта — это застой? Мы можем напичкать себя наркотиками, привести себя в сонное состояние с помощью

верований, доктрин и таким образом избавиться от конфликтов, которые лежат более глубоко. Для большинства из нас тот или иной вид деятельности превращается в наркотик. Без сомнения, подобное состояние есть распад, разложение. Но если мы осознаем ложное как ложное, разве это повлечет за собой смерть? Осознание того, что честолюбие в любой форме, — во имя ли счастья, или Бога, или собственного преуспеяния, — есть начало конфликта, внутреннего или внешнего, такое осознание не означает, конечно, того, что действию наступил конец, а с жизнью покончено.

«Меня загрызла бы тоска, если бы я не была захвачена стремлением достичь того или иного результата. Я давно уже привыкла быть честолюбивой ради моего мужа, то же самое, я думаю, мой муж проявлял по отношению ко мне; теперь же мое честолюбие простирается только на меня, питаемое той или иной идеей. Я никогда не думала о честолюбии, я лишь была честолюбивой».

— Почему мы так умны и честолюбивы? Не честолюбие ли побуждает нас избегать того, что *есть*! И не является ли наш ловкий ум на самом деле тупым, т.е. как раз тем, что мы *есть*. Почему мы так страшимся того, что *есть*! Что может быть хорошего в том, что мы куда-то убегаем, если при этом всегда остается то что мы *есть*? Мы можем преуспевать в способах бегства, но то что мы *есть*, всегда находится здесь, принося конфликт и страдание.

Почему мы так боимся собственного одиночества, собственной пустоты? Любая деятельность, направленная в сторону от того, что *есть*, неизбежно приносит скорбь и антагонизм. Конфликт — это отрицание того, что *есть*, или бегство от того, что *есть*; не существует другого конфликта, кроме этого. Наш конфликт становится все более и более сложным и неразрешимым, потому что мы избегаем то, что *есть*. Ничего нет сложного в том, что *есть*. Сложность лишь в тех многочисленных формах бегства, которые мы ищем.

УДОВЛЕТВОРЕНИЕ

Тяжелые тучи закрыли небо. Был теплый день, а с моря дул ветер, который играл с листьями. Вдали были слышны раскаты грома. Мелкий дождь смыл пыль, висевшую в воздухе. Попугаи судорожно метались из стороны в сторону и пронзительно кричали, закидывая вверх свои маленькие головы. На верхушке высокого дерева сидел орел, чистил перья и наблюдал за игрой, которая происходила внизу. Небольшая обезьянка уселась на другой ветке дерева; и она, и орел зорко наблюдали друг за другом, держась на безопасном удалении друг от друга. К ним подлетела ворона. Закончив утренний туалет, орел некоторое время пребывал в полном покое, а потом улетел. Для всего живого, исключая людей, наступил новый день; ничто не было похоже на то, что было вчера. Деревья и попугаи стали другими; у травы и у кустов появились новые особенности. Воспоминания о вчерашнем дне лишь затемняют то, что происходит сегодня, а сравнения убивают непосредственность восприятия. Как хороши эти красные и желтые цветы! Прекрасное — не от времени. Мы изо дня в день тащим свою ношу, и никогда не приходит час, на который не падала бы тень многих вчерашних дней. Наши дни — одно непрерывное движение; вчерашний день накладывается на сегодня и на то, что будет завтра; никогда не бывает конца. Мы боимся конца; но если он не наступит, разве тогда возможно новое? Если не будет смерти, возможна ли тогда жизнь? Но как мало мы знаем о той и другой! Мы обладаем разными словами, толкованиями, и они нас удовлетворяют. Но слова искажают то, что приходит к завершению; завершение наступает тогда, когда нет слов. Мы знаем конец, который может быть выражен словами, но никогда не знаем завершения, безмолвия, которое не исходит от слов. Знание — это память; память всегда непрерывна, а желание — та нить, которая связывает день с днем. Конец желанья знаменует рождение нового. Смерть — это новое. Жизнь, рассматриваемая как непрерывность, — всего лишь память; это — пустота. Для нового жизнь и смерть — одно.

Распевая песню, широким шагом прошел юноша. Он улыбался всем встречным; по-видимому, у него было много друзей. Одет он был плохо, с грязной повязкой на голове, но у него было сияющее лицо и радостные глаза. Быстрыми шагами юноша обошел какого-то толстяка, который шел не торопясь, переваливаясь из стороны в сторону, опустив голову, с озабоченным и встревоженным видом. Он не слышал песни, которую пел юноша, и даже не взглянул на него. Юноша вошел в большие ворота, миновал красивые сады, перешел через мост над рекой и направился прямо к морю. К нему присоединились несколько товарищей. Когда совсем стемнело, они запели все вместе. Свет от фар осветил их лица и глаза, полные великой радости. Начался ливень, и все вокруг промокло насквозь.

Он был не только доктор медицины, но и доктор психологии, худощавый, спокойный и сдержанный. Он приехал с другой стороны океана, сравнительно долгое время провел в Индии и уже привык к солнцу и ливням. Он сказал, что во время войны работал в качестве врача-психиатра, сделал все, что только было в его силах, но не был этим удовлетворен. Он жаждал дать больше, помогать на более глубоком уровне. То, что он давал, было так незначительно, и чего-то в этом недоставало.

Долгое время мы сидели, не говоря ни слова, а он перебирал воспоминания о своей душевной боли. Молчание — удивительная вещь. Мысль не ведет к молчанию, не может его создать. Молчание не может быть искусственно создано, не может быть создано и усилием воли. Воспоминание о молчании не есть само молчание. Молчание пребывало в комнате, с пульсирующими моментами тишины; беседа не прерывала его. Наоборот, в этом безмолвии она приобретала значение, а безмолвие являлось фоном для слова. Молчание делало мысль более

выразительной, и все же мысль не была молчаливым. Не было мышления, но было молчание; и молчание проникало, захватывало и объясняло. Мышление никогда не может захватывать и проникать. Лишь в молчании существует общение.

Доктор говорил, что ничто его не удовлетворяло: ни работа, ни его способности, ни идеи, которые он так тщательно культивировал. Он изучил различные школы мысли, но не был удовлетворен ни одной из них. В течение многих месяцев после своего приезда сюда он был у различных учителей, но уходил от них с еще большим разочарованием. Он изучил разнообразные идеологические системы, включая учение циников, но везде чувствовал неудовлетворенность.

— Не ищете ли вы удовлетворения, которого до сих пор так и не нашли? Может быть, само желание удовлетворения является причиной неудовлетворенности? Всякие поиски — это поиски того, что известно. Вы говорите о своей неудовлетворенности, и, однако, продолжаете поиски; вы ищете удовлетворения, но вы его не нашли. Вы стремитесь получить удовлетворение, а это показывает, что вы не удовлетворены. Если бы вы ничем не были удовлетворены, то старались бы искать путей, которые лежат вне этой неудовлетворенности. Неудовлетворенность, которая ищет удовлетворения, вскоре находит то, чего она жаждет; это может быть собственность, личность, идеология.

«Я прошел через это, но остался совершенно неудовлетворенным».

— Быть может, вы были удовлетворены внешней стороной, но стремились к какой-нибудь психологической привязанности, которая даст полное удовлетворение?

«Я прошел и через это, но по-прежнему остался неудовлетворенным».

— Хотелось бы знать, действительно ли вы неудовлетворены? Если бы вы чувствовали полнейшую неудовлетворенность, то у вас не было бы стремления искать в каком-то частном направлении, разве не так? Если бы вы полностью были неудовлетворены тем, что живете в комнате, вы не занимались бы поисками комнаты большего размера, с более изящной обстановкой. Вот это желание найти лучшую комнату и есть то, что вы называете неудовлетворенностью. Вы не чувствуете неудовлетворенности по отношению ко всем комнатам вообще, но только по отношению к данной комнате, из которой вы стремитесь убежать. Ваша неудовлетворенность возникает потому, что вы не нашли полного удовлетворения. В действительности вы ищете лишь чувства удовлетворения; вот почему вы постоянно находитесь в движении, вы судите, сравниваете, взвешиваете, отрицаете. Вполне естественно, что вы не удовлетворены, разве не так?

«Это как будто так».

— Итак, в действительности у вас совсем нет неудовлетворенности. Просто-напросто вы до сего времени не смогли найти полного и длительного удовлетворения в чем-либо. Вы хотите полного удовлетворения, глубокого внутреннего довольства, которое длилось бы долгое время.

«Но я хочу помогать, а чувство неудовлетворенности мешает мне полностью отдаться этому».

— Ваша цель — помогать и одновременно найти в этом полноту удовлетворения. В действительности вы не хотите помогать, но в процессе помощи стремитесь найти удовлетворение. Вы ищете удовлетворения, помогая другим, другой стремится найти его в идеологической системе, третий — предаваясь страсти. Вы ищете вполне удовлетворяющего вас наркотика, который в данное время называете помощью другим. В вашем стремлении нести людям помощь вы выбираете такие средства, которые доставили бы вам максимальное удовлетворение. То, чего вы в действительности жаждете, — это прочное чувство самоудовлетворения.

Для большинства из нас неудовлетворенность находит простое разрешение: она вскоре

теряет свою остроту, она получает свою дозу наркотиков, успокаивается и становится респектабельной. С внешней стороны вы, быть может, отошли от разных систем, но психологически, глубоко внутри себя, продолжаете искать нечто такое, за что могли бы уцепиться. Вы сказали, что перевернули страницу личных отношений с другими. Вполне возможно, что в личных взаимоотношениях вы не нашли длительного чувства удовлетворения, а потому стараетесь ухватиться за идею; идея же — это всегда проекция вашего «я». Но в поисках того, что даст вам полнейшее удовлетворение, в стремлении найти убежище, которое выдержало бы всевозможные бури, не теряете ли вы то единственное, что приносит довольство? Довольство, возможно, уродливое слово, но истинное довольство не является ни застоем, ни равнодушием, ни бесчувственностью. Довольство — это понимание того, что *есть*, а то, что *есть*, никогда не бывает статичным. Ум, который истолковывает, объясняет то, что *есть*, находится в плену собственного предрассудка, связанного с удовлетворением. Толкование — это не понимание.

Вместе с пониманием того, что *есть*, приходит неистощимая любовь, нежность, смирение. Это, быть может, и есть как раз то, чего вы ищете, но этого нельзя ни искать, ни найти. Что бы вы ни делали, вы никогда не найдете это. Оно приходит тогда, когда все поиски закончены. Вы можете искать лишь то, что вам уже известно, что сулит вам большее удовлетворение. Искание и состояние пассивной бдительности — два различных состояния; первое создает оковы, второе несет понимание. Искание, всегда имеющее в виду конечную цель, связывает; пассивная же бдительность влечет за собой понимание того, что *есть* в данный момент. В том, что *есть* в каждый данный момент, всегда происходит какое-то завершение; для искания же характерна непрерывность. Путем искания никогда нельзя найти новое; только в завершении существует новое. Новое — это неисчерпаемое. Только любовь вновь и вновь все делает новым.

МУДРОСТЬ — НЕ НАКОПЛЕНИЕ ЗНАНИЯ

Домик стоял высоко в горах. Для того чтобы добраться до него, надо было на машине пересечь большой участок пустыни, проехать через несколько городов, миновать фруктовые сады с множеством плодов и богатые фермы, отвоеванные у пустыни благодаря ирригации и тяжелому труду. Один из городов особенно радостно выделялся зелеными лужайками и высокими тенистыми деревьями; здесь недалеко протекала река, которая каскадами спускалась с далеких гор и терялась в недрах пустыни. Миновав город и следуя вдоль реки, дорога повела к снежным вершинам. Теперь земля стала каменистой, оголенной и выжженной солнцем, но по берегам реки росли деревья. Дорога петляла, поднимаясь все выше и выше; она проходила через лес, поросший древними соснами с запахом солнца. Воздух стал прозрачным и свежим. Вскоре мы доехали до места назначения.

Дня через два, несколько привыкнув к нам, стала приходить белочка, красная с черными пятнами. Она садилась на подоконник и издавала звуки, похожие на ворчание; она ждала орехов. Каждый посетитель должен был ее кормить; но за последнее время приезжих было мало, а она стремилась сделать запасы на зиму. Белочка была веселая, весьма подвижная и готовая собирать все, что только возможно, на предстоящие холодные и снежные месяцы. Дом ее находился в дупле дерева, которое засохло много лет тому назад. Белочка подхватывала орех, бежала напрямик к высокому дереву, взбиралась на него и с шумом, ворчанием и угрозами исчезала в дупле. После этого вновь спускалась с такой быстротой, что можно было подумать, не падает ли она; но она ни разу не сорвалась. Мы потратили целое утро, чтобы раздать ей полный мешок орехов; белочка стала дружелюбнее и уже входила прямо в комнату; шкурка ее сияла на солнце, а большие глаза, похожие на бусинки, искрились. У нее были острые коготки и пушистый хвост. Это был веселый смышленный маленький зверек, который считал себя хозяином ближайшей округи и держал на почтительном отдалении всех остальных белок.

Это был приятный человек, страстно жаждущий мудрости. Он так же стремился ее собирать, как эта белочка собирала орехи. У него не было больших средств, но ему удалось побывать в разных странах и встретиться со многими людьми. Он, по-видимому, был хорошо начитан; во время беседы он процитировал одну-две фразы, сказанные кем-то из философов или святых. Он свободно читал по-гречески и немного знал санскрит. Годы шли, а он оставался полным желанием собирать мудрость.

— Возможно ли собрать мудрость?

«А почему нет? Опыт делает человека мудрым; знание также существенно необходимо для мудрости».

— Может ли человек, который произвел накопление, стать мудрым?

«Жизнь — это процесс накопления, это постоянное формирование характера, это медленное разворачивание. Опыт, в конечном счете, есть накопление знаний. Знание совершенно необходимо для любого понимания».

— Приходит ли понимание путем приобретения знаний и получения опыта? Знание — экстракт опыта, результат накоплений прошлого. Знание, сознание — это всегда прошлое. Можно ли иметь понимание с помощью прошлого? Не приходит ли понимание в те промежутки, когда мысль безмолвствует? Может ли усилие, которое вы делаете с целью продлить или накопить эти промежутки безмолвия, привести к пониманию?

«Без накопления мы не могли бы существовать; не было бы непрерывности мысли, действия. Накопление — это характер, это добродетель. Жизнь невозможна без накопления. Если бы я не знал устройства этого мотора, я не был бы в состоянии его понимать. Если бы я не

знал структуры музыкальных знаков, я не мог бы глубоко ценить музыку. Поверхностные люди наслаждаются музыкой, но для того чтобы понимать музыку, вы должны знать, как она создается, из чего слагается. Познание — это накопление. Нельзя производить оценку вещей, если нет знания фактов. Накопление знаний и опыта необходимо для понимания, которое есть мудрость».

— Для открытия необходима свобода, не правда ли? Если вы связаны, обременены тяжестью, вы не можете уйти далеко. Может ли существовать свобода, если существуют всякого рода накопления? Тот, кто накапливает, будут ли это деньги или знания, никогда не может быть свободным. Вы можете освободиться от приобретения вещей, но жадность к знанию — те же оковы, которые держат вас в плену. Способен ли ум, привязанный к какой-либо форме приобретения, продвинуться далеко и делать открытия? Является ли добродетель накоплением? Может ли когда-нибудь ум, который накапливает добродетель, быть добродетельным? Не состоит ли добродетель в свободе от становления? Характер человека также может стать оковами. Добродетель никогда не сделает из вас раба, но любое накопление вас свяжет.

«Может ли быть мудрость, если нет опыта?»

— Мудрость — это одно, а знание — совсем другое. Знание — это накопленный опыт; это продленный опыт, который является памятью. Память можно развивать, усиливать, придавать ей форму, обуславливать; но является ли мудрость расширением памяти? Является ли мудрость чем-то, что обладает непрерывностью? Мы имеем знания, накопленные веками, но почему же у нас нет мудрости, счастья, творчества? Ведет ли знание к блаженству? Познание, а это накопление опыта, не есть состояние переживания. Накопление опыта — непрерывный процесс; каждый новый опыт усиливает этот процесс, каждый новый опыт делает память более сильной, придает ей жизненность. Без этого постоянного воздействия память в короткое время могла бы атрофироваться. Мысль — это память, слова, накопленный опыт. Память и сознание — это прошлое. Весь этот груз прошлого есть ум, мысль. Мысль — это то, что уже накоплено. Как же может мысль когда-либо стать свободной и раскрывать новое? Чтобы появилось новое, мысль должна прийти к концу.

«Я могу понять это до известной степени; но если отсутствует мысль, каким образом возможно понимание?»

— Является ли понимание процессом, обусловленным прошлым, не совершается ли оно всегда в настоящем? Понимание — это действие в настоящем. Не заметили ли вы, что понимание мгновенно, что оно не от времени? Раскрывается ли понимание по частям? Понимание всегда непосредственно, оно всегда теперь, сейчас, не так ли? Мысль есть результат прошлого; она основана на прошлом; она есть ответ прошлого. Прошлое — это то, что накоплено; мысль есть ответ накопленного. Может ли мысль, при этих условиях, когда-либо обладать пониманием? Является ли понимание актом сознания? Преднамеренно ли вы готовитесь к пониманию? Необходимо ли сначала произвести выбор для того, чтобы наслаждаться красотой вечера?

«Но не является ли понимание плодом сознательного усилия?»

— Что мы понимаем под словом сознание? Когда именно вы сознаете? Не является ли сознание ответом на вызов, на стимул, приятный или неприятный? Этот ответ на вызов есть опыт. Опыт — это наименование, определение, ассоциация. Без наименования не существовало бы опыта, не правда ли? Совокупный процесс, включающий вызов, ответ, наименование, опыт, — это и есть сознание, не так ли? Сознание — процесс, всегда относящийся к прошлому. Сознательное усилие, воля, направленные к накоплению, к желанию быть, — это продление прошлого, быть может, измененного, но, тем не менее, прошлого. Когда мы совершаем усилие с целью быть или стать чем-то, это «что-то» оказывается нашей собственной проекцией. Когда

мы делаем сознательные усилия с целью добиться понимания, тогда мы слышим гул, который исходит от наших собственных накоплений. Но как раз этот гул и мешает пониманию.

«Что же такое мудрость?»

— Мудрость приходит при завершении знания. Знание имеет непрерывный характер; без непрерывности нет знания. То, что обладает непрерывностью, никогда не может быть свободным, новым. Свобода наступает лишь для того, что завершается. Знание никогда не может быть новым, оно всегда становится старым. Старое постоянно поглощает новое и благодаря этому снова и снова приобретает силу. Старое должно прекратиться, чтобы могло проявиться новое.

«Иными словами, вы утверждаете, что мысль должна завершиться и что тогда появится мудрость... Но каким образом мысль может прийти к концу?»

— Завершение мысли невозможно осуществить с помощью дисциплины, практики, принуждения. Тот, кто мыслит, он сам есть мысль, и он не может производить операцию над самим собой; если он это делает, получается один самообман. Мыслящий есть мысль, он неотделим от мысли; он может думать, что он совсем иной, может претендовать на то, что он не похож на мысль, но все это только хитроумные попытки мысли создать для себя постоянство. Когда сама мысль пытается покончить с мыслью, она лишь делает себя более сильной. Что бы она ни предпринимала, мысль не может покончить с собой. Когда вы поймете эту истину, тогда только мысль придет к концу. Свобода состоит в понимании истины того, что *есть*; мудрость же — постижение этой истины. То, что *есть*, никогда не остается неподвижным. Когда вы находитесь в пассивном, но бдительном осознании того, что *есть*, приходит свобода от всех накоплений.

Длинный и широкий канал шел от реки к участкам, где не было воды. Канал был шире, чем река, и поступление воды в него регулировалось системой затворов. Тишина стояла над каналом; вверх и вниз плыли тяжело нагруженные баржи, и их белые треугольные паруса выделялись на фоне синего неба и темных пальм. Был прекрасный вечер, тихий и полный свободы; вода казалась неподвижной. Отражения пальм и манговых деревьев были настолько резкими и ясными, что с трудом можно было отличить действительные предметы от их отражений. В лучах заходящего солнца вода стала прозрачной, а на ее поверхность легли отблески заката. Среди отражений показалась вечерняя звезда. Вода не колыхалась; проходившие мимо деревенские жители, которые обычно так громко и много разговаривают, теперь сохраняли молчание. Даже шепот листьев прекратился. К берегу канала подошло какое-то животное; напившись, оно так же бесшумно исчезло, как и подошло сюда. Безмолвие охватило небо; казалось, что оно покрывает собою все.

Шум имеет конец, но безмолвие проникает все и не имеет предела. Можно отгородиться от шума, но нет преград для безмолвия; не существует стен, которые закрыли бы для него путь; ничто не может ему противостоять. Шум наглухо закрывает все окружающее его; он исключает и изолирует. Безмолвие же вбирает все в себя. Безмолвие, как и любовь, неделимо; в нем нет разделения на шум и тишину. Ум не может гнаться за ним; ум нельзя заставить быть спокойным, с тем чтобы он мог воспринять безмолвие. Ум, который приведен в молчаливое состояние, может отражать лишь свои собственные образы, ясно и резко очерченные и кричащие в своей исключительности. Ум, насильственно приведенный в безмолвное состояние, может лишь оказывать сопротивление, а всякое сопротивление — это возбуждение. Ум, естественно пребывающий в молчании, а отнюдь не ум, намеренно успокоенный, всегда переживает безмолвие; тогда и мысли и слова рождаются внутри этого безмолвия, а не вне его. Достоин удивления, что пребывая в безмолвии, ум совершенно спокоен, причем это спокойствие не создано искусственно. Безмолвие — не предмет торговли, оно не имеет стоимости, не может быть использовано для какой-либо цели, и потому как все, что пребывает в уединении, оно обладает чистотой. То, что можно использовать, вскоре изнашивается. Безмолвие же не имеет ни начала, ни конца; ум, полный такой тишины, познает блаженство, и это блаженство — не отражение его собственного желания.

Она рассказала, что постоянно испытывает волнение по тому или иному поводу; если это не семья, то соседи или общественная работа. Жизнь ее была наполнена волнением, но она никогда не могла найти его причину. Она не была особенно счастлива; разве возможно, сказала она, быть счастливой в мире, таком, каков он сейчас? У нее была своя доля мимолетного счастья, но все это ушло в прошлое; теперь она стремится найти то, что поможет ей раскрыть смысл жизни. Она прошла через многое; в свое время это казалось очень значительным, но впоследствии поблекло и превратилось в ничто. Она принимала участие в различных формах общественной деятельности достаточно серьезного характера; была полна религиозного чувства; пережила страдания в связи со смертью одного из членов своей семьи и была поставлена лицом к лицу с еще более значительным событием. Жизнь не была для нее легка, добавила она, но ведь в мире миллионы таких, как она. Ей хотелось бы уйти от всех этих дел, как бессмысленных, так и необходимых, и найти нечто действительно ценное.

— То, что является действительно ценным, найти невозможно. Его нельзя приобрести; оно должно прийти само собой; открытие его нельзя заранее ловко спланировать. Не происходит ли так, что все, имеющее глубокое значение, всегда случается внезапно; оно никогда не может быть

вызвано. Важно то, что происходит само собой, а не то, к чему вы пришли в результате усилий. Найти то, что ищешь, сравнительно легко; но то, что приходит само собой, — то совсем другое. Дело не в трудности, но само стремление искать, найти устраняет появление того, что приходит само собой. Все, что вы когда-либо найдете, вы неизбежно потеряете; потери — в порядке вещей. Если вы обладаете чем-либо или вами обладают, это означает, что у вас нет свободы, необходимой для понимания.

Но почему у вас такое постоянное волнение, такое беспокойное состояние? Вы когда-нибудь думали об этом серьезно?

«Я пыталась думать, правда, без особого энтузиазма, но никогда не ставила это своей задачей. Я всегда отличалась рассеянностью».

— Только не рассеянностью, позвольте вам заметить; просто это не было для вас жизненной проблемой. Когда возникает жизненно важная проблема, тогда не бывает рассеянности. Рассеянности, как таковой, не существует; всегда имеется какой-либо определяющий интерес, от которого ум временно отходит в сторону. Но если существует центральный интерес, то из этого следует, что рассеянности, как таковой, не бывает. Перескакивание ума от одного предмета к другому — это не рассеянность; это бегство от того, что *есть*. Нам нравится заходить куда-то очень далеко, несмотря на то, что проблема совсем рядом. Подобные экскурсии дают какой-то материал для действий, хотя бы в виде мелких тревог и пустых разговоров. Но, невзирая на то, что такие блуждания часто приносят страдания, мы предпочитаем их тому, что *есть*.

Действительно ли серьезно вы стремитесь понять, или вам хочется лишь коснуться всего этого?

«Я действительно хочу дойти до самого конца проблемы. Для этого я и приехала».

— Вы чувствуете себя несчастной, так как нет того источника, который наполнил бы колодец, ведь так? Вы, может быть, когда-то слышали шепот воды, текущей по каменистому руслу, но в настоящее время ложе реки пересохло. Вы узнали, что такое счастье, но оно всегда ускользало от вас, оно всегда оказывалось в прошлом. Не к этому ли источнику вы стремитесь? Но возможно ли вообще искать его, не должны ли вы натолкнуться на него совсем неожиданно? Если бы вы знали, где он находится, вы нашли бы пути, чтобы отыскать его. Но у вас нет таких знаний, и путей к нему не существует. Знать равносильно тому, чтобы воспрепятствовать раскрытию этого источника. Не в этом ли одна из ваших проблем?

«Несомненно, да. Наша жизнь так однообразна и так лишена творчества! Если бы этот источник раскрылся, нам ничего больше не надо было бы».

— А одиночество не относится к числу ваших проблем?

«Я ничего не имею против того, чтобы быть в одиночестве. Я умею с ним обращаться; я или ухожу гулять, или спокойно остаюсь сидеть с ним, пока оно не уйдет. Но, кроме того, мне вообще нравится находиться в одиночестве».

— Мы все знаем, что это означает — быть в одиночестве. Это мучительная страшная пустота, которую ничем нельзя заполнить. Нам известны также способы убежать от нее, так как все мы прошли через многочисленные пути бегства. Некоторые идут одним, своим путем, другие выбирают различные пути; но ни один из них не имеет какого-либо отношения к тому, что *есть*. Вы говорите, что умеете обращаться с одиночеством. Но позвольте заметить, что ваш метод обращения с одиночеством есть не что иное, как ваш особый способ убежать от него. Вы отправляетесь гулять или сидеть вместе с ним, пока оно не уйдет. Вы постоянно что-то делаете с ним, вы не позволяете ему рассказать свою историю. Вы стремитесь овладеть им, преодолеть его, убежать от него. Поэтому ваше взаимоотношение с ним основано на страхе.

Не является ли самоосуществление также проблемой? Осуществление себя в чем-то

представляет собой бегство от того, чем вы являетесь, не так ли? Я — слабое существо; но если я отождествляю себя со страной, с семьей, с верованием, я буду чувствовать себя осуществленным, полноценным. Искание полноты — не что иное, как уход от того, что *есть*.

«Да, это так. Это одна из моих проблем».

— Если мы сможем понять то, что *есть*, тогда, возможно, все эти проблемы перестанут существовать. Обычный наш подход к проблеме состоит в том, чтобы уйти от нее; мы хотим непременно что-то с ней сделать. Но действия эти лишают нас непосредственного взаимоотношения с проблемой; подобный подход закрывает ее понимание. Ум озабочен поиском путей, как с ней поступить; на самом же деле это уход от проблемы. Вот почему мы никогда не в состоянии понять проблему, она остается неразрешенной. Для того чтобы проблема, т.е. то, что *есть*, раскрылось и полностью рассказало свою историю, ум должен быть восприимчивым, готовым быстро следовать за тем, что *есть*. Если мы лишаем ум чувствительности, прибегая к различным формам бегства, — путем знания подходов к проблеме или поиска и объяснения ее причин, — причем все это не более чем словесное упражнение, — то ум делается тупым и не может быстро следовать за той историей, которую рассказывает проблема, — за тем, что *есть*. Поймите эту истину, и ум станет чувствительным; тогда только он сможет воспринимать. Любая активность ума в отношении проблемы делает его тупым и неспособным следовать, слушать проблему. Когда ум чувствителен — не сделан чувствительным, что было бы лишь другим способом сделать его тупым, — тогда то, что *есть*, пустота, приобретает совсем иное значение.

Пожалуйста, переживайте все по мере того, как мы идем вперед, не оставайтесь на уровне слов.

Каковы отношения ума с тем, что *есть*. До тех пор пока ум дает тому, что есть, наименование, термин, определение, словесный символ для включения в мыслительный процесс, эти обозначения препятствуют всякому непосредственному отношению между умом и тем, что *есть*, а это делает ум тупым, нечувствительным. Ум и то, что *есть*, — не два отдельных процесса: давая им наименования, мы их разделяем. Когда это наименование прекращается, существует непосредственное отношение между ними: ум и то, что *есть*, — одно. То, что *есть*, теперь наблюдает себя без наименования, и только теперь то, что *есть*, претерпело трансформацию; в этом состоянии нет больше того, что называлось пустотой, с ее ассоциациями, как страх и прочее. Теперь ум — это только состояние переживания, в котором нет разделения на переживающего и переживаемое. И существует бездонная глубина, потому что отсутствует тот, кто измеряет. То, что есть, пребывает в глубоком молчании и спокойствии, а из глубины этого спокойствия бьет ключом то, что неисчерпаемо. Возбуждение ума — это пользование словом. Когда слово молчит, существует неизмеримое.

Это был пожилой, довольно хорошо сохранившийся человек, с длинными седыми волосами и белой бородой. Он читал лекции по философии в университетах многих стран. У него был весьма ученый и спокойный вид. Он сказал, что не занимается медитацией и не принадлежит к числу религиозных людей в обычном смысле слова, а имеет дело исключительно со знанием. Но несмотря на то, что он читал лекции по вопросам философии и религиозного опыта, своих личных переживаний у него не было, да он и не стремился к ним. Цель его приезда — обсудить проблему времени.

Как трудно для человека, обладающего собственностью, был свободным! Расстаться со своим состоянием для богатого чрезвычайно трудно. Лишь в том случае, если имеются другие, при этом более ценные приманки, он готов отказаться от утешительной мысли — принадлежать к числу богатых людей. Ему надо найти удовлетворение своего честолюбия на каком-то другом пути, прежде чем он сможет расстаться с тем, что имеет. Для богатого деньги — это власть, а он — их владелец; он может раздать большие суммы, но раздающий их — тоже он.

Знание — это другой вид обладания, и человек, преданный знанию, находит в нем удовлетворение; для него знание — цель сама по себе. Он чувствует, — по крайней мере, так было у собеседника, — что знание каким-то образом сможет разрешить наши проблемы, если только его распространить, в большем или меньшем масштабе, по всему миру. Для человека, преданного знанию, гораздо труднее освободиться от своего обладания, чем для того, кто владел состоянием. Весьма удивительно, что знание так легко становится на место понимания и мудрости. Стоит нам получить некоторые сведения по какому-либо вопросу, и мы уже считаем, что обладаем пониманием. Мы думаем, что знание или осведомленность о причинах нашей проблемы тем самым разрешает ее. Мы заняты поисками причин нашей проблемы, а эти поиски — не что иное, как откладывание самой проблемы на будущее. Большинству из нас известны причины; причина ненависти, например, лежит не очень глубоко, но в поисках причин мы вкушаем лишь радости, получаемые от их следствий. Нас занимает увязывание следствий, а не понимание совокупного процесса. Большинство из нас тесно связано со своими проблемами; без них мы почувствовали бы себя потерянными; проблемы стимулируют нас к деятельности, а деятельность, связанная с проблемами, заполняет нашу жизнь. Мы — это наша проблема, а также деятельность, обусловленная ею.

— Время — очень странный феномен. Пространство и время едины; одно не существует без другого. Время для нас имеет большую важность, и каждый придает ему свое собственное особое значение. Если для дикарей время едва ли что-нибудь значит, то для цивилизованных людей оно играет большую роль. У дикарей совершенно не развита память; но если то же самое оказалось бы у образованных людей, их сочли бы за ненормальных или уволили с работы. Для ученого время — это одно, для рядового гражданина — другое. Время для историка — это изучение прошлого, для биржевика время — маятник, для матери — память о ее сыне, для усталого путника — это отдых в тени. Каждый толкует время по-своему, сообразно своим потребностям и ожидаемому чувству удовлетворения, и придает ему форму, соответствующую хитроумным построениям своего собственного ума. Мы не можем обойтись без времени. Для нашего существования нам так же необходимо хронологическое время, как и смена времен года. Существует ли психологическое время или оно есть лишь обманчивая условность ума? Несомненно, существует только хронологическое время, всякое другое время — мираж. Существует время для роста, время для умирания; есть время для посева и время для снятия урожая. Но психологическое время, рассматриваемое как процесс становления, — не есть ли это

нечто совершенно ложное?

«Что такое время для вас? Думаете ли вы о времени? Осознаете ли вы время?»

— Возможно ли вообще думать о времени, если это не время в хронологическом смысле? Мы можем пользоваться временем как средством; взятое же само по себе, оно не имеет значения, не правда ли? Время как абстрактное понятие — чисто умозрительное построение, а любые абстрактные построения ума тщетны. Мы пользуемся временем как средством достижения в материальном или психологическом отношении. Например, необходимо время, чтобы дойти до станции. Однако большинство из нас пользуется временем как средством для достижения психологических целей, самых различных. Мы осознаем время, когда возникает задержка в процессе достижения или когда создается разрыв на пути к успеху. Время — это промежуток между тем, что *есть*, и тем, что может быть, что должно быть, что будет. Становление, направленное к цели, — это время.

«Разве не существует другого времени? Что вы скажете по поводу научного значения понятия «пространство-время?»»

— Говорят о хронологическом времени и психологическом времени. Хронологическое время необходимо, и оно существует. Но психологическое время — нечто совсем другое. Комплекс «причина-следствие» считается временным процессом не только в физическом смысле, но и в психологическом. Интервал между причиной и следствием обычно рассматривается как время; но существует ли этот интервал? Причина и следствие болезни могут быть разделены во времени; но это опять-таки хронологическое время. Существует ли интервал между психологической причиной и следствием? Не есть ли причина-следствие единый процесс? В действительности нет никакого интервала между причиной и следствием. Сегодня — это следствие того, что было вчера, и причина того, что будет завтра; это единое движение, непрерывный поток. Нет никакого разделения, нет разграничительной линии между причиной и следствием; но мы разделяем их внутри себя, имея в виду то или иное становление, достижение. Я *есть это*, а я сделаюсь *тем*. Для того чтобы стать *тем*, мне необходимо время, хронологическое время, которое используется для психологических целей. Я пребываю в неведении, но я сделаюсь мудрым. Неведение, которое стремится стать мудрым, есть лишь прогрессирующее неведение, так как неведение никогда не может стать мудрым; совершенно так же как зависть никогда не может превратиться в свою противоположность. Неведение — это подлинный процесс становления.

Не является ли мысль продуктом времени? Знание — это продление времени. Время — это продление. Опыт есть знание, а время — это продление опыта в виде памяти. Время, рассматриваемо как продление, есть абстракция; абстрактные же построения ума — это неведение. Опыт есть память, ум. Ум — машина времени. Ум — это прошлое. Мысль — всегда от прошлого; прошлое есть продление знания. Знание — это всегда знание прошлого; знание никогда не выходит за пределы времени, оно всегда во времени и от времени. Продление памяти, знание — это сознание. Опыт — всегда в прошлом, он *есть* прошлое. Прошлое в соединении настоящим движется к будущему; будущее есть прошлое, быть может, видоизмененное, но, тем не менее, прошлое. Весь это процесс в своей совокупности есть мысль, ум. Мысль может функционировать только в поле времени. Мысль может размышлять о вневременном, но это — ее собственная проекция. Любые абстрактные построения ума — область неведения.

«Но для чего тогда упоминать о вневременном? Можно ли когда-нибудь познать вневременное? Возможно ли познать его как вневременное?»

— Познание чего-либо предполагает существование того, кто это производит; переживающий же всегда от времени. Для того чтобы распознать что-либо, мысль должна

пережить это; если она это переживала, это стало познанным. Но, конечно, то, что стало познанным, — это не вневременное. Познанное всегда пребывает в сети времени. Мысль не может познать вневременное; вневременное — это не новое приобретение, новое достижение; к нему не существует путей. Оно есть состояние бытия, в котором отсутствует мысль, время.

«Какую оно имеет ценность?»

— Никакой. Оно не объект рыночной торговли. Его нельзя взвесить с какой-либо целью.

Ценность его непознаваема.

«Какую же роль оно играет в жизни?»

— Если рассматривать жизнь как мысль, то никакой. Мы стремимся обрести вневременное как источник мира и счастья, как щит, предохраняющий от всех тревог, как средство для объединения людей. Но вневременное нельзя использовать ни для какой цели. Цель предполагает средства для ее достижения, и тогда мы снова возвращаемся к процессу мысли. Ум не может сформулировать вневременное, придать ему форму в соответствии со своими собственными целями. Вневременное не может стать предметом использования. Жизнь имеет значение лишь постольку, поскольку существует вневременное; в противном случае она превращается в скорбь, конфликт и страдание. Мысль не в состоянии разрешить ни одной проблемы человека, так как сама мысль есть проблема. Когда знание приходит к концу, начинается мудрость. Мудрость — не от времени; она не является продлением опыта, знания. Жизнь во времени — смятение и страдания. Но когда то, что *есть*, становится вневременным, тогда приходит блаженство.

Вниз по реке плыл труп какого-то животного. Несколько грифов сидели на нем, вырывали куски из туши и отгоняли других стервятников. Наполнив желудки, они улетели, предоставив место другим грифам, которые выжидали на деревьях или высматривали добычу с берегов или сверху. Солнце только что взошло; на траве висели тяжелые капли росы. Зеленые поля на том берегу реки были еще в тумане, а по поверхности воды отчетливо доносились голоса крестьян. Было прекрасное утро, полное свежести и новизны. Недалеко от своей матери, среди ветвей дерева, играла маленькая обезьянка. Она пробежала вдоль ветки, взбиралась на соседнюю и бежала обратно или прыгала вверх и вниз. Когда мамаше надоедали эти шалости, она сходила с дерева и взбиралась на другое. Как только она начинала спускаться, малыш подбегал и вцеплялся в нее, ухватившись за спину или повиснув снизу. У него была крохотная мордочка, а глаза полны шалости и пугливого недоверия, а как мы боимся нового, неизвестного! Мы предпочитаем оставаться в замкнутом круге повседневных привычек, обычных дел, ссор и забот. Нас вполне устраивает думать в проторенной колее, ходить по одной и той же дороге, встречать те же самые лица и не выходить за пределы обычных мелочей жизни. Мы не любим, встречаться с незнакомыми людьми, а когда приходится с ними столкнуться, мы настораживаемся и стараемся держаться подальше. А как мы бываем напуганы, если неожиданно встретим неведомого для нас зверя! Мы совершаем движения в границах стен, возведенных нашей собственной мыслью, но стоит нам отважиться выйти за их пределы, как оказывается, что снова находимся внутри таких же стен. Изю дня в день мы тащим ношу вчерашнего дня; наша жизнь — это долгое непрекращающееся движение, а наши умы — неповоротливы и нечувствительны.

Он едва мог удерживаться от слез. Это не был контролируемый или сдерживаемый плач, но рыдания, которые сотрясали все его тело. Он был моложав, полон тревоги, с глазами, устремленными к видениям былого. В течение некоторого времени он не мог вымолвить ни слова, а когда, наконец, начал говорить, голос его неожиданно оборвался, и он снова разразился глубокими рыданиями, свободными, ничем не сдерживаемыми. Наконец он сказал:

«Я ни разу не плакал со дня смерти моей жены. Не знаю, что именно заставило меня рыдать так, как сейчас, но после этого мне как-то стало легче. Раньше, когда она была жива, я плакал вместе с ней, и тогда слезы были такими же очищающими, как и смех но после ее смерти все изменилось. Раньше я рисовал; теперь же не в состоянии дотронуться до кистей или посмотреть на то, что когда-то сделал. В течение последних шести месяцев мне казалось, что я словно мертвый. У нас не было детей, но она ожидала ребенка, и вот она ушла. Даже теперь я едва ли могу себе это представить, потому что мы все делали вместе. Она была так красива и так добра, — что же мне теперь делать? Простите, что я так разрыдался, один Бог знает, что во мне происходит; но я знаю, что выплакаться — хорошо. Но ведь никогда больше не будет так, как было; что-то ушло из моей жизни. На днях я взял кисти, но они показались мне чужими. До этого я даже не сознавал, что держу кисть в руке; а теперь почувствовал, какая она тяжелая и громоздкая. Несколько раз я уходил к реке с желанием никогда больше не возвратиться; но приходил обратно домой. Я ни с кем не мог встречаться, так как в них всегда видел ее лицо. Я сплю, мечтаю, принимаю пищу вместе с ней, но знаю, что никогда не будет так, как было. Думая обо всем этом, я старался объяснить то, что произошло, понять это; но ведь ее здесь нет. Ночью мои мысли только о ней; несмотря на все страдания, мне трудно спокойно уснуть. Я не могу прикоснуться к ее вещам, их запах сводит меня с ума. Я старался забыться, но что бы я ни делал, ведь никогда не будет больше так, как было. Я привык слушать птиц; теперь мне ничего не надо. Продолжать так дальше я не могу. С тех пор я не видел никого из наших друзей, без нее

они для меня ничто. Что мне делать?»

Долгое время мы пребывали в молчании.

— Любовь, которая превращается в скорбь или ненависть, — не любовь. Знаем ли мы, что такое любовь? Любовь ли это, если, встретив сопротивление, она превращается в ярость? Существует ли любовь там, где имеется приобретение или потеря?

«В моей любви к ней ничего этого нет. Я совершенно забывал обо всем, даже о самом себе. Вот такую любовь я знал, и такая любовь к ней у меня сейчас. Но теперь я сознаю и другое, сознаю себя, свою скорбь и дни моих страданий».

— Как быстро любовь превращается в ненависть, в ревность, в скорбь! Как глубоко мы теряем себя, находясь среди дыма, и насколько далеким оказывается то, что было таким близким! Теперь мы осознаем нечто совсем иное — то, что неожиданно стало гораздо более важным. Теперь мы видим, что мы одиноки, что у нас нет спутника, нет привычных улыбок и обращений; теперь мы осознаем самого себя, а не только другого. Раньше другой был всем, мы же — ничто; сейчас другого нет, а мы стали тем, что мы *есть*, теперь другой есть мечта, а реальность — это то, что мы есть. Был ли другой реальностью или это была мечта, созданная нами, облеченная красотой нашей собственной радости, которая так быстро завяла? Увядание есть смерть, а жизнь — это то, что мы есть.

Смерть не может всегда брать верх над жизнью, хотя бы мы и желали этого; жизнь сильнее смерти. То, что *есть*, сильнее того, чего нет. Как мы любим смерть, а не жизнь! Отрицание жизни доставляет нам радость, дает забвение. Когда существует другой, когда нас нет, тогда мы чувствуем себя свободными, неподавленными. Другой — это цветок, сосед, аромат, воспоминание. Все мы жаждем иметь другого, готовы отождествить себя с ним; для нас важен другой, а не мы. Другой — это мечта, созданная нами. Но, пробудившись, мы вновь оказываемся тем, что мы *есть*. То, что *есть*, бессмертно; но мы хотим покончить с тем, что *есть*. Желание покончить с ним дает начало непрерывности, а то, что обладает непрерывностью, никогда не может познать бессмертия.

«Я знаю, что не могу продолжать жить так, как сейчас, полумертвым. Я не совсем уверен, что понимаю то, о чем вы говорите, Я слишком глубоко потрясен, чтобы до меня доходило что-либо».

— Не бывало ли у вас иногда так: хотя вы и не напрягаете внимание, слушая или читая, но процесс восприятия идет, быть может, бессознательно, и что-то проникает внутрь, совершенно независимо от вас самих? Иногда происходит так, что нам не удастся тщательно рассмотреть какие-либо предметы, например, эти деревья, однако образ их внезапно возникает во всех деталях. У вас никогда так не было? Вы, конечно, недавно пережили потрясение, шок, но несмотря на это, когда вы выйдете из него, вы запомните все, что сейчас было сказано, и тогда это сможет оказать вам некоторую помощь. Но вот что вам важно осознать сейчас: когда вы выйдете из состояния шока, ваши страдания станут еще более острыми, а ваше желание будет направлено на то, чтобы избавиться от них, уйти от своей скорби. Найдутся многие, которые готовы будут помочь вам уйти от страданий; они постараются предложить весьма благовидные толкования или выводы, к которым пришли они сами или кто-либо другой; они дадут те или иные объяснения. Возможно, что вы сами найдете какую-либо форму бегства, приятную или неприятную, с целью заглушить свое горе. До сих пор вы находились слишком близко к совершившемуся событию, но в дальнейшем вы будете стремиться к какой-либо форме утешения; это может быть религия, цинизм, общественная деятельность или какая-либо идеология. Но любое бегство, будет ли это Бог или алкоголь, лишь уводит от понимания скорби.

Скорбь необходимо понять, а не игнорировать. Игнорировать — значит давать страданию длительность; игнорировать — значит убегать от страдания. Чтобы понять страдание, нужен

действенный, основанный не на опыте, подход. Получать опыт, экспериментировать — искать определенный результат. Если вы ищите определенный результат, — эксперимент невозможен. Если вы заранее знаете, к чему вы хотите прийти, то шаги в этом направлении — это совсем не эксперимент. Если вы боитесь преодолеть страдание, а это означает, что вы его осуждаете, то вы не понимаете всего его процесса. Если вы стараетесь победить страдание, вы будете заняты одним — как бы избежать его. Для того чтобы понять страдание, ум не должен активно вмешиваться, чтобы его оправдать или преодолеть: ум должен быть совершенно пассивным, молчаливо бдительным, чтобы без колебания он мог вникнуть в суть страдания. Ум не может проследить за историей скорби, если он привязан к какой-либо надежде, выводу или воспоминанию. Для того чтобы следовать за быстрым движением того, что *есть*, ум должен быть свободен. Свобода — не то, что приходит при завершении; она должна присутствовать с самого начала.

«Какой смысл всей этой скорби?»

— Не указывает ли скорбь на конфликт, конфликт между страданием и радостью? Не является ли скорбь показателем неведения? Неведение не состоит в том, что отсутствует осведомленность о фактах; неведение бывает тогда, когда нет осознания целостного процесса самого человека. Пока нет понимания путей «я», страдания неизбежны; пути «я» должны быть раскрыты только в процессе отношений.

«Но мои отношения пришли к концу».

— Не существует конца отношениям. Может прийти конец какому-то определенному отношению, но отношения никогда не могут кончиться. Быть — значит быть в отношении, и ничто не может жить в изоляции. Хотя мы стараемся изолировать себя путем особых отношений, такая изоляция неизбежно приведет к печали. Печаль, страдание — таков процесс изоляции.

«Может ли жизнь всегда остаться такой, какой она была?»

— Может ли радость вчерашнего дня повториться сегодня? Желание повторения возникает только тогда, когда сегодняшний день лишен радости; если он пуст, мы обращаем свои взоры на то, что было вчера или может наступить завтра. Желание повторения — это желание длительности, но в длительности никогда не содержится новое. Счастье — не в прошлом и не в будущем; оно — лишь в движении настоящего.

ЧУВСТВО И СЧАСТЬЕ

Мы находились высоко над зеленым океаном. Шум пропеллеров, разрезавших воздух, и рев выхлопной струи весьма затрудняли беседу. В числе пассажиров было несколько студентов, направлявшихся на спортивные соревнования, на остров. У одного из них было банджо; в продолжение нескольких часов он играл на нем и пел, другие присоединились к нему, и они пели все вместе. Юноша с банджо обладал хорошим голосом, он пел американские песни; это были песни эстрадных певцов, ковбойские или джазовые песенки. Пели они очень хорошо, совсем так, как исполняют на пластинках. Это была удивительная группа; они целиком были поглощены тем, что делается сейчас; у них не возникало и мысли о чем-либо ином, кроме как радоваться в данное время. Все тревоги были отнесены на завтра: работа, женитьба, старость, смерть. Зато сейчас, высоко над океаном, в их полном распоряжении были американские песни и иллюстрированные журналы. Они не обратили внимания на молнии, сверкавшие среди темных туч, не видели ни изгибов береговой линии, ни далеких поселков, освещенных солнцем.

Вот уже почти под нами был остров. После дождей он стал ярко-зеленым и искрящимся и выглядел таким чистым и аккуратным с большой высоты. Наиболее крупная возвышенность казалась плоской, а белые волны совсем неподвижными. Рыбачья парусная лодка спешила к берегу, спасаясь от надвигающегося шторма; она, верно, благополучно добралась до берега, так как гавань была далеко. Река, извиваясь, спускалась к океану; земля имела золотисто-коричневый оттенок. С высоты можно было видеть все, что происходило на одном и на другом берегу реки; здесь встречались прошедшее и будущее. Будущее не оставалось скрытым, оно находилось здесь, вокруг излучины реки. Для этой высоты не существовало ни прошлого, ни будущего; криволинейное пространство не скрывало ни времени посева, ни времени жатвы.

Человек, сидевший рядом, начал рассказывать о трудностях жизни. Он жаловался на свою работу, на постоянные поездки, на недостаточное внимание со стороны семьи, на бесплодность современной политики. Он направлялся в какое-то отдаленное место и с грустью оставлял свой дом. Постепенно он становился все более и более серьезным, перешел к мировым проблемам и заговорил о себе и своей семье.

«Я хотел бы уйти от всего этого в какой-нибудь тихий уголок, работать понемногу и быть счастливым. Мне кажется, что никогда я не был счастлив и не знаю, что такое счастье. Мы живем, производим детей, работаем и умираем наподобие животных. Мой прежний энтузиазм исчез, осталась погоня за деньгами. Но и это становится довольно тягостным. Я на хорошем счету, получаю приличное жалованье, но у меня нет ни малейшего представления о том, что происходит вокруг меня. Я хотел бы быть счастливым. А что, по вашему мнению, мне надо было бы для этого сделать?»

— Это не так просто понять; а здесь едва ли подходящее место для серьезной беседы.

«Боюсь, что у меня не будет другого времени. Как только мы приземлимся, мне придется ехать дальше. Может быть, я не произвожу впечатление человека, которого интересуют серьезные проблемы, но у меня часто прорывается огромная тяга к ним; только эти порывы не объединены в цельное единое устремление. В глубине души я действительно ощущаю важность этих проблем. Мой отец и старшие родственники отличались серьезными запросами, однако, современные экономические условия не позволяют полностью отдаться своим внутренним побуждениям. Мне пришлось отойти от этого, но я хотел бы вернуться назад и предать забвению всю нелепость настоящего. Я не чувствую себя сильным и поэтому, жалуясь на обстоятельства, но как бы там ни было, я хотел бы по-настоящему быть счастливым».

— Чувство — нечто совсем иное, чем счастье. Чувство всегда ищет все новых чувств, более

и более широкой сферы. Чувства — неисчерпаемый источник удовольствий; они множатся, но с достижением их всегда ощущается неудовлетворенность; есть постоянное желание большего, и это требование большего не имеет предела. Чувство и неудовлетворенность неразделимы, желание большего связывает их воедино. Чувство — это желание большего или желание меньшего. Само удовлетворение чувства питает требование большего. Больше всегда в будущем; это вечная неудовлетворенность тем, что было, и причина конфликта между тем, что было, и тем, что будет. Каждое чувство — это постоянная неудовлетворенность. Чувство можно облечь в религиозную форму, но оно все же останется таким, каково оно есть: продуктом ума и источником конфликта и опасений. Физические ощущения — это несмолкающий вопль о большем, а когда на пути к их удовлетворению возникает какое-то препятствие, приходят гнев, ревность, ненависть. Существует наслаждение в ненависти, а зависть дает удовлетворение; если какое-то чувство встречает препятствие, то удовлетворение приходит от противоположного, от того антагонизма, враждебности, которые рождает неудача.

Чувство — это всегда реакция, и оно блуждает от одной реакции к другой. Это ум блуждает, ум есть чувство. Ум — это хранилище чувств, приятных и неприятных, и всякого опыта, что является реакцией. Ум — это память, которая, в конце концов, тоже реакция. Реакция или чувство никогда не могут быть удовлетворены; ответ, отклик никогда не может принести полного удовлетворения. Ответ всегда является отрицанием и никогда не может быть тем, что *есть*. Чувству неведомо состояние внутреннего мира, довольство. Чувство, реакция всегда должны порождать конфликт, а сам конфликт — это дальнейшее чувство. Путаница рождает путаницу. Деятельность ума на всех его уровнях — это дальнейшее прибавление чувств; когда же экспансия ума, его распространение встречает отпор, ум сжимается, хмурится — и в этом тоже черпает удовольствие. В чувстве, реакции сталкиваются противоположности, и в их конфликте можно различить сопротивление и примирение, согласие и возражение, и еще — удовлетворение, которое всегда ищет дальнейшего удовлетворения.

Ум никогда не может найти счастье. Счастье — не то, к чему можно стремиться, что можно искать и находить, как чувство. Чувство можно находить вновь и вновь, потому что оно всегда является потерянным; но счастье не может быть найдено. Воспоминание о счастье — это всего лишь чувство, реакция за или против настоящего. То, что прошло, не является счастьем; переживание счастья, которое уже прошло, — это чувство, потому что воспоминание — это прошлое, а прошлое есть чувство. Счастье — не чувство.

Сознавали ли вы когда-нибудь себя счастливым?

«Конечно, благодарю Бога, иначе я не мог бы знать, что значит быть счастливым».

— То, что вы осознавали, несомненно, было чувством, связанным с переживанием, которое вы называете счастьем; но это не подлинное счастье. То, что вы осознаете, есть прошлое, не настоящее; а прошлое — это чувство, реакция, память. Вы вспоминаете, что были счастливы; но может ли прошлое рассказать, что такое счастье? Его можно вспоминать, но быть оно не может. Узнавание, осознание — не счастье; знать, что значит быть счастливым, — это не счастье. Осознание — это ответ памяти; но может ли ум, это хранилище воспоминаний, опыта, когда-либо быть счастливым? Само осознание препятствует переживанию.

Когда вы узнаете, что счастливы, является ли это счастьем? Когда есть счастье, узнаете ли вы его? Осознание приходит только с конфликтом, который рождается воспоминанием о большем. Счастье — это не воспоминание о большем. Там, где конфликт, счастья нет. Конфликт там, где присутствует ум. Мысль на всех уровнях остается ответом памяти, и такая мысль неизбежно питает конфликт. Мысль — это чувство, а чувство не является счастьем. Чувство всегда ищет удовлетворения. Цель — это чувство, но счастье — не цель; его нельзя добиваться.

«Но как покончить с чувствами?»

— Покончить с чувством означало бы искать смерти. Подавление — это лишь иная форма чувства. Путем подавления, физического или психического, уничтожается чувствительность, восприимчивость, но не само чувство. Мысль, которая подавляет себя, — это лишь поиски новых чувств, так как сама мысль есть чувство. Чувство никогда не может поставить пределы чувству; оно может иметь разные чувства на других уровнях, но нет предела для чувства. Если мы уничтожим способность чувствовать, мы станем нечувствительными, мертвыми. Перестать видеть, обонять, осязать — означает стать мертвым, сделаться изолированным от других. Так мы дальше не продвинемся. Наша проблема указывает нам совершенно другое направление. Мысль никогда не приносит счастье. Она может лишь вспоминать чувства, ибо сама мысль — это чувство. Она не может ни культивировать счастье, ни указывать к нему путь. Мысль может привести лишь к тому, что известно. Но это известное — не счастье; известное — это чувство. Мысль при всем ее желании не в состоянии ни быть счастьем, ни вызывать его. Мысль может осознать только свою собственную структуру, свое собственное движение. Когда мысль стремится к тому, чтобы покончить с собственной деятельностью, в действительности она стремится лишь к еще большему удовлетворению, к успеху, достичь цели, результата, который, как кажется, принесет особое удовлетворение. Но результат, выгода, которой она жаждет, большее, — всегда оказывается знанием, а не счастьем. Мысль должна осознать собственные пути, хитрый самообман. Осознавая себя, без какого бы то ни было желания быть или не быть, ум приходит в состояние не-действия. Не-действие — это не смерть; это пассивное внимание, при котором ум полностью бездействует. Это состояние высочайшей сенситивности. Только когда ум полностью бездействует на всех уровнях, существует действие. Вся деятельность ума — это просто чувства, реакции на стимулы, влияния и потому вообще не является действием. Когда ум бездействует, существует действие; это действие не имеет причины, и лишь тогда приходит блаженство.

ВИДЕТЬ ЛОЖНОЕ КАК ЛОЖНОЕ

Был прекрасный вечер. Небо за рисовыми полями стало ярко-красным. Морской бриз раскачивал высокие стройные пальмы. Автобус, заполненный людьми, с большим шумом поднимался на невысокий холм, вокруг которого река делала изгиб, устремляя свой путь к морю. Упитанное стадо ходило среди густой зелени, везде было много цветов. Толстые мальчишки играли в поле, а девочки смотрели на них удивленными глазами. Поблизости стояла небольшая часовня, и кто-то зажигал лампаду перед образом. В одном из домов, стоявших поодаль, читали вечерние молитвы, и комнату освещала неяркая лампа. Тут собралась вся семья, и казалось, что слова молитвы несли этим людям радость. Посреди улицы лежала сонная собака; велосипедист объехал ее. Становилось темно, и светлячки освещали лица людей, которые молча проходили мимо. Один светлячок запутался в волосах женщины и мягким светом озарил ей голову.

Как мы сердечны в своем естественном виде, особенно когда находимся вдали от городов, среди полей, в небольших деревнях. Жизнь носит более задушевный характер среди простых людей, не захваченных лихорадкой честолюбия. Юноша улыбается при встрече с вами; старушка интересуется, кто вы; взрослый мужчина на секунду останавливается и проходит мимо. Группа людей перестает громко разговаривать, и люди поворачивают головы, чтобы посмотреть на вас с удивлением и интересом, а женщина ждет, когда вы пройдете мимо нее. Мы так мало знаем самих себя; знаем, но не понимаем; мы знаем, но у нас нет никакого общения с другим. Мы не знаем себя. Как же можем мы знать другого? Мы никогда не можем знать другого, а можем только общаться с другим. Мы можем знать мертвое, но никогда не можем знать живое; то, что мы знаем, — это мертвое прошлое, не живое. Чтобы сознавать живое, мы должны предать забвению все мертвое в нас самих.

Нам известны названия деревьев, птиц, магазинов, но что мы знаем о самих себе, если не считать некоторого количества слов и наших желаний? Мы обладаем сведениями и выводами о многих вещах, но у нас нет счастья и устойчивого мира. Наша жизнь — тусклая и пустая или же наполнена словами и деятельностью, которые ослепляют нас. Знание — это не мудрость; без мудрости нет мира, нет счастья.

Это был молодой человек, профессор, неудовлетворенный, озабоченный и обремененный ответственностью. Он начал рассказывать о своих тревогах, знакомых множеству людей. Он получил хорошее образование, заключавшееся, по его словам, в знании, как надо читать, и умении черпать информацию из книг. Ему удалось присутствовать на ряде наших бесед. Годами он пытался бросить курить, но это никак ему не удавалось. Отказаться от этой привычки он хотел потому, что она была столь же дорогой, сколь и глупой. Чего он только не предпринимал, чтобы бросить курить, но всегда возвращался к тому, с чего начал. Это была одна из проблем, в числе других. Он был в состоянии напряжения, нервный, худой.

— Можем ли мы понять что-либо, если осуждаем это? Отвергнуть или принять — это легко; но именно само осуждение или одобрение является уходом от проблемы. Осудив ребенка, мы этим оттолкнули его от себя; мы не хотим, чтобы он нам надоедал; но ведь ребенок остается по-прежнему здесь. Осудить — это значит отвернуться, перестать уделять внимание; но осуждение — не путь понимания.

«Я осуждаю себя за курение все снова и снова. Очень трудно не осуждать».

— Да, действительно трудно не осуждать, так как то, чем мы обусловлены, основано на отрицании, оправдании, сравнении и покорности. Это — наш задний план, та обусловленность, с которой мы подходим к каждой проблеме. Сама эта обусловленность создает проблему, конфликт. Вы старались преодолеть курение с помощью рассудка, не так ли? Если вы говорите,

что это глупо, значит, вы; все уже продумали и пришли к выводу, что это глупо. И тем ни менее ваши рассуждения не заставили вас отказаться от курения. Нам кажется, что мы можем освободиться от проблемы, *если* вскроем ее причину; но знание причины — это только информация, словесный вывод. Такое знание лишает нас понимания проблемы, Знание причины и понимание проблемы — это совершенно различные вещи.

«Но как же иначе возможно подойти к проблеме?»

— Вот это мы и постараемся рассмотреть. Если мы установим, в чем заключается ложный подход, то сможем осознать, в чем состоит единственно правильный подход. Понимание ложного равносильно раскрытию истинного. Осознать ложное как ложное трудно. Мы подходим к ложному с помощью сравнения, используя мерилу мысли; но возможно ли с помощью процесса мысли осознать, что ложное есть ложное? Не является ли мысль сама обусловленной, а потому ложной?

«Но каким образом мы можем познать ложное как ложное без помощи процесса мысли?»

— В этом весь вопрос, не правда ли? Когда мы пользуемся мыслью для решения проблемы, несомненно мы используем инструмент, совсем неадекватный; ибо мысль — это продукт прошлого, порождение опыта. Опыт — всегда в прошлом. Для того чтобы осознать ложное как ложное, мысль должна осознать себя как мертвый процесс. Мысль никогда не может быть свободной; для раскрытия же должна быть свобода, свобода от мысли.

«Я не совсем понимаю, что вы имеете в виду».

— Одна из ваших проблем — курение. Вы подходите к ней с осуждением, вы стараетесь разрешить ее с помощью здравого смысла. Это ложный подход. Каким образом вы обнаруживаете, что такой подход ложный? Конечно, не с помощью мысли, но благодаря тому, что становитесь пассивно бдительны в отношении своего подхода к проблеме. Пассивная бдительность не требует работы мысли. Наоборот, когда функционирует мысль, невозможно пассивное состояние. Мысль функционирует, имея целью осудить или оправдать, произвести сравнение или принять. Когда вы пассивно бдительны по отношению к этому процессу мысли, вы можете его воспринять как то, что он есть.

«Да, это я понимаю; но как это применить к моему курению?»

— Постараемся выяснить вместе, нельзя ли подойти к проблеме курения без осуждения, сравнения и т.п. Можем ли мы взглянуть на проблему по-новому, не привлекая прошлого, которое набрасывает на нее тень? Чрезвычайно трудно держать в сознании проблему без того, чтобы не возникла какая-либо реакция, не правда ли? Нам кажется, что совсем невозможно осознать проблему пассивно; всегда появляется какой-то ответ со стороны прошлого. До какой степени мы не способны наблюдать проблему так, как если бы она возникла впервые! Мы тащим за собой все наши прошлые усилия, выводы, намерения; мы не в состоянии взглянуть на проблему иначе, как через эту завесу.

Ни одна проблема никогда не принадлежит прошлому, но мы подходим к ней со старыми формулировками, которые лишают нас ее понимания. Будьте пассивно бдительны по отношению к этим ответам. А именно — постарайтесь пассивно их осознать; постарайтесь понять, что эти ответы не могут решить проблему. Проблема — это реальное, это действительность, но подход к ней совершенно неадекватен. Неадекватный ответ на то, что *есть*, вызывает конфликт, а конфликт и есть проблема. Когда у вас появится понимание всего этого процесса, вы обнаружите, что будете действовать адекватно по отношению к курению.

Небольшая протока с едва заметным движением воды тянулась рядом с тропой, которая вилась вокруг рисовых полей, и тут было много лотосов, темно-фиолетовых, с золотыми чашечками, омытых водой; их аромат не распространялся вокруг, но сами они были прекрасны. Небо было затянуто тучами, накрапывал дождь, а вдали были слышны раскаты грома. Молнии приближались к дереву, под которым мы укрылись. Хлынул сильный дождь; на лепестках лотоса стала накапливаться вода, капли быстро увеличивались, соскальзывали вниз, а на их месте образовывались другие. Вот уже молнии засверкали над деревом; домашний скот, стоявший на привязи, стал в испуге бросаться из стороны в сторону. Черный теленок, мокрый и дрожащий, жалобно мычал; в страхе он сломал ветку и помчался к ближайшей хижине. Как только надвинулась темнота, лотосы плотно сложили лепестки и закрыли чашечки. Теперь, для того чтобы увидеть золотистую чашечку, пришлось бы оборвать лиловые лепестки. С плотно сложенными лепестками лотосы будут стоять до восхода солнца. Но и в своем сне они были прекрасны. Гроза двигалась в направлении к городу; стало совсем темно, и слышно было только журчание ручья.

Тропа шла мимо деревни и привела к большой дороге, по которой мы возвратились в шумный город.

Это был хорошо упитанный молодой человек, немногим старше двадцати лет, окончивший колледж и много путешествовавший. Он был нервный, с беспокойными глазами. Хотя было уже поздно, ему непременно хотелось побеседовать; он искал кого-нибудь, кто смог бы вместо него самого разобраться в том, что происходило в его уме. Выражал он свои мысли просто, без каких-либо претензий, не колеблясь в выборе слов. Проблема его была совершенно ясна, но только не для него; сам он ходил ощупью вокруг нее.

Мы не прислушиваемся и не раскрываем то, что *есть*; мы взваливаем наши идеи и мнения на другого, стараясь втиснуть его в рамки нашей мысли. Наши собственные мысли и суждения для нас много важнее, чем раскрытие того, что *есть*. То, что *есть*, — всегда простое, сложное — это мы. Мы превращаем простое, т.е. то, что *есть*, в сложное и запутываемся в этом сложном. Мы прислушиваемся только к возрастающему шуму, создаваемому нашим собственным хаосом. Для того чтобы слушать, надо обладать свободой. Это не означает, что внимание вообще не должно отвлекаться ни на что другое; ведь само мышление — это тоже форма отвлечения внимания от того, что *есть*. Мы должны быть свободны для того, чтобы пребывать в безмолвии; только тогда возможно слушать.

Он рассказал, что несколько раз с ним случалось следующее. В момент, когда он уже засыпал, он вдруг вскакивал с ощущением невероятного ужаса. Ему казалось, что комната внезапно теряла свои очертания, стены рушились, крыша и пол исчезали, а он оставался один, в великом страхе обливаясь холодным потом. Это повторялось уже в течение нескольких лет.

— Что вызывало ваш испуг?

«Не знаю; когда я в страхе пробуждаюсь, я иду к сестре, к отцу или матери и некоторое время разговариваю с ними, для того чтобы успокоиться, и только тогда засыпаю. Они понимают меня; но мне уже больше двадцати лет, и это становится довольно нелепым».

— Вас тревожит будущее?

«Да, в известной степени. Хотя у нас имеются средства, но эти страхи меня сильно тревожат».

— Почему?

«Я собираюсь жениться, и мне хотелось бы создать наилучшие условия для моей будущей

жены».

— Почему вы беспокоитесь о будущем? Вы еще совсем молодой, можете работать и предоставить вашей жене все необходимое. Стоит ли занимать свое внимание тревогами о будущем? Может быть, вы боитесь потерять свое общественное положение?

«Отчасти да. У нас есть автомобиль, имущество и доброе имя. Мне, конечно, не хотелось бы лишиться всего этого. Возможно, что это и является причиной моего страха. Впрочем, нет, не совсем так. Это страх небытия. Когда я просыпаюсь в ужасе, я чувствую, что погиб, разбит вдребезги, что я — ничто».

— Вполне возможно, что придет к власти новое правительство, вы можете потерять ваше имущество, ваши владения; но ведь вы так молоды и всегда сможете работать. Миллионы людей теряют свои материальные ценности; вам, быть может, также придется столкнуться с этим. Вообще не забывайте, что надо быть готовым разделить с другими то, чем вы владеете, а не быть единственным владельцем своих богатств. В вашем возрасте имеет ли смысл быть таким консервативным и бояться потерь?

«Вы понимаете, я хочу жениться на знакомой мне девушке. Меня беспокоит, как бы что-нибудь не помешало этому. Вообще-то говоря, едва ли могут возникнуть препятствия. Но мне ее не хватает; она тоскует без меня. Возможно, что это другая причина моего страха».

— В этом ли причина вашего страха? Вы сами говорите, что едва ли что-нибудь помешает вашему браку. Тогда откуда же этот страх?

«Да, конечно, мы всегда сможем вступить в брак. Следовательно, не это является причиной моего страха. Я думаю, что действительно страшусь небытия, боюсь потерять свою индивидуальность, свое имя».

— Если даже вы не будете тревожиться о своем имени и будете продолжать владеть вашей собственностью и прочее, разве у вас пройдет страх? Что мы понимаем под индивидуальностью? Быть тождественным с именем, с собственностью, с каким-либо лицом, с идеей; это означает быть связанным с чем-либо; получить признание, что вы есть то или это, приобрести ярлык в принадлежности к определенной группе, стране и т.д. Не боитесь ли вы потерять ваш ярлык?

«Конечно. А иначе чем же я буду? Да, это так».

— Таким образом, вы *есть* то, чем вы владеете. Ваше имя и репутация, автомобиль и другие владения, девушка, на которой вы собираетесь жениться, ваши желания — все это вы. Совокупность этого, с некоторыми характерными чертами и тем или иным значением, и составляет то, что вы называете «я». Вы — суммарный итог этого, и вы боитесь это потерять. Но, как и всякий другой, вы можете лишиться всего. Может возникнуть война, вспыхнуть революция или придут к власти левые группы. Может что-либо случиться, что лишит вас вашей собственности, сегодня или завтра. Но почему надо бояться неустойчивости? Не является ли неустойчивость истинной природой всего существующего? Против этой неустойчивости вы возводите стены, которые должны вас защитить. Но эти стены могут быть и будут разрушены. Временно вы можете этого избежать, но опасность неустойчивого положения остается всегда. Вы не можете уйти от того, что *есть*. То, что *есть*, всегда неустойчиво, нравится вам это или нет. Это не означает, что вам надо подчиниться, принять или отвергнуть это. Вы еще так молоды! Зачем вам бояться неустойчивости?

«Теперь, когда вы так ставите вопрос, я уже не думаю, чтобы меня страшила неустойчивость. Я нисколько не возражаю против того, чтобы работать. Ежедневно я занят на своей работе более восьми часов, и хотя она не особенно мне нравится, я могу и дальше там работать. Нет, я не боюсь потерять имущество, автомобиль и прочее; а мы с невестой, конечно, можем вступить в брак когда угодно. Мне теперь ясно, что ничто из всего этого не является

причиной моего страха. Но откуда же страх?»

— Давайте выясним вместе. Возможно, я мог бы сказать это вам, но тогда это не было бы вашим открытием; все останется на уровне слов и будет совершенно бесполезно. Понимание должно прийти в результате вашего собственного переживания, и это действительно важно. Открытие — это переживание. Выясним это вместе.

Если не страх потери, не боязнь внешней неустойчивости жизни, то что же вас тревожит? Не отвечайте сразу, сначала прислушайтесь, будьте внимательны, чтобы это выяснить. Вполне ли вы уверены, что то, чего вы боитесь, — не физическая неустойчивость? Вы говорите, что не боитесь физической неустойчивости. Если вы вполне в этом уверены и это не одни слова, тогда в чем же причина вашего страха?

«Я вполне уверен, что не боюсь оказаться в состоянии физической неустойчивости. Мы ведь можем вступить в брак и иметь то, что нам необходимо. Следовательно, не просто потеря вещей меня страшит, а что-то другое. Но что именно?»

— Вот это нам и предстоит выяснить. Не будем торопиться. Вы действительно хотите это понять?

«Конечно, хочу. Особенно сейчас, когда мы уже так далеко продвинулись вперед. Но что же все-таки меня страшит?»

— Для того чтобы понять, мы должны быть спокойны, внимательны, но нам не следует торопиться. Если вы не боитесь физической неустойчивости, то, может быть, вы страшитесь внутренней неустойчивости; может быть, вы боитесь того, что не будете в состоянии достичь цели, которую поставили перед собой? Не надо отвечать, вы только слушайте. Не чувствуете ли вы себя неспособным стать тем, чем вам хотелось бы быть? У вас, может быть, есть религиозный идеал; не чувствуете ли вы свою неспособность его осуществить или достичь? Не испытываете ли вы в связи с этим чувство беспомощности, сознание своей виновности и тщетности всех попыток?

«Вы совершенно правы. С тех пор как я слушал вас несколько лет тому назад, еще будучи юношей, вы сделались моим идеалом, если можно так выразиться: я хотел стать таким, как вы. В нашей крови заложены религиозные начала; мне казалось, что я мог бы осуществить их, но всегда был глубокий страх, что я никогда этого не достигну».

— Пойдемте не торопясь дальше. Итак, у вас нет страха внешней неустойчивости, но вы боитесь неустойчивости внутренней. Некоторые люди создают для себя внешнюю безопасность с помощью репутации, славы, денег и прочего, вы же хотите найти внутреннюю безопасность с помощью идеала; при этом вы чувствуете, что у вас нет способности достичь этого идеала. Но почему вы хотите уподобиться идеалу или достичь его? Не для того ли, чтобы обрести уверенность, почувствовать себя защищенным? Вы называете подобное убежище идеалом, но в действительности вы желаете быть в безопасности, получить надежную защиту, не так ли?

«Вот сейчас, когда вы на это указали, мне кажется, что так оно и есть».

— Вы понимаете это теперь, не правда ли? Но пойдемте дальше. Вы уже сознаете, какое малое значение имеет внешняя защищенность. Но понимаете ли вы ложность поисков внутренней защищенности путем уподобления идеалу? Идеал — это ваше убежище; он заменил деньги. Понимаете ли вы это по-настоящему?

«Да, понимаю».

— Тогда оставайтесь тем, что вы есть. Когда вы осознаете, что ваш идеал — ложный, он отпадет от вас. Вы — это то, что *есть*. Исходя из того, что есть, идите вперед, чтобы понять то, что *есть*, но не в направлении к особой цели, так как цель или результат всегда находится вне того, что *есть*. То, что *есть*, — это вы сами; не в какой-нибудь особый период жизни или в каком-то особом состоянии, но вы сами, каков вы есть в каждый данный момент. Не осуждайте

себя и не становитесь покорны тому, что вы осознаете, но будьте внимательны и не спешите истолковывать движение того, что *есть*. Это трудно, но в этом великая радость. Только для того, кто свободен, существует счастье; свобода же приходит одновременно с истиной того, что *есть*.

Он занимал министерский пост в правительстве, держался особняком и не был лишен некоторой бесцеремонности. Его привел или, вернее, притащил с собою его друг. У министра был удивленный вид; он, видимо, не ожидал, что окажется здесь. Друг его хотел обсудить некоторые вопросы и, по всей вероятности, считал, что и министру можно прийти и послушать беседу. Министр был любознателен и полон сознания своего превосходства. Он был крупного роста, с острым взглядом, говорил легко и свободно. Он уже достиг всего в жизни и с удобством устроился в кресле. Идти вперед — это одно, а достичь цели — совсем другое. Движение вперед — это постоянный процесс достижения; но достижение, за которым не следуют дальнейшие шаги вперед, — это смерть. Как легко мы получаем удовлетворение и как быстро наша неудовлетворенность сменяется удовлетворением. Мы жаждем найти убежище, гавань, которая укрыла бы нас от всевозможных конфликтов и большей частью мы ее находим. И умные, и глупые находят желанное убежище и пребывают там на страже, своей безопасности.

«В течение ряда лет я старался понять свою проблему, но не смог дойти до ее основ. В процессе работы я постоянно вызывал антагонизм и враждебные чувства у тех людей, которым старался помочь. Помогая одним, мне приходится сеять недовольство среди других. Одной рукой я даю, другой, по-видимому, причиняю боль. Все это происходило в течение гораздо более длительного срока, чем я могу припомнить. В настоящее время создалась ситуация когда от меня требуются решительные действия. Поистине, мне совсем не хотелось бы причинять боль кому бы то ни было. Но сейчас я нахожусь в затруднении и не знаю, что мне делать».

— Что является более важным: не причинять боли, не порождать враждебности или выполнять ту или иную работу?

«В процессе работы мне приходится причинять боль другим. Я принадлежу к числу тех, кто с головой уходит в свою работу; если я берусь за какое-нибудь дело, я отдаю себя целиком. Я всегда действовал подобным образом. По-видимому, я обладаю умением хорошо работать, но мне трудно переносить, если приходится встречаться с плохой работой. Когда начинаешь какое-либо социальное мероприятие, его надо провести с начала до конца; вполне естественно, что те, кто плохо или медленно работает, чувствуют себя уязвленными и настроены враждебно. Работа, направленная на помощь другим, важна; однако, принося помощь одним, приходится причинять боль тем, кто стоит на пути. Но мне действительно совсем не хотелось бы причинять боль другим. Я начинаю понимать, что в связи с этим надо что-то предпринять».

— Что для вас важно: работать или не причинять вреда людям?

«Когда видишь столько страданий и с головой уходишь в работу по переустройству страны, то в процессе работы неизбежно приходится кое-кого ущемлять, правда, в большинстве случаев против своего желания».

— Спасая одну группу людей, мы уничтожаем другую? Одна страна преуспевает за счет другой. Так называемые духовные люди, в своем рвении к осуществлению реформ, спасают одних и уничтожают других; они приносят благо и одновременно бедствия. Мы всегда благосклонны к одним и жестоки к другим. Почему? Что для вас более важно: работать или не причинять вреда?

«В конце концов, приходится некоторым людям причинять страдание — ленивым, неспособным, эгоистичным. Это, по-видимому, неизбежно. А разве вы не причиняете боли людям вашими беседами? Я знаю одного богатого человека, который был весьма уязвлен тем, что вы говорили о богатых».

— Я не хочу никому причинять боли. Если бы в процессе какой-либо работы людям

причинялась боль, тогда я отказался бы от этой работы. Я не занят работой, у меня нет плана реформ или революции. Для меня на первом месте стоит не работа, а то, чтобы не причинять боли другим. Если этот богач чувствует боль в связи с тем, что мною было сказано, то ведь он ущемлен не мной, но истиной того, что *есть*, которая ему не нравится; он не хочет быть разоблаченным. Но у меня не было намерения разоблачать другого. Если в какие-то моменты человек оказывается разоблаченным истиной того, что *есть*, он приходит в гнев от того, что видит, и сваливает вину на других; но это — всего лишь бегство от факта. Глупо сердиться на факт. Убегать от факта путем раздражения — это одна из общепринятых и наиболее безрассудных реакций.

Но вы не ответили на мой вопрос. Что для вас является более важным: работа или непричинение вреда людям?

«Работа должна быть выполнена, разве вы не согласны с этим?» — вставил министр.

— Почему она должна быть выполнена? Если в процессе помощи одним вы причиняете вред или губите других, то какова цена такой работе? Вы можете принести спасение вашей стране, но зато вы эксплуатируете или калечите другую. Почему вы так озабочены своей страной, своей партией, своей идеологией? Почему вы так отождествили себя со своей работой? Почему работа имеет такое большое значение?

«Мы должны работать, быть активными, иначе мы уподобимся мертвым. Когда в доме пожар, мы не можем в этот момент заниматься разрешением основных вопросов жизни».

— Для того, кто занят только деятельностью, основные проблемы жизни никогда не будут предметом обсуждения; такие люди заинтересованы только деятельностью, которая приносит поверхностное благодеяние и наносит глубокие раны. Но позвольте спросить вашего друга: почему именно этот вид работы является для вас таким важным? Почему вы так к ней привязаны?

«О, этого я не знаю. Но она дает мне огромное счастье».

— Следовательно, на самом деле вы заинтересованы не работой, но тем, что вы от нее получаете. Вы, возможно, не наживаете на этом деньги, но вы черпаете в ней счастье. Подобно тому, как другой человек, спасая свою страну или поддерживая партию, приобретает власть, положение и престиж, так и вы получаете радость от своей работы. Подобно тому, как другой человек обретает великое удовлетворение, которое он называет благословением, на пути служения своему спасителю, гуру, учителю, так и вы получаете удовлетворение в том, что вы называете альтруистической работой. В действительности совсем не страна, не работа, не спаситель оказывается для вас важным, но то, что вы из этого извлекаете. Наиболее важным оказывается ваше собственное счастье, а ваша работа как раз дает вам то, чего вы жаждете. На самом деле вы не заинтересованы в людях, которым, как вам кажется, вы помогаете; они — только средство для вашего счастья. Поэтому и получается, что вы наносите боль неспособным, всем тем, кто стоит на вашем пути; вам нужна работа, так как работа дает счастье. Это — звериное начало, но мы хитроумно прикрываем его благозвучными словами, например, служение, страна, мир, Бог и т.д.

Итак, позвольте вам сказать, что в действительности вы ничего не имеете против того, чтобы наносить боль тем, кто мешает успеху работы, которая дает вам счастье. Вы находите счастье в избранной вами работе; эта работа есть вы. Вы заинтересованы в том, чтобы быть счастливым, а работа создает для вас необходимые условия. Она приобретает особое значение, и вы, конечно, становитесь весьма деятельным, безжалостным, господствующим над другими во имя того, что дает вам счастье. Вот почему вы не обращаете внимания на то, что наносите боль людям и порождаете враждебные чувства.

«Никогда до сих пор я не рассматривал свою проблему подобным образом; все это

совершенно верно. Но что же мне делать?»

— Не является ли также важным выяснить причину, почему потребовалось столько лет, чтобы осознать такой простой факт?

«Мне кажется, что в действительности мне было все равно, как вы говорите, наношу ли я боль людям или нет; важно было добиваться своего. Но я обычно добивался своего, так как всегда был полон энергии и шел напрямик — то, что вы называете быть безжалостным, и в этом вы совершенно правы. Но что же мне теперь делать?»

— Вам понадобилось столько лет для того, чтобы понять такую простую вещь, потому что до сих пор вы не хотели понять этого. В самом деле, если бы вы это понимали, вам пришлось бы перейти в наступление на самые основы своей жизни. Вы искали счастье и нашли его, но за ним всегда следовал конфликт и антагонизм. А теперь, быть может, впервые вы смотрите прямо на то, что вы есть на самом деле. Что вам делать? Не существует ли другого подхода к работе? Нельзя ли быть счастливым и работать, вместо того чтобы искать счастья в работе? Если мы используем работу или людей как средство для достижения цели, то, очевидно, у нас нет ничего общего ни с работой, ни с людьми; это показывает, что мы просто не способны любить. Любовь — это не средство для достижения цели; она сама по себе есть вечность. Если я использую вас, а вы используете меня (в повседневном обиходе это называется взаимоотношениями), тогда мы представляем интерес один для другого лишь как средство к чему-то иному; в этом случае мы не заинтересованы по-настоящему друг в друге. Такое взаимное использование с неизбежностью порождает конфликт и антагонизм. Итак, что же вам делать? Постараемся вместе выяснить, что вам делать, вместо того чтобы ждать ответа от другого. Если вы сами сможете выяснить это, тогда то, что вы найдете, будет вашим собственным переживанием; оно будет реальностью, а не простым утверждением или умозаключением; это не будут одни слова.

«В чем же состоит моя проблема?»

— Нельзя ли поставить вопрос иначе? Какова ваша первая непосредственная реакция на вопрос: стоит ли работа на первом месте, а если не стоит, то что же оказывается на первом месте?

«Я начинаю улавливать, к чему вы стараетесь подвести. Мой первый ответ — это шок. Я совершенно ошеломлен, особенно когда осознал, что мне приходилось делать в процессе работы в течение стольких лет. Впервые я оказался лицом к лицу с тем, что *есть*, как вы это называете. Уверяю вас, это совсем не так приятно. Если мне удастся преодолеть это, может быть, передо мной раскроется то, что является важным, и тогда работа окажется естественным следствием. Но что именно находится на первом месте — работа или что-либо иное, — в данное время мне еще не ясно».

— Почему это не ясно? Является ли ясность вопросом времени или она зависит от вашего желания видеть? Исчезает ли желание не видеть само собой с течением времени? Не происходит ли ваше отсутствие ясности от того простого факта, что вы не хотите иметь этой ясности, так как она нарушила бы весь ход вашей повседневной жизни? Если вы осознаете, что намеренно откладываете свое видение, разве это не принесет вам ясность в тот же самый момент? Именно желание избежать этого создает неразбериху.

«Теперь это мне становится очень понятно. И, в сущности, не так уж важно, что именно я должен делать. Возможно, я буду делать то же, что я и делал до сих пор, но только с совершенно другим отношением к этому. Посмотрим».

СОЗИДАТЕЛЬНОЕ СЧАСТЬЕ

По берегам величественной реки раскинулся большой город. Широкие и длинные ступени ведут вниз, до самой воды. С раннего утра и до глубокой темноты на них всегдалюдно и шумно, так что кажется, будто на этих ступенях живет все население. Почти на уровне воды ступени несколько выдаются вперед; на них сидят люди, погруженные в свои надежды и желания, в своих богов и песнопения. Звенят колокола в храме; призывает к молитве муэдзин; кто-то поет, а собравшаяся кругом большая толпа слушает с молчаливым одобрением.

За изгибом реки, вверх по течению, стоит множество зданий. Вместе с аллеями, обсаженными деревьями, и широкими улицами они простерлись на несколько миль вглубь. Если идти вдоль реки, то, пройдя через узкий и грязный переулок, мы попадаем в обширное пространство, по которому рассеяно множество учебных заведений. Здесь учится много студентов со всей страны, пытливых, активных и шумных. Их преподаватели выглядят очень важными; они заняты интригами, добиваясь лучшего положения и жалования. Кажется, никто из них особенно не озабочен, что станет со студентами после того, как они окончат курс. Преподаватели сообщают им определенные знания, знакомят их с техническими приемами, которые одаренные студенты быстро схватывают. А когда получены дипломы, на этом все и кончается. Преподаватели имеют гарантированную работу, у них семьи и прочное положение. Студенты же по окончании курса обучения неизбежно столкнутся с хаосом и ненадежностью окружающей жизни. На всей земле существуют такие здания, такие преподаватели и такие студенты. Некоторые студенты достигают в своей жизни славы и положения; другие — рожают детей, борются и умирают. Государству нужны компетентные специалисты, управляющие, способные вести дело и руководить; и оно всегда имеет армию, церковь и бизнес. Всюду в мире одно и то же.

С целью изучения техники и получения работы, приобретения профессии мы загружаем свой ум фактами и знаниями, не правда ли? Конечно, в современном мире хороший техник обладает большими шансами заработать на жизнь. А что же дальше? Разве человек, овладевший техникой, может подойти к сложной проблеме жизни более правильно, чем тот, кто техникой не овладел? Профессия — то лишь часть жизни. Существуют ведь и такие ее стороны, которые являются скрытыми, тонкими, таинственными. Если делать упор на одном и отрицать остальное, или пренебрегать им, это неизбежно приведет к весьма однобокой и дезинтегрирующей деятельности. Как раз это и происходит в настоящее время в мире и ведет к нарастанию конфликтов, хаосу и несчастьям. Конечно, встречаются немногие исключения — это творчески одаренные, счастливые люди; они соприкасаются с тем, что не создано рукой человека, они не зависят от того, что создано умом.

Вам и мне внутренне присуще свойство быть счастливыми, быть творческими, соприкасаться с тем, что пребывает вне тисков времени. Созидательное счастье не есть дар, уготованный для немногих; но почему же огромное большинство людей не знает этого счастья? Почему одни достигают глубин, несмотря на трудности и случайности, тогда как другие оказываются сломленными? Почему одни обладают упругостью, гибкостью, в то время как другие остаются неподатливыми и гибнут? Несмотря на знания, одни держат двери ума открытыми для того, что не может дать им ни один человек, ни одна книга; другие же задыхаются, подавленные техникой и авторитетом. Почему? Совершенно очевидно, что наш ум стремится ухватиться за ту или иную форму деятельности и почувствовать себя уверенным, оставляя в стороне более широкие и глубокими вопросы, так как в этом случае он стоит на более надежной почве. Вот почему мы поощряем и поддерживаем воспитание ума: его тренировку и

его проявления именно на этом уровне, находя любые оправдания, чтобы не выйти за его пределы.

Многие дети, пока они не испорчены так называемым образованием, соприкасаются с неведомым. Они проявляют это различным образом. Но вскоре внешние условия берут их в плотное кольцо и, по достижении известного возраста, они теряют этот источник света, эту красоту, которую нельзя найти в книге или в школе. Почему так происходит? Не говорите, что жизнь приобрела для них большее значение, что им приходится столкнуться с суровой действительностью, что такова их карма или последствие родительских грехов. Все это абсурд. Созидательное счастье существует для всех, а не для немногих. Вы можете выражать его по-своему а я иначе; но существует оно для всех. Созидательное счастье не имеет рыночной цены. Оно — не товар, который можно продать тому, кто предложил наивысшую цену. Но это то единственное что может раскрыться для всех.

Возможно ли осуществить созидательное счастье? Иными словами, может ли ум войти в соприкосновение с тем, что является источником всякого счастья? Возможно ли держать наш ум открытым для непознаваемого, несмотря на обладание знаниями и техникой, несмотря на образование, несмотря на сутолоку нашей жизни? Это возможно, но лишь тогда, когда педагог сам воспитан в духе этой реальности, когда тот, кто учит, сам пребывает и соприкосновении с источником созидательного счастья. Итак, наша проблема — это не ученик, не ребенок, но педагог, родитель. Образование оказывается порочным кругом лишь тогда, когда мы не понимаем важности высшего счастья, его существенной необходимости по сравнению со всем остальным. В конечном счете, раскрытие себя по отношению к источнику всякого счастья — это наивысшая религия. Но для того чтобы осуществить в жизни это счастье, вам необходимо отдать ему должное внимание, так же, как вы это делаете в отношении к бизнесу. Профессия учителя — это не просто повседневный труд, это осуществление в жизни той красоты и радости, которые невозможно измерить мерой достижения и успеха.

Свет, исходящий от реального, и его блаженство угасает, когда ум, это седалище «я», принимает на себя руководство. Самопознание — это источник мудрости; без познания себя учение ведет к неведению, раздору и печали.

ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ

Он был глубоко захвачен помощью людям, выполнением добрых дел и принимал активное участие в различных организациях по социальной благотворительности. Он сказал, что фактически ни разу не пользовался длительным отдыхом и после окончания колледжа вел непрерывную работу во имя улучшения жизни людей. Денег за свою работу он, разумеется, не брал. Работа всегда казалась ему чрезвычайно важной, и он был весьма ей предан. Он стал выдающимся общественным деятелем, любящим свое дело. Но как-то на одной из бесед он услышал о различных способах бегства от себя, которые вызывают обусловленность ума, и пожелал выяснить этот вопрос.

«Как вы думаете, является ли участие в общественной деятельности проявлением обусловленности? Разве оно порождает лишь новые конфликты?»

— Давайте выясним, что мы понимаем под обусловленностью. Когда мы осознаем, что мы обусловлены? Осознаем ли мы это когда-либо? Осознаете ли вы, что вы обусловлены, или вы сознаете только конфликт, борьбу на разных уровнях вашего бытия? Мы сознаем, конечно, не обусловленность, а лишь конфликт, страдание и удовольствие.

«Что вы подразумеваете под конфликтом?»

— Любого рода конфликт; конфликт между нациями, между цельными социальными группировками, между индивидуумами, также конфликт внутри нас самих. Не оказывается ли конфликт неизбежным, пока нет единства между действующим и его действием, между вызовом жизни и ответом на него? Конфликт — это наша проблема, не правда ли? Не какая-то форма конфликта, но конфликт вообще, борьба между идеями, верованиями, идеологиями, борьба между противоположностями. Если бы не было конфликта, не было бы и проблем.

«Не считаете ли вы, что все мы должны стремиться к уединенной, созерцательной жизни?»

— Созерцание очень трудно, это одно из наиболее трудных для понимания состояний. Уединение, хотя каждый из нас сознательно или подсознательно к нему стремится, также не разрешит наших проблем; напротив, оно их лишь увеличит. Постараемся выяснить, каковы факторы обусловленности, которые усиливают конфликт. Мы осознаем только конфликт страдания и удовольствия, но мы не осознаем своей обусловленности. Что способствует обусловленности?

«Социальные или внешние влияния: общество, в котором мы рождены, культура, в которой мы воспитаны, экономическое и политическое давление и прочее».

— Это так; но все ли это? Разве эти влияния не созданы нами самими? Общество есть результат человеческих отношений, это совершенно очевидно. Эти отношения диктуются пользой, потребностью, желанием получить утешение, удовольствие, а это создает авторитеты, ценности, которые нас связывают. Эта связанность есть наша обусловленность. Мы связаны нашими мыслями и действиями, но не сознаем себя связанными; сознаем лишь конфликт, порожденный удовольствием и страданием. Мы, по-видимому, никогда не выходим за пределы конфликта, а если это и случается, то сразу же попадаем в новый конфликт. Мы не осознаем своей обусловленности. Но до тех пор, пока ее не осознаем, мы можем создавать лишь новые конфликты и новое смятение.

«Каким же образом человек может осознать свою обусловленность?»

— Это возможно в том случае, если мы поймем другой процесс, а именно, процесс привязанности. Если вы сможете понять, почему мы привязаны, тогда, возможно, вы будете в состоянии осознать свою обусловленность.

«Но не слишком ли это длинный обходной путь для того, чтобы непосредственно подойти к

нашей проблеме?»

— Так ли это? Попробуйте сразу осознать свою обусловленность. Вы можете познать ее лишь косвенно, по отношению к чему-либо. Вы не можете осознать свою обусловленность как некоторое абстрактное понятие; это будут лишь слова, не имеющие особого значения.

Мы осознаем только конфликт. Конфликт существует тогда, когда отсутствует единство между вызовом и ответом. Этот конфликт является результатом нашей обусловленности. Обусловленность — это привязанность: привязанность к работе, к традициям, к собственности, к людям, к идеям и т.д. Если бы не было привязанности, разве была бы тогда обусловленность? Конечно, нет. Итак, почему же у нас возникает привязанность? Я привязан к своей стране, так как благодаря отождествлению с ней я становлюсь тем или иным. Я отождествляю себя с работой, поэтому работа приобретает для меня значимость. Я — это моя семья, моя собственность; я привязан к ним. Объект привязанности создает для меня пути бегства от моей собственной пустоты. Привязанность есть бегство от себя, а как раз бегство от себя усиливает обусловленность. Если я привязан к вам, то причина этого заключается в том, что вы оказались путем для моего бегства от себя. Вот почему вы так мне необходимы; я должен обладать вами, держаться за вас. Вы становитесь фактором обусловленности, так как бегство от себя есть обусловленность. Если мы сможем осознать пути нашего бегства от себя, то увидим, какие факторы, какие влияния создают нашу обусловленность.

«Разве, занимаясь общественной деятельностью, я убегаю от себя?»

— Ведь вы привязаны к своей работе, не правда ли? Разве вы не почувствовали бы себя потерянным, опустошенным, объатым скукой, если бы у вас не было вашей работы?

«Конечно, почувствовал бы».

— Привязанность к работе и есть ваш уход от себя. Существуют способы бегства от себя на всех уровнях нашего бытия. Вы уходите от себя с помощью общественной деятельности, другой — через алкоголь, третий — выполняя религиозные обряды; этот — через приобретение знаний, тот — с помощью Бога, а еще кто-то — благодаря склонности к развлечениям. Все пути бегства одинаковы по существу; нельзя считать одни из них способами высшего, а другие — способами низшего порядка. Бог и алкоголь находятся на одном уровне, если они являются путем бегства от того, что мы есть. Только тогда, когда мы осознаем пути бегства, — сможем мы понять свою обусловленность.

«Но что я буду делать, если перестану убежать от себя с помощью общественной деятельности? Могу ли я вообще что-нибудь делать, не убегая от себя? Не являются ли вообще все мои действия той или иной формой бегства от того, что я есть?»

— Является ли ваш последний вопрос отражением действительности, того, что вы переживаете, или это вопрос, заданный на уровне слов? Что произойдет, если вы не будете убежать от себя? Испытали ли вы это когда-нибудь?

«То, о чем вы говорите, носит, если можно так выразиться, слишком негативный характер. Вы не предлагаете никакой замены для общественной деятельности».

— Не будет ли любая замена новой формой бегства от себя? Когда одна форма деятельности перестает вас удовлетворять или порождает конфликт, вы обращаетесь к другой. Если вы не понимаете, что такое бегство от себя, замена одной формы деятельности другой не принесет пользы, не так ли? Все эти формы бегства от себя и наша привязанность к ним порождают обусловленность. Обусловленность создает проблемы, конфликт. Именно обусловленность препятствует пониманию вызовов жизни; наш ответ, поскольку он обусловлен, неизбежно должен порождать конфликт.

«Как же можно освободиться от обусловленности?»

— Только путем понимания, благодаря осознанию наших путей бегства от себя. Наша

привязанность к тому или иному лицу, к работе, к идеологии — все это факторы, ведущие к обусловленности. Именно это вы должны понять, а не искать лучших или более осмысленных путей бегства. Все пути бегства неразумны, так как они неизбежно порождают конфликт. Если вы будете развивать в себе непривязанность, тогда это станет другой формой бегства от себя, бегства при помощи изоляции от других. Это не что иное, как та же привязанность, но к абстрактной идее, к идеалу, который вы называете непривязанностью, отрешенностью. Идеал — это фикция он создан умом; а уподобление себя идеалу есть бегство от того, что *есть*. Понимание того, что есть, адекватные действия по отношению к тому, что *есть*, происходят тогда, когда ум не ищет больше путей бегства. Сам процесс мышления по поводу того, что *есть*, — это бегство от того, что *есть*. Размышление по поводу проблемы есть бегство от нее, так как само мышление есть проблема, притом единственная проблема. Ум, который не хочет быть тем, что он *есть*, который страшится того, что он *есть*, — такой ум ищет различные пути бегства от себя. И все эти пути бегства суть мысль. До тех пор пока происходит процесс мышления, неизбежно остается и бегство от себя, и привязанность, которые лишь усиливают нашу обусловленность.

Освобождение от обусловленности наступает тогда, когда прекращается процесс мышления. Когда ум стал совершенно безмолвным, приходит свобода, — и тогда проявляется реальность.

СТРАХ ВНУТРЕННЕГО ОДИНОЧЕСТВА

Как важно умирать ежедневно, умирать каждую минуту по отношению ко всему, к многочисленным «вчера» и даже по отношению к моменту, который только что закончился! Без смерти нет обновления, без смерти нет творчества. Груз прошлого порождает его продолжение во времени, а тревоги вчерашнего дня дают новую жизнь сегодняшним тревогам. Вчерашний день продолжается в сегодняшнем, а завтрашний день — это все еще вчера. Избавление от этой непрерывности существует только в смерти. В умирании заложена радость. Вот это только что наступившее утро, свежее и ясное, свободно от света и тьмы вчерашнего дня; песня вон той птицы раздаётся впервые, а игры этих детей уже не те, что были вчера. Мы тянем за собой память о вчерашнем дне, и она омрачает нашу жизнь. Пока ум остается механической машиной, он не знает покоя, тишины, безмолвия, он постоянно изнашивается. То, что пребывает в тишине, может возрождаться; но то, что находится в непрерывной деятельности, изнашивается и является бесполезным. В завершении — живой родник, а смерть столь же близка нам, как и жизнь.

Она рассказала, что в течение нескольких лет занималась под руководством одного знаменитого психолога и длительное время была объектом психоанализа. Получив христианское воспитание, она изучила также индийскую философию и ее учителей, но никогда не входила в какую-либо группу и не связывала себя с той или иной системой мысли. Она всегда чувствовала неудовлетворенность и оставила даже психоанализ; а сейчас занялась благотворительной деятельностью. Она была замужем и пережила все горести и радости семейной жизни. На разных путях она искала внутреннего прибежища: в престиже общественного деятеля, в работе, в деньгах, в чарующей прелести этих мест около синего моря. Скорби множились, и она могла их переносить, но ей никогда не удавалось перейти известный уровень, который был довольно не глубок.

— Почти всё вокруг нас лишено глубины и быстро приходит к концу с тем, чтобы стать еще менее глубоким. Неисчерпаемое нельзя раскрыть при помощи деятельности ума.

«Я шла от одной формы деятельности к другой, от одной неудачи к следующей, всегда чем-то понуждаемая, всегда чего-то добиваясь. В данный момент я дошла до конца одного из путей, но прежде чем пойти, по другому, который захватит меня на многие годы, я подчинилась более сильному импульсу и приехала сюда. Я прожила хорошую жизнь, радостную и богатую, многим интересовалась, а некоторые вопросы изучила довольно глубоко. Но почему-то после всех этих лет я по-прежнему касаюсь только вершущек и, по-видимому, не в состоянии проникнуть за пределы какой-то границы. Мне хотелось бы проникнуть более глубоко, но я не могу этого сделать. Мне говорят, что я хорошо справляюсь с тем, что делаю, и как раз это меня связывает. Моя обусловленность носит добродетельный характер: я делаю добро другим, помогаю нуждающимся, бываю внимательной к людям, щедрой и т.п. Но все связывает, подобно любой другой обусловленности, а моя проблема — это быть свободной не только от указанной формы обусловленности, но вообще от всяких ее форм, выйти за их пределы. Желание освобождения сделалось настоящей необходимостью не только потому, что я прослушала ваши беседы, но и на основании моих собственных наблюдений и опыта. Сейчас я оставила благотворительную деятельность. Продолжу я ее или нет — будет видно в дальнейшем».

— Почему вы раньше не задали себе вопрос, какова причина, толкающая вас к той или иной форме деятельности?

«До сих пор мне никогда не приходилось спрашивать себя почему я занимаюсь общественными делами. Мне всегда хотелось помогать, делать добро, причем это не носило

характера сентиментальности. Я обнаружила, что люди, среди которых я живу, — не настоящие люди, а маски. Настоящие люди — это те, кто нуждается в помощи. Жить с теми, кто в масках, скучно и глупо; а жить с другими — это борьба и страдания».

— Почему вы занимаетесь благотворительной или какой-либо иной работой?

«Мне кажется, только для того, чтобы как-то проводить время. Люди должны жить и действовать, а мои склонности вели к тому, чтобы действовать как можно лучше. Я никогда не спрашивала себя, почему я все это делаю, но вот теперь мне нужно это выяснить. Прежде чем идти дальше, разрешите сказать, что я совершенно одинока. Хотя я вижу много людей, я одинока и люблю одиночество, — это состояние в какой-то степени порождает бодрость».

— Пребывать в уединении, в наивысшем смысле слова, имеет большое значение. Но то одиночество, которое связано с удалением от других людей, порождает чувство силы, власти, неуязвимости. Такое одиночество есть обособление от других, это бегство, это убежище. Но разве не важно выяснить, почему вы никогда не спросили себя о причине, побуждающей вас делать так называемые добрые дела? Не хотите ли вы разобраться это?

«Да, попробуем разобраться. Я думаю, что заняться всем этим меня заставил именно страх перед внутренним одиночеством».

— Почему вы употребляете слово «страх», говоря о внутреннем одиночестве? Внешне вы ничего не имеете против того, чтобы быть одинокой, но от внутреннего одиночества вы отворачиваетесь. Почему? Страх не есть нечто абстрактное, он существует только по отношению к чему-то. Страх не существует сам по себе, тогда это лишь слово. Но вы испытываете его, только соприкасаясь с чем-либо. Чего же вы боитесь?

«Я боюсь вот этого внутреннего одиночества».

— Страх внутреннего одиночества существует лишь в отношении к чему-то иному. Вы не можете бояться внутреннего одиночества, так как никогда не взглянули на него прямо; вы сейчас судите о нем с помощью того, что вам известно. Вы знаете свою ценность, если можно так выразиться, как общественного деятеля, как матери семьи, как способного и активного человека и т.д.; вы знаете цену вашего внешнего одиночества. И вот, сопоставляя все это, вы судите о внутреннем одиночестве, подходите к нему; вы знаете то, что было, но не знаете того, что *есть*. Когда то, что известно, смотрит на неизвестное, возникает страх; именно это и порождает его.

«Да, это совершенно верно. Я сравниваю мое внутреннее одиночество с тем, что знаю по опыту. Мой опыт порождает страх по отношению к тому, что я в действительности совсем не пережила».

— Следовательно, ваш страх — это не страх перед внутренним одиночеством; но ваше прошлое боится того, чего оно не знает, чего оно не переживало. Прошлое старается поглотить новое, сделать из него пройденный опыт. Может ли прошлое, которое есть вы сами, пережить новое, неизвестное ему? Известное может переживать только то, что ему присуще; оно никогда не может пережить новое, неведомое.

Когда вы даете неизвестному наименование, когда вы называете его внутренним одиночеством, вы лишь даете ему словесное обозначение. Тогда слово заменяет само переживание; слово — ширма для страха. Когда вы даете определение «внутреннее одиночество», такое определение закрывает сам факт, закрывает то, что *есть*. Вот это слово и порождает страх.

«Но мне кажется, что я не в состоянии прямо взглянуть на него».

— Постараемся прежде всего понять, почему мы не в состоянии взглянуть на сам факт и что именно мешает нам быть пассивно бдительными по отношению к нему. Не делайте попыток сразу же взглянуть на него. Я прошу вас спокойно выслушать то, что будет сказано.

Известное, т.е. наш прошлый опыт, стремится поглотить то, что оно называет внутренним одиночеством; но оно не может пережить его, так как не знает, что это такое. Оно знает определение, но не знает того, что лежит за словом. Неведомое не может стать предметом опыта. Вы в состоянии рассуждать или думать по поводу неведомого, вы можете испытывать перед ним страх; но мысль не в состоянии понять его, так как мысль есть результат известного, результат опыта. А поскольку мысль не может познать неведомое, она его боится. Страх остается до тех пор, пока мысль стремится пережить неведомое, понять его.

«Но что же тогда..?»

— Пожалуйста, слушайте. Если вы будете правильно слушать, вы поймете истину всего этого, и тогда истина окажется единственным возможным действием. Что бы мысль ни предпринимала по отношению к внутреннему одиночеству, все это есть бегство, отход от того, что *есть*. Уходя от того, что *есть*, мысль создает свою собственную обусловленность, которая делает невозможным переживание нового, неведомого. Страх — единственный ответ мысли на неведомое; мысль может называть его различными именами, но, тем не менее, это просто страх. Поймите же, мысль не в состоянии иметь дело с неведомым, с тем, что *есть*, если она прикрылась словами «внутреннее одиночество». Лишь когда вы это поймете, то, что *есть*, раскроет себя; тогда придет неизмеримое.

И, наконец, позвольте дать вам совет, все оставить в покое, так как есть; вы все выслушали и пусть это совершит свою работу. Когда почва вспахана, зерно посеяно, земля нуждается в покое, чтобы дать свершиться творению.

ПРОЦЕСС НЕНАВИСТИ

Многие годы она работала учительницей; была доброжелательна и приветлива, это почти стало ее привычкой. Она сказала, что около двадцати пяти лет занималась преподаванием и была счастлива в своей работе. Хотя под конец ей хотелось отойти от всего но к своей работе она была привязана по-прежнему. И вот совсем недавно она стала осознавать нечто, глубоко скрытое в ее характере. Она обнаружила это неожиданно во время одной из дискуссий и была по-настоящему удивлена и шокирована. Да, все случилось так, здесь не было простого самообвинения.

Когда она пересмотрела свои прошлые годы, то поняла, что это неожиданно вскрытое чувство всегда таилось внутри. В действительности в ней скрывалась ненависть. То не была ненависть в отношении к кому-либо, но чувство ненависти вообще, какой-то подавленный антагонизм по отношению ко всему и всем. Когда она впервые обнаружила это чувство, ей показалось, что оно поверхностно и от него нетрудно избавиться. Но шли дни, и она увидела, что это чувство совсем не мимолетно: глубоко укоренившаяся ненависть прошла через всю ее жизнь. Особенно ее шокировало то, что о себе она всегда думала, как о сердечном и добром человеке.

Любовь — странная вещь; пока в нее вплетена мысль, любви нет. Когда вы думаете о ком-нибудь, кого вы любите, это лишь становится символом приятных ощущений, воспоминаний, образов, но это не любовь. Мысль есть чувство, а чувство — не любовь. Сам процесс мышления уже является отрицанием любви. Любовь — это пламя без дыма мысли, ревности, антагонизма, использования для себя, т.е. всего того, что идет от ума. До тех пор пока сердце переполнено тем, что создано умом, неизбежна и ненависть, ибо сам ум есть местопребывание ненависти, антагонизма, противоречий, конфликтов. Мысль — это реакция, а реакция всегда, в том или ином виде, — источник враждебности. Мысль — это противодействие, ненависть; мысль всегда с кем-то соревнуется, всегда ищет цели, успеха; исполнение ее замыслов приносит чувство довольствия, а их крушение — ненависть. Конфликт — это мысль, выхваченная противоположностями; но и синтез противоречий — то опять-таки ненависть, антагонизм.

«Понимаете, я всегда думала, что люблю детей; когда они подрастали, то обычно приходили ко мне за утешением, если находились в тревоге. Я считала неоспоримым, что люблю их, особенно тех, кто пользовался моим расположением за пределами класса; но теперь мне понятно, что всегда существовало это подспудное движение ненависти, глубоко укоренившейся вражды. Что мне делать с такого рода открытием? Вы себе не представляете, как я была этим напугана, и хотя вы говорите, что мы должны стараться не осуждать, это открытие оказалось весьма неблагоприятным».

— Пытались ли вы также исследовать этот процесс ненависти?

Увидеть причину, сообразить, почему вы ненавидите, — сравнительно легко; но сознаете ли вы пути ненависти? Наблюдаете ли вы ненависть, как если бы это было какое-то незнакомое, новое животное?

«Все это оказалось для меня совершенно неожиданным; я никогда не пробовала наблюдать за процессом ненависти».

— Попытаемся проделать это сейчас и посмотрим, что получится; будем пассивно наблюдать за ненавистью, когда она постепенно начнет раскрываться. Не будьте шокированы, не осуждайте и не ищите оправданий, просто старайтесь пассивно наблюдать. Ненависть — это одна из *форм* разочарования, не правда ли? Самоосуществление и разочарование всегда идут вместе.

Каков ваш основной интерес, не как профессионала, но глубоко внутренний?

«Я всегда хотела заниматься живописью».

— Почему же вы не занимались ею? «Отец постоянно настаивал на том, что я не должна заниматься, тем, что не дает денег. Он был напористым человеком, а деньги были для него венцом всего; он никогда ничего не предпринимал, если это не давало денег или большей власти, большего престижа.

«Больше» было его божеством, а мы все были его детьми. Хотя я его любила, я всячески ему сопротивлялась. Тем не менее, мысль о том, как важно иметь средства, глубоко проникла и в меня. Я полюбила преподавательскую работу, может быть, потому, что она предоставляла возможность быть в положении хозяйки. Во время каникул я обычно рисовала, но это ни в коей мере меня не удовлетворяло: мне хотелось отдать живописи жизнь, а фактически я была в состоянии выделять какие-то два месяца в году. В конце концов, я перестала рисовать, но внутри меня продолжал гореть огонь. Теперь я понимаю, что все это питало антагонизм».

— Были ли вы замужем? Были ли у вас свои дети?

«Я влюбилась в женатого человека, и мы жили вместе тайно. Я отчаянно ревновала его к жене и детям, но панически боялась иметь своих детей, хотя мне этого так хотелось. Обычная семейная жизнь, ежедневное общение — всего этого я была лишена; и вот ревность превратилась в бешеную ярость. Ему пришлось уехать в другой город, но моя ревность никогда не ослабевала. Это было невыносимо. Чтобы забыть обо всем, я с еще большим энтузиазмом принялась за преподавательскую работу. Но теперь я вижу, что ревность сидит во мне по-прежнему; я ревную не его, так как его уже нет в живых, а всех счастливых людей, всех, у кого есть семья, кто преуспевает в жизни, почти каждого. Ведь мы могли бы жить вместе, но это оказалось невозможным».

— Ревность — это ненависть, не правда ли? Если человек любит, нет места ни для чего другого. Но у нас нет любви; дым удушает нашу жизнь, и пламя угасает.

«Я вижу теперь, что и в школе, и в отношениях с моими замужними сестрами, почти во всех моих отношениях во мне на прекращалась война, только она была скрыта от всех. Постепенно я становилась идеальным учителем. Сделаться идеальной преподавательницей было моей целью, и мои усилия получили признание».

— Чем сильнее идеал, тем глубже подавление, тем сильнее конфликт и антагонизм.

«Да, сейчас я вижу все это. Но странно, наблюдая себя, я ничего не имею против того, чтобы остаться тем, чем в действительности являюсь».

— Вы ничего не имеете против, так как это своего рода жесткое признание, не так ли? Признание, как таковое, дает нам какое-то удовлетворение; оно усиливает жизненную силу, чувство уверенности в познании себя; дает силу знания. Подобно тому, как ревность, хотя она и мучительна, создает приятное ощущение, так и в данный момент осознание вашего прошлого порождает чувство превосходства, которое также дает удовлетворение. Вы теперь нашли новое название для ревности, для разрушенных надежд, для вашей покинутости: это ненависть, это ваше знание того, что вы ненавидите. В познании заложена гордость, это иная форма антагонизма. Мы заменяем одну форму другой, но, по сути дела, все формы одни и те же, хотя, если их выразить в словах, они могут казаться различными. Следовательно, вы пойманы в сеть вашей собственной мысли, не так ли?

«Да, но что же еще можно сделать?»

— Не надо спрашивать, продолжайте наблюдать за процессом нашей собственной мысли. Как она хитра и обманчива! Она обещает нам избавление, но создает лишь новый кризис, новый антагонизм. Продолжайте пассивно наблюдать за ней, «и пусть истина того, что вы наблюдаете, раскроется сама.

«Придет ли тогда свобода от ревности, ненависти, от этой постоянной скрытой борьбы?»

— Когда вы надеетесь на что-либо, в положительном или отрицательном смысле, вы проецируете ваше собственное желание. Вы добьетесь его осуществления, но это окажется лишь подменой, и потому борьба будет продолжаться. Желание приобрести или избежать чего-то остается в поле противоположностей, разве не так? Поймите ложное таким, каково оно есть, и тогда появится истина. Вы не должны искать ее. Вы найдете то, что вы ищете, но это не будет истина. Подобным же образом подозрительный человек обнаруживает в другом человеке то, что он подозревал; это не так трудно, но это глупо. Вы же продолжайте пассивно осознавать весь процесс вашей мысли в целом, а также ваше желание освободиться от ненависти.

«Все это для меня необыкновенное открытие. Я начинаю понимать истину того, что вы говорите. Я надеюсь, что не потребуется много времени для того, чтобы выйти за пределы моего конфликта. У меня снова появилась надежда! Я буду безмолвно наблюдать и посмотрю, что получится».

ПРОГРЕСС И РЕВОЛЮЦИЯ

Это был храм, безупречно высеченный из камня, массивный и неразрушимый. В нем было более тридцати священнослужителей, обнаженных до пояса; их произношение санскритских слов было точным и ясным, и они понимали смысл песнопения. Глубина и звучание слов заставляла дрожать стены и колонны храма.

Люди, стоявшие внутри, безотчетно погрузились в безмолвие. Воспевалось творение, начало мира и рождение человека. Люди закрыли глаза, пение вызывало приятное волнение: ностальгические воспоминания о детстве, мысли о духовном прогрессе после тех юношеских дней и удивительное воздействие санскритских слов, радость услышать их снова. Некоторые сами повторяли слова, губы их шевелились. Атмосфера насыщалась сильными эмоциями; но священнослужители продолжали петь, а боги оставались безмолвными.

Как крепко мы держимся за идею прогресса! Нам приятно думать, что в будущем мы станем лучше, более милосердными, миролюбивыми и добродетельными. Мы охотно придерживаемся этой иллюзии, и только немногие глубоко осознают обманчивость подобного становления, понимают, что это лишь удовлетворяющий нас миф. Мы любим думать, что в будущем станем лучше, но пока продолжаем жить по-прежнему. Прогресс — такое утешительное, такое успокаивающее слово, которым мы гипнотизируем себя. То, что *есть*, не может стать чем-то иным; жадность никогда не может превратиться в свою противоположность, а насилие не может стать ненасилием. Мы можем превратить чугунную чушку в замечательную сложную машину, но прогресс — всего лишь иллюзия, если его применяют к становлению личности. Идея «я», являющегося в ореоле славы, — это простой обман страстного желания быть великим. Мы преклоняемся перед успехами государства, перед идеологией, перед личностью и обманываем себя утешающей иллюзией прогресса. Мысль может прогрессировать, стать чем-то большим, двигаться в направлении более совершенной цели; она в состоянии сделать себя безмолвной. Но пока мысль есть движения в сторону приобретения или отказа, — она только реакция. Реакция всегда порождает конфликт, а развитие конфликта — это новое смятение, новый антагонизм.

Это был революционер, готовый убивать других или быть убитым самому во имя своего дела, своей идеологии. Он был готов уничтожать других ради лучшей жизни. Разрушение существующего общественного порядка произведет, разумеется, еще больший хаос, но этот хаос может быть использован для построения бесклассового общества. Какое будет иметь значение, если вы погубите несколько человек или многих в процессе построения совершенного общественного порядка? Важен не человек сегодняшнего дня, а человек будущего. В новом мире, который они собираются построить, не будет неравенства между людьми, для всех найдется работа и будет всеобщее счастье.

— Как можете вы быть уверены в будущем? Что дает вам такую убежденность? Приверженцы религий обещают небо, а вы обещаете лучшую жизнь в будущем. У вас есть своя библия и свои служители, так же, как у них имеются свои; поэтому между вами и ими по сути дела нет большого различия. Но что же вселяет в вас уверенность, будто вы обладаете ясновидением в отношении будущего?

«Логически, если вы следуете по определенному пути, цель очевидна. Но, кроме того, история дает нам примеры, которые подкрепляют нашу позицию».

— Все мы трактуем прошлое в соответствии со своей специфической обусловленностью и своими предрассудками. Вы так же не уверены в завтрашнем дне, как и все остальные люди, и хвала небу за то, что это так! Вот почему приносить в жертву настоящее во имя иллюзорного будущего, очевидно, в высшей степени нелогично.

«Верите ли вы в изменение или вы — орудие капиталистической буржуазии?»

— Изменение — это модифицированная непрерывность, которую вы можете называть революцией; но истинная революция — совершенно иной процесс; она не имеет ничего общего с логической или исторической очевидностью. Подлинная революция заключается в понимании всего процесса действия; это — действие, взятое не на каком-то отдельном уровне, экономическом или идеологическом, но действие как интегрированное целое. Такое действие не является реакцией. Вы знаете лишь реакции: реакцию антитезиса, а также следующую за ней реакцию, которую вы называете синтезом. Но интеграция — не интеллектуальный синтез, это не словесное утверждение, основанное на изучении истории. Интеграция может проявиться только тогда, когда имеется понимание реакций. Ум — это серия реакций; а революция, основанная на реакциях, на идеях, — вообще не революция, но лишь видоизмененное продолжение того, что было. Вы можете называть ее революцией, но на самом деле это не революция.

«Что же такое для вас революция?»

— Изменение, основанное на идее, — это не революция. Идея — это ответ памяти, и, следовательно, идея — это реакция. Подлинная революция возможна лишь тогда, когда идеи потеряли свое значение и отошли на задний план. Революция, рожденная из антагонизма, перестает быть тем, чем она себя называет; тогда это лишь оппозиция, а оппозиция никогда не может быть творческой.

«Та революция, о которой вы говорите, — это чистая абстракция, для современного мира она нереальна. Вы — стихийный идеалист, в высшей степени непрактичный».

— Как раз наоборот, идеалист — это человек, живущий идеями; именно он не может быть революционером. Идеи разделяют, а всякое разделение — это дезинтеграция, а совсем не революция. Человек, обладающий идеологией, занят идеями, словами, и он далек от непосредственных действий; он избегает непосредственного действия. Идеология препятствует непосредственному действию.

«Итак, вы думаете, что установить равенство благодаря революции невозможно?»

— Революция, основанная на идее, как бы она ни была логична, как бы она ни соответствовала исторической необходимости, не может принести людям равенство. Сама функция идеи — это разделение людей. Вера, религиозная или политическая, восстанавливает одного человека против другого. Так называемые религии разделили людей и продолжают делать это сейчас. Организованная вера, то, что называется религией, подобна всякой другой идеологии. Это продукт ума; поэтому она несет разделение. А разве вы с вашей идеологией не делаете то же самое? Вы также создаете ядро или группу вокруг некоторой идеи, вы хотите включить всех в вашу группу, так же, как этого хотят верующие. Вы хотите спасти мир своим путем, а они своим. Вы убиваете и уничтожаете друг друга — и все это во имя создания лучшего мира. Никто из вас не заинтересован в создании лучшего мира, но лишь в том, чтобы придать миру такую форму, которая соответствует вашей идее. Но как может идея создать равенство?

«Внутри круга идей мы все равны, хотя можем выполнять различные функции. Мы прежде всего суть отображения идеи, а потом уже — индивидуальные исполнители. Выполнение обязанностей подразумевает градации, но их нет, если рассматривать каждого как представителя идеологии».

— Как раз это утверждает и любая организованная вера. В глазах Бога мы все равны, но возможности наши различны; хотя жизнь и одна, но социальные деления неизбежны. Подменяя одну идеологию другой, вы не изменили весьма существенного факта, заключающегося в том, что целая группа или один индивидуум смотрит на других, как на стоящих ниже. В действительности, неравенство существует на всех уровнях бытия. У одного есть способности, у

другого их нет; один может руководить, другой — подчиняться; у одного неподвижный ум, другой же обладает восприимчивым умом, способным быстро приспособиться к обстановке; один может рисовать или писать, другой — обрабатывать землю; один — ученый, другой — метельщик. Неравенство — очевидный факт, и никакая революция не может с ним покончить. То, что делает так называемая революция, — это подмена одной группы другой, а новая группа берет в свои руки политическую и экономическую власть и становится новым высшим классом, который старается усилить себя теми или иными привилегиями и т.п. Такая группа знает все хитрости и приемы другого класса, который был свергнут. Разве она устранила неравенство?

«Со временем новый класс уничтожит неравенство. Когда весь мир будет разделять наш образ мысли, тогда будет создано идеологическое равенство».

— Но ведь это совсем не равенство, это лишь идея, теория, мечта об ином мире, подобная грезам религиозного верующего. Как близки вы один к другому! Идеи разделяют людей, они вносят разобщение, они противопоставляют одного другому, они вызывают конфликт. Идея никогда не может создать равенство, даже в своем собственном мире. Если бы мы все верили в одно и то же, в то же самое время, находясь на одном и том же уровне, тогда у нас было бы равенство определенного типа. Но это невозможно; это чистая абстракция; она может привести лишь к иллюзии.

«Итак, вы отвергаете всякое равенство. Разве вы не проявляете цинизма, осуждая любые попытки осуществить равные возможности для всех?»

— Я не проявляю цинизма, но лишь утверждаю очевидные факты. Я совсем не против равных возможностей для всех. Конечно, можно пойти дальше, и, может быть, найти эффективный подход к проблеме неравенства, но лишь тогда, когда мы поймем действительность, то, что *есть*; если мы подойдем к тому, что *есть*, с идеей, с готовым выводом, с мечтой, тогда мы не поймем того, что *есть*. Наблюдение с предубежденным умом совсем не есть наблюдение. Факт остается фактом, а именно: на всех уровнях сознания, жизни, существует неравенство, и что бы мы ни делали, мы не можем этого изменить.

Далее, возможен ли иной подход к факту неравенства без того, чтобы создавать новый антагонизм, новое разделение? Революция использует человека как средство на пути к конечной цели. Для нее важна цель, а не человек. Религии утверждали, по крайней мере на словах, что важен человек, но и они использовали человека для утверждения веры, догмы. Использование человека для той или иной цели неизбежно укрепляет разделение на высших и низших; отделение тех, кто находится вблизи, от тех, кто находится вдали; тех, кто знает, от тех, кто не знает. Это разделение — психологическое неравенство; оно является разлагающим фактором для общества. В настоящее время мы повсюду видим, что взаимоотношения между людьми построены на выгоде; общество использует индивидуума так же, как индивидуумы используют друг друга, чтобы теми или иными путями извлечь пользу. Подобное использование одного другим является основной причиной психологического разделения людей на противостоящих друг другу индивидуумов.

Мы перестанем использовать друг друга только тогда, когда идея не будет определяющим фактором во взаимоотношениях между людьми. Одновременно с идеей приходит эксплуатация, а эксплуатация питает антагонизм.

«Но что же это за фактор, который может вызвать коренную революцию?»

— Любовь — единственный фактор, который может обеспечить коренную революцию. Любовь — это единственная истинная революция. Но любовь — не идея; она приходит, когда нет мысли. Любовь — не инструмент пропаганды; ее нет необходимости культивировать или возглашать с крыш домов. Когда не будет флагов, верований, лидеров, идей в форме запланированных действий, — тогда лишь проявится любовь. Любовь — это единственная

творческая и перманентная революция.

«Но разве любовь будет управлять техникой?..»

Дождь прекратился; дороги очистились, а с деревьев была смыта пыль. Земля освежилась; в пруду громко квакали лягушки, толстые, с раздутым от удовольствия горлом. Трава сверкала нежными капельками воды, а на земле после сильного ливня воцарился мир. Стада промокли насквозь, но во время дождя никто не ушел под укрытие, и сейчас все с довольным видом щипали траву. Несколько мальчиков играли в протоке, которая образовалась после дождя на обочине. Они были без одежды, с блестящими телами и сияющими глазами; на них было радостно смотреть. Они пользовались временем, отведенным их возрасту, и как были счастливы! Ничто, кроме игры, не имело для них значения; когда один из нас сказал им что-то, они радостно улыбнулись, хотя и не поняли ни слова. Солнце заходило, и тени становились глубокими.

Как необходимо для ума очищать себя от всякой мысли, быть постоянно пустым, не становиться пустым, но просто быть; умирать для всякой мысли, для всех воспоминаний вчерашнего дня и даже в отношении наступающего часа! Умирать так просто, а продлевать тяжело, потому что продление — это усилие быть или не быть. Усилие — это желание, а желание может умереть лишь тогда, когда ум прекратит добиваться, стяжать успех. Как легко жить просто! И это отнюдь не застой. Великое счастье в том чтобы не иметь желаний, не быть тем или иным, никуда не стремиться. Когда ум очищает себя от всех мыслей, только тогда приходит творческое безмолвие. Ум не может быть безмолвным, пока он блуждает в поисках достижений. Достижение для ума означает добиться успеха, а успех всегда одинаков, будет ли он в самом начале или в конце. Ум не может стать чистым, если он продолжает плести ткань собственного становления.

Она рассказала, что всегда была деятельна в разных областях жизни: и с детьми, и в общественных делах, и в спорте. Но за этой активностью стояла внутренняя опустошенность, мертвящая и непрестанная. Ей было скучно от жизненной рутины, от удовольствий, от страданий, от лести, вообще от всего. Насколько она могла припомнить, скука, подобно туче, стояла над всей ее жизнью. Она делала попытки уйти от нее, но любой новый интерес вскоре приедался и превращался в мертвящую усталость. Она много читала, прошла через обычные трудности семейной жизни, но на всем этом лежала печать томящей пустоты. Это не было связано со здоровьем, так как физически она чувствовала себя хорошо.

— Как вы думаете, почему у вас появилась скука? Может быть, это результат крушения или подавления какого-либо глубокого желания?

«Едва ли. У меня было несколько трудностей внешнего порядка, но они никогда меня не волновали. Когда они появлялись, я встречала их радостно и достаточно разумно и никогда не бывала выбита из колеи. Не думаю, что мое волнение и беспокойство было крушением надежд, так как я всегда могла иметь все, что хотела. Я же не просила луну с неба и была благоразумна в своих требованиях; но, тем не менее, это чувство скуки никогда меня не покидало, была ли я с семьей или на работе».

— Что вы понимаете под скукой? Имеете ли вы в виду неудовлетворенность? Не означает ли это, что ничто не дает вам полного удовлетворения?

«Это не совсем так. Я воспринимаю неудовлетворенность совершенно так же, как и любой нормальный человек, но я могу примириться с неудовлетворенностью, которой нельзя избежать».

— Чем вы интересуетесь? Имеется ли у вас какой-нибудь глубокий интерес?

«Едва ли. Если бы у меня был какой-либо глубокий интерес, мне никогда не было бы

скучно. Уверяю вас, по природе я — энтузиастка, и если бы у меня возник глубокий интерес, я не рассталась бы с ним так легко. У меня было много непродолжительных увлечений, но все они, в конце концов, завершались этой мрачной тучей душевной опустошенности».

— Что вы понимаете под интересом? Откуда этот переход от интереса к скуке? Что означает интерес? Вы интересуетесь тем, что вам нравится, что доставляет вам удовольствие, не правда ли? Не является ли такой интерес процессом приобретения? Вы, конечно, не проявляли бы интереса к тому или иному объекту, если бы не имели в виду что-то приобрести, не так ли? У вас поддерживается интерес, пока вы приобретаете. Само приобретение есть интерес, не правда ли? Вы стремились получить удовлетворение от всего, с чем соприкасались; и когда вы использовали все до конца, вполне естественно, что вам все надоело. Всякое приобретение есть форма скуки, душевной усталости. Мы жаждем новых игрушек. Как только нам надоела одна из них, мы обращаемся к другой, причем всегда находится новая игрушка, на которую мы обращаем внимание. Мы направляем внимание на тот или иной предмет в надежде что-то приобрести. Предметом приобретения может быть удовольствие, знание, слава, власть, умение, семья и прочее. Когда уже нет ничего нового, что можно было бы получить от какой-нибудь религии, от какого-либо спасителя, мы теряем к ним интерес и обращаемся к другой религии. Некоторые предпочитают дремать, пребывая в какой-нибудь организации, и никогда не просыпаются, а те, которые, наконец, пробуждаются, вновь засыпают, присоединяясь к другой организации. Вот это движение, направленное к приобретению, называют расширением мысли, прогрессом.

«Неужели интерес — это всегда стяжание?»

— Да, это так. Разве вы интересовались бы чем-либо, если бы это ничего вам не давало, будь то спортивная игра, разговор, книга, человек? Если рисование вам ничего не дает, вы проходите мимо него, если то или иное лицо не стимулирует вас, не может расшевелить тем или иным способом, если ваши взаимоотношения не дают вам ни радости, ни горя, тогда вы теряете интерес к нему, вам становится скучно. Вы этого не замечали?

«Замечала. Но я никогда до сих пор не подходила к этому вопросу подобным образом».

— Вы не пришли бы сюда, если бы чего-то не хотели. Вы хотите быть свободной от скуки; так как я не могу дать вам это освобождение, то она снова овладеет вами. Но если мы сможем вместе понять процесс приобретения, интереса, скуки, тогда, возможно, придет свобода. Свободу нельзя приобрести. Если вы ее приобретете, вам скоро станет с нею скучно. Не притупляет ли стяжание ум? Приобретение, позитивное или негативное, — это бремя. Как только вы что-то приобрели, вы теряете к нему интерес. Желая приобрести, вы оживлены, заинтересованы; но владение — это скука. Вы можете хотеть владеть большим, но стремление к большему — это лишь движение к скуке. Вы пробуете различные формы стяжания, но пока существует усилие, направленное к стяжанию, до тех пор поддерживается интерес. Приобретение всегда имеет конец, поэтому всегда существует скука. Не это ли происходит с вами?

«Я думаю, что да. Но я не совсем уловила значение того, что было сказано».

— Сейчас все выяснится. Обладание утомляет ум. Всякое приобретение — будет ли это знание, собственность, добродетель — ведет к невосприимчивости. Природа ума состоит в том, чтобы достигать, поглощать, не так ли? Или вернее, образец, который ум для себя создал, представляет собой модель накопления. Такой деятельностью ум готовит собственную усталость и скуку. Интерес, любопытство — это начало стяжания, которое вскоре становится скукой; а стремление быть свободным от скуки — всего лишь другая форма стяжания, владения. Так ум переходит от скуки к интересу и снова к скуке, пока не дойдет до крайней усталости; и эти, следующие одна за другой волны интереса и усталости считают жизнью.

«Но как можно быть свободной от стяжания, чтобы больше его не было?»

— Только познав на опыте истину всего процесса стяжания, достижения, и не стараясь быть не склонной к стяжанию, отрешенной. Быть не склонной к стяжанию — это всего лишь другая форма склонности к стяжанию, которая скоро становится изнурительной, наводящей тоску. Трудность, если можно так выразиться, состоит не в словесном понимании того, что сказано, но в том, чтобы испытать, пережить на опыте ложное как ложное. Увидеть истинное в ложном — это начало мудрости. Для ума трудно пребывать в безмолвии, так как ум всегда беспокоен, всегда находится и погоне за чем-то, всегда приобретает или отказывается. Ум никогда не бывает тихим; он ищет и находит, он находится в непрерывном движении. Прошлое, отбрасывая тень на настоящее, создает свое собственное будущее. Это — движение во времени, и между мыслями едва ли когда-нибудь бывает промежуток. Одна мысль следует за другой без перерыва; ум постоянно оттачивает ими себя и изнашивается. Если все время затачивать карандаш, то вскоре от него ничего не останется; аналогично и ум постоянно использует себя и приходит к истощению. Ум всегда боится прийти к концу. Но жизнь — это постоянное завершение изо дня в день; это умирание по отношению ко всякому стяжанию, к воспоминаниям, переживаниям, к прошлому. Как может происходить жизнь, если существует переживание, опыт? Опыт — это знание, память; но является ли память, воспоминание состоянием переживания? Присутствует ли в состоянии переживания память как переживающий? Очищение ума — это жизнь, это творчество. Красота существует в процессе переживания, не в пережитом, потому что пережитое — это всегда прошлое, а прошлое не является тем, что мы переживаем, оно не живое. Очищение ума — это успокоение сердца.

Мы проехали полосу оживленного движения и с главной улицы свернули в тихий переулок. Оставив машину, пошли по дороге, которая вилась среди пальмовых рощ и вдоль зеленого, уже созревающего рисового поля. Как прекрасно было это длинное, изогнутое рисовое поле, обрамленное высокими пальмами! Был прохладный вечер, и слабый ветерок слегка колыхал на деревьях густую листву. Неожиданно за поворотом дороги показалось озеро. Оно было длинное, неширокое и глубокое. Пальмы по обеим его сторонам стояли так тесно одна к другой, что пройти между ними было почти невозможно. Ветерок по воде гнал рябь, а вдоль берега слышалось журчание и приглушенный шум голосов. Несколько мальчиков купались нагишом, не стыдящиеся и свободные. Их тела блестели и были прекрасны, хорошо сложенные, стройные и гибкие. Они заплывали до середины озера, потом возвращались и плыли снова. Тропа вела мимо деревни. На обратном пути над водой сияла полная луна. Мальчики ушли. Лунный свет отражался в воде, а пальмы стояли, как белые колонны в тенистом мраке.

Он приехал издалека и жаждал выяснить вопрос о том, как подчинить ум. Он сказал, что вполне сознательно удалился от мира и вел весьма простую жизнь с родственниками, и все время тратил на то, чтобы побороть свой ум. В течение многих лет он делал упражнения по определенной системе, но ум все еще не находился под контролем и всегда готов был вырваться на свободу, подобно животному на привязи. Он подвергал себя голоданию, но это не помогало; производил эксперименты с диетой — это немного улучшило дело, но не внесло мира. Его ум постоянно создавал те или иные образы, восстанавливая сцены прошлого, уже пережитые чувства и события, или же думал о том, что вот завтра он достигнет тишины. Но это завтра никогда не наступало, а упражнения сделались сплошным кошмаром. Чрезвычайно редко ум бывал безмолвен, но и это безмолвие вскоре становилось предметом воспоминаний, событием прошлого.

— То, что человек преодолел, он должен преодолевать вновь и вновь. Подавление — одна из форм преодоления, так же как замена одного другим и сублимация. Желание победить неизбежно порождает новый конфликт. Почему вы хотите покорить свой ум, успокоить его.

«Я всегда интересовался религиозными вопросами, изучал многие религии. Все они говорят, что для познания Бога ум должен стать безмолвным. С тех пор, как я себя помню, я всегда жаждал найти Бога, непреходящую красоту мира, красоту вот этого рисового поля и этой запущенной деревни. Передо мной раскрывалась весьма многообещающая карьера; я был за границей и все прочее; но однажды я просто ушел от этого в поисках безмолвия. Я слышал то, что вы говорили вчера о безмолвии, и вот я пришел сюда».

— Для того чтобы найти Бога, вы стараетесь подчинить свой ум. Но разве тишина ума — это путь к Богу? Разве безмолвие — это монета, которая раскроет врата небес? Вы хотите купить себе путь к Богу, к истине — назовите это как угодно. Но можно ли купить вечное за добродетели, отречение или умерщвление плоти. Мы думаем, что если будем выполнять определенные действия, упражняться в добродетели, соблюдать целомудрие, удаляться от мира, то сможем измерить неизмеримое. Но ведь это — коммерческая сделка, разве не так? Наша «добродетель» оказывается средством для достижения цели.

«Однако дисциплина необходима для того, чтобы подчинить ум, а иначе не наступит мир. Я просто-напросто в недостаточной степени прошел курс дисциплины, и это — моя ошибка, а не вина дисциплины».

— Дисциплина — это средство для достижения цели. Но ведь ваша цель — неведомое. Истина — это неизвестное, она не может быть известным; если она является известным, то это

не истина. Если вы можете измерить неизмеримое, то это не есть неизмеримое. Наша мерка — слово; но слово не есть реальное. Дисциплина — это средство, а средство и цель — совсем не два различных явления, не правда ли? Несомненно, цель и ведущие к ней средства — это одно. Средства — это цель, единственная цель; не существует цели вне средств. Насилие как средство достижения мира — это лишь продолжение насилия. Средства — вот все, что имеет для вас значение, а совсем не цель; цель определяется средствами; цель — не нечто отдельное, существующее вне средств.

«Я хочу внимательно все выслушать и постараться понять то, что вы говорите. Если мне не все будет понятно, я переспрошу».

— Вы используете дисциплину, контроль в качестве средства для достижения тишины ума, разве не так? Дисциплина предполагает сообразование с образцом; вы устанавливаете внутренний контроль для того, чтобы быть тем или иным. Не является ли дисциплина, в сущности, насилием? Когда вы дисциплинируете себя, это, может быть, доставляет вам удовлетворение; но не является ли само это удовлетворение какой-то формой сопротивления, которое культивирует новый конфликт? Не оказывается ли так, что практическое применение дисциплины равносильно культивированию самозащиты? Но ведь то, что является предметом защиты, всегда будет подвергаться нападению. Не влечет ли за собой дисциплина подавление того, что *есть*, с целью достижения желаемого результата? Подавление, замена одного другим, сублимация — все это укрепляет усилие и вызывает новый конфликт. Вы можете добиться успеха в подавлении какого-нибудь заболевания, но оно снова появится в другой форме, пока вы не вырвете его с корнем. Дисциплина — это подавление, преодоление того, что *есть*. Дисциплина — это насилие; итак, с помощью «ложных» средств мы надеемся достичь «истинной» цели. Но возможно ли, чтобы благодаря сопротивлению проявилась свобода, истина? Свобода существует с самого начала, а не в конце: цель — это первый шаг, а средства — это результат. Первым шагом должна быть свобода, а не последним. Дисциплина включает принуждение, в тонкой или грубой форме, исходящее извне или наложенное на себя изнутри. Но где имеется принуждение, там страх. Страх, принуждение используются как средство для достижения цели, цели, являющейся любовью. Но может ли любовь быть достигнута через страх? Любовь существует тогда, когда нет страха, на каком бы то ни было уровне.

«Но без некоторого принуждения, приноравливания может ли вообще функционировать ум?»

— Сама деятельность ума есть препятствие к его собственному пониманию. Вы никогда не замечали, что понимание приходит лишь тогда, когда ум, как мысль, перестает действовать? Понимание приходит с прекращением процесса мышления, в интервале между двумя мыслями. Вы говорите, что ум должен быть безмолвен и, однако, выражаете желание, чтобы он продолжал функционировать. Если в отношении к своему уму мы сумеем проявить искреннее внимание, наблюдательность — мы его поймем; но наш подход настолько сложен, что он препятствует пониманию. Мы не говорим, конечно, о дисциплине, контроле, подавлении, сопротивлении, но о процессе и прекращении самой мысли. Когда мы говорим, что ум блуждает, то что это значит? Это просто означает, что мысль непрерывно перескакивает от одного соблазна к другому, от одной ассоциации к другой и находится в постоянном возбуждении. Возможно ли для мысли прийти к концу?

«Как раз к этому и сводится моя проблема. Я хочу прекратить мысль. Мне понятна теперь бесполезность дисциплины; я действительно вижу всю ложность и неразумность этого курса и в дальнейшем не буду его придерживаться. Но как мне покончить с мыслью?»

— Опять-таки прошу вас выслушать без предубеждений, не противопоставляя друг другу своих или чужих выводов; слушайте, чтобы понять, а не просто для того, чтобы принять или

отвергнуть. Вы спрашиваете, каким образом можно покончить с мыслью. Являетесь ли вы, мыслящий, сущностью, отдельной от ваших мыслей? Полностью ли вы отличны от них? Не являетесь ли вы вашими собственными мыслями? Мысль может поставить мыслящего на весьма высокий уровень, назвать его тем или иным именем, отделить от себя — и, тем не менее, мыслящий продолжает оставаться в рамках мыслительного процесса, не так ли? Существует лишь мысль, и эта мысль создает того, кто мыслит; она придает ему форму и делает его перманентной, отдельной сущностью. Мысль видит, что она сама непостоянна, находится в непрерывном движении; поэтому она порождает мыслящего, как неизменную сущность, отдельную и отличную от нее самой. Вот теперь мыслящий начинает оперировать мыслью; мыслящий говорит: «Я должен покончить с мыслью». На самом деле, существует только процесс мысли и не существует того, кто мыслит, находясь вне мысли. Крайне важно пережить эту истину, чтобы не было простого повторения фраз. Существуют только мысли, но не мыслящий, который ими мыслит.

«Но каким образом первоначально возникает сама мысль?»

— Она появляется благодаря восприятию, соприкосновению, ощущению, желанию и отождествлению, «я хочу», «я не хочу» и т.д. Это довольно просто, не правда ли? Наша проблема состоит в том, каким образом мысль может прийти к концу. Любая форма принуждения, сознательная или бессознательная, совершенно бесполезна, так как предполагает существование того, кто контролирует, того, кто дисциплинирует; а такой сущности, как мы видели, нет. Дисциплина — это процесс осуждения, сравнения, оправдания. Но когда нам совершенно ясно, что не существует такой отдельной единицы, как мыслящий, как тот, кто дисциплинирует, тогда остаются только мысль и процесс мышления. Мышление — это ответ памяти, опыта, прошлого. Это опять-таки необходимо понять, и не на словесном уровне: это должно стать предметом переживания. Вот тогда появляется пассивная бдительность, при которой нет мыслящего, приходит такое осознание, при котором мысль полностью отсутствует. Ум — это совокупность прошлого опыта, сознание «я», которое всегда пребывает в прошлом; он спокоен лишь тогда, когда не проецирует себя, то есть когда в нем отсутствует желание становления.

Ум пуст только тогда, когда мысль отсутствует. Мысль может прийти к концу не иначе, как через пассивное наблюдение каждой мысли. В таком осознании нет наблюдающего, нет критика; а при отсутствии критического взгляда существует одно только переживание. В состоянии переживания нет ни того, кто переживает, ни того, что является предметом переживания. Предмет переживания — это мысль, которая порождает мыслящего. Только тогда, когда ум находится в состоянии переживания, приходит тишина, безмолвие, которое не создано, не составлено из частиц. Только в таком безмолвии может проявиться реальное. Реальное — вне времени и вне измерения.

КОНФЛИКТ. СВОБОДА. ОТНОШЕНИЕ

«Конфликт между тезисом и антитезисом неизбежен и необходим. Он влечет за собой синтез, а из синтеза снова рождается тезис с соответствующим антитезисом и так далее. Существует непрерывный конфликт, и только благодаря конфликту всегда происходит всякий рост, всякий прогресс».

— Приносит ли конфликт понимание наших проблем? Ведет ли он к росту и прогрессу? Он может обусловить второстепенные улучшения, но разве по своей природе конфликт не является фактором разрушения? Почему вы так настаиваете на необходимости конфликта?

«Все мы знаем, что конфликт имеется на всех уровнях нашего существования, так зачем же его отрицать или не замечать?»

— Невозможно отворачиваться от постоянной борьбы, существующей внутри человека и вне его. Но разрешите спросить, почему вы так настаиваете на необходимости конфликта?

«Конфликт нельзя отрицать, он составляет часть человеческой жизни. Мы используем его как средство для достижения цели, а цель заключается в создании справедливых условий жизни для человека. Наши действия направлены к этой цели, и мы используем для ее достижения все средства. Амбиция, конфликт — это присущие человеку свойства, и они могут быть использованы как во вред ему, так и на пользу. Благодаря конфликту мы подвигаемся к великим свершениям».

— Что вы понимаете под конфликтом? Между чем и чем он происходит?

«Конфликт между тем, что было, и тем, что будет».

— «То, что будет» — это отделенный отзвук того, что было и что есть. Под конфликтом мы понимаем борьбу между двумя противоположными идеями. Но способствует ли противоречие, в какой бы то ни было форме, пониманию? Когда имеется понимание любой проблемы?

«Существует классовый, национальный, идеологический конфликт. Конфликт — это противоположение, сопротивление, вызванное неосведомленностью в отношении некоторых основных исторических фактов. Сопротивление вызывает рост, прогресс, а весь процесс в целом и есть жизнь».

— Мы знаем, что конфликт существует на самых различных уровнях жизни, и было бы нелепо отрицать это. Но является ли этот конфликт необходимым? Мы до сих пор принимали то, что он существует, или ловко его обосновывали. В природе значение конфликта может быть совсем иным; насколько нам известно, среди животных его, возможно, совсем нет. Но для людей конфликт стал фактором огромной важности. Почему он занял такое место в нашей жизни? Соперничество, амбиция, стремление быть или не быть чем-то, воля к достижению и т.д. — все это является частью конфликта. Почему мы считаем конфликт существенно необходимым для жизни? Это не означает, конечно, что нам надо стать, безучастными. Но почему мы терпим внутренний и внешний конфликт? Необходим ли конфликт для понимания, для разрешения какой-нибудь проблемы? Не лучше ли исследовать вопрос вместо того, чтобы дать положительный или отрицательный ответ. Не лучше ли попытаться найти истину вместо того, чтобы цепляться за свои умозаключения и мнения?

«Если бы не было конфликта, разве был бы возможен переход от одной общественной формации к другой? Имущие классы никогда добровольно не откажутся от своего состояния, к ним надо применить насилие; таким образом, конфликт повлечет за собой установление нового общественного порядка, нового образа жизни. Иным путем добиться этого нельзя. Мы, может быть, не стремимся применить насилие, но нам следует смотреть прямо в лицо фактам».

— Вы беретесь утверждать, что вам известно, каким должно быть новое общество, тогда как

другим это неизвестно; что только вы обладаете этим необыкновенным знанием, и вы хотите ликвидировать тех, кто стоит на вашем пути. Но, используя этот метод, который, по вашему мнению, необходим, вы только вызовете сопротивление и ненависть. То, что вы знаете, — это лишь новое предубеждение, новая форма обусловленности. Исторические исследования, ваши или ваших лидеров, дают трактовку в соответствии с определенной исходной позицией, которая и обуславливает ваш ответ. Этот ответ вы называете новым подходом, новой идеологией. Но всякий ответ мысли является обусловленным; вот почему вызвать революцию, которая основана на той или иной идее, означает продолжать в новой форме то, что было. По сути дела, вы реформаторы, а не настоящие революционеры. Реформация и революция, основанные на идее, — это факторы, вызывающие регресс общества.

Вы сказали, что конфликт между тезисом и антитезисом имеет весьма важное значение и что этот конфликт противоположностей приводит к синтезу. Не так ли?

«Конфликт между современным обществом и его противоположностью в силу давления исторических событий и т. п. вызовет в конечном счете новый социальный порядок».

— Отличается ли противоположное от того, что *есть*, не сходно ли оно с ним? Каким путем проявляется противоположное? Не является ли оно видоизмененной проекцией того, что *есть*? Не содержит ли в себе антитезис элементов собственного тезиса. Антитезис, по существу, не отличается от тезиса, а синтез — это лишь измененный тезис. Хотя периодически он принимает другую окраску, изменяется, реформируется, преобразуется в соответствии с обстоятельствами и преобладающими влияниями, тезис всегда остается тезисом. Конфликт между противоположностями в высшей степени опустошителен и неразумен. Интеллектуально или словесно вы можете доказать или опровергнуть то или иное положение, но ведь это не может изменить очевидные факты. Нынешнее общество основано на индивидуальном стяжании; противоположность этому обществу, вместе с вытекающим отсюда синтезом, и есть то, что вы называете новым обществом. В вашем новом обществе индивидуальному стяжанию противостоит государственное стяжание, так как теперь руководящее начало в руках государства. Государство, а не индивидуальность, приобретает теперь наибольшую важность. Из этого антитезиса, как вы говорите, образуется, в конце концов, синтез, в котором все индивидуумы будут иметь значение. Но это будущее — воображаемое, идеал; это проекция мысли, а мысль — всегда ответ памяти, обусловленного прошлого. Получается порочный круг; выхода из него нет. Вот этот конфликт, эта борьба, заключенная в клетку мысли, и есть то, что вы называете прогрессом.

«Вы, следовательно, утверждаете, что мы должны оставаться такими, каковы мы есть, со всей эксплуатацией и коррупцией, присущей современному обществу?»

— Совсем нет. Но ваша революция не является революцией. Это лишь переход власти от одной группы к другой, замена одного класса другим. Ваша «революция» — это новое сооружение, построенное из старого материала и остающееся в рамках старого образца. Но существует и коренная, радикальная революция, которая не является конфликтом, которая не основана на мысли с ее проекциями, идеалами, догмами, утопиями, созданными личностью. Но эта коренная революция невозможна, пока мы мыслим категориями перехода одного в другое, становления большим или меньшим, достижения цели.

«Но такая революция совершенно невозможна. Разве вы говорите об этом вполне серьезно?»

— Такая революция — единственная революция, единственное коренное преобразование.

«Как же вы предлагаете ее осуществить?»

— Надо видеть ложное как ложное и видеть истинное в ложном. Коренная революция должна произойти в отношениях человека к человеку; все мы знаем, что так, как было раньше, в

дальнейшем продолжаться не может; это увеличило бы скорбь и несчастья. Но все реформаторы, подобные так называемым революционерам, имеют в виду определенную цель, которой они должны достичь; поэтому они используют человека как средство для достижения своих собственных целей. Вот это использование человека для достижения цели и есть предмет нашего обсуждения. Вы не можете отделить цель от средства ее достижения, так как это единый, нераздельный процесс. Средства — это цель. Бесклассовое общество не может получиться при помощи классовой борьбы. Результаты, которые получаются при использовании неправильных средств для так называемой правильной цели, вполне очевидны. Невозможно установить мир с помощью войны или подготовки к ней. Все то, что носит характер противопоставления, спроецировано личностью; это — реакция мысли на то, что *есть*. Конфликт, связанный с достижением цели, — это тщетная и иллюзорная борьба внутри клетки, созданной нашей мыслью. То, что получится из этого конфликта, не принесет человеку ни облегчения, ни свободы. Без свободы не может быть счастья. Свобода не есть идеал, созданный умом. Сама свобода есть единственное средство достичь свободы.

Пока человек является орудием, которое используют психологически или физически, во имя Бога или во имя государства, до тех пор будет существовать общество, основанное на насилии. Использование человека для той или иной цели — это ловкий маневр, который применяют политики и священнослужители. В нем отрицаются истинные взаимоотношения между людьми.

«Что вы имеете в виду?»

— Если мы используем друг друга для взаимного удовлетворения, могут ли существовать между нами какие-либо взаимоотношения? Когда вы используете другого человека для ваших удобств подобно тому, как вы используете какой-нибудь предмет домашней обстановки, существуют ли у вас истинные взаимоотношения с этим лицом? О предмете домашней обстановки вы можете сказать, что это — ваша собственность, и это все; больше никаких взаимоотношений нет. Аналогично, если вы используете другого человека для вашей психологической или физической выгоды, вы обычно называете это лицо «вашим», вы владеете им или ею; а разве владение другим создает истинные взаимоотношения? Государство использует индивидуума и называет его своим гражданином; но оно не имеет с ним истинных взаимоотношений. Оно лишь пользуется им, как инструментом. Инструмент — это мертвый предмет, а никаких взаимоотношений с тем, что мертво, быть не может. Когда мы используем человека для той или иной цели, как бы благородна она ни была, мы хотим владеть им наподобие инструмента, т.е. мертвого предмета. Но мы не можем использовать живую вещь, а потому предпочитаем иметь дело с мертвыми предметами. Наше общество основано на использовании того, что мертво. Использование человека делает его мертвым инструментом, который служит для нашего удовлетворения. Настоящие взаимоотношения возможны только между живыми людьми; использование же другого человека — это процесс изоляции от других. Именно этот процесс изоляции порождает конфликт, антагонизм между людьми.

«Почему вы делаете такой упор на отношениях?»

— Жизнь — это отношения; жить — значит находиться в отношении. Отношения — это общество. Структура нашего современного общества несет насилие, разрушение и страдание; и если так называемое революционное государство коренным образом не изменит установленного порядка использования граждан в своих целях, то оно лишь породит, может быть, на другом уровне, новые конфликты, несчастья и антагонизм. До тех пор пока мы психологически испытываем необходимость использовать друг друга и делаем это, настоящие взаимоотношения невозможны. Взаимоотношения — это общение; а возможно ли общение, если существует эксплуатация? Эксплуатация порождает страх, а страх неизбежно приводит к всевозможным

иллюзиям и страданиям. Конфликт появляется тогда, когда существует эксплуатация, а не в процессе взаимоотношений друг с другом. Конфликт, оппозиция, враждебность существуют между нами тогда, когда налицо использование другого человека в качестве средства для получения удовлетворения или для достижения той или иной цели. Подобный конфликт, конечно, нельзя разрешить, если мы используем его для достижения цели, созданной нашим мышлением; а ведь все идеалы, все утопии — это проекции нашего «я». Необходимо понять это, и тогда мы сможем пережить истину того, что конфликт в любой форме разрушает взаимоотношения, разрушает понимание. Понимание приходит тогда, когда ум спокоен. Но ум лишен тишины, если он скован идеологией, догмой или верованием, если он строго придерживается образца, взятого из собственного опыта, из своих воспоминаний. Ум не может быть безмолвным, если он что-то приобретает, если он находится в становлении. Всякое стяжание — это конфликт, всякое становление есть процесс изоляции. Ум не бывает безмолвным, если он подвергается дисциплине, контролю, проверке; подобный ум — мертвый ум, он изолировал себя с помощью различных форм сопротивления, и поэтому с неизбежностью причиняет страдания и себе, и другим.

Ум безмолвен лишь тогда, когда он не захвачен мыслью, т.е. не пойман в сети своей собственной деятельности. Лишь когда ум безмолвен, — но не когда его сделали безмолвным, — проявляется истинный фактор, и это — любовь.

Сначала пошел небольшой дождь, но вдруг, словно разверзлись небеса, начался потоп. На улице стало по колено воды; водой покрылись и тротуары. Листья на деревьях перестали колыхаться и, захваченные врасплох, оставались безмолвными. Проходившая мимо машина остановилась, так как вода попала в картер. Люди переходили улицу вымокшими до нитки, но были рады ливню. Вода смывала клумбы, а зеленая лужайка на десяток сантиметров покрылась коричневой водой. Темно-синяя птица с желтовато-коричневыми крыльями старалась пристроиться среди толстых листьев дерева; но вода быстро проникала сквозь перья, и птица довольно часто отряхивалась. Ливень продолжался некоторое время и прекратился так же внезапно, как и начался. Все вокруг было вымыто дочиста.

Как просто быть невинным, простодушным! Без внутренней чистоты невозможно быть счастливым. Удовольствие, приносимое чувствами, не есть счастье невинности. Невинность — это свобода от бремени опыта. Память о переживании разрушает, а не само переживание. Знание — это бремя прошлого, это распад. Способность накапливать, усилие становится губит невинность; а без невинности разве возможна мудрость? Люди, которые полны любознательности, никогда не познают мудрости; они найдут, чего ищут, но это не будет истиной. Люди подозрительные никогда не познают счастья, ибо подозрительность — это тревога о собственном существовании и страх, питающий разложение. Бесстрашие — это не храбрость, а свобода от накопления.

«Все мои усилия были направлены на приобретение денег, где только возможно, и я стал весьма преуспевающим дельцом; мои усилия увенчались результатом, к которому я стремился. Немало труда я положил и на создание счастливой обстановки в семейной жизни, но вы сами знаете, что это такое. Семейная жизнь — это совсем не то, что делать деньги или руководить предприятием. В бизнесе мы имеем дело с людьми, но на другом уровне. В домашних же условиях возникают трения по самым ничтожным поводам, а усилия в этом направлении, по-видимому, лишь увеличивают разлад. Я не жалею, это не в моем характере, но я думаю, что вся система семейной жизни в корне неправильна. Мы вступаем в брак для того, чтобы удовлетворить наши сексуальные потребности, ничего по-настоящему не зная друг о друге. Хотя мы и живем в одном и том же доме, случайно или намеренно рождаем детей, мы остаемся чужими друг другу, и напряженное состояние, о котором знают лишь женатые люди, никогда не проходит. Я сделал все, что должен был сделать; но, мягко выражаясь, это не привело к желаемым результатам. Оба мы — люди властные и напористые, это еще больше осложняет положение. Наши усилия добиться взаимного понимания не привели к глубокому сотрудничеству. Я весьма интересуюсь вопросами психологии, но это мне мало помогло. Я хотел бы более глубоко обсудить проблему».

Показалось солнце, птицы перекликались, и после бури небо снова стало ясным и голубым. — Что вы понимаете под усилием?

«Усилие — это стремление достичь чего-то. Я гнал за деньгами и положением, и получил то и другое. Я старался также создать счастливую семейную жизнь, но здесь успеха не имел. Теперь я стремлюсь найти нечто более глубокое».

— Мы боремся, имея в виду какую-то цель. Мы стремимся к достижению, делаем непрерывные усилия, чтобы стать тем или иным в позитивном или негативном смысле. Борьба всегда имеет целью обезопасить себя тем или иным путем; она всегда к чему-то направлена или стремится от чего-то отойти. Усилие — это поистине бесконечная битва за приобретение, не правда ли?

«А разве приобретение — неправильное действие?»

— Сейчас мы это рассмотрим. Ведь то, что мы называем усилием, есть постоянный процесс странствования и прибытия в различных направлениях, процесс приобретения. Когда мы устаем от одного вида приобретения, мы переходим к другому. Усилие — это процесс накапливания знаний, опыта, приобретения эффективности в работе, добродетелей, имущества, власти и т.д. Это бесконечное становление, расширение, рост. Усилие, направленное к той или иной цели, достойной или недостойной, всегда должно создавать конфликт, а конфликт — это антагонизм, противодействие, сопротивление. Необходимо ли все это?

«Необходимо для чего?»

— Постараемся выяснить. Усилие может быть нужным на физическом уровне; например, усилие требуется при постройке моста, производстве керосина, добыче угля и т.п. В этих случаях оно благотворно или может быть таковым. Но если мы касаемся вопросов о том, каким образом выполняется работа, как производится и распределяется продукция, как осуществляется распределение прибыли, то это уже совсем иное дело. Если на физическом уровне мы используем человека для осуществления той или иной цели того или другого идеала, в интересах частного лица или в интересах государства, то усилие создает еще больший разлад и страдания. Усилие, направленное к приобретению во имя индивидуума, государства или религиозной организации, неизбежно порождает противодействие. Если у нас нет понимания подобного стремления к приобретению, то усилие, которое мы совершим на физическом уровне, с неизбежностью окажет губительное влияние на общество.

Является ли усилие на психологическом уровне — усилие быть чем-то, усилие достичь цели, иметь успех — необходимым или полезным?

«Если бы мы не делали подобных усилий, разве не было бы тогда застоя и разложения?»

— Так ли это? Что мы создали до сих пор благодаря усилиям на психологическом уровне?

«Допустим, немного. Усилие было направлено по ложному пути. Важно направление. Верное направление усилия имеет чрезвычайно важное значение. Именно благодаря отсутствию правильного направленного усилия мы видим вокруг себя такой хаос».

— Итак, вы говорите, что существует верно и неверно направленное усилие. Не будем играть словами, но как вы отличите верное усилие от неверного? На основании какого критерия вы судите об этом? Каков ваш стандарт? Традиция или идеал будущего, того, что должно быть?»

«Мой критерий определяется факторами, которые приводят к результатам. Важен результат. Не имея приманки в виде цели, мы не делали бы никаких усилий».

— Если ваша мерка — результат, то, конечно, вам совершенно безразличны средства к его достижению. Не так ли?

«Я выбираю средства в соответствии с целью. Если цель — счастье, то надо найти и средства, которые ведут к счастью».

— Не являются ли ведущие к счастью средства сами по себе счастливой целью? Цель содержится в способах ее достижения, не так ли? Таким образом, существуют только средства, способы достижения цели. Способы достижения сами по себе являются целью, результатом.

«До сих пор я никогда не смотрел на это таким образом. Но я понимаю, что все здесь правильно».

— Рассмотрим теперь, что это за средства, ведущие к счастью. Если усилие вызывает конфликт, внутреннее или внешнее противодействие, может ли оно когда-нибудь привести к счастью? Если цель заключена в средствах к ее достижению, возможно ли обрести счастье с помощью конфликта и антагонизма? Если усилие порождает новые проблемы и еще больший конфликт, то ведь это неизбежно ведет к разрушению и разложению. И почему мы делаем усилия? Мы делаем их для того, чтобы стать более значительными, выдвинуться, приобрести, не

правда ли? Усилие направлено в сторону возвеличения, если идти по одному пути, или в сторону умаления, если идти по другому. Усилие влечет за собой приобретение для себя или для группы, не так ли?

«Да, это так. Приобретение для себя равносильно стяжанию государства или церкви на другом уровне».

— Усилие — это стяжание в позитивном или негативном аспекте. Но что же это такое, чего мы домогаемся? На одном уровне мы приобретаем физические блага, а на другом мы используем их в качестве средства для самовозвеличения; или, если мы в состоянии удовлетвориться малым количеством физических благ, мы приобретаем власть, положение, славу. Руководители, действующие от лица государства, внешне живут, может быть, простой жизнью и владеют скромным имуществом, но они получили власть, а поэтому готовы сопротивляться и властвовать.

«Думаете ли вы, что любая форма стяжания губительна?»

— Рассмотрим это. Защищенность, которая гарантирует удовлетворение основных физических потребностей, — это одно, а стяжание — нечто совсем иное. Именно стяжание во имя расы или индивидуума, во имя Бога или страны разрушает разумную и эффективную организацию распределения физических благ, которые необходимы для благополучия людей. Всем нам, очевидно, нужны пища, одежда, жилье; но чего мы домогаемся помимо этого?

Один добывает деньги как средство достижения власти, определенной выгоды в сфере социальной или психологической, как средство получить свободу делать все, что он пожелает. Другой борется за достижение богатства или положения как средство получить влияние в различных областях деятельности; а преуспев во внешних делах, можно, как вы говорите, уделить внимание и проблемам внутренним.

Что мы понимаем под властью? Обладать властью — это значит господствовать, стоять выше других, подавлять, чувствовать свое превосходство, свои возможности и т.д. Сознательно или подсознательно, и аскет, и человек, занятый мирскими делами, чувствуют это и стремятся к власти. Власть — одно из наиболее полных выражений «я», безразлично, будет ли это власть, которую дает знание, власть над собой, мирская власть или власть, которую дает воздержание. Чувство власти, господства дает необыкновенное удовлетворение. Вы, например, можете искать удовлетворения с помощью власти, другой — с помощью алкоголя, этот — путем поклонения, тот — с помощью знания, а еще кто-либо — своим стремлением к добродетельной жизни. Общественные и психологические результаты поисков власти могут быть различными, но любой вид стяжания — это удовлетворение. Удовлетворение на любом уровне есть чувство, не правда ли? Мы делаем усилия, чтобы получить большие по масштабу или более тонкие градации ощущений; в одном случае мы называем их опытом, в другом — знанием, в третьем — любовью или поисками Бога, истины; и вы явственно ощущаете, что обладаете справедливостью или являетесь активным деятелем какой-нибудь идеологии. Усилие — это поиски удовлетворения, а удовлетворение есть чувство. Вы нашли удовлетворение на одном уровне, а потом ищете его на другом; найдя его там, вы направляетесь еще куда-либо, и так будет продолжаться все дальше. Это постоянное желание удовлетворения, эту жажду все более тонких форм чувствования мы называем прогрессом, но в действительности это нескончаемый конфликт. Поиски более широкого удовлетворения не имеют конца, а, следовательно, нет конца и конфликту, антагонизму; поэтому нет и счастья.

«Я понимаю вашу точку зрения, Вы говорите, что поиски удовлетворения в той или иной форме — это, по сути дела, поиски страдания. Усилие, которое направлено к получению удовлетворения, — это непреходящее страдание. Но что же делать? Отказаться от поисков удовлетворения и просто застыть на месте?»

— Неизбежен ли застой, если вы перестанете искать удовлетворение? Является ли состояние, при котором отсутствует гнев, непременно безжизненным состоянием? Несомненно, удовлетворенность на любом уровне есть чувство. Утонченность чувств — это лишь более тонкое словесное обозначение. Слова, термины, символы, образы играют чрезвычайно важную роль в нашей жизни, не правда ли? Мы, может быть, не ищем больше физической близости, не ищем удовлетворения от физической связи, но зато особую важность приобретают слова и образы. На каком-то уровне мы ищем удовлетворения элементарными способами, на другом же — при помощи более тонких, рафинированных средств. Но накапливание слов имеет ту же цель, что и накапливание вещей, не так ли? Для чего мы производим накопления?

«О, я думаю потому, что мы слишком неудовлетворены, слишком утомлены собой; поэтому мы готовы сделать все, что угодно, лишь бы уйти от собственной ничтожности. Это действительно так. Как раз сейчас мне пришло в голову, что я сам нахожусь в таком же положении. Это что-то необыкновенное!»

— Наше стяжание — способ прикрыть собственную пустоту. Наш ум подобен пустому барабану, по которому бьет любая идущая мимо рука и который производит большой шум. Такова наша жизнь, этот конфликт постоянной неудовлетворенности, бегства от действительности и возрастающего страдания. Удивительно, что мы никогда не бываем одни, никогда не бываем наедине с собой. Мы всегда с чем-то, с проблемой, с книгой или человеком; а когда мы остаемся одни, то с нами наши мысли. Чрезвычайно важно быть уединенным, открытым. Всякое бегство от себя, всякое накапливание, всякое усилие быть или не быть должны прекратиться; и только тогда существует та уединенность, которая может вместить единственное, неизмеримое.

«Как же прекратить это бегство?»

— Для этого важно понять ту истину, что всякое бегство от себя ведет лишь к иллюзии и страданию. Сама эта истина освобождает; вы ничего не можете сделать в этом отношении. Само ваше действие, ваша попытка прекратить бегство — это всего лишь другая форма бегства. Высочайшее состояние не-действия есть действие истины.

ПРЕДАННОСТЬ И ПОКЛОНЕНИЕ

Мать была своего ребенка, а он кричал от боли. Она была сильно рассержена и пока была, что-то резко ему выговаривала. Когда мы возвращались назад, она уже ласкала ребенка и так крепко его сжимала, словно готова была задушить в своих объятиях. В глазах ее были слезы. Ребенок выглядел удивленным, но улыбался матери.

Любовь — удивительная вещь; и как легко мы теряем ее жаркое пламя! Пламя исчезает, и остается дым. Этого дыма полны наши сердца и наш ум, а дни наши проходят в слезах и горечи. Песня забыта, и слова утратили значение; исчез аромат, и наши ладони пусты. Мы никогда не знаем, как уберечь пламя от дыма, а дым всегда тушит пламя. Но любовь — вне ума, она не в сетях мысли ее невозможно найти, культивировать, хранить; она здесь, когда ум молчит и сердце пусто от всего, что создано умом.

Комната выходила на реку, в водах которой отражалось солнце. Он был отнюдь не глуп, но полон душевного волнения и бьющих через край чувств, которыми он наслаждался и которые давали ему великие радости. Ему хотелось говорить, и когда ему указали на золотисто-зеленую птицу, он обратил к ней свои чувства и излил их на нее. Потом он говорил о красоте реки и спел об этом песню. У него был приятный голос, но комната оказалась слишком мала. К золотисто-зеленой птице подлетела другая, обе уселись рядышком друг около друга и охорашивались.

«Разве благоговение не есть путь к Богу? Разве жертва благоговейной преданности не ведет к очищению сердца? Разве благоговение не является важнейшей частью нашей жизни?»

— Что вы понимаете под благоговением?

«Это — любовь к высшему; это возложение цветов перед образом перед символом Бога. Благоговение — это полное растворение; это любовь, которая превосходит любовь плоти. Я проводил многие часы, полностью потеряв себя в любви к Богу! В этом состоянии я — ничто, и я ничего не знаю. В этом состоянии вся жизнь это единство; чистильщик улиц и король едины. Это состояние чудесно; вы, конечно, должны знать его».

— Является ли благоговение, преданность любовью? Является оно чем-то отличным от нашей повседневной жизни? Есть ли это акт жертвы, посвященной какому-то объекту, знанию, служению или действию? Имеет ли место самопожертвование, когда вы теряете себя в вашей преданности? Когда вы полностью отождествили себя с объектом благоговения, преданности — является ли это самоотречением? Является ли самоотверженностью то состояние, когда вы, теряя себя в книге, в песнопении, в идее? Является ли преданность поклонением образу, человеку или символу? Имеет ли реальность какой-либо символ? Может ли символ когда-либо представлять истину? Разве символ не статичен? И может ли то, что статично, когда-либо представлять то, что живо? Разве ваш портрет — это вы сами?

Рассмотрим, что мы понимаем под благоговением, преданностью. Ежедневно вы проводите по несколько часов, погруженный в то, что вы называете любовью, в созерцание Бога. Но является ли это благоговением, преданностью? Человек, который отдает свою жизнь улучшению социальных условий, предан своей работе; преданный и генерал, на обязанности которого лежит разработка планов разрушения. Но настоящая ли это преданность? Вы проводите время, опьяненный образом высшего или идеей о Боге; а другие люди делают то же самое, но иным путем. Существует ли коренное различие между этими путями? Разве это благоговейная преданность, если у нее есть объект?

«Но мое поклонение Богу поглощает всю мою жизнь. Я ничего не осознаю, кроме Бога. Он наполняет мое сердце».

— Точно так же человек, который боготворит свою работу, преклоняется перед лидером,

перед идеологией, — и он поглощен предметом своей деятельности. Вы наполняете сердце словом «Бог», а другой наполняет его деятельностью. Но разве это — благоговейная преданность? Вы находите счастье в ваших образах, ваших символах, а другой — в своих книгах и музыке; и это — благоговейная преданность? Если вы теряете себя в том или ином, разве это благоговение? Муж предан своей жене по разным причинам, которые дают ему удовлетворение, но разве чувство удовлетворения — это благоговейная преданность? Отождествление себя со страной действует опьяняющим образом; а разве отождествление — это благоговейная преданность?

«Но ведь когда я предаю себя в руки Бога, я никому не наношу вреда. Напротив, я одновременно покидаю пути зла и не делаю зла другим».

— Это, по крайней мере, уже кое-что. Но хотя вы, быть может, и не причиняете видимого вреда, однако разве иллюзия не приносит вред на более глубоком уровне одновременно и вам, и обществу?

«Меня не интересует общество. Мои потребности ограничены малым; я владею страстями и провожу дни под сенью Бога».

— Разве не важно выяснить, существует ли что-нибудь за этой сенью? Если вы преклоняетесь перед иллюзией, вы привязаны к своему чувству удовлетворенности; но уступать желанию на любом уровне — значит быть исполненным вожделения.

«Своими словами вы вносите великий разлад, и я не совсем уверен в том, что эту беседу стоит продолжать. Видите ли, я пришел, чтобы преклонить колени у того же алтаря, что и ваш. Но я вижу, что ваше поклонение совсем иного рода, а то, что вы говорите, до меня не доходит. Тем не менее, мне хотелось бы знать, в чем красота вашего поклонения. У вас нет изображений, образов, ритуалов, но ведь вы должны поклоняться. В чем заключается ваше поклонение?»

— Поклоняющийся есть предмет его поклонения. Боготворить другого — это боготворить себя самого; изображение, символ суть проекции, рожденные нашим «я». По сути дела, ваши идолы, ваши книги, ваши молитвы — это отражение того, что составляет основу вашей жизни; они — ваше собственное творение, хотя бы они и были созданы другими людьми. Вы производите выбор в соответствии с тем, что дает вам удовлетворение; ваш выбор — это ваши предрассудки. Созданный вами образ опьяняет вас; он высечен из накоплений вашей памяти; вы преклоняетесь перед собой с помощью образа, который создан вашей мыслью. Ваша благоговейная преданность — это любовь к самому себе, прикрытая песнопениями, созданными вашим умом. Образ — это вы сами, это отражение вашего ума. Такая преданность есть один из видов самообмана, который ведет лишь к скорби, к изоляции, а это есть смерть.

Является ли искание благоговейной преданностью? Если вы стремитесь найти нечто, тогда это уже не искание; если вы ищете истину, вы ее не найдете. Мы убегаем от себя путем искания, которое является иллюзией. Любыми путями мы стремимся уйти от того, что мы *есть*. Внутри себя мы так поверхностны, мы в действительности ничто; поэтому преклонение перед чем-то большим, чем мы сами, имеет такой же мелкий и неразумный характер, какой присущ нам самим. Отождествление себя с великим — это лишь проекция, которая исходит от малого. Большее есть расширенное меньшее. Когда малое занято поисками большего, оно найдет лишь то, что способно найти. Пути бегства многочисленны и разнообразны, однако ум, убегающий от того, что он *есть*, остается исполненным страха, узости и неведения.

Понимание того, что мы убегаем от себя, — это освобождение от того, что *есть*. То, что *есть*, можно понять лишь тогда, когда ум больше не ищет ответа. Поиски ответа — это бегство от того что *есть*. Подобным поискам дают различные наименования, одно из них — благоговейная преданность; но для понимания того, что *есть*, ум должен быть безмолвен.

«Что вы понимаете под словами «то, что *есть*»?»

— То, что *есть*, — это то, что существует в каждый данный момент. Осознать то, что *есть*, — это понять весь процесс вашего поклонения, вашей благоговейной преданности по отношению к тому, что вы называете Богом. Но вы не хотите понять то, что *есть*, так как избранная вами форма бегства от того, что *есть*, названная вами благоговейной преданностью, является для вас источником больших радостей. Поэтому иллюзия приобрела большее значение, чем реальное. Понимание того, что *есть*, не зависит от мысли, так как сама мысль есть уход от того, что *есть*. Думать о проблеме не означает понимать ее. Только тогда, когда ум безмолвен, раскрывается истина того, что *есть*.

«Я вполне доволен тем, что имею. Я счастлив с моим Богом, с моими песнопениями, с моей благоговейной преданностью. Преданность Богу — это песнь моего сердца, и в этой песни заключено мое счастье. Ваша песнь, может быть, более чиста и всеобъемлюща, но когда я пою, сердце мое переполнено. Чего еще может просить человек, кроме того, чтобы иметь переполненное сердце? В моей песне мы с вами братья, а ваша песнь меня не тронула».

— Когда песнь исходит от реального, нет ни вас, ни меня — есть лишь безмолвие вечного. Песнь — это не звуки, это безмолвие. Не давайте звукам вашей песни наполнять ваше сердце.

Он имел несколько университетских степеней и занимал должность директора школы. В прошлом он живо интересовался вопросами образования и много работал в области социальных преобразований. Но теперь, судя по его словам, несмотря на молодой еще возраст, он утратил жизненный стимул. Свои обязанности он продолжал выполнять почти механически, а повседневная рутина казалась ему невыносимо скучной. Он утратил вкус к своим делам; энтузиазм, который он когда-то чувствовал, исчез полностью. У него были и религиозные наклонности; он даже пытался провести некоторые реформы в своей религии, но и это угасло. В настоящее время он не видит ничего ценного в какой бы то ни было форме деятельности.

— Почему?

«Всякое действие ведет к разладу, создает новые проблемы, еще большее зло. Я старался действовать разумно и осмысленно, но это неизменно приводило к разладу. Те формы деятельности, которых я подвизался, вызвали депрессию, беспокойство и усталость; они ни к чему не привели. Теперь я боюсь действия; опасение наделать больше вреда, чем пользы, побудило меня отойти от всего, за исключением самого необходимого минимума действий».

— В чем причина этого страха? Есть ли это страх нанести вред? Отстраняетесь ли вы от жизни из опасения вызвать еще больший разлад? Страшитесь ли вы хаоса, который можете создать своей работой, или вы боитесь смятения внутри себя? Если бы внутри вас была ясность, а ваши действия вытекали из этой внутренней ясности, боялись ли бы вы внешнего разлада, который они могут вызвать? Чего вы боитесь: внутреннего смятения или внешнего?

«Я никогда до сих пор не ставил так вопрос, мне необходимо обдумать то, что вы говорите».

— Если бы внутри вас была ясность, противились ли бы вы возникновению новых проблем? Мы любыми способами предпочитаем убежать от своих проблем, а благодаря этому лишь умножаем их. Формулировка проблем может быть нечеткой, но способность встретить их без страха зависит от ясности, с какой мы к ним подходим. Если бы внутри вас была ясность, вызывали ли бы ваши действия смятение?

«Внутри меня нет ясности. Я не знаю, что именно нужно делать. Я мог бы присоединиться к какому-нибудь движению правого или левого направления, но это не внесет ясности в мои действия. Можно закрыть глаза на нелепости, которые обнаружатся в этом движении, и продолжать работать для него, но остается незыблемым тот факт, что во всех движениях зла делается гораздо больше, чем добра. Если бы я обладал большой внутренней ясностью, я встретил бы проблемы лицом к лицу и постарался бы их разрешить. Но во мне нет ясности. Я утратил всякий стимул к действию».

— Почему вы утратили стимул? Не утратили ли вы его в результате чрезмерного расходования своих ограниченных сил? Может быть, вы исчерпали свои силы, участвуя в работе, которая вас не захватывала? Или вы еще не выяснили, что именно вас по-настоящему интересует?

«Видите ли, по окончании университета я был увлечен социальными реформами и несколько лет с жаром работал в этом направлении; но вскоре почувствовал, что все это носит поверхностный характер. Тогда я оставил эту работу и взялся за образование. В течение многих лет я по-настоящему усердно работал в области образования, не думая ни о чем другом; но, в конце концов, я оставил и это, так как смятение внутри меня все возрастало. Я был честолюбив, но не ради себя, а ради успеха общей работы. Но люди, с которыми мне приходилось работать, постоянно ссорились, были завистливы и исполнены личного честолюбия».

— Честолюбие — это удивительная вещь. Вы говорите, что, были честолюбивы не ради себя, а лишь во имя успеха своей работы. Существует ли какое-либо различие между личным и так называемым безличным честолюбием? Вы ведь не будете считать личным или мелким то обстоятельство, что вы отождествили себя с какой-то идеологией и честолюбиво работаете во имя ее? Вы готовы назвать это честолюбием высшего порядка, не так ли? Но ведь вы только подменили одно определение другим, поставив «безличное» вместо «личного»! А стимул, мотив остается тем же. Вы жаждете успеха в работе, с которой себя отождествили. Вместо слова «я» вы поставили слово «работа», «система», «страна», «Бог»; но во всем этом вы сохраняете свою значимость. Честолюбие продолжает действовать, безжалостное, полное зависти и страха. Может быть, вы оставили работу в связи с тем, что она не была успешной? Разве вы не стали бы ее продолжать, если бы она была успешной?

«Не думаю, чтобы это было так. Работа шла вполне успешно, как вообще всякая работа, которой вы отдаете время, энергию и ум. Я отказался от нее, так как она никуда не вела; она приносила временное облегчение, но в этом не было коренной и длительной перемены».

— У вас был энтузиазм, когда вы работали, и что же с ним случилось? Что произошло с устремленностью, с огнем? В этом проблема?

«Да, именно в этом. Когда-то во мне был огонь, но теперь его нет».

— Не находится ли он в дремлющем состоянии? Или же он прогорел полностью, благодаря неправильному использованию, и в результате осталась лишь зола? Может быть, вы не нашли своего подлинного интереса? Чувствуете ли вы себя потерпевшим неудачу? Женаты ли вы?

«Нет, я не думаю, что потерпел неудачу. Я не ощущаю потребности в семье или дружеском общении с отдельным лицом. В материальном отношении я довольствуюсь немногим. Меня всегда тянуло к религии в глубоком смысле этого слова; мне кажется, что и в этой области мне хотелось преуспевать».

— Если вы не чувствуете себя неудачником, то почему бы вам не довольствоваться лишь тем, что вы живете?

«Я не становлюсь моложе с годами, а дурачиться или прозябать я не хочу».

— Поставим вопрос несколько иначе. Чем вы интересуетесь сейчас? Не чем вам *следовало* бы интересоваться, а что вас интересует в действительности?

«А я в самом деле этого не знаю».

— Может быть, вам интересно это выяснить?

«Но каким образом?»

— Вы думаете, что существует какой-то метод, какой-то путь для выяснения того, что именно вас интересует? Чрезвычайно важно раскрыть самому себе, в каком направлении надо искать тот интерес. До настоящего времени вы уже пытались заняться различными видами деятельности, вы отдали им свою энергию и ум, но не получили глубокого удовлетворения. Возможно, что вы сожгли себя в процессе работы, которой вы не были заинтересованы, а может быть, ваш подлинный интерес еще не раскрыт и ждет пробуждения. Каков же он?

«Но я не знаю. Не можете ли вы помочь мне его раскрыть?»

— Разве вы не хотите самостоятельно узнать истину того, о чем идет речь? Если вы сожгли себя до конца, тогда проблема требует особого подхода; но если в вас огонь еще теплится, то очень важно разжечь его. Каков же ваш подлинный огонь? Разве вы не хотите сами раскрыть эту истину, без того чтобы я вам ее указал? Истина того, что *есть*, действует своими путями. Если ваш огонь угас, то встает вопрос об исцелении, восстановлении в состояние покоя, подобно полю, оставленному под паром. Как в отдыхающей земле зреют силы для нового урожая, так и в этом творческом бездействии зреет полнота будущего действия. Это есть бездействие, предшествующее будущей полноте действия. Но может быть, ваш настоящий интерес еще не

пробудился. Прошу вас, прислушивайтесь и выясняйте. Если у вас имеется стремление выяснить, вы выясните, и для этого не требуется постоянно исследовать, анализировать; надо просто быть ничем не обремененным и полным страсти в своем стремлении. Тогда вы увидите, что в часы бодрствования у вас появится живое внимание, при котором вы сможете воспринять каждый намек, исходящий от вашего подлинного интереса. Сыграют свою роль также и сновидения. Другими словами, ваша устремленность приведет в действие весь механизм открытия.

«Каким же образом смогу я узнать, какой именно интерес является настоящим? В прошлом меня интересовало несколько вещей, но все они утратили для меня смысл. Как я могу быть уверенным, что тоже не произойдет и с тем, что я открою как мой настоящий интерес?»

— Гарантии, разумеется, не существует; но после того как вы осознали это прекращение интереса, придет живое внимание, которое позволит раскрыть настоящий ваш интерес. Это, возможно, лучше выразить так: вы не ищете ваш истинный интерес, но пребываете в состоянии пассивного внимания, и тогда он обнаружит себя сам. Если вы будете стараться выяснить, что является вашим настоящим интересом, то будете выбирать, одно противопоставлять другому, взвешивать, рассчитывать, судить. Такой процесс лишь культивирует противоположность; вы расходуете свою энергию, чтобы узнавать, правильно ли вы выбрали и т.д. Но когда существует пассивное осознание без какого-либо усилия с вашей стороны, направленного к поиску, тогда в самом этом осознании проявляется ваш интерес. Проверьте это на опыте, и вы увидите.

«Если я не слишком поспешен, то думаю, что уже начинаю чувствовать свой истинный интерес. Во мне возрождается жизненность, ощущение нового подъема».

Был прекрасный вечер. Солнце садилось за огромные черные тучи; по другую сторону тянулся ряд высоких стройных пальм. Река приобрела золотистый оттенок, а дальние высоты пылали в лучах заходящего солнца. Раздавались раскаты грома, но по направлению к горам небо оставалось чистым и голубым. Стада возвращались с пастбищ, их гнал домой маленький мальчик. Ему было не больше десяти-двенадцати лет; и хотя целый день провел сам с собой, он громко распевал песни, изредка похлопывая бичом животных, отбившихся в сторону или замешкавшихся в пути. Мальчик улыбнулся нам, и его смуглое лицо озарилось. Почувствовав желание вступить в разговор, он остановился и стал задавать вопросы. Это был деревенский мальчик, едва ли получивший какое-либо образование. Он, по-видимому, не имел возможности научиться писать и читать, но уже знал, что значит быть наедине с собой, хотя, возможно, и не признавал своего одиночества. Он не был этим удручен, а просто-напросто был одинок и доволен. Он не был доволен чем-то, он был просто доволен. Быть довольным — не значит быть довольным чем-то. Искать довольства через отношения — значит пребывать в страхе. Довольство, которое зависит от отношений, — это всего лишь удовольствие. Довольство — это состояние независимости. Зависимость всегда приносит конфликт и противодействие. Чтобы быть довольным, нужна свобода. Свобода и есть, и всегда должна быть с самого начала; она — не результат, не цель, которой надо достигнуть. Невозможно быть свободным в будущем. Будущая свобода не имеет реальности, это — всего лишь идея. Реально то, что *есть*, и пассивное осознание того, что *есть*, — это довольство.

Профессор рассказал, что в течение многих лет после окончания колледжа он вел учебную работу и руководил занятиями большого числа юношей в одном из государственных институтов. Он готовил студентов к сдаче выпускных экзаменов, а это и было то, чего требовали от него правительство и родители студентов. Конечно, среди них попадались одаренные юноши; для них создавались особые возможности, им выдавали дипломы с отличием и т.д., но Огромное большинство студентов были равнодушными, ограниченными, ленивыми и в какой-то степени злобными. Были такие, которые хорошо проявляли себя на том поприще, куда они попадали, но лишь весьма немногие обладали творческим огнем. В течение всех лет его преподавательской деятельности юноши с выдающимися дарованиями встречались крайне редко; время от времени попадался один, который, может быть, и обладал гениальной одаренностью, но обычно оказывалось, что и он также был вскоре задавлен окружающей средой. Будучи преподавателем, собеседник побывал во многих странах, изучая проблему одаренности студентов; но повсюду имело место то же самое. Теперь он отошел от преподавательской профессии, так как после всех этих лет ему стало очень тяжело видеть подобное положение вещей. Как бы хорошо ни были обучены студенты, но в целом из них выходили люди с ограниченным умом. Некоторые обладали способностями и настойчивостью, достигали высокого положения в обществе; но за вывеской престижа и власти они были так же мелки и так же терзались заботами, как и все остальные.

«Современная система образования ошибочна; она вызвала две разрушительные войны и ужасающие страдания. Совершенно не достаточно ограничиваться обучением чтению и письму и приобретением различных технических навыков, так как это сводится лишь к развитию памяти. В жизни же подобная система породила несказанную скорбь. Какова, по вашему мнению, конечная цель образования?»

— Не состоит ли эта цель в том, чтобы создать цельного, интегрального индивидуума? Если «назначение» образования состоит в этом, необходимо выяснить, существует ли индивидуум для

общества или общество существует для индивидуума. Если общество нуждается в индивидууме и использует его в своих собственных целях, то оно не заинтересовано в развитии цельного, интегрального человеческого существа; то, что ему нужно, — это эффективная машина, респектабельный и умеющий приспособливаться гражданин; и для всего этого достаточно весьма поверхностной интеграции. До тех пор, пока индивид остается послушным, пока он согласен полностью принимать всю обусловленность, общество будет считать его полезным и будет готово затратить на него время и средства. Но если общество существует для индивидуума, то оно должно способствовать его освобождению от обуславливающих влияний. Оно должно воспитывать индивидуума так, чтобы он сделался интегрированным человеческим существом.

«Что вы понимаете под выражением «целостное человеческое существо»?»

— Для того чтобы ответить на этот вопрос, к нему необходимо подойти негативно, косвенно, так как рассмотреть его позитивным аспектом невозможно.

«Я не понимаю, что вы имеете в виду».

— Позитивно определить, что такое цельное, интегральное человеческое существо, значит создать модель, шаблон, пример, которому мы будем стараться подражать; а не является ли подражание образцу показателем дезинтеграции? Когда мы пытаемся копировать образец, возможна ли интеграция? Вне сомнения, подражание — процесс дезинтеграции; и не это ли происходит в мире? Мы все становимся хорошими грампластинками; мы повторяем то, чему нас учили так называемые религии, или то, что сказал самый последний политический, экономический или религиозный лидер. Мы придерживаемся определенной идеологии, посещаем массовые политические митинги; существует массовое увлечение спортом, массовый культ, массовый гипноз. Является ли это признаком «интеграции»? Приспособление — это не интеграция, не так ли?

«Это подводит нас к весьма существенному вопросу о дисциплине. Вы противник дисциплины?»

— Что вы понимаете под дисциплиной?

«Существуют разные формы дисциплины. Есть школьная дисциплина, дисциплина гражданская, партийная, общественная и религиозная; наконец, дисциплина, которую человек налагает на себя сам. Дисциплина может поддерживаться внутренним или внешним авторитетом».

— Не подразумевает ли дисциплина, в своей основе, известное приспособление? Это приспособление к идеалу, авторитету; это культивирование сопротивления, которое неизбежно порождает противодействие. Сопротивление есть противодействие. Дисциплина — это процесс обособления, независимо от того, происходит ли обособление в рамках группы или оно вызвано сопротивлением индивидуума. Подражание — это одна из форм сопротивления, не так ли?

«Полагаете ли вы, что дисциплина губит интеграцию? Но что случилось бы, если бы в школе не было дисциплины?»

— Нам важно понять сущность дисциплины, а не перескакивать к выводам или приводить примеры. Мы с вами стараемся выяснить, каковы факторы дезинтеграции, или что мешает интеграции. Не является ли дисциплина, в смысле приспособления, сопротивления, противодействия, конфликта, одним из факторов дезинтеграции? Почему мы приспособляемся к другим? Мы делаем это не только ради физической безопасности, но и для обеспечения психологического комфорта и надежности. Страх оказаться беззащитным побуждает нас, сознательно или подсознательно, сообразовываться с другими и во внешних делах, и внутренне. Все мы нуждаемся к той или иной форме физической безопасности, но в то же время именно страх оказаться лишенным психологической безопасности делает физическую безопасность невозможной для большинства людей, за исключением лишь очень немногих. В

основе всякой дисциплины лежит страх: боязнь не добиться успеха, страх наказания, страх лишиться заработка и т.п. Дисциплина — это подражание, подавление, сопротивление; она всегда — результат страха, сознаваемого или неосознанного. Не является ли страх одним из факторов дезинтеграции?

«Чем же вы замените дисциплину? Без дисциплины можно ожидать еще большего хаоса, чем настоящий. Разве в процессе действия какая-то форма дисциплины не является необходимой?»

— Понять ложное как ложное, видеть истинное в ложном, осознать истинное как истинное — это начало разумности. Это не вопрос замены. Вы не можете заменить страх чем-то другим; если вы попытаетесь это сделать, страх все же останется. Вы можете довольно успешно его чем-либо прикрыть или уйти от него, но, тем не менее, страх останется. Важно исключить страх, а не найти для него замену. Дисциплина, в какой бы то ни было форме, никогда не может принести свободу от страха. Страх надо наблюдать, изучать, понять. Страх — не абстракция; страх проявляется лишь по отношению к чему-то определенному, и именно это отношение необходимо понять. Понять — не значит сопротивляться или противодействовать. Итак, разве дисциплина, в более широком и глубоком смысле, — не фактор дезинтеграции? Разве страх, вместе с подражанием и подавлением, которые с ним связаны, не представляет собой дезинтегрирующую силу?

«Но как быть свободным от страха? Возможно ли установить порядок в классе, в котором находится много учащихся, без какой-то дисциплины или, если вы предпочитаете это слово, без страха?»

— Это возможно тогда, когда в классе будет весьма ограниченное число учащихся и если будут применены правильные методы образования. Но это, конечно, невозможно, пока государство заинтересовано в массовом производстве граждан. Государство предпочитает серийное образование; государственные руководители не хотят, чтобы поощрялись недовольство и протест, так как их положение вскоре могло бы оказаться шатким. Государство контролирует систему образования, оно вмешивается и обрабатывает человека в своих собственных целях. Наиболее легкий путь к этому идет через страх, через дисциплину, через наказание и поощрение. Свобода от страха — это другой вопрос; страх надо понять, а как сопротивляться ему, не подавлять, не сублимировать его.

Проблема дезинтеграции весьма сложна, подобно всякой другой проблеме человеческой жизни. А разве конфликт не является еще одним фактором дезинтеграции?

«Но ведь конфликт необходим, иначе мы погрузимся в состояние застоя. Без борьбы не было бы прогресса, не было бы движения вперед, не было бы культуры. Если бы не было усилия, конфликта мы все еще оставались бы дикарями».

— Возможно, мы и сейчас еще дикари. Но почему в нашей беседе мы все время перескакиваем к выводам, а когда нам предлагается нечто новое, мы противимся этому? Мы, несомненно, остаемся дикарями, когда убиваем тысячи людей во имя той или иной идеи, цели, во имя собственной страны; убийство другого человека — это крайняя дикость. Однако будем продолжать обсуждение нашего вопроса. Разве конфликт — не признак дезинтеграции?

«Что вы понимаете под конфликтом?»

— Конфликт в любой форме: между мужем и женой, между двумя группами людей с противоположными идеями, конфликт между тем, что *есть*, и традицией, между тем, что *есть*, и идеалом, тем, что *должно* быть, будущим. Конфликт — это внутренняя и внешняя борьба. В настоящее время конфликтом проникнуты все уровни нашего существования, сознательные и подсознательные. Наша жизнь — это серия конфликтов, поле битвы, но во имя чего? Можем ли мы достичь понимания с помощью борьбы? Могут ли я понять вас, если я нахожусь с вами в

конфликте? Для понимания мы должны обладать в какой-то степени внутренней тишиной. Творчество может проявиться только в состоянии внутренней умиротворенности, счастья, но не тогда, когда существует конфликт, борьба. Внутри нас постоянно происходит борьба между тем, что *есть*, и тем, что *должно* было бы быть, между тезисом и антитезисом; мы считаем, что конфликт неизбежен, и эта неизбежность сделалась нормой, стала истиной, — хотя это, возможно, совсем не истина. Можно ли с помощью конфликта преобразить то, что *есть*, в противоположное ему? Я *есть это*, но если я буду бороться за то, чтобы стать *тем*, т.е. сделаться противоположным тому, что я *есть*, изменю ли я *это*? Не является ли противоположное, антитезис, видоизмененной проекцией того, что *есть*? Не содержит ли во всех случаях противоположное элементы того, что ему противостоит? Возможно ли понимание того, что *есть*, с помощью равенства? Не является ли любой вывод по поводу того, что *есть*, препятствием для понимания того, что *есть*? Если вам надо понять что-либо, разве вы не должны наблюдать, изучать его? Но можете ли вы совершенно свободно приступить к изучению, если у вас уже имеется представление в пользу изучаемого или против него? Если вы хотите понять своего сына, не должны ли вы его изучать, не отождествляя себя с ним и не осуждая его? Вне всяких сомнений, если вы находитесь в конфликте с вашим сыном, вы не можете понять его. Итак, необходим ли конфликт для понимания?

«Но, может быть, существует другой вид конфликта, конфликт обучения, как что-то делать, конфликт приобретения технических навыков? Человек может обладать интуитивным видением, но оно должно проявиться в действии, а проявление в действии — это борьба, которая влечет за собой многие тревоги и страдания».

— В известной степени это так; но не заключено ли само творчество в средствах? Средства — не нечто отдельное от цели; цель соответствует средствам. Выражение соответствует творчеству; стиль выражения соответствует тому, что вам необходимо сказать. Если вы чувствуете, что можете сказать нечто, оно само создаст свой стиль. Но если мы имеем дело только с техникой, то это не касается никаких жизненных проблем.

Может ли конфликт в какой-либо области вести к пониманию? Не заложена ли непрерывная цепь конфликтов в самом усилии, в стремлении быть или стать тем или иным в позитивном или негативном смысле? Не становится ли причина конфликта результатом, который в свою очередь делается причиной? Освобождение от конфликта приходит лишь тогда, когда имеется понимание того, что *есть*. То, что *есть*, никогда нельзя понять сквозь завесу идеи; к нему надо подойти по-новому. Так как то, что *есть*, никогда не бывает статичным, то ум не должен быть привязан к знанию, идеологии, верованиям, умозаключениям. Конфликт по своей природе вносит разделение, совершенно так же, как любое противодействие; а разве процесс исключения, отделения не является дезинтегрирующим фактором? Любая форма власти, — власть индивидуума или власть государства, любое усилие возвысить себя или умалить, — это процесс дезинтеграции. Все идеи, верования и системы мышления создают разделение и замкнутость. Усилие, конфликт ни при каких обстоятельствах не могут принести понимание, потому что они являются дезинтегрирующим фактором как для индивидуума, так и для общества.

«Тогда что же такое интеграция? Я более или менее понимаю факторы дезинтеграции. Но это лишь негативная сторона. Через отрицание нельзя подойти к интеграции. Я могу знать, что есть ложное, но это не означает, будто я знаю, что такое истинное»

— Когда вы видите ложное как ложное, несомненно, проявляется истинное. Когда вы осознаете факторы дезинтеграции, не просто на уровне слов, но глубоко, разве тогда не существует интеграции. Является ли интеграция чем-то статичным, чего надо достичь, что завершает? Интеграция не может быть достигнута; то, что достигнуто, — мертво. Интеграция —

не цель, не завершение, а состояния бытия; это нечто живое; а разве может живое быть целью, результатом? Желание быть интегральным не отличается от любого другого желания, а всякое желание — это причина конфликта. Интеграция существует тогда, когда нет конфликта. Интеграция это состояние полного внимания. Не может быть полного внимания, если существует усилие, конфликт, сопротивление, концентрация. Концентрация — это фиксация, это процесс отделения, замыкания в себе, а полное внимание невозможно, когда существует замкнутость. Замыкаться в себе — значит суживать сознание, а узость сознания никогда не может понять полноту. Полное внимание невозможно, если имеются осуждение, оправдание или отождествление, если ум затуманен выводами, рассуждениями, теориями. Когда мы поняли все, что является препятствием, — только тогда существует свобода. Свобода — это абстракция для человека, пребывающего в тюрьме; но пассивное, бдительное внимание обнаруживает все препятствия, помехи, и, свободная от них, возникает интеграция.

Рис созрел: его зелень уже приняла золотистый оттенок, и солнце клонилось к закату. Длинные узкие каналы были наполнены водой, и вода ловила угасающий свет. По краям рисовых полей высились пальмовые деревья; между ними виднелись небольшие домики, темные и уединенные. Через рисовые поля и пальмовые рощицы вилась тропинка. Казалось, ее наполнила музыка. Прямо перед рисовым полем играл на флейте мальчик. У него было чистое, здоровое тело, правильных пропорций, очень изящное; а его единственной одеждой была чистая белая набедренная повязка; заходящее солнце поймало его лицо, и в глазах мальчишки засияла улыбка. Он играл гаммы, а когда устал, начал играть песню. Он по-настоящему радовался игре, и радость его была заразительна. Хотя я присел совсем рядом, он ни разу не прерывал игру. Вечерний свет, золотисто-зеленое море рисовых полей, солнце среди пальм и этот мальчик, играющий на флейте, — все это придавало вечеру редкое очарование. Но вот мальчик перестал играть, подошел ко мне и сел рядом. Никто из нас не сказал ни единого слова, но он улыбнулся, и его улыбка наполнила небеса.

Из дома, скрытого среди пальм, его позвала мать; он ответил и не сразу, но после третьего зова встал, улыбнулся и ушел. Немного подалее на тропинке пела девушка под аккомпанемент струнного инструмента; у нее был очень красивый голос. На другой стороне поля кто-то подхватил песню и запел полным голосом; девушка перестала петь и слушала, пока мужской голос не смолк. Стало темнеть. Над полем появилась вечерняя звезда, заквакали лягушки.

Как нам хочется владеть кокосовым орехом, женщиной, небесами! Мы хотим владеть этим единолично, по-видимому, вещи приобретают для нас еще большую ценность именно благодаря тому, что принадлежат нам. Когда мы говорим «это мое», картина становится для нас еще прекраснее, еще более ценной; она как бы приобретает еще большую нежность красок, еще большую глубину и полноту. Обладание связано со странным чувством проявления силы. В тот момент, когда мы сказали «это мое», картина стала вещью, за которой надо ухаживать, которую надо оберегать; в этом признании заложено сопротивление, из которого рождается насилие. Насилие всегда стремится к успеху; насилие — это самоосуществление. Преуспевать, иметь успех — это всегда означает терпеть неудачу. Прибытие — это смерть, а следование — вечно. Добиваться, быть победителем в этом мире — значит потерять жизнь. Как настойчиво мы добиваемся цели! Но достижение цели нескончаемо; точно так же нескончаем и конфликт, связанный с достижением. Конфликт — это постоянное преодоление, и то, что покорено, необходимо подчинять снова и снова. Победитель всегда находится в страхе, и обладание, собственность — источник его тьмы. Побежденный, который жаждет победы, теряет то, что он получил; он становится подобен победителю. Иметь пустую чашу означает обладать жизнью, которая бессмертна.

Они поженились совсем недавно, и у них еще не было ребенка. Они казались столь юными, робкими, далекими от шума жизни. Им хотелось обсудить свои вопросы спокойно, без боязни, что их прервут или что они заставят кого-нибудь ждать. Это была очень приятная пара, но в глазах у них чувствовалось напряжение; хотя они непринужденно улыбались, за этой улыбкой таилась тревога. Их чистота и свежесть сопровождалась шепотом внутренней борьбы. Любовь — удивительное явление, и как быстро она вянет, как быстро дым удушает пламя! Пламя не принадлежит нам — ни мне, ни вам; это просто пламя, чистое и доступное всем. Оно не имеет личного или безличного характера; оно не принадлежит вчерашнему или завтрашнему дню. В нем — исцеляющее тепло и аромат, который постоянно меняется. Им нельзя овладеть, нельзя владеть монопольно или удержать в своих руках. Если сделать попытку захватить его, оно

обожжет и произведет разрушения, а дым наполнит нашу жизнь; и тогда для пламени не останется места.

Он рассказал, что они женаты уже два года и тихо живут поблизости от сравнительно большого города. У них скромная ферма, двадцать или тридцать акров рисовых полей и фруктовых садов и небольшое стадо. Он занимался улучшением породы скота, а она работала в местном госпитале. Их дни были заполнены, но не было полноты жизни из-за бегства от самих себя. Они никогда не стремились уйти от чего бы то ни было, за исключением лишь родственников, которые были полны традиций и довольно утомительны. Они поженились вопреки желанию семьи и жили отдельно почти не прибегая к помощи близких. Перед женитьбой они многое обсудили друг с другом и решили не иметь детей.

— Почему?

«Мы оба поняли, что мир — это великий хаос; поэтому рожать новых детей казалось нам каким-то преступлением. Дети почти наверняка станут сотрудниками бюрократической системы или рабами какой-то религиозно-экономической группы. Окружающая среда лишит их гибкости ума или сделает их ловкими и циничными.

Кроме того, у нас нет достаточно средств, чтобы воспитать детей надлежащим образом».

— Что, по-вашему, означает «надлежащим образом»?

«Если мы хотим воспитать детей надлежащим образом, нам необходимо учить их не только здесь, но и за границей. Надо развивать их интеллект, чувство красоты и понимание того, что является ценным; надо помочь им воспринимать жизнь широко и в духе счастья, так как это упрочит их внутреннюю гармоничность. Конечно, им необходимо дать и технические знания, которые не разрушили бы их души. Но, помимо всего этого, мы понимаем, насколько мы сами лишены гибкости ума, и что нельзя передавать детям наши собственные реакции, нашу обусловленность. Мы не захотели воспроизводить новые образцы самих себя».

— Иными словами, перед тем, как пожениться, вы оба все это продумали так логично и так жестоко? Вы заключили хороший контракт. Но можно ли выполнить его так же легко, как легко вы его задумали? Жизнь несколько сложнее словесной договоренности, не правда ли?

«Именно это мы и хотим выяснить. Мы ни с кем об этом не говорили ни до, ни после нашей женитьбы; и вот в данном вопросе мы натолкнулись на препятствия. Мы не знаем никого, с кем можно было бы поговорить совершенно свободно; ведь большинство более взрослых людей с таким высокомерным удовольствием высказывают свое неодобрение или похлопывают нас по плечу. Мы присутствовали на одной из ваших бесед и решили прийти и обсудить с вами нашу проблему. Надо еще вам сказать, что перед свадьбой мы дали обет воздерживаться от каких-либо сексуальных отношений друг с другом».

— Но почему же?

«Оба мы весьма склонны к религиозным исканиям и хотели бы вести духовную жизнь. Еще с детских лет я стремился быть вне мира, вести жизнь саньясина. Я прочитал множество религиозных книг, и они лишь усилили мое желание. Достаточно сказать, что в течение почти целого года я носил желтую одежду».

— И вы также?

«Я не обладаю таким пытливым умом и такими знаниями, как он. Но у меня довольно твердая религиозная основа. Мой дед успешно вел свое дело, но оставил жену и детей, чтобы сделаться саньясином, а теперь мой отец думает сделать то же самое. Пока что верх брала мать, но в один прекрасный день он тоже может исчезнуть. У меня такой же импульс к ведению религиозной жизни».

— Тогда позвольте вас спросить, зачем же вы вступили в брак?

«Мы хотели общаться друг с другом, — отвечал он, — мы полюбили друг друга, и у нас есть

что-то общее. Мы всегда это чувствовали, с самых юных дней нашего общения, и мы не видим никакой причины возражать против официального брака. Мы думали и о том, чтобы жить вместе без секса и, не оформляя брака, но это создало бы неизбежные трудности. После нашего бракосочетания почти целый год все было в порядке, но наше страстное стремление друг к другу стало просто нестерпимым. Наконец, это становилось столь невыносимо, что я обычно уходил из дому; я не мог работать, не мог ни о чем другом думать, у меня бывали дикие сны. Я стал угрюмым и раздражительным, хотя между нами не было сказано ни одного резкого слова. Мы же любили и не способны были обидеть друг друга ни словом, ни поступком; но нас сжигала неистовая страсть друг к другу, подобно лучам полуденного солнца, и мы решились, наконец, прийти и поговорить с вами. Я буквально не в состоянии вынести тяжесть обета, который мы приняли. Вы не можете себе представить, что это такое».

— А как вы?

«Какая женщина не хочет ребенка от человека, которого она любит? Я не знала, что была способна на такую любовь, но мне также пришлось пережить дни, обернувшиеся истинной пыткой, и ночи агонии. Я стала истеричной и способна плакать по малейшему поводу, а в определенное время месяца это становилось каким-то кошмаром. Я надеялась, что это как-нибудь обойдется, но даже после того как мы обо всем поговорили, легче не стало. Тогда недалеко от нас открыли больницу, и мне предложили там работать; я была рада уйти от всего. Но легче все же не стало. Видеть его так близко каждый день...» — Теперь она уже плакала всем сердцем. — «И вот мы пришли обо всем поговорить. Что вы скажете?»

— Является ли это религиозной жизнью, когда себя наказывают? Разве умерщвление тела или ума — признак понимания? Разве истязание себя — это путь к истине? Является ли целомудрие отречением? Думаете, далеко вы уйдете путем отречения? Вы действительно считаете, что можно прийти к миру через конфликт? Разве средства не имеют неизмеримо большее значение, чем цель? Цель *может* быть, а средства *есть*. Реальное, то, что *есть*, должно быть понято, а не задушено принятыми решениями, идеалами и хитроумными рассуждениями. Скорбь — это не путь счастья. То, что называют страстью, необходимо понять, а не подавлять и не сублимировать; и бесполезно искать ей замену. Что бы вы ни делали, какое бы средство ни изобрели, вы лишь усилите то, что не полюбили и не поняли. Полюбить то, что мы называем страстью, означает понять ее. Любить — значит быть в непосредственном общении; и вы не можете что-то любить, если относитесь к этому с негодованием, имея определенные идеи и суждения. Как можете вы любить и понять страсть, если вы против нее приняли обет? Обет — это форма сопротивления, а то, чему вы противитесь, в конечном счете побеждает вас. Истина не может быть побеждена, вы не можете штурмовать ее; она проскользнет сквозь ваши ладони, если вы попытаетесь схватить ее. Истина приходит безмолвно, без того, чтобы вы об этом знали. То, что вы знаете, — не истина, это лишь идея, символ. Тень не есть реальное.

Проблема ваша, очевидно, состоит в том, чтобы понять себя, а не в том, чтобы разрушать себя. Разрушить сравнительно легко. У вас есть образец для действий, с помощью которых вы надеетесь достичь истины. Образец всегда является вашим собственным созданием, он соответствует вашей обусловленности, точно так же, как и ваша цель. Вы создаете образец, а потом даете обет осуществить его в жизни. Все это — предельная форма ухода от самого себя. Но вы совсем не являетесь этим образцом, который вы сами спроецировали; вы — то, что вы действительно есть, это желание, это страстная жажда. Если вы по-настоящему хотите выйти за пределы этого страстного желания и освободиться от него, вы должны понять его полностью, не осуждая и не принимая; но это искусство, которое приходит через бдительное самоосознание при глубокой пассивности.

«Я читал некоторые из ваших бесед, и мне понятно то, о чем вы говорите. Но что же нам

делать в наших условиях?»

— Ведь это — ваша жизнь, ваши страдания, ваше счастье, и смеет ли кто-либо другой говорить вам, что именно вы должны или не должны делать? Разве другие люди уже не давали вам советы? Другие — это прошлое, это — традиции, обусловленность, причем и вы также составляете часть всего этого. Вы слушали других, слушали самих себя, и, тем не менее, вы по-прежнему находитесь в затруднении. Будете ли вы продолжать поиски совета от других, иными словами, от самих себя? Вы будете слушать, но примете то, что вам приятно, и отвергнете то, что может причинить вам боль; но и то и другое вас свяжет. Начало скорби заложено и в том, что вы дали обет противодействовать страсти, и в том, что вы будете ей потворствовать. Важно понять весь процесс создания идеала, принятия обета, дисциплины, страданий; ведь все это есть глубокое бегство от внутренней нищеты, от боли, вызываемой внутренней неполноценностью, одиночеством. Весь этот процесс и есть вы сами.

«А что вы скажете по поводу детей?»

— Опять-таки здесь не может быть ни «да», ни «нет». Поиски ответа с помощью ума никуда не приведут. Мы используем детей в качестве пешек в игре своего самодовольного «я» и пожинаяем скорбь; мы используем их в качестве нового средства уйти от самих себя. Когда дети не будут использованы в качестве средства для достижения той или иной цели, тогда они обретут новое значение, совсем иное, чем то, которое можете придать им вы сами, общество или государство.

Целомудрие — не продукт ума; целомудрие — это подлинная природа любви. Без любви не может быть целомудрия, что бы вы ни предпринимали. Если у вас есть любовь, ваш вопрос получит истинный ответ.

Долгое время они оставались в комнате, совершенно безмолвные. Ни слов, ни жестов больше не было.

СТРАХ СМЕРТИ

Красная земля перед домом была усеяна цветами с воронкообразными чашечками и золотистой сердцевинкой. У них были крупные розовато-фиолетовые лепестки и нежный запах. В течение дня им неизбежно предстояло погибнуть, но во мраке ночи они покрывали весь участок. Зубчатые листья мощной лианы блестели в лучах утреннего солнца. Дети беспечно наступали на цветы, а человек, который поспешно сажился в машину, даже не взглянул на них. Кто-то из проходивших мимо сорвал цветок, вдохнул его аромат и взял с собой, но очень скоро бросил. Какая-то женщина, вероятно, служанка, выйдя из дома, сорвала один цветок и воткнула его в волосы. Как прекрасны были эти цветы и как быстро они увядали при солнечном свете!

«Я всегда был одержим каким-то страхом, в детстве был довольно робок, застенчив и чувствителен, а теперь я испытываю страх перед старостью и смертью. Я знаю, что все мы должны умереть, но, очевидно, никакие рассуждения не могут развеять этот страх. Я стал членом общества психических исследований и присутствовал на некоторых сеансах; прочел то, что великие учителя говорили о смерти, но страх меня не покидает. Я даже занялся психоанализом, но и это ничего не дало. Страх стал для меня настоящей проблемой; среди ночи я просыпаюсь от кошмарных сновидений, и все они; так или иначе связаны со смертью. Я ощущаю непонятный ужас, перед насилием и смертью. Война была для меня непрерывным кошмаром; но теперь я совершенно утратил равновесие. Это еще не невроз, но я предвижу, что дело может кончиться неврозом. Я сделал все, что мог, чтобы держать страх под контролем; пытался убежать от него, но к концу бегства уже не мог его от себя отбросить. Я слышал несколько довольно примитивных лекций по вопросу о перевоплощении, даже изучил индийскую и буддистскую литературу об этом. Но все это оказалось совершенно неубедительным, по крайней мере, для меня. У меня не поверхностный страх смерти, но весьма глубокий».

— Как вы подходите к будущему, к завтрашнему дню, к смерти? Стараетесь ли вы найти истину вопроса или ищете успокоения, вполне определенных высказываний о непрерывности существования или, наоборот, о полном уничтожении, которые вас удовлетворили бы?

«При такой постановке вопроса я едва ли могу сказать, чего именно я боюсь; но и в том, и в другом случае страх назойливо присутствует».

— В чем ваша проблема? Хотите ли вы освободиться от страха, или ищете истину о смерти? «Что вы понимаете под словами «истина о смерти»?»

— Смерть — неизбежный факт. Делайте, что хотите, но она неотвратима, завершающая, истинна. Но хотите ли вы знать истину того, что находится за пределами смерти?

«Из всего того, что я изучил, на основании нескольких случаев материализации, которые я наблюдал во время сеансов, несомненно следует, что жизнь каким-то образом продолжается после смерти. В той или иной форме продолжается и мысль, о чем говорили вы сами. Подобно тому, как при передаче песен, слов и изображений по радио необходимо иметь приемник на другом конце, так же и мысли, продолжающейся после смерти, необходим инструмент, с помощью которого она могла бы себя выразить. Этим инструментом может оказаться медиум; или мысль проявит себя как-нибудь иначе. Все это довольно ясно, доступно пониманию и проверке опытом. Но хотя я проник во все это довольно глубоко, остается какой-то необъяснимый страх, который, как я думаю, вполне определенно связан со смертью».

— Смерть неизбежна. Непрерывность может закончиться, или же ее можно питать и поддерживать. То, что обладает длительностью, никогда не может сделаться новым; оно никогда не в состоянии обладать новизной, понять неведомое. Непрерывность — это

длительность. Но то, что является постоянным, не есть вневременное. Вневременное не приходит туда, где есть время и длительность. Должен наступить конец для того, чтобы проявилось новое. Оно не раскрывается там, где существует непрерывность мысли. Мысль есть постоянное движение во времени; это движение не может включать в себя состояние бытия, которое вне времени. Корни мысли в прошлом, само ее бытие от времени. Время — это не только хронологическое время; время — это мысль, рассматриваемая как движение от прошлого через настоящее в будущее; это движение памяти, слова; это — образ, символ, воспроизведение, повторение. Мысль, память приобретает длительность благодаря словам и повторению. Конец мысли есть начало нового, смерть мысли — это вечная жизнь. Необходимо постоянное завершение для того, чтобы проявилось новое. То, что обладает новизной, не бывает непрерывным; новое никогда не может пребывать в поле времени. Новое существует лишь там, где есть умирание в каждый данный момент. Необходимо ежедневное умирание для того, чтобы проявилось неведомое. Завершение старого — это начало нового; но страх препятствует завершению.

«Я сознаю свой страх, но я не знаю, что находится за его пределами».

— Что мы понимаем под страхом? Что такое страх? Страх — не абстракция, он не существует сам по себе, вне связи с другим. Он проявляется лишь по отношению к чему-нибудь. Его можно обнаружить только в процессе взаимоотношений; вне тех или иных взаимоотношений страха не существует. Но чего именно вы боитесь? Вы говорите, что боитесь смерти. Что же мы понимаем под смертью? Хотя существуют теории и рассуждения о смерти, а также некоторое количество наблюдений, тем не менее смерть — это неизвестное. Какими бы знаниями о смерти мы ни обладали, сама смерть не может оказаться в поле известного. Мы протягиваем руку, чтобы ухватить ее, но ее уже нет. Ассоциация — это известное. Неведомое невозможно сделать известным; привычные действия не могут схватить смерть. Вот почему появляется страх.

Может ли известное, ум когда-либо понять или иметь неизвестное своим содержанием? Протянутая рука может получить только то, что известно; она не может удержать непознаваемое. Жажда опыта создает длительность для мысли; если у вас есть желание иметь опыт, вы придаете силу прошлому; ваше стремление испытать неизвестное — это лишь продление известного. Вы хотите иметь переживание смерти, не так ли? Хотя вы еще живете на земле, вы хотите знать, что такое смерть. Но знаете ли вы, что такое жизнь? Вы знаете жизнь лишь как конфликт, смятение, антагонизм, преходящие радости и страдания. Но разве это жизнь? Разве борьба и скорбь — это жизнь? Вот в таком состоянии, которое вы называете жизнью, вы хотите испытать то, что не находится в поле зрения вашего сознания. Наши муки, борьба, ненависть, которая включена в радость, — вот то, что мы называем жизнью. И тем не менее мы хотим испытать нечто совершенно противоположное тому, что называется жизнью. Но это противоположное есть продление того, что есть, возможно, несколько видоизмененное. Смерть же — это не то, что противоположно жизни. Смерть есть неизвестное. То, что принадлежит известному, жаждет пережить смерть, неизвестное; но, что бы вы ни делали, оно не в состоянии иметь опыт смерти, и вот почему оно исполнено страха. Разве это не так?

«Вы показали это вполне отчетливо. Если бы я был в состоянии понять или испытать, что такое смерть, оставаясь при этом живым, тогда, несомненно, страх исчез бы».

— Вы не можете иметь опыта смерти, поэтому вы ее боитесь. Может ли сознание испытать такое состояние, которое через него не проявляется? То, что мы можем испытать, — это проекция сознания, это известное. Известное может испытывать лишь то, что известно; опыт всегда находится в поле известного; известное не может испытывать то, что находится вне его поля. Но состояние переживания в корне отлично от опыта. Состояние переживания не

находится в поле того, кто испытывает; но когда переживание угасает, появляется испытывающий и опыт; и тогда-то переживание переходит и поле известного. Познающий, тот, кто испытывает, жаждет неизвестного; но так как испытывающий, познающий не может войти в состояние переживания, им овладевает страх. Он сам и *есть* страх, он неотделим от страха. Испытывающий страх совсем не есть тот, кто наблюдает этот страх; он есть сам страх, подлинное орудие страха.

«Что вы понимаете под страхом? Я знаю, что боюсь смерти, но я не ощущаю, что сам и есть этот страх; я просто испытываю страх перед чем-то, чего боюсь, но сам я отличен от страха. Страх — это ощущение, отличающееся от «я», которое смотрит на него, анализирует его. Я — тот, кто наблюдает, а страх — это то, что я наблюдаю. Каким образом наблюдающий и наблюдаемое могут быть едиными?»

— Вы говорите, что вы — наблюдающий, а страх — это наблюдаемое. Но так ли это? Являетесь ли вы сущностью, живущей отдельно от своих качеств? Разве вы и ваши качества — не одно и то же? Разве ваши мысли, эмоции и прочее — это не вы сами? Вас нельзя отделить от ваших свойств, мыслей. Вы *есть* ваши мысли. Мысль создает «я», «вас», как предполагается, — отдельную сущность; но без мысли нет и мыслящего. Видя непостоянство своей природы, мысль творит мыслящего, как постоянную, устойчивую сущность; мыслящий же тогда становится тем, кто переживает, анализирует, наблюдает, будучи независимым от мимолетного, преходящего. Все мы жаждем какого-то постоянства, и, видя непостоянство вокруг нас, мысль творит мыслящего как нечто постоянное. Мыслящий же, в свою очередь, приступает к созданию других, более высоких форм постоянства, таких как душа, атман, высшее «я» и прочее. В основе всей этой структуры лежит мысль. Но это уже другая тема. Мы исследуем страх. Что такое страх? Рассмотрим этот вопрос.

Вы говорите, что боитесь смерти. Так как вы не можете иметь переживание смерти, у вас появляется страх. Смерть — это неизвестное, а вы боитесь неизвестного, не правда ли? Далее, можете ли вы бояться того, чего вы не знаете? Если что-либо вам неизвестно, разве можете вы его бояться? На самом деле вы боитесь совсем не того, что неизвестно, — в данном случае смерти, — а вы боитесь потерять известное, так как это может причинить страдание или лишить вас радости и чувства удовлетворения. Как раз известное вызывает страх, а вовсе не неизвестное. Каким образом неизвестное может быть причиной страха? Ведь мы не можем применить к нему термина удовольствия или страдания: оно остается неизвестным.

Страх не может существовать сам по себе, он появляется по отношению к чему-то. Вы в действительности боитесь известного; в его отношении к смерти, разве не так? Вы цепляетесь за известное, за опыт, поэтому вы боитесь того, чем может оказаться будущее. Но то, что «может быть», будущее, — это всего лишь реакция, предположение, обратное тому, что *есть*. Ведь все это так, не правда ли?

«Да, вероятно, так»,

— А знаете ли вы то, что *есть*! Понимаете ли вы это нечто? Открыли ли вы этот шкаф известного и заглянули ли внутрь? Не испытываете ли вы такого же страха перед тем, что можете там обнаружить? Пытались ли вы когда-нибудь исследовать известности то, чем вы владеете?

«Нет, я этого не делал. Я всегда воспринимал известное, как нечто само собой разумеющееся. Я воспринимал прошлое так же, как люди воспринимают солнечный свет или дождь. Я никогда не делал это предметом рассмотрения. Люди едва ли отдают себе в этом отчет, так же как никто не думает о своей тени. Когда вы указали на это, я вижу, что у меня существует такой же страх перед тем, что может оказаться в моем хранилище известного».

— Ведь многие из нас боятся заглянуть в самих себя, не так ли? Мы можем обнаружить в

глубине неприятные вещи, а потому предпочитаем не глядеть и пребывать в неведении относительно того, что *есть*. Мы боимся не только того, что может быть в будущем, но и того, что может быть в настоящем. Мы боимся узнать самих себя, каковы мы есть, и это стремление избежать то, что *есть*, заставляет нас бояться того, что *может* быть. К так называемому известному мы приближаемся со страхом, и с тем же страхом подходим к неизвестному, к смерти. Уход от того, что *есть*, — это желание пребывать в состоянии удовлетворенности. Мы ищем безопасности, мы постоянно требуем, чтобы ничто не беспокоило; вот это желание уйти от беспокойств и волнений побуждает нас убежать от того, что *есть*, и бояться того, что *может* быть. Страх — это неведение относительно того, что *есть* и наша жизнь проходит в постоянном страхе.

«А как можно избавиться от этого страха?»

— Для того чтобы освободиться от чего-либо, вы должны это понять. От чего вы хотите освободиться? Есть ли это страх или желание не видеть то, что *есть*! Именно желание не видеть то, что *есть*, порождает страх. Если вы не хотите понять все значение того, что *есть*, то страх действует как предупреждающее средство. Вы можете вести вполне удовлетворяющую вас жизнь, сознательно избегая любых попыток рассмотреть то, что *есть*. Многие так и поступают, Но у них нет счастья, точно так же, как нет его и у тех, кто развлекается поверхностным изучением того, что *есть*. Только те, кто серьезно работает в этом направлении, могут осознать счастье, только они обладают свободой от страха.

«Но как можно тогда понять то, что *есть*!»

— То, что *есть*, надо понять в зеркале взаимоотношений со всем остальным. То, что *есть*, нельзя понять, если вы удаляетесь от людей и пребываете в изоляции. Его нельзя понять, если вы опираетесь на толкователей и переводчиков, которые отрицают или принимают. То, что *есть*, можно понять лишь тогда, когда ум предельно пассивен, когда он не производит никаких действий по отношению к тому, что *есть*.

«Но не слишком ли трудно находиться в состоянии пассивного осознания?»

— Это трудно до тех пор, пока существует мысль.

СЛИЯНИЕ МЫСЛЯЩЕГО С МЫСЛЮ

Пруд был небольшой, но очень красивый. Берега его были покрыты травой, а несколько ступенек вели вниз к воде. На одном конце пруда стоял небольшой белый храм, окруженный высокими стройными пальмами. Храм был хорошо построен и поддерживался в отличном состоянии. Он был безукоризненно чист. В этот час солнце уже зашло за пальмовую рощу; когда мы подошли ближе к храму, там не было никого, даже священнослужителя, который с великим благоговением смотрел за храмом и его убранством. Этот скромный живописный храм придавал пруду атмосферу мира; вокруг было так тихо, и даже птицы умолкли. Легкий ветерок, который раскачивал верхушки пальм, затих. По небу проплывали редкие облачка, освещенные заходящим солнцем; змея переплывала через пруд, то погружаясь в воду, то выплывая среди листьев лотоса. Вода была совершенно чистая, а цветы лотоса — розовые и фиолетовые — струили свой тонкий аромат над водой и зелеными берегами. Но вот наступила полная тишина, и очарование этого места наполнило землю. А красота этих цветов! Цветы оставались неподвижными, и лишь один или два из них медленно закрывали лепестки на ночь, уходя от надвигающейся тьмы. Змея переплыла через пруд, поднялась на берег и поползла вдоль него. Ее глаза напоминали яркие черные бусинки, а рассеченный язычок колебался наподобие пламени, указывая дорогу, по которой надо идти.

Предположение и воображение — это помеха для истины. Ум, занятый спекулятивными предположениями, никогда не сможет познать красоту того, что *есть*; он опутан сетью собственных образов и слов. Как бы далеко ни уносился он в своем воображении, он все еще остается в тени собственной структуры и никогда не может видеть то, что вне его. Сенситивный ум — это не тот ум, который занят воображением. Способность создавать образы ограничивает ум; такой ум привязан к прошлому, к воспоминаниям, что делает его тупым. Лишь спокойный ум сенситивен. Накопление в любой форме — это бремя; а как может ум быть свободным, если он обременен? Только свободный ум сенситивен; это та открытость, которая не взвешивает, не предполагает, не знает. Воображение и предположение препятствуют открытости, сенситивности.

Он сказал, что провел много лет в поисках истины, побывал у многих гуру и учителей. Продолжая свое паломничество, он остановился здесь, чтобы выяснить некоторые вопросы. Это был аскет бронзовый от загара и исхудавший от своих странствований; он отказался от мира и покинул свою далекую родину. Практикуя определенные упражнения, он с большими трудностями достиг сосредоточения и приобрел власть над желаниями. По профессии ученый, он всегда мог привести цитату, легко подыскивал аргументы и быстро делал выводы. Он изучил санскрит, звучные фразы которого ему легко давались. Все это придавало его уму известную остроту; но ум, который искусственно отточен, теряет гибкость и свободу.

— Для того, чтобы понимать, делать открытия, не должен ли ум быть свободным с самого начала? Может ли ум, который подвергается дисциплине и подавлению, когда-нибудь стать свободным? Свобода — не конечная цель. Она должна существовать с самого начала, разве не так? Ум, который подвергается дисциплинам и контролю, обладает свободой лишь в рамках своего образца; но это не настоящая свобода. Цель дисциплины — сообразоваться с образцом; ее путь ведет к известному, а то, что известно, никогда не обладает свободой. Дисциплина со своим страхом — это алчное желание достижения.

«Я начинаю сознавать, что во всех этих дисциплинах есть нечто в корне неправильное. Хотя я потратил много лет, стараясь придать моим мыслям форму, соответствующую желаемому образцу, тем не менее я вижу, что никаких достижений у меня нет».

— Если средство достижения — это подражание, то и результат должен быть копией. Средства формируют результат, не правда ли? Если уму с первых же шагов придается та или иная форма, то и в самом конце он обусловлен этой формой. Может ли обусловленный ум когда-либо быть свободным? Средство есть результат; это не два отдельных процесса. Думать, что с помощью ложных средств можно достичь истины — это совершенная иллюзия. Когда средства — это подавление, тогда и результат также неизбежно окажется продуктом страха.

«У меня смутное чувство того, что любая дисциплина не соответствует поставленной задаче, хотя я сам продолжаю упражняться в ней. В настоящее время эта дисциплина является для меня подсознательной привычкой. С детских лет мое воспитание было процессом подчинения, а подчинение дисциплине стало почти инстинктивным с тех пор, как я надел это одеяние. Большинство книг, которые я прочел, все гуру, у которых я был, предписывают контроль в той или иной форме. И вы не представляете себе, какое значение это для меня имело. Вот почему то, что вы говорите, кажется мне почти кощунством и вызывает во мне настоящий шок; но, по-видимому, оно истинно. Потеряны ли зря годы моих исканий?»

— Они были бы потеряны, если бы та практика, которой вы следовали, встала на пути понимания и готовности воспринять истину; иными словами, если бы вы не проявили мудрого наблюдения и глубокого понимания этих препон. Мы настолько отгородились от всего в наших собственных фантастических построениях, что большинство из нас не отваживается прямо посмотреть на них и на то, что кроется за ними. Само стремление понять уже есть начало свободы. Итак, в чем же состоит ваша проблема?

«Я ищу истину, а средством для достижения цели выбрал разнообразные виды дисциплины и практики. Мой глубочайший инстинкт побуждает меня искать и найти; ничто другое меня не интересует».

— Начнем с того, что находится близко, чтобы уйти далеко. Что вы понимаете под исканием? Стремитесь ли вы найти истину? Можно ли обрести ее путем искания? Для того чтобы искать истину, должны знать, что это такое. Искание предполагает, что вы это предвидите, уже имея некоторое ощущение или знание, не так ли? Является ли истина чем-то таким, что надо распознать, обрести и удержать? Разве даже намек на истину не есть проекция прошлого, и, следовательно, совсем не истина, а просто воспоминание? Искание предполагает процесс, связанный с выходом во вне или погружением внутрь, не правда ли? А разве ум не должен оставаться безмолвным для того, чтобы проявилось реальное? Искание — это усилие получить большее или меньшее; это приобретение, в позитивном или негативном смысле; и пока ум есть средоточие, фокус усилия, конфликта, разве может он когда-нибудь быть спокойным? Может ли ум быть спокойным благодаря усилию? Его можно *сделать* спокойным путем принуждения; но то, что сделано, может быть разрушено.

«А разве усилие не является в какой-то мере необходимым?»

— Сейчас мы это увидим. Исследуем истину искания. Для искания необходим тот, кто ищет; необходима сущность, отдельная от того, что она ищет. Но есть ли такая сущность? И мыслящий и тот, кто переживает, — отличается ли он от своих мыслей и переживаний? Существует ли он отдельно от них? Если не исследовать всю эту проблему, медитация не будет иметь никакого значения. Поэтому нам необходимо понять ум, процесс нашего «я». Что такое ум, который ищет, выбирает, полон страха, отрицает или одобряет? Что такое мысль?

«Я никогда не подходил к данной проблеме подобным образом и теперь нахожусь в некотором затруднении; но продолжайте пожалуйста».

— Мысль — это ощущение, не так ли? Ощущение появляется благодаря восприятию и соприкосновению, отсюда возникает желание иметь это, а не то. Желание есть начало отождествления различия «моего» и «не моего». Мысль мимолетна, изменчива, непостоянна,

и она ищет постоянства. Поэтому она создает мыслящего, того, кто мыслит, чтобы он стал постоянным; и эта сущность принимает роль надзирателя, руководителя, она контролирует, формирует мысль. Эта мнимо постоянная сущность является продуктами мимолетной, проходящей мысли. Эта сущность есть мысль; без мысли мыслящий не существует. Он состоит из качеств; его качества не могут быть отделены от него самого. Контролирующий есть контролируемое, он просто ведет обманную игру с самим собой. До тех пор, пока ложное не воспринимается как ложное, истины нет.

«Но кто же такой зритель, переживающий? Что это за сущность, которая говорит «я понимаю?»»

— Пока существует переживающий, который помнит о своем переживании, истины нет. Истина не есть то, что надо запомнить, сохранить, записать, а потом высказывать. То, что является предметом накопления, не есть истина. Желание иметь опыт создает того, кто переживает, накапливает и запоминает. Желание приводит к отделению мыслящего от его мыслей. Желание становления, желание опыта, желание быть большим или меньшим — все это создает разделение переживающего и переживания. Осознание путей желания есть познание себя. Самопознание — это основа медитации.

«Каким путем возможно слияние мыслящего с его мыслями?» — Ни акт воли, ни дисциплина, ни какое бы то ни было усилие, контроль или концентрация и ни любое другое средство не могут достичь этого. Использование каких-либо средств предполагает посредника, который действует, не так ли? До тех пор пока существует тот, кто действует, будет сохраняться разделение. Это слияние возможно лишь тогда, когда ум полностью спокоен, не стараясь быть спокойным. Такое спокойствие существует не тогда, когда прекратил существование мыслящий, а когда сама мысль пришла к концу. Необходима полная свобода от ответов, вызванных нашей обусловленностью, т.е. свобода от мысли. Любая проблема находит разрешение только в том случае, если нет больше идей, выводов; умозаключение, идея, мысль — это возбужденное состояние ума. Но возможно ли понимание, если ум возбужден? Возбужденность ума должна быть умерена живой игрой спонтанности. Если вы слушали то, что было сказано, вы обнаружите, что истина придет в тот момент, когда вы совсем ее не ждете. Будьте открыты, восприимчивы, полностью сознавая от момента к моменту то, что *есть*. Не создавайте вокруг себя неприступной стены мысли. Благословение истины приходит тогда, когда ум не занят своей деятельностью и своей борьбой.

СТРЕМЛЕНИЕ К ВЛАСТИ

У коровы начались роды; при ней находились два или три человека, которые постоянно ее доили, кормили и убирали. Корова внимательно следила за ними и, если кто-нибудь выходил, тихо мычала. В этот критический момент ей хотелось, чтобы все ее друзья были около; все они пришли, и поэтому корова была довольна. Но роды проходили тяжело. Родился маленький теленок — это была красавица-телочка. Мать поднялась и стала ходить вокруг новорожденной, время от времени слегка подталкивая ее; она была настолько рада, что готова была оттолкнуть нас в сторону. Она проделывала это долгое время, пока не устала. Мы приподняли и поддержали телочку, чтобы дать ей сосать, но мать была слишком возбуждена. Наконец, она успокоилась и тогда уже не позволяла нам отойти. Одна из женщин села на землю, а корова улеглась и положила ей на колени свою голову. Она как-то сразу потеряла интерес к теленку, но зато друзья возымели для нее гораздо большее значение. Все время было очень холодно; но вот из-за холмов показалось солнце и стало теплее.

Это был член правительства, который осознавал свое важное положение, но не подчеркивал его. Он говорил о своей ответственности перед народом; объяснил, насколько партия, к которой он принадлежит, превосходит своих противников, насколько лучше она может руководить делами. Он и его партия стремятся покончить с коррупцией и черным рынком; но найти неподкупных и в то же время знающих и дельных людей очень трудно. Тем, кто стоит в стороне, легко критиковать и поносить правительство за то, что не было им сделано. Он продолжал говорить, что когда люди достигли бы его возраста, они смотрели бы на вещи проще; но большинство людей алчно к власти, это относится даже к самым неспособным. Глубоко внутри мы все несчастны, хотя некоторые достаточно умны, чтобы скрывать свое отсутствие счастья и жажду власти. Почему у людей существует такое стремление к власти?

— Что мы понимаем под властью? Каждый индивидуум, каждая группа ищет власти: для себя, для партии, для своей идеологии. Партия и идеология — это способ расширить наше «я». Аскет ищет власти с помощью отречения, а мать ищет ее с помощью ребенка. Существует власть, присущая высокоэффективной работе с ее безжалостностью, а также власть, порождаемая умением немногих обращаться с машиной. Мы видим господство одного человека над другими, эксплуатацию глупого умным, власть денег, власть имени и слова, власть ума над материей. Все мы стремимся к той или иной форме власти над собой или над другими. Подобное стремление к власти приносит известное счастье и удовлетворение, которое не так уж быстротечно. Власть, порождаемая отказом от собственности, того же рода, что и власть, связанная с обладанием богатством. Именно желание удовлетворения, счастья побуждает нас искать власти. А как легко получаем мы удовлетворение! Легкость, с какой мы получаем то или иное чувство удовлетворения, ослепляет нас. Все виды удовлетворения действуют ослепляющим образом. Почему мы ищем власти?

«Прежде всего, мне кажется, потому, что она дает нам физические удобства, социальное положение и уважение определенных кругов общества».

— Разве жажда власти существует только на одном уровне нашего бытия? Разве мы не ищем ее и внутри себя, и вне себя. Почему это так? Почему мы преклоняемся перед авторитетом, будь то авторитет книги, какого-то лица, государства или верования? Почему существует это стремление ухватиться за какого-то человека или за идею? В прежние времена нас подавлял авторитет священнослужителя, а теперь это авторитет эксперта, специалиста. Обратили ли вы внимание на то, как вы относитесь к человеку, имеющему титул или занимающему видное положение в обществе, к чиновнику, облеченному властью? Власть в той или иной форме, по-

видимому, имеет доминирующее значение в нашей жизни: власть одного над многими, использование одного другим или взаимное использование.

«Что вы подразумеваете под использованием другого?»

— Это довольно просто, не так ли? Мы используем друг друга для взаимного удовольствия. Существующая структура общества, представляющего собой наши отношения друг с другом, основана на потребности и использовании. Вам нужны голоса избирателей, чтобы получить власть; вы используете людей, чтобы получить то, что вам нужно, а люди нуждаются в том, что вы обещаете. Женщина нуждается в мужчине, а мужчина — в женщине. Наши нынешние отношения основаны на потребности и использовании. Таким отношениям присущи черты насилия; и потому в самой основе нашего общества лежит насилие. До тех пор пока общественная структура будет основываться на взаимной потребности и использовании, она неизбежно будет носить насильственный и разрушительный характер; до тех пор, пока я использую другого ради собственного удовлетворения или для воплощения идей, с которыми я себя отождествил, возможны лишь страх, недоверие и вражда. И тогда отношения представляют собой процесс самоизоляции и дезинтеграции. Это до боли очевидно в жизни индивидуума и в отношении проблем, касающихся общества в целом.

«Но возможно ли жить без того, чтобы нуждаться друг в друге?»

— Я нуждаюсь в почтальоне; но если я использую его с целью удовлетворить какое-то внутреннее желание, то социальная потребность переходит в психологическую необходимость, и наши взаимоотношения претерпевают коренное изменение. Именно эта психологическая потребность и использование другого ведут к насилию и страданиям. Психологическая потребность является побудительной причиной поиска власти, а власть используется для удовлетворения этой потребности на разных уровнях нашего существования. Человек, исполненный честолюбия в отношении самого себя или своей партии, или же человек, стремящийся достичь идеала, представляет собой, очевидно, дезинтегрирующий фактор в обществе.

«Является ли честолюбие неизбежным?»

— Оно неизбежно лишь до тех пор, пока в самом человеке не произошло коренного изменения. Почему мы должны принимать его как нечто неизбежное? Разве жестокость человека по отношению к человеку неизбежна? Разве вы не хотели бы положить ей конец? Разве то, что мы принимаем жестокость как нечто неизбежное, не указывает на крайнюю степень нашей неразумности?

«Если вы не будете жестоки к другим, то кто-нибудь будет жестоким по отношению к вам. Поэтому лучше самому занять первые места».

— Быть в первых рядах — это то, к чему стремится каждый человек, каждая группа, каждая идеология, а в связи с этим поддерживается жестокость и насилие. Но творчество возможно лишь в состоянии мира, а разве может существовать мир, если имеет место взаимное использование? Разговоры о мире — это величайшая бессмыслица до тех пор, пока наши отношения с одним или со многими основаны на потребности и использовании. Удовлетворение потребности и использование другого неизбежно должны вести к власти и господству. Власть идеи и власть меча одинаковы, обе несут разрушение. Идея и вера ставят одного человека против другого так же, как это делает меч. Идея и вера — подлинная противоположность любви.

«Но почему же мы сознательно или подсознательно охвачены этой жаждой власти?»

— Не является ли стремление к власти одним из признанных и уважаемых способов бегства от себя, от того, что есть? Каждый из нас стремится уйти от своей неполноценности, от внутренней нищеты, от одиночества, изолированности. Нам не нравится настоящее, а бегство от

него представляется привлекательным и полным очарования. Посмотрите, что случилось бы, если бы вам угрожало лишение вашей власти, положения, имущества, приобретенного с большим трудом? Вы сопротивлялись бы всему этому, не правда ли? Вы считаете, что вы необходимы для благосостояния общества, поэтому вы оказывали бы сопротивление, применяя при этом насилие или используя хитроумные и убедительные аргументы. Если бы вы смогли добровольно отказаться от всех ваших многочисленных приобретений на различных уровнях, вы стали бы ничем, разве не так?

«Думаю, да; и это было бы очень тяжело. Конечно, я не хотел бы стать ничем».

— Вот почему вы имеете все внешние отличия, но у вас нет внутреннего содержания, нет внутреннего нетленного сокровища. Вы жаждете внешних отличий, и этого хочет каждый: из подобного конфликта рождаются ненависть и страх, насилие и распад. Вы с вашей идеологией так же несостоятельны, как и ваши противники, поэтому вы уничтожаете друг друга во имя мира, изобилия, отсутствия безработицы или во имя Бога. Так как почти каждый человек жаждет оказаться на вершине, мы и создали общество, которому присущи насилие, конфликты и враждебность.

«А каким образом возможно все это искоренить?»

— Это возможно искоренить, если мы не будем честолюбивы, жадны к славе, к имени, к положению, если мы будем тем, что *есть*, будем простыми, будем ничем. Негативное мышление есть высшая форма разумности.

«Однако жестокость и насилие в мире не могут прекратиться благодаря моему индивидуальному усилию. Разве не потребуется бесконечно долгое время для того, чтобы все люди переменились?»

— Другие — это вы сами. Ваш вопрос возникает в связи с желанием уйти от необходимости немедленного собственного изменения, разве не так? Вы рассуждаете следующим образом: «Что хорошего получится, если я изменюсь, а все остальные останутся такими же, какими они были?» Надо начать с того, что близко, чтобы дойти до того, что далеко. Но в действительности вы не хотите меняться; вы хотите, чтобы все оставалось так, как было; вы находитесь на гребне жизни. Поэтому вы и говорите, что для изменения мира путем изменения индивидуума потребуется бесконечно много времени. Мир — это вы; вы — эта проблема; проблема не существует отдельно от вас; мир есть проекция вас самих. Мир не может быть изменен, пока не изменились вы. Счастье — в изменении, а не в стяжании.

«В известной степени я счастлив. Конечно, во мне есть многое, что мне не нравится, но у меня нет ни времени, ни склонности заняться этим».

— Только счастливый человек может создать новый социальный порядок. У того же, кто отождествил себя с идеологией или с верой, кто потерял самого себя в социальной или личной деятельности, — у того нет счастья. Счастье — не цель. Оно приходит одновременно с пониманием того, что *есть*; оно возможно лишь тогда, когда ум освобождается от своих проекций. Счастье, которое можно купить, — это только чувство удовлетворения. Счастье, рождаемое деятельностью, властью, есть чувство, а так как чувства быстро увядают, то появляется желание все большего и большего. Пока это большее является путем к счастью, результат всегда будет приносить разочарование, конфликт и страдания.

Счастье — не воспоминание; это такое состояние, которое приходит вместе с истиной; оно всегда ново; в нем никогда нет длительности.

ЧТО ДЕЛАЕТ ВАС ТУПЫМ?

Он занимал скромную должность с весьма небольшим жалованием. Он пришел вместе с женой, которой хотелось обсудить их проблему. Оба были совсем молоды; детей у них не было, хотя они были уже несколько лет женаты. Но проблема их заключалась не в этом. У них едва хватало денег, чтобы сводить концы с концами, но, не имея детей, они кое-как справлялись в эти трудные времена. Будущее никому не известно, хотя оно едва ли окажется хуже настоящего времени. Он не был склонен начать беседу, но жена настаивала на том, чтобы он высказался. Она привела его сюда, по-видимому, почти насильно, так как он пришел с большой неохотой. Но вот он здесь, и она рада. Ему было трудно свободно говорить, так как он никому кроме жены о себе не рассказывал. Даже своим немногим друзьям он никогда не раскрывал своего сердца, так как они едва ли поняли бы его. Во время разговора он постепенно становился мягче; жена слушала его с тревогой. Он сказал, что их проблема — это не работа, сравнительно интересная и так или иначе обеспечивающая их хлебом. Оба были простыми людьми, без претензий. Оба окончили университет.

Наконец, она стала рассказывать о проблеме. Прошел уже год, сказала она, как ее муж потерял интерес к жизни. Он выполнял свои обязанности, и этим все ограничивалось. Утром он уходил на работу, вечером возвращался; начальство на него не жаловалось.

«Моя работа идет по заведенному порядку и не требует слишком большого внимания. Мне интересно то, что я делаю, но работаю я с каким-то напряжением. Трудности мои не в службе, не в людях, с которыми я работаю, но во мне самом. Как уже сказала моя жена, я потерял интерес к жизни и не знаю, что со мною делается».

«Он всегда отличался энтузиазмом, был чутким и нежно любящим мужем, но за последние годы стал унылым и безразличным ко всему. Он всегда любил меня, но теперь жизнь для нас обоих стала очень тягостной. Ему, по-видимому, безразлично, здесь я или нет; стало трудно жить с ним в одном доме. Он далек от того, чтобы проявить нелюбезность в какой бы то ни было форме, он просто стал апатичным и в высшей степени безразличным ко всему».

— Не потому ли, что у вас нет детей?

«Нет, не потому, — ответил он. — Наши физические взаимоотношения более или менее в порядке. Ни один брак не бывает совершенным, и у нас есть свои взлеты и падения; но я не думаю, чтобы мое безразличие возникло в результате каких-то сексуальными не порядков. Хотя мы уже некоторое время не живем супружеской жизнью, я не думаю, что мое душевное состояние вызвано отсутствием детей».

— Почему вы в этом уверены?

«Еще раньше мы с женой обнаружили, что у нас не может быть детей. Меня это никогда не тревожило, хотя она из-за этого часто плакала. Ей хотелось ребенка, но, видимо кто-то из нас не способен к воспроизведению потомства. Я предлагал принять какие-то меры, чтобы она могла иметь ребенка, но она не согласилась ни с одной из них; ей нужен ребенок от меня, иначе его совсем не надо. Все это ее глубоко удручает. В самом деле, если у дерева нет плодов, оно становится чисто декоративным. Но мы смотрим на все случившееся просто: мне ясно, что человек не в состоянии рассчитывать получить от жизни все. Я уверен, что безразличие вызвано совсем не отсутствием детей; это, конечно, не так».

— Но может быть, оно связано с удрученным состоянием вашей жены, с ее разрушенными надеждами?

«Я должна вам сказать, что мы с мужем продумали это довольно основательно. Разумеется, мне очень грустно, что у меня нет детей, и я молю Бога, чтобы когда-нибудь у меня был хоть

один ребенок. Муж, конечно, хочет, чтобы я была счастлива, но его тоска не связана с моей грустью. Если бы у нас сейчас появился ребенок, я была бы безмерно рада, но его это лишь немного отвлекло бы от его состояния; я думаю, так бывает у большинства людей. Безразличие охватило его за последние два года, вроде какой-то внутренней болезни. Раньше он обычно рассказывал мне обо всем: о птицах, о своей работе, о своих честолюбивых намерениях, о своем отношении к любви, ко мне; он всегда раскрывал передо мной свое сердце. Но теперь его сердце замкнулось, а ум блуждает где-то далеко. Я несколько раз говорила с ним, но ничего хорошего не получилось».

— Не пробовали ли вы на время расстаться и посмотреть, что из этого выйдет?

«Да. Я уезжала к своим родным почти на полгода; мы писали друг другу. Но эта разлука не внесла ничего нового; она даже ухудшила положение. Он сам готовил себе пищу, очень редко выходил из дома, держался в стороне от друзей и все более и более уходил в себя. Он вообще никогда не был слишком общительным. Но и после моего возвращения в нем не обнаружилось ни единого намека на возрождение».

— Не думаете ли вы, что это безразличие есть маска, поза, уход от какого-то неосуществленного внутреннего желания?

«Боюсь, мне не совсем понятно, что вы имеете в виду».

— Внутри вас может таиться сильное желание чего-то, и оно требует осуществления. А так как это желание не получает разрешения, то вы, возможно, стараетесь убежать от связанных с ним страданий и становитесь безразличным ко всему.

«Я никогда так не думал; это ни разу не пришло мне в голову. Каким образом я мог бы все выяснить?»

— Почему вы раньше об этом не подумали? Разве вы никогда не задавали себе вопроса о причинах вашего безразличия ко всему? Не хотите ли вы их выяснить?

«Странно, но я никогда не задавал себе вопроса о том, какова причина этой нелепой тоски. Я никогда себя об этом не спрашивал».

— Ну, а теперь, когда вы задаете себе этот вопрос, как вы на него ответите?

«Не думаю, чтобы я мог ответить. Я глубоко поражен тем, что сделался столь безразличным ко всему. Никогда я не был таким. Мне просто ужасно видеть себя в подобном состоянии».

— Но, по сути дела, хорошо уже то, что вы знаете, в каком состоянии вы находитесь. Это начало. До сих пор вы никогда не спрашивали себя, почему у вас появилось безразличие ко всему, какое-то летаргическое состояние. Вы просто его приняли и продолжаете с ним жить, не так ли? Хотите ли вы вскрыть, что именно сделало вас таким, или вы примирились с вашим нынешним состоянием?

«Боюсь, что он просто принял свое состояние, как нечто неизбежное, и не делал попыток с ним бороться».

— Разве вы не хотите обсудить вопрос о вашем состоянии? Может быть, нам лучше поговорить наедине, без вашей жены?

«О, нет. У меня нет ничего такого, чего я не мог бы сказать в ее присутствии. Я знаю, что это состояние не связано с недостатком или избытком сексуальных отношений, не связано оно и с другой женщиной. Причина также и не в отсутствии детей».

— Вы занимаетесь живописью или пишете?

«Мне всегда хотелось писать, но живописью я никогда не занимался. Во время прогулок ко мне обычно приходили мысли. Теперь этого нет».

— Почему вы не пробовали изложить что-нибудь на бумаге? Совсем не важно, будет ли это умно или нет; вы ведь не обязаны показывать это кому-нибудь. Почему вы не пытаетесь что-нибудь написать?

Но вернемся назад, к нашему вопросу. Разве вы не хотите выяснить, чем вызвано ваше безразличное состояние или вы желаете пребывать так, как есть?

«Мне хотелось бы уйти куда-то одному, отказаться от всего и найти хоть сколько-нибудь счастья».

— Действительно ли вы это хотите? Если да, то почему же вы так не поступаете? Не связана ли ваша нерешительность с женой?

«В таком состоянии, в каком я нахожусь, я не могу дать моей жене ничего хорошего. Я просто неудачник».

— Неужели вы думаете найти счастье, удаляясь от жизни, изолируя себя? Разве в настоящий момент вы не достаточно изолировали себя от всех? Если вы отрекаетесь для того, чтобы найти нечто, тогда это не отречение: это лишь хитроумная сделка, обмен, расчетливый ход с тем, чтобы приобрести. Вы отказываетесь от «этого» для того, чтобы приобрести «то». Но отречение, которое имеет в виду известную цель, — это лишь отказ, сделанный во имя того, чтобы получить что-то новое. Сможете ли вы быть счастливым путем изоляции от людей, удаляясь от них? Вы можете уйти от одной формы общения с людьми, чтобы найти счастье в другой, но вы не в состоянии совершенно уйти от какого бы то ни было контакта с жизнью. Даже пребывая в полной изоляции, вы имеете дело со своими мыслями, с самим собой. Наиболее законченная форма изоляции от всего — это самоубийство.

«Я, конечно, не собираюсь покончить с собой. Я хочу жить, но не желаю продолжать оставаться таким, каков я сейчас».

— Уверены ли вы в том, что не хотите оставаться в таком состоянии, как сейчас? Несомненно, внутри вас существует нечто такое, что порождает безразличие ко всему; но вы боитесь уйти от него, избрав новую форму изоляции. Убегать от того, что *есть*, означает изолировать самого себя. Вы хотите уйти от людей, может быть, временно, в надежде обрести счастье. Но вы уже обособили себя от других и при этом весьма основательно. Новая форма обособления, которую вы называете отречением, — это лишь новый уход от жизни. А разве вы сможете найти счастье с помощью все более глубокой изоляции от других? Природа вашего «я» состоит в том, чтобы обособить себя; его подлинная характеристика — это замкнутость в себе. Но замкнуться в себе означает отказаться с целью приобрести. Чем более вы удаляетесь от общения с другими, тем сильнее конфликт и сопротивление. Ничто не может существовать в состоянии изоляции. Как бы ни были мучительны отношения с другими, их необходимо терпеливо и глубоко понять. Конфликт порождает безразличие, апатию. Усилие стать тем или иным только создает новые проблемы в поле сознания или вне его. Вы не можете стать безразличным ко всему, если на то нет причины; вы сами говорили, что раньше обладали живым, энергичным характером. Ведь вы не всегда были таким безразличным. Чем же вызвана эта перемена?

«Вы, наверное, знаете; может быть, вы скажете ему?»

— Я мог бы сказать, но какая в этом польза? Он может принять это или отвергнуть, в зависимости от настроения или удовольствия, которое это ему доставит; но не чрезвычайно ли важно, чтобы он выяснил это сам? Не существенно ли необходимо для него самому раскрыть весь процесс и увидеть его истину? Истина есть нечто такое, что невозможно передать другому. Ваш муж должен быть в состоянии воспринять ее, и никто не может подготовить его для этого. Это отнюдь не равнодушное отношение с моей стороны; но он должен подойти к проблеме открыто, свободно и не ожидая результатов.

Что же вызывает в вас апатию? Не должны ли вы раскрыть это самостоятельно? Конфликт, сопротивление вызывают безразличие ко всему. Мы думаем, что с помощью борьбы достигнем понимания, а благодаря соревнованию обретем радость. Несомненно, борьба способствует

большой заостренности; но все острое также скоро притупляется, а то, что находится в постоянном пользовании, вскоре изнашивается. Мы принимаем конфликт как нечто неизбежное и создаем структуру мысли и действия в соответствии с этой неизбежностью. Но разве конфликт неизбежен? Не существует ли иного пути жизни? Он существует в том случае, если мы сможем понять процесс развития конфликта и его значение.

Еще раз спрашиваю вас: почему вы сделали себя безразличным ко всему?

«Разве я сам сделал себя безразличным?»

— Может ли что бы то ни было сделать вас безразличным, пока вы сами не захотели стать таковым? Подобное желание может быть сознательным или скрытым. Но почему же вы позволили себе сделаться безразличным? Не таится ли внутри вас глубоко скрытый конфликт?

«Если он и есть, то я совсем его не сознаю».

— А разве вы не хотите осознать его? Разве вы не хотите его понять?

«Я начинаю понимать, к чему вы ведете, — сказала она, — но я, видимо, не в состоянии сказать моему мужу о причине его апатии, так как сама не совсем уверена в этом».

— Вы можете знать или не знать о тех путях, по которым пришла к нему эта апатия; но разве вы принесете ему реальную помощь, если укажете на них словами? Разве не существенно, чтобы он сам раскрыл это для себя? Прошу вас понять важность этого, и тогда вы не будете проявлять нетерпения или беспокойства. Человек может помочь другому; но только этот другой должен сам пройти пути раскрытия. Жизнь не проста; наоборот, она очень сложна, но мы должны подходить к ней просто. Мы сами — проблемы; проблема — это не то, что мы называем жизнью. Мы можем понять проблему, которая есть мы сами, лишь тогда, когда знаем, каким образом подойти к ней. Именно подход имеет наибольшее значение, а не сама проблема.

«Но что же мы должны делать?»

— Вы должны были слушать все то, что только что было сказано. Если вы все это проделали, тогда вы поймете, что только истина несет свободу. Не тревожьтесь; предоставьте брошенному семени пустить корни.

Они оба пришли снова через несколько недель. В глазах у них искрилась надежда, а на устах сияла улыбка.

Безмолвие нельзя культивировать, его невозможно вызывать по желанию; нельзя его искать, размышлять о нем или делать его предметом медитации. Если вы преднамеренно культивируете безмолвие, то это подобно тому, как получить радость от предвкушаемого удовольствия; желание сделать ум безмолвным есть лишь поиск нового ощущения. В этом случае безмолвие становится формой сопротивления, изоляцией от других, которая ведет к разложению. Тишина, которая куплена, — это предмет торговли, в ней сохраняется шум деятельности. Тишина приходит с отсутствием желания. Желание — быстро, коварно, оно глубоко скрыто. Воспоминание прерывает движение тишины, а ум, захваченный переживанием, не может быть безмолвным. Время, т.е. движение вчерашнего дня через сегодняшний к завтрашнему, не есть безмолвие. Когда прекратится это движение, наступает безмолвие, — и только тогда может проявиться то, что не имеет названия.

«Я приехал обсудить с вами вопрос о карме. У меня, конечно, имеются определенные мнения по этому вопросу, но мне хотелось бы знать ваше мнение».

— Мнение — это не истина; мы должны отложить мнения в сторону, если стремимся найти истину. Существует бесчисленное множество мнений, но истина не является принадлежностью какой-либо группы мнений. Для понимания истины необходимо, чтобы были отброшены все идеи, все выводы, все мнения, подобно тому, как падают с дерева увядшие листья. Истину нельзя найти в книгах, в знании, в опыте. Если вас интересуют мнения, то здесь вы их не найдете.

«Но ведь мы можем обсудить вопрос о карме и попытаться понять ее значение, не правда ли?»

— Это, конечно, совсем другое дело. Но для истинного понимания необходимо оставить все мнения и умозаключения.

«Почему вы так настаиваете на этом?»

— Можете ли вы понять что-либо, если уже заранее все обдумали или повторяете выводы, сделанные другими? Для того чтобы найти истину вашего вопроса, разве вы не должны подойти к нему со свежим умом, не затемненным предвзятыми мнениями? Что является более важным — освободиться от умозаключений и предубеждений или рассуждать по поводу абстрактной темы? Не важнее ли найти истину, чем вести споры по поводу того, что такое истина? Мнение о том, что такое истина, не есть истина. Разве не важно раскрыть истину о том, что есть карма? Видеть ложное как ложное есть начало ее понимания, не правда ли? Но сможем ли мы видеть истинное или ложное, если наш ум скован традицией, словами, толкованиями? Если ум привязан к тому или иному верованию, то может ли он уйти далеко? Для того чтобы отправиться в дальние области, ум должен быть освобожден; а свобода не есть нечто такое, что мы приобретаем в конце долгих усилий, она должна присутствовать в самом начале пути.

«Я хотел бы выяснить, какое значение вы придаете карме».

— Сэр, давайте сделаем вместе путь раскрытия. Если мы будем лишь повторять слова другого человека, это не будет иметь глубокого значения, как проигрывание грампластинки. Повторение или подражание не влечет за собой свободы. Что вы понимаете под словом «карма»?

««Карма» — санскритское слово, которое означает «делать», «быть», «действовать» и т.д. Карма есть действие, а действие — это результат прошлого. Действие невозможно без того, чтобы оно не было обусловлено прошлым. Благодаря многократному опыту, обусловленности и знанию создаются предпосылки традиции, не только в течение данной жизни индивидуума и группы, но на протяжении многих воплощений. Постоянное действие и взаимодействие между

этим задним планом, который есть «я», и обществом, жизнью — вот это и есть карма; а карма связывает ум, связывает «я». То, что я совершил в прошлой жизни или только вчера, держит меня, формирует мое «я», порождает страдание или радость в настоящем. Существует групповая или коллективная карма, так же, как карма индивидуальная. Группа, а также индивидуум находятся в цепи причин и следствий. В зависимости от того, что я совершил в прошлом, придет скорбь или радость, наказание или награда».

— Вы говорите, что действие есть результат прошлого. Такое действие совсем не есть действие, а только реакция, не так ли? Наша обусловленность, наш задний план реагирует на стимулы; эта реакция есть ответ памяти, — но это совсем не действие, а карма. В данный момент мы не касаемся вопроса о том, что такое действие. Карма есть реакция, которая возникает от определенных причин и производит определенные результаты. Карма есть цепь причин и следствий. В сущности, процесс времени есть карма, не правда ли? Пока существует прошлое, должно быть настоящее и будущее. Сегодня и завтра — это результаты вчерашнего дня; вчерашний день вместе с сегодняшним создает завтрашний день. Карма, как ее обычно понимают, есть процесс компенсации.

«По вашим словам, карма есть процесс времени, а ум — его результат. Лишь немногие счастливицы могут уйти от тисков времени, остальные привязаны к нему. То, что мы совершили в прошлом, хорошее или дурное, определяет то, что мы есть в настоящем».

— Является ли задний план, прошлое статическим состоянием? Не подвергается ли оно постоянным изменениям? Сегодня вы не тот, каким были вчера; и в физиологическом, и в психологическом отношении происходят постоянные изменения.

«Ну, конечно...»

— Следовательно, ум — это не фиксированное состояние. Наши мысли текучи, они постоянно меняются, они — ответ заднего плана. Если я воспитан в принадлежности к определенному классу общества, к определенной культуре, то буду отвечать на вызов, на стимулы в соответствии с моей обусловленностью. У большинства из нас эта обусловленность так глубоко укоренилась, что наши ответы возникают почти по шаблону. Наши мысли — ответы нашего заднего плана; мы сами — этот задний план, наша обусловленность неотделима от нас, она не отличается от нас самих. Если изменяется задний план, изменяются и наши мысли.

«Но, очевидно, мыслящий в корне отличается от заднего плана, не так ли?»

— Так ли это? Не является ли мыслящий результатом своих мыслей? Не образуется ли он из собственных мыслей? Существует ли отдельная сущность, мыслящий, пребывающий вне своих мыслей? Не создан ли мыслящий мыслью, не она ли наделила его постоянством среди непостоянства мыслей? Мыслящий — это убежище мысли; именно мыслящий ставит самого себя на различные уровни постоянства.

«Я понимаю, что это так; но для меня это просто потрясение — осознать, какие трюки мысль проделывает сама с собой».

— Мысль — это ответ со стороны нашего заднего плана, со стороны памяти; память же есть знание, результат опыта. Благодаря новому опыту и новым ответам эта память становится более упругой, более острой, более широкой, более деятельной. Одна форма обусловленности может быть заменена другой, но обусловленность все равно остается. Ответ этой обусловленности есть карма, не так ли? Ответ памяти обычно называют действием, но это лишь реакция. Подобное «действие» является пищей для следующих реакций и, таким образом, создается цепь так называемых причин и следствий. Но разве причина не есть одновременно и следствие? Ни причина, ни ее следствие не статичны. Сегодняшний день — это результат вчерашнего и, вместе с тем, причина завтрашнего дня. То, что было причиной, становится следствием, а следствие — причиной. Одновливается в другое. Не существует момента, когда причина не есть также и

следствие. Только то, что имеет видовую законченность, остается фиксированным в своей причине, а также и в своих следованиях; например, желудь не может стать ничем иным, кроме как дубом. Законченность — это смерть; но человек не есть законченное существо, он может стать тем, чем хочет. Он может прорваться через свою обусловленность, — и он должен это сделать, если он хочет раскрыть реальное. Бели вы хотите познать Бога, вы должны перестать быть так называемым брамином. Карма — это процесс времени; это — прошлое, которое через настоящее движется к будущему; эта цепь есть путь мысли. Мысль есть следствие времени, а то, что вне времени, что неизмеримо, может прийти лишь тогда, когда прекратился процесс мысли. Безмолвие ума не может быть вызвано, его невозможно осуществить путем какой угодно практики или дисциплины. Если вы *сделали* свой ум безмолвным, тогда то, что к нему пришло, — это его собственная проекция, ответ памяти. Тишина овладевает умом тогда, когда вы понимаете его обусловленность, когда остро осознаете, не делая выбора, его ответы в виде мыслей и чувств. Подобный разрыв кармической цепи не связан со временем, ибо вневременное не приходит с помощью времени. Карму необходимо понять как тотальный процесс, а не просто как нечто, связанное с прошлым. Прошлое — это такое время, которое есть также и настоящее, и будущее. Время — это память, слово, идея. Когда нет слов, наименований, ассоциаций, опыта, тогда лишь ум безмолвен, — и не только в своих поверхностных слоях, но полностью, абсолютно.

ИНДИВИДУУМ И ИДЕАЛ

«Наша жизнь здесь, в Индии, в значительной мере расстроена. Мы хотим вновь создать из нее нечто, но не знаем, с чего начать. Я хорошо понимаю важность действия масс, но понимаю также его опасности. Я боролся за идеалы ненасилия, тем не менее, это привело к кровопролитию и страданиям. После разделения страны наши руки обагрились кровью, а сейчас мы создаем вооруженные силы. Мы говорим о ненасилии и несмотря на это готовимся к войне. Внутри меня самого такой же хаос, как и у наших политических деятелей. Находясь в тюрьме, я привык много читать, но это не помогло внести ясность в мою позицию.

Может быть, нам лучше остановиться пока на одной теме и рассмотреть ее более глубоко? Начнем со следующего: вы делаете особый упор на индивидууме. Но разве коллективные действия не являются необходимыми?»

— Индивидуум — это, по существу, коллектив; общество есть творение индивидуума. Индивидуум и общество взаимосвязаны, не правда ли? Они неотделимы друг от друга. Индивидуум создает структуру общества, а общество, или окружающая среда, формирует индивидуума. Но хотя окружающая среда и является для него обуславливающим фактором, индивидуум, тем не менее, всегда может освободить себя, разорвать путы обусловленности. Индивидуум создает то самое окружение, рабом которого он становится. Но он обладает также силой оторваться от этого окружения и создать такое окружение, которое не будет отупляюще действовать на его ум или дух. Индивидуум имеет ценность лишь постольку, поскольку он обладает способностью освободиться от собственной обусловленности и понять реальное. Индивидуальность, которая жестока в своей обусловленности, создает общество, основанное на насилии и антагонизме. Индивидуум существует только во взаимоотношении; отсутствие понимания этого взаимоотношения порождает конфликт и смятение. Если индивидууму, который не понимает своего отношения к людям, к собственности и идеям или верованиям, просто навязать какую-то модель коллектива или иную модель, то это лишь приведет к крушению его собственной цели. Чтобы осуществить какую-то новую модель, потребуется так называемое действие масс; но новая социальная модель является изобретением нескольких индивидуумов, а масса гипнотизируется новейшими лозунгами и обещанием новой утопии. Масса осталась такой же, какой она была раньше; только теперь у нее появились новые вожди, новые фразы, новые жрецы, новые доктрины. Эта масса состоит из вас и меня, — из индивидуумов. Масса — это фикция, это удобный термин, которым пользуется эксплуататор и политик в своей игре. Большинство принуждается меньшинством к действию, вовлекается в войны и т.д., и это меньшинство представляет желания и стремления большинства. Огромное значение имеет трансформация индивидуума, но не в смысле соответствия какому-то образцу. Образцы всегда обуславливают, а обусловленный человек всегда пребывает в конфликте с самим собой, а, следовательно, и с обществом. Сравнительно легко заменить старую форму обусловленности новой, но индивидууму освободить себя от всякой формы обусловленности — совсем другое дело.

«То, о чем вы говорите, требует тщательного и детального обдумывания; но мне кажется, что я начинаю это понимать. Вы делаете упор на индивидуума, но не как на отдельную и противодействующую силу в обществе.

Теперь следующий вопрос. Я всегда действовал во имя идеала, и мне не понятно, почему вы его отвергаете. Вы ничего не имеете против того, чтобы обсудить эту проблему?»

— Наша нынешняя мораль основана на прошлом или будущем, на традиции или на том, чему следовало бы быть. То, чему следовало бы быть, — это идеал, противопоставленный тому,

что было, будущее в конфликте с прошлым. Не-насилие — это идеал, то, что *должно* было бы быть; а то, что было, — это насилие. То, что было, проецирует себя в то, что *должно* было бы быть, — идеал собственного производства, представляющий собой противоположность фактически существующему. Антитезис как расширенный тезис; противоположное содержит элементы того, что ему противопоставляется. Если ум полон насилия, он проецирует то, что противоположно насилию, а именно, — идеал ненасилия. Утверждают, что идеал способствует преодолению того, что ему противоположно, но так ли это? Не является ли идеал бегством от того, что было, или от того, что *есть*! Конфликт между настоящим и идеалом — это, несомненно, способ отложить понимание настоящего на будущее; а такой конфликт лишь открывает двери для новой проблемы, которая способствует прикрытию той проблемы, что стоит непосредственно перед нами. Идеал — это достойный удивления и вполне респектабельный способ уйти от настоящего. Идеал ненасилия, как и коллективная утопия, — это фикция; идеал, то, что *должно* быть, облегчает прикрытия и уход от того, что есть. Погоня за идеалом — это поиски награды. Вы можете отказаться от мирских наград, как неразумных и примитивных, каковы они и есть, но ваше стремление к идеалу — это поиски награды на другом уровне; а это так же нелепо. Идеал — это вознаграждение, это воображаемое состояние, которое придумал ум. Так как ум полон насилия, чувства отдельности и живет для себя, то он проецирует удовлетворяющую его форму компенсации, создает фикцию, которую называет идеалом, утопией, будущим, и к этому идеалу устремляет тщетные усилия. Сама погоня за идеалом есть конфликт; но в то же время это весьма приятное откладывание на будущее нашего настоящего. Идеал, то что *должно* быть, не может помочь нам понять то, что есть; наоборот, он препятствует пониманию.

«Не хотите ли вы сказать, что наши вожди и учителя были неправы, когда они защищали и поддерживали идеал?»

— А что об этом думаете вы сами?

«Если я правильно понимаю то, о чем вы говорите, то...»

— Извините, но то, что мы с вами должны понять, — это не слова других; нам надо выяснить, что же истинно. Истина — это не мнение; истина не зависит от того или иного лидера или учителя. Если мы будем взвешивать различные мнения, это лишь помешает пониманию истины. Одно из двух — или идеал есть собственное изобретение ума, которое содержит в себе то, что ему противоположно, или наоборот. Двух решений этого вопроса не существует. Решение не зависит от того или иного учителя; вы должны постичь истину этого сами для себя.

«Если идеал есть порождение ума, то это произведет переворот в моем мышлении. Не хотите ли вы сказать, что наше стремление осуществить идеал — совершенно бесполезно?»

— Это — напрасная борьба, это — самообман, который дает нам удовлетворение, не так ли?

«То, что вы говорите, вносит великое смятение, но я вынужден признать, что это так. Мы столь многое приняли без доказательств, что никогда не позволяли себе тщательно рассмотреть, что же именно находится в наших руках; мы обманывали себя. Но то, на что вы указываете, полностью опрокидывает структуру моих мыслей и действий. Это внесет революцию в вопросы образования, в наш образ жизни и работу. Мне кажется, я начинаю понимать перемены в уме, который свободен от идеала, от того, что *должно* быть. Для такого ума действие имеет совсем иное значение, чем то, которое мы ему придаем в настоящее время. Действие, обусловленное компенсацией, совсем не действие, это только реакция, — а мы так гордимся нашими действиями!.. Но если обходиться без идеала, каким образом человек будет встречать настоящее или только что происшедшее?»

— Понимание настоящего возможно лишь тогда, когда идеал, то, что *должно* было бы быть, стерто из нашего ума; это возможно, лишь когда ложное воспринимается как ложное. То, что *должно* было бы быть, — это также то, что *не* будет. До тех пор пока ум подходит к действительному, к настоящему, с точки зрения позитивной или негативной компенсации, не может быть никакого понимания настоящего. Чтобы понять настоящее, вы должны быть в непосредственном с ним общении; ваше отношение с ним не может быть опосредовано идеалом или прошлым, традицией, опытом, которые подобно экрану препятствуют восприятию. Быть свободным от неверного подхода — это единственная проблема. Это означает, по существу, понимание своей обусловленности, т.е. понимание своего ума. Проблема — это сам ум, а совсем не те проблемы, которые он порождает; разрешение проблем, порожденных умом, — это лишь увязывание следствий, а это ведет только к дальнейшему смятению и иллюзии.

«Как понять свой ум?»

— Путь ума — это путь жизни; не жизни согласно идеалу, но действительной жизни с ее страданиями и радостями, обманами и правдой, самомнением и позой смирения. Для понимания ума необходимо осознать желание и страх.

«Простите, это что-то трудное для меня... Как мне понять свой ум?»

— Чтобы понять ум, не должны ли вы осознавать его деятельность? Ум — это всего лишь опыт, не только непосредственный, но и накопленный. Ум — это прошлое, которое реагирует на настоящее и которое становится будущим. Весь процесс ума должен быть понят.

«С чего же мне начать?»

— С самого начала — с взаимоотношений. Взаимоотношения — это жизнь; быть — означает находиться во взаимоотношениях. Лишь в зеркале взаимоотношений возможно понять ум, и вы должны начать с того, чтобы увидеть себя в этом зеркале.

«Вы имеете в виду мои взаимоотношения с женой, соседями и т.д.? Но не является ли это чем-то весьма ограниченным?»

— То, что может казаться малым, ограниченным, раскрывает бездонное, если к нему подойти правильно. Это вроде воронки, у которой узкий конец переходит в широкий. Если наблюдать с пассивной бдительностью, тогда то, что ограничено, раскрывает безграничное. Мы ведь знаем, что в своих истоках река мала и ее едва можно заметить.

«Следовательно, я должен начать с самого себя и с моих непосредственных взаимоотношений?»

— Несомненно. Взаимоотношения никогда не бывают узкими или малыми. Взаимоотношения с одним или со многими — это сложный процесс, и вы можете подойти к нему поверхностно или, наоборот, свободно и открыто. Подход зависит от состояния ума. Если вы не начнете с себя самого, откуда еще вы сможете начать. Ведь даже если вы начнете с какой-нибудь внешней деятельности, вы окажетесь во взаимоотношениях с ней, а ваш ум будет в центре. Начнете ли вы вблизи или издалека — всюду остаетесь вы сами. Но без понимания себя все, что вы будете делать, неизбежно приведет к смятению и скорби. Начало — это и завершение.

«Я странствовал повсюду, много видел и много сделал; я страдал и радовался, подобно другим, и тем не менее мне пришлось вернуться к самому себе. Я вроде того саньяси, который пустился в поиски истины. Он потратил много лет, переходил от учителя к учителю, причем каждый из них указывал ему иной путь. Наконец усталый, он возвратился домой, — и в его собственном доме лежала жемчужина! Я вижу, насколько мы неразумны, если ищем по всей земле блаженство, которое можно найти лишь в собственном сердце когда ум очищен от своих проявлений. Вы совершенно правы. Я начну сначала. Я начну с того, что я есть».

БЫТЬ НЕЗАЩИЩЕННЫМ — ЗНАЧИТ ЖИТЬ, ЗАМКНУТЬСЯ В СЕБЕ — ЗНАЧИТ УМЕРЕТЬ

Ураган уничтожил посевы, а море залило землю. Поезд медленно тащился вперед, и по обеим сторонам пути виднелись поваленные деревья, дома без крыш и совершенно опустошенные поля. Буря наделала много бедствий на несколько миль вокруг; все живое было уничтожено, и бесплодная земля лежала под небом.

Мы никогда не остаемся в уединении; нас постоянно окружают люди и собственные мысли. Даже находясь вдали от людей, мы смотрим на мир сквозь экран своих мыслей. Не бывает такого момента — или он случается крайне редко, — когда наш ум свободен от мыслей. Мы не знаем, что это такое — быть в уединении, освободиться от всех ассоциаций, от всякой непрерывности, от всех слов и образов. Мы одиноки, но мы не знаем, что такое быть в уединении. Боль одиночества наполняет наше сердце, а ум охватывает его страхом. Одиночество, глубокая изолированность ложится темной тенью на нашу жизнь. Мы делаем все, что только можем, чтобы убежать от него, сворачивая на любую известную нам тропу, чтобы спастись от него бегством, но одиночество неотступно следует за нами, никогда не оставляя в покое. Изолированность — это путь нашей жизни; мы редко бываем едины с другим, потому что внутри мы сломлены, истерзаны, неизлечимо больны. Нет в нас цельности, полноты, а без этого невозможно слиться с другим, так как для такого слияния необходима внутренняя целостность. Мы боимся одиночества, потому что оно открывает дверь, и мы оказываемся перед собственной ущербностью и скудостью нашего существования. Лишь уединенность способна исцелить усиливающуюся муку одиночества. Идти одному, без помехи мысли, не волоча за собой шлейф наших желаний — значит быть недостижимым для ума. Ум — это тот, кто изолирует, отделяет и отсекает возможность общения. Ум не может быть сделан целостным, он не может приобрести качество полноты, так как само это усилие — процесс изоляции, часть того одиночества, которое ничто не может прикрыть. Ум — продукт многих составляющих, а то, что составлено, никогда не может быть уединенным. Уединенность — не результат мысли. Лишь когда мысль совершенно затихает, происходит взлет от одиночества к тому состоянию, которое мы называем уединенностью.

Дом находился вдали от дороги, а сад был полон цветов. Стояло прохладное утро, и небо было очень голубым; утреннее солнце рождало радость, и в тенистом саду, расположенном в низине, шум транспорта, выкрики продавцов и топот лошадей были едва слышны. В сад забрела коза; помахивая своим коротеньким хвостиком, она ощипывала верхушки цветов, пока, наконец, не пришел садовник и не прогнал ее.

Она говорила, что чувствует себя в большом смятении, но не хочет находиться в таком состоянии. Ей хотелось бы избежать мучительной неуверенности. Почему она так боится смятения?

— Что вы понимаете под смятением? И почему его надо бояться?

«Я не хочу быть в тревоге, я хочу, чтобы меня оставили одну. Даже с вами я чувствую это смятение. Хотя я видела вас всего два или три раза, страх того, что вы внесете еще большее смятение, тяжелым бременем висит на мне. Я хотела бы выяснить, откуда у меня этот страх лишиться внутренней уверенности. Я хочу быть спокойной и в мире с собой, но я постоянно выхожу из равновесия по тому или иному поводу. Совсем недавно мне удалось более или менее установить мир внутри себя; но после того, как мой друг привел меня на одну из ваших бесед, я, непонятным для меня образом, опять оказалась в смятении. Я думала, что вы укрепите мой внутренний покой, но вместо этого, вы его почти разрушили. Мне не хотелось идти сюда, так

как я знала, что покажу себя в невыгодном свете, тем не менее, я пришла».

— Почему вы так настоятельно желаете пребывать в покое? Почему вы делаете из этого проблему? Разве само ваше требование покоя не создает конфликта? Разрешите тогда спросить, чего же вы хотите? Если хотите, чтобы вас оставили одну, если вы хотите пребывать в тишине, без внутреннего смятения, то почему вы допускаете, чтобы что-то выводило вас из равновесия? Мы легко можем закрыть все двери и окна нашего бытия, изолировать себя от других и жить в затворе. Это то, чего хочет большинство людей. Некоторые сознательно культивируют изолированность от других, а иные приходят к этой изолированности благодаря своим желаниям и проявлениям, скрытым и явным. Искренние люди становятся уверенными в правоте своих идей и добродетелей, но для них это только защитное средство; тех же, кто задумываться неспособен, подводят к изолированности экономическое давление и влияния общества. Большинство из нас стремится построить вокруг себя стены, чтобы стать неуязвимыми, но, к сожалению, всегда остаются щели, через которые просачивается жизнь.

«Мне, в общем, удалось устранить большую часть душевных волнений, но за последние одну-две недели, в связи с вашими беседами, я нахожусь в еще большем смятении, чем когда-либо раньше. Скажите, пожалуйста, почему я в таком смятении? В чем его причина?»

— Почему вы хотите узнать причину? Вы, очевидно, надеетесь, что, узнав причину, вы устраните следствие. Но ведь на самом деле вы совсем не хотите знать, почему именно вы находитесь в смятении, не так ли? Вы лишь стремитесь избавиться от смятения.

«Мне хотелось бы только остаться одной, в тишине и без тревог. Но почему я постоянно выхожу из равновесия?»

— В течение всей вашей жизни вы защищаете себя, не правда ли? То, что вас в действительности интересует, — это выяснить, каким образом можно закрыть все щели, а совсем не то, как жить без страха, свободной и независимой. Из того, что вы сказали и о чем умолчали, с очевидностью следует, что вы стремились обезопасить вашу жизнь от какой бы то ни было формы внутреннего смятения; вы удалились от всех взаимоотношений, которые могли бы причинить вам страдания. Вы постарались оградить себя от любых ударов и жить за закрытыми дверями и окнами. Некоторые люди с успехом проделывают это, а если пойти в таком направлении достаточно далеко, то можно попасть в дом для умалишенных; другим не удается изолировать себя, и они становятся циниками и ожесточаются; а еще другие приобретают имущество или знания, которые и становятся их убежищем. Большинство людей, включая и последователей религии, хотят пребывать в мире, жить в таком состоянии, при котором больше нет конфликтов. Наконец, есть и такие люди, которые превозносят конфликт как единственно реальное проявление жизни; для них конфликт — это защита от жизни.

Может ли у вас быть душевный мир, если вы ищете безопасности за стенами, созданными вашими страхами и надеждами? Вы отошли от всех проявлений жизни, так как стремитесь обрести безопасность, укрывшись за стеной весьма ограниченных отношений с людьми, которых вы можете подчинить себе. Не в этом ли состоит ваша проблема? Так как вы находитесь в зависимости, вы стремитесь овладеть тем, от чего зависите. Вы находитесь в страхе, а потому избегаете всех отношений, которые вы не в состоянии контролировать. Разве это не так?

«То, что вы говорите, — это довольно жесткий способ трактовки проблемы; но, может быть, дело именно так и обстоит».

— Если бы вы могли проникнуть в причину вашего нынешнего смятения, у вас был бы внутренний мир; и пока это невозможно, вы полны тревоги. Все мы хотим господствовать, овладеть тем, чего не понимаем; мы хотим обладать или быть обладаемым, когда у нас имеется боязнь самих себя. Неуверенность в себе создает в нас чувство исключительности, ощущение отверженности, изолированности.

Но позвольте спросить, чего вы боитесь? Боитесь ли вы быть одинокой, покинутой, потерять уверенность?

«Видите ли, всю свою жизнь я жила для других; по крайней мере, я так думала. Я следовала идеалу, а меня хвалили за успешную работу, которую люди считают полезной. Я вела жизнь, полную самоотречения, не имея надежного убежища, не имея ни детей, ни своего дома. Сестры мои удачно вышли замуж и занимают высокое общественное положение, а мои старшие братья принадлежат к числу высших государственных чиновников. Когда я бываю у них, то чувствую, как опустошила свою жизнь. Я ожесточилась, и теперь глубоко сожалею о том, чего сама лишилась. Мне стала чуждой работа, которую я выполняла; она больше не приносит мне счастья, и я передала ее другим. Я отошла от всего. Как вы сказали, стала жесткой в процессе самозащиты. Я привязалась к одному младшему брату, который плохо обеспечен и считает себя искателем Бога. Я старалась создать убежище внутри себя, но это была долгая и мучительная борьба. Как раз этот младший брат и привел меня на одну из ваших бесед. И вот здание, которое я так заботливо возводила, стало рушиться. Я была бы благодарна Богу, если бы никогда не приходила на ваши беседы, но воссоздать разрушенного теперь не могу и не в состоянии снова проходить через все эти страдания и муки. Вы не представляете себе, что все это для меня значило — видеть моих братьев и сестер, их положение в обществе, их престиж, их состояние. Но я не хочу больше говорить об этом. Я отрезала себя от них и редко с ними вижусь. Как вы сказали, я постепенно закрыла дверь для всех связей с людьми, за исключением одной или двух. Но на мое несчастье вы приехали в этот город, и теперь все снова вернулось, раскрылись старые раны, и я глубоко несчастна. Что мне делать?»

— Чем больше мы защищаемся, тем больше на нас нападают, чем больше мы ищем безопасности, тем менее мы защищены; чем больше мы хотим мира, тем сильнее становятся наши конфликты, чем больше мы просим, тем меньше имеем. Вы старались сделать себя неуязвимой и защищенной от ударов; вы сделали себя внутренне недоступной, за исключением одного или двух людей, вы закрыли все двери к жизни. Но ведь это медленное самоубийство. Для чего вы все это сделали? Задавали вы себе когда-либо такой вопрос? И разве вы не хотите это узнать? Вы пришли сюда для того, чтобы найти способ закрыть все двери, или чтобы выяснить, каким же образом быть открытой и не защищенной от жизни. Чего же вы хотите — не в результате обдуманного выбора, а естественно, спонтанно?

«Конечно, я вижу теперь, что закрыть все двери совершенно невозможно, так как всегда остается та или иная щель. Я понимаю теперь, что я делала; я вижу, что мой страх перед неустойчивостью привел к зависимости и стремлению властвовать. Совершенно очевидно, что я не могла контролировать любую ситуацию, как бы мне этого ни хотелось, и поэтому я ограничила контакты с людьми одним или двумя, в которых я могла доминировать и могла использовать свое влияние. Я понимаю все это. Но каким образом мне снова стать открытой, свободной и лишенной страха перед внутренней неуверенностью?»

— Вы осознаете необходимость быть открытой и уязвимой? Если вы не осознаете этой истины, то снова незаметно возведете вокруг себя стены. Видеть истинное в ложном — это начало мудрости; видеть ложное как ложное — наивысшее понимание. Если вы поймете, что то, что вы делали все эти годы, может лишь привести к дальнейшей борьбе и скорби, если вы по-настоящему переживете эту истину, а не просто примете ее на словах, то сможете покончить с подобными проявлениями. Вы не сможете сделать себя открытой с помощью волевых усилий; усилия воли не сделают вас уязвимой. Само желание стать уязвимой создает сопротивление. Только понимание ложного как ложного приносит свободу от ложного. Будьте пассивно бдительны по отношению к вашим обычным реакциям; осознавайте их просто, без сопротивления; пассивно наблюдайте их — совершенно так же, как вы наблюдали бы действия

ребенка, не выражая радости или недовольства. Пассивная бдительность есть сама по себе свобода от защиты, от замыкания дверей. Быть незащищенным — значит жить, а замкнуться в себе — значит умереть.

ОТЧАЯНИЕ И НАДЕЖДА

Небольшой барабан отбивал веселый ритм, потом к нему присоединилась свирель, и оба они наполнили воздух. Барабан господствовал, но он сопровождал мелодию свирели. Иногда свирель останавливалась, но барабанчик продолжал издавать громкий и ясный звук, пока к нему снова не присоединялась песня свирели. До рассвета было еще далеко; птицы сидели спокойно, а музыка наполняла безмолвие. В деревушке справляли свадьбу. Веселье началось с вечера, песни и смех продолжались до поздней ночи; а сейчас гости были разбужены музыкой. Вскоре на бледном небе стали вырисовываться голые ветви; звезды постепенно исчезали одна за другой, и музыка кончилась. Послышались крики, голоса детей и шумные ссоры около единственного в деревушке водопроводного крана. Солнце еще оставалось за горизонтом, но день начался.

Любить — значит все переживать, но переживать без любви — значит жить напрасно. Любовь беззащитна, но переживать без этой незащищенности — это означает усиливать желание. Желание — не любовь, и оно не может ее удерживать. Желание скоро иссякает, и с его утратой приходит печаль. Желание невозможно остановить; подавление его усилием воли или с помощью любых средств, придуманных умом, ведет к распаду и страданию. Только любовь способна смирить желание, а любовь — это не продукт ума. Чтобы проявилась любовь, ум как наблюдающий должен умолкнуть. Любовь невозможно планировать или культивировать; она не может быть куплена жертвой или поклонением. Не существует средств, с помощью которых можно достичь любви. Всякий поиск средств должен прекратиться, чтобы могла проявиться любовь. Спонтанность познает красоту любви, но стремление к ней ставит предел свободе. Только для свободного существует любовь, но свобода никогда не ставит условий, никогда не связывает. Любовь — это сама вечность.

Она говорила легко, и слова приходили к ней естественно. Несмотря на молодые годы, облик ее был печален; сдержанная улыбка говорила о тяжелых воспоминаниях. Она была замужем, детей не было, а недавно муж ее умер. Брак не принадлежал к числу заранее устроенных и не явился результатом взаимного желания. Она не хотела произносить слово «любовь», так как оно встречается в каждой книге и на всех языках, но взаимоотношения их имели совсем необычный характер. Со дня свадьбы и до дня его смерти они не произнесли ни одного резкого слова, не было ни одного жеста нетерпения, они никогда не разлучались, даже на один день. Между ними существовало полное единение, а все остальное — дети, деньги, работа, общество — имело второстепенное значение. Это слияние не было романтической сентиментальностью; она не придумала его после смерти мужа, так в действительности было с самого начала. Радость их шла не от желания, но от того, что находится вне и над физическим миром. И вот неожиданно несколько месяцев назад он погиб от несчастного случая. Автобус развил слишком большую скорость на повороте, и в результате произошла катастрофа.

«Теперь я в отчаянии; пыталась покончить с собой, но как-то, не смогла. Я хотела забыться, стать немой, была готова броситься в реку, и в течение этих двух месяцев я ни разу не имела спокойного сна. Внутри меня полнейший мрак; это — кризис, который вне моего контроля, я не могу его понять, я потеряла себя».

Она закрыла лицо руками, потом продолжала:

«Это не такое отчаяние, которое можно излечить или стереть из памяти. С его смертью ушли все надежды на будущее. Мне говорили, что я все забуду, вновь выйду замуж или чем-нибудь займусь. Но если бы я могла забыться, все равно пламя уже исчезло, его заменить невозможно, да я и не хочу искать замены. Люди живут и умирают с надеждой на что-то, у меня же нет ничего, нет никаких надежд; я не ожесточилась, но я в отчаянии, во мраке, я не ищу

света. Жизнь моя — это медленная смерть; я не жду симпатии, любви или сострадания. Я хочу остаться со своей тьмой, ничего не чувствуя и ни о чем не вспоминая».

— Разве вы пришли сюда для того, чтобы стать еще более оглушенной, чтобы еще более утвердиться в своем отчаянии? Разве этого вы хотите? Если да, то вы получите желаемое. Желание обладает такой же гибкостью и быстротой, как и ум. Оно готово приспособиться ко всему, приладить себя к той или иной обстановке, воздвигнуть стены, которые закроют свет. Само отчаяние превращается желанием в наслаждение. Желание создает образ, которому оно же будет поклоняться. Если вы хотите жить во мраке, вы легко можете в этом преуспеть. Разве вы пришли сюда для этого, разве вы хотите укрепиться в вашем желании?

«Видите ли, один из моих друзей рассказал мне о вас, и я пришла сюда, не отдавая себе отчета. Если бы я стала обдумывать, возможно, меня бы здесь не было. Я всегда действовала скорее безотчетно, и это никогда меня не обманывало. Если вы спрашиваете, почему я пришла, я могу сказать только одно — не знаю, почему. Мне кажется, все мы хотим на что-то надеяться; люди не могут всегда жить во мраке».

— Невозможно разорвать то, что слито воедино; то, что обладает целостностью, нельзя разрушить. Если есть слияние воедино, то его не разорвет и смерть. Единство, интеграция, — это слияние воедино не с другим, а с самим собой и в самом себе. Слияние различных сущностей в самом себе — это полнота с другим, но полнота с другим — это неполнота в самом себе. Слияние с другим — это все еще не полнота. Интегрированная сущность не становится целостной благодаря другому; ибо если она полна, то полнота проявляется во всех ее отношениях. То, что неполно, не может быть полно в отношении. Это иллюзия — думать, что нас делает полным другой.

«Благодаря ему я почувствовала полноту жизни. Я познала ее красоту и радость».

— Но все это окончилось. То, что не полно, всегда заканчивается. Слияние с другим всегда хрупко, оно всегда прекращается. Интеграция должна начаться внутри самого себя, и только тогда слияние будет нерушимым. Путь интеграции — это процесс негативного мышления, которое является высочайшей формой постижения. Стремитесь ли вы к интеграции?

«Я не знаю, чего я ищу; но мне хотелось бы понять, что такое надежда, так как надежда на будущее, по-видимому, играет важную роль в нашей жизни. Когда он был жив, я никогда не думала о будущем, никогда не думала о надежде на будущее, о счастье. Для меня не существовало завтрашнего дня. Я просто жила, не беспокоясь ни о чем».

— Так было потому, что вы были счастливы. А теперь несчастье, неудовлетворенность создают будущее, надежду или то, что им противоположно — отчаяние, безнадежность. Как странно, не правда ли? Когда ты счастлив, времени не существует, вчера и завтра совершенно отсутствуют, нет и мыслей о прошлом или будущем. Отсутствие же счастья рождает надежду и отчаяние.

«Мы рождаемся с надеждой на будущее и несем ее с собой до самой смерти».

— Да, это как раз то, что мы делаем; вернее, мы рождаемся в страданиях, а надежда на будущее ведет нас к смерти. Что вы понимаете под словом «надежда»?

«Надежда — это завтрашний день, это — будущее, это — жажда счастья, жажда лучших условий, чем нынешние, это — желание совершенствования. Надежда — это желание иметь лучший дом, лучшее фортепиано или радиоприемник, это мечта об улучшении социальных условий, о более счастливой жизни и прочее».

— Относится ли надежда только к будущему? Не относится ли она также к прошлому, когда мы стремимся удержать то, что уже прошло? Надежда — это движение мысли, направленное вперед и назад. Надежда есть процесс времени, не правда ли? Надежда есть желание продлить то, что было мило, что можно улучшить; а противоположное надежде состояние — это

безнадежность, отчаяние. Мы говорим, что живем, потому что у нас есть надежда. Но эта надежда находится в прошлом, а еще чаще в будущем. Будущее есть надежда любого политика, любого реформатора и революционера, любого искателя добродетели или того, что мы называем Богом. Мы говорим, что живем благодаря надежде, но так ли это? Разве это жизнь, если будущее или прошлое довлеет над нами? Разве жизнь — это движение от прошлого к будущему? Когда вы захвачены тем, что будет завтра, разве вы живете? Именно потому, что завтрашний день сделался таким важным, появились и безнадежность, и отчаяние. Если наибольшее значение имеет будущее, и вы им и ради него живете, то прошлое — это путь к отчаянию. Во имя надежды на завтрашний день вы жертвуете настоящим; но счастье — всегда в настоящем. Именно лишенные счастья люди наполняют свою жизнь тем, что относится к завтрашнему дню, и это они называют надеждой. Счастливая жизнь — это жизнь без всяких надежд. Человек, живущий надеждой, не принадлежит к счастливым, он знает отчаяние. Состояние безнадежности порождает надежду или протест, отчаяние или картины светлого будущего.

«Но неужели вы утверждаете, что мы должны жить без надежды?»

— А разве не существует состояние, в котором нет ни надежды, ни безнадежности, состояние блаженства? В самом деле, когда вы были счастливы, ведь у вас не было никаких надежд на будущее, не так ли?

«Я понимаю, о чем вы говорите. Раньше у меня не было никаких надежд, так как он находился рядом со мной, и я была счастлива жить изо дня в день. Но теперь его нет, и... Мы свободны от надежд лишь тогда, когда чувствуем себя счастливыми. Но когда мы несчастны, обессилены болезнями, угнетены, когда нас эксплуатируют, завтрашний день приобретает важность; а если этот завтрашний день невозможен, нас охватывает полный мрак, отчаяние. Но каким образом возможно оставаться в состоянии счастья?»

— Прежде всего, надо понять истину надежды и безнадежности. Понять то, каким образом вы были захвачены ложным состоянием — иллюзией надежды, а потом отчаянием. Пассивно наблюдайте этот процесс; он совсем не так прост, как может показаться. Вы спрашиваете, каким образом возможно оставаться в состоянии счастья. Разве корни вашего вопроса не лежат в чувстве надежды? Вы хотите вновь получить то, что потеряли, или же овладеть им вновь с помощью какого-либо средства. Ваш вопрос указывает на желание приобрести, получить, достичь, разве не так? Когда вы имеете в виду какой-то объект, какую-то цель, у вас появляется надежда; и тогда вы уловлены вашим несчастьем. Путь надежды — это путь, направленный к будущему, но счастье никогда не зависит от времени. Когда вы были счастливы, вы никогда не спрашивали, каким путем продлить счастье; если бы вы задали такой вопрос, вы бы уже пережили состояние несчастья.

«Итак, вы считаете, что вся проблема возникает лишь тогда, когда у человека конфликт, страдание? Но если человек несчастен, он жаждет выйти из этого состояния, ведь это так естественно...»

— Желание найти выход только порождает новую проблему. В силу того, что вы не поняли одну проблему, вы вводите другие. Ваша проблема — это состояние отчаяния; для того, чтобы понять ее, вы должны быть свободны от всех других проблем. Состояние отчаяния — это единственная проблема, которую вы имеете. Не вносите путаницы, вводя новую проблему о том, как выйти из вашего состояния. Наш ум ищет ответа на проблему, ищет выхода, надежды. Поймите сложность этого бегства от себя, и вы соприкоснетесь с проблемой непосредственно. Такое прямое соприкосновение с проблемой рождает кризис, которого мы все время избегаем; и лишь тогда, когда этот кризис достигает наибольшей полноты и интенсивности, проблема сама приходит к концу.

«С момента этой ужасной катастрофы я всегда чувствовала, что должна потерять себя в моем отчаянии, должна поддерживать свое состояние безнадежности; но это как-то было выше моих сил. Теперь я вижу, что должна взглянуть в лицо моему отчаянию прямо, без страха, без чувства неверности моему умершему другу. Понимаете, в глубине души мне казалось, что я проявлю неверность по отношению к нему, если буду оставаться счастливой. Теперь тяжесть бремени исчезает, и я ощущаю счастье, которое не от времени».

Вокруг единственного в деревне водопроводного крана ежедневно повторялась одна и та же картина. Вода медленно вытекала из крана, и группа женщин ожидала своей очереди. Трое из них громко и ожесточенно ссорились друг с другом; они были целиком захвачены своим гневом и не обращали ни малейшего внимания на других, которые, в свою очередь, не обращали внимания на них. Это, по-видимому, входило в их повседневный ритуал. Подобно любому ритуалу, и этот имел возбуждающий характер, и женщины находили удовлетворение в своем возбужденном состоянии. Какая-то пожилая женщина помогла молодой поднять на голову начищенный до блеска медный кувшин. Под него молодая женщина подкладывала небольшой кусочек ткани и несла тяжелый кувшин, слегка поддерживая его одной рукой. У нее была величественная походка, и она держалась с большим достоинством. К крану подошла девочка, спокойно пододвинула свой кувшин к воде и унесла его, не говоря ни слова. Другие женщины подходили и уходили, но брань продолжалась, и казалось, ей не будет конца. Но вот все трое внезапно прекратили ругань, наполнили сосуды водой и разошлись, будто ничего не случилось. Солнце стало припекать, а над соломенными крышами деревни поднялся дым. Готовилась первая еда. Как неожиданно воцарился мир! За исключением ворон, все пребывало в тишине. Как только прекратилась шумная ссора, стал слышен рокот морских волн, доносившийся через сады и пальмовые рощи. Мы, как машины, несем утомительное бремя повседневной рутины. Как охотно ум принимает готовый образец для жизни и как цепко ум за него держится! Ум неотделим от идеи, словно прибит к ней гвоздем; он существует, имеет свое бытие лишь вблизи идеи. Ум никогда не бывает свободен, гибок, потому что он всегда привязан; он движется в ограниченном, узком или широком, пространстве вокруг собственного центра. Он не отваживается отойти от своего центра; а если и отваживается это сделать, то незамедлительно впадает в страх. Это страх не перед неизвестным, а перед потерей известного. Само по себе неизвестное не вызывает страха; страх порождается зависимостью от известного. Страх всегда сопутствует желанию большего или меньшего. Ум, который непрерывно ткет образы, есть создатель времени; а там, где существует время, там страх, надежда и смерть. Надежда ведет к смерти.

Он сказал, что он — революционер, что стремится взорвать социальную структуру и начать все сначала. Раньше он ревностно боролся за дело крайних левых, за пролетарскую революцию, и это оказалось ошибкой. Посмотрите, что случилось в стране, где была так блестяще совершена пролетарская революция! Диктатура, опирающаяся на органы безопасности и армию, неизбежно вырастила новые классовые различия, и все это произошло в течение немногих лет. То, что было раньше величественным обещанием, превратилось в ничто. Ему хотелось, чтобы повсюду опять разразилась революция, но более глубокая и широкая, в которой были бы устранены все ошибки предшествующей.

— Что вы понимаете под революцией?

«Полное изменение современной социальной структуры в соответствии с четко составленным планом, безразлично, будет ли это с кровопролитием или без него. Для успеха дела все должно быть хорошо продумано, организовано во всех деталях и тщательно проведено в жизнь. Такая революция — наша единственная надежда; нет другого пути, который явился бы выходом из современного хаоса».

— А не получатся ли опять те же самые результаты — насилие и его исполнители?

«Возможно, что вначале так и будет, но мы сумеем это преодолеть. Всегда будет существовать отдельная и тесно связанная группа, стоящая вне правительства, чтобы наблюдать

за ним и направлять его действия».

— Вы хотите сделать революцию по заранее созданному образцу, и ваши надежды устремлены на завтрашний день, для которого вы готовы пожертвовать и собой, и другими. Но возможна ли коренная революция, если она основана на идее? Идеи неизбежно порождают новые идеи, новое сопротивление и новое подавление. Вера создает антагонизм. Одно верование вызывает появление других, возникает враждебность и конфликт. Единообразие в веровании не означает мира. Идея или мнение неизбежно создает оппозицию, которую те, кто стоит у власти, стараются подавить. Революция, основанная на идее, порождает контрреволюцию, и деятели революции тратят свою жизнь на борьбу с другими революционерами, причем те, которые организованы лучше, ликвидируют более слабых. Разве вы хотите повторить то же самое? Может быть, нам следует обсудить более глубоко назначение революции?

«Едва ли это представит какую-либо ценность, если не иметь в виду определенной цели. Необходимо построить новое общество, поэтому революция, произведенная по известному плану, явится единственным путем для его достижения. Не думаю, чтобы я изменил свою точку зрения, но давайте посмотрим, что вы хотите сказать. То, о чем вы будете говорить, возможно, уже было когда-то сказано — Буддой, Христом и другими религиозными учителями, но к чему это привело? Более двух тысяч лет произносились проповеди о добре, а посмотрите на хаос, вызванный капиталистами!»

— Общество, основанное на идее, созданное по определенному образцу, порождает насилие и находится в непрерывном состоянии разложения. Общество, действующее по тому или иному образцу, функционирует лишь в пределах созданной им самим веры. Общество, группа никогда не может находиться в состоянии революции; в этом состоянии может находиться только индивидуум. Но если этот индивидуум принадлежит к числу таких революционеров, которые действуют по плану, в соответствии с хорошо продуманными выводами, он лишь сообразуется с им самим созданным идеалом или надеждой на будущее. Он осуществляет в жизни свои собственные, обусловленные прошлым реакции, может быть, несколько видоизмененные, но, тем не менее, ограниченные. А ограниченная революция — это совсем не революция. Она представляет собой движение назад, подобно реформам. Революция, основанная на идее, на дедукции и выводах, есть видоизмененное продолжение старого порядка. Для коренной и длительной революции мы должны понять ум и идею.

«Что вы понимаете под идеей? Имеете ли вы в виду знание?»

— Идея — это проекция ума; идея есть результат опыта, а опыт есть знание. Мы постоянно даем толкование опыту в соответствии с обусловленностью ума, сознаем мы ее или нет. Ум есть опыт, ум есть идея. Ум нельзя отделить от его свойства мыслить. Знание, уже накопленное и находящееся в стадии накопления, есть процесс ума. Ум — это опыт, память, идея, это тотальный процесс ответов. Пока мы не поймем работу ума, сознания, невозможно коренное преобразование человека и его взаимоотношений с другими людьми — т.е. того, что образует общество.

«Не хотите ли вы сказать, что ум, если его рассматривать как знание, есть подлинный враг революции, что с помощью ума никогда нельзя создать нового устройства жизни, нового государства? Если вы думаете, что ум, постоянно связанный с прошлым, никогда не в состоянии понять новое, что все, спланированное или созданное им, есть результат прошлого, то каким образом вообще возможны какие бы то ни было изменения?»

— Давайте выясним это. Наш ум находится в плену того или иного шаблона, и в рамках этого шаблона он действует и движется. Этот шаблон взят из прошлого или будущего; это — отчаяние и надежда, хаос и утопия, то, что было, и то, что должно быть. С этим мы хорошо знакомы. Вы хотите разрушить старый шаблон и заменить его «новым», а это новое есть

модификация старого. Вы называете его новым, имея в виду собственные цели и тактику, но это новое остается старым. Так называемое новое имеет свои корни в старом; старое — это жадность, зависть, насилие, ненависть, власть, исключительность. И с такими глубокими корнями вы хотите создать новый мир. Это невозможно. Вы можете обманывать себя и других, но до тех пор, пока старый шаблон не будет разбит вдребезги, невозможно коренное преобразование. Вы можете поиграть с этим, но вы не явитесь надеждой для мира. Разрушение шаблонов — и старого, и так называемого нового — вот первостепенная необходимость, если хотите, чтобы взамен нынешнего хаоса водворился порядок. Вот почему так необходимо понять пути ума. Ум функционирует лишь в пределах поля известного, опыта, не зависимо от того, является ли этот опыт сознательным или подсознательным, коллективным или только кажущимся. Возможно ли действие без шаблона? До сих пор мы знали действие только в отношении к тому или иному шаблону; такое действие всегда является известным приближением к тому, что *было*, или к тому, что *должно* быть. До сих пор действие было и остается приноравливанием к надежде и страху, к прошлому или будущему.

«Если действие не является движением от прошлого к будущему, или движением между прошлым и будущим, тогда какое, же иное действие вообще возможно? Ведь не призываете же вы нас к бездействию, не правда ли?»

— Мир был бы лучше, если бы каждый из нас осознал, что такое истинная пассивность, которая совсем не является чем-то противоположным действию. Но это другая тема. Возможно ли, чтобы ум обходился без шаблона, освободился от маятника желаний, который раскачивается взад и вперед? Это определено возможно. Такое действие — жизнь в настоящем. Жить без надежды и без заботы о завтрашнем дне вовсе не означает безнадежности или безразличия. Но мы ведь *не* живем: мы все время стремимся к смерти, прошлой или будущей. Жизнь — это величайшая революция. Жизнь не имеет никакого стереотипа, а смерть имеет: прошлое или будущее, то, что было, или утопия. Вы живете ради утопии и потому влечете к себе смерть, а не жизнь.

«Все это очень хорошо, но никуда нас не ведет. Где ваша революция? Где действие? Где новый образ жизни?»

— Конечно, не в смерти, а в самой жизни. Вы гонитесь за идеалом, за надеждой на будущее, и эту погоню вы называете действием, революцией. Ваш идеал, ваши надежды — это проекции ума, направленные в сторону от того, что *есть*. Ум, который есть результат прошлого, порождает из себя образец для нового, и вот это вы называете революцией. Ваша новая жизнь продолжает оставаться старой, только в другой одежде. Жизнь не содержится ни в прошлом, ни в будущем; эти состояния имеют воспоминания о жизни, у них есть надежда на жизнь, но сами они — не жизнь. Проявления ума не есть жизнь. Ум может действовать только в рамках смерти; поэтому революция, имеющая основу в смерти. Это лишь еще большая тьма, еще большие разрушения и еще большее страдание.

«Вы оставляете меня совсем пустым, вы меня почти раздели. Может быть, в духовном отношении это хорошо для меня — иметь не обремененными сердце и ум, но это отнюдь не приносит пользы коллективной революционной деятельности».

ПОДЧИНЕНИЕ И СВОБОДА

Буря началась ранним утром громом и молнией, и целый день без перерыва шел дождь. Красная земля впитывала его. Коровы укрылись от дождя под огромным деревом, где стоял также небольшой белый храм. Нижняя часть дерева имела гигантские пропорции, расстилавшееся вокруг него поле было светло-зеленым. По другую сторону поля шла железнодорожная линия; поезда с трудом преодолевали небольшой подъем, а когда доходили до вершины подъема, издавали торжествующие свистки. Проходившие вдоль железной дороги могли наткнуться на большую кобру с красивыми пятнами, разрезанную пополам недавно прошедшим поездом. Вскоре на мертвое тело змеи налетели грифы, и через короткое время от змеи ничего не осталось.

Для того чтобы вести уединенную жизнь, требуется великая разумность; трудно жить одному и не стать жестким. Вести уединенную жизнь, не ограждая себя стеной замыкающейся в самой себе удовлетворенности, требует от человека быть в высшей степени бдительным, потому что уединенная жизнь способствует развитию у нас вялости, инертности и возникновению удобных привычек, которые трудно преодолевать. Одинокая жизнь вызывает склонность к изоляции, и только мудрые могут вести уединенную жизнь без вреда для себя и для других. Мудрость уединенна, но тропа одиночества не ведет к мудрости. Изоляция — это смерть, и мудрость не может быть обретена в удалении от мира. Нет пути к мудрости, потому что все пути обособливают, ведут к замкнутости. По самой своей природе пути могут вести только к изоляции, хотя такая изоляция может называться единством, целым, одним и т.п. Путь — это процесс, изолирующий, замыкающий человека в самом себе. Средства — это замкнутость, а цель такова же, как и средства. Средства неотделимы от цели, которая *должна* быть. Мудрость приходит с пониманием нашего отношения с полем, с прохожим, с мимолетной мыслью. Замыкаться, изолировать себя, чтобы найти, — значит положить конец открытию. Эти отношения ведут к уединению, но не к изоляции. Должно быть не одиночество замыкающегося в себе ума, а уединенность свободы. Полнота уединенна, неполнота же ищет пути к изоляции.

Она была писательницей, и ее книги получили довольно широкое распространение. Она рассказала, что смогла приехать в Индию лишь спустя много лет. Когда впервые отправилась в путь, ей было еще неясно, чем это закончится. Но теперь, после проведенных здесь лет, она поняла, в чем ее жизненное назначение. Муж и вся ее семья интересовались религиозными вопросами, при этом не от случая к случаю, а вполне серьезно. Тем не менее, она решила оставить их всех и прибыла сюда с надеждой обрести мир. Сначала она не знала никого, и первый год ее пребывания здесь был довольно трудным. Прежде всего она направилась в известный ашрам, или место уединения, о котором читала раньше. Гуру был кроткий старик, имевший в прошлом некоторые религиозные переживания, за счет которых он теперь жил; он постоянно повторял некоторые санскритские изречения, понятные ученикам. В ашраме ее хорошо приняли, а к его правилам ей не трудно было приспособиться. Она оставалась там несколько месяцев, но душевного мира не нашла и однажды объявила, что уезжает. Ученики были в ужасе от того, что она могла даже подумать об уходе от такого учителя мудрости; но она ушла. После этого она отправилась в один из горных ашрамов и оставалась там некоторое время. Вначале она была счастлива, так как ашрам был прекрасен своими деревьями, горными потоками и дикой жизнью. Дисциплина была довольно суровой, но она против этого не возражала; однако и здесь живое оказалось мертвым. Ученики преклонялись перед мертвым знанием, мертвой традицией, мертвым учителем. Когда она уехала от них, они тоже были шокированы и угрожали ей духовным мраком. Затем она пришла в одно весьма известное место

уединения, обитатели которого повторяли разные религиозные формулы и регулярно выполняли предписанные медитации; но мало-помалу она обнаружила, что попадает в ловушку и постепенно обезличивается. Ни учитель, ни его ученики не стремились к свободе, хотя и вели о ней беседы. Все они были озабочены тем, чтобы поддерживать центр и сохранить учеников своего гуру. Снова она разорвала узы и ушла в другое место, — и снова повторилась та же история, лишь слегка видоизмененная.

«Уверяю вас, я побывала в большей части серьезных ашрамов; все они стремятся удержать ученика, подавить его личные свойства и привести к тому шаблону мысли, который они называют истиной. Почему все они хотят, чтобы ученик подчинился их частной дисциплине и тому образу жизни, который установлен учителем? Почему происходит так, что они никогда не дают свободы, а лишь обещают ее?»

— Подчинение приносит удовлетворение; оно порождает чувство безопасности у ученика и придает силы ученику и учителю. Подчинение укрепляет авторитет, светский или религиозный; подчинение приводит также к тупости, которую называют состоянием внутреннего мира. Если человек стремится избежать страдания с помощью той или иной формы сопротивления, почему бы ему не пойти по этому пути, хотя бы он и вызвал какую-то толику страдания. Подчинение делает ум нечувствительным к конфликту. И мы хотим, чтобы нас сделали тупыми, невосприимчивыми; мы страдаем и стараемся отогнать от себя безобразное, но одновременно это притупляет восприятие прекрасного. Подчинение авторитету, мертвого или живого, дает огромное удовлетворение. Учитель знает, а вы не знаете. Было бы глупо с вашей стороны стараться выяснить что-либо самостоятельно, в то время как учитель, который дает вам утешение, уже знает это. Поэтому вы становитесь его рабом, а рабство лучше, чем внутреннее смятение. Учитель и ученик изоцряются во взаимной эксплуатации. Ведь в действительности вы не пойдете в ашрам, чтобы найти свободу, не так ли? Вы идете туда с тем, чтобы вести жизнь, подчиненную определенной дисциплине и вере; с тем, чтобы поклоняться и в свою очередь стать предметом поклонения, — и все это называется поисками истины! Они не могут дать свободу, так как эта свобода была бы для них самоуничтожением. Свободу нельзя найти в местах уединения, в системах или верованиях; ее нельзя обрести через подчинение и страх, которые называются дисциплиной. Ни одна дисциплина не может дать свободу. Она может обещать ее, но надежда — это не свобода. Подражание как путь к свободе — это подлинное отрицание свободы, так как средство — это цель. Подражание приводит к новому подражанию, а не к свободе. Но нам нравится обманывать себя; вот почему принуждение или обещание награды существует в разнообразных и тонких формах. Надежда — это отрицание жизни.

«Теперь я избегаю всех ашрамов, как настоящей заразы. Я шла к ним с целью найти душевный мир, а мне дали принуждение, доктрины, основанные на авторитете, и пустые обещания. Как горячо мы принимаем обещания, которые дает гуру! Как мы слепы! В конце концов, после этих многих лет, я полностью освободилась от желания искать обещанные ими награды. Как вы видите, физически я измучена, так как имела глупость испытать на себе действие их формул. В одном из ашрамов, учитель которого преуспевает и пользуется большой популярностью, после того как я сказала, что собираюсь посетить вас, ученики подняли вверх руки, а у некоторых даже появились на глазах слезы. Это явилось последней соломинкой! Я пришла сюда, так как хочу обсудить то, чем охвачено мое сердце. Об этом я намекнула одному учителю а он ответил, что я должна управлять своими мыслями. Дело вот в чем, Я ощущаю боль одиночества, гораздо большую, чем способна перенести, — не физического одиночества, которое я приветствую, но глубокую муку внутреннего одиночества. Что мне с этим делать? Как я должна рассматривать такую пустоту?»

— Если вы просите указать вам путь, вы становитесь последователем. Оттого, что внутри у

вас не стихает боль одиночества, вы жаждете помощи; а сама эта потребность в руководстве открывает дверь принуждению, подражанию и страху. Вопрос «как» совсем не является важным. Важно, чтобы мы поняли природу этой боли, вместо того, чтобы стараться ее преодолеть, избегать или выходить за ее пределы. До тех пор пока мы полностью не поймем муку одиночества, не будет у нас ни покоя, ни мира, а лишь непрекращающаяся борьба. Сознательно или несознательно большинство из нас яростно сопротивляется или прибегает к тонким уловкам, чтобы спастись от этого страха. Боль одиночества существует только в отношении к прошлому, но не к тому, что *есть*. Муки ваши имеют отношение лишь к тому, что уже прошло, но не к тому, что *есть*. То, что *есть*, должно быть раскрыто, не на словах, не теоретически, а непосредственно в переживании. А разве можно раскрыть то, что в действительности *есть*, если вы подходите к нему, испытывая чувство страдания или страха? Для того, чтобы понять то, что *есть*, вы должны подойти к нему свободно, без груза прошлого знания о нем. Вы должны подойти к тому, что *есть*, со свежим умом, не затуманенным воспоминаниями и привычными реакциями. Пожалуйста, не спрашивайте, каким образом сделать ум свободным и способным увидеть новое, но прислушайтесь к истине этого. Только истина освобождает, а не ваше желание быть свободным. Само желание, усилие стать свободным — это препятствие для освобождения.

Не должен ли ум, со всеми его выводами и мерами предосторожности, прекратить свою деятельность? Не должен ли он стать тихим, оставить поиски бегства от своего одиночества, поиски снадобий от него? Не следует ли направить внимание на боль одиночества и наблюдать заключенные в нем движения отчаяния и надежды? Не является ли сама деятельность ума процессом, изолирующим вас от других, процессом сопротивления? Не является ли любая форма взаимоотношений, которые устанавливает ум, путем отделения от других и замыкания внутри себя? Не является ли сам опыт процессом самоизоляции? Итак, наша проблема — это не боль одиночества, а ум, который создает проблему. Понимание ума есть начало свободы. Свобода не есть нечто, принадлежащее будущему; это самая первая ступень. Деятельность ума можно понять только в процессе ответов на всевозможные стимулы. Стимулы и ответы на них образуют взаимоотношения на всех уровнях. Накопление в какой бы то ни было форме, — будет ли это знание, опыт, вера, — препятствует свободе. Но лишь тогда, когда вы свободны, может проявиться истина.

«Разве усилие не является необходимым условием для понимания?»

— Можем ли мы понять что бы то ни было с помощью борьбы, конфликта? Не приходит ли понимание тогда, когда ум совершенно тих, когда прекратились связанные с усилием действия? Ум, который *сделан* тихим, не является спокойным умом; это мертвый, невосприимчивый ум. Когда есть желание, нет красоты безмолвия.

ВРЕМЯ И НЕПРЕРЫВНОСТЬ

Вечерний свет отражался в воде, и деревья казались темными на фоне заходящего солнца. Переполненный автобус прошел мимо, за ним проехал большой автомобиль, в котором сидели хорошо одетые люди. Пробежал мальш; он катил обруч. Женщина с тяжелой ношей остановилась, чтобы ее поправить, и затем продолжала свой утомительный путь. Юноша на велосипеде поздоровался с кем-то и поспешил домой. Еще несколько женщин прошли мимо; какой-то мужчина остановился, зажег сигарету, бросил спичку в воду, посмотрел вокруг себя и зашагал дальше. Никто, по-видимому, не обратил внимания на краски, бежавшие по воде, и на темные деревья, вырисовывавшиеся на закатном небе. Прошла девочка с маленьким ребенком; она разговаривала с ним и показала на темнеющие воды, чтобы позабавить и развлечь его. В домах зажглись огни, и вечерняя звезда начала свой путь по небу.

Существует скорбь, которую мы едва-едва осознаем. Мы знаем скорбь и боль внутренней борьба и смятения, мы знаем тщетность и страдания неосуществленных надежд; мы знаем полноту радости и ее преходящий характер. Мы знаем собственные печали, но не прислушиваемся к скорби другого. А разве мы можем ее осознать, если мы замкнуты в собственных несчастьях и тяжелых переживаниях? Разве мы можем почувствовать тяготы другого, если наши сердца изношены и неподвижны? Скорбь исключает других, изолирует человека и действует разрушительно. Как быстро вянет улыбка! Все как будто кончается скорбью и предельной отчужденностью.

Она была чрезвычайно начитанной, способной и непосредственной, изучала естественные науки и вопросы религии, внимательно следила за современной психологией. Несмотря на свой юный возраст, она уже была замужем — со всеми обычными невзгодами, присущими браку, добавила она. Теперь она свободна и полна стремления найти нечто большее, чем обычную обусловленность, найти свой собственный путь за пределами ума. Ее исследования открыли для ее ума возможности за пределами сознания и совокупного опыта прошлого. Она сказала, что присутствовала на нескольких наших беседах и почувствовала, что источник, общий для всех великих учителей, остается живым. Она слушала с большим вниманием и поняла значительную часть сказанного; а теперь пришла, чтобы обсудить вопрос о неизмеримом и проблеме времени.

«Что это за источник, пребывающий вне времени, состояние бытия вне поля деятельности мысли? Что такое это вечное нечто, этот дух творчества, о котором вы говорили?»

— Возможно ли осознать вневременное, вечное? Что является критерием его осознания? Как вы его отличите? С помощью чего могли бы его измерить?

«Мы можем судить только по его действиям, проявлениям».

— Но суждение — это процесс времени. И можно ли судить о действиях вневременного, подходя к ним с мерой времени? Если мы поймем, что означает время, это, быть может, позволит проявиться вневременному; но возможно ли дискутировать о том, что есть вечное? Если бы даже мы оба его осознавали, разве могли бы мы вести разговор о нем? Мы можем об этом говорить, но наше переживание не будет переживанием вневременного. О нем нельзя говорить и с ним невозможно общаться иначе, чем средствами времени; но слово — не сам предмет, и с помощью времени, очевидно, невозможно понять вневременное. Вневременное, вечное — это то, что приходит, когда время прерывается, когда его нет. Поэтому рассмотрим лучше, что мы понимаем под временем.

«Существуют различные формы времени: время роста, время, связанное с расстоянием, время как движение».

— Есть хронологическое, а также психологическое время. Время роста — это малое,

которое становится большим; это повозка, которая совершенствуется до реактивного самолета; это дитя, которое становится взрослым. Небеса наполнены явлениями роста так же, как и наша земля. Это очевидный факт, и отрицать его было бы нелепо. Время как расстояние является более сложным.

«Известно, что человек одновременно в двух различных местах может быть; в одном месте в течение нескольких часов и в другом — в течение нескольких минут в рамках того же самого периода времени».

— В то время, как мыслящий остается на одном месте, мысль может уноситься и действительно уносится весьма далеко.

«Я говорю не об этом явлении. Было установлено, что человек, как физическое существо, одновременно находился в двух местах, значительно удаленных одно от другого. Но оставим это; наша проблема — время».

— Вчерашний день, который использует сегодняшний для перехода в завтрашний, прошлое, которое через настоящее течет в будущее, — все это есть единое движение времени, а не три различных движения. Мы знаем время как хронологическое и психологическое, как рост и становление. Существует рост семени, развивающегося в дерево, существует также процесс психологического становления. Рост достаточно ясен, поэтому мы пока не будем его разбирать. Психологическое становление предполагает время. Я есть *это*, а в будущем стану *тем*, используя время как путь, как средство; то, что было, становится тем, что будет. Мы хорошо знакомы с этим процессом. Итак, мысль есть время; мысль, которая прошла, и мысль, которая появится; то, что *есть*, и идеал. Мысль есть продукт времени; без процесса мышления времени не существует. Ум — это создатель времени, он сам — время.

«Да, это, очевидно, так. Ум — это тот, кто создает время и пользуется им. Без мыслительного процесса времени не существует. Но возможно ли выйти за пределы ума? Существует ли состояние, которое не связано с мыслью?»

— Постараемся вместе раскрыть, существует такое состояние или нет. Есть ли мысль, когда проявляется любовь? Мы можем думать о ком-нибудь, кого мы любим; когда наш друг отсутствует, мы думаем о нем, мы смотрим на его фотографию или портрет. Разлука с близким заставляет нас думать.

«Вы хотите сказать, что в состоянии единства прекращается мысль и существует только любовь?»

— Единство подразумевает двойственность, но наш вопрос не в этом. Является ли любовь процессом мысли? Мысль — от времени, а разве любовь связана со временем? Мысль связана со временем; а вы спрашиваете, возможно ли освободиться от связывающего аспекта времени.

«Но ведь должно быть так, иначе было бы невозможно творчество. Творчество возможно, когда прекратился процесс непрерывности. Творчество — это новое. Это новые видения, новые изобретения, новые открытия, новые формулировки, это не непрерывное продолжение старого».

— Непрерывность — это смерть для творчества.

«Но каким образом можно покончить с непрерывностью?»

— Что мы понимаем под непрерывностью? Что создает непрерывность? Что соединяет один момент с другим, подобно тому, как нить соединяет отдельные бусины в ожерелье? Миг — это новое, но это новое поглощается старым, и благодаря этому создает цепь непрерывности. Всегда ли имеется новое, или существует лишь опознание нового старым? Если старое опознает новое, разве тогда остается новое? Старое может опознать лишь свою собственную проекцию; оно может назвать ее новым, но это не новое. Новое нельзя опознавать; это состояние, в котором отсутствует опознавание, ассоциации. Старое создает для себя непрерывное благодаря собственным проекциям; оно никогда не в состоянии познать нового. Новое можно перевести на

язык старого, но новое никогда не может сосуществовать со старым. Переживание нового есть отсутствие старого. Опыт и его выражение — это мысль, идея; мысль переводит новое в термины старого. Именно старое и создает непрерывность; старое — это память, слово, которое есть время.

«Как же возможно покончить с памятью?»

— Возможно ли это? Сущность, которая желает покончить с памятью, сама — кузнец памяти; она неотделима от памяти. Ведь это так, не правда ли?

«Да, создающий усилие рожден памятью, мыслью. Мысль есть результат прошлого, сознательного или подсознательного. Но что же надо делать?»

— Прошу вас, послушайте, и тогда вы естественно, не прилагая усилий, сделаете то, что необходимо. Желание — это мысль; желание кует цепь памяти. Желание есть усилие воли, ее действие. Накопление — путь желания; накапливать — значит создавать непрерывность. Собираение опыта, знаний, власти, вещей образует непрерывность; а если вы отказываетесь от всего этого, вы тоже создаете непрерывность, но только негативным образом. Оба вида непрерывности — позитивная и негативная — подобны. Центр, который накапливает, — это желание, желание иметь больше или меньше. Этот центр есть «я», которое стоит на разных уровнях в зависимости от степени личной обусловленности. Любое проявление активности со стороны этого центра ведет лишь к дальнейшему продлению его существования. Всякое движение ума — это создание оков времени; оно стоит на пути творчества как препятствие. Вневременное не пребывает там, где проявляется память с ее оковами времени. Безграничное нельзя измерить с помощью памяти, опыта. То, что не имеет имени, существует только тогда, когда опыт, знание полностью прекратились. Только истина освобождает ум от его собственной зависимости.

СЕМЬЯ И ЖЕЛАНИЕ БЕЗОПАСНОСТИ

Как уродливо — быть удовлетворенным! Одно дело — довольство, и совсем другое — удовлетворение. Удовлетворение делает ум тупым и утомляет сердце. Оно ведет к суеверию и безразличию, утрачивается острота восприятия. Именно те люди, которые ищут удовлетворения, и те, которые его получают, приносят смятение и страдание; это они порождают зловонные деревни и шумные города. Они возводят храмы вокруг высеченных из камня изображений и совершают обряды, дающие удовлетворение. Они поощряют классовые различия и войну; они всегда ищут способы умножить получаемое удовлетворение. Деньги, политика, власть, религиозные организации — это их средства. Своей респектабельностью и своими жалобами они обременяют землю.

Но довольство — это совсем другое. Трудно быть довольным. Довольство не может быть найдено в каких-то тайниках; за ним нельзя гнаться, как за удовольствием, его невозможно приобрести; оно не может быть куплено ценой отречения; нет ему цены; никакими средствами невозможно его достичь; оно не может быть предметом медитации и накопления. Искать довольство — значит искать лишь большего удовлетворения. Довольство — это полное понимание того, что *есть* от момента к моменту; это высочайшая форма негативного понимания. Удовлетворение знает неудачу и успех, довольство же не знает никаких противоположностей, с их бессмысленным конфликтом. Довольство выше и вне противоположностей; оно не является предметом синтеза, так что никакого отношения к конфликту не имеет. Конфликт может лишь вызывать еще больший конфликт, он влечет к дальнейшим иллюзиям и бедам. Вместе с довольством приходит действие, которое не содержит в себе противоречия. Довольство сердца освобождает ум от его деятельности, полной смятения и раздражения. Довольство — это движение вне времени.

Она рассказала, что получила первую университетскую степень с отличием в области математических наук, была преподавательницей и принимала участие в общественной работе. За короткое время после окончания высшей школы успела поехать по стране, выполняя различные дела: преподавала математику в одном месте, занималась общественной работой в другом, помогала своей матери и вела организационную работу общества, к которому принадлежала. Она не была политиком, так как считала, что политика — это путь достижения личного честолюбия и неразумная трата времени. Все это она понимала ясно. А сейчас собирается выйти замуж.

— Вы сами решили, за кого выйти замуж, или брак устроили ваши родители?

«Пожалуй, родители. Вероятно, так будет лучше».

— Позвольте, спросить, почему?

«В других странах юноши и девушки влюбляются друг в друга, вначале, возможно, все идет хорошо, но вскоре начинаются раздоры и страдания, ссоры, и примирения, пресыщение удовольствиями и рутина жизни. И тем же кончается заранее подготовленный брак в нашей стране — радость улетает. Поэтому не приходится особенно выбирать между первым и вторым. Оба внушают страх; но что же остается делать? В конце концов, выйти замуж надо, нельзя оставаться одной всю жизнь. Все это очень грустно, но муж по крайней мере создаст какую-то опору в жизни, а дети дадут радость; нельзя иметь одно без другого».

— А как же с теми годами, которые вы потратили на приобретение ученой степени?

«Думаю, этим можно будет заняться, но дети и домашнее хозяйство потребуют большую часть времени».

— Но тогда какую пользу принесло ваше так называемое образование? Для чего было

тратить так много времени, средств и усилий, если все это закончится кухней? Разве вы не собираетесь после замужества заняться преподаванием, какой-либо общественной работой?

«Только в том случае, если у меня будет время. До тех пор пока не будет достигнуто обеспеченное положение, невозможно держать слуг и все прочее. Я опасаясь, что, как только выйду замуж, — а я хочу это сделать, — все другие дела отойдут в сторону.

«Разве вы против брака?»

— Не рассматриваете ли вы брак, как некий институт для создания семьи? Но не является ли семья единицей, которая противостоит обществу? Не является ли семья тем центром, из которого исходят любые формы деятельности, не образует ли семья особый тип замыкающихся в себе взаимоотношений, который главенствует над всеми другими их типами? Не развивает ли семья внутреннюю активность, ведущую к разделению, ограничению, к делению на высшее и низшее, сильное и слабое? Семья, рассматриваемая как отдельная структура, представляет собой оппозицию целому, обществу; каждая семья противостоит другим семьям, другим группам. Не является ли семья со своей собственностью одной из причин, порождающих войны?

«Если вы возражаете против семьи, тогда вы, должно быть, стоите за коллективизацию мужчин и женщин, при которой дети будут принадлежать государству?»

— Пожалуйста, не перескакивайте к выводам. Если мы будем рассуждать с помощью формул и систем, это вызовет лишь возражения и споры. У вас своя система, у другого — своя; обе системы будут вести борьбу до конца, и каждая будет стараться уничтожить другую. Но проблема останется неразрешенной.

«Если вы против семьи, тогда за что же вы?»

— Почему вы ставите вопрос именно так? Когда имеется проблема, едва ли будет разумно рассматривать отдельные ее стороны соответственно личным предрассудкам. Не лучше ли понять проблему в целом вместо того, чтобы усиливать противоречия и враждебность и благодаря этому умножать наши проблемы?

Семья, если рассматривать ее в современном виде, — это единица с ограниченными взаимоотношениями, замкнутая внутри себя и исключая остальных. Реформаторы и так называемые революционеры пытались покончить с аспектом исключительности семьи, который питает различные формы антиобщественной деятельности. Но семья — устойчивый центр, который противостоит неустойчивой жизни; и современная социальная структура во всем мире не может существовать без этого устойчивого центра. Семья не только экономическая единица, поэтому любые усилия разрешить вопрос на обычном уровне неизбежно должны потерпеть неудачу. Желание иметь надежный оплот связано не просто с экономикой; его характер более сложен и глубок. Если человек разрушает семью, он находит другие формы защищенности в виде государства, коллектива, верования и т.д., которые, в свою очередь, создадут свои собственные проблемы. Мы должны понять желание внутренней, психологической безопасности, а не только подменить один образец безопасности другим.

Следовательно, наша проблема — это не семья, а желание находиться в безопасности. Не носит ли желание безопасности, все равно на каком уровне, замкнутого в себе характера? Этот дух замкнутости проявляется в форме семьи, собственности, государства, религии и т.п. Разве желание внутренней безопасности не ведет к созданию внешних ее форм, которые всегда замыкаются в себе? Но само желание находиться в безопасности разрушает безопасность. Замкнутость в себе, обособленность неизбежно ведут к дезинтеграции; национализм, классовая ненависть и война — ее симптомы. Семья как средство внутренней безопасности — это источник беспорядка и социальных катастроф.

«Но как же можно жить, если не иметь семьи?»

— Не правда ли, удивительно, как ум постоянно ищет какую-то модель, готовую копию?

Наше образование состоит из формул и выводов. Вопрос «как» — это ведь требование получить новую формулу; но формулы не могут разрешить проблему. Прошу вас, поймите эту истину. Только тогда, когда мы не ищем внутренней безопасности, можем мы жить безопасно во внешнем отношении. Но до тех пор, пока семья остается центром безопасности, будет происходить социальная дезинтеграция. До тех пор пока семья используется как средство самозащиты, должны сохраняться конфликт и скорбь. Прошу вас, не приходите в смятение, тут все достаточно просто. Пока я использую вас или кого-то другого ради моей внутренней, психологической безопасности, я должен быть замкнут в себе; «я» становится самым важным, приобретает наибольшее значение; это моя семья, моя собственность. Отношения, преследующие выгоду, полезность, в основе своей имеют насилие. Семья как средство взаимной внутренней безопасности ведет к конфликту и смятению.

«Умом я понимаю то, о чем вы говорите; но возможно ли жить без этого внутреннего желания находиться в безопасности?»

— Интеллектуальное понимание вообще не является пониманием. Вы думаете, что слышите слова и схватываете их значение, и этим дело кончается; но подобное восприятие не ведет к действию. Использование другого человека в качестве средства для собственного удовлетворения и безопасности — это не любовь. Любовь никогда не связана с безопасностью; любовь — это такое состояние, при котором желание быть в безопасности отсутствует; любовь — это состояние уязвимости, это единственное состояние, при котором невозможна замкнутость в себе, враждебность и ненависть. В таком состоянии может возникнуть семья, но она не будет отчужденной, замкнутой в себе.

«Но мы не знаем такой любви. Как же должен человек...?»

— Полезно осознать пути своей собственной мысли. Внутреннее желание безопасности внешне выражается замкнутостью и насилием; и до тех пор, пока мы не поймем полностью этот процесс, истинной любви быть не может. Любовь не есть какое-то новое убежище в поисках безопасности. Желание безопасности должно полностью исчезнуть для того, чтобы проявилась любовь. Любовь не есть нечто такое, что можно вызвать путем принуждения. Любая форма принуждения, на каком бы то ни было уровне, является подлинным отрицанием любви. Революционер, обладающий той или иной идеологией, совсем не является революционером; он предлагает лишь суррогат, новый вид безопасности, новую надежду на будущее; но любая надежда на будущее есть смерть. Только любовь может вызвать радикальную революцию или трансформацию отношений; но любовь не принадлежит уму. Мысль может планировать и формулировать восхитительные образы надежды, но это приведет лишь к дальнейшему конфликту и беде. Любовь существует тогда, когда хитрый, замкнутый в себе ум молчит.

«Медитация имеет для меня величайшее значение. Более двадцати пяти лет я регулярно медитирую два раза в день. Вначале это было очень трудно, мне никак не удавалось контролировать свои мысли, и они все время уходили в сторону; но постепенно я стал выключать все, что мне мешало. Все больше времени и силы я отдавал достижению конечной цели, я был у разных учителей и следовал указаниям нескольких, отличных друг от друга систем медитации; но я никогда не был полностью удовлетворен ни одной из них, — хотя слово «удовлетворен», может быть, и не совсем точно. Все они подводят к определенной точке, в зависимости от системы, и я обнаружил, что становлюсь просто результатом системы, который так далек от моей конечной цели. Но после всех этих экспериментов я научился полностью владеть своими мыслями; мои эмоции также целиком находятся под контролем. Я упражнялся в глубоком дыхании, чтобы успокоить тело и ум; я повторял священное слово, постился в течение многих дней; в моральном отношении все было на высоте, а земные дела меня не привлекают. Но несмотря на все эти годы борьбы и усилий, упражнений и отречений, у меня нет душевного спокойствия, того блаженства, о котором говорят Великие. В редких случаях бывали светлые моменты глубокого экстаза, когда интуиция сулит высокие переживания; но я, кажется, не способен постичь иллюзорность собственного ума и постоянно оказываюсь у нее в плену. На меня опускается облако мрачного отчаяния, и я ощущаю все возрастающую скорбь».

Мы сидели на берегу широкой реки, совсем близко к воде. Город был наверху, на некотором расстоянии от нас. На другом берегу мальчик пел песню. Позади нас садилось солнце, тяжелые тени легли на воду. Был тихий, прекрасный вечер. Вереница облаков тянулась к востоку; казалось, что глубокая река не имеет течения. Он совсем не замечал этой разлитой повсюду красоты и был целиком поглощен своей проблемой. Мы сидели молча, а он закрыл глаза. Его строгое лицо оставалось спокойным, но внутри продолжалась интенсивная борьба. Стая птиц уселась у кромки воды; их крик донесся до другого берега, так как оттуда прилетела еще одна стая и присоединилась к первой. Безмолвие, в котором нет времени, окутало землю.

— В течение всех этих лет прекращали ли вы когда-нибудь стремиться к конечной цели? Разве не наша воля, не усилие создают «я», и может ли процесс времени вести к вечному?

«Я никогда сознательно не прекращал стремление к тому, чего жаждало мое сердце и все мое существо. Я не смел делать остановки; если бы я остановился, то был бы отброшен назад, это было бы вырождение. В природе всех вещей заложено стремление к высшему, и если бы не проявлялась воля, не прилагалось усилие, то наступил бы застой. Не будь у меня стремления к цели, я никогда не смог бы выйти за пределы, возвыситься над самим собой».

— Может ли «я» когда-нибудь освободить себя от собственного рабства и иллюзий? Не должно ли «я» исчезнуть, чтобы получило бытие то, что не имеет имени? А это постоянное стремление к конечной цели, каким бы оно ни было страстным, — разве не усиливает «я»? Вы боретесь во имя конечной цели, другой человек домогается земных благ; ваше усилие, может быть, более возвышенно, но не является ли оно все еще желанием приобрести выгоду?

«Я преодолел все страсти, все желания, кроме этого одного стремления, которое есть нечто большее, чем желание. Это — единственное, во имя чего я живу».

— В таком случае вы должны умереть и для этого желания, подобно тому, как умерли для других стремлений и желаний. В течение всех этих лет борьбы и постоянного игнорирования, исключения всяких желаний вы укрепились в этом единственном стремлении, но оно все еще продолжает оставаться внутри поля «я». А вы стремитесь пережить неизреченное — именно в этом ваше желание, не правда ли?

«Да, конечно. Переступив тень сомнений, я хочу познать конечную цель, я хочу иметь непосредственное переживание Бога».

— Переживающий всегда обусловлен тем, что он переживает. Если тот, кто имеет переживание, осознает, что он есть переживающий, тогда переживание оказывается результатом его собственных желаний, спроецированных изнутри. Если вы знаете, что переживаете Бога, тогда этот Бог есть проекция ваших надежд и иллюзий. Нет свободы для переживающего «я», так как он постоянно в плену собственных переживаний; он создает время и никогда не может переживать вечное.

«Не хотите ли вы сказать, что то, что я старательно создавал с большими усилиями и с помощью мудрого выбора, — что все это надо разрушить? И я сам должен быть инструментом разрушения?»

— Может ли «я» в позитивном смысле стать отрицающим само себя? Если бы это произошло, то его мотивом, его намерением было бы приобрести то, что не может быть предметом обладания. Какова бы ни была его деятельность, сколь возвышенной бы ни была его цель, любое усилие со стороны «я» продолжает оставаться в поле его собственных воспоминаний, особенностей и проекций, независимо от того, будут ли они сознательными или подсознательными. «Я» может разделить себя на органическое, основное «я», и «не-я», или трансцендентное, абстрактно-умозрительное «я»; это дуалистическое разделение есть иллюзия, в которой ум запутывается. Каковы бы ни были движения ума, движения нашего «я», оно никогда не может освободить само себя. Оно может подниматься с одного уровня на другой, переходить от неразумного к более осмысленному выбору, но его движения всегда останутся в пределах сферы собственной деятельности.

«Вы, кажется, исключаете всякую надежду. Что же тогда делать?»

— Вы должны быть полностью открытым, без груза прошлого или соблазна надеяться на будущее, что совсем не означает отчаяния. Если же вы в отчаянии, то нет пустоты, нет открытости. Вы ничего не можете «делать». Вы можете и должны быть спокойным, без какой-либо надежды, тоски или желания; но вы не можете устанавливать тишину, безмолвие, подавляя всякий шум, потому что в самом усилии существует шум. Безмолвие — это не противоположность шуму.

«Но что я должен делать в моем теперешнем состоянии?»

— Позвольте заметить, что вы настолько страстно стремитесь достичь успеха, так нетерпеливо ждете получения позитивных указаний, что просто-напросто не слушаете.

Вечерняя звезда отражалась в тихих водах реки.

На следующий день, рано утром, он пришел опять. Солнце только что показалось над верхушками деревьев, а над рекой еще стоял туман. Тяжело нагруженная дровами лодка с белыми парусами медленно плыла вниз по реке; все, кроме рулевого, спали в разных ее частях. Было совсем тихо, и обычная человеческая деятельность вдоль реки еще не началась.

«Несмотря на мое внешнее нетерпение и беспокойство, внутренне я, по-видимому, бдителен и с живым вниманием воспринимал все, что вы вчера говорили; потому что когда я сегодня утром проснулся, было определенное чувство свободы и ясности, которые приходят с пониманием. Я провел обычную утреннюю медитацию за час до восхода солнца, и я не вполне уверен, что не нахожусь в плену каких-то расширяющих иллюзий. Можно продолжить беседу с того, на чем мы вчера остановились?»

— Мы не можем начать в точности с того, на чем мы расстались; но к нашей проблеме можно подойти заново. Ум, внешний и внутренний, находится в постоянной деятельности, получая впечатления; захваченный воспоминаниями и реакциями, он является центром скопления различных желаний и конфликтов. Он действует в пределах поля времени, а в этом

поле существуют противоречия, противодействия воли или желания в форме усилия. Эта психологическая активность «я», «меня», «моего» должна прекратиться, так как подобная деятельность способствует появлению проблем и является причиной различных волнений и расстройств. Но любое усилие, предпринятое с целью остановить эту деятельность, приводит лишь к еще большей активности и возбуждению ума.

«Верно, я сам это замечал. Чем больше человек старается сделать свой ум безмолвным, тем больше это вызывает сопротивление. Тогда человек направляет свои усилия с целью преодолеть это сопротивление; в результате получается порочный круг, который нельзя разорвать».

— Если вы понимаете порочность этого круга и осознаете, что не можете его разорвать, то с этим осознанием цензор, наблюдающий перестает существовать.

«Это, по-видимому, труднее всего осуществить. Я имею в виду подавление наблюдающего. Я старался, но до сих пор ни разу не смог добиться успеха. Как это сделать?»

— Но вы продолжаете думать в терминах «я» и «не-я». Разве вы не поддерживаете в своем уме этот дуализм благодаря словам, благодаря постоянному воспроизведению опыта и привычек? По сути дела, мыслящий и его мысль — это не два различных процесса, но мы сами создаем их, чтобы достичь желаемой цели. Цензор появляется вместе с желанием. Наша проблема состоит не в том, чтобы найти способ подавить цензора, наша проблема — это понять желание.

«Но ведь должна же быть сущность, которая обладает способностью понимания; должно быть состояние, отличное от состояния неведения!»

— Сущность, которая говорит: «я понимаю», продолжает оставаться в поле ума; она по-прежнему наблюдающий, цензор, не так ли?

«Конечно, это так; но я не вижу, каким образом можно вырвать этого наблюдающего с корнем. И возможно ли это?»

— Давайте посмотрим. Мы говорим, что необходимо понять желание. Желание может себя распределять и распределяет по шкале: удовольствие, страдание, мудрость, неведение; одно желание противостоит другому, более выгодное — менее выгодному, и т.д. Хотя по разным причинам оно может себя разделять, фактически желание — это неделимый процесс, не так ли?

«Это нелегко понять. Я так привык противопоставлять одно желание другому, подавлять и преобразовывать их, что до сих пор не могу полностью осознать желание как единое, как целостный процесс. Но теперь, когда вы на это указали, я начинаю чувствовать, что это так».

— Желание может разбиться на множество противоречащих и враждующих стремлений, но, тем не менее, оно остается желанием. Это множество стремлений образует «я» с его памятью, заботами, страстями и так далее; но вся деятельность этого «я» происходит в пределах поля желания; «я» не имеет другого поля проявления. Ведь это так, не правда ли?

«Пожалуйста, продолжайте. Я слушаю вас всем моим существом, стараясь выйти за пределы слов, глубоко, не делая усилий».

— Наша проблема, следовательно, состоит в следующем: возможно ли, чтобы проявления желания завершились естественно, свободно, без принуждения в какой бы то ни было форме? Только в этом случае ум может быть бдительным. Если вы сумеете осознать это как факт, разве тогда не прекратятся проявления желаний?

«Они прекратятся, но на очень короткое время. А потом снова начнется обычная деятельность желания. Но как же можно его остановить?.. Спрашивая вас, я сам вижу абсурдность своего вопроса!»

— Вы видите, насколько мы жадны; мы всегда хотим всё больше и больше. Требование прекратить проявления «я» становится новой формой его деятельности; но она совсем не нова, это лишь другая форма желания. Только когда ум спонтанно приходит в состояние покоя, может

явиться другое, то, что вне сферы ума.

ПРИРОДА ЖЕЛАНИЯ

Был тихий вечер; много лодок с белыми парусами плыли по озеру. На далеком расстоянии высился покрытый снегом пик, словно его подвесили с неба. Вечерний бриз с северо-востока еще не начался, но в направлении к северу на воде появилась рябь, и часть лодок стали вытаскивать на берег. Вода была глубокой синевы, небо совершенно чистое. Озеро было огромное, но в солнечные дни можно было видеть города, расположенные на другом берегу. В небольшом заливе, уединенном и забытом, куда мы пришли, было совсем тихо; сюда не заходили туристы, а пароход, который курсировал вокруг озера, никогда здесь не останавливался. Недалеко расположилась рыбацья деревушка; ожидалась ясная погода, поэтому небольшие лодки с фонарями, вероятно, будут рыбачить ночью. В этот полный очарования вечер рыбаки готовили свои сети и лодки. Долины скрыла глубокая тень, а горы еще продолжали удерживать солнце.

Некоторое время мы шли пешком, потом уселись около дорожки. Ему хотелось поговорить об интересующей его теме.

«Насколько я могу припомнить, у меня всегда были нескончаемые конфликты, большей частью внутренние, хотя иногда они прорывались и вовне. Но внешние конфликты особенно меня не беспокоят, так как я научился приспособливаться к обстоятельствам. Однако процесс приспособления был довольно мучительным, ибо меня нелегко убедить или подчинить. Жизнь была трудной, но я хорошо работал и создал для себя благоприятные условия. Но проблема моя не в этом. То, что я не могу понять, — это внутренний конфликт, которым я не в состоянии управлять. Часто просыпаюсь в середине ночи от бурных сновидений. Мне кажется, что у меня не бывает ни минуты отдыха от конфликта; он таится глубоко, сопутствуя повседневной деятельности, и нередко врывается в сферу более сокровенных отношений».

— Что вы имеете в виду, говоря о конфликте? Какова его природа?

«Внешне я довольно занятой человек; работа моя требует сосредоточенности и внимания. Когда ум занят работой, я забываю о внутренних конфликтах; но как только в работе появляются свободные промежутки, конфликты снова со мной. Эти конфликты бывают различного рода и протекают на разных уровнях. Я хочу преуспевать в работе, занимать высшие места, иметь достаточное количество денег и все прочее. Я знаю, что всего этого могу добиться. А на другом уровне сознания я вижу всю нелепость своих честолюбивых устремлений. Я люблю все лучшее, что дает жизнь, но в то же время хочу вести простой, почти аскетический образ жизни. Я ненавижу множество людей, однако же хочу забывать и прощать. Я мог бы продолжать и дальше, но уверен, что вы в состоянии понять природу моих конфликтов. Внутренне я миролюбив, но легко поддаюсь вспышкам гнева. У меня прекрасное здоровье; может быть, в этом несчастье, по крайней мере для меня. Внешне а производжу впечатление спокойного и устойчивого человека, но внутренне конфликты приводят меня в смятение и волнуют. Мне уже за тридцать, и мне на самом деле хотелось бы вырваться из смятения, порождаемого моими желаниями. Видите ли, еще одна из моих трудностей состоит в том, что я не могу говорить об этом с кем-нибудь другим. Вот сейчас, впервые за много лет, я чуть-чуть раскрыл себя. Я не склонен таить секреты, но не терплю говорить о самом себе и не решился пойти к психологу. Теперь, когда вы все это знаете, скажите, пожалуйста, возможно ли мне обрести внутреннюю ясность?»

— Вместо того, чтобы усилием покончить с конфликтом, посмотрим, можем ли мы понять этот комплекс, желаний. Проблема наша — это понять природу желания, а не просто преодолеть конфликт; ведь именно желание является причиной конфликта. Ассоциации и

воспоминания стимулируют желание; память — это часть желания. Накопление приятного и неприятного питает желание и приводит к созданию противоречащих и враждующих между собой желаний. Ум отождествляет себя с приятным, противопоставляя его неприятному; делая отбор между страданием и удовольствием, ум расчленяет желание и делит его на разные категории, в зависимости от цели и ценности.

«Хотя существует множество желаний, враждующих между собой и противоречащих друг другу, все они составляют единое. Так ли это?»

— Это так, не правда ли? Понимание этого поистине чрезвычайно важно; в противном случае конфликт между противоположными желаниями будет продолжаться бесконечно. Двойственность желания, которая создана умом, — это иллюзия. В желании нет никакой двойственности, есть просто различные типы желания. Двойственность существует лишь между временем и вечностью. Рассмотрим нереальность двойственности желания. Само желание разделяет себя на «хочу» и «не хочу»; но если избегать одного и следовать другому, это все еще остается желанием. Не существует какой-либо возможности избежать конфликта с помощью противоположного, ибо само желание рождает свою противоположность.

«Я понимаю в общих чертах, что сказанное вами — факт. Но ведь остается фактом и то, что меня продолжают раздражать многочисленные желания».

— То, что все желания суть одно и то же — факт, который мы не можем изменить, показать так, чтобы он соответствовал тому, что нам удобно и что нам нравится; мы не можем использовать его в качестве инструмента для освобождения себя от конфликта желаний. Но если мы понимаем его истину, тогда этот факт способен освободить ум от иллюзии. Вот почему мы должны осознать желание, которое разбивает себя на отдельные и враждующие части. Мы *есть* эти противоречивые и враждующие желания, мы — это взятый в целом пучок желаний, каждое из которых тянет в свою сторону.

«Хорошо, но что же мы можем с этим поделать?»

— Если мы с самого начала не уловим проблеска желания, как чего-то единого, тогда все, что мы будем делать или от чего воздержимся, — все это будет иметь весьма малое значение, так как желание создает новое желание, и наш ум окажется втянутым в этот конфликт. Свобода от конфликта приходит тогда, когда прекращается желание, которое создает «я» с его воспоминаниями и способностью различать.

«Когда вы говорите, что конфликт перестает существовать лишь с прекращением желания, не означает ли это конец активной жизни человека?»

— Может быть, означает, а возможно, и нет. Было бы глупо с нашей стороны рассуждать по поводу того, каков будет характер жизни, лишенной желаний.

«Вы, конечно, не имеете в виду, что должны прекратиться желания органического характера?»

— Желания органического характера приняли форму и получили развитие с помощью психологических желаний; а мы говорим именно о психологических желаниях.

«Можно ли нам более глубоко рассмотреть характер действия этих внутренних желаний?»

— Желания бывают явные и глубоко запрятанные, сознаваемые и скрытые. Скрытые желания имеют гораздо большее значение, чем явные; но мы не можем изучить более глубокие желания, если не поняли и не укротили поверхностные желания. Это не означает, что сознаваемые нами желания мы должны подавить, облагородить или переделать по какому-то образцу; но они должны быть в поле наблюдения, и их надо утихомирить. Когда успокоится поверхностное возбуждение, создастся возможность выхода наружу более глубоко скрытых желаний, мотивов и намерений.

«Каким образом можно успокоить поверхностное возбуждение? Я понимаю необходимость

того, о чем вы говорите, но совсем не вижу, как подойти к проблеме, как с этим экспериментировать».

— Экспериментирующий и то, с чем он экспериментирует, неотделимы друг от друга. Эту истину надо понять. Вы, экспериментирующий над своими желаниями, не являетесь сущностью отдельной от этих желаний, не правда ли? «Я», которое говорит «я должен подавить это желание и следовать за тем», само есть следствие всей совокупности желаний, разве не так?

«Можно чувствовать, что это так, но по-настоящему это понять — дело совсем другое».

— Если эту истину осознавать сразу же, по мере того, как возникает каждое желание, тогда существует свобода от иллюзии, что экспериментирующий является отдельной сущностью, не связанной с желанием. До тех пор пока «я» упорно прилагает усилия, чтобы освободить себя от желания, от этого только усиливается желание в другом направлении и, таким образом, увековечивает конфликт. Если *существует* осознание этого факта от момента к моменту, воля цензора прекращается; а когда переживающий есть само переживание, вы обнаруживаете, что желания, с его многочисленными разнообразными конфликтами, больше нет.

«Поможет ли все это создать более тихую и более полную жизнь?»

— Конечно, не сразу. Несомненно, возникнет большее беспокойство и потребуются более глубокое регулирование; но чем глубже и шире человек проникает в эту сложную проблему желания и конфликта, тем проще она становится.

ЦЕЛЬ ЖИЗНИ

Дорога начиналась перед домом и спускалась к морю, делая зигзаги мимо разных лавок, больших жилых домов, гаражей, храмов и покрытого пылью заброшенного сада. Около моря она перешла в широкое оживленное шоссе с такси, дребезжащими автобусами и прочим шумом современного города. От шоссе отходила улица — тихая, защищенная от солнца аллея, обсаженная огромными дождевыми деревьями; но утром и вечером по ней мчались машины к фешенебельному клубу, с его красивым парком и площадкой для игры в гольф. Когда я шел по этой аллее, мне встретились нищие разных типов, лежавшие прямо на тротуаре; они не были назойливыми и даже не протягивали руки к проходившим. Положив голову на консервную банку, лежала девочка около десяти лет, с широко раскрытыми глазами; она была грязная, с непричесанными волосами, но она улыбнулась в ответ на мою улыбку. Несколько дальше маленькая девочка, едва ли старше трех лет, вышла вперед с протянутой рукой и очаровательной улыбкой. Мать наблюдала за ней, стоя позади находившегося рядом дерева. Я взял протянутую руку девочки, мы прошли вместе несколько шагов и вернулись к матери. Так как у меня не было монет, я вернулся сюда на следующий день; но девочка не пожелала взять монету, она хотела играть; мы начали играть, а монету отдали матери. Всякий раз, когда я проходил по этой аллее, маленькая девочка была там, с застенчивой улыбкой и яркими глазами.

Против входа в фешенебельный клуб, прямо на земле, сидел нищий; он был покрыт грязным джутовым мешком, а его спутанные волосы были полны пыли. В отдельные дни, когда я проходил мимо, он лежал, положив голову на пыль и прикрыв мешком голое тело; в другие дни он сидел совершенно безмолвно, глядя перед собой невидящим взором, а над ним возвышалось огромное дождевое дерево. Однажды вечером в клубе был праздник; все было освещено, и блестящие автомобили, наполненные смеющимися людьми, проезжали по аллее, давая сигналы. Из клуба доносилась легкая музыка, громкая и заполнявшая воздух. У входа стояло много полисменов: там собралась большая толпа, чтобы посмотреть на изящно одетых и упитанных людей, подъезжавших на собственных машинах. Нищий повернулся к ним спиной. Кто-то предложил ему еды, другой дал сигарету, но нищий молча отказался от того и другого, не сделав ни одного движения. Он медленно умирал, день за днем, а люди проходили мимо.

На фоне темнеющего неба эти большие дождевые деревья казались мощными, их очертания были причудливы. У них были очень мелкие листочки, но ветви казались крупными; среди города, переполненного людьми, шумом и страданиями, деревья сохраняли величественный и уединенный облик. А рядом было море, всегда в движении, не знающее отдыха, бесконечное. На нем маячили белые паруса, эти пятна среди бесконечности; месяц оставлял серебряную дорожку на танцующих волнах. Богатая красота земли, далекие звезды и бессмертное человечество. Неизмеримая безбрежность, казалось, покрыла все.

У собеседника был молодежавший вид; он пришел с другого конца страны, проделав утомительное путешествие. Он дал обет не вступать в брак, пока не найдет смысла и цели жизни. У него был решительный и напористый характер. Работая в одном из учреждений, он взял отпуск на некоторое время, чтобы постараться найти ответ на свои поиски. Он обладал деловым и способным к рассуждениям умом, но был так увлечен своими собственными и заимствованными у других ответами, что едва мог слушать. Он говорил не очень быстро и бесконечно цитировал отдельные мысли, в которых философы и учителя говорили о цели жизни. Вид у него был измученный, выражающий глубокое беспокойство.

«Если я не узнаю цели жизни, мое существование не будет иметь смысла, а все мои действия приведут к краху. Я зарабатываю на жизнь как раз столько, чтобы сводить концы с

концами; но я страдаю, а впереди меня ожидает смерть. Вот он, путь жизни, а какова цель всего этого? Я не знаю. Я был у знающих людей, у разных гуру, одни из них говорят одно, другие — другое. Что скажете вы?»

— Вы задаете этот вопрос для того, чтобы сравнить то, что я скажу, с тем, что было сказано другими?

«Да, тогда я смогу выбрать, а выбор мой будет зависеть от того, что я буду считать верным».

— Вы думаете, что понимание того, что такое истина, — это вопрос личного знания и зависит от выбора? С помощью выбора вы хотите раскрыть, что такое истина?

«А как же иначе можно найти реальное, если не с помощью распознавания и выбора? Я постараюсь слушать вас очень внимательно, и если то, что вы скажете, мне понравится, я отброшу то, что говорили другие, и буду строить свою жизнь в соответствии с целью, которую поставите вы, Я говорю совершенно серьезно о своем желании выяснить истинную цель жизни».

— Сэр, прежде чем идти дальше, не будет ли важно задать себе вопрос о том, сможете ли вы отыскать истину? Я говорю об этом с полным уважением к вам, без тени умаления. Является ли истина результатом мнений, имеет ли она отношение к тому, что нам нравится, что дает удовлетворение? Вы говорите, что примете то, что вас привлечет; это означает, что вы не интересуетесь истиной, но ищете то, что доставит вам наибольшее удовлетворение. Вы готовы подвергнуться страданию, принуждению, лишь бы приобрести то, что в своем завершении даст вам удовлетворение. Вы ищете наслаждение, а не истину. Истина — это нечто, стоящее за пределами того, что нравится или не нравится, разве не так? Началом всех поисков должно быть смирение.

«Вот именно поэтому я и пришел к вам, сэр. Я ищу совершенно серьезно. Я ищу учителей, которые сказали бы мне, что такое истина, и я буду следовать за ними со смирением и в духе покаяния».

— Следовать за кем-либо — значит отвергать смирение. Вы готовы следовать за другим, так как хотите добиться успеха, достичь цели. Честолюбивый человек, каким бы тонким и скрытым ни было его честолюбие, никогда не бывает смиренным. Следовать авторитету, возводя его в руководящий принцип, — значит губить проницательность, понимание. Стремление к идеалу отрицает смирение, так как идеал — это прославление «я», эго. Как может быть смиренным человек, который разными способами подчеркивает собственную значимость? Без смирения реальность никогда не может прийти.

«Но я пришел сюда специально для того, чтобы выяснить, в чем заключается истинная цель жизни».

— Разрешите вам сказать, что вы как раз захвачены идеей, и она становится навязчивой. Это то, по отношению к чему необходимо постоянно быть настороже. Стремясь узнать истинную цель жизни, вы прочли многих философов, побывали у многих учителей. Одни из них говорят одно, иные — другое; а вы хотите знать истину. Но что же вы хотите — знать истину того, что они говорят, или истину ваших собственных исследований?

«На ваш вопрос, так прямо поставленный, я затрудняюсь дать ответ. Существуют люди, которые изучили и пережили больше, чем я; с моей стороны было бы абсурдным отбросить то, о чем они говорят и что может помочь мне раскрыть значение жизни. Но каждый из них говорит, основываясь на своем опыте и понимании, и они часто противоречат друг другу. Марксисты говорят одно, а последователи религий — совсем другое. Прошу вас помочь мне найти истину во всем этом».

— Это не легко — видеть ложное как ложное, видеть истинное в ложном и истинное как истинное. Для того чтобы иметь ясное понимание, вы должны быть свободны от желания, так как желание искажает и обуславливает ум. Вы так полны горячего желания найти истинное

значение жизни, что ваше рвение становится препятствием на пути понимания ваших собственных поисков. Вы хотите знать истину того, о чем вы читали, о чем говорили ваши учителя, не так ли?

«Да, совершенно верно».

— Для этого вам надо быть в состоянии выяснить для самого себя, что истинно во всех этих утверждениях. Ваш ум должен быть способным смотреть прямо; если он этого не сможет сделать, он потеряется в джунглях идей, мнений и верований. Если ваш ум не обладает способностью увидеть то, что является истинным, вы уподобляетесь гонимому ветром листку. Вот почему важны не выводы и утверждения других, кто бы они ни были, а важно самому иметь внутреннее проникновение в то, что является истинным. Разве не это — самое существенное?

«Я думаю, да. Но каким образом мне обрести этот дар?»

— Понимание — это не дар, уготовленный для немногих; оно приходит к тем, кто серьезно ищет самопознания. Сравнительная оценка разных мнений не приводит к пониманию; сравнение — это одна из форм ухода от основной задачи, точно так же, как суждение есть бегство от понимания. Для того чтобы проявилась истина, ум должен быть свободен от сравнений и оценок. Когда ум сравнивает, оценивает, он не бывает спокоен, он загружен, занят. Занятый ум не способен к ясному и простому пониманию.

«Не означает ли это, что я должен откинуть все ценности, которые накопил, и все знания, которые собрал?»

— Не должен ли ум для раскрытия истины быть свободным? Приносят ли свободу знания, информация, выводы и опыт, как собственные, так и принадлежащие другим, весь обширный, накопленный годами груз памяти? Существует ли свобода, если остается цензор, который судит, обвиняет, сравнивает? Ум никогда не бывает тихим, если он постоянно приобретает и рассчитывает; а не должен ли ум быть безмолвным для того, чтобы проявилась истина?

«Я понимаю это. Но не требуете ли вы слишком многого от простого и несведущего ума вроде моего?»

— Разве ум ваш — простой и несведущий? Если бы вы в действительности были таким, было бы чудесно приступить к истинному исследованию; но, к сожалению, вы не такой. Мудрость и истина приходят к тому, кто чистосердечно говорит: «я не знаю, я несведущ». Простые, невинные, а не те, кто обременен знаниями, увидят свет, ибо они обладают смирением.

«Я хочу только одного: знать истинную цель жизни, а вы обрушиваете на меня целую кучу понятий, которые выше моего понимания. Можете ли вы сказать простыми словами, в чем истинное назначение жизни?»

— Сэр, для того, чтобы пойти далеко, вы должны начать с того, что совсем близко от вас... Вы хотите неизмеримого, но не видите того, что рядом с вами. Вы хотите знать смысл жизни. Жизнь не имеет ни начала, ни конца; она есть и смерть, и жизнь; она — зеленый листок, и увядший, гонимый ветром лист; она — любовь и ее безмерная красота; она — скорбь одиночества и блаженство уединения. Ее нельзя измерить, ум не в состоянии ее раскрыть.

ЦЕННОСТЬ ПЕРЕЖИВАНИЯ

На скале, нагретой палящими лучами солнца, женщины из соседней деревни разбрасывали неободранный рис, который хранился в амбаре. Они подносили большие пучки риса к плоской, с небольшим уклоном скале, а пара быков, привязанных к дереву, ходила по зерну, освобождая его от шелухи. Долина лежала вдали от городов; огромные тамариндовые деревья давали глубокую тень. Через долину до деревни и далее шла пыльная дорога. По склонам бродил рогатый скот и бесчисленные козы. Рисовые поля были покрыты водой, а белые птицы лениво перелетали с одного поля на другое; они казались бесстрашными, но на самом деле, были пугливыми и никого к себе не подпускали. Манговые деревья начинали цвести, а чистые, струящиеся воды реки создавали радостный шум. Здесь было хорошо; но, тем не менее, великая бедность висела над землей наподобие чумы. Добровольная бедность — это одно, а вынужденная нищета — совсем другое. Жители деревни были бедны и страдали от болезней; и хотя совсем недавно здесь появился медицинский участок и пункт распределения пищи, ущерб, нанесенный столетиями лишений, невозможно было стереть в течение нескольких лет. Голод — это проблема не одной общины или одной страны. Это проблема всего мира.

С заходом солнца с востока подул мягкий бриз, и с гор пришла бодрость. Эти возвышенности были достаточно высоки, чтобы давать воздуху мягкую прохладу, столь отличную от того, что бывает на равнинах. Звезды, казалось, висели совсем близко около гор; изредка слышался кашель леопарда. В этот вечер свет позади темнеющих гор придавал еще большее значение и красоту всему, что окружало одинокого путника. Когда этот одинокий путник присел на мост, деревенские жители, которые проходили мимо по дороге домой, внезапно прекратили разговор и возобновили его лишь тогда, когда скрылись в темноте. Видения, которые ум может вызвать в своем воображении, пусты и тривиальны; но если ум ничего не создает из своих собственных материалов, — памяти и времени, — приходит то, что не имеет имени.

Повозка, запряженная волами, с зажженным фонарем, поднималась по дороге; каждая частица железного обода медленно соприкасалась с затвердевшей почвой. Возница спал, но волы знали дорогу домой; они прошли мимо, и вскоре их поглотила тьма. Теперь наступила особенно интенсивная тишина. Вечерняя звезда стояла над горой, но вскоре и она скрылась из виду. Где-то вдали кричала сова; вокруг вас кипела неугомонная деятельность: мир ночных насекомых ожил и засуетился; однако все это не нарушало безмолвия. Оно все удерживало в себе: звезды, одинокую сову, мириады насекомых. Если к нему прислушивались, вы его теряли; но если вы сами были этим безмолвием — оно радушно вас принимало. Тот, кто наблюдает, следит, никогда не может быть этим безмолвием: он смотрит со стороны, но не находится в нем. Наблюдающий только переживает, он никогда не является переживанием, тем, что он наблюдает.

Собеседник побывал во всех уголках мира, знал несколько языков, был раньше профессором и дипломатом. В молодости он учился в Оксфорде; пройдя довольно напряженный жизненный путь, он удалился от дел несколько раньше обычного срока. Он был знаком с западной музыкой, но больше всего любил музыку своей родины — Индии. Он изучил многие религиозные системы; особенное впечатление произвел на него буддизм. «Но, в конце концов, — добавил он, — если оставить в стороне их суеверия, догмы и обряды, то все религии, по существу, говорят об одном и том же. Некоторые обряды полны красоты; однако, в большинстве религий стали преобладать деньги и фантастические вымыслы». Сам собеседник не придерживался ни обрядов, ни догм. Он слегка интересовался передачей мысли на расстоянии и гипнотизмом, знал

кое-что о ясновидении, но никогда не смотрел на это, как на конечную цель. Можно развить в себе огромные способности наблюдения, значительно большие возможности управления материей и т.д., но все это казалось ему довольно элементарным и тривиальным. Он пробовал принимать наркотики, включая новейшие, которые на некоторое время повышали интенсивность восприятия и переносили человека за пределы поверхностных ощущений. Однако он не придавал большого значения этим опытам, так как они совсем не раскрывали значения того, что лежит, как он чувствовал, вне всего преходящего.

«Я упражнялся в различных формах медитации, — сказал он, — и на целый год отошел от всякой деятельности, чтобы остаться с самим собой и медитировать. В разное время я читал то, что вы говорили о медитации, и оно произвело на меня глубокое впечатление. Начиная с юного возраста само слово «медитация» или его санскритский эквивалент — «дхьяна» — оказывало из меня совершенно необыкновенное воздействие. Я всегда находил поразительную красоту и прелесть в медитации; это одно из немногих событий в жизни, которое доставляет мне истинное наслаждение, если можно употребить это слово по отношению к такому глубокому состоянию, как медитация. Эта радость не ушла от меня; наоборот, с годами она углубилась и расширилась. То, что вы говорили по поводу медитации, открыло мне новые горизонты. Я не хочу спрашивать у вас еще какие-либо подробности, связанные с медитацией, так как прочел почти все, что вы о ней говорили. Но мне хотелось бы поговорить с вами, если это возможно, об одном случае, который произошел совсем недавно».

Он помолчал с минуту, потом продолжал.

«Из того, что я сказал, можно заключить, что я не принадлежу к числу тех, кто создает себе символические образы и поклоняется им. Я тщательно избегал какого-либо отождествления с созданными умом религиозными концепциями или обрядами. Мне приходилось читать или слышать, что некоторые святые — по крайней мере некоторые из тех, кого люди считали святыми, — имели видения Кришны, Христа, богини Кали, Девы Марии и т.п. Я понимаю, как легко себя загипнотизировать при помощи веры и вызвать то или иное видение, которое коренным образом может изменить образ человека. Но я не желаю поддаваться таким иллюзиям. А вот теперь мне хотелось бы описать то, что произошло несколько недель назад.

Группа моих друзей довольно часто собиралась вместе для серьезных бесед. В один из вечеров мы весьма горячо обсуждали вопрос об удивительном сходстве между коммунизмом и католицизмом, как вдруг в комнате появилась сидящая фигура в желтом одеянии и с бритой головой. Я был крайне изумлен, протер глаза и посмотрел на лица моих друзей. Они, по-видимому, совершенно ее не замечали и, будучи целиком поглощены дискуссией, не обратили внимания на мое молчание. Я качнул головой, кашлянул, снова протер глаза, — но фигура оставалась там же. Нельзя передать, насколько прекрасным было лицо: это была не только красота формы, но и нечто бесконечно большее. Я не мог оторвать глаз от этого чудесного лица. Но так как этого для меня было чересчур много, я встал и вышел на веранду, чтобы не отвлекать внимания друзей своим молчанием и видом крайнего удивления и глубокой погруженности в красоту видения. Вечерний воздух был свеж и прохладен. Я прошелся взад и вперед по веранде и снова вошел в комнату. Друзья продолжали беседовать, но атмосфера комнаты изменилась. Фигура продолжала оставаться там, где была, сидящей на полу, со своей необыкновенной, чисто выбритой головой. Я был не в силах продолжать дискуссию, и вскоре мы все разошлись. Когда я шел домой, фигура двигалась впереди меня. Все это было несколько недель тому назад. Но видение не ушло от меня, хотя утратило присущую ему мощь. Когда я закрываю глаза, оно здесь. Со мной случилось нечто совсем необыкновенное. Но прежде чем подойти к вопросу, мне хотелось бы узнать, что это за переживание. Может быть, это собственная проекция из неосознанного прошлого, в которой мой разум и сознательная воля не принимали участия, а

может быть, это нечто, совсем от меня не зависящее и не имеющее никакого отношения к моему сознанию? Я много думал, но не был в состоянии найти истину».

— Пережив то, о чем вы только что сказали, как вы оцениваете свое переживание? Является ли оно для вас очень важным, держитесь ли вы за него?

«Если говорить искренне, я думаю, что да. Оно вызвало творческий подъем и освобождение; не в том смысле, что я стал писать стихи или рисовать, но это переживание внесло глубокое чувство свободы и мира. Я дорожу им, так как оно вызвало во мне глубокую перемену. Оно является для меня жизненно важным, и мне ни за что не хотелось бы его потерять».

— А вы боитесь потерять его? Не стремитесь ли вы сознательно видеть эту фигуру, или она представляет собой нечто постоянно присутствующее?

«Мне кажется, что я боюсь ее потерять, так как постоянно направляю внимание на нее и всегда пользуюсь ею для того, чтобы вызвать желаемое для меня состояние. До сих пор я никогда не думал об этом в подобном разрезе. Но теперь, когда вы меня об этом спросили, я вижу характер моих действий».

— Живая ли ваша фигура? Или это воспоминание о том, что было и прошло?

«Я почти страшусь отвечать на этот вопрос. Пожалуйста, не думайте, что я сентиментален, но это переживание имеет для меня слишком большое значение. Хотя я и пришел сюда для того, чтобы обсудить с вами мое переживание и понять его истину, в данный момент я чувствую колебание и нежелание подвергнуть его исследованию; но я должен это сделать. Иногда это — живая фигура, но чаще — воспоминание о прошедшем переживании».

— Вы понимаете, как важно осознать то, что *есть*, а не быть захваченным тем, что нам *хотелось бы* видеть существующим. Нетрудно создать иллюзию и жить в ней. Подойдем к вопросу терпеливо. Жизнь в прошлом, как бы приятна и поучительна она ни была, лишает нас возможности переживать то, что *есть*. То, что *есть*, всегда ново; поэтому для нашего ума чрезвычайно трудно, если он живет в многочисленных вчерашних днях. Так как вы цепляетесь за это воспоминание, то вы проходите мимо живых переживаний. Прошлое имеет конец, а текущая жизнь вечна. Воспоминание об этой фигуре зачаровало вас; оно вдохновляет вас, дает вам чувство освобождения; но ведь это мертвое тело дает жизнь живому! Большинство из нас и не знает, что такое жить, ибо мы живем тем, что мертво.

Позвольте вам заметить, сэр, что вами овладела боязнь потерять нечто весьма ценное. У вас возник страх. Из одного этого переживания возникло несколько проблем: стяжание, страх, бремя опыта и пустота вашего собственного существования. Если ум сможет освободить себя от стяжательных стремлений, то переживание будет иметь совсем иное значение, и тогда полностью исчезнет страх. Страх — это тень, а не вещь в себе.

«Я начинаю по-настоящему понимать, что я делал. Я не оправдываю себя, но так как переживание мое было очень сильным, таким же оказалось и желание держаться за него. Как трудно не быть захваченным глубоким эмоциональным опытом! Воспоминание о переживании так же притягательно и действенно, как и само переживание».

— Не правда ли, отличить переживание от воспоминания о нем в высшей степени трудно? Когда именно переживание становится памятью, предметом прошлого? В чем состоит это тонкое различие? Не есть ли это дело времени? Время не существует, когда происходит переживание. Каждый опыт становится некоторым движением в прошлое; настоящее, т.е. состояние переживания, незаметно вливается в прошлое. Любой жизненный опыт уже через секунду стал памятью, принадлежностью прошлого. Этот процесс известен всем нам, и он, по-видимому, неизбежен. Не так ли?

«Я весьма тщательно слежу за тем, что вы развертываете передо мной; я более чем в

восторге, когда вы говорите обо всем этом, так как я осознаю себя только как комплекс воспоминаний на разных уровнях бытия. Я есть память. Но возможно ли жить в состоянии переживания, находиться в нем? Ведь вы спрашиваете именно об этом, не так ли?»

— Слова имеют особое значение для всех нас; если бы мы смогли хоть на один момент выйти за пределы фраз с их реакциями, то, возможно, мы подошли бы к истине. Для большинства из нас переживание всегда становится памятью. Почему это так? Не состоит ли постоянная деятельность ума в том, чтобы ухватить или поглотить, оттолкнуть или отвергнуть? Не держится ли ум за то, что ему приятно, что его укрепляет, что имеет для него значение? Не старается ли он устранить все, что для него бесполезно? Может ли он существовать вне этого процесса? Это, конечно, бесполезный вопрос, как мы далее выясним.

Теперь пойдем дальше. Этот процесс позитивного или негативного накопления, процесс оценки, производимой умом, порождает цензора и наблюдающего, того, кто переживает, мыслит, рождает эго. Когда происходит переживание, переживающего нет; тот, кто переживает, появляется тогда, когда начинается выбор, иными словами, когда переживание прошло и начался процесс накопления. Стяжательные устремления выключают жизнь, состояние переживания и создают из них элемент прошлого, память. Но пока существует наблюдающий, переживающий, неизбежно остается и стяжательство, процесс накопления; пока существует отдельная сущность, которая наблюдает и выбирает, опыт всегда остается процессом становления. Истинное бытие, или состояние переживания, наступает тогда, когда нет более отдельной сущности.

«Каким образом эта отдельная сущность перестает быть?»

— Для чего вы задаете этот вопрос? Вопрос «как» возвращает нас на путь накоплений. Нас интересует само стяжательство, а не то, каким путем от него освободиться. Освобождение от чего-либо — это вообще не свобода; это реакция, сопротивление, которое порождает новое противодействие.

Но вернемся к нашему первоначальному вопросу. Была ли фигура проекцией ума или она появилась без вашего воздействия? Пришла ли она независимо от вашего сознания? Сознание — это сложное явление, поэтому было бы глупо давать вполне определенный ответ, не правда ли? Легко видеть, что всякое утверждение основано на той или иной обусловленности ума. Вы изучали буддизм, и, как вы сказали, он произвел на вас более сильное впечатление, чем какая-либо иная религия; таким образом, здесь имел место процесс обусловленности. Эта обусловленность, может быть, и спроецировала фигуру, независимо от того, что бодрствующее сознание было занято совсем другим. Возможно и следующее: ваш ум стал более острым и сенситивным, — в связи с вашим образом жизни или в связи с дискуссией, которую вы вели со своими друзьями, — поэтому вы, может быть, «увидели» мысль облеченную в буддийскую форму. Кто-то другой мог увидеть ее в христианском обличий. Но было ли это порождением ума или оно имело иное происхождение, не имеет существенного значения, не так ли?

«Может быть, и не имеет; но ведь это переживание раскрыло мне так много!»

— Раскрыло ли? Оно не раскрыло для вас процесса вашего собственного ума, и потому вы оказались в плену этого переживания. Всякий опыт имеет значение, если вместе с ним приходит познание себя — этот единственный фактор, несущий освобождение или целостность. Но если нет познания себя, то опыт становится бременем, которое ведет ко всевозможным иллюзиям.

ПРОБЛЕМА ЛЮБВИ

Вверх по широкому каналу плыл небольшой селезень; одинокий, крякающий, преисполненный важности, он был похож на корабль под парусами. Канал зигзагами тянулся через город. Других уток не было видно, но селезень производил достаточно много шума. Немногие люди, слышавшие его кряканье, не обращали на него внимания; однако для селезня это не имело значения. Он не чувствовал страха, а, наоборот, ощущал себя важной фигурой: он владел этим каналом. На пригородных участках красиво выделялись зеленые пастбища и тучные стада черных и белых коров. Над горизонтом висели массы облаков, небо казалось низким, почти касающимся земли, освещенное тем особым светом, который кажется свойственным именно этой части земного шара. На плоской, как ладонь, земле дороги приподнимались только там, где были переходы по мостам, переброшенным над полноводными каналами. Стоял прекрасный вечер; солнце садилось в Северное море, а облака приняли окраску заката. Огромные полосы голубого и розового света протянулись по небу.

Это была жена хорошо известного деятеля, занимавшего высокий пост в правительстве, почти на самой его вершине. Она была хорошо одета и спокойна в обращении с людьми; вокруг нее чувствовалась особая атмосфера богатства и власти, уверенность человека, который давно привык к тому, чтобы все ему повиновались и исполняли его желания. По одной или двум произнесенным ею фразам стало ясно, что муж ее представлял собою мозг, а она — движущую силу. Действуя вместе, они поднялись высоко; но как раз тогда, когда ему предстояло получить еще большую власть и занять более высокий пост, он безнадежно заболел. Далее она не могла продолжать, из глаз ее полились слезы. Она вошла сюда с улыбкой уверенности, но все это исчезло. Откинувшись на спинку сиденья, она немного помолчала, а затем продолжала:

«Я читала некоторые из ваших бесед и присутствовала на одной или двух. Пока я слушала вас, то, о чем вы говорили, имело для меня большое значение. Но это быстро прошло, и вот теперь, когда я нахожусь в великом смятении, я подумала, что мне следовало бы прийти к вам. Я не сомневаюсь в том, что вы понимаете случившееся. Мой муж смертельно болен, и все, для чего мы жили и работали, готово разбиться вдребезги. Конечно, партия останется, ее работа будет продолжаться, но... Хотя у нас есть и сиделки, и доктора, я ухаживаю за ним сама и в течение нескольких месяцев почти не спала. Я не смогу перенести утрату; но врачи говорят, что шансов на его выздоровление очень мало. Я все время думала об этом, и чувствую себя почти больной от тревоги. У нас нет детей, как вы знаете, и мы очень много значили друг для друга. А теперь...»

— Вы действительно хотите серьезно поговорить об этом и глубоко рассмотреть вопрос?

«Я чувствую себя в таком отчаянии и смятении, что, по-видимому, не способна на серьезную работу мысли; но мне надо бы обрести какую-то ясность внутри самой себя».

— Любите ли вы вашего мужа или любите то, что пришло благодаря ему?

«Я люблю...» — она была слишком шокирована, чтобы продолжать.

— Пожалуйста, не считайте вопрос жестоким. Но вы должны найти на него правильный ответ, так как в противном случае скорбь никогда от вас не уйдет. Раскрывая истину этого вопроса вы сможете раскрыть, что же такое любовь.

«В моем нынешнем состоянии я не могу об этом думать».

— Но разве вы никогда не останавливались на проблеме любви?

«Кажется, однажды это случилось, но я быстро ушла от этой проблемы. До его болезни у меня всегда было так много дела; а теперь, конечно, любое размышление — мука. Любила ли я из-за его положения и власти, или любила просто? Я уже говорю о нем, как если бы его не было!»

Я и на самом деле, не знаю, как именно я его люблю. Сейчас я нахожусь в великом смятении, мозг мой отказывается работать. Если позволите, мне хотелось бы прийти к вам в другое время, может быть, после того, как я приму то, что неизбежно».

— Позвольте заметить, что всякое приятие чего-либо — это также одна из форм смерти. Прошло несколько месяцев, прежде чем мы снова встретились.

Тогда газеты были полны сообщениями о его смерти, а теперь он был забыт. Его смерть оставила следы на ее лице, а вскоре в ее словах послышались горечь и негодование.

«Я ни с кем не говорила об этих событиях, — сказала она, — я просто отошла от всех дел и скрылась на даче. Все было ужасно. Надеюсь, вы не будете против того, чтобы я немного рассказала вам об этом. Всю свою жизнь я была необыкновенно честолюбива и еще до замужества с увлечением занималась всевозможными благотворительными делами. Вскоре после замужества и, главным образом, ради моего мужа, я оставила все мелочные пререкания по поводу благотворительности и всей душой погрузилась в политику. Это оказалось гораздо более широким полем брани, и я наслаждалась каждой ее минутой, взлетами и падениями, интригами и соревнованием. Муж блистал своим невозмутимым способом действий, а при моем сильном честолюбии мы непрерывно поднимались вверх. Детей у нас не было, поэтому все мое время и все мысли были отданы поддержке мужа и его продвижению. Мы чудесным образом действовали вместе, необыкновенно удачно дополняя друг друга. Все происходило так, как мы заранее планировали. Но у меня всегда был гнетущий страх того, что все идет слишком хорошо. Однажды — это случилось года два тому назад — доктор внимательно осмотрел мужа по поводу небольшого заболевания и сказал, что у него опухоль, которую надо немедленно исследовать. Опухоль оказалась злокачественной. В течение некоторого времени нам удавалось сохранить все в строгой тайне, но шесть месяцев назад болезненные симптомы возобновились и началась страшная пытка. Когда я приходила к вам последний раз, я была слишком измучена и несчастна, чтобы найти в себе силы думать; может быть, теперь я смогу взглянуть на вещи с большей ясностью. Ваш вопрос взволновал меня гораздо сильнее, чем я могла бы об этом сказать. Вы, вероятно, помните, что спросили, люблю ли я мужа — или все то, что пришло ко мне вместе с ним. Я много об этом думала; но не слишком ли сложна эта проблема, чтобы я одна могла дать ответ на такой вопрос?»

— Возможно, это так. Но пока вы не выясните, что такое любовь, всегда останется страдание, горькое разочарование. Трудно раскрыть, где кончается любовь и где начинается душевное смятение, не правда ли?

«Вы спрашиваете, не примешивалась ли моя жажда положения и власти к той любви, которую я испытывала к своему мужу. Не потому ли я любила мужа, что он дал мне возможность проявить мои честолюбивые стремления? В известной степени это так; но, вместе с тем, я любила его и как человека. В любви соединяется столь многое...»

— Когда вы полностью отождествляете себя с другим, — любовь ли это? Не оказывается ли такое отождествление скрытым путем для придания еще большего значения самому себе? Любовь ли это, если вы чувствуете скорбь одиночества, муки, вызванные лишением всего того, что, по-видимому, создавало для вас смысл жизни? Когда вы оказываетесь оторванной от путей самоосуществления, от всего того, чем жило ваше «я», тогда это отрицает вашу личную значимость, а отсюда происходит разочарование, появляются горечь, скорбь одиночества. И эти страдания — любовь?

«Вы стремитесь показать мне, что я совсем не любила мужа, не так ли? Когда вы так поставили вопрос, я просто пришла в ужас при мысли о самой себе. Разве нельзя было спросить об этом как-то иначе? Я никогда раньше не думала обо всем этом, и лишь когда ударил гром, в моей жизни впервые появилась реальная скорбь. Конечно, отсутствие детей было большим

несчастьем, но оно смягчалось тем, что у меня был муж, была работа. Я думаю, что это заменило мне детей. Но вот наступил страшный финал — смерть. Внезапно я увидела, что совершенно одинока, лишена цели, во имя которой я работала, отброшена в сторону и забыта. Теперь я понимаю истину того, о чем вы говорите; но если бы вы сказали мне об этом раньше, три или четыре года назад, до меня ничего не дошло бы. Не знаю, слушала ли я вас даже сейчас, или старалась найти доводы, чтобы оправдать себя... Можно мне прийти и побеседовать с вами еще раз?»

В ЧЕМ ИСТИННОЕ НАЗНАЧЕНИЕ УЧИТЕЛЯ?

Баньяны и тамаринды господствовали над небольшой долиной, которая ожила и зазеленела после дождей. На открытых местах солнце сильно пекло, но в тени чувствовалась приятная прохлада. Тени были глубокие, а старые деревья отчетливо вырисовывались на фоне голубого неба. Долину населяло необыкновенное количество птиц самых различных видов; они подлетали к деревьям и быстро исчезали в них. Вероятно, дождей не будет в течение нескольких месяцев, но сейчас поля были зелены и исполнены мира, колоды полны водой, а земля дышала надеждой. Извращенные города были далеко, по ту сторону гор; однако расположенные поблизости деревни были полны грязи, а люди в них умирали от голода. Власти только давали обещания, а жители деревни, по-видимому, уже стали безразличны ко всему. Их окружала красота и радость, но они ее не видели, так же как не видели и своих собственных внутренних богатств. Среди изобилия прекрасного люди оставались тупыми и пустыми.

Это был учитель с небольшим жалованием и большой семьей; но он живо интересовался вопросами образования. Он рассказал, что пережил трудные времена, когда едва удавалось сводить концы с концами; однако с этим он как-то справился, и бедность не внесла в их жизнь хаоса. Пищи хватало, хотя и не в изобилии; а так как дети учились бесплатно в школе, где он преподавал, то, в общем, они могли понемногу идти вперед. Он был опытным преподавателем своего предмета, но учил также и другим предметам; это, по его словам, мог делать каждый достаточно образованный человек. Он снова подчеркнул, что глубоко интересуется вопросами образования.

«В чем назначение учителя?» — спросил он.

— Является ли учитель только тем, кто дает информацию, передает знания?

«По крайней мере, он должен быть таким. В любом обществе мальчиков и девочек надо подготавливать к тому, чтобы они зарабатывали на жизнь в зависимости от своих способностей и т.д. Одна из задач учителя — это наделить ученика знаниями с тем, чтобы он мог в нужный момент получить работу и, возможно, быть в состоянии помогать в создании более совершенной общественной структуры. Ученика надо подготовить к тому, чтобы он мог смотреть прямо в лицо жизни».

— Это так, сэр, но не хотим ли мы выяснить, в чем назначение учителя? Сводится ли оно только к подготовке учеников для удачной карьеры? Не возлагается ли на учителя более великая и более обширная задача?

«Конечно, да. Прежде всего, он сам должен быть примером: своим образом жизни, своими манерами и внешним видом, своим поведением он может оказывать влияние на ученика и вдохновлять его».

— Можно ли считать, что назначение учителя — служить примером для ученика? Разве у нас не имеется уже достаточно примеров: героев, вождей? Надо ли добавлять еще один пример к этому длинному списку? Может ли пример способствовать образованию? Не состоит ли задача образования в том, чтобы помочь учащемуся стать свободным, творчески раскрытым? А есть ли свобода в подражании, в приспособлении, внешнем или внутреннем? Если вы побуждаете ученика следовать тому или иному примеру, не поддерживается ли этим страх в глубокой и тонкой форме? Если учитель становится образцом, не будет ли этот образец формировать и искажать жизнь ученика, и не будете ли вы благодаря этому поддерживать вечный конфликт между тем, что ученик *есть*, и тем, чем он *должен* быть? Не заключается ли задача учителя в том, чтобы помогать учащемуся понимать то, что он *есть*?

«Но учитель должен вести ученика к более благородной и лучшей жизни».

— Для того чтобы руководить, вы должны знать; но знаете ли вы? Что вы знаете? Вы знаете лишь то, что изучили через экран ваших предрассудков, экран вашей обусловленности во всех ее формах, как индийца, христианина, коммуниста; и подобная форма руководства лишь приводит к еще большим страданиям и кровопролитию, как мы это видим во всем мире. Не состоит ли назначение учителя в том, чтобы помочь ученикам разумно освободиться от всех обуславливающих влияний с тем, чтобы ученик был в состоянии встретить вызов жизни глубоко и полно, без страха, без агрессивного недовольства? Недовольство — это часть понимания, но отнюдь не такое недовольство, которое легко переходит в умиротворение. Недовольство, связанное с желанием приобретения, вскоре оказывается умиротворенным, так как оно следует по пути давно изношенного образца стяжательных действий. Не является ли задачей учителя развеять доставляющую нам удовлетворение иллюзию руководства, примеров и вождей?

«Но учитель, по крайней мере, может вдохновить ученика на более великие дела».

— Опять-таки, сэр, не подходите ли вы к проблеме неправильно? Если вы как учитель внушаете своему ученику мысли и чувства, разве вы не делаете его зависимым от вас в психологическом отношении? Когда вы действуете как вдохновитель, когда он смотрит на вас так, как смотрел бы на вождя или на идеал, он, конечно, находится в зависимости от вас. А разве зависимость от другого не порождает страх? Разве страх не искажает понимание?

«Но если учитель не должен быть ни вдохновителем, ни руководителем, ни примером, то, ради всего святого, что же является его истинным назначением?»

— В тот момент, когда вы не будете ничем из того, что вы перечислили, что же вы представляете собой тогда? Каковы ваши взаимоотношения с учеником? И вообще, были ли у вас с ним до этого момента какие-либо взаимоотношения? Ваши взаимоотношения основывались на идее, на том, что, согласно этой идее, для него полезно, на том, что он должен стать тем или этим. Вы были учителем, а он учеником; вы воздействовали на него, вы оказывали на него влияние в соответствии с вашими личными особенностями; поэтому, сознательно или подсознательно, вы лепили его по своему собственному образцу. Но если вы прекратите воздействие на него, он сам приобретет важность, а это будет означать, что вы должны понять его, не требуя при этом, чтобы он обязательно понимал вас или ваши идеалы, которые, во всяком случае, весьма далеки от истины. Вот тогда вы должны будете иметь дело с тем, что *есть*, а не с тем, что *должно* быть.

Несомненно, когда учитель рассматривает каждого ученика как неповторимую индивидуальность, не подлежащую поэтому сравнению с другими, его не будет интересовать система или метод, его единственной заботой будет помочь ученику понять те обуславливающие влияния, которые идут извне и существуют внутри него самого, с тем, чтобы ученик мог взглянуть вполне сознательно, без страха на сложный процесс жизни и не добавлять новые проблемы к уже существующему хаосу.

«Не требуете ли вы от учителя выполнения такой задачи, которая далеко превосходит его силы?»

— Если вы не способны к этому, то зачем вам быть учителем? Ваш последний вопрос имеет смысл лишь в том случае, если для вас работа учителя — это только карьера, самая обычная работа, подобная любой другой. Но я чувствую, что для истинного педагога нет ничего невозможного.

ВАШИ ДЕТИ И ИХ УСПЕХ

Был вечер полный очарования. Вершины гор пылали в лучах заходящего солнца, а в песке, на дороге, которая вела через долину, купались четыре дятла. Своими длинными клювами они подбрасывали под себя песок, а когда зарывались в него глубоко, хлопали крыльями, после чего начинали все сначала. Хохолки на их головах прыгали вверх и вниз. Птицы перекликались друг с другом и бесконечно радовались. Чтобы не помешать им, мы сошли с дороги на невысокую, но густую траву, поднявшуюся после недавних дождей; а там, в нескольких футах от нас, лежала большая, могучая змея желтоватого цвета. Голова ее была гладкая, с узором, жестоко очерченная. Змея так напряженно следила за птицами, что едва ли ее можно было потревожить; черные глаза смотрели неподвижно, а черный рассеченный язычок двигался взад и вперед. Совсем незаметно она пододвигалась к птицам, ее движение в траве не производило ни малейшего шума. Это была кобра, и около нее витала смерть. Опасная, но красивая, совсем недавно сбросившая старую кожу, она ярко блестела в лучах заходящего солнца. Внезапно все четыре птицы с криком поднялись в воздух, и мы увидели нечто необыкновенное: кобра пришла в состояние полного расслабления. Перед этим она была так напряжена, так устремлена, а теперь казалась почти безжизненной, какой-то частицей земли; но через секунду она снова стала опасной. Она двигалась совсем легко и лишь приподняла голову, когда мы произвели легкий шум; от нее исходила особая тишина, тишина страха и смерти.

Это была невысокая пожилая дама, с белыми волосами, но хорошо сохранившаяся. Хотя она подбирала мягкие выражения, в ее фигуре, походке, жестах и манере держать голову была видна глубоко укоренившаяся агрессивность, которую не мог скрыть даже ее голос. У нее была большая семья, несколько сыновей и дочерей; но муж давно умер и ей пришлось воспитывать их одной. Один из сыновей — она сказала об этом с явной гордостью — был известным врачом с большой практикой и хорошим хирургом. Одна из дочерей оказалась способным и пользующимся успехом политиком и прокладывала себе путь в жизни без особо больших трудностей. Она сказала это с улыбкой, которая означала: «вы ведь знаете, каковы женщины». Она добавила, что у этой леди, занимающейся политикой, есть и духовные запросы.

— Что вы понимаете под «духовными запросами»?

«Она стремится стать главой какой-то религиозной или философской группы».

— Но ведь иметь власть над другими, используя организацию, это, конечно, зло, не правда ли? Таков путь всех политиков, независимо от того, занимаются они политической деятельностью или нет. Вы можете скрывать это под приятными и обманчивыми словами, но разве желание власти не является злом?

Она слушала, но сказанные слова прошли мимо нее. На ее лице было написано, что она озабочена совсем другим и что это другое вскоре обнаружится. Она продолжала говорить о деятельности других детей; все они были энергичны и удачливы, кроме одного, которого она по-настоящему любила.

«Что такое скорбь? — спросила она неожиданно. — Где-то в глубине, в течение всей моей жизни, по-видимому, таилась скорбь. Хотя все дети, за исключением одного, хорошо обеспечены и довольны, скорбь не покидает меня. Я не могу прикоснуться к ней, но она меня преследует. По ночам я нередко лежу без сна, стремясь понять, что все это означает. Я озабочена также младшим сыном. Видите ли, он неудачник. Все, что он делает, кончается крахом: женитьба, взаимоотношения с братьями и сестрами, с друзьями. Он почти всегда без работы, а когда он ее найдет, что-нибудь случается, и он снова оказывается без работы. Ему почти невозможно помочь. Я тревожусь за него; но хотя он и усиливает мою печаль, я не думаю,

что ее корни лежат именно в нем. Что такое скорбь? У меня бывали печали и тревоги, разочарования и физические страдания, но скорбь, которую я чувствую, есть нечто, стоящее за пределами всего этого; причину ее я не могла найти. Можно ли побеседовать с вами об этом?»

— Вы очень гордитесь вашими детьми и особенно их успехами, не правда ли?

«Я думаю, любая мать гордилась бы этим: ведь все сложилось так хорошо. Все они, кроме младшего сына, обеспечены и счастливы. Но почему вы задаете этот вопрос?»

— Возможно, он в какой-то степени имеет отношение к вашей скорби. Вы уверены, что она не связана с их успехами?

«Конечно, нет. Напротив, я вполне счастлива благодаря этому».

— В чем же, по вашему мнению, корень вашей скорби? Позвольте спросить вас, глубоко ли на вас подействовала смерть мужа? Продолжаете ли вы чувствовать потерю?

«Это было большое потрясение; после его смерти я чувствовала себя очень одинокой. Но вскоре я забыла и об одиночестве, и о скорби, так как надо было заботиться о детях, и у меня не оставалось времени для размышлений о себе самой».

— Думаете ли вы, что время может стереть одиночество и скорбь? Не остаются ли они внутри человека, погребенные в более глубоких слоях вашего ума, хотя вы и забыли о них? Не могут ли они быть причиной скорби, которую вы ощущаете?

«Как я сказала, смерть мужа вызвала потрясение, но в какой-то мере я ее ожидала и потому примирилась со случившимся, хотя и с большими слезами. Еще в молодые годы, до замужества, я видела смерть отца, а несколькими годами позже и смерть матери. Я никогда не интересовалась официальной религией, меня никогда не затрагивал ажиотаж в связи с толкованиями смерти и посмертных состояний».

— Может быть, таков ваш подход к проблеме смерти. Но разве от одиночества можно так легко отделаться с помощью рассуждений? Смерть — это нечто, относящееся к завтрашнему дню, и с ней придется иметь дело лишь тогда, когда она придет; но разве одиночество не остается всегда с вами? Вы можете сознательно отключить его, но оно здесь, за дверью. Не должны ли вы призвать одиночество и взглянуть на него?

«Я ничего об этом не знаю. Одиночество — это самое тяжелое в жизни; но я сомневаюсь, смогу ли я пойти так далеко, чтобы призвать это страшное ощущение. Оно действительно способно навести ужас».

— Не следует ли вам понять его полностью, так как именно оно может оказаться причиной вашего страдания?

«Но как же мне понять мое одиночество, если именно оно причиняет мне боль?»

— Одиночество не причиняет вам боли, это идея одиночества вызывает у вас страх. Вы никогда не переживали состояния одиночества. Вы всегда подходили к нему с опаской, со страхом, с желанием убежать от него или найти способ преодолеть его, поэтому вы избегали его, не так ли? В действительности вы никогда не имели с ним непосредственного контакта. Чтобы отогнать от себя одиночество, вы нашли пути бегства в деятельности ваших детей и их полной преуспеваемости жизни. Их успехи стали вашими успехами; но за этим преклонением перед успехом разве не лежит глубокая озабоченность?

«Откуда вы это знаете?»

— Все, с помощью чего вы ищете бегства, — радио, общественная работа, отдельные догмы, так называемая любовь и т.д. — все это приобретает для вас особую важность, становится настолько необходимым, насколько необходимы спиртные напитки для алкоголика. Можно потерять самого себя, преклоняясь перед успехом в жизни, или боготворя образ, или преклоняясь перед идеалом; но все идеалы иллюзорны, а когда мы теряем себя в них, рождается тревога. Разрешите вам сказать, что успехи ваших детей явились для вас источником страданий,

так как у вас существует более глубокая тревога и за них, и за себя. Несмотря на восхищение их успехами и тем одобрением, какое они получают от общества, не таится ли позади этого совсем другое чувство — чувство стыда, отвращения, разочарования? Простите меня, пожалуйста, за этот вопрос, но разве их успех не причиняет вам глубокого беспокойства?

«Знаете, сэр, я никогда не отважилась бы установить, даже для самой себя, характер этого беспокойства. Но это как раз то, о чем вы говорите».

— Не хотите ли вы рассмотреть вопрос несколько глубже?

«Теперь, конечно, мне хотелось бы подойти к нему более глубоко. Знаете ли, я всегда была религиозна, хотя и не принадлежала ни к какой религии. Я много читала по религиозным вопросам, но никогда не попадала в сети какой-либо так называемой религиозной организации. Организованная религия казалась мне слишком далекой и недостаточно сокровенной. Но под верхним слоем моей внешней жизни всегда пребывало неясное религиозное стремление; а когда появились дети, это смутное искание приняло форму глубокой надежды, что хотя бы один из них проявит религиозные наклонности. Но их нет ни у кого; все они стали преуспевающими мирскими людьми, исключая младшего, в котором смесь всего. Все они в действительности самые посредственные личности, и вот это меня мучает. Они огрубели в своих мирских делах. Но ведь эти дела так поверхностны и лишены глубокого смысла. Я не говорила об этом ни с кем из них, а если бы и пришлось говорить, они ничего не поняли бы. Я думала, что, может быть, хоть один из них не будет похож на остальных, и мне страшно и от их посредственности, и от моей собственной. Мне кажется, именно в этом причина моей скорби. Что можно сделать, чтобы разрушить это нелепое состояние?»

— Разрушить в себе самой или в другом? Можно разрушить посредственность лишь в самой себе, и тогда, возможно, возникнут другие взаимоотношения с людьми. Знать, что ты сам посредственность, — это уже начало изменения, не так ли? Но когда ограниченный ум начинает сознавать свою ограниченность, он неудержимо стремится измениться, стать лучше; однако само это стремление поверхностно. Любое желание, направленное к улучшению самого себя, носит поверхностный характер. Но когда ум знает, что он посредственен, и не старается воздействовать на самого себя, тогда происходит разрушение этой посредственности.

«Что вы понимаете под словами «воздействовать на самого себя»?»

— Если ограниченный, поверхностный ум, сознавая свою ограниченность, делает усилия, чтобы изменить себя, не остается ли он по-прежнему поверхностным? Усилие, направленное к изменению, рождено неглубоким умом, а потому и само такое усилие носит неглубокий характер.

«Да, я понимаю это; но что же тогда можно сделать?»

— Всякое действие ума ничтожно, ограничено. Ум должен перестать действовать, — и только тогда приходит конец посредственности.

СТРЕМЛЕНИЕ К ИСКАНИЮ

Каждое утро в сад прилетали две золотисто-зеленые птицы с длинными хвостами, садились на одну и ту же ветку, играли и перекликались друг с другом. Птицы были весьма неугомонны, они постоянно находились в движении, их тельца трепетали, но они были очень милы и никогда не утомляли ни своим полетом, ни игрой. Сад был огорожен; множество других птиц постоянно прилетало и улетало. По кромке невысокой стены гонялись друг за другом два молодых мангуста с гладкой, желтоватой шерстью, сверкавшей на солнце, и с быстрыми движениями. После этого они, проскользнув через дыру, входили в сад. Как они были осторожны и внимательны даже во время игр! Они держались близко к стене, а их красные глазки были внимательны и насторожены. Иногда через ту же дыру в сад входил довольно толстый мангуст; возможно, это был их отец или мать, так как однажды все трое были вместе. Входя в сад через дыру один за другим, они гуськом пересекали лужайку и исчезали в кустах.

«Почему мы ищем? — спросил П. — Какова цель наших исканий? И как мы устаем от этого вечного искания! Разве ему не будет конца?»

«Мы ищем то, что жаждем найти, — ответил М. — А после того, как найдено то, что мы искали, мы переходим к новым поискам. Если бы у нас не было исканий, все живое пришло бы к концу, начался бы застой и жизнь потеряла бы смысл».

«Ищите и обряцете, — процитировал Р. — Мы находим то, к чему стремимся, чего желаем, сознательно или подсознательно. Мы никогда не вопрошаем само это стремление к исканию; мы всегда ищем и, видимо, всегда будем искать».

«Жажда искания неизбежна, — заявил Л. — Вы можете с таким же успехом задать вопрос, почему мы дышим или почему растут волосы. Стремление к исканию так же неизбежно, как день и ночь».

— Когда вы утверждаете, что стремление к исканию неизбежно, и утверждаете это с такой определенностью, вы исключаете всякую возможность раскрыть истину вопроса, не правда ли? Когда вы принимаете то или иное суждение как окончательный вывод, не ставите ли вы предел всякому исследованию?

«Но ведь существуют определенные, непреложные законы, например, закон всемирного тяготения, и, конечно, более мудро принять их, чем впустую ломать о них голову», — возразил Л.

— Мы принимаем некоторые догмы и верования, исходя из различных психологических оснований, а то, что вы приняли, с ходом времени становится «неизбежным», так называемой необходимостью для человека.

«Если Л. принимает стремление к исканию как неизбежное, то он будет продолжать поиски, и для него нет проблемы исканий», — сказал М.

— Ученый, хитроумный политик, неудачник, больной — каждый из них ищет на своем пути и время от времени меняет объект исканий. Все мы ищем, но, по-видимому, никогда не спрашиваем себя, почему мы ищем. В данное время мы не обсуждаем объект исканий, нас не интересует, имеет ли он возвышенный характер или нет; мы пытаемся выяснить, почему вообще мы ищем, не так ли? Что это за движущая сила, что за постоянное внутреннее побуждение? Является ли оно неизбежным? Имеет ли оно нескончаемую длительность?

«Но если мы не будем искать, — спросил И., — не станем ли мы ленивыми, не окажемся ли мы в состоянии застоя?»

— Обычно мы считаем путем жизни конфликт в той или иной форме; мы полагаем, что без него жизнь не будет иметь никакого смысла. Для большинства из нас прекращение борьбы есть

смерть. Искание связано с борьбой, с конфликтом; но является ли этот процесс необходимым для человека? Может быть, существует другой «путь» жизни, в котором искание и борьба отсутствуют? Почему и для чего мы ищем?

«Я ищу пути и средства для того, чтобы получить уверенность в бессмертии, не моем личном, но моего народа», — сказал Л.

— Так ли уж велика разница между национальным и индивидуальным бессмертием? Индивидуум сначала отождествляет себя с нацией или какой-то частью общества, а после этого хочет, чтобы общество или нация стали бессмертными. Длительное существование той или иной нации — это одновременно проблема жизни индивидуума. Разве индивидуум не ищет постоянно бессмертия? Не ищет ли он непрерывного бытия путем отождествления себя с чем-то большим и более возвышенным, чем он сам?

«Но разве нет такой точки или момента, при котором мы внезапно обнаружим, что у нас нет больше исканий, нет борьбы?» — спросил М.

«Такой момент может наступить лишь в результате полного утомления, — ответил Р., — но это короткая пауза перед тем, как снова погрузиться в порочный круг исканий и страха».

«Или же эта точка лежит вне времени», — сказал М.

— Является ли момент, о котором идет речь, вневременным, или это лишь точка покоя перед началом нового искания? Почему мы ищем, и возможно ли, чтобы это искание закончилось? Пока мы не раскроем для самих себя, почему мы ищем и боремся, состояние, при котором искание подходит к концу, останется для нас иллюзией, не имеющей никакого значения.

«Разве не отличаются друг от друга разные объекты искания?» — спросил В.

— Различие, несомненно, есть, но при всяком искании само стремление по существу одно и то же, не так ли? Будем ли мы искать бессмертия индивидуального или для всей нации, пойдём ли мы на поиски учителя, гуру, спасителя, будем ли следовать указаниям той или иной школы или искать других способов сделать себя лучше — разве любой из нас не ищет на своем ограниченном или более широком пути какой-то формы удовлетворения, непрерывности, постоянства? Итак, спросим самих себя не о том, чего мы ищем, а о том, почему вообще мы ищем? И возможно ли, чтобы всякие искания прекратились, не благодаря принуждению или крушению, не потому, что человек нашел то, чего искал, а потому, что само стремление к поискам полностью прекратилось.

«Мы в плену привычки к исканию, и мне кажется, что это происходит от нашей неудовлетворенности», — сказал В.

— Испытывая недовольство, неудовлетворенность, мы ищем состояния довольства, удовлетворенности. Пока остается это стремление получить удовлетворение, достичь самоосуществления, неизбежны искание и борьба. За стремлением к самоосуществлению всегда следует тень страха, не правда ли?

«Каким образом можем мы избавиться от страха?» — спросил В.

— Вы хотите достичь самоосуществления, не подвергаясь уколам страха; но существовало ли когда-либо длительное, прочное самоосуществление? Несомненно, само желание самоосуществления несет в себе причину разочарования и страха. И только когда понято значение самоосуществления, это желание приходит к концу. Становление и бытие — два совершенно различных состояния, и вы не можете идти от одного к другому; лишь с прекращением становления проявляется бытие.

Над рекой только что поднялась полная луна, в тумане она казалась совсем красной. Было холодно, и над деревьями стоял дым. Вода на поверхности реки оставалась неподвижной, хотя здесь было сильное глубинное течение. Низко над водой пролетали ласточки; одна или две длиннохвостки чуть-чуть коснулись воды, едва шевельнув ее спокойную поверхность. Вверх по реке, над минаретом, стоявшим вдали от переполненного людьми города, показалась вечерняя звезда. Попугаи возвращались к ближним жилым участкам, их полет никогда не был прямым. Иногда они с криком опускались вниз, схватывали зерна и отлетали в сторону, но все же при этом сохраняли общее направление к одному дереву, покрытому густой листвой, где и собирались сотнями; после этого они снова перелетали к другому дереву, которое могло дать лучшее пристанище. Когда наступила темнота, все умолкло. Теперь луна стояла высоко над верхушками деревьев и образовала на тихих водах серебристую дорожку.

«Я сознаю, как важно слушать, но едва ли я когда-нибудь по-настоящему слушаю то, о чем вы говорите, — сказал он. — Мне приходится делать большие усилия, чтобы слушать».

— Когда вы делаете усилие, чтобы слушать, слушаете ли вы? Не отвлекает ли вас само усилие и не лишает ли оно возможности слушать? Разве вы делаете усилие, когда слушаете то, что доставляет вам удовольствие? Усилие, которое вы делаете для того, чтобы слушать, — это, конечно, одна из форм принуждения. Но принуждение есть сопротивление, разве не так? Сопротивление же порождает проблемы, и, таким образом, слушание становится одной из них. Сам по себе процесс слушания никогда не бывает проблемой.

«Но для меня это проблема. Я хочу слушать и точно воспринимать, так как чувствую, что то, что вы говорите, имеет глубокое значение. Но я не могу выйти за пределы буквального смысла слов».

— Позвольте вам заметить, что и сейчас вы совсем не слушаете то, что я вам говорю. Вы создали проблему из процесса слушания, и эта проблема лишает вас возможности слушать. Все, чего бы мы ни коснулись, становится проблемой; один вопрос порождает множество других. Если мы поймем это, разве не создадутся условия, при которых мы вообще не будем иметь проблем?

«Это было бы чудесно, но как подойти к этому счастливому состоянию?»

— Опять вопрос «как», и желание найти способ достичь определенного состояния становится еще одной проблемой. Мы же говорим о том, чтобы не создавать вообще никаких проблем. Вы должны осознать те пути, на которых ум создает проблемы. Вы хотите достичь состояния совершенного восприятия того, что слушаете; другими словами, вы не обладаете способностью слушать, но вам хотелось бы ею обладать. Для этого вам необходимо время и заинтересованность в том, чтобы приобрести то или иное состояние. Но потребность во времени и заинтересованность порождают проблемы. Вы не просто сознаете, что вы не слушаете. Если бы вы ограничивались одним этим осознанием, тогда факт того, что вы не способны слушать, воздействовал бы сам по себе. Действует истина этого факта, вы на факт воздействовать не можете. Но вам хочется на него воздействовать, изменить его, развивать то, что ему противоположно, осуществить желаемое состояние и т.д. Ваши усилия воздействовать на факт порождают проблему; но если вы понимаете истину факта, то это влечет за собой освобождающее действие. Однако пока ваш ум занят усилием, сравнениями, осуждением или оправданием, вы не в состоянии осознать истину, видеть ложное как ложное.

«Все это, может быть, и так; но мне все же кажется, что при наличии конфликтов и противоречий внутри человека слушать почти невозможно».

— Слушание само по себе есть завершённый акт; сам акт слушания приносит свою свободу. Но хотите ли вы по-настоящему слушать или прекратить внутренний шум? Если бы вы слушали, сэръ, в том смысле, что вы осознавали бы свои конфликты и противоречия, без того чтобы усиливать их каким-либо особым типом мысли, может быть, они могли бы тогда полностью прекратиться. Видите ли, мы постоянно стремимся быть тем или иным, хотим достичь определённого состояния, ухватить один вид переживаний и избегать другого; так что ум постоянно чем-то занят; он никогда не бывает спокоен, чтобы слушать шум своей борьбы и страданий. Будьте простым, сэръ, и не старайтесь становиться чем-то или ухватить какое-то переживание.

ОГОНЬ НЕДОВОЛЬСТВА

Сильный дождь лил в течение нескольких дней, а ручьи наполнялись водой и шумели. Коричневые и грязные, они текли изо всех оврагов и соединялись в более широкий поток, бежавший по центральной части долины; он, в свою очередь, вливался в реку, которая впадала в море в нескольких милях отсюда. Река поднялась и текла очень быстро, извиваясь среди фруктовых садов и открытых участков полей. Даже в летнее время эта река никогда не пересыхала, хотя в руслах питавших ее ручьев обнажались голые скалы и пески. Сейчас течение реки было значительно быстрее, чем шаг человека; на обоих берегах люди наблюдали за мутными водами. Река редко поднималась так высоко, и люди были возбуждены, глаза их сверкали, так как быстро движущиеся воды представляли собой восхитительное зрелище. Город, расположенный около моря, мог пострадать, река могла выйти из берегов, затопить поля и фруктовые рощи, повредить дома; но здесь, под одиноко стоящим мостом, коричневые воды пели песню. Несколько человек ловили рыбу; едва ли их улов мог быть большим, так как течение было слишком сильным и несло с собой мелкие частицы всех соседних потоков. Снова пошел дождь, но люди стояли, смотрели и испытывали радость при виде самого простого.

«Я всегда искала, — сказала она, — я прочла так много книг по разным вопросам. Я была католичкой, но покинула католическую церковь, чтобы присоединиться к другой; потом оставила и эту и вступила в религиозное общество. Совсем недавно я изучала восточную философию, учение Будды, а в дополнение ко всему была объектом психоанализа. Но даже это не удержало меня от исканий, и теперь я здесь, беседую с вами. Я была почти готова уехать в Индию в поисках учителя, но обстоятельства не позволили мне выехать».

Она продолжала говорить о том, что у нее есть муж и двое детей, способных и умных, которые учатся в колледже; она не особенно беспокоилась о них, так как знала, что они сами в состоянии присмотреть за собой. Общественные интересы перестали иметь для нее значение. Она делала серьезные попытки заняться медитацией, но из этого ничего не вышло, и ум ее остался таким же слабым и перескакивающим с предмета на предмет, как и раньше.

«То, что вы говорите о медитации и молитве, настолько отличается от всего, что я читала и думала, что это меня озадачило, — добавила она. — Но, проходя через это тягостное для меня смятение, я действительно стремлюсь найти истину и понять ее тайну».

— Думаете ли вы, что путем искания истины вы сможете ее найти? Не окажется ли, наоборот, что так называемый ищущий никогда не сможет найти истину? Вы ведь ни разу не задумывались над этим стремлением к исканию, не правда ли? Однако вы продолжаете поиски, вы идете от одного объекта к другому в надежде найти то, чего вы хотите, найти то, что вы называете истиной и из чего вы делаете тайну.

«Но что же неправильно в стремлении искать желаемое? Я всегда стремилась к тому, чего хотела, и чаще добивалась своего, чем терпела неудачи».

— Это вполне возможно; но неужели вы думаете, что истину можно накопить так же, как вы копите деньги или собираете коллекцию картин? Не думаете ли вы, что истина — это новое украшение для человеческого тщеславия? Может быть, как раз наоборот — стяжательный ум должен полностью прекратить свою деятельность, чтобы проявилась истина?

«Мне кажется, что во мне достаточно сильное стремление, чтобы ее найти».

— Нисколько. Вы найдете то, что так ревностно стремитесь найти, но это не будет реальным.

«Но тогда что же, по-вашему, я должна делать — просто лежать и прозябать?»

— Вы перескакиваете к выводам, не правда ли? Разве не важно выяснить, почему вы ищете?

«О, я знаю, почему я ищу. Я совершенно ничем не довольна, даже тем, что я уже нашла. Меня постоянно мучит недовольство; едва я начинаю думать, что ухватила что-то, как вскоре оно вянет, и снова мною овладевает тягостное чувство недовольства. Я стараюсь преодолеть это чувство всевозможными способами, но оно сидит во мне слишком крепко. И я должна найти нечто, — или что угодно, — что принесет мне мир и внутреннее довольство».

— Не должны ли вы радоваться, что вам не удалось погасить это пламя недовольства? Ваша проблема состоит в том, чтобы преодолеть недовольство, не так ли? Вы искали довольство, и, к счастью, его не нашли; найти — означало бы застыть на месте, прозябать.

«Мне кажется, это именно то, чего я ищу: спасения от беспокоящего меня чувства недовольства».

— Люди в большинстве своем испытывают недовольство, не так ли? Но они удовлетворяются тем, что доступно в жизни, будет ли это восхождением на гору или удовлетворением своей амбиции. Если это не знающее покоя недовольство поверхностно, то оно вполне удовлетворится достижениями, от которых получит удовольствие. А если наше довольство все же заколебалось, — мы скоро найдем способы преодолевать горечь недовольства, потому что живем мы поверхностно и никогда не погружаемся в глубины недовольства.

«А как можно углубиться в недовольство?»

— Ваш вопрос показывает, что вы все еще стремитесь спастись от недовольства, не так ли? Жить с этой горечью, не пытаясь от нее убежать, спастись или хотя бы изменить ее, означает проникать в глубины недовольства. До тех пор пока мы стремимся куда-то попасть или быть чем-то, должна существовать горечь конфликта; когда же мы ее ощущаем, мы хотим от нее спастись, и спасаемся, прибегая к любого рода деятельности. Быть единым с недовольством, остаться с ним его частью, без наблюдающего, который втискивает его в желобки удовлетворения или примиряется с ним как с неизбежным, значит дать возможность возникнуть тому, что не имеет противоположного, не имеет другой стороны.

«Я внимательно слежу за тем, что вы говорите, но я так много лет боролась с недовольством, что сейчас мне очень трудно стать частью этого чувства».

— Чем больше вы боретесь с привычкой, тем более живучей вы ее делаете. Привычка — это нечто мертвое; не боритесь с ней, не сопротивляйтесь ей; но с восприятием истины недовольства прошлое утратит свое значение. Это мучительная, но все же замечательная вещь — чувствовать недовольство и не гасить его пламя знанием, традицией, надеждой, достижением. Мы упустили себя, затерялись среди тайн человеческого достижения, или церкви, или же реактивного самолета. И опять все это поверхностное, пустое, ведущее к уничтожению и страданию. Существует нечто таинственное, пребывающее за пределами возможностей и сил ума. Вы не можете его найти или вызвать. Оно должно прийти без вашей просьбы, а с ним к человеку приходит благословение.

ПЕРЕЖИВАНИЕ БЛАЖЕННОСТИ

Был жаркий и влажный день. В парке многие люди растянулись на траве или сидели на скамьях в тени густых деревьев; они пили прохладительные напитки и с трудом вдыхали чистый, свежий воздух. Небо было серым, не чувствовалось ни малейшего ветерка, а воздух этого огромного индустриального города был полон дыма. В деревне, должно быть, прекрасно, потому что весна еще едва только переходила в лето. Некоторые деревья, наверное, только что оделись листвой, а вдоль дороги, которая бежит рядом с широкой, сверкающей рекой, пестреют, наверно, всевозможные цветы. В лесах в это время стоит обычно особая тишина, в которой вы почти можете слышать, как зарождается жизнь, а горы, с их глубокими долинами, утопают в прозрачной голубизне и благоухании. Ну, а здесь, в городе...

Воображение искажает восприятие того, что *есть*; и как мы все же гордимся и воображением, и способностью умозрительно, спекулятивно мыслить. Спекулятивный ум, с его сложной путаницей мыслей, не способен к существенной трансформации; это не революционный ум. Он облачился в то, что *должно* быть, и следует своим собственным, ограниченным и замкнутым в себе проекциям. Добро не в том, что *должно* быть, добро — в понимании того, что *есть*. Воображение, как и сравнение, препятствует восприятию и пониманию того, что *есть*. Ум должен избавиться от всякого воображения и спекулятивных рассуждений для того, чтобы проявилось реальное.

Он был совсем молод, но имел семью и пользовался репутацией делового человека. Он выглядел очень измученным и несчастным и был полон желания высказаться.

«Не так давно у меня было совершенно изумительное переживание, но так как до сих пор я никогда и никому об этом не говорил, то сомневаюсь, чтобы мне удалось изложить его вам. Все же я надеюсь это сделать, так как ни к кому другому я пойти не могу. Это переживание вызвало великий восторг в моем сердце; но переживание ушло, и теперь у меня осталось только пустое воспоминание о нем. Надеюсь, вы сумеете помочь мне вернуть его. Я постараюсь рассказать вам по возможности подробно, каким благословением оно было. Я читал о подобных переживаниях, но там были только слова, которые обращались к чувствам. А то, что случилось со мной, было вне мысли, за пределами воображения и желания. Теперь я все потерял. Прошу вас помочь мне вернуть это».

Он сделал паузу и потом продолжал:

«Однажды утром я проснулся очень рано; город еще спал, шумная жизнь не началась. Я почувствовал, что мне надо уйти из дома. Быстро одевшись, я вышел на улицу. Цистерны с молоком еще не начали свои рейсы. Дело происходило ранней весной, небо было бледно-голубым. У меня появилось сильное чувство, что мне необходимо пойти в парк — это около мили от моего дома. С того момента, как я переступил порог, меня не покидало странное чувство легкости, как будто я шел по воздуху. Жилое здание напротив, серо-желтый многоквартирный блок, вдруг перестало казаться безобразным; кирпичи его сделались живыми и прозрачными. Самые незначительные предметы, на которые я никогда не обращал внимания, как бы приобрели необыкновенную собственную значимость; очень странно, но все казалось частью меня самого. Не было ничего вне меня; «я», как наблюдающий, как воспринимающий отсутствовал, если только Вы понимаете, что я имею в виду. Не было «я», которое существовало бы отдельно от этого дерева или отдельно от бумажки, брошенной в канаву, или отдельно от птиц, которые перекликались друг с другом. Это было состояние сознания, которое мне никогда не было известно».

«По дороге в парк, — продолжал он, — находится цветочный магазин. Сотни раз я

проходил мимо него и обычно мельком смотрел на цветы. Но в это особенное утро я остановился перед ним. Стекло витрины слегка запотело от тепла и влаги, но это не помещало мне увидеть множество различных цветов. Когда я стоял и смотрел на них, я вдруг обнаружил, что улыбаюсь и смеюсь от радости, которую никогда до сих пор не переживал. Цветы разговаривали со мной, а я с ними; я был среди них, и они составляли часть меня самого. Может быть, я произвожу впечатление истеричного человека, человека не в своем уме; но это совсем не так. Перед уходом из дома я тщательно оделся; я помню, что надел все чистое, посмотрел на часы; я видел надписи на магазинах, в том числе и фамилию моего портного, я прочел заглавия книг, выставленных на витрине книжного магазина. Все было живым, и я ощущал любовь ко всему. Я был ароматом цветов, который вдыхает этот аромат, цветы и я составляли одно. Цветочный магазин чудесно сверкал живыми красками; красота всего этого была ошеломляющей; время и измерение времени прекратились. Я, должно быть, стоял там больше двадцати минут, но, уверяю вас, у меня не было ощущения времени. Я почти не мог оторваться от этих цветов. Мир борьбы, страданий и скорби был здесь, — и в то же время его не было. Понимаете ли, в этом состоянии слова не имеют никакого значения. Слова описывают, разделяют, сравнивают, но в этом состоянии не было никаких слов; не было осознания «я», было одно лишь это состояние, это переживание. Время остановилось; не было ни прошлого, ни настоящего, ни будущего. Здесь было одно — о, я не знаю, как это выразить словами, да это и не имеет значения. Здесь было некое Присутствие; нет, это не то слово. Казалось, что земля и все, что в ней и на ней, находятся в состоянии благословения, а я, идущий к парку, являюсь частью всего. Когда я подошел ближе к парку, я был совершенно очарован красотой этих хорошо мне знакомых деревьев. Листочки, от бледно-желтого до почти черно-зеленого, живо трепетали; каждый отдельный листок выделялся, и в одном листочке собралось все богатство земли. Я сознавал, что сердце мое билось учащенно; мое сердце вполне здорово, но когда я вошел в парк, я едва мог дышать и, как мне казалось, готов был упасть в обморок. Я опустился на скамью, а по моим щекам лились слезы. Стояла почти непереносимая тишина, и эта тишина очищала все от страданий и скорби. Когда я прошел в глубину парка, в воздухе послышалась музыка. Я был изумлен, так как вблизи не было домов, и никто в парке не мог включить радио в такой ранний час. Музыка была частью всего. Вся благодать, все сострадание мира пребывали в этом парке, и там был Бог».

«Я не теолог и не принадлежу к числу религиозных людей, — продолжал он далее, — я был в церкви едва ли десяток раз, это никогда не имело для меня значения. Мне трудно принять все бессмыслицы, которые совершаются в церквях. Но в парке присутствовала сущность, — если можно употребить это слово, — в которой жило и пребывало все существующее. Ноги мои дрожали, я был вынужден снова сесть и облокотиться о дерево. Ствол дерева был живым, как и я; а я составлял часть этого дерева, часть бытия, часть всего мира. Я, должно быть, все же упал в обморок. Всего этого было для меня слишком много: яркие, живые краски, листья, скалы, цветы, неправдоподобная красота окружающего. И над всем пребывало благословение...

Когда я пришел в себя, солнце было уже высоко. Обычно мне надо около двадцати минут, чтобы дойти до парка; но в тот раз прошло почти два часа с тех пор, как я вышел из дома. Мне казалось, что у меня не хватит физических сил идти обратно; я сел, стараясь собрать силы, и не отваживался думать. Пока я медленно возвращался домой, все то, что я пережил, оставалось со мной; оно было со мной в течение двух дней и исчезло так же внезапно, как и пришло. Тогда-то и начались мои мучения. В течение недели я не подходил близко к своей конторе. Мне хотелось вернуть это необыкновенное переживание, я хотел снова жить и навсегда остаться в этом мире блаженства. Все это случилось два года тому назад. Я начал серьезно думать о том, чтобы оставить все и уехать в один из уединенных уголков мира, но в глубине сердца я знаю, что не

смогу подобным образом вернуть пережитое. Никакой монастырь не может предложить мне такого переживания, никакая церковь не сможет зажечь свечу, потому что они имеют дело со смертью и тьмой. Я думал поехать в Индию, но отказался и от этого. Тогда я попытался прибегнуть к наркотику; он в какой-то мере преобразил вещи, сделал их более живыми, но наркотик — это совсем не то, чего я хочу. Это недостойный путь переживания; это просто обман, но не нечто реальное».

«И вот я пришел к вам, — сказал он в заключение. — Я отдал бы свою жизнь и все, что у меня есть, чтобы снова жить в том мире. Что мне делать?»

— Сэр, это переживание пришло к вам неожиданно. Вы никогда его не искали; но пока вы пребываете в состоянии поисков, вы никогда его не получите. Ваше желание снова жить в экстатическом состоянии препятствует появлению нового, свежего переживания состояния блаженства. Вы понимаете, что произошло: у вас было переживание, а теперь вы живете мертвым воспоминанием о вчерашнем событии. То, что было, стоит на пути нового.

«Не хотите ли вы сказать, что я должен отбросить все, что было, и забыть об этом? И продолжать при этом свою жалкую жизнь, с каждым днем умирая от внутреннего голода?»

— Если вы не будете оглядываться назад и просить большего — а это нелегкая задача — тогда, возможно, то самое, что находится вне вашего контроля, сможет действовать, как ему будет угодно. Жадность, даже в самом высоком смысле, порождает скорбь; стремление получить еще больше открывает дверь времени. Это блаженство не может быть куплено никакой жертвой, никакой добродетелью, никаким наркотиком. Это не вознаграждение, не результат. Оно приходит, когда пожелает; не ищите его.

«Но было ли это переживание реальным, было ли оно переживанием высочайшего?»

— Мы хотим, чтобы другой подтвердил, уверил нас, что это было, и тогда мы нашли бы в этом убежище. Такого рода уверенность или защищенность в том, что было, даже если это было реальное, лишь усиливает нереальное и питает иллюзию. Переносить в настоящее то, что прошло, независимо от того, приносило ли оно удовольствие или страдание, значит препятствовать реальному. Реальность, реальное не имеет длительности. Оно существует от мгновения к мгновению, вечное, неизмеримое.

ПОЛИТИК, КОТОРЫЙ ХОТЕЛ ДЕЛАТЬ ДОБРО

Ночью шел дождь, и благоуханная земля была еще сырой. Тропа вела в сторону от реки и проходила среди старых деревьев и манговых рощ. То была тропа пилигримов, и тысячи проходили по ней, так как уже более двадцати столетий жила традиция, что все добродетельные пилигримы должны шагать по этой тропе. Но время года для паломников еще не наступило, и в это особенное утро по той тропе шли только деревенские жители. В своих ярко расцветенных одеждах, освещенные сзади солнцем, с грузом сена, овощей и дров на головах, они были очень живописны. Они шли, смеясь и разговаривая о деревенских делах, и в их движении были грация и достоинство. По обе стороны дороги, насколько мог видеть глаз, простирались зеленые поля озимой пшеницы, большие участки гороха и других овощей, предназначенных для рынка. Стояло прекрасное утро с ясно-голубым небом, и на землю снизошло благословение. Земля была живая, щедрая, богатая и священная. Это не была святость того, что создано руками человека, это не была святость храмов, священнослужителей и их книг. Это была красота совершенного мира и полного безмолвия. Человек погружался в это безмолвие; деревья, травы, огромный бык составляли его часть; даже игравшие в пыли дети чувствовали это безмолвие, хотя ничего о нем не знали. Оно не было чем-то преходящим; оно оставалось там, не имея ни начала, ни конца.

Это был политик, который хотел делать добро. Он чувствовал, что не похож на других политиков, ибо действительно беспокоился о благосостоянии народа, о его нуждах, здоровье и развитии. Конечно, он был честолюбив, но кто же без честолюбия? Честолюбие помогало проявлять большую активность; без него он был бы ленив и не способен сделать достаточно много для других. Он стремился войти в состав кабинета и был уже на пути к этому, и если бы достиг цели, увидел бы, как его идеи осуществляются в жизни. Он путешествовал по всему миру, побывал в различных странах и изучал программы разных правительств. После тщательных размышлений он смог разработать свою собственную программу, которая могла бы принести благоденствие его стране.

«Но теперь я не знаю, смогу ли я все осуществить, — сказал он с большой скорбью. — Понимаете, совсем недавно я почувствовал себя плохо. Доктора говорят, что я должен отнестись к этому спокойно; но мне предстоит очень серьезная операция, и я не в состоянии примириться с такой ситуацией».

— Позвольте вас спросить, а что же вам мешает спокойно это принять?

«Я отказываюсь примириться с перспективой стать инвалидом на всю оставшуюся жизнь и лишиться возможности осуществить то, что хочу. Я знаю, по крайней мере на уровне слов, что не в состоянии бесконечно удерживать темп, которым шел до сих пор; если же слягу, мой план может вообще никогда не осуществиться. Найдутся, конечно, другие честолюбивые люди, а в этом деле собака собаку съест. Я присутствовал на нескольких ваших беседах, поэтому подумал, что следует прийти к вам и обсудить вопрос».

— Крушение надежд — не в этом ли заключается ваша проблема, сэр? Перед вами перспектива длительной болезни и связанного с ней снижения популярности и приносимой вами пользы; но вы считаете, что не можете примириться с этим, так как жизнь страны чрезвычайно оскудеет, если ваш план не будет осуществлен, не так ли?

«Я уже говорил, что обладаю таким же честолюбием, как и мой возможный преемник, но кроме того, я хотел бы делать добро. С другой стороны, я действительно серьезно болен и вместе с тем просто не в состоянии примириться с болезнью, и отсюда во мне происходит мучительный конфликт. Я сознаю, что этот конфликт усиливает мою болезнь. Существует и другой страх — не за семью, которая хорошо обеспечена, но страх перед чем-то, что я никогда не был в

состоянии выразить словами даже самому себе».

— Вы имеете в виду страх смерти?

«Да, я думаю, дело именно в этом. Может быть, здесь даже страх прийти к концу, не выполнив то, что был намерен совершить. Возможно, как раз в этом и заключается причина страха. Но я не знаю, каким образом можно его ослабить».

— Потребуется ли ваша болезнь полного устранения от политической деятельности?

«Вы знаете, как это все происходит. Если я не буду находиться в центре событий, обо мне забудут, а планы мои не будут иметь никаких шансов на осуществление. По сути дела это будет просто уход от политических дел, а мне этого не хотелось бы».

— Итак, вы можете либо сознательно и спокойно принять тот факт, что вам необходимо уйти от дел, либо так же спокойно продолжать политическую деятельность, ясно представляя себе всю серьезность вашего заболевания. Как бы то ни было, болезнь может разрушить ваши честолюбивые планы. Жизнь — это нечто необыкновенное, не правда ли? Позвольте мне дать вам совет: почему бы вам не принять неизбежное без горечи? Если же вы примете это с горечью и ожесточением, то ум ваш сделает болезнь еще более тяжелой.

«Я вполне сознаю это, но все же не могу примириться с моим физическим состоянием и тем более, как вы советуете, принять это совершенно спокойно. Возможно, я был бы в состоянии выполнять хотя бы часть своей политической программы, но мне этого недостаточно».

— Неужели вы думаете, что осуществление ваших честолюбивых стремлений делать добро — это единственный для вас путь жизни и что лишь благодаря вам и вашим планам страна будет спасена? Вы являетесь центром всей этой, как считают, добродетельной деятельности, не так ли? Но ведь в действительности вы не особенно глубоко заинтересованы в том, чтобы делать добро людям: вас гораздо больше интересует то, чтобы добро было сделано вами. Вы тут важны, а не добро людям. Вы настолько отождествили себя с вашей программой и так называемым добром для людей, что принимаете собственное самоосуществление как их счастье. Ваши планы могут быть превосходны и при какой-то счастливой возможности могут принести благо людям; но вы хотите, чтобы ваше имя отождествлялось с этим благом. Жизнь — нечто удивительное; к вам пришла болезнь, и вы сопротивляетесь ей, ссылаясь на ваше имя и значимость. В этом и состоит причина вашего внутреннего конфликта. Если бы вы любили людей, а не тешили себя пустыми словами, сама эта любовь явилась бы спонтанным действием, которое оказало бы значительную помощь. Но вы не любите людей, они — просто инструменты ваших амбиций и вашего тщеславия. Творение добра — это путь к вашей собственной славе. Надеюсь, вы ничего не имеете против того, что я говорю все это?

«Я поистине счастлив, что вы так открыто выразили то, что глубоко спрятано в моем сердце; и это принесло мне пользу. Я смутно чувствовал все это, но никогда не позволял себе взглянуть прямо в лицо факту. Для меня было большим облегчением услышать то, что вы так откровенно и ясно высказали. Надеюсь, что теперь я это пойму и смогу успокоить свой конфликт. Посмотрим, как все сложится, но уже сейчас я чувствую себя менее зависимым от своих тревог и надежд. Но, сэр, как в отношении смерти?»

— Эта проблема значительно сложнее, и для понимания ее требуется глубокое проникновение, не так ли? Вы можете дать смерти рационалистическое объяснение, говоря, что все умирает, что свежий зеленый листок, появившийся весной, осенью сорвет ветер и т.д. Вы можете рассуждать и находить объяснение смерти, можете пытаться подавить страх смерти усилием воли или же обратиться к вере, которая могла бы занять место страха; но все это — деятельность ума. А так называемая интуиция устремилась к истине реинкарнации или жизни после смерти, что может быть просто желанием выжить. Все эти рассуждения, прозрения, объяснения находятся в поле ума, не правда ли? Все это — деятельность мысли, направленная

на преодоление страха смерти; но страх смерти не так просто победить. Желание индивидуума обессмертить себя через нацию, семью, с помощью имени, идеи или веры — все это есть желание продлить свое собственное существование, не так ли? Именно это желание, с его комплексом сопротивлений и надежд, должно сознательно, без усилий и совершенно спокойно прийти к концу. Нужно умирать каждый день для всех наших воспоминаний, для всякого опыта, знания и надежды. Накапливание удовольствий и раскаяний, приобретение добродетелей должно прекращаться от мгновения к мгновению. Это не просто слова, а утверждение, основанное на реальных фактах. То, что имеет длительность, никогда не может узнать блаженства непознаваемого. Не приобретать, а умирать каждый день, каждую минуту есть бытие вне времени, в вечности. До тех пор пока существует жажда осуществления, с ее конфликтами, всегда будет страх смерти.

КОНКУРЕНЦИЯ КАК ОБРАЗ ЖИЗНИ

Обезьяны расположились на дороге; на самой ее середине малыш играл со своим хвостом, а мать зорко следила за ним. Все они отлично сознавали, что кто-то находится поблизости, но на безопасном расстоянии. Взрослые самцы были крупны, тяжелы и довольно свирепого вида; большинство других обезьян держалось от них в стороне. Все они ели какие-то плоды, которые падали на дорогу с большого тенистого дерева с толстыми листьями. Недавние дожди наполнили реку, которая бурно шумела под узким мостом. Обезьяны избегали воды и луж на дороге; когда приближалась машина, разбрасывая грязь, они мгновенно с дороги убегали, причем мать захватывала с собою малыша. Некоторые обезьяны взбирались на деревья, другие спускались по насыпи с обеих сторон дороги. Но как только машина проходила дальше, они тотчас же возвращались. Теперь они уже почти привыкли к тому, что рядом находится человек. Они были так же неугомонны, как ум человека, так же готовы ко всяким проделкам.

По обе стороны дороги простерлись рисовые поля, струившие приторный аромат и сверкавшие зелеными искрами под теплым солнцем, а на фоне голубых холмов, высившихся за полями, можно было видеть птиц; они были белыми и неторопливо перелетали по полям с места на место. Длинная коричневая змея выползла из воды и отдыхала на солнце. Ярко-синий зимородок опустился на мост, готовый снова нырнуть. Было прекрасное утро, жара еще не чувствовалась; одинокие пальмы, разбросанные по полям, рассказывали о многом. Между зелеными полями и голубыми холмами было общение, это была песнь. Казалось, что время бежит быстро. В синеве неба кружили коршуны; иногда они садились на ветку дерева, чтобы почистить перья, а потом снова взлетали, издавая крики и описывая круги. Было и несколько орлов с белой шеей и золотисто-коричневыми крыльями и оперением. Среди недавно выросшей травы крупные красные муравьи бросками мчались вперед, внезапно останавливались, а потом устремлялись в противоположном направлении. Жизнь была так богата, так населена — но это не было заметно, и это как раз то, чего хотели все живые существа, большие и малые.

Молодой бык с колокольчиками вокруг шеи вез легкую повозку, сделанную довольно искусно; ее два больших колеса были соединены тонкой стальной осью, на которой был установлен деревянный настил. На нем сидел человек; он был горд и своим быстро шагающим быком, и внешним видом повозки. Бык, крепкий и стройный, придавал ему важность; каждый встречный его замечал, как и эти проходившие крестьяне. Они останавливались, восхищенно глядели, высказывали различные замечания и шли дальше. С каким гордым видом сидел этот человек, выпрямившись и глядя прямо перед собой! Гордость в малом и в большом — одна и та же. То, что человек делает, и то, чем он владеет, придают ему важность и престиж; но человек сам по себе, как тотальная сущность, как будто вовсе не имеет значения.

Он пришел с двумя друзьями. Все они успешно окончили колледж и хорошо справлялись с работой, каждый по своей линии; все трое были женаты, имели детей; по-видимому, они были довольны жизнью, но и у них возникало внутреннее смятение.

«Если можно, я хотел бы задать вопрос, — сказал он, — и, так сказать, начать игру. Вопрос не пустой; он тревожит меня с тех пор, как я побывал на вашей беседе несколько дней назад. Вы сказали тогда, между прочим, что конкуренция и честолюбие — это разрушительные стремления, которые человек должен понять, чтобы быть от них свободным, если он хочет жить в мирном обществе. Но разве борьба и конфликт не составляют часть самой нашей природы?»

— Общество в том виде, в каком оно существует сейчас, основано на честолюбии и конфликте, и почти все принимают этот факт как нечто неизбежное. Индивидуум обусловлен этой неизбежностью, но в силу своего воспитания и разнообразных форм внешнего и

внутреннего принуждения он проникается духом конкуренции. Если ему необходимо приспособиться к такому обществу, он должен принять все условия, которые оно ставит; иначе ничего хорошего для него не получится. Мы, очевидно, считаем, что должны приспособливаться к этому. Но почему мы должны так поступать?

«Если мы этого не сделаем, то просто-напросто пойдем ко дну».

— Давайте посмотрим, случится ли это, если мы полностью поймем проблему. Мы можем не придерживаться принятых образцов, но жить творчески и счастливо, имея совершенно отличный подход. Такое состояние невозможно, если мы принимаем существующий социальный стандарт как нечто неизбежное. Однако вернемся к вашему вопросу: являются ли честолюбие, конкуренция, конфликт predetermined и неизбежными спутниками нашей жизни? Вы, очевидно, предполагаете, что да. Начнем с этого. Почему вы считаете, что образ жизни, основанный на конкуренции, есть единственно возможный процесс существования?

«Я честолюбив и мечтаю сделать карьеру, подобно всем окружающим меня людям. Чаще всего это дает мне удовлетворение, но иногда заставляет и страдать; однако я принимаю это без сопротивления, так как не знаю Другого образа жизни; а если бы и знал, мне кажется, я побоялся бы идти по новому пути. На мне лежит много обязанностей, и я должен был бы серьезно подумать о будущем своих детей, прежде чем отказаться от обычных забот и жизненных привычек».

— Сэр, вы можете чувствовать ответственность за других, но разве вы не несете также ответственности за то, чтобы на земле был мир? Мир, прочное счастье людей невозможны, пока мы — индивидуум, группа, нация — будем считать неизбежной жизнь, основанную на конкуренции. Разве честолюбие, конкуренция не включают в себя конфликт, внутренний и внешний? Честолюбивый человек — это отнюдь не мирный человек, хотя он может говорить о мире и братстве. Политические деятели никогда не могут принести людям мир; но не могут этого сделать и те люди, которые принадлежат к какому-либо организованному верованию, так как все они обусловлены миром лидеров, спасителей, руководителей и образцов; когда же вы следуете за другим, вы стремитесь к осуществлению собственной амбиции, в этом ли мире или мире воображаемом, в так называемом духовном мире. Соперничество, амбиция включают в себя конфликт, не так ли?

«Я понимаю это, но что же нам делать? Если мы попали в сеть конкуренции, каким образом из нее выйти? Но если бы мы даже и вышли, где гарантия того, что между людьми воцарится мир? Пока мы все в одно и то же время не поймем истину этой проблемы, понимание ее одним или двумя людьми вообще не будет иметь никакого значения».

— Вы хотите знать, как выйти из сети конфликта, достижения и неудач. Сам вопрос «как» свидетельствует о вашем желании получить уверенность, что ваша попытка не окажется напрасной. Вы продолжаете жаждать успеха, только на другом уровне. Вы не замечаете, что любая форма честолюбия, любое желание успеха, в каком бы то ни было направлении, создает конфликт, внутренний и внешний. «Как» — это сфера амбиции и конфликта, и сам этот вопрос препятствует вашему видению проблемы, ее истины. «Как» — это лестница к дальнейшему успеху. Но мы в данный момент не мыслим в терминах успеха или неудачи, нас интересует скорее вопрос устранения конфликта и является ли неизбежным застой при отсутствии конфликта. Мир возникает отнюдь не потому, что мы принимаем меры предосторожности, санкции и гарантии; он приходит, когда нет вас как носителя конфликта, с вашими амбициями и неудачами.

Вы сказали также, сэр, что мы все должны понять истину данной проблемы в одно и то же время. Это, разумеется, невозможно. Но возможно для вас, и когда поймете вы, истина, несущая свободу, окажет воздействие на других. Это должно начинаться с вас, потому что вы — это мир,

как и другие.

Честолюбие означает посредственность ума и сердца, оно не имеет глубины, потому что неизменно преследует результат. Человек, желающий быть святым, или преуспевающим политиком, крупным должностным лицом, заинтересован в личном достижении. С чем бы ни отождествляла себя эта жажда успеха — с идеей, нацией, системой, религиозной или экономической, — она лишь усиливает это «я», сама структура которого хрупкая, поверхностная и ограниченная. Все это вполне очевидно, если взглянуть, не так ли?

«Это, может быть, очевидно для вас, сэр, но большинству из нас конфликт придает чувство жизненности, ощущение, что мы живем. Без амбиции и конкуренции наша жизнь сделалась бы тусклой и бесполезной».

— Поскольку вы поддерживаете этот основанный на конкуренции образ жизни, ваши дети и дети ваших детей будут питать дальнейший антагонизм, зависть и войну; ни вы, ни они не будут знать мира. Будучи обусловленным этой традиционной моделью существования, вы и своих детей воспитаете в духе следования этой модели, и таким образом жизнь продолжает свой скорбный путь.

«Мы хотим измениться, но...»

Он понял свою несерьезность и умолк.

Море находилось по ту сторону гор, к востоку от долины, а через ее центральную часть река неторопливо катила свои воды к морю. Весь год река была полноводна; она была прекрасна даже тогда, когда проходила мимо большого города. Жители города использовали реку для всего — для рыбной ловли, для купания, в ней брали воду для питья, в реку спускали нечистоты, промышленные отходы. Но река сбрасывала всю эту грязь, и ее воды, миновав места человеческого обитания, снова были чистыми и голубыми.

Вдоль реки на запад шла широкая дорога; она вела к чайным плантациям, расположенным в горах; дорога делала зигзаги, иногда удалялась от реки, но большей частью оставалась в пределах ее видимости. По мере того как дорога шла в гору, следуя за рекой, плантации становились все более крупными, то тут, то там были фабрики, специализировавшиеся на сушке и переработке чайного листа. Скоро плантации стали необъятными, а с реки доносился шум водопадов. По утрам обычно можно было видеть склоненные фигуры женщин в ярких одеждах и с совершенно темной кожей от палящего солнца; они срывали нежные листочки. Надо успеть сорвать листочки до определенного часа утра и отвезти на ближайшую фабрику, прежде чем лучи солнца станут слишком жаркими. На этой высоте солнце сильно жгло и его лучи были болезненно проникающими; и хотя к ним привыкали, некоторые женщины прикрывали голову кое-чем из одежды. Они были веселы и свою работу выполняли быстро и умело, скоро справляясь с дневной нормой; но так как большей частью они были женами и матерями, им еще предстояло готовить пищу и смотреть за детьми. Работницы были объединены в союз, и плантаторы относились к ним хорошо, так как если бы возникла стачка, молодые и нежные листочки выросли бы до нормальной величины, и это принесло бы большой убыток. Дорога продолжалась все выше, и воздух стал довольно прохладным. На высоте в восемь тысяч футов уже не было чайных плантаций, но люди возделывали землю и выращивали на ней многое из того, в чем нуждались города, раскинувшиеся вдоль моря. С этой высоты открывался величественный вид на леса и равнины и на реку, теперь уже серебристого цвета, которая доминировала над всем окружающим. На обратном пути дорога вилась среди зелени, сверкающих рисовых полей и глубоких зарослей. Там были пальмы, манговые деревья и множество цветов. По обочинам дороги люди выставили для продажи всякую всячину, начиная с безделушек и кончая ароматными фруктами. У них был веселый вид, несколько ленивый и беззаботный; у всех, по-видимому, было достаточно еды, чего нельзя было сказать о жителях долин, где жизнь была скученной, трудной и скудной.

Это был *саньяси*, монах, но он не принадлежал к какому-либо определенному ордену, и о себе он говорил в третьем лице. Еще с юных лет он отказался от мира и его путей, странствовал по всей стране, останавливаясь у некоторых хорошо известных религиозных учителей, беседуя с ними и следуя их особой дисциплине и ритуалам. Он постился помногу дней, вел уединенную жизнь среди гор и выполнял большую часть того, что обычно делают саньяси. Чрезмерно строгой аскетической практикой он причинил вред своему телу, которое и сейчас продолжало испытывать страдания, хотя с того времени прошло много лет. Но однажды он решил прекратить всякую практику, ритуалы как бесполезные и не имеющие большого значения, и ушел в одно из отдаленных горных селений, где провел целые годы в глубоком созерцании. Случилась обычная вещь, сказал он с улыбкой, и сам он, в свою очередь, приобрел известность и большую группу учеников, которых он учил простым вещам. Когда-то он изучал древнюю санскритскую литературу, но теперь оставил также и это. Хотя и оказалось необходимым кратко рассказать о своей жизни, добавил он, не для этого он пришел сюда.

«Медитация стоит превыше всякой добродетели, жертвы и действия бесстрастной помощи, — сказал он. — Знание и действие без медитации становятся тяжелым бременем и имеют очень мало значения. Но мало кому известно, что такое медитация. Если вы не возражаете, нам следовало бы обсудить этот вопрос. Медитация с целью достичь различных состояний сознания — в этом состоял опыт того, кто говорит эти слова. У него были переживания, через которые рано или поздно проходят все ищущие человеческие существа: видения Кришны, Христа, Будды. Эти видения — результат мысли и воспитания, образования, результат того, что можно назвать духовным обликом самого человека. Видения, переживания, психические силы бывают самыми разнообразными. К несчастью, большинство ищущих оказывается в сети собственных мыслей и желаний, в том числе некоторые из величайших толкователей истины. Обладая силой исцеления и даром речи, они становятся пленниками своих способностей и переживаний. Сам говорящий прошел через эти переживания и опасности, в меру своих сил понял их и вышел за их пределы. По крайней мере, будем надеяться, что это так. Итак, что же такое медитация?»

— Если мы рассматриваем медитацию, нам, конечно, необходимо понять и усилие, и того, кто совершает усилие. Полезное усилие приводит к одному результату, вредное — к другому, но и то и другое связывает, не так ли?

«Говорят, что вы не читали Упанишад и других священных книг, но ваши слова звучат как слова того, кто их читал и знает».

— Действительно, я не читал ничего из этой литературы, но это совсем не важно. Правильное усилие и неправильное усилие — оба связывают; и эта зависимость должна быть понята и отброшена. Медитация — это устранение всякой зависимости; это состояние свободы, но не свободы *от* чего-либо. Свобода от чего-то определенного — это всего лишь культивирование сопротивления. Сознать, что ты свободен, — это не свобода. Сознание — это переживание свободы или зависимости, и такое сознание предполагает переживающего, совершающего усилие. Медитация — это устранение переживающего, которое не может быть достигнуто сознательным путем. Если переживающий устранен сознательно, происходит усиление воли, которая также является частью сознания. Наша проблема включает весь процесс сознания, а не отдельную его часть, малую или большую, главную или подчиненную.

«То, что вы говорите, по-видимому, верно. Пути сознания глубоки, обманчивы и противоречивы. Лишь с помощью бесстрастного наблюдения и тщательного изучения можно распутать этот узел и навести порядок».

— Однако, сэр, в этом случае все еще остается тот, кто распутывает; можно назвать его высшим «я», *атманом* и т.д., но он продолжает оставаться частью сознания, тем, кто совершает усилие, кто постоянно стремится что-то приобрести. Усилие есть желание. Любое желание можно преодолеть с помощью более сильного желания, а это последнее — с помощью какого-то другого, и так далее до бесконечности. Желание порождает обман, иллюзию, противоречие, видения, надежды. Всепобеждающее желание достичь конечной цели или воля к достижению того, что не имеет имени, — это все еще сфера сознания, того, кто переживает хорошее или плохое, кто ждет, наблюдает, надеется. Сознание — это не один специфический уровень, это все наше существо, абсолютно все наше бытие.

«То, что вами до сих пор было сказано, — превосходно и истинно. Но позвольте спросить, что же это такое, что приносит мир и тишину нашему сознанию?»

— Ничто. Действительно, ум всегда ищет результат, путь к какому-то достижению. Ум — это инструмент, который был собран, ум — это структура времени, и он может мыслить только в терминах результата, достижения, того, что можно приобрести или следует избежать.

«Да, это так. Утверждается, что до тех пор, пока ум активен, — выбирает, ищет, переживает, — должен быть тот, кто совершает усилия, кто творит собственный образ, называя

его различными именами, и это — та сеть, в которую попадает мысль».

— Мысль сама есть тот, кто создает сеть; мысль — эта сеть. Мысль связывает; она может лишь вести к огромному расширению времени, той сферы, в которой являются важными знание, поступок, добродетель. Каким бы утонченным или упрощенным ни было мышление, оно не может устранить всякую мысль. Сознание в качестве переживающего, наблюдающего, выбирающего, цензора, воли должно прийти к концу, сознательно и спокойно, без какой бы то ни было надежды на награду. Ищущий перестает существовать. Это — медитация. Безмолвие ума не может возникнуть в результате усилия воли. Безмолвие существует, когда воля прекратилась. Это — медитация. Реальность невозможно найти; она существует, когда нет ищущего. Ум — это время, и мысль не может открыть неизмеримое.

ПСИХОАНАЛИЗ И ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Птицы и козы находились где-то в другом месте, а здесь и на большом расстоянии вокруг было необыкновенно тихо; эту тишину создавало дерево с широкой кроной, одиноко стоявшее среди простора полей, хорошо обработанных и покрытых обильной зеленью всходов. В отдалении высились горы; они были суровы и непривлекательны в лучах полуденного солнца, но в сумраке листвы дерева было прохладно и приятно. Дерево это, огромное и внушительное, в своем одиночестве накопило большую силу и приобрело симметричные очертания. Оно сделалось живым существом, пребывающим в уединении; и однако казалось, что оно господствует над всем окружающим, включая и дальние горы. Жители деревни почитали его; напротив широкого ствола находился выдолбленный камень, и кто-то возложил сюда ярко-желтые цветы. По вечерам к дереву никто не подходил; в своем одиночестве оно излучало слишком большую силу, поэтому лучше было воздавать ему почести в дневное время, когда под деревом была глубокая тень, перекликались птицы и слышались звуки человеческих голосов. Но сейчас все жители деревни находились около своих жилищ, и под деревом царил глубокий мир. Солнце никогда не проникало до нижней части ствола, и потому цветы сохраняли свою свежесть до следующего дня, когда их сменяли следующие приношения. К дереву вела узкая тропа, которая продолжалась и дальше через зеленые поля. Вдоль этой тропы осторожно прогоняли коз, до подножия гор, где они расходились кругом, поедая все, до чего могли добраться. Полного величия дерево достигало к вечеру. Когда солнце заходило за горы, поля становились еще более зелеными, и теперь только вершина дерева подхватывала последние лучи, золотистые и прозрачные. С наступлением темноты дерево, казалось, замыкалось от всего, что его окружало, и уединялось в самом себе на предстоящую ночь; его таинственность росла, проникая в мистику всего живущего.

Это был психолог и специалист по психоанализу, в течение многих лет он занимался врачебной практикой и имел на своем счету много случаев излечения. Он работал в больнице, а кроме того имел частную практику. Многочисленные богатые пациенты сделали и его состоятельным: у него были роскошные машины, загородная дача и все прочее. Он относился к работе серьезно, она не была для него лишь способом зарабатывать деньги; он применял различные методы психоанализа, в зависимости от состояния пациента, изучил месмеризм и в целях эксперимента в отдельных случаях применял гипноз.

«Весьма удивительно, — продолжал он, — как в состоянии гипноза люди свободно и легко говорят о своих скрытых побуждениях и реакциях, и всякий раз, когда пациент подвергается гипнозу, я чувствую необычность этого состояния. Во время сеансов я был безукоризненно честен, но я полностью осознаю опасности, связанные с применением гипноза, особенно в руках людей, неразборчивых в средствах, независимо от того, будут ли это медики или другие. Гипноз может быть или не быть кратчайшим путем к излечению, но не думаю, чтобы применение его можно было оправдать, разве только в отдельных случаях, трудно поддающихся обычному лечению. Для того, чтобы вылечить больного, требуется немалое время, обычно несколько месяцев. В целом, это довольно утомительная работа».

«Не так давно, — продолжал он, — ко мне явилась одна больная, которую я лечил в течение нескольких месяцев. Это весьма неглупая женщина, хорошо начитанная и с широким кругом интересов. Находясь в большом возбуждении, с улыбкой, которую я давно у нее не видел, она рассказала, что один ее друг убедил ее побывать на ваших беседах. По-видимому, во время бесед она почувствовала, что освободилась от угнетенного состояния, которое имело довольно серьезный характер. Она сказала, что первая беседа совсем ее ошеломила: слова и мысли

показались ей новыми и противоречивыми, поэтому она не хотела присутствовать на второй беседе. Но друг объяснил, что так нередко бывает и что ей необходимо выслушать несколько бесед, прежде чем составить свое мнение. В конце концов она прослушала все беседы и, как я сказал, почувствовала, что освободилась от депрессии. То, о чем вы говорили, очевидно, затронуло какие-то стороны ее сознания; не делая усилий, чтобы устранить свою депрессию, она обнаружила, что угнетение ушло, просто перестало существовать. Это произошло несколько месяцев назад. На днях я снова ее видел; ее угнетенное состояние, несомненно, прекратилось, она в нормальном состоянии и счастлива, особенно в своих отношениях с семьей. По-видимому, все у нее идет так, как надо».

«Все это лишь вступление, — сказал он далее. — Знаете, благодаря этой пациентке я прочел некоторые из ваших поучений. Мне хотелось бы обсудить с вами следующий вопрос: существует ли путь или метод, при помощи которого мы могли бы быстро определить корень всех страданий человека? Наши современные методики требуют много времени и нуждаются в значительном количестве проводимых на пациентах исследований».

— Позвольте спросить вас, сэр, что именно вы стремитесь сделать с вашими пациентами?

«Если говорить просто, не прибегая к языку психоанализа, мы стремимся помочь нашим пациентам преодолеть их душевные трудности, депрессии и т.д., с тем, чтобы они могли идти в ногу с обществом».

— Думаете ли вы, что это так важно: помогать людям идти в ногу с этим извращенным обществом?

«Оно, может быть, в самом деле извращено, но реформирование общества не входит в нашу задачу. Наше дело — помочь пациенту приспособиться к окружению и стать более счастливым и полезным гражданином. Мы имеем дело со случаями отклонения от нормы, но не стремимся создавать сверхнормальных людей. Я не думаю, чтобы это было нашей задачей».

— Вы полагаете, что вы можете отделить себя от своей функции? Позвольте спросить, не входит ли в вашу задачу также и создание совершенно нового порядка, создание условий, при которых не будет войн, антагонизма, конкуренции и т.д.? Разве все эти тенденции и стремления не порождают такие социальные условия, при которых развиваются ненормальные люди? Если вы ограничитесь лишь помощью которая позволит индивидууму соотноситься с существующим социальным порядком, здесь или там, разве вы не будете тогда поддерживать причину, которая ведет к краху, болезням и разрушению?

«В том, что вы говорите, конечно, содержатся правильные установки, но как специалист по психоанализу я не думаю, чтобы мы были готовы так глубоко проникнуть в комплекс причин, обуславливающих болезни человека».

— Но тогда вы очевидно имеете дело не с целостным развитием человека, а с одной какой-то частью всего его сознания. Лечить эту часть, может быть, и необходимо, однако без понимания целостного процесса человека мы можем вызвать другие формы болезни. Это, конечно, не предмет аргументации или рассуждений — это очевидный факт, который необходимо принять во внимание не только специалисту, но и каждому из нас.

«Вы подводите к очень глубоким вопросам, которые для меня непривычны, а сам я далек от собственных глубин. Обо всем этом я думал весьма расплывчато, так же как и по поводу того, что мы в действительности стремимся сделать с нашими пациентами, если не касаться обычных процедур. Видите ли, большинство из нас не имеет ни склонности, ни свободного времени для изучения всех этих вопросов; но я думаю, что мы должны их изучать, если хотим освободить самих себя и помочь нашим пациентам разобраться и избавиться от хаоса и болезней современной западной цивилизации».

— Хаос и болезни существуют не только на Западе, во всем мире люди находятся в

одинаковом положении. Проблема индивидуума — это также и мировая проблема, это не два отдельных и отличающихся один от другого процесса. Мы озабочены человеческой проблемой независимо от того, где человек живет, на Востоке или на Западе. Это разделение по географическому принципу — произвольно. Сознание человека полностью занято Богом, смертью, правильным и счастливым образом жизни, детьми и их воспитанием, образованием, войной и миром. Без понимания всего этого невозможно лечить человека.

«Вы совершенно правы, сэр, но я думаю, что очень немногие из нас способны на такое широкое и глубокое исследование. В большинстве своем мы получили неправильное образование. Мы становимся специалистами, хорошо владеющими техникой своего дела; это, конечно, необходимо, но, к сожалению, у нас на этом все и кончается. Каждый специалист, занимается ли он сердечными болезнями или является специалистом широкого профиля, создает свое крохотное небо, так же как это делает священнослужитель; и хотя изредка он может прочесть кое-что из того, что находится за пределами его специальности, он тем не менее до самой смерти остается в избранной им области. Вы, несомненно, правы, но жизнь остается жизнью.

Теперь, сэр, я хотел бы вернуться к своему вопросу. Существует ли какой-либо метод или технический прием, с помощью которого мы могли бы подойти прямо к корню наших страданий, в особенности страданий наших пациентов, и благодаря этому в короткое время их устранить?»

— Позвольте вас спросить еще раз: почему вы так упорно мыслите в аспекте методов и приемов? Может ли метод или технический прием освободить человека; не лепит ли он человека в соответствии с желаемой целью? Но ведь эта цель, которая противопоставляется тревогам, страхам, крушениям надежд, воздействиям, — сама она является их результатом. Реакция противоположного не является истинным действием ни в сфере экономики, ни в сфере психологии. Фактор, который принесет истинную помощь человеку, может существовать лишь за пределами техники и методов.

«А что же это такое?»

— Возможно, это — любовь.

ОЧИЩЕНИЕ ОТ ПРОШЛОГО

К подножию холма вела хорошая дорога, а оттуда вверх шла тропа. На вершине холма лежали руины весьма древнего укрепления. Тысячи лет тому назад это место наводило страх — здесь стояла крепость, построенная из гигантских камней, с величественными колонными залами, мозаичными полами, мраморными ваннами и комнатами. Чем более мы приближались к этой цитадели, тем выше и толще становились стены, тем больше представлялась их способность отражать нападение. Однако крепость пала, была разрушена и впоследствии вновь отстроена. Внешние ее стены были сложены из огромных скальных блоков, уложенных один над другим и соединенных без цементирующего слоя. За стенами находился древний, очень глубокий колодец со ступеньками, которые вели вниз. Ступеньки были гладкими и скользкими, а на стенках колодца сверкали капли воды. Сейчас все было в развалинах, но вид с вершины холма оставался таким же чарующим. С левой стороны на горизонте искрилось море, перед ним простирались открытые участки равнины, позади которых высились холмы. Недалеко от крепости возвышались два холма; в те далекие времена на них также были крепостные сооружения, но их нельзя было сравнить с этой величественной цитаделью, которая сверху вниз смотрела на соседние холмы и равнину. Было прекрасное утро; с моря дул ветер и раскачивал яркие цветы, которые росли среди руин. Цветы были удивительно красивы, поражало разнообразие их окраски и глубина цвета. Они росли в самых необычных местах, на скалах из трещин разрушенных стен, покрывали внутренний двор. Несчетное число столетий они росли в этих местах, особенно вдоль тропы, дикие и свободные, и казалось святотатством наступать на них; здесь находился их мир, а мы были чужими, хотя цветы и не давали пришельцам это почувствовать.

Вид, который раскрывался с вершины холма, не захватывал дыхание как это иногда случается, когда красота природы совершенно подавляет своим величием и безмолвием. Здесь было не так. Здесь пребывало полное мира очарование, мягкое и разливающееся вокруг; вы могли находиться, не ощущая времени, без прошлого и будущего, вы были едины со всем этим ликующим миром. Вы не были человеческим существом, пришедшим из другой страны, а составляли одно целое с холмами, с козами и пастухами. Вы были едины с небом и цветущей землей; вы не существовали отдельно от них, вы были от них. Но вы не сознавали, что вы от них, как не сознавали этого и цветы. Вы были этими улыбающимися полями, этим синим морем, проходящим вдали поездом. Ваше «я» не существовало; «я», которое выбирает, сравнивает, действует и ищет; вы были едины со всем. Кто-то сказал, что уже поздно и нам надо идти; мы спустились по дорожке, которая шла с другой стороны горы, а потом пошли по дороге, ведущей к морю.

Мы сидели под деревом, и он рассказывал, как в молодости и в зрелом возрасте работал в разных частях Европы, в период, включающий обе мировые войны. Во время последней войны у него не было дома, он часто голодал, и несколько раз его чуть не убивали по какому-то поводу солдаты враждующих армий. Много бессонных ночей он провел в тюрьме, так как во время странствий потерял паспорт, и никто не верил его простосердечным объяснениям о том, где он родился и к какой стране принадлежал. Он говорил на нескольких языках; сначала работал инженером, потом на каком-то предприятии, а сейчас занимается живописью. Теперь у него есть паспорт, сказал он, с улыбкой, и постоянное место жительства.

«Есть много людей, подобных мне, которые были раздавлены и вновь вернулись к жизни, — продолжал он. — Я не жалею об этом, но чувствую, что в какой-то степени потерял контакт с жизнью, по крайней мере с тем, что люди называют жизнью. Я сыт по горло армиями и

королями, флагами и политическими деятелями. Они причинили людям столько же зла и страданий, сколько и государственная религия, которая пролила больше крови, чем любая другая; даже мусульманский мир не может сравниться с нами по жестокости и ужасу содеянного, а теперь мы снова оказались в тех же условиях. Я часто бывал довольно циничным, это тоже ушло. Я живу одиноко, моя жена и ребенок умерли во время войны; для меня хороша любая страна, если только в ней тепло. Мне все равно, по какому пути идти; время от времени я продаю свои картины, и это дает мне средства к существованию. Иногда бывает довольно трудно сводить концы с концами, но всегда что-то получается, а так как мои потребности невелики, то я не особенно беспокоюсь о деньгах. В душе я монах, но пребывающий вне монастырской тюрьмы. Все это я говорю не для того, чтобы просто рассказать о себе, а чтобы дать общую картину моего прошлого, потому что во время беседы с вами мне, возможно, придется уяснить то, что приобрело для меня первостепенную важность. Ничто другое, даже живопись, меня теперь не интересует.

Однажды я направился к этим холмам, захватив с собой холст и краски, так как увидел там кое-что, что мне захотелось написать. Было довольно рано, когда я дошел до места; небо было слегка облачным. С того места, где я находился, можно видеть всю долину до моря. Я был в восторге от того, что я один, и начал писать. Видимо, некоторое время я уже писал и получилось что-то красивое, без всякого напряжения и усилия, как вдруг я осознал, что в моей голове, если можно так выразиться, происходит нечто необыкновенное. Я был так поглощен своей работой, что сначала не замечал того, что со мной случилось, но потом внезапно ощутил все. Я больше не мог писать и сидел совершенно неподвижно».

После минутной паузы он продолжал:

«Не подумайте, что я сошел с ума, это совсем не так; но сидя там, я почувствовал необыкновенную творческую энергию. Не я обладал этой энергией творчества, но было во мне нечто такое, что было и в тех муравьях и в той неугомонной белке. Не думаю, что мне удастся это очень хорошо объяснить, но вы, конечно, понимаете, что я имею в виду. Это совсем не то творческое состояние, которое бывает у какого-нибудь Тома, Дика или Гарри, когда они пишут стихи, или у меня самого, когда я пишу бессодержательную картину; это было творчество, чистое и простое, а то, что создано умом или рукой человека, находилось где-то на его периферии, имея ничтожное значение. Мне казалось, что я погружен в творчество; вокруг него была святость и благословение. Если бы мне надо было выразить это словами религии, я сказал бы. Но не надо. Слова религии не звучат, они более не имеют для меня никакого значения. Это был центр Творчества, сам Бог... Опять эти слова! Но я говорю вам, что там было нечто святое, — не созданная человеком святость церквей, воскурений и гимнов, весь этот незрелый вздор. Это было нечто непорочное, не тронутое мыслью, и слезы катились у меня по щекам; с меня было начисто смыто все мое прошлое. Белка перестала суетиться и хлопотать о еде; стояла удивительная тишина — не тишина ночей, когда все спит, а то безмолвие, в котором все бодрствовало.

Я, вероятно, сидел там, не двигаясь, очень долго, пока солнце не перешло на западную сторону. Все мое тело одеревенело, одна нога не сгибалась, и лишь с трудом мне удалось встать. Я не преувеличиваю, сэр, но мне казалось, что время остановилось, скорее даже, что оно вообще исчезло. У меня не было часов, но, очевидно, с того момента, как я опустил кисть, и до того, как встал, прошло несколько часов. Я не склонен к истерии, я не был в бессознательном состоянии, как можно было подумать; наоборот, мой ум был совершенно ясен, и я сознавал все, что происходило вокруг меня. Собрав все мои принадлежности и аккуратно уложив их в рюкзак, я встал и в таком необыкновенном состоянии пошел домой. Обычный шум небольшого города нисколько его не нарушил; оно продолжалось еще несколько часов после возвращения домой.

Когда на следующее утро я проснулся, оно полностью ушло. Я посмотрел на свою картину — она была хороша, но в ней не было ничего особенного».

«Простите, что таким длинным оказался мой рассказ, — закончил он, — но все это было скрыто во мне, я не мог рассказать о нем никому другому. Если бы я это сделал, то позвали бы священника или посоветовали бы обратиться к специалисту по психоанализу. Я не прошу у вас объяснений, но скажите, каким образом приходит это состояние? Каковы обстоятельства, необходимые для того, чтобы оно проявилось?»

— Вы задаете такой вопрос, так как желаете пережить его вновь, не правда ли?

«Я думаю, что именно поэтому и задал вопрос, но...»

— Пожалуйста, давайте продолжим отсюда. В данном случае важно не то, что случилось, а то, что вам не следует вновь его искать. Жадность питает высокомерие, а здесь необходимо смирение. Вы не можете культивировать смирение; а если попытаетесь, то это уже будет не смирение, а лишь новая форма приобретения. Важно не то, чтобы у вас было другое такое переживание, но чтобы была невинность, свобода от памяти о переживании, хорошем или плохом, приятном или мучительном.

«О, Господи! Вы говорите, чтобы я забыл то, что приобрело для меня величайшую важность в жизни. Но вы требуете невозможного — я не могу забыть происшедшее, я не хочу забыть».

— Да, сэр, именно в этом вся трудность. Прошу вас терпеливо и внимательно выслушать меня. Что вы имеете сейчас? Мертвое воспоминание. Пока переживание происходило, оно было живым; тогда не было «я», которое переживало эту живую реальность, не было памяти, привязанной к тому, что было. Тогда ваш ум был в состоянии невинности, он не искал, не спрашивал, ничего не удерживал, он был свободен. Но теперь вы ищете, вы привязаны к мертвому прошлому. О, да, оно уже мертво; ваши воспоминания уничтожили его и теперь создают конфликт двойственности, конфликт между тем, что было, и тем, что вы надеетесь получить. Конфликт — это смерть, поэтому вы пребываете во тьме. Переживание приходит тогда, когда «я» отсутствует; но воспоминание о нем, желание повторить его усиливает «я» и стоит на пути проявления живой реальности.

«Но как мне стереть это изумительное воспоминание?»

— Ваш вопрос опять-таки указывает на желание еще раз пережить это состояние, не так ли? Вы готовы стереть воспоминание о нем с тем, чтобы пережить его снова; а это означает, что желание продолжает оставаться, хотя вы и готовы забыть о том, что произошло. Ваше стремление вновь пережить это необыкновенное состояние напоминает состояние человека, который страдает алкоголизмом или наркоманией. Чрезвычайно важно не вторичное переживание этой реальности, а понимание вашего желания, благодаря чему желание отойдет естественно, без сопротивления, без участия воли.

«Разве вы думаете, что воспоминание об этом состоянии и мое стремление вновь его пережить стоят на пути появления нового переживания, такого же или иного характера? Разве я ничего не должен предпринимать, сознательно или несознательно, чтобы его вызвать?»

— Если вы действительно поняли, то это так.

«Вы требуете почти невозможного, но ведь никогда не знаешь...»

Она рассказала, что в прошлые годы была секретарем у руководителя одной из крупных компаний и работала с ним в течение многих лет. Она, по-видимому, была весьма энергична; об этом свидетельствовали и ее внешний вид, и ее слова. Накопив некоторую сумму денег, она ушла с работы, так как ей хотелось помогать миру. Это произошло года два тому назад. Она была еще молода и полна сил, и ей хотелось посвятить оставшуюся часть жизни достойным делам, поэтому она решила обратиться к различным духовным организациям. До поступления в колледж она воспитывалась при женском монастыре, но то, чему ее там учили, казалось сейчас ограниченным, догматическим и основанным на авторитете; вполне естественно, что она не могла принадлежать к такому религиозному учреждению. Она изучила некоторые другие религиозные течения и, в конце концов, остановилась на одном, которое казалось более широким и имеющим большее значение, чем многие другие; в настоящее время она активно работает в самом центре этой организации, помогая одному из ее руководящих деятелей.

«Я, наконец, нашла то, что дает удовлетворительное объяснение всему механизму существования, — продолжала она. — Конечно, они основывают свой авторитет на учителях, но члены организации не обязаны в них верить. Я лично верю, хотя это не относится к делу. Я принадлежу к внутренней группе, и, как вы знаете, мы практикуем некоторые формы медитации. Об очень немногих ныне говорят как о получивших посвящение от учителей; совсем не так, как было раньше. В наши дни люди стали более осторожны».

— Позвольте спросить, для чего вы рассказываете обо всем этом?

«Недавно я присутствовала на вашей беседе, в которой вы утверждали, что любое следование за кем-либо есть зло. После этого я была еще на нескольких беседах, и вполне естественно, что я потрясена всем, что там было сказано. Видите ли, работа во имя учителей не означает непременно, что мы следуем за ними. Существует авторитет, но ведь это мы нуждаемся в авторитете. Учителя не просят нас подчиняться, но мы сами повинемся им или их представителям».

— Если вы, как говорите, принимали участие в беседах, то не считаете ли, что сказанное вами сейчас достаточно незрело? Находить прибежище в учителях или их представителях, чей авторитет должен быть основан на их собственном выборе своего долга и на удовольствии, — это то же самое, что говорить о прибежище в авторитете церкви, не так ли? Одно можно считать узким, другое — широким, но, очевидно, оба связывают. Когда человек находится в смятении, он ищет руководителя; но то, что он находит, неизменно оказывается результатом его собственного смятения. Лидер находится в таком же смятении, как и его последователь, который выбирает руководителя, исходя из собственного конфликта и страданий. Следование за другим, будь то вождь, спаситель или учитель, не приносит внутренней ясности и счастья. Только тогда, когда вы поймете собственное смятение и кто его создает, вы освободитесь от конфликта и страданий. Ведь это вполне очевидно, не так ли?

«Для вас, сэр, это, может быть, и очевидно, но я все же не понимаю. Мы нуждаемся в том, чтобы работать в верном направлении; поэтому люди, которые знают, могут и должны выработать те или иные планы для нашего руководства. Это не означает слепого следования за другими».

— Не существует просветленного следования; всякое следование есть зло. Авторитет развращает, независимо от того, осуществляется ли он в высоких сферах или среди малоразвитых людей. Не умеющие мыслить не станут глубокомысленными, если будут следовать за другим, как бы велик он ни был и какими бы достоинствами ни обладал.

«Мне нравится сотрудничество с моими друзьями, когда мы работаем для целей, имеющих мировое значение. Но для совместной работы необходимо, чтобы над нами довлел авторитет».

— Разве это сотрудничество, если существует принудительное влияние авторитета, независимо от того, приятно оно или неприятно? Разве это сотрудничество, если вы работаете для осуществления плана, выработанного кем-то другим? Разве в этом случае, сознательно или несознательно, человек не сообразуется с другим, побуждаемый страхом или надеждой на будущее и т.д.? Разве сообразование с другими — это сотрудничество? Если над вами довлел авторитет, благожелательный или тиранический, возможно ли сотрудничество? Несомненно, подлинное сотрудничество проявляется лишь тогда, когда имеется любовь к работе ради нее самой, когда нет страха понести наказание или сделать ошибку, когда нет желания добиться успеха или получить признание. Сотрудничество возможно лишь тогда, когда имеется свобода от зависимости, от стяжательства, от желания личного или коллективного господства, власти.

«Не слишком ли крутые меры вы предлагаете для проявления истинного сотрудничества? Мы никогда ничего не достигли бы, если бы нам пришлось ждать, пока мы освободимся от всех этих внутренних причин, которые, несомненно, приносят вред».

— А чего вы достигаете сейчас? Если миру надлежит стать совсем иным, то должна проявиться глубокая серьезность, должна произойти внутренняя революция. Должны появиться хотя бы несколько человек, которые сознательно или несознательно не будут продолжать жизнь, наполненную конфликтами и страданиями. Личное честолюбие, как и честолюбие во имя коллектива, должно отпасть, ибо честолюбие в любой форме и в любом его виде стоит на пути любви.

«Я чрезвычайно взволнована всем тем, что вы сказали. Я на деюсь, что смогу прийти опять в другой день, когда хоть немного успокоюсь».

Она вернулась спустя много дней.

«После того, как была у вас, я уединилась, чтобы беспристрастно и с полной ясностью продумать все сказанное. Несколько ночей я провела без сна. Мои друзья предупреждали меня, чтобы я не слишком расстраивалась тем, что вы сказали, но я оказалась в смятении и должна была сама разобраться во всем. Я более вдумчиво перечла некоторые ваши беседы, сделав это без внутреннего сопротивления, и мне все стало ясно. Возвращаться обратно невозможно, и я не сгущаю красок. Я ушла из организации и отказалась от всего, что она дает. Друзья мои, естественно, весьма опечалены, и они думают, что я вернусь; но боюсь, что этого не случится. Я поступила так потому, что поняла истину того, что вы сказали. Посмотрим, что будет дальше».

ПОСРЕДСТВЕННОСТЬ

Буря продолжалась несколько дней с сильнейшими ветрами и ливнями. Земля впитала воду, а пыль, годами накапливавшаяся на деревьях, была смыта. В этой части страны дождей уже не было несколько лет, но вот сейчас они прошли; по крайней мере все надеялись на это. Радость чувствовалась в шуме ливня и бегущих потоков. Дождь продолжал еще лить, когда все мы отправились спать; стук капель гулко раздавался на крыше, у них был свой ритм, свой танец; слышен был шопот многочисленных потоков. А какое чудесное утро наступило! Тучи ушли, горы вокруг засверкали в лучах раннего солнца, все они были чисто вымыты, и в воздухе пребывало благословение. Еще все было в покое, только высокие вершины гор пылали. Пройдет несколько минут — и зазвучат шумы дня; но сейчас во всей долине царила глубокая тишина, хотя потоки продолжали журчать, а где-то вдали запел петух. Все краски природы ожили. Природа была наполнена жизнью, — и вновь показавшаяся трава, и это огромное дерево, которое господствовало над всей долиной. Повсюду жизнь била через край; теперь боги получают дары, принесенные с радостью и от всего сердца; теперь поля обогатились для будущего посева риса; не будет недостатка кормов для коров и коз; колодцы наполнятся водой, и будут радостно справляться свадьбы. Земля стала красной, и все живое будет радоваться.

«Я хорошо знаю состояние своего ума, — сказал он. — Я окончил колледж и получил так называемое образование; довольно много читал. В политических взглядах я примыкал к крайне левым и достаточно хорошо знаком с их литературой. Но партия крайне левых приобрела черты организованной религии: это то, чем был католицизм и чем он продолжает оставаться, с его угрозами отлучения от церкви и лишения привилегий. Некоторое время я ревностно работал в области политики с надеждой на лучшее устройство мира, но я разгадал эту игру, хотя мог бы в ней идти впереди других. Уже давно я видел, что подлинное преобразование мира придет не через политику; политика и религия не смешиваются друг с другом. Я знаю, теперь мне остается сказать одно: необходимо ввести религию в политику. Но как только мы это сделаем, религия перестанет быть религией и потеряет свой смысл. Бог говорит с нами не на языке политики, а мы создаем собственного бога, пользуясь языком политики и экономики.

Но я пришел сюда не для того, чтобы говорить с вами о политике, и вы совершенно правы, когда отказываетесь вести дискуссии на эту тему. Я хотел бы обсудить вопрос, который действительно меня мучает. Прошлым вечером вы говорили о посредственности. Я внимательно слушал, но не мог уловить сущности вопроса, так как был чересчур взволнован; но пока вы вели беседу, само слово «посредственность» произвело на меня очень сильное впечатление. Я никогда не думал о себе как о посредственности. Этим словом я пользуюсь не в социальном смысле. Как вы и указывали, оно не относится к области классовых и экономических различий или к социальному происхождению человека».

— Конечно, это так. Посредственность лежит полностью за пределами поля совершенно произвольных социальных разграничений.

«Мне это понятно. Вы сказали также, если только я правильно запомнил, что лишь истинно религиозный человек является настоящим революционером и что такого человека нельзя считать посредственным. Я говорю о посредственности ума, а не о посредственности в смысле низко оплачиваемой работы или невысокого общественного положения. Люди, находящиеся на самых высоких и наиболее влиятельных постах, так же, как и те, кто работает в исключительно интересных областях, могут, тем не менее, быть посредственными. Я не занимаю высокого поста, и моя работа не относится к числу особо интересных, но я сознаю, каково состояние моего ума. Это чисто поверхностный ум. Хотя я изучал западную и восточную философию, а

также интересуюсь многим другим, мой ум остается самым обыкновенным. У него есть некоторые способности к последовательному мышлению, но, тем не менее, это посредственный и не творческий ум».

В чем же тогда ваша проблема, сэр?

«Прежде всего, мне по-настоящему очень стыдно находиться в таком состоянии, в каком я нахожусь, — стыдно за свою крайнюю тупость; я говорю это без тени сожаления о себе. Глубоко внутри я чувствую, что, несмотря на всю свою ученость, я — человек не творческий, в самом глубоком смысле этого слова. Должна быть возможность иметь этот дух творчества, о котором вы говорили на днях; но как к этому приступить? Может быть, этот вопрос слишком прямолинеен?»

— Давайте подойдем к проблеме совсем просто. Что делает посредственным наш ум-сердце? У вас могут быть энциклопедические знания, большие способности и так далее; но оставим в стороне все эти поверхностные приобретения и способности и зададим вопрос: что же делает ум так непостижимо тупым? Может ли вообще наш ум, когда бы то ни было, быть чем-то иным по сравнению с тем, чем он был всегда?

«Я начинаю понимать, что ум, каким бы он ни был одаренным, способным, может также быть тупым. Его нельзя превратить во что-то иное, ибо он всегда будет оставаться тем, что он есть. Он может быть весьма способным к рассуждениям, к фантазированию и составлению проектов, к вычислениям; но сколь бы ни было широко поле его деятельности, он всегда остается в пределах этого поля. Я уловил смысл вашего вопроса. Вы спрашиваете, может ли ум, который способен проявлять такие удивительные свойства, выйти за пределы самого себя, опираясь на собственную волю и упорство».

— Вот один из вопросов, возникающих в процессе нашего об суждения. Если несмотря на остроту, схватывание и способности, ум остается посредственным, может ли он, опираясь на свою волю, выйти когда-либо за пределы самого себя? Если вы только осуждаете посредственность со всеми ее чудачествами, то это никак не меняет самого факта. Но когда прекращается осуждение и все то, что из него вытекает, не появляется ли тогда возможность установить, что же именно вызывает состояние посредственности? Мы понимаем теперь значение этого слова, будем его придерживаться. Не является ли одним из факторов, обуславливающих посредственность, стремление достичь, получить результат, иметь успех? Когда мы стремимся овладеть творческим состоянием, не обнаруживаем ли мы снова поверхностный подход? Я есть *это*, а я хочу изменить его в *то*, поэтому задаю вопрос, как это сделать. Но если творческое состояние есть то, к чему вы стремитесь, результат, которого необходимо достичь, тогда ум низвел это состояние до уровня собственной обусловленности. Вот этот процесс ума мы должны понять, а не стараться превратить посредственность во что-то иное.

«Вы думаете, что любое усилие со стороны ума изменить то, что он есть, лишь ведет к продлению его самого, хотя бы и в другой форме, и что поэтому вообще не происходит никакого изменения?»

— Да, это так, не правда ли? Ум создал свое настоящее состояние путем собственных усилий, желаний и страхов, путем своих надежд, радостей и страданий. Любая попытка с его стороны изменить это состояние есть действие в том же самом направлении. Ограниченный ум, который стремится *не* быть ограниченным, остается, тем не менее, ограниченным. Наша проблема — это прекращение всяких усилий со стороны ума быть чем-то, в каком бы направлении ни шли эти усилия.

«Несомненно. Но не ведет ли это к отрицанию, к состоянию пустых, бессодержательных мыслей?»

— Если просто слушать слова, без того чтобы улавливать их значение, без того чтобы экспериментировать и переживать, то выводы не имеют никакой ценности.

«Значит, не следует стремиться к творческому состоянию. Оно не является предметом изучения, практики, его нельзя вызвать каким-либо действием, к нему не может быть применена никакая форма принуждения. Я понимаю истинность этого. Если только можно, я буду думать вслух и постараюсь постепенно, вместе с вами, осознать это. Мой ум, который устыдился своей посредственности, теперь сознает значение осуждения. Эта позиция осуждения вызвана желанием измениться; но само желание измениться является следствием ограниченности, так что ум все еще остается таким же, каким он был, и никакой перемены не произошло. До сих пор я все понял».

— Каково состояние ума, когда он не пытается изменить себя, стать чем-то?

«Тогда он принимает то, что он есть».

— Принятие подразумевает наличие какой-то сущности, которая принимает, не так ли? Но не является ли принятие тоже известной формой усилия, направленного к тому, чтобы приобрести и получить дальнейший опыт? Так конфликт двойственности продолжается, и перед нами снова все та же проблема, ибо именно конфликт рождает посредственность ума и сердца. Свобода от посредственности есть такое состояние, которое возникает, когда всякий конфликт прекратился; но принятие — это просто уступка. Может быть, для вас слово «принятие» («acceptance») имеет другое значение?

«Я могу понять, что подразумевает слово «принятие», после того как вы дали мне проникнуть в его значение. Но каково состояние ума, который больше уже не принимает и не осуждает?»

— Почему вы спрашиваете об этом, сэр? Ведь это как раз то, что надо открывать, а не просто объяснять.

«Я не ищу объяснений и не стремлюсь к спекулятивным рассуждениям; но мне хотелось бы знать, возможно ли, чтобы ум оставался тихим, без всякого движения, и даже не сознавал собственной тишины?»

— Сознать это — значит питать конфликт двойственности, не так ли?

ПОЗИТИВНОЕ И НЕГАТИВНОЕ УЧЕНИЕ

Тропа была неровной и пыльной, она вела вниз, к небольшому городу. Редкие деревья были еще рассыпаны по склону холма, но большая их часть была вырублена на дрова, и надо было подниматься довольно высоко, чтобы найти густую тень. Там, наверху, деревья не были искалечены людьми; они вырастали в полную высоту, с толстыми ветвями и нормальной листвой. Люди обычно срубали ветви, чтобы дать козам объесть с них листья, а потом превращали их в дрова. В нижней части склона лес сильно поредел, и людям надо было теперь подниматься выше, карабкаясь и неся разрушение. Дожди были не так обильны, как обычно; население возрастало, и людям надо было жить. Был голод, и люди относились к жизни так же безразлично, как и к смерти. Диких животных в окрестности не было, они ушли выше. В кустах оставались еще случайные птицы, но и у них был истощенный вид, а у некоторых — поломанные перья. Хрипло ворчала черно-белая сойка, перелетая с ветки на ветку одинокого дерева.

Становилось тепло; к полудню станет совсем жарко. В этих местах уже много лет было мало дождей. Земля высохла и растрескалась, а немногие деревья покрылись коричневой пылью, не было даже утренней росы. Солнце безжалостно жгло день за днем, месяц за месяцем, сезон дождей был под сомнением, и до него оставалось еще много времени. Несколько коз взбиралось на гору, за ними присматривал мальчик. Он удивился при виде путника, но не улыбнулся и угрюмо шел за козами. Это было уединенное место, здесь пребывала тишина приближающегося зноя.

Две женщины спускались по тропе с грузом сухих веток на головах. Одна была пожилая, другая совсем молодая. Их ноша казалась довольно тяжелой, это были длинные связки сухих веток, перевязанные зеленой виноградной лозой. Женщины подкладывали под свой груз куски свернутой ткани и уравнивали его на голове, слегка придерживая одной рукой. Свободно покачиваясь, легкой, бегущей походкой они спускались с холма. Ноги не были обуты, хотя дорога была каменистая; казалось, ноги сами находили место, куда ступить; женщины ни разу не глянули вниз — они держали голову прямо, глаза были налиты кровью и смотрели вдаль. Обе были очень худы; на теле выступали ребра. Волосы пожилой женщины были спутаны и грязны, а у молодой они, вероятно, были причесаны и смазаны, потому что выбивались чистые, блестящие пряди; но и она была обессилена и выглядела измученной. Должно быть, совсем недавно она еще играла и пела песни с другими детьми, но это уже прошло. Теперь сбор сухих веток на этих холмах — вот ее жизнь, и так до самой смерти, с передышками время от времени, связанными с рождением детей.

Вниз по тропе мы шли все вместе. Небольшой провинциальный город находился в нескольких милях отсюда; там они за гроши продадут свой груз, а завтра начнется то же самое. Изредка они переговаривались, а потом долгое время шли молча. Вдруг младшая сказала своей матери, что она голодна, и мать ответила, что они родились голодными, живут в голоде и умрут голодными, такова их доля. Это была констатация факта; в ее голосе не было ни укора, ни гнева, ни надежды. Мы продолжали спускаться по каменистой тропе. Не было наблюдающего, который бы слушал, испытывал сострадание, идя за ними. Исполненный любви и сострадания, он не был частью их, он *был* ими; он исчез, а они были. Они не были посторонними, чужими людьми, которых он встретил на холме, они были им; руки, которые поддерживали вязанки хвороста, были его руками; а пот, изнеможение, запах, голод — были не их, чтобы можно было их разделить и ими печалиться. Время и расстояние исчезли. Не было мыслей в наших головах, слишком усталых, чтобы думать; а если мы думали, то мысль была — продать дрова, поесть, отдохнуть и начинать снова. Только бы ноги не сбивать на каменистой тропе, и не жгло бы так

солнце. Нас было только двое, спускавшихся по знакомому холму, мимо родника, где мы, как обычно, пьем, и дальше, через сухое русло запомнившегося ручья.

«Я прочел некоторые из ваших бесед и присутствовал на них, — сказал он, — и по моему мнению, то, о чем вы говорите, является слишком негативным; вы не даете ни указаний, ни позитивных установок для жизни. Этот восточный подход к проблемам в высшей степени разрушителей; посмотрите, куда он привел Восток. Ваш негативный подход, а в особенности настойчивые утверждения о необходимости освобождения от всех мыслей, совсем не подходит для нас, жителей Запада, ибо мы деятельны и предприимчивы по своему темпераменту и в силу необходимости. То, чему вы учите, полностью противоречит нашему образу жизни».

— Позвольте обратить ваше внимание на то, что деление людей на западных и восточных является чисто географическим и произвольным, не так ли? Оно не имеет глубокого значения. Живем ли мы на Востоке или на Западе, имеем ли мы коричневую, черную, белую или желтую кожу, но все мы человеческие существа, которые страдают, надеются, испытывают страх, верят; радости и страдания существуют и здесь, и там. Мысль нельзя делить на западную и восточную, однако многие делают это, исходя из принятых условностей. Любовь не зависит от географических условий, она не считается священной на каком-либо одном континенте и не отвергается на другом. Разделение людей диктуется целями экономики и эксплуатации. Это не означает, что они не различаются по темпераменту и прочее; есть сходные черты, есть и различия. Все это вполне очевидно и в психологическом отношении бесспорно, не правда ли?

«Для вас это, может быть, и так, но наша культура, наш образ жизни полностью отличаются от восточного. Наше научное знание, медленно развиваясь со времен античной Греции, сейчас поистине необъятно. Восток и Запад развиваются по двум различным направлениям».

— Видя различия, мы должны в то же время осознавать и черты сходства. Внешнее выражение может отличаться и отличается, но, оставляя в стороне внешние формы и проявления, можно видеть, что стремления людей, их побуждения, желания и страхи — одни и те же. Не будем обманываться словами. И здесь, и там люди хотят мира и благополучия, они хотят найти нечто большее, чем материальное счастье. Цивилизации могут варьироваться в зависимости от климата, окружающей среды, пищи и т.д., но культура в основе своей во всем мире одна и та же: ее нормы — быть сострадательным, избегать зла, быть великодушным, прощать и прочее. Без этой фундаментальной культуры любая цивилизация, все равно — здесь или там, распадается или будет уничтожена. Так называемые отсталые народы могут приобрести знания, успешно усвоить «ноу-хау» Запада; они в равной степени могут стать поджигателями войны, генералами, юристами, полицейскими, тиранами, иметь концентрационные лагеря и все прочее. Но внутренняя культура — это совсем иное дело. Любовь к Богу и свобода человека — к этому подойти не так просто; но без этих факторов материальное благополучие не многого стоит.

«В этом вы правы, сэр. Но я хотел бы, чтобы вы высказали свое мнение по поводу моего утверждения, что ваши поучения имеют негативный характер. Мне хотелось бы это понять; не считайте меня резким, если я слишком прямо выражаю свои мысли».

— Что такое негативное, что такое позитивное? Большинство из нас привыкло к тому, чтобы нам говорили, что надо делать. Когда нам дают указания, а нам надо следовать им — это считается позитивным типом учения. Когда нас ведут, это считается позитивным, конструктивным, и для людей обусловленных утверждение, что следование есть зло, кажется негативным, деструктивным. Истина есть отрицание ложного, она не является его противоположностью. Истина в основе своей отлична от позитивного и негативного, и ум, который мыслит в терминах противоположностей, никогда не сможет ее осознать.

«Боюсь, что я не совсем понимаю все это. Не будете ли вы так добры разъяснить несколько

подробнее?»

— Видите ли, сэр, вы привыкли к авторитету и руководству. Стремление обрести руководство вытекает из желания находиться в безопасности, быть защищенным, а также из желания иметь успех. Это одно из наиболее глубоких наших стремлений, не правда ли?

«Думаю, что да; но без защиты, без обеспечения прочности жизни человек был бы...»

— Прошу вас, давайте продолжим исследование вопроса и не будем перескакивать к выводам. Стремясь быть защищенными, не только как индивидуумы, но и как группы, нации или расы, — не строим ли мы мир, в котором война, внутренняя и внешняя, присутствует как нечто неотъемлемое, присущее обществу и становится основным его содержанием?

«Да, я знаю; мой сын был убит во время войны по ту сторону океана».

— Мир — это состояние ума; это свобода от всякого желания быть защищенным. Ум-сердце, которое ищет безопасности, всегда должно быть в тени страха. Наше желание не ограничивается только материальной защищенностью, но в еще большей степени распространяется на внутреннюю, психологическую защищенность, и это желание быть внутренне защищенным благодаря добродетели, вере, принадлежности к нации, рождает готовность быть руководимыми, следовать образцу, преклоняться перед успехом, перед авторитетом лидеров, спасителей, учителей, гуру. Все это называется учением позитивного типа; а на самом деле, это бессмыслица и подражание.

«Я понимаю это. Но, может быть, возможно руководить или быть руководимым без того, чтобы возводить себя или кого-либо другого в ранг авторитета, спасителя?»

— Мы с вами стараемся понять стремление человека к тому, чтобы им руководили, не так ли? Что это за стремление? Не есть ли оно результат страха? Так как мы лишены безопасности и видим неустойчивость жизни отдельного человека, у нас возникает желание найти то, что обладает надежностью, постоянством; но само это желание рождено страхом. Вместо того, чтобы понять, что такое страх, мы убегаем от него, и само бегство уже есть страх. Мы убегаем в область известного; это известное может быть верованием, ритуалом, патриотизмом, утешительными словами религиозных учителей, увещаниями священников и так далее. Все это, в свою очередь, порождает конфликт между людьми, а неразрешенная проблема переходит из поколения в поколение. Если вы хотите разрешить проблему, вам надо исследовать ее и понять ее корни. Так называемый позитивный тип учения, предписания, о чем и как думать, которые дают религии, включая коммунизм, продлевают страх, и, таким образом, позитивный тип учения оказывается разрушительным.

«Мне кажется, я начинаю понимать ваш подход к проблеме, и надеюсь, что понимаю его правильно».

— Это не личный подход, основанный на мнении; к истине не может быть личного подхода, как и к исследованию научных фактов. Мысль о том, что существуют особые пути к истине, что истина имеет различные аспекты, нереальна. Это спекулятивная мысль нетерпимого человека, который старается быть терпимым.

«Я вижу, что надо быть весьма осторожным при выборе слов. Но мне хотелось бы, если можно, вернуться к тому, что я сказал раньше. Поскольку большинство из нас обучено думать или, как вы говорите, обучено тому, о чем следует думать, то не принесет ли нам еще большую путаницу ваша позиция, будто всякая мысль обусловлена и надо быть вне всякой мысли?»

— Для большинства людей мышление является чрезвычайно важным, но таково ли оно на самом деле? Мышление в определенной степени важно, но мысль не может найти то, что не является продуктом мысли. Мысль — это результат известного, поэтому она не в состоянии проникнуть в глубину неизвестного, непознаваемого. Разве мысль не есть желание, желание материальных благ или достижения наивысшей духовной цели? Мы говорим не о мысли

ученого, который занят лабораторными исследованиями, не о мысли погруженного в размышления математика и так далее, но о мысли, которая проявляется в нашей повседневной жизни, в наших повседневных контактах и реакциях. Чтобы выжить, мы вынуждены мыслить. Мышление — это процесс выживания, относится ли это к индивидууму или нации. Мышление, — а это есть желание, в его низшей или высшей форме, — всегда должно оставаться замкнутым в себе, обусловленным. Будем ли мы думать о вселенной, о своем соседе, о себе или о Боге, — наше мышление всегда ограничено, обусловлено, не так ли?

«В том смысле, в котором вы употребляете это слово «мышление», я думаю, это так. Но разве не знание помогает нам разрушить эту обусловленность?»

— Помогает ли? Мы накопили знания о столь многих аспектах жизни — медицина, война, право, наука — и существует, по край ней мере, несколько дисциплин, посвященных нам самим, нашему сознанию. Но освобождает ли нас этот необъятный массив информации от печали, войны, ненависти? Освободит ли нас большее знание? Можно знать, что война неизбежна до тех пор, пока индивидуум, группа или нация движимы честолюбием, стремятся к власти, и все же продолжать идти путем, который ведет к войне. Может ли центр, который питает антагонизм и ненависть, быть радикально трансформирован с помощью знания? Любовь — не противоположность ненависти; если с помощью знания ненависть преобразуется в любовь, это не будет любовью. Такое изменение, вызванное мыслью, волей, не есть любовь, это лишь удобная форма самозащиты.

«Простите, я не уловил, что вы сказали».

— Мысль — это ответ со стороны того, что было, это ответ памяти, верно? Память есть традиция, опыт, а ее реакция на любое новое переживание есть результат прошлого. Поэтому опыт всегда усиливает прошлое. Ум есть результат прошлого, времени; мысль представляет собой продукт многих вчерашних дней. Когда мысль старается изменить себя, пытаясь быть или не быть этим или тем, она просто продлевает себя под другим именем. Будучи продуктом известного, она никогда не может переживать неизвестное; будучи результатом времени, она никогда не может понять вневременное, вечное. Мысль должна прекратиться, чтобы проявилось реальное.

Понимаете ли, сэр, мы настолько боимся потерять то, что, как нам кажется, мы имеем, что никогда не проникаем в эти вещи очень глубоко. Мы смотрим на поверхностные слои самого себя и повторяем слова и фразы, которые имеют очень малое значение; из-за этого мы остаемся ограниченными и так же бездумно порождаем антагонизм, как бездумно рождаем своих детей.

«Как вы сказали, мы бездумны в нашем кажущемся глубокомыслии. Если позволите, я приду к вам еще раз».

Улицы были переполнены людьми, а магазины — товарами. Это была богатая часть города, но на улицах встречались и богатые, и бедные, рабочие и служащие. Там встречались мужчины и женщины со всех частей света, некоторые в своих национальных костюмах; но большинство было одето по европейскому образцу. Мчалось множество автомашин, новых и старых; в это весеннее утро роскошные машины сверкали хромом и лаком, а лица людей были радостные и улыбающиеся. В магазинах тоже было полно народу, но, кажется, очень немногие из людей видели голубое небо. Их внимание привлекали витрины магазинов, костюмы, обувь, новые автомашины и разнообразные продукты питания. Везде были голуби, они сновали тут и там, под ногами и среди бесконечного ряда автомашин. В одном из магазинов продавались все новейшие книги огромного числа авторов. Казалось, что никто никогда и ничем не озабочен; война шла где-то далеко, в другой части земного шара. В изобилии имелись и деньги, и пища, и работа; люди много покупали и много тратили. Улицы среди высоких зданий напоминали каньоны; деревьев нигде не было. Стоял шум; ощущалось странное беспокойство людей, у которых было все и в то же время не было ничего.

Среди роскошных магазинов стояла большая церковь, а против нее такой же большой банк; оба здания имели импозантный вид, оба, по-видимому, были необходимы. В просторном помещении храма священник в церковном облачении говорил проповедь о Том, Кто пострадал ради спасения людей. Люди преклонили колени в молитве; горели свечи, стояли статуи, струился ладан. Священник нараспев произносил священные слова и молящиеся ему вторили; наконец, они поднялись и вышли на залитые солнцем улицы и устремились по магазинам, полным всяких вещей. Теперь в церкви воцарилась тишина; осталось очень мало людей, и они были погружены в собственные мысли. Украшения, богато расцвеченные окна, кафедра проповедника и алтарь, свечи — там было все для того, чтобы успокоить ум человека.

Можно ли найти Бога в храме, или его следует искать в своем сердце? Желание получить утешение питает иллюзию; именно это желание создает церкви, храмы, мечети. Мы теряем себя в них или в иллюзии всемогущего Государства, а реальное проходит мимо нас. То, что не имеет значения, захватывает человека полностью. Истину нельзя найти с помощью ума; мысль не может ее домогаться. К ней нет пути, ее нельзя приобрести благодаря поклонению, молитвам или жертвам. Если мы жаждем комфорта, утешения, мы получаем их тем или иным путем; но вместе с ними придут новые муки и страдания. Желание комфорта, безопасности таит в себе силу создания любой иллюзорной формы. Лишь тогда, когда ум безмолвен, появляется возможность проявления реального.

Нас было несколько человек. Б. начал спрашивать о том, не является ли необходимым получать помощь для того, чтобы понять всю эту сложную проблему жизни. Разве не должен существовать руководитель, просветленный человек, который может указать нам правильный путь?

«Но ведь мы достаточно разбирали все это за последние годы, — сказал Л. — Я, например, не ищу ни гуру, ни учителя».

«Если вы действительно не ищете помощи, тогда для чего вы находитесь здесь? — настаивал Б. — Может быть, вы хотите сказать, что уже отбросили всякое желание иметь руководителя?»

«Нет, не думаю; и мне хотелось бы рассмотреть само стремление искать руководителя или помощь. Я не хочу теперь смотреть витрины и не бегаю в поисках учителей, древних и современных, как делал это раньше. Но, тем не менее, нуждаюсь в помощи, и мне хотелось бы

знать, почему это так. И наступит ли когда-нибудь время, когда я не буду более испытывать необходимость в помощи?»

«Лично я не был бы здесь, если бы мне нельзя было бы получить помощь от кого бы то ни было, — сказал М. — Уже в нескольких случаях мне ее оказали; именно поэтому я теперь и нахожусь здесь. Хотя вы, сэр, и указываете на зло, связанное со следованием за другими, но я получил помощь от вас и буду посещать ваши беседы и дискуссии, когда только это будет возможно».

— Разве мы хотим просто убедиться в том, что получаем помощь? Доктор, улыбка ребенка или проходящего мимо человека, наши отношения с близкими, лист, гонимый ветром, перемена климата, даже учитель, гуру — все это может дать помощь. Везде человека ожидает помощь, если только он будет внимателен. Но многие из нас равнодушны и не воспринимают того, что находится вокруг них, за исключением близкого им учителя или книги. Вот в этом наша проблема. Вы внимательно слушаете, когда я говорю, не правда ли? Но когда тоже самое говорит кто-то другой, может быть, совсем иными словами, вы становитесь глухими. Вы прислушиваетесь к тому, кого считаете авторитетом, но остаетесь безразличными, когда говорят другие.

«Тем не менее, я убедился, что то, о чем вы говорите, обычно имеет большое значение, — ответил М., — поэтому я слушаю вас внимательно. Когда же говорит другой человек, это очень часто оказывается банальным и скучным; или, может быть, я сам лишен остроты восприятия. Дело в том, что когда я слушаю вас, это мне помогает; так почему же мне не слушать? Если бы даже все утверждали, что я просто-напросто ваш последователь, я все равно буду приходить на ваши беседы при первой возможности».

— Почему мы готовы принять помощь, которая идет по одному направлению, и выключаем все другие направления? Сознательно или несознательно вы можете давать мне свою любовь, сострадание, вы можете помочь мне понять мои проблемы; но почему я настойчиво утверждаю, что вы — единственный источник помощи, единственный спаситель? Почему я создал из вас авторитет для себя? Я слушаю вас, внимательно слежу за тем, что вы говорите, но остаюсь безразличным или глухим к словам другого. Почему? Не в этом ли наша проблема?

«Но ведь вы не говорите, что мы не должны искать помощи, — сказал Л., — вы спрашиваете нас, почему мы отдаем предпочтение одному и делаем из него авторитет, не так ли?»

— Я поставил также вопрос, почему вы вообще ищете помощи. Когда человек ищет помощь, то что за стремление скрывается за его желанием? Если вы вполне сознательно, обдуманно начинаете искать помощи, чего вы жаждете — получить помощь или найти какой-то путь бегства от себя, найти утешение? Чего именно мы ищем?

«Существует много видов помощи, — сказал В. — Начиная с домашнего слуги и кончая знаменитым хирургом, от преподавателя высшей школы до крупнейшего ученого — все они оказывают тот или иной вид помощи. В любом цивилизованном обществе помощь необходима, — и не только обычная помощь, но и руководство со стороны, например, духовного учителя, который достиг просветления и помогает установлению порядка и мира среди людей».

— Пожалуйста, оставим в стороне общие фразы и рассмотрим, какое значение руководство и помощь имеют для каждого из нас. Не означает ли это, что мы ищем разрешения индивидуальных трудностей, страданий, печалей. Если вы — духовный учитель или врач, я прихожу к вам с тем, чтобы вы показали мне путь к счастливой жизни или вылечили от болезни. У просветленного человека мы ищем путей жизни, от ученого ждем знаний и информации. Мы хотим достижений, мы жаждем иметь успех, мы стремимся к счастью; поэтому ищем такой образец для жизни, который помог бы нам достичь желаемого, независимо от того, будет ли оно

относиться к духовным или самым обычным предметам. Перепробовав многое, мы начинаем думать об истине, как о высшей цели, о пределе мира и счастья, и мы стремимся к ней. Мы сосредоточенно ищем то, что стало предметом нашего желания. Но может ли желание проложить себе путь к реальному? Разве желание чего-либо, каким бы возвышенным оно ни было, не порождает иллюзию? И когда оно действует, разве оно не создает основу для подражания, страха, авторитета? Вот таков психологический процесс, происходящий в действительности, верно? Но разве это помощь? Не самообман ли это?

«Мне крайне трудно противостоять логике ваших слов! — воскликнул Б. — Я понимаю смысл и значение сказанного. Но я знаю, что вы мне помогли, разве я могу это отрицать?»

— Если кто-то вам помог, а вы создали из него авторитет, то не ставите ли вы предел для всякой другой помощи и не только вам, но и всем, кто находится вокруг вас? Разве помощь не присутствует повсюду около вас? Почему ожидать ее только в одном направлении? Если вы так сузили свое поле зрения, если вы так ограничены, тогда может ли вообще какая-либо помощь дойти до вас? Наоборот, если вы открыты, то по всем направлениям появляются бесконечно разнообразные формы помощи: от пения птицы до зова человека, от травинки до бесконечного неба. Вред и разложение начинаются тогда, когда вы смотрите на одно лицо, как на ваш авторитет, как на руководителя, спасителя. Разве это не так?

«Мне кажется, я понимаю то, о чем вы говорите, — сказал Л. — Но трудность моя заключается в следующем. В течение многих лет я шел за другими, искал руководства. Когда вы указываете, что означает следование за другими, то интеллектуально я с вами согласен, но какая-то часть внутри меня протестует. Как примирить это внутреннее противоречие и преодолеть внутреннюю склонность за кем-то следовать?»

— Два противоречащих друг другу желания или импульса объединить невозможно. Если при этом вы вводите третий элемент, — а им является желание объединить первые два, — то лишь усложняете проблему, но не разрешаете ее. Но когда вы полностью поймете значение искания помощи или следования авторитету, безразлично, будет ли это авторитет другого или ваша собственная, навязанная себе модель, — само понимание кладет конец всякому следованию.

МОЛЧАНИЕ УМА

За дальней дымкой находились белые пески и прохладное море, но здесь стояла невыносимая жара, даже в тени деревьев и в доме. Небо утратило синеву, а солнце как будто впитало в себя все частицы влаги. Ветер с моря прекратился; и горы, ясные и уединенные, отражали жгучие лучи солнца. Обычно неугомонный пес лежал, тяжело дыша, словно его сердце готово было разорваться от невообразимой жары. Стояли безоблачные летние дни, неделя за неделей, много месяцев подряд. Ближние холмы уже не имели того мягкого зеленого тона, который был у них после весенних дождей; выжженные солнцем, они стали теперь коричневыми. Земля сделалась сухой и твердой. Но эти холмы и сейчас были прекрасны, они сверкали на фоне зеленых дубовых деревьев и золотистых стогов сена, а над ними вздымались голые скалы горной цепи.

Тропа, которая вела через предгорья к высоким горам, была пыльная и крутая. Не было никаких ручьев, никакого шума текучих вод. И здесь стояла такая же сильная жара, но в тени отдельных деревьев, разбросанных вдоль высохшего русла реки, ее можно было переносить благодаря легкому бризу, который поднимался из долины в каньон. С этой высоты синева моря была видна на много миль. Было тихо; даже птицы затихли, а синяя сойка, которая только что шумела и с кем-то ссорилась, теперь успокоилась. Вниз по тропинке спускался коричневый олень, внимательный и настороженный; он направлялся к небольшому водоему, сохранившемуся среди высохшего русла потока. Олень бесшумно шел среди скал; его большие уши вздрагивали, а огромные глаза зорко следили за каждым движением в кустах. Он напился воды и был готов лечь в тени, недалеко от водоема, но, должно быть, почувствовал присутствие человека, которого ему не было видно, в беспокойстве спустился вниз и исчез. А как трудно было среди гор наблюдать за койотом, похожим на дикую собаку! Его окраска сливалась с цветом скал, и он старался быть незамеченным. Вам приходилось пристально смотреть на него, однако даже в этом случае он исчезал из виду, и было невозможно снова его увидеть. Хотя вы внимательно глядели, стараясь уловить признак его движений, ничего нельзя было обнаружить. Возможно, он скрылся около водоема. Не так давно в этих предгорьях произошел сильный пожар, и дикие звери ушли; но теперь некоторые из них вернулись. Вот через тропу прошла перепелка с только что вылупившимися цыплятами, их было более дюжины. Она нежно подбадривала их, ведя к густому кусту. Цыплята были похожи на круглые желтовато-серые шарики из мягких перьев. Это были новые пришельцы в наш мир, полный опасностей, жизнедеятельные и очаровательные. Укрывшись под кустом, некоторые из них забрались на спинку матери, но большая часть оставалась под ее охраняющим крылом, отдыхая от усилий при появлении на свет.

Что нас объединяет? Отнюдь не наши потребности, не торговля и крупная индустрия, не банки и церкви, — все это лишь идеи и результаты идей. Идеи не соединяют нас вместе. Мы можем объединяться из-за выгоды, необходимости, опасности, ненависти или поклонения, но эти причины и соображения никогда не удерживают нас вместе. Все они должны от нас отпасть, чтобы мы остались одни, сами с собой. В этом уединении присутствует любовь, и эта любовь есть то, что удерживает нас вместе.

Занятой ум никогда не бывает свободным умом, независимо от того, чем он занят, — вещами возвышенными или тривиальными.

Он приехал издалека. Когда-то он болел полиомиелитом, разновидностью паралича, но теперь мог ходить и вести машину.

«Подобно многим другим, особенно тем, кто находится в моем положении, я принадлежал к нескольким церквям и религиозным организациям, — сказал он, — однако ни одна из них

меня не удовлетворила. Но человек никогда не перестает искать. Мне кажется, я достаточно серьезен, но одна из моих личных трудностей состоит в том, что я завистлив. Большинство из нас движимы честолюбием, жадностью или завистью; это — постоянные враги человека; и, тем не менее, по-видимому, без них нельзя обойтись.

Я пытался разными способами сопротивляться зависти; однако, несмотря на все мои усилия, снова и снова оказывался в ее власти. Зависть подобна воде, просачивающейся через крышу; прежде чем я осознавал, где нахожусь, я обнаруживал, что завистлив еще более чем когда-либо раньше. Вероятно, вы уже десятки раз отвечали на такой вопрос, но если у вас хватит терпения, мне хотелось бы спросить, каким образом человек может вырваться из хаоса, порождаемого завистью?»

— Вы должны были увидеть, что одновременно с желанием не быть завистливым появляется конфликт противоположностей. Желание или воля не быть *этим*, а быть *тем*, порождает конфликт. Обычно мы рассматриваем этот конфликт как вполне естественный процесс жизни, но верно ли это? Непрестанная борьба между тем, что *есть*, и тем, что *должно* быть, считается обычно чем-то возвышенным, близким к идеалу, однако желание и попытка не быть завистливым — это, по существу, то же самое, что быть им, не так ли? Но если вы по-настоящему это понимаете, то нет борьбы противоположностей, и конфликт двойственности прекращается. То, что сказано, — не предмет для размышлений, когда вы вернетесь домой, — это факт, который вам необходимо осознать теперь же; именно его осознание является наиболее важным, а совсем не то, каким образом освободиться от зависти. Свобода от зависти приходит не через конфликт противоположностей, но одновременно с пониманием того, что *есть*. Такое понимание невозможно до тех пор, пока ум занят тем, чтобы изменить то, что *есть*.

«Но разве изменение не является необходимым?»

— Может ли акт воли вызвать изменение? Не является ли воля концентрированным желанием? Породив зависть, наше желание теперь ищет состояния, в котором нет зависти. Но и то, и другое состояние — продукт желания. Желание не может вызвать коренное изменение.

«А что же может его вызвать?»

— Понимание истинности того, что *есть*. До тех пор, пока ум или желание стремится изменить себя, из *этого* сделать *то*, любое изменение остается поверхностным и тривиальным. Необходимо почувствовать и понять значение этого во всей полноте. Только тогда может произойти коренное изменение. Но пока ум сравнивает, судит и ищет результата, изменение невозможно; происходит лишь серия бесконечных столкновений, т.е. то, что мы называем жизнью.

«То, что вы говорите, представляется таким истинным. Однако, даже слушая вас, я вижу, насколько я захвачен стремлением измениться, достичь цели, получить результат».

— Чем больше вы боретесь с той или иной привычкой, как бы глубоки ни были ее корни, тем большую силу вы ей придаете. Только осознание привычки, без выбора и культивирования другой привычки, кладет ей конец.

«Итак, я должен оставаться безмолвным с тем, что *есть*, не принимая и не отвергая своей привычки. Это задача огромной трудности, но я понимаю, что это единственный путь, если нужна свобода.

Можно теперь перейти к другому вопросу? Не воздействует ли тело на ум, а ум на тело? Я это особенно заметил в связи с моим заболеванием. Мои мысли заняты, с одной стороны, воспоминаниями о том, каким я был, — здоровым, сильным, быстрым в движениях, а с другой стороны, тем, каким я надеюсь быть, исходя из своего нынешнего состояния. Мне кажется, я не могу его принять! Что же мне делать?»

— Постоянное сравнение настоящего с прошлым и будущим приносит страдания и

изнашивает ум, не так ли? Оно лишает вас возможности рассмотреть факт вашего теперешнего состояния. Прошлое никогда не может вернуться, а предсказать будущее для вас невозможно; поэтому вам остается иметь дело только с настоящим. Но рассматривать адекватно настоящее можно только тогда, когда ум свободен от бремени прошлых воспоминаний и будущих надежд. Когда ум внимательно воспринимает настоящее, не делая сравнений с прошлым и будущим, тогда создаются условия для того, чтобы проявилось нечто иное.

«Что вы подразумеваете под словами «нечто иное»?»

— Когда ум поглощен своими страданиями, надеждами и страхами, не остается места для свободы. Замкнутый в себе процесс мысли лишь еще больше калечит ум, поэтому порочный круг продолжается. Чрезмерная озабоченность делает ум тривиальным, ограниченным, неглубоким. Ум, поглощенный мыслями, — это не свободный ум, а постоянная мысль о свободе лишь питает его ограниченность. Ум остается ограниченным, когда он наполнен мыслями о Боге, о государстве, о добродетели или о собственном теле. Ваши мысли и беспокойство о теле мешают вам адаптироваться к настоящему, приобрести необходимые силы и подвижность, как бы они ни были ограничены. «Я» с его заботами порождает собственные страдания и проблемы, которые воздействуют на тело; а постоянные мысли о физических недугах создают для тела еще большие затруднения. Это не означает, что надо пренебрегать здоровьем, но чрезмерная забота о здоровье, подобно поглощенности ума идеями или поисками истины, лишь укрепляет ум в его ограниченности. Существует большая разница между умом, погруженным в идеи, и активным умом. Активный ум безмолвен, бдителен, он не производит выбора.

«Моему сознанию принять все это довольно трудно, но, возможно, мой подсознательный ум воспримет то, что вы говорите; по крайней мере, я надеюсь на это.

Мне хотелось бы задать еще один вопрос. Понимаете ли, сэр, у меня бывают моменты, когда мой ум безмолвен, но эти моменты очень редки. Я размышлял о проблемах медитации и читал некоторые беседы, в которых вы об этом говорите; но в течение долгого времени тело занимало главное место. Теперь, когда я более или менее приучил себя к своему физическому состоянию, я чувствую, что очень важно развивать состояние тишины. Как лучше поступать в данном случае?»

— Можно ли культивировать состояние тишины, систематически его поддерживать и укреплять? И кто его культивирует? Отличается ли он от всей целостности вашего бытия? Существует ли тишина, спокойный ум, когда одно желание доминирует над всеми другими или когда оно с ними борется? Существует ли тишина, когда ум дисциплинирован, приспособлен к определенному образцу, подвергается контролю? Не предполагает ли все это цензора, так называемое высшее «Я», которое контролирует, судит, выбирает. А есть ли такая сущность? Если она существует, то не является ли она сама продуктом мысли? Мысль, разделяющая себя на высшее и низшее, на постоянное и преходящее, есть все еще следствие прошлого, традиции, времени. В подобном разделении лежит ее собственная безопасность. Ваша мысль или желание в данный момент ищет безопасности в безмолвии; вот почему она спрашивает о методе или системе, которые предложат ей то, что она хочет. Вместо обыденных вещей она ищет теперь блаженства безмолвия, а поэтому продолжает конфликт между тем, что *есть*, и тем, что *должно* быть. Не существует безмолвия там, где есть конфликт, подавление, сопротивление.

«Разве мы не должны стремиться к безмолвию?»

— Не может быть никакого безмолвия до тех пор, пока существует тот, кто его ищет. Безмолвие спокойного ума есть только тогда, когда нет ищущего, когда нет никакого желания. Поставьте перед собой такой вопрос, не отвечая на него: может ли все ваше существо полностью быть безмолвным? Может ли ваш ум в целом, сознательный, как и подсознательный, быть спокоен?

ДОВОЛЬСТВО

Самолет был переполнен. Он летел над Атлантическим океаном на высоте двадцати с лишним тысяч футов. Внизу простирался толстый ковер из облаков. Небо было ярко-синее, солнце оставалось позади нас, а мы летели прямо на запад. Дети долго бегали взад и вперед вдоль прохода, а теперь, усталые, заснули в креслах. После долгой ночи пассажиры пробудились и начали курить и пить. Человек, сидевший против нас, рассказывал о своих делах, а женщина сзади нас весьма довольным голосом описывала приобретенные ею вещи и прикидывала сумму пошлины, которую ей придется уплатить. Самолет шел ровно, без рывков, хотя ниже нас дули сильные ветры. Крылья самолета блестели в ярких лучах солнца, а винты плавно вращались, с фантастической скоростью врезаясь в воздух; ветер был попутный, и мы делали более трехсот миль в час.

Двое мужчин, сидевших напротив нас, разговаривали довольно громко; трудно было не слышать то, о чем они говорили. Оба были большого роста, а у одного из них было красное обветренное лицо. Он рассказывал о технике ловли китов, об опасностях работы, о выгоде этого промысла, о страшных морских бурях. Некоторые киты весили сотни тонн. Самок с детенышами нельзя ловить. В определенные периоды нельзя было убивать китов более определенного количества. Ловля и бой этих гигантов были разработаны вполне научно, каждая группа людей в команде имела определенные обязанности, к выполнению которых ее заранее готовили. Специфический запах плавучей китобойной базы едва можно было переносить. Но люди привыкли к нему, как вообще можно привыкнуть ко всему. Если дело шло благополучно, ловля приносила уйму денег. Он перешел к рассказу о странном очаровании убийства, но в этот момент принесли напитки, и разговор изменился.

Людам доставляет удовольствие убивать — и друг друга, и безобидного оленя с ясными глазами в глухом лесу, и тигра, который охотится за домашним скотом. Встретив на дороге змею, мы обязательно переедем через нее; мы устанавливаем капканы и ловим волков и койотов. Хорошо одетые люди с веселым видом берут с собой дорогие ружья и отправляются убивать птиц, которые только что перекликались друг с другом. Мальчик из пневматического ружья убивает трепещущую сойку, а взрослые, стоящие около него, никогда не выскажут ни слова сострадания и не будут его бранить; напротив, они скажут, какой он хороший стрелок. Убийство ради так называемого спорта, для добывания пищи, убийство во имя своей страны, во имя мира — все это мало чем отличается одно от другого. Оправдание — это не ответ. Существует лишь одно: не убивай. На Западе мы думаем, что животные существуют ради нашего желудка, ради удовольствия их убивать или ради их меха. На Востоке в течение столетий родители учили детей, постоянно повторяя им: не убивай, будь сострадателен, имей жалость. Здесь, на Западе, считается, что у животных нет души, поэтому их можно безнаказанно убивать. На Востоке животное обладает душой, поэтому имей это в виду, и пусть сердце твое знает, что такое любовь. На Западе считается нормальным, естественным поедать животных и птиц, это санкционировано церковью и религией. Там, на Востоке, этого нет; там мыслящий или религиозно настроенный человек в соответствии с традицией и культурными нормами никогда не станет есть мясо. Но и это так же быстро исчезает. Здесь мы всегда убивали во имя Бога и своей страны, а в настоящее время это распространено по всему свету. Убийство распространяется везде; почти на глазах старинные культурные нормы отбрасываются в сторону, и вместо них заботливо воспитываются такие качества, как деловой расчет, безжалостность, а средства уничтожения становятся все более мощными.

Мир не зависит от политического деятеля или священнослужителя, как не зависит он и от

юриста или полисмена. Мир — это состояние ума, когда существует любовь.

Он владел небольшим предприятием, боролся с трудностями, но ему удавалось сводить концы с концами.

«Я пришел не для того, чтобы говорить о делах, — сказал он, — они дают мне необходимое, а так как потребности мои невелики, то я могу существовать. Я не принадлежу к чрезмерным честолюбцам и не участвую в игре, где люди поедают друг друга. Однажды, проезжая мимо, я увидел в тени деревьев толпу людей и остановился, чтобы послушать вас. Это было года два тому назад; то, о чем вы говорили, как-то взволновало меня. Я не слишком хорошо образован, но теперь я прочел ваши беседы и вот приехал к вам. Обычно я был доволен своей жизнью, своими мыслями и теми немногими верованиями, которые легко укладывались в моем уме. Но, начиная с того воскресного утра, когда я на своей машине попал в эту долину и случайно подошел послушать вас, я ощутил недовольство. Это не была неудовлетворенность работой, но какое-то внутреннее недовольство охватило все мое существо. Я всегда чувствовал жалость к людям, которые не были довольны жизнью. Они были так несчастны, их ничто не удовлетворяло, — и вот теперь я сам присоединился к их числу. Раньше я был доволен своей жизнью, друзьями, тем, что я делаю; но теперь я испытываю глубокое недовольство и чувствую себя несчастным».

— Позвольте спросить, что вы понимаете под словом «недовольство»?

«Вплоть до того воскресного утра, когда я услышал вас, я был вполне удовлетворен всем и, как мне кажется, несколько равнодушен к другим. Теперь я вижу, насколько я был глуп; сейчас я стараюсь быть более разумным и внимательным ко всему, что меня окружает. Мне хотелось бы дойти до какой-то точки, куда-то добраться, и это желание, вполне естественное, вызывает чувство недовольства. Раньше я находился, так сказать, в полусне, но теперь я пробуждаюсь от спячки».

— Пробуждаетесь ли вы? Может быть, благодаря желанию стать чем-то иным, вы стараетесь прийти снова в сонное состояние? Вы говорите, что раньше находились в полусне, но в настоящее время пробудились. Однако ваше пробуждение приносит вам ощущение недовольства, и это вам не нравится, доставляет вам страдания. Для того чтобы уйти от страданий, вы пытаетесь стать чем-то, следовать за идеалом и т.д. Подобное подражание другому отбрасывает вас назад в полусонное состояние, не правда ли?

«Но я не хочу возвращаться к прежнему состоянию, и мне хотелось бы оставаться пробужденным».

— Не странно ли, как ум обманывает самого себя? Уму не нравится находиться в смятении, он не любит, когда ему приходится отрывать от старых образцов, от удобных привычек думать и действовать. Будучи потревоженным, он ищет пути и средства установить новые границы и выгоны, где он мог бы безопасно пастись. Именно подобной зоны безопасности ищет большинство из нас, а желание быть в безопасности, уцелеть повергает нас в сон. Внешние обстоятельства, слово, жест, какое-нибудь переживание могут пробудить нас, взбудоражить, но мы хотим уснуть снова. С большинством из нас это происходит постоянно, но это не является состоянием пробуждения. То, что нам необходимо понять, — это пути, способы, которыми ум погружается в сон. Верно?

«Но должно быть великое множество путей, которыми ум погружается в сон. Возможно ли все их познать и обойти?»

— На некоторые из них можно было бы указать; но это не разрешило бы нашей проблемы, не правда ли?

«Но почему же?»

— Если мы лишь изучаем пути, на которых ум приходит в сонное состояние, тогда оказывается, что мы снова ищем средства, возможно, несколько иные, чтобы остаться не

потревоженным и быть в безопасности. Важно удерживать бодрственное состояние, а не спрашивать, как удерживать себя бодрствующим; следование за вопросом «как» есть желание быть защищенным.

«Но что же тогда делать?»

— Оставайтесь с вашим недовольством, без желания его успокоить. Должно быть понято это желание быть не потревоженным. Это желание, которое принимает многочисленные формы, есть стремление уйти от того, что *есть*. Когда это стремление отпадает, — но естественно, без какой бы то ни было формы принуждения, как сознательной, так и бессознательной — лишь тогда боль недовольства исчезает. Сравнение того, что *есть*, с тем, что *должно* быть, приносит страдание. Прекращение сравнения не является состоянием довольства; это состояние полного пробуждения при отсутствии деятельности «я».

«Все это, пожалуй, для меня ново. Мне кажется, что вы придаете словам совсем иное значение, но общение возможно только тогда, когда мы оба придаем одинаковое значение одному и тому же слову в одно и то же время».

— Общение есть взаимоотношение, не так ли?

«Вы делаете скачок к более широким значениям, чем я теперь способен уловить. Мне необходимо вникнуть во все это более глубоко, и тогда, может быть, я пойму».

Дорога изгибалась вверх и вниз по невысоким холмам, миля за милей, бесконечное число раз. Жгучие лучи полуденного солнца падали на золотые холмы, а под одинокими деревьями, расположенными далеко друг от друга, легли глубокие тени. На мили вокруг не было никакого жилья. Отдельные группы домашнего скота паслись здесь и там; очень редко по гладкому, хорошо содержащемуся шоссе проезжала встречная машина. Небо было глубокой синевы на северной стороне и ослепительно яркое на западе. Вся местность была как-то необыкновенно полна жизни, хотя земля была бесплодной и находилась далеко от людских радостей и горестей. Не видно было птиц, не было и диких животных, если не считать нескольких сусликов, которые быстро промчались через шоссе. Воды не было, разве только в одном или двух местах, где находилось стадо. Когда пройдут дожди, горы станут зелеными, мягкими и приветливыми, но сейчас они оставались суровыми и строгими, излучая красоту великой тишины.

Был удивительный вечер, наполненный в себе и насыщенный силой; но пока покачивало по холмам, время неожиданно прекратилось. Дорожный знак указывал, что от главного шоссе, которое шло на север, было восемнадцать миль; потребовалось бы около получаса, чтобы до него доехать, т.е. необходимо было и время и пространство. Однако как раз в тот момент, когда глаза увидели этот знак, находившийся около дороги, время и пространство исчезли. Вокруг были и синее небо, и золотые холмы, обширные и вечные, но они составляли часть этого вневременного бытия. Глаза и ум внимательно следили за дорогой; темные, одинокие деревья стояли живые и исполненные силы; на холмах выделялась каждая отдельная травинка скошенного сена, простая и ясная. Свет позднего вечера тихо окутывал деревья и холмы. Единственным признаком движения была мчавшаяся машина. Тишина, пронизывавшая промежутки между словами, была частью этого неизмеримого безмолвия. Вскоре шоссе кончится и сольется с другим, а последнее тоже где-то имеет конец; настанет время, когда эти безмолвные темные деревья засохнут, свалятся, а их прах будет развеян и исчезнет. Когда придут дожди, появится нежная зеленая трава, но и она вскоре завянет.

Жизнь и смерть неотделимы; их отдельность влечет за собой вечный страх. В отдельности берет начало время; страх конца рождает муку начала. В это колесо захвачен наш ум, который тклет пряжу времени. Мысль есть процесс и результат времени; вот почему мысль не может культивировать любовь.

Это был довольно известный актер, создавший себе имя; но он был еще достаточно молод, чтобы вопрошать и страдать.

«Почему люди играют на сцене? — спросил он. — Для некоторых сцена — это лишь средство существования, для других она создает возможность осуществить погоню за славой, а для третьих, играющих различные роли, она является великим стимулятором. Театр предлагает также чудесный способ уйти от реальных событий жизни. Я играю на сцене, исходя из всех этих соображений, а кроме того, может быть, и потому — говорю об этом с некоторой нерешительностью, — что надеюсь благодаря театру принести какую-то пользу».

— Не усиливает ли игра на сцене наше «я», эго? Мы принимаем позы, надеваем маску, и постепенно эти позы, эти маски становятся повседневной привычкой, за которой прячутся наши собственные противоречия, зависть, ненависть и так далее. Идеал — это тоже некая поза, маска, покрывающая факт, то, что происходит в действительности. Можно ли делать добро, играя на сцене?

«А вы хотите сказать, что нельзя?»

— Нет, я только спрашиваю, это не окончательное суждение. Когда автор пишет пьесу, у

него имеются определенные идеи и задачи, которые он стремится распространить. Актер — это посредник, это маска; вот таким путем зрителя учат или воспитывают. Приносит ли добро подобное воспитание? Может быть, это лишь способ подвести ум к образцу, придуманному автором, будет ли этот образец хорош или плох, умен или глуп?

«Боже мой, я никогда об этом не думал. Видите ли, я могу стать актером, который пользуется большим успехом; но прежде чем целиком отдаться этому делу, я задаю себе вопрос, должен ли я сделать игру на сцене моим жизненным путем. Ей свойственно удивительное очарование, иногда весьма разрушительное, а иногда чрезвычайно приятное. Зритель может принимать игру на сцене вполне серьезно, но, сама по себе, она не очень серьезна. Так как сам я более склонен к серьезному, то мне хотелось бы знать, должен ли я сделать игру на сцене своей карьерой. Внутри меня сидит нечто, протестующее против нелепой поверхностности этого занятия, но, тем не менее, я чувствую огромное влечение к театру. Вот почему я нахожусь, мягко выражаясь, в некотором расстройстве. Все, о чем я говорю, имеет вполне серьезный характер».

— Разве кто-нибудь другой может решить, каким должен быть ваш жизненный путь?

«Нет, конечно, но в процессе обсуждения вопроса с другим проблема иногда становится ясной».

— Позвольте указать вам на то, что любая деятельность, которая делает упор на «я», эго, является разрушительной и несет скорбь. Это основное положение, не правда ли? Вы только что говорили, что хотите делать добро; но, конечно, делать добро невозможно, если вы, сознательно или подсознательно, питаете «я» и поддерживаете его благодаря той или иной карьере или деятельности.

«Разве любая форма деятельности не основана на выживании «я»?»

— Возможно, дело не всегда обстоит так. Внешне может казаться, что действие носит характер самозащиты, но внутренне оно может быть совсем иным. То, что говорят или думают другие по этому поводу, не имеет большого значения; но самого себя обманывать нельзя. А самообман в психологических вопросах появляется очень легко.

«Мне кажется, что если я в действительности заинтересован в отказе от своего «я», то мне следовало бы удалиться в монастырь или вести жизнь отшельника».

— Разве для отказа от личности «я» необходима жизнь отшельника? Видите ли, у нас создалась известная идея безличной жизни, и вот эта идея мешает нам понять жизнь, в которой нет «я». Сама эта концепция выражает иную форму «я». Разве нельзя, не удаляясь в монастырь и так далее, быть пассивно бдительным по отношению к проявлениям своего «я»? Это осознание может вызвать совсем другие действия, которые не причинят ни печали, ни страданий.

«Следовательно, существуют некоторые профессии, которые, несомненно, губительны для здоровой жизни, и я включаю свою профессию в их число. Я еще совсем молод. Я могу уйти из театра. А после того, как я более глубоко подошел к моей проблеме, я почти уверен, что так и поступлю. Но в таком случае, что же мне надо делать? У меня есть некоторые таланты, которые можно было бы развить и обратить на пользу».

— Талант может стать и проклятием. «Я» может использовать талант и укрепиться в своих способностях, и тогда талант становится путем к прославлению «я». Одаренный человек, зная об опасностях, может принести свои дары Богу; но ведь он сознает свою одаренность, иначе он и не предлагал бы своих даров. Вот это сознание того, что ты есть, и того, что ты имеешь, и необходимо понять. Если вы приносите в жертву то, что вы есть, или то, что вы имеете, если это производится с целью проявить смирение, — то это просто тщеславие.

«Я начинаю улавливать проблеск того, о чем вы говорите, но все это еще довольно сложно».

— Возможно. Важно то, чтобы у вас было не сопровождаемое выбором осознание всех проявлений «я», как явных, так и более тонких.

Солнце село за горами, а на скалах еще был виден розовый отблеск заката. Тропа вела вниз, извиваясь по зеленой долине. Стоял тихий вечер, легкий ветерок шелестел листьями. Высоко над горизонтом показалась вечерняя звезда, и сразу стало темно, так как луны еще не было. Деревья, совсем недавно такие открытые и приветливые, теперь замкнулись в себе от темноты ночи. Среди холмов было прохладно и тихо; но вот небо наполнилось звездами, а горы приняли ясные очертания. Особый аромат, свойственный ночи, наполнил воздух; где-то вдали залаяла собака. Было совсем тихо, и это безмолвие, казалось, проникает внутрь скал, в деревья, во все, что окружало идущего; даже шаги его по каменной тропе не нарушали тишины.

Ум также был предельно тих. Медитация, в конце концов, — не средство получить какой-то результат, вызвать состояние, которое или было уже раньше, или могло быть в будущем. Если медитация совершается намеренно, тогда можно, конечно, получить желаемый результат; но это уже не медитация, — это осуществление желания. Желание никогда не бывает полностью удовлетворено; ему нет конца. Понимание желания, когда нет стремления его остановить или, наоборот, продолжить, — вот начало и конец медитации. Но есть еще нечто за пределами этого. Удивительно, как настойчив медитирующий: он ищет продления, он становится наблюдающим, ищущим, запоминающим механизм, тем, кто дает оценку, накапливает, отбрасывает. Когда медитация исходит от медитирующего, тогда она лишь укрепляет того, кто медитирует, того, кто переживает. Тишина ума — это отсутствие того, кто переживает, кто наблюдает, кто сознает, что он безмолвен. Когда ум безмолвен, приходит пробужденное состояние. Вы можете порой в бодрственном состоянии воспринимать многое, вы можете испытывать, искать, вопрошать; но все это — проявление желания, воли; это формы различения и приобретения. То, что всегда находится в пробужденном состоянии, — это не желание, не результат желания. Желание питает конфликт двойственности, а конфликт — это тьма.

Богатая и с большими связями, она теперь искала духовного. Она была у католических наставников, у индийских учителей, изучала суфизм и немного познакомилась с буддизмом.

«Конечно, — добавила она, — я интересовалась и оккультизмом, а теперь пришла сюда поучиться у вас».

— Разве мудрость состоит в том, чтобы собрать побольше знаний? Позвольте спросить, чего вы ищете?

«В разные периоды жизни я стремилась к разным вещам и то, что искала, как правило, находила. У меня большой опыт и богатая и разнообразная жизнь. Я много читала по различным вопросам, была у одного из знаменитых специалистов по психоанализу, но поиски мои все еще продолжаются».

— Для чего вы все это делаете? Для чего эти поиски, будут ли они поверхностные или глубокие?

«Какой странный вопрос вы задаете. Если бы человек не искал, он прозябал бы; если бы он постоянно не учился, жизнь не имела бы для него смысла и тогда можно было бы с полным успехом умереть».

— А что вы изучаете? Что именно вы стремитесь найти и собрать в книгах, которые написаны другими о структуре общества и поведении людей, в анализе социальных и культурных различий, в изучении людей, в изучении той или иной отрасли науки или философской школы?

«Я чувствую, что если человек будет иметь достаточно знаний, это избавит его от борьбы и страданий; поэтому я собирала знания».

— Разве понимание приходит с помощью знаний? Не стоит ли знание, напротив, на пути творческого понимания? Мы, по-видимому, думаем, что накапливая факты и информацию, приобретая энциклопедические познания, мы освободимся от оков. Это совсем не так. Антагонизм, ненависть и война не прекратились, хотя все мы знаем, какие разрушения и опустошения они приносят. Знания отнюдь не устраняют все эти вещи; наоборот, они могут их стимулировать и поощрять. Поэтому не является ли важным выяснить, почему мы накапливаем знания?

«Я беседовала со многими педагогами. Они думают, что если распространить знания достаточно широко, они развеют ненависть человека к человеку и предотвратят полное разрушение мира. Я полагаю, что именно это является предметом внимания у большинства серьезных педагогов».

— Хотя мы располагаем в настоящее время весьма большими знаниями в разных областях, это не устранило жестокого обращения друг с другом, даже среди людей одной и той же группы, нации или религии. Возможно, что именно знание делает нас слепыми по отношению к другому фактору, который и приносит подлинное разрешение всех этих страданий, всего хаоса.

«А что это такое?»

— В каком смысле вы задаете этот вопрос? Можно было бы дать словесный ответ, но он лишь добавил бы несколько новых слов уже перегруженному уму. Для большинства людей знание — это накопление суммы слов или способов укрепить собственные предрассудки и верования. Слова, мысли — это сооружение, в котором пребывает идея о «я». Эта идея может расширяться или сокращаться благодаря опыту и знаниям, но основное ядро «я» сохраняется; знание и изучение никогда не в состоянии его устранить. Революция означает добровольное устранение этого ядра, этой идеи, в то время как действие, рожденное знанием, увековечивающим «я», может лишь повести к еще большим страданиям и разрушениям.

«Вы сказали, что возможен другой фактор, который и является истинным разрешением всех наших страданий. Со всей серьезностью я спрашиваю вас, что это за фактор. Если такой фактор существует, если человек может узнать его и в соответствии с ним построить свою жизнь, тогда ведь может возникнуть совсем другая культура».

— Мысль никогда не сможет его найти, ум никогда его не обнаружит. Вы хотите его узнать и строить вокруг него свою жизнь? Но ваше «я» с его знанием, с его страхами, надеждами, разочарованиями и иллюзиями никогда не сможет его открыть. А без этого открытия дальнейшее приобретение знаний, новые исследования создадут лишь новый барьер на пути к этому состоянию.

«Если вы не хотите руководить мною на этом пути, тогда я должна буду найти этот фактор сама. Но вы ведь указывали, что искания должны прекратиться».

— Если бы мы имели дело с руководством, тогда не было бы никакого открытия. Для открытия должна быть свобода, а не руководство. Открытие — это не награда.

«Боюсь, что я не понимаю сказанного».

— Вы ищете руководства для того, чтобы найти. Но если кто-то руководит вами, вы уже не свободны, вы сделали рабой того, кто знает. Тот, кто утверждает, что он знает, — раб своего знания; он также должен быть свободным, чтобы найти. Искание происходит в каждый данный момент, поэтому знание становится помехой.

«Не могли бы вы разъяснить это более подробно?»

— Знание всегда принадлежит прошлому. Все, что вы знаете, является уже прошлым, не так ли? Вы не знаете настоящего или будущего. Путь знания — это укрепление прошлого. То, что вы пытаетесь раскрыть, — это совершенно новое, а ваше знание, которое есть накопленное прошлое, не в состоянии объять всей глубины нового, неведомого.

«Вы хотите сказать, что человек должен освободиться от всякого знания, если он хочет найти Бога, любовь и т.д.?»

— «Я» — это прошлое, это страсть к накоплению вещей, добродетелей, идей. Мысль — результат этой обусловленности вчерашним днем; вы пытаетесь с помощью этого инструмента открыть непознаваемое. Это невозможно. Знание должно отступить, чтобы появилось иное.

«Но как устранить из ума знание?»

— Не существует «как». Практика любого метода лишь еще более обуславливает ум, потому что она ведет к результату. Вы получаете результат, но не ум, свободный от знания, от «я». Не существует никакого пути, но только пассивное осознание истины в отношении знания.

УБЕЖДЕНИЯ. СНЫ

Как прекрасна земля, с ее пустынями и плодородными полями, с лесами, реками и горами, с ее несказанно красивыми птицами, животными и людьми! Существуют селения, запущенные и полные болезней, где не было дождей в течение многих сезонов; там пересохли колодцы, домашние животные превратились в кожу и кости, поля потрескались, арахис засох. Там не сажают сахарный тростник; уже несколько лет пересохшее русло зияет вместо реки. Люди нищенствуют, воруют, голодают и умирают в ожидании дождей. Существуют и богатые города с чистыми улицами и сверкающими новыми автомобилями, с умытыми и хорошо одетыми людьми; бесчисленные магазины наполнены товарами; там есть библиотеки, университеты; есть там и кварталы нищеты. Земля прекрасна; она священна и вокруг храмов, и в бесплодной пустыне.

Вообразить — это одно, а воспринимать то, что *есть*, — совсем другое; и то, и другое связывает. Воспринимать то, что *есть*, — легко, но трудно быть свободным от воспринимаемого, так как наше восприятие окутано суждением, сравнением, желанием. Воспринимать без вмешательства цензора трудно. Воображение строит образ себя, и мысль тогда движется в тени этого образа. Идея «я» вырастает в конфликт между тем, что *есть*, и тем, что *должно* быть, в конфликт двойственности. Восприятие факта и идея о факте — это два в основе своей различных состояния, и только ум, который не связан мнением, сравнительными оценками, способен воспринимать точно, адекватно.

Она проехала большое расстояние поездом и автобусом, а последнюю часть пути прошла пешком; день был прохладный, поэтому восхождение на гору оказалось для нее не слишком трудным.

«Надо мной нависла проблема, о которой мне хотелось бы поговорить, — сказала она. — Что делать, когда двое любящих друг друга людей остаются непреклонными в своих диаметрально противоположных убеждениях. Должен ли один из них уступить? Может ли любовь перекинуть мост через эту несущую гибель пропасть, которая отделяет их друг от друга?»

— Если бы была любовь, разве могли бы оставаться те непреклонные убеждения, которые разделяют и ослепляют?

«Возможно, это именно так. Но сейчас обстоятельства перешли за пределы любви; убеждения сделались жесткими, грубыми, не уступчивыми. Хотя один из двух мог бы быть более гибким, но если другой не может, дело доходит до взрыва. Можно ли сделать что-нибудь, чтобы его избежать? Один из двух может пойти на уступки, смягчить положение, но если другой совершенно непримирим, тогда жизнь с ним становится абсолютно невозможной, и всякие взаимоотношения прекращаются. Эта непримиримость ведет к опасным следствиям, но лицо, которого это касается, по-видимому, ничего не имеет против мученичества за свои убеждения. Все это выглядит довольно нелепо, если принять во внимание иллюзорную природу идей, но идеи пускают глубокие корни, когда у человека нет ничего другого. В жестком блеске идей вянут мягкость и предупредительность. Человек, о котором я говорю, вполне убежден, что его заимствованные из книг идеи и теории должны спасти мир и принести для всех благоденствие и изобилие; поэтому он считает, что убийства и разрушения, если они окажутся необходимыми, вполне оправданы как пути достижения этой идеалистической цели. Цель — вот что важно, а совсем не средства; человек не имеет особого значения, пока не достигнута цель».

— Для подобного ума спасение состоит в уничтожении тех, кто не придерживается таких же убеждений. В прошлом некоторые религии думали, что это является путем к Богу; у них и

сейчас существуют отлучения, угрозы вечного ада и прочее. То, о чем вы говорите, — это религия последней формации. Мы ищем надежды на будущее в церквах, в идеях, в «летающих тарелках», в учителях, в гуру; но все это ведет к еще большим бедствиям и разрушениям. Человек внутри самого себя должен быть свободен от такого непримиримого подхода, так как идеи иллюзорны, как бы они ни были велики, тонки и убедительны; они разделяют и вносят разрушение. Когда ум уже не находится более в сети идей, мнений, убеждений, приходит нечто, полностью отличающееся от проекций ума. Ум не является нашим последним прибежищем для разрешения проблем; напротив, именно он создает проблемы.

«Я знаю, сэр, Что вы не даете советов, но, тем не менее, что же предпринять? Я задавала себе этот вопрос в течение многих месяцев, но ответа не нашла. Однако и теперь, когда я спрашиваю, я начинаю видеть, что определенного ответа не существует, что человек должен жить в каждый данный момент, принимая все таким, каким оно приходит, и, забывая о себе. Тогда, вероятно, возможно будет стать мягким, способным прощать. Но как трудно это осуществить.

— Когда вы говорите: «Как трудно это осуществить!», вы уже перестали жить от момента к моменту, исполненной любви и нежности. Ум спроецировал себя в будущее, создав проблему, а это и есть подлинная природа «я». Прошлое и будущее — это его опора.

«Разрешите задать другой вопрос. Возможно ли мне самой истолковать собственные сны? За последнее время я стала видеть много снов, и я знаю, что они пытаются мне что-то сказать; но я не умею истолковывать символы и образы, которые часто повторяются в моих снах. Эти символы и образы не всегда одинаковы они меняются; но в их основе заключено одинаковое содержание и значение — по крайней мере, мне кажется, что это так, хотя, конечно, я могу и ошибаться».

— Что вы понимаете под словом «истолковывать» по отношению к снам?

«Как я говорила, передо мной стоит весьма серьезная проблема, которая мучает меня уже много месяцев, и все мои сны имеют отношение к этой проблеме. Они как бы хотят мне что-то сказать, может быть, на что-то намекнуть, указать, что я должна делать, Если бы я смогла правильно их истолковать, я могла бы знать, что именно они пытаются передать».

— Безусловно, тот, кто видит сны, неотделим от его снов; он сам — эти сновидения. И вы думаете, что вам важно их понять?

«Я не понимаю, что вы имеете в виду. Не сможете ли вы мне объяснить это?»

— Наше сознание — это целостный процесс, хотя внутри него могут быть и противоречия. Оно может делить себя на сознание и подсознание, на явное и скрытое; в нем могут быть противоречивые желания, оценки, стремления, но тем не менее это сознание есть единый, целостный процесс. Сознательный ум может ясно представлять свой сон, но сны — это результат деятельности всего сознания. Когда верхний слой сознания старается истолковать сон, который есть не что иное, как проекция сознания в целом, тогда его истолкование имеет частичный, неполный, искажающий характер. Исторкователь неизбежно искажает символ, сон.

«К сожалению, мне это не совсем ясно».

— Сознательный, находящийся на поверхности ум настолько озабочен, настолько стремится найти решение своей проблемы, что во время периода бодрствования никогда не пребывает в тишине. Во время так называемого сна, когда он, может быть, несколько более спокоен, менее взбудоражен, он ловит намеки от деятельности тотального сознания. Эти намеки, и суть сны, которые наш беспокойный ум старается истолковать после пробуждения; но это толкование будет неточным из-за озабоченности ума немедленным действием и его результатами. Стремление истолковывать должно прекратиться, чтобы мог быть понят целостный процесс сознания. Вы весьма обеспокоены тем, чтобы выяснить, как правильно поступить в отношении

вашей проблемы, не правда ли? Вот эта озабоченность и стоит на пути понимания проблемы; потому-то и происходит постоянное изменение символов, хотя содержание, которое скрывается за ними, всегда остается одним и тем же. Итак, в чем же сейчас состоит ваша проблема?

«В том, чтобы не бояться ничего, что бы ни случилось».

— Разве вы можете так легко отбросить страх? Одно лишь словесное утверждение не устранил его. Но разве ваша проблема состоит в этом? Вы можете испытывать желание покончить со страхом, но в этом случае становится важным вопрос «каким образом», метод действий. У вас возникнет новая проблема наряду со старой. Таким путем мы переходим от проблемы к проблеме и никогда от них не освободимся. В данное время мы говорим совершенно о другом, не правда ли? Мы не стараемся подменить одну проблему другой.

«В таком случае, как я полагаю, истинная проблема состоит в том, чтобы иметь спокойный ум».

— Совершенно верно, а этом ваш единственный вопрос: безмолвный ум.

«А как же у меня может быть безмолвный ум?»

— Подумайте, что вы говорите. Вы хотите обладать спокойным умом подобно тому, как вы хотели бы иметь платье или дом? Поставив перед собой новую цель, в данном случае тишину ума, вы начинаете искать пути и средства для ее достижения; и вот возникает новая проблема. Надо просто-напросто осознать необходимость и важность того, чтобы ум был тихим. Не боритесь за эту тишину, не мучайте себя дисциплиной с целью приобрести ее, не культивируйте и не практикуйте ее. Все эти усилия дадут результат, но то, что является результатом, не есть тишина. То, что сложено, может быть разложено. Не ищите постоянства безмолвия. Безмолвие надо переживать от мгновения к мгновению, его невозможно накапливать.

В этом месте река была очень широка, почти с милю, и очень глубока; ее воды, чистые и синие в среднем течении, ближе к берегам были мутные, грязные и медленные. Солнце садилось позади огромного города, простершегося вверх по течению реки; дым и пыль города придавали необыкновенные краски заходящему солнцу, которое отражалось в пляшущих водах широкой реки. Был восхитительный вечер, и каждая былинка травы, деревья и щебечущие птицы, — все было объято вечной красотой. Ничто не оставалось вне ее. Шум поезда, проходившего через дальний мост, составлял часть этого всеохватывающего безмолвия. Поблизости рыбак пел песню. Вдоль берегов тянулись широкие полосы обработанной земли; эти зеленые, полные аромата поля днем приветливо вам улыбались, а теперь были темными, молчаливыми, погруженными в себя. По эту сторону реки находился широкий, необработанный пустырь; деревенские дети запускали здесь воздушных змеев и устраивали шумные игры. Тут же просушивались широко растянутые рыбацьи сети, а внизу на якоре стояли примитивные лодки.

Деревня была расположена совсем рядом, несколько выше; обычно оттуда доносились песни, танцы и другие шумы. Но в этот вечер местные жители, которые вышли из своих хижин и сидели поблизости от них, оставались молчаливыми и необычайно задумчивыми. Группа людей спускалась вниз по крутому берегу, неся на бамбуковых носилках мертвое тело, покрытое белой тканью. Они прошли мимо, и я последовал за ними. Подойдя к реке, они поставили носилки почти рядом с водой. С собой они принесли быстро воспламеняющиеся дрова и тяжелые бревна; из них сложили погребальный костер и положили на него тело, окропили его водой из реки и прикрыли дровами и сеном. Самый молодой из них зажег костер. Нас было около двадцати человек; все мы расположились вокруг. Женщин не было. Мужчины в белой одежде сидели на земле в полном молчании. Огонь становился все более жгучим, и нам пришлось отодвинуться назад. Черная обугленная нога поднялась над огнем, ее пригнули вниз длинной палкой, но этого оказалось недостаточным, и на нее бросили тяжелое бревно. Яркое желтое пламя отражалось в темной воде, и звезды в ней отражались. Слабый ветер затих с заходом солнца. Кроме потрескивающего костра все оставалось безмолвным. Смерть была здесь, полыхая огнем. Среди всех этих неподвижно сидевших людей и живых языков пламени пребывало бесконечное пространство, неизмеримое расстояние и великое уединение. Смерть не была чем-то посторонним, обособленным и отдельным от жизни. Здесь было начало, вечное начало.

Когда череп рассыпался на части, люди стали уходить. Последний из уходивших, очевидно, был родственником умершего; он сложил ладони в прощальном жесте и медленно поднялся вверх. От костра осталось совсем немного; пламя успокоилось, виднелась лишь тлеющая зола. Несколько несгоревших костей завтра утром бросят в реку. Необъятность смерти, непосредственность ее, и так близко! Когда это тело сгорело, ты тоже умер. Была полная уединенность, но не отчуждение, не изолированность. Изолированность исходит от ума, но не от смерти.

Это был весьма немолодой человек с ясными глазами и готовой улыбкой; он держался спокойно и с достоинством. В комнате было холодно, и он был закутан в теплый шарф. Он говорил по-английски, так как получил образование за границей; он рассказал о себе, о том, что совсем недавно удалился от государственных дел и теперь располагает достаточным количеством свободного времени. Он изучал разные религии и философские системы, но, добавил он, проделал весь этот длинный путь с целью обсудить совсем другой вопрос.

Над рекой стояло раннее утреннее солнце, воды сверкали тысячами бриллиантов. На веранде была маленькая золотисто-зеленая птичка; она грелась на солнце и чувствовала себя в

полной безопасности.

«Я приехал сюда, — продолжал он, — для того, чтобы задать вопрос, или, вернее, обсудить то, что в высшей степени меня волнует: это вопрос о смерти. Я прочел «Тибетскую книгу мертвых», а также знаком с тем, что говорят по этому предмету наши книги. Указания относительно смерти, которые содержат христианство и ислам, слишком поверхностны. Я беседовал со многими религиозными учителями и здесь, и за границей. Но все их теории представляются совершенно неубедительными, по крайней мере для меня. Я много думал об этом, часто медитировал о смерти, но едва ли сколько-нибудь продвинулся вперед. Один из моих друзей, который недавно слушал вас, рассказал мне кое-что из того, о чем вы говорили; поэтому я решил прийти к вам. Моя проблема — это не только страх смерти, страх небытия, но и то, что происходит после смерти. Этот вопрос оставался проблемой для людей на протяжении веков, и, по-видимому, никто ее не разрешил. Что скажете вы?»

— Прежде всего, рассмотрим желание уйти от факта смерти с помощью того или иного верования, вроде, например, учения о перевоплощении и воскресении мертвых, или с помощью несложных рассуждений. Ум наш настолько жаждет найти разумное объяснение смерти или удовлетворяющий нас ответ на эту проблему, что он весьма легко может соскользнуть в область иллюзии. Надо быть в этом отношении чрезвычайно бдительным.

«Может быть, именно в этом и заключается одна из самых больших наших трудностей? Мы жаждем получить уверенность, в особенности от тех, кто, по нашему мнению, обладает знаниями или опытом в данном вопросе. Если же мы не можем получить такой уверенности, то, полные отчаяния и надежды, мы строим собственные утешительные верования и теории. Так что вера, самая неистовая или самая умеренная, становится необходимой».

— Какое бы удовлетворение ни доставлял уход от проблемы, он никогда не дает ее понимания. Бегство от проблемы порождает страх. Страх приходит, когда мы убегаем от факта, от того, что *есть*. Какое бы утешение ни давала вера, она содержит в себе зерно страха. Человек отгораживается от факта смерти, так как он не хочет взглянуть на него прямо; верования и теории предлагают ему для этого легкий путь. Вот почему ум, если он желает выяснить необыкновенное значение смерти, должен отбросить, совершенно легко и без сопротивления, свое желание получить обнадеживающее утешение. Это вполне очевидно. Согласны ли вы с этим?

«Может быть, вы требуете слишком многого? Для того чтобы понять смерть, мы должны находиться в отчаянии; не об этом ли вы говорите?»

— Совсем нет, сэр. Разве непременно присутствует отчаяние, когда отсутствует состояние, которое мы называем надеждой? Почему мы всегда мыслим противоположностями? Противопоставляется ли надежда отчаянию? Если да, то в самой надежде покоится зерно отчаяния, и такая надежда окрашена страхом. Но если мы ищем понимания, не является ли необходимым освободиться от противоположностей? Состояние ума имеет величайшую важность. Отчаяние и надежда стоят на пути понимания или переживания смерти. Движение противоположностей должно прекратиться. Ум должен подойти к проблеме смерти, имея совершенно новое осознание, в котором отсутствует элемент опознавания того, что заранее известно.

«Боюсь, что я не вполне это понимаю. В общих чертах я улавливаю значение того, что ум должен быть свободен от противоположностей; хотя это и весьма трудная задача, но я вижу, что она необходима. А вот что означает свобода от узнавания, это совсем до меня не доходит».

— Узнавание — процесс, имеющий дело с прошлым; оно — результат прошлого. Ум испытывает страх перед тем, что ему неизвестно. Если бы вы знали смерть, у вас не было бы страха перед ней, не было бы необходимости для пространных разъяснений. Но вы не можете

знать смерть, она есть нечто, во всех отношениях новое, никогда не переживаемое прежде. То, что вы пережили, становится известным, прошлым; от этого прошлого, от этого известного исходит наше опознавание. Пока происходит такое движение от прошлого, не может прийти новое.

«Да, да, сэр, я начинаю это чувствовать».

— То, о чем мы говорим сейчас, надо непосредственно переживать по мере того, как мы продвигаемся вперед; это не тот материал, который можно обдумывать впоследствии. Накапливать эти переживания нельзя, так как тогда они становятся памятью; память же, как путь опознавания, исключает новое, неизвестное. Смерть — это неизвестное. Проблема состоит не в том, что такое смерть и что происходит после смерти, а в том, чтобы ум очистился от прошлого, от известного. Тогда живой ум сможет войти в обитель смерти, он сможет встретить смерть, непознаваемое.

«Вы хотите этим сказать, что человек может познать смерть еще при жизни?»

— Несчастный случай, болезнь, старость приносят смерть, но при этих обстоятельствах человеку невозможно быть полностью сознающим. Присутствует страдание, надежда или отчаяние, страх изоляции, и ум, «я», сознательно или подсознательно, борется против смерти, против неизбежного. В страхе, сопротивляясь смерти, мы уходим. Но возможно ли — без сопротивления, без болезненного отвращения, без садистского или самоубийственного побуждения и в то же время полным жизни, имея мощный ум — войти в дом смерти? Это возможно только тогда, когда ум умирает по отношению к известному, к «я». Итак, наша проблема заключается не в смерти, а в том, чтобы ум освободил себя от веками накопленного психологического опыта, от все возрастающей памяти, от этого все укрепляющегося и совершенствующегося «я».

«Но как это сделать? Каким образом ум может освободить себя от собственных оков? Мне кажется, здесь необходимо или воздействие извне, или вмешательство более высокой и благородной части ума, которая должна очистить ум от прошлого».

— Это довольно сложный вопрос, не правда ли? Воздействие со стороны может оказаться влиянием окружающих условий, или же оно может прийти из области, находящейся вне границ ума. Если внешнее воздействие оказывается влиянием окружающих условий, то ведь это будет то самое влияние со своими традициями, верованиями, особенностями культуры, которое удерживает ум в оковах. Если же воздействие со стороны исходит из области, находящейся вне границ ума, то мысль, в какой бы то ни было форме, не в состоянии ее коснуться. Мысль есть результат времени, она прикована к прошлому и никогда не может освободиться от прошлого. Если мысль освобождается от прошлого, она перестает быть мыслью. Пускаться в спекулятивные рассуждения о том, что находится за пределами ума, совершенно бесполезно. То, что пребывает за пределами мысли, может воздействовать только тогда, когда мысль, которая есть «я», прекращается. Ум должен быть без малейшего движения, совершенно спокоен, и это то спокойствие, которое не имеет мотива. Ум не может это призвать. Он может лишь разделять свои проявления на высокие и низменные, на желательные и нежелательные, на благородные и недостойные, что он и делает, но все это деление и подразделение находится в границах, самого ума; так что всякое движение ума, в каком бы то ни было направлении, есть реакция прошлого, «я», времени. Эта истина представляет собой единственный освобождающий фактор, и тот, кто не следует, этой истине, всегда будет оставаться в оковах, что бы он ни делал; его покаяния, обеты, дисциплина, жертвы могут иметь социальное или утешающее значение, но не представляют никакой ценности перед лицом истины.

Медитация — очень важное действие в жизни; возможно, это такое действие, которое имеет величайшее и глубочайшее значение. Это — аромат, который нелегко уловить, который невозможно приобрести ценой усилия и практики. Любая система может дать лишь те плоды, которые она предлагает, но любая система, любой метод основаны на зависти и, жадности.

Не быть способным медитировать — значит не быть способным видеть солнечный свет, темные тени, сверкающие воды и нежный лист. Но как мало людей это видит! Медитация ничего не может вам предложить; вам не надо, сложив ладони, приходиться в молитвенное состояние. Она не избавляет вас от страданий. Она делает все чрезвычайно ясным, легким и простым; но для того чтобы воспринять эту простоту, ум должен себя освободить, без какой-либо причины или мотива, от всего, что он накопил, имея причину и мотив. Именно в этом состоит весь итог медитации. Медитация есть очищение от того, что известно. Следование за известным, в любой форме, есть игра самообмана, когда медитирующий приобретает основное значение, но отсутствует просто акт медитации. Медитирующий может действовать лишь в поле известного, он должен прекратить действовать, чтобы могло проявиться неизвестное. Непознаваемое не зовет вас, и вы не можете призывать его.

Оно приходит и уходит, как ветер; вы не можете захватить его и накапливать для своей пользы, для собственного употребления. Оно не имеет утилитарной ценности, но, тем не менее, без него жизнь становится бесконечно пустой.

Вопрос не в том, как медитировать, какой следовать системе, а в том, что такое медитация. Если нас интересует «как», то мы можем прийти лишь к тому, что предлагает нам метод; но само исследование того, что есть медитация, раскроет к ней дверь. Это исследование не лежит вне ума; оно находится в сфере деятельности самого ума. Наиболее важным в процессе этого исследования является понимание самого ищущего, а не того, что он ищет. То, что он ищет, есть проекция его страстного желания, его собственных усилий и стремлений. Когда мы поймем этот факт, всякое искание прекратится, и это само по себе чрезвычайно важно. Тогда ум перестает гнаться за тем, что находится вне его самого, тогда у него нет движений, направленных вовне, нет реакций изнутри; а когда искание полностью прекратилось, появляется движение ума, которое не является ни внешним, ни внутренним. Искание не прекращается усилием воли или в результате сложного процесса умозаключений. Чтобы прекратить искание, требуется великое понимание. Окончание поисков — это начало спокойствия ума.

Ум, способный, к сосредоточению, концентрации может совсем не быть способным к медитации. Эгоизм, интерес к себе, как и всякий другой интерес, вызывает концентрацию внимания, но такая концентрация, сознательно или подсознательно, предполагает наличие мотива, причины; здесь всегда существует нечто, что, надо приобрести или отбросить, всегда делается усилие, чтобы понять, чтобы перейти на другой берег. Внимание, связанное с достижением цели, имеет, дело с накоплением. Внимание, которое проявляется в этом движении к чему-либо или от чего-то, есть сила, привлекающая удовольствие и отталкивающая страдание. Но медитация — это такое необыкновенное внимание, в котором нет того, кто совершает усилие, нет цели, нет объекта достижения. Усилие есть часть процесса приобретения; усилие — это накопление опыта тем, кто переживает. Переживающий может находиться в состоянии сосредоточения, быть внимательным, осознавать; но страстное желание переживающего иметь переживание должно полностью прекратиться, так как сам переживающий — это лишь скопление известного. Великое блаженство заключено в медитации.

Он объяснил, что изучал философию и психологию и знаком с высказываниями

Патанджали. По его мнению, христианство не отличается глубиной мысли и представляет собой просто реформацию; поэтому он уехал на Восток, практиковал некоторые виды йоги и достаточно хорошо ознакомился с мыслью Индии.

«Я прочел некоторые из ваших бесед и думаю, что до известного предела могу проследить за ходом вашей мысли. Я понимаю важность того, чтобы не осуждать, хотя нахожу это чрезвычайно трудным. Но мне совсем не понятно, когда вы говорите: «Не производите оценок, не судите». Любой процесс мышления, как мне кажется, — это процесс оценки. Наша жизнь, наш подход к явлениям основаны на выборе, на оценках, на хорошем и плохом и т.д. Если бы мы не производили оценок, мы бы просто деградировали. Но вы, конечно, не имеете это в виду. Я старался освободить свой ум от всяких норм и оценок, но это невозможно, по крайней мере, для меня».

— Существует ли мышление без слов, без символов? Необходимы ли слова для того, чтобы мыслить? Если бы не было символов, справочного аппарата, существовало ли бы то, что мы называем мышлением? Всякое мышление вербально, или существует мышление без слов?

«Не знаю. Я никогда не рассматривал этот вопрос. Насколько я понимаю, без образов и слов не было бы и мышления».

— Не следует ли нам выяснить истину этого вопроса сейчас, пока мы беседуем об этом? Разве нельзя установить для себя, существует ли не существует мышление без слов и символов?

«Но какое это имеет отношение к проблеме оценки?»

— Ум создан из прошлых мыслей, ассоциаций, образов и слов. Наши оценки основаны на этом фундаменте. Такие слова как «Бог», «любовь», «социализм», «коммунизм» и так далее, играют в нашей жизни чрезвычайно важную роль. В физиологическом и психологическом отношении слова имеют для нас значение, обусловленное той культурой, в которой мы были воспитаны. Для христианина определенные слова и символы имеют особенно большое значение, а для мусульманина такое же жизненно важное значение имеют другие слова и символы. Наши оценки происходят в пределах этого поля.

«Возможно ли выйти за его пределы? А если возможно, то почему это необходимо?»

— Мышление всегда обусловлено; нет такого явления как свобода мысли. Вы можете думать о чем угодно, но ваше мышление остается ограниченным и всегда будет таковым. Оценка — это процесс мышления, выбора. Если ум, как это обычно бывает, доволен тем, чтобы оставаться в клетке, узкой или широкой, тогда его не будут тревожить никакие фундаментальные проблемы; он вполне удовлетворен тем, что имеет. Но если бы он захотел выяснить, существует ли нечто за пределами мысли, тогда всякие оценки должны прекратиться; мыслительный процесс должен прийти к концу.

«Но ведь сам ум составляет часть — притом существенную часть — этого процесса мышления; что же это за усилие или практика, при помощи которых можно привести мысль к концу?»

— Оценка, осуждение, сравнение есть путь мысли; когда вы спрашиваете, с помощью какого усилия или метода процесс мышления может быть приведен к концу, разве вы не стремитесь что-то приобрести? Это стремление осуществить тот или иной метод или предпринять новые усилия есть результат оценки; но ведь это все еще процесс ума. Мысль не может прийти к концу ни благодаря практике какого-либо метода, ни с помощью какого бы то ни было усилия. Но почему мы делаем усилие?

«На основании очень простого соображения: если бы мы не делали усилий, то пришли бы к состоянию застоя и погибли бы. Все существующее делает усилия, вся природа находится в состоянии борьбы, чтобы выжить».

— Боремся ли мы только за то, чтобы выжить, или мы боремся, чтобы уцелеть в рамках той

или иной психологической или идеологической модели? Мы хотим быть чем-то; честолюбивые стремления, жажда самоосуществления, страх определяют нашу борьбу в рамках определенной социальной модели, которая сама является следствием коллективного честолюбия, осуществления и страха. Мы совершаем усилия с целью что-то приобрести или чего-то избежать. Если бы мы были заинтересованы только в том, чтобы выжить, тогда все наши установки были бы в корне иными. Усилие предполагает выбор, а выбор — это сравнение, оценка, осуждение. Мысль состоит из этой борьбы и противоречий; но разве может такая мысль освободить себя от собственных барьеров, увековечивающих «я»?

«Тогда должно существовать какое-то внешнее воздействие, — назовите его Божьей милостью или как вам будет угодно, — нечто такое, что входит в сознание и прекращает эти пути и способы, которыми ум себя отгораживает. Не это ли вы имеете в виду?»

— С каким нетерпением мы жаждем достичь состояния, которое дало бы нам удовлетворение! Позвольте вас спросить, сэр, разве вы не заинтересованы в конечной цели в достижении, в освобождении ума от обусловленности? Ум оказался в тюрьме, созданной им самим, в плену своих собственных желаний и усилий, и всякое движение, которое он делает, в каком бы оно ни было направлении, остается в пределах его тюрьмы; но ум этого не сознает, так как, охваченный страданием, конфликтом, он взывает с мольбой, он ищет внешнюю силу, которая его освободит. Как правило, ум находит, что ищет, но то, что он находит, есть следствие его собственного движения. Он продолжает оставаться узником, только уже в новой тюрьме, более его удовлетворяющей и удобной...

«Но скажите, ради небес, что же тогда делать? Если любое движение ума лишь расширяет его собственную тюрьму, тогда придется оставить всякую надежду».

— Надежда — это движение ума, возникающее тогда, когда мысль охвачена отчаянием. Надежда и отчаяние — это слова, которые наносят вред уму своим эмоциональным содержанием, своими с виду противоположными и взаимоисключающими тенденциями. Но разве нельзя оставаться в состоянии отчаяния или в другом подобном состоянии и не бросаться к противоположной идее, не цепляться безрассудно за состояние, которое мы называем радостным, обнадеживающим и так далее? Конфликт появляется тогда, когда ум убегает от состояния, называемого горем, страданием, к другому состоянию, называемому надеждой, счастьем. Понять состояние, в котором находится человек, — это не означает принять его, примириться с ним. Принимать и отвергать — и то, и другое находится в сфере оценки.

«Боюсь, что я все еще не схватываю, каким образом мысль может прекратиться без какого-либо действия в этом направлении».

— Всякое действие воли, желания, стремления исходит от ума, который оценивает, сравнивает, осуждает. Если ум поймет истинность этого, не с помощью рассуждений, не благодаря убеждению или вере, но в силу того, что останется простым и бдительным, тогда мысль прекратится. Конец мысли — это не сон, не ослабление жизненности, не состояние отрицания; это совершенно иное состояние.

«Наша беседа показала мне, что я думал обо всем этом недостаточно глубоко. Хотя я много читал, но ограничивался усвоением того, что сказали другие. Чувствую, что впервые переживаю состояние, когда мыслю самостоятельно и теперь, пожалуй, смогу услышать нечто большее, чем просто слова».

ЗАВИСТЬ И ОДИНОЧЕСТВО

В этот вечер под деревом было совсем тихо. Вверх и вниз по еще теплой скале бегала ящерица. Наступала прохладная ночь; солнца не будет в течение многих часов. Крупные домашние животные устало и медленно возвращались домой с полей, на которых они трудились вместе с людьми. Сова гортанно ухала с вершины холма, которая была ей домом. Она начинала ухать каждый вечер, в это же время, но когда становилось темнее, уханья раздавались реже; а иногда поздней ночью можно было слышать их снова. Одна из сов перекликалась через долину с другой; ее глубокое уханье, казалось, придавало ночи еще большее безмолвие и красоту. Вечер был прекрасный, и молодой месяц садился за темным холмом.

Сострадание приходит легко, если наши сердца не заполнены хитрыми выдумками ума. Ум со своими требованиями и страхами, привязанностями и отречениями, со своими определениями и стремлениями губит любовь. Как трудно при всем этом быть простым! Вам не нужны философские системы и доктрины для того, чтобы быть мягким и добрым. Деловые люди и люди, обладающие властью в стране, создадут организации, чтобы снабдить людей пищей и одеждой, обеспечить их жильем и медицинской помощью. При быстром росте производства это неизбежно и входит в обязанности хорошо организованного правительства и сбалансированного общества. Но организация не может дать щедрости сердца и руки. Щедрость исходит из совершенно иного источника; он неизмерим. Честолюбие и зависть разрушают его столь же неотвратимо, как огонь сжигает попавшие в него предметы. Соприкоснуться с этим источником необходимо, но к нему надо подойти с пустыми руками, без молитв, без жертвоприношений. Книги не могут научить, а гуру не может привести к этому источнику. Его невозможно достичь, развивая добродетели, хотя добродетели и необходимы, или проявляя выдающиеся способности и послушание. Когда ум ясен, когда в нем нет движения, источник раскрывается. Ясность не имеет мотивов, у нее нет стремления получить больше.

Это была молодая леди, но выглядевшая усталой от страданий. Ее терзали не физические страдания, а боль совсем иного рода. С физическими страданиями она справлялась при помощи медицинских средств, но никогда не была в состоянии успокоить агонию зависти и ревности. Она рассказала, что все началось в детстве, с малых вещей, например, когда надо было укротить себя и быть приветливой; но в настоящее время это приняло болезненные формы. Она была замужем и имела двоих детей; но ревность и зависть разрушительно действовали на все ее личные отношения.

«Мне кажется, что я испытываю ревность и зависть не только в отношении к мужу и детям, но чувствую зависть почти ко всем, кто имеет больше, чем я, у кого лучший сад или более красивое платье. Все это может казаться довольно глупым, однако это меня мучает. Не так давно я была у специалиста по психоанализу и некоторое время была спокойна, но вскоре все возобновилось».

— Не способствует ли цивилизация, в которой мы живем, развитию зависти? Развлечения, дух соревнования, сравнение, обоготворение успеха с его разнообразными формами деятельности — разве все это не поддерживает зависть? Стремление иметь больше есть зависть, не так ли?

«Но...»

— Давайте немного остановимся на самой зависти и не будем пока рассматривать ваши попытки с нею бороться; к последним мы еще вернемся — верно?

«Совершенно верно».

— Люди поощряют и почитают зависть, не правда ли? Дух соревнования прививается с

детства. Идея о том, что вы должны все делать лучше другого и быть лучше него постоянно повторяется на все лады: примеры выдающихся случаев успеха, герои и их смелые действия — и так без конца, эта идея вдалбливается в умы людей. Современная культура основана на зависти, на стяжательстве. Если вы не стремитесь к земным ценностям и вместо этого следуете за тем или иным религиозным учителем, тогда вам обещают место праведника на том свете. Все мы на этом воспитаны, а желание преуспевать глубоко укоренилось почти в каждом человеке. Успеха можно достичь разными путями: это может быть успех художника, успех бизнесмена или успех в области религиозных исканий. Все это формы зависти; но мы стараемся освободиться от нее лишь тогда, когда она начинает нас угнетать и мучить. А пока она компенсируется и доставляет нам удовлетворение, зависть остается законной частью человеческой природы. Мы не видим, что в самом этом удовлетворении заложено страдание. Привязанность приносит нам удовольствие, но она порождает также ревность и страдание, и это — не любовь. В пределах этой сферы отношений человек живет, страдает и умирает. И только когда муки этих замкнутых в себе проявлений становятся невыносимыми, он начинает делать попытки прорезаться сквозь них.

«Мне кажется, я смутно улавливаю все это. Но что же мне делать?»

— Прежде чем говорить о том, что делать, попробуем рассмотреть вашу проблему. В чем она заключается?

«Меня мучает зависть, и я хочу освободиться от нее».

— Вы хотите освободиться от страданий, связанных с завистью; но разве вы не хотите сохранить то особое удовлетворение, которое сопутствует обладанию и привязанности?

«Конечно, хочу. Ведь вы не ожидаете, чтобы я отреклась от всего, чем обладаю, от своего имущества, не так ли?»

— Мы говорим не об отречении, но о желании владеть, обладать. Мы хотим обладать людьми, как и вещами. Мы цепляемся за те или иные верования или надежды. Откуда исходит это желание владеть вещами и людьми, эта жгучая привязанность?

«Не знаю, я никогда об этом не думала. По-видимому, быть завистливым вполне естественно. Но в моей жизни зависть превратилась в яд, стала мощным разрушительным фактором».

— Нам действительно нужны некоторые вещи: пища, одежда, жилище и так далее; но все это используется также для психологического удовлетворения, которое порождает множество других проблем. Подобным же образом психологическая зависимость от людей порождает тревогу, ревность и страх.

«Я думаю, что именно в этом смысле нахожусь в зависимости от близких мне людей. Они для меня совершенно необходимы, без них я была бы совершенно потеряна. Если бы у меня не было мужа и детей, я, вероятно, постепенно сошла бы с ума, а может быть, привязалась бы к другому человеку. Но я не усматриваю в подобной привязанности ничего неправильного».

— Мы не говорим о том, правильно это или нет; мы рассматриваем причины и следствия, не так ли? Мы не осуждаем и не оправдываем зависимость от другого. Почему человек психологически зависит от другого? Разве не в этом заключается проблема? Ведь она совсем не в том, каким образом освободиться от мук ревности. Ревность — просто следствие, это симптом; и бесполезно исследовать только симптомы. Почему человек находится в психологической зависимости от других?

«Я знаю, что нахожусь в зависимости, но я никогда по-настоящему не думала об этом. Я принимала как нечто установленное, что каждый человек зависит от другого».

— Конечно, в физическом отношении мы зависим друг от друга, и так будет всегда. Это вполне естественно и неизбежно. Но пока мы не поймем нашей психологической зависимости от

другого, разве не будут до тех пор продолжаться наши муки ревности? Итак, почему существует эта психологическая потребность в другом человеке?

«Мне нужна семья, так как я люблю их всех. Если бы я их не любила, мне было бы все равно».

— Не хотите ли вы сказать, что любовь и ревность идут рядом?

«По-видимому, так. Если бы я не любила свою семью, я, конечно, не была бы ревнива».

— Но в этом случае, если бы у вас также не было ревности, у вас не было бы и любви, не так ли? Тогда почему вы хотите освободиться от ревности? Вам хотелось бы удержать радость, которую вам дает привязанность, и отбросить мучения, с нею связанные. А возможно ли это?

«Но почему нет?»

— Привязанность включает в себя страх, разве не так? Вы страшитесь того, что вы есть, или того, что с вами станет, если близкий вам человек бросит вас или умрет; из-за этого страха вы привязываетесь. Пока вы захвачены радостями, которые дает привязанность, до тех пор страх запрятан, закрыт; но, к несчастью, он всегда остается здесь; и пока вы не освободитесь от этого страха, до тех пор будут продолжаться муки ревности.

«А чего же я боюсь?»

— Вопрос не в том, чего именно вы боитесь, но в том, сознаете ли вы, что пребываете в страхе. «Теперь, когда вы так четко поставили вопрос, я могу сказать, что да. Я нахожусь в страхе».

— Чего же вы боитесь?

«Я боюсь оказаться потерянной, лишиться уверенности, боюсь того, что меня не будут любить, не будут обо мне заботиться, боюсь остаться в одиночестве. Я понимаю это так: я боюсь быть одинокой, боюсь, что не смогу сама взглянуть в лицо жизни; вот почему я нахожусь в зависимости от мужа и детей и в отчаянии держусь за них. Я постоянно боюсь, что с ними что-нибудь случится; иногда мое отчаяние принимает форму ревности, несдерживаемой ярости и прочее. Я в страхе, что мой муж может увлечься другой женщиной. Меня гложет тревога. Уверяю вас, много часов я провела в слезах. Вот все эти противоречивые чувства и внутренний хаос есть то, что мы называем любовью, — а вы спрашиваете меня, является ли это любовью? Разве это любовь, если имеется привязанность? Я вижу, что здесь нет любви. Это что-то уродливое, целиком личное; я все время думаю о себе самой. Но что же мне делать?»

— Если вы будете себя осуждать, называть себя лишенной любви, уродливой, эгоистичной, тогда это никак не уменьшит проблемы; наоборот, она станет еще сложнее. Очень важно это понять. Осуждение или оправдание лишает вас возможности взглянуть на то, что лежит позади страха; это активный уход от того, чтобы встретиться лицом к лицу реальным фактом. Когда вы говорите: «Я уродлива, я эгоистична», — тогда эти слова несут груз осуждения, и тем самым вы усиливаете те элементы осуждения, которые составляют часть вашего «я».

«Я не вполне уверена, что понимаю это».

— Если вы осуждаете или оправдываете какое-нибудь действие вашего ребенка, разве вы понимаете его? У вас нет времени или желания разъяснить ребенку его поступок, поэтому для того чтобы получить немедленный результат, вы говорите: «Делай так!» или «Перестань!» Но ведь вы совсем не поняли сложной психики ребенка. Вот подобным же образом осуждение, оправдание или сравнение стоят на пути понимания себя. Вам необходимо понять сложную сущность, которая есть ваше «я».

«Да, да, я понимаю это».

— В таком случае медленно входите в глубину вопроса, не осуждая и не оправдывая. Вы найдете довольно трудным не осуждать и не оправдывать, так как в течение веков оправдание или осуждение вошли в привычку. Наблюдайте за своими реакциями и в процессе нашей беседы.

Итак, наша проблема — это не ревность, не способы избавиться от нее, но страх. Что такое страх? Каким образом он появляется?

«Он все время присутствует здесь; но что это такое, я не знаю».

— Страх не может существовать изолированно, он возникает по отношению к чему-либо, не правда ли? Существует состояние, которое вы называете одиночеством; когда вы осознаете это, появляется страх. Таким образом, страх не существует сам по себе. Чего же вы в действительности боитесь?

«Я предполагаю, что боюсь моего одиночества, как вы говорите».

— Но почему вы предполагаете, разве вы в этом не уверены?

«Я не решаюсь говорить уверенно о чем бы то ни было; а одиночество — это одна из моих самых глубоких проблем. Оно всегда присутствует на заднем плане; но только сейчас, во время нашей беседы, я вынуждена взглянуть на него прямо и увидеть, что оно здесь. Это гигантская пустота, пугающая, безысходная...»

— Нельзя ли заглянуть в эту пустоту, не называя ее, не давая ей определения? Если мы снабжаем ярлыком какое-то состояние, то это еще не означает, что мы его понимаем. Наоборот, это является препятствием для понимания.

«Я понимаю, что вы имеете в виду; но не могу обойтись без ярлыков, это просто произвольная реакция».

— Переживание чувства и его наименование происходят почти одновременно, не правда ли? Можно ли их отделить друг от друга? Возможно ли существование разрыва между чувством и его наименованием? Если вы в действительности переживаете этот разрыв, то вы увидите, что мыслящий перестает существовать как отдельная сущность, отличающаяся от мысли. Процесс вербализации является частью личности, «я», той сущности, которая полна ревности и зависти, но которая старается преодолеть эту зависть. Если вы по-настоящему поймете эту истину, то страх исчезнет. Наименование явлений оказывает физиологическое, как и психологическое действие. Когда прекратилось наименование, тогда лишь возможно полностью осознать то, что называется пустотой одиночества. Тогда ум не будет отделять себя от того, что *есть*.

«Я нахожу крайне трудным следовать за ходом вашей мысли; но чувствую, что, по крайней мере, кое-что поняла. Теперь я предоставлю этому пониманию возможность развернуться».

Весь день стоял туман, а когда он к вечеру рассеялся, с востока подул ветер — сухой, порывистый, срывающий с деревьев мертвые листья и иссушавший землю. Ночью бушевала грозная буря, ветер крепчал, дом скрипел, с деревьев падали сломанные ветви. На следующее утро воздух был настолько прозрачен, что, казалось, можно было дотронуться до гор. Ветер снова принес жару, а когда под вечер он затих, с моря снова пополз туман.

Как необыкновенно прекрасна и щедра земля! Она никогда не утомляет. Даже высохшее русло реки полно жизни: дикий лук, маки, высокие желтые подсолнечники. По гальке ползают ящерицы; кобра с коричневыми и белыми кольцами лежит на солнце, поминутно высывая черный язык; по ту сторону ущелья лает собака, гоняясь за дрофой или за кроликом.

Довольство никогда не является следствием самоосуществления, достижения или обладания вещами; его не рождает действие или бездействие. Оно приходит с полнотой того, что *есть*, но не в результате перемены. То, что обладает полнотой, не нуждается в переделке, изменении. Но как раз неполнота, стремясь стать полнотой, познает хаос недовольства и перемен. То, что *есть*, — неполно, оно не имеет качества полноты. Полнота нереальна, а стремление к нереальному означает страдание недовольства, которое никогда нельзя исцелить. Сама попытка утолить эту боль означает искание нереального, и от этого возникает недовольство. Не существует способа устранить состояние недовольства. Осознавать это недовольство означает осознавать то, что *есть*, и в полноте этого осознания существует состояние, которое может быть названо довольством. Оно не имеет противоположного.

Из дома была видна долина; самый высокий пик далеких гор пылал в лучах заходящего солнца. Его скалистый массив, казалось, повис в воздухе, освещенный откуда-то изнутри; а из комнаты, которая становилась все темнее, красота этого света представлялась безмерной.

Это был моложавый человек, страстно жаждущий и ищущий.

«Я прочел несколько книг по религиозным вопросам и религиозной практике, о медитации и разных методах достижения высочайшего. Одно время меня привлекал коммунизм, но довольно скоро я увидел, что это регрессивное движение, хотя к нему примкнуло много разумных людей. Меня тянуло и к католицизму, мне нравились некоторые его доктрины, и в течение известного периода я думал стать католиком. Но однажды, беседуя с весьма ученым прелатом, я неожиданно обнаружил, насколько католицизм близок к тюрьме коммунизма. Во время моих странствований в качестве матроса одного из туристских кораблей я приехал в Индию и провел там почти год. Я думал стать монахом; но это связано с уходом от жизни и выглядит чересчур идеалистичным и нереальным. Я делал попытки жить в одиночестве с целью заниматься медитацией, однако из этого ничего не вышло. После всех этих лет мне по-прежнему кажется, что я совершенно не способен контролировать свои мысли. И вот, чтобы обсудить этот вопрос, я и пришел к вам. Конечно, у меня есть и другие проблемы, например, секс и прочее; но если бы я полностью овладел мыслями, я смог бы справиться и со своими жгучими желаниями и побуждениями».

— Приведет ли контроль над мыслями к успокоению желаний? Не вызовет ли он лишь их подавление, которое, в свою очередь, послужит причиной появления других, более глубоких проблем?

«Вы, конечно, не утверждаете, что надо уступать желаниям? Желание — это путь мысли; поэтому, делая попытки контролировать мысль, я надеялся покорить и желание. Желания должны быть подавлены или сублимированы; но и в этом случае, если мы их сублимируем, они должны быть прежде всего подчинены. Большинство учителей настаивают на том, что нужно

выйти за пределы желаний; для этого они предлагают различные методы».

— Оставим в стороне то, что говорят другие; что думаете вы? Может ли один контроль над желаниями разрешить многочисленные проблемы, связанные с желаниями? Принесет ли подавление или сублимирование желания понимание его, освобождение от него? С помощью любого вида занятости, загруженности, будет ли она носить религиозный или любой иной характер, ум можно дисциплинировать в течение всего дня. Но загруженный ум — это не свободный ум. А только свободный ум может осознать творческое состояние, пребывающее вне времени.

«Разве свобода не проявляется в том, что мы выходим за пределы желания?»

— Что вы понимаете под выходом за пределы желания? «Для достижения своего личного счастья, а также для достижения высочайшего необходимо освободиться от власти желаний и не быть захваченным в их хаос и смятение. Но для того чтобы желание находилось под контролем, нужна какая-то форма подчинения. Вместо того чтобы гоняться за обычными жизненными приманками, само это желание может заняться поисками высочайшего».

— Вы можете изменить объект желания и вместо приобретения дома накапливать знания, вместо низшего стремиться к наивысшему; но разве все это не продолжает оставаться проявлением желания? Вы можете не стремиться к признанию со стороны мира, но желание достичь небес — это по-прежнему поиски награды. Желание постоянно ищет своего осуществления, достижения; имен, но это движение желания необходимо понять, а не убежать от него. Если не понять пути желания, то контроль над мыслью имеет весьма малое значение.

«Но я должен вернуться к тому, с чего начал. Даже для понимания желания необходимо сосредоточение, а в этом и заключаются все мои трудности. Мне кажется, я не в состоянии контролировать свои мысли. Они постоянно блуждают по сторонам, взгромождаясь друг на друга. Нет ни одной мысли, которая господствовала бы над другими и была устойчивой среди них».

— Ваш ум подобен машине, которая работает день и ночь; он постоянно болтает, он вечно чем-то занят, и во сне, и в бодрствующем состоянии. Он всегда спешит; он так же беспокоен, как море. Одна часть этого запутанного и сложного механизма пытается контролировать все его движения; отсюда возникает конфликт между противоположными желаниями и стремлениями. Одну часть ума можно назвать высшим «я», другую — низшим «я»; но и та, и другая часть находятся в поле ума. Действия и реакции ума, мысли совершаются почти одновременно и почти автоматически. Весь этот процесс, сознательный и подсознательный, процесс принятия и отрицания, приспособления и стремления освободиться, совершается чрезвычайно быстро. Следовательно, вопрос не в том, каким образом контролировать этот сложный механизм, так как контроль вызывает трение и напрасный расход энергии, а в том, можно ли умерить скорость этого слишком быстрого ума.

«Но каким образом?»

— Позвольте заметить, сэр, что вопрос совсем не в том, «каким образом» это сделать. Если мы спрашиваем «как», то мы будем иметь дело с результатом, с концом, а это не имеет большого значения. Когда результат достигнут, начнутся новые поиски, погоня за другой целью, с новыми страданиями и конфликтами.

«Но что же тогда делать?»

— Правильно ли вы ставите вопрос? Вы не стараетесь раскрыть для себя самого истинность или ложность процесса уменьшения скорости движения ума, но вас интересует получение результата. Получить результат сравнительно легко, не правда ли? Возможно ли для ума уменьшить свою скорость; но так, чтобы при этом не применять никаких тормозов?

«Что вы понимаете под словами «уменьшить скорость»?»

— Когда вы едете в автомобиле с очень большой скоростью, тогда местность, мимо которой вы проезжаете, мелькает перед глазами. Но когда вы едете совсем медленно, вы в состоянии детально рассмотреть и деревья, и птиц, и цветы. Самопознание приходит, когда ум замедлил скорость своей деятельности, свои движения, но это не означает, что вы должны заставить ум двигаться медленно. Любое принуждение порождает противодействие; нельзя зря расходовать энергию на ослабление деятельности ума. Ведь это так, не правда ли?

«Мне кажется, я начинаю понимать, что усилие, которое человек делает для того, чтобы контролировать мысль, есть напрасная трата энергии, но я не понимаю, в чем состоит то, что надо делать».

— Мы еще не подошли к вопросу о действии, не правда ли? Мы стараемся осознать, что для ума важно совсем замедлить свои движения, но мы не рассматриваем вопрос, каким образом это осуществить. Может ли ум совсем замедлить свои проявления? Когда это происходит?

«Не знаю. Я никогда до сих пор об этом не думал».

— Не заметили ли вы, сэр, что когда вы наблюдаете за чем-то, ум замедляет свои движения. Когда вы наблюдаете за этой машиной, которая спускается вниз по дороге, или очень внимательно смотрите на какой-либо физический объект, не действует ли ваш ум более медленно? Когда вы внимательно смотрите, наблюдаете, тогда этот процесс замедляет деятельность ума. Рассматривание картины, изображения, какого-либо объекта способствует успокоению ума; то же происходит и при повторении одной и той же фразы. Но в этом случае первенствующее значение приобретает сам объект или фраза, а совсем не замедление движения ума и то, что благодаря этому раскрывается.

«Я внимательно слежу за тем, что вы разъясняете, и сознаю тишину ума».

— Наблюдаем ли мы когда-нибудь по-настоящему или ставим между наблюдающим и тем, что он наблюдает, экран различных предрассудков, ценностей, суждений, сравнений, обвинений?

«Но ведь почти невозможно обойтись без этого экрана! Не думаю, чтобы я был способен наблюдать безупречным образом».

— Позвольте вам сказать следующее: не блокируйте себя словами или умозаключениями, позитивными или негативными. Возможно ли наблюдение без этого экрана? Говоря иными словами, существует ли внимание, если ум занят? Только незанятый ум может наблюдать. Движения ума замедленны, он бдителен, он полон настороженности; а это и есть внимание незанятого ума.

«Я начинаю переживать то, о чем вы говорите, сэр».

— Пойдем несколько дальше. Если вы не производите оценок, если отсутствует экран между наблюдающим и тем, что он наблюдает, разве тогда будет существовать разделение между ними? Разве наблюдающий не есть то, что он наблюдает?

«Боюсь, что я не уловил вашу мысль».

— Алмаз нельзя отделить от его свойств, не правда ли? Чувство зависти нельзя отделить от того, кто его переживает, хотя существует иллюзорное разделение, которое питает конфликт, а ум оказывается в плену этого конфликта. Когда такое ложное разделение исчезает, тогда существует возможность свободы — и лишь тогда ум становится безмолвным. Когда переживающего больше нет, только тогда существует творческое движение реального.

Тонкая и едкая пыль поднималась при любой скорости и проникала внутрь машины. Хотя было совсем рано, и до восхода солнца оставалось один-два часа, воздух был уже теплый, сухой, свежий и приятный. По дороге встречались повозки, запряженные волами. Возницы дремали, а волы медленно, никуда не сворачивая, возвращались в свои деревни. Иногда повозок было две или три, иногда целый десяток, а однажды попало даже двадцать пять — длинная вереница со спящим возницей и единственной керосиновой лампой при головной повозке. Машина должна была съезжать с дороги, чтобы их объехать, вздымая горы пыли, а волы, ритмично позванивая колокольчиками, продолжали идти вперед, не сворачивая в сторону.

После целого часа непрерывного движения все еще было темно. Деревья стояли темные, таинственные и ушедшие в себя. Дорога стала мощеной, но более узкой; любая шедшая навстречу повозка означала еще большую пыль, более сильный звон колокольчиков и еще большее количество повозок, идущих сзади. Мы двигались прямо на восток; вскоре начался рассвет, мглистый, мягкий и лишенный теней. Это не был прозрачный рассвет с яркими сверкающими каплями росы, но один из тех утренников, которые предвещают наступающую жару. И, однако, как он был прекрасен! Далеко отсюда были горы, их еще нельзя было видеть, но уже чувствовалось, что они там, великие, холодные, свободные от оков времени.

Дорога миновала разнообразные деревни; одни из них — чистые, правильно расположенные, в хорошем состоянии; другие — грязные, полные нищеты и деградации. Мужчины направлялись к полям, женщины к колодцам, а дети кричали и смеялись на улицах. На несколько миль простирались государственные фермы; там были тракторы, пруды, где разводили рыбу, и опытные сельскохозяйственные школы. Мимо нас прошла новая машина с мощным двигателем, в ней сидели богатые, упитанные люди. Горы были еще далеко, и земля была щедрой. В нескольких метрах дорога пересекала высохшее русло реки, автобусы и повозки проделали там колею. Зеленые и красные попугаи перекликались друг с другом во время своего хаотичного полета; пролетали и более мелкие птицы, золотистые и зеленые, а также белоснежные птицы рисовых полей.

Но вот дорога вышла из равнины, и начался подъем. Бульдозеры расчищали густые заросли у подножья горы, а вместо них на целые мили сажали фруктовые деревья. Машина продолжала подниматься; холмы сменились высотами, покрытыми каштановыми деревьями и соснами; сосны были стройные и прямые, а каштановые деревья были густо покрыты цветами. Теперь можно было увидеть бесконечные долины, простирающиеся вниз, а впереди снежные пики.

Наконец, сделав петлю, мы поднялись к самой вершине, и перед нами предстали горы, ясные и сверкающие. Они находились в шестидесяти милях отсюда; в промежутке лежала огромная синеющая долина. Горы тянулись почти на двести миль, заполняя горизонт от одного края до другого; поворачивая голову, мы могли обозревать их в оба конца. Это было нечто необыкновенное! Промежуток в шестьдесят миль, казалось, исчез, остались лишь эта мощь и уединение. Снежные пики, — а некоторые из них превышали двадцать пять тысяч футов, — имели имена богов, ибо здесь жили боги, и люди, совершая дальние паломничества, приходили сюда поклониться им и умереть.

Он рассказал, что получил образование за границей и в прошлом занимал высокий пост в правительстве. Но более двадцати лет назад он принял решение отказаться от мирских дел с тем, чтобы провести в медитации оставшиеся дни своей жизни.

«Я практиковал разные системы медитации, — продолжал он, — пока не приобрел полного контроля над мыслями; и это вызвало появление некоторых психических сил и господство над

собой; тем не менее, один из моих друзей привел меня на вашу беседу, на которой вы отвечали на вопрос о медитации. Вы говорили, что медитация в том виде, как ее обычно практикуют, есть одна из форм самогипноза, культивирование желаний, спроецированных нашим «я», как бы ни были они облагорожены. Сказанное вами поразило меня своей истинностью, и я решил с вами встретиться. Так как я всю свою жизнь посвятил медитации, то надеюсь, мы сможем рассмотреть вопрос достаточно глубоко.

Мне хотелось бы начать с короткого рассказа о том, каков был путь моего развития. Из всего прочитанного я уяснил, что необходимо быть полным хозяином своих мыслей. Для меня эта задача была чрезвычайно трудной. Сосредоточение в процессе работы по службе в корне отличается от приведения ума в состояние равновесия и от обуздания всего процесса мысли. Как указано в книгах, человек должен крепко держать в руках вожжи контролируемой мысли. Мысль не может приобрести остроту проникновения в многочисленные иллюзии до тех пор, пока она не будет находиться под контролем, под управлением. Вот в этом состояла моя первая задача».

— Позвольте спросить, если это не нарушит вашего изложения, разве контроль над мыслью — это первая задача?

«Я слышал о том, что вы говорили во время беседы по поводу сосредоточения. Но если позволите, мне хотелось бы сначала рассказать о своем опыте, а потом уже перейти к существенно важным вопросам, связанным с ним».

— Как вам будет угодно, сэр.

«С самого начала я чувствовал неудовлетворенность своей служебной деятельностью, и мне не было трудным оставить много обещающую карьеру. Я прочел большое количество книг по вопросам медитации и созерцания, включая писания многих мистиков, как восточных, так и западных; и мне казалось очевидным, что контроль над мыслью — это самое важное. Но для этого потребовались значительные усилия, постоянные и целенаправленные. По мере того, как я продвигался вперед в медитации, у меня появились многие переживания; были видения Кришны, Христа и некоторых индийских святых. Я стал ясновидящим и начал читать мысли людей; приобрел также и другие *сиддхи*, или психические силы. Я шел от одного переживания к другому, от одного видения с его символическим значением к другому, от отчаяния к наивысшей форме блаженства. У меня появилась гордость завоевателя, гордость человека, который стал господином самому себе. Аскетизм, власть над собой порождают чувство силы, а оно питает тщеславие, ощущение мощи, уверенность в себе. Я пребывал в полноте всего этого; и хотя я уже много лет слышал о вас, гордость от сознания своих достижений мешала мне прийти на ваши беседы. Однако мой друг, тоже саньяси, настойчиво требовал, чтобы я пришел. И вот то, что я услышал, вызвало во мне смятение. А я давно уже полагал, что нахожусь вне смятения! Такова вкратце история моей жизни в медитации.

Во время беседы вы сказали, что ум должен выйти за пределы всякого опыта, иначе он окажется в плену своих собственных проекций, собственных желаний и стремлений, и я был глубоко удивлен, когда обнаружил, что мой ум оказался пленником тех самых собственных проекций. Если этот факт осознан, то, как может ум разрушить стены тюрьмы, которыми он сам себя окружил? Не были ли растрочены впустую эти более чем двадцать лет? Не было ли все это просто блужданием в иллюзии?»

— Сейчас можно было бы обсудить вопрос о том, как действовать в данном случае, но давайте сначала рассмотрим, если вам угодно, вопрос о контроле над мыслью. Является ли этот контроль необходимым? Полезен он или вреден? Многие религиозные учителя настаивали на контроле над мыслью, считая его первой ступенью, но правы ли они? Кто осуществляет этот контроль? Не составляет ли он часть самой мысли, которую стремится контролировать? Он может думать о себе как об отдельной сущности, отличающейся от мысли, но разве он не

является порождением мысли? Несомненно, контроль предполагает принудительное воздействие воли с целью подчинения ума, подавления его, господства над ним, создания противодействия тому, что оказывается нежелательным. Весь данный процесс — это обширный и полный печали конфликт, не так ли? А разве может из конфликта получиться что-либо доброе?

Сосредоточение, концентрация в процессе медитации, есть форма эгоцентрического совершенствования, оно усиливает деятельность в пределах личности, эго, «я». Концентрация — это процесс сужения мысли. Возьмите ребенка, поглощенного своей игрушкой. Игрушка, изображение, символ, слово тормозят непрестанное блуждание ума, и вот эта поглощенность объектом называется концентрацией. Мы подчинили ум с помощью образа, с помощью внешнего или внутреннего объекта. Теперь образ или объект приобретает основное значение, но отнюдь не понимание самого ума. Концентрация на чем-либо — вещь сравнительно легкая. Игрушка поглощает ум, но такой ум не свободен, чтобы исследовать, раскрыть, существует ли нечто за его пределами.

«То, что вы говорите, так непохоже на все, что я читал и чему меня учили. Но это, по-видимому, верно, и я начинаю понимать, что в действительности означает контроль. Но каким образом ум может стать свободным, не прибегая к дисциплине?»

— Ни подавление, ни подчинение не ведут к свободе. Первый шаг по направлению к свободе — это понимание своей несвободы. Дисциплина формирует поведение и мысль, приводя их в соответствие с желаемым образцом, и если не понять желание, то контроль или дисциплина извратят мысль. Когда же пути желания осознаны, то это осознание приносит ясность и порядок. По сути дела, концентрация, сосредоточение — это путь желания. Деловой человек сосредоточен, ибо он стремится к богатству или власти. Когда кто-то сосредотачивается в процессе медитации, он также стремится к достижению, к награде. И тот, и другой жаждут успеха, с которым придет уверенность в себе и чувство безопасности. Ведь это так, не правда ли?

«Я слежу за вашими разъяснениями, сэр».

— Не думаете ли вы, сэр, что одно лишь словесное понимание, которое состоит в интеллектуальном улавливании того, что вы слышали, имеет большую ценность? Вы ведь так не считаете? Фактор, несущий освобождение, — это не просто словесное понимание, а постижение истинности или ложности предмета обсуждения. Если мы сможем понять смысл сосредоточения и увидеть ложное как ложное, то мы освобождаемся от желания достичь, пережить, стать чем-то. Из этого понимания рождается внимание, которое полностью отличается от сосредоточения. Сосредоточение подразумевает двойственный процесс, какой-то выбор, усилие, не так ли? В этом случае остается тот, кто создает усилие, остается цель, во имя которой это усилие совершается. Таким образом, сосредоточение усиливает «я», личность, эго как создателя усилий, как победителя, как носителя добродетелей. Но внимание лишено этой двойственности; отсутствует переживающий, тот, кто собирает, накапливает и повторяет. В состоянии внимания конфликт достижения и страх потерпеть неудачу не существуют.

«Но, к несчастью, не всем выпало благословение иметь эту силу внимания».

— Внимание — не дар, не награда; его нельзя приобрести с помощью дисциплины, практики и прочего. Оно приходит, когда имеется понимание путей желания, а это и есть самопознание. Это состояние внимания есть добро, в нем отсутствует «я».

«Не оказываются ли все мои усилия и дисциплина многих лет совершенно напрасными и не имеющими никакого значения? Даже сейчас, задавая этот вопрос, я начинаю понимать истину проблемы. Я вижу теперь, что в течение более двадцати лет я шел по пути, который с неизбежностью вел к созданной личностью темнице; и в этой темнице я жил, переживал,

страдал. Плакать прошлое — значит потворствовать себе; надо начать сначала и совершенно по-новому. Но что вы скажете по поводу видений и переживаний? Являются ли и они ложными, не имеющими ценности?»

— Сэр, не является ли ум обширным хранилищем всех переживаний человека, видений и мыслей? Ум — это результат тысячелетних традиций и опыта. Он обладает способностью к фантастическим изобретениям, от самого простого до самого сложного. Он способен к чудовищным заблуждениям и широким постижениям. Переживания и надежды, тревоги, радости, накопленные знания, коллективное и индивидуальное — все это пребывает здесь, отложенное в более глубоких слоях сознания; поэтому человек может вновь пережить видения, случаи и так далее, унаследованные из прошлого или полученные недавно. Существуют наркотики, которые могут создать ясность ума, вызвать видения того, что находится в его глубине и на его высотах. Они могут освободить ум от тревог, придать ему огромную энергию и прозорливость. Но должен ли ум проходить через все эти темные и скрытые области, чтобы прийти к свету? И если с помощью какого-либо из этих средств он придет к свету, будет ли это свет, исходящий из вечного? Не окажется ли он светом, идущим от известного, от познанного, не будет ли он рожден в результате поисков, борьбы, надежд на будущее? Надо ли проходить через этот утомительный процесс для того, чтобы найти неизмеримое? Нельзя ли пройти мимо всего этого и прямо подойти к тому, что можно назвать любовью? Так как у вас были видения, психические силы и переживания, то что вы сами скажете о них, сэр?

«До тех пор пока они продолжались, я думал, вполне естественно, что они имеют большую важность и значение; они создавали чувство силы и удовлетворения, а также счастье, которое доставляют достижения. Когда появляются разные психические силы, они создают огромную уверенность в себе, чувство господства над собой, в котором таится потрясающая гордость. Теперь, после обсуждения проблемы, я совсем не уверен в том, что все эти видения и прочее имеют для меня такое же большое значение, как раньше. В свете моего собственного понимания они, по-видимому, отошли назад».

— Надо ли проходить через все эти переживания? Разве они необходимы, чтобы открыть дверь к вечному? Разве нельзя пройти мимо них? В конце концов, самым существенным является познание себя, которое создает тишину ума. Безмолвный ум не является продуктом воли, дисциплины, разного рода практики, имеющей целью покорить желание. Все эти виды практики и дисциплины лишь усиливают «я», а добродетель превращается в скалу, на которой наша личность возводит здание своей собственной значимости и респектабельности. Ум должен быть свободен от известного, и тогда проявляется непознаваемое. Без понимания путей «я» добродетель становится фактором возвышения личности, делает ее важной. Движение «я», его воля и желание, его искание и накопление полностью должны прекратиться. Только тогда может прийти вечное, его нельзя призвать. Ум, который стремится призвать реальное с помощью всякого рода практики, дисциплины, молитвы и позы, может получать только свои собственные, удовлетворяющие его проекции; но все это не есть реальное.

«Теперь, после многих лет аскетизма, дисциплины и самоумерщвления, я вижу, что мой ум пребывает в тюрьме, созданной им самим, и что стены этой тюрьмы должны быть разрушены. Каким образом приступить к этому?»

— Достаточно просто понять, что их не должно быть. Всякое действие, предпринятое с целью их разрушить, приводит в движение желание достичь, получить, а отсюда рождается конфликт противоположностей, появляется испытывающий и его переживание, ищущий и то, что он ищет. Видеть ложное как ложное — этого достаточно, ибо само это постижение освобождает ум от ложного.

СУЩЕСТВУЕТ ЛИ ГЛУБОКОЕ МЫШЛЕНИЕ?

Далеко за пальмами было море, беспокойное и жестокое; оно никогда не было тихим, но всегда бурным, с волнами и сильными течениями. В полной тишине его рев можно было услышать на далеком расстоянии от берега; в его глухом рокоте слышались предостережения и угрозы. Но здесь, среди пальм, были глубокие тени, и пребывала тишина. Была полная луна и почти так же светло, как днем, но без жары и зноя; а свет, падавший на покачивающиеся пальмы, был нежен и прекрасен. Красота шла не только от лунного света на пальмах, но также и от теней, от круглых стволов, от сверкающих вод и щедрой земли. Земля, небо, шагающий путник, квакающие лягушки, дальние свистки поезда — все это составляло одно целое, которое нельзя измерить умом.

Ум — удивительный инструмент; нет ни одной машины, созданной рукой человека, которая была бы настолько тонкой и сложной, обладала бы такими неограниченными возможностями. Мы осознаем только поверхностные слои ума, — если вообще их осознаем, — и удовлетворяемся тем, что живем и пребываем на его внешней поверхности. Мы считаем мышление деятельностью ума: например, мышление генерала, который планирует всеобщее уничтожение, мышление хитроумного политического деятеля, эрудированного профессора или плотника. Но бывает ли мышление глубоким? Не является ли любой вид мышления поверхностной деятельностью ума? Глубок ли ум, когда он мыслит? Может ли ум, который составлен, который является результатом времени, памяти, опыта, — осознать то, что находится за его пределами? Ум всегда жаждет, ищет нечто, пребывающее вне сферы его деятельности, сконцентрированной вокруг центра, «я». Но центр, из которого он производит поиски, всегда остается тем же самым.

Ум — это не просто внешняя, поверхностная деятельность, в нем — скрытое движение многих столетий. Эти воздействия модифицируют и контролируют внешнюю деятельность ума, так что в нем развивается собственный конфликт двойственности. Не существует полного, целостного ума, он раздроблен на множество частей, каждая из которых находится в противоречии с остальными. Стремление ума интегрировать, координировать свою деятельность наталкивается на антагонизм среди большого числа отдельных его частей. Ум, составленный мыслью, знанием, опытом как целое, по-прежнему остается продуктом времени и скорби; собранный воедино, он по-прежнему остается результатом обстоятельств.

Мы неверно подходим к этой проблеме интеграции. Часть никогда не может стать целым. Целое никогда нельзя осуществить, идя от части, но мы этого не понимаем. То, что мы видим, — это расширяющееся частное, стремящееся вобрать в себя множество частей; но собиранье вместе многих частей не становится интеграцией, и даже гармония, устанавливаемая между различными частями, не имеет серьезного значения. И гармония, и интеграция ума, которые стремятся создать человеческая забота, внимание и правильное образование, некоторое значение, конечно, имеют, но это далеко не то, что необходимо. Высочайшую важность имеет другое, а именно, — дать возможность проявиться неведомому.

Известное никогда не может получить неведомое. Ум неустанно старается жить счастливо в мутной воде созданной им самим целостности, но это не приводит к творческому проявлению неведомого.

Самосовершенствование — это, в сущности, проявление посредственности. Самосовершенствование с помощью добродетели, благодаря отождествлению себя с умственными способностями, с помощью той или иной, позитивной или негативной формы защищенности, — все это замкнутый в себе процесс, каким бы широким он ни казался.

Честолюбие питает посредственность, так как честолюбие — это путь осуществления «я» через действие, с помощью группы, благодаря идее. «Я» — это центр всего того, что известно; «я» — это прошлое, которое движется через настоящее к будущему; а всякая деятельность в поле известного создает поверхностность ума. Ум никогда не может быть великим, так как то, что действительно является великим, — неизмеримо. Известное — сравнимо, но всякая его деятельность несет лишь скорбь.

Лежавшая далеко внизу долина была полна деятельности, свойственной большинству долин. Солнце начинало садиться за дальними горами, а тени становились темными и длинными. Был тихий вечер, с моря дул ветер. Апельсиновые деревья ряд за рядом стояли почти черными. Вдоль длинной прямой дороги, которая тянулась через долину, то здесь, то там вспыхивали огоньки, когда проезжавшие машины попадали в лучи заходящего солнца. Это был вечер, полный очарования и глубокого мира,

Казалось, что ум охватывает огромное пространство и бесконечные расстояния или, скорее, что ум безгранично расширился, а позади и вне ума пребывает нечто, содержащее в себе все. Ум смутно пытался осознать и запомнить то, что не исходило от него самого, и прекратил свою обычную деятельность; он не мог ухватить то, что было вне его природы. Теперь все, включая и ум, было погружено в это необъятное. Вечер становился темным; отдаленный лай собак несколько не нарушал того, что пребывает вне сознания. О нем нельзя мыслить, и, следовательно, его нельзя переживать умом.

Но что же в этом случае воспринимает и осознает это нечто, совершенно отличное от проекций ума? Кто его переживает? Несомненно, это не ум повседневных воспоминаний, ответов и стремлений. Может быть, существует другой ум? Может быть, имеется частица ума, которая дремлет, пока не будет пробуждена тем, что находится над умом и вне его? Если это так, тогда внутри ума всегда существует то, что вне мысли и вне времени. Но это невозможно; это лишь спекуляция мысли, одна из многочисленных выдумок ума.

Так как это необъятное не родилось в процессе деятельности ума, то что же такое его осознает? Осознает ли его ум в роли того, кто переживает, или же необъятное осознает себя само, поскольку того, кто переживает, вообще не существует? В то же время, когда необъятное спустилось с гор, не было переживающего; тем не менее, осознание ума полностью отличалось по характеру и, по интенсивности от того, что неизмеримо. Ум не функционировал; он был бдителен и пассивен. Хотя он сознавал присутствие ветра, игравшего листвою, внутри него не было совсем никакого движения, в какой бы то ни было форме. Не было наблюдающего, который мог бы измерить то, что он наблюдал. Было лишь то; и это то осознавало себя без каких-либо измерений. Оно не имело начала, не имело слов.

Ум осознает, что с помощью переживания или слова он не в состоянии уловить то, что всегда надежно, вечно и неизмеримо.